

ПОЭТЫ
1880-1890-х
ГОДОВ

ПОЭТЫ
1880-1890-х ГОДОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭЗИА

Советский
издатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

П О Э Т Ы 1880-1890-х ГОДОВ

*Вступительная статья
и общая редакция Г. А. Бялого*

*Составление, подготовка текста,
биографические справки и примечания
Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой*

Настоящий сборник объединяет ряд малоизученных поэтических имен конца XIX века. В их числе: А. Голенищев-Кутузов, С. Андреевский, Д. Цертелев, К. Льдов, М. Лохвицкая, Н. Минский, Д. Шестаков, А. Коринфский, П. Бутурлин, А. Будищев и др. Их произведения не собирались воедино и не входили в отдельные книги Большой серии. Между тем без творчества этих писателей невозможно представить один из наиболее сложных периодов в истории русской поэзии.

Вступительная статья к сборнику и биографические справки, предпосланные подборкам произведений каждого поэта, дают широкое представление о литературных течениях последней трети XIX века и о разнообразных литературных судьбах русских поэтов того времени.

ПОЭТЫ 1880—1890-х ГОДОВ

В конце XIX века в России появилось много новых поэтов, быстро завоевавших себе широкую известность. Первоклассных талантов среди них было немного, но читающая публика тем не менее с живейшим интересом встречала каждое новое дарование, так или иначе отвечавшее духу времени. О размере всеобщего увлечения поэзией свидетельствует хотя бы громадная популярность С. Я. Надсона. Отметив эту характерную черту времени, известный критик А. М. Скабичевский с раздражением говорил об «особенной стихомании», выразившейся в появлении «несметной массы молодых поэтов, выступающих на суд публики с изданиями своих более или менее скромных сочинений», причем «никакие издания не продавались так ходко и быстро, как стихотворные сборники любимых поэтов».¹

Эта «стихомания» возникла, разумеется, не случайно. Революционный подъем середины 70-х годов, сменившийся глубокой реакцией, чувство разочарования после спада революционной волны, новые идейно-общественные искания, подчас смутные, неоформленные, — все это порождало потребность в поэтических призывах, в лирических размышлениях, исповедах, в таких отражениях внутреннего мира современника, которые не укладывались в строгие рамки прозаического слова.

В это время возобновили свою деятельность давно, казалось бы, умолкшие поэты, как К. К. Случевский и А. Н. Апухтин; А. А. Фет начал публиковать выпуск за выпуском свои замечательные «Вечерние огни». В условиях общественной реакции возродилось влияние «чистой поэзии», появились новые приверженцы этой школы, и среди

---

¹ А. М. Скабичевский, История новейшей русской литературы, СПб., 1891, с. 513.

них — поэты, начавшие свою деятельность в русле гражданского направления. К тому же у иных гражданских поэтов общественная тема звучала приглушенно, мужественные мотивы некрасовской поэзии сменились унылыми сетованиями на судьбу и собственное бессилие в духе лирики Надсона.

Усиление тенденций, враждебных гражданскому искусству, вызвало порою горькие чувства у его защитников и сторонников. Поэт-народоволец П. Ф. Якубович, например, писал в 1896 году: «Дух запустения царит над современной русской литературой — вот мнение, ставшее избитым местом; и если оно справедливо, то, конечно, прежде всего по отношению к стихотворной поэзии». Он относил эти суровые слова прежде всего к «молодой школе» поэтов, отошедших от «высоких идеалов грядущего, идеалов любви и братства на земле». «Эта последняя категория, — говорил он, — бесчисленна, как песок морской. Не проходит дня без вновь появляющегося сборника стихов». Нечего и говорить, что убежденного борца за высокие общественно-этические идеалы в искусстве вовсе не радовал такой «ливень поэзии». ¹

1

И все же старая благородная традиция тенденциозной гражданской поэзии не заглохла и в эту пору. ²

Продолжали писать «старики», вошедшие в литературу в прежнюю эпоху; звучала в те годы «поэзия труда и горя» крестьянского поэта Спиридона Дрожжина, не забывал своего прошедшего и бывший петрашевец Плещеев. «Прошлого тени встают предо мною», — писал он в стихотворении «Ночью» (1874) и, с любовью приближая к себе эти тени, обращался к ним за ободрением и поддержкой:

---

¹ Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич), Очерки русской поэзии, СПб., 1904, с. 281, 285.

² Подробнее см. об этом в статье Б. Л. Бессонова «Демократическая поэзия 1870—1880-х годов» — в книге «Поэты-демократы 1870—1880-х годов» («Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1968). В этом сборнике представлен около двадцати поэтов, среди них — П. Лавров, С. Синегуб, Н. Морозов, В. Фигнер, В. Тан-Богораз, Г. Мачтет, Л. Пальмин, А. Яхонтов. См. также в Большой серии «Библиотеки поэта» сборники «Революционная поэзия (1890—1917)» (1954), «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» (1959) и отдельные издания П. Ф. Якубовича (1960), С. Я. Надсона (1962), А. М. Жемчужникова (1963) и др.

Где-то теперь вы? О, пусть ваше слово
Нам прозвучит в эту темную ночь...
Пусть оно силу на подвиг суровый
Даст нам, готовым в борьбе изнемочь.

Вспоминая отошедших борцов, Плещеев с радостью видел и новые силы освободительного движения. Он умел услышать «из юных уст восторженное слово... зовущее на бой», и тогда в нем воскресали «грезы юности» («Расстался я с обманчивыми снами...», 1877). Такие стихи старого поэта были как нельзя более современны в условиях 70—80-х годов.

Говоря о старых деятелях гражданской поэзии, с честью работавших в новую пору, историки нашей литературы часто забывают почему-то А. М. Жемчужникова,¹ а между тем на протяжении 70—90-х годов он был заметной и очень импозантной фигурой среди литераторов, хранивших лучшие заветы старой школы.

В пору реакции и даже шире — в пореформенную пору — Жемчужников преследовал своей враждой, в которой видел выражение вражды народной, мракобесов разных мастей, вдохновителей антинародной политики из правительственной клики, «литераторов-гасильников» вроде Каткова, бесполезную и безличную бюрократическую камарилью, заседавшую в Сенате и прочих «священных трибуналах» Российской империи. В остроумных и едких стихах старого певца «гражданской чести» громко звучало «к трусам и к рабам великодушное презренье» («Конь Калигулы», 1892).

О роли поэта в 80-х годах П. Ф. Якубович писал: «Престарелый уже Жемчужников нашел, что в эту именно глухую пору его скромная, но идейная муза должна выступить с гневным словом укора и протеста. И всем еще памятен ряд его стихотворений «гражданского» характера, появившихся в конце 80-х — начале 90-х годов...»² В конце статьи, из которой взяты эти строки, Якубович приводит «Завещание» Жемчужникова, его стихи о новом поэте, который примет от него «не знавшее побед, но незапятнанное знамя».

---

¹ Творчество А. М. Жемчужникова и некоторых других поэтов этого времени, не вошедших в состав настоящего сборника, подробно охарактеризовано во вступительных статьях к другим томам Большой серии «Библиотеки поэта»: А. Н. Апухтин, Стихотворения (1961), А. М. Жемчужников, Избранные произведения (1963), К. К. Случевский, Стихотворения (1962) и др., а также в статье Г. А. Бялого «Поэты 1880—1890-х годов» — в кн.: «Поэты 1880—1890-х годов» (Малая серия, 1964).

² «Русское богатство», 1908, № 5, с. 172.

Переключка гражданских поэтов двух поколений имеет исторический смысл. Поэты-демократы 1870—1890-х годов, поэты народного и околонароднического круга приняли «незапятнанное знамя» Рылеева, Огарева, Некрасова, Михайлова, Плещеева и — Жемчужникова, одного из «знаменосцев», хотя и не самого сильного и, конечно, не самого последовательного.

К таким «знаменосцам» старшего поколения может быть отнесен и Дмитрий Лаврентьевич Михаловский; он был, впрочем, более известен как переводчик, но и оригинальные его стихи появлялись начиная с 50-х годов в «Современнике», затем в «Отечественных записках» и других журналах демократического направления. В 80—90-х годах в стихах Михаловского всегда звучали настроения бодрости и призывы противостоять тлетворным влияниям реакционных сил. Поэт чувствовал тяжесть эпохи безвременья, понимал законность и естественность пессимистических мотивов в современной ему поэзии. В стихотворении «Кошмар» он сам воскликнул:

О тоска, беспощадный палач!
То твои похоронные звуки,
Твоя тьма, твоя бездна, твой плач,
Твои муки.

Однако не эти возгласы печали были характерны для Михаловского. Напротив, он спорил с поэтами, потерявшими веру в «подвиги святые». В большом диалоге «Поэт и Муза», вышедшем отдельным изданием в 1880 году, Муза разубеждает Поэта, попавшего под власть уныния и безверия. Поэт восклицает:

К чему? Напрасная борьба!
Кругом — всё ложь, и мрак, и беды, —
Не превратится стон раба
В клик торжествующей победы!

Муза разубеждает его:

Борись, хотя бы горе, беды
Тебе готовила судьба, —
И превратится в клик победы
Стон побежденного раба!

Таковы призывы Музы и самого автора стихотворного диалога, в финале которого Поэт склоняется перед доводами Музы и идет за ней.

Эти призывы и доводы становятся главным содержанием гражданской поэзии Михаловского, можно сказать — поэзии дидактической, потому что поэт в своих часто очень обширных «фантазиях», аллегориях и декларациях, иной раз наивных, но всегда искренних, учит, убеждает и ободряет упавших духом. В фантазии «Три могилы» бессильными оказываются богатство и воинская слава, но счастлив удел борца за правду, даже если его преследуют горькие разочарования:

Кто людей смело к правде ведет,
Тот не тщетно светильник свой носит,
Хоть не знает, кого увлечет,
В чью он душу луч света забросит.

Когда поэту задают вопрос, в чем его опора и где тайна его бодрости «среди напастей и скорбей», он без колебаний указывает на славные традиции борцов недавнего прошлого, чьи образы живут в его воспоминаниях:

Я знал людей добра и света,
И мысль о них меня живит,
Вот чем моя душа согрета,
Вот отчего мой взор горит!

(«Воспоминания»)

На склоне дней Михаловский уже не мечтает о подвигах и борьбе, его время миновало, но, подобно Жемчужникову, он с нетерпением ждет молодых и более счастливых преемников и торопит их приход:

О, пусть придут они, чтоб нам — на миг единый —
Взглянуть на их борьбу, на их победный след,
Чтоб солнце новое увидеть пред кончиной,
Сказать: «Оно идет!» — и — песнью лебединой —
Из тьмы приветствовать пылающий рассвет!

(На закате)

Характерно, что этим поэтическим завещанием Д. Михаловский закончил раздел оригинальных произведений в популярном двухтомнике своих поэтических работ.¹

Среди «молодых преемников» гражданской поэтической тради-

---

¹ «Иностранцы поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д. Л. Михаловского», т. 2, СПб., 1896, с. 275.

ции можно назвать О. Н. Чюмину, начавшую писать в конце 80-х годов. В одном из ранних стихотворений молодая поэтесса прославляет подвиги, страстное обличение зла, самоотверженную борьбу «за любимое кровное дело» («Я безумной слышу оттого, что мне кажется тесен...», 1889).

Пасть борцом на поле битвы —
Лишь избранныкам дано,
Им народные молитвы,
Им бессмертье суждено, —

писала Чюмина в другом стихотворении («Пасть борцом на поле битвы...»). Сборник ее произведений 1892—1897 годов декларативно открывался стихотворением «На страже», в котором звучал призыв не гасить светильников среди мрака реакции, в удушливых сумерках обывательщины и воскрешать «забытые восторги» и «прекрасные мечты» прежних лет.

Изменившуюся общественную обстановку в 90-х годах Чюмина чутко восприняла как «конец испытаний», как «блеск зари» («О, не смейся над песнью печали...», 1893), а в начале нового столетия, накануне первой революции предрассветные, предгрозовые мотивы ее поэзии становятся еще ярче, бодрее, оптимистичнее. Стихотворение «Лебединая песнь» (1904), посвященное памяти А. П. Чехова, кончается таким предсказанием:

Но вот алеют неба своды,
С зарей несутся облака,
И грянет гром, и хлынут воды:
Гроза весенняя близка.

Оригинальные произведения Чюминой в сборнике «Новые стихотворения 1898—1904» знаменательно заканчиваются стихотворным обращением «В. Г. Короленке. К дню юбилея» (1903), в котором поэтесса приветствует знаменитого прозаика как питомца «стаи славных», как хранителя заветов 60-х годов, и это время в ее глазах — «великая пора, богатая борцов отважных именами». Так возводит Чюмина гражданские мотивы новой литературы к традициям борцов-шестидесятников и прежде всего к традициям поэзии Некрасова. Явьсь эта поэзия теперь,

Какой грозой, живящей всходы,
Будя в душе восторг и гнев,
Пронесся б снова твой напев,
Как дуновение свободы, —

воскликает поэтесса в стихотворении «Музе мести и печали», посвященном к 25-летию смерти поэта.

Характерно, однако, что эти призывы к верности старым знаменам, эти мотивы обновления, борьбы и светлых предчувствий соединялись у Чюминой с эпигонскими переживаниями «песен печали» 80-х годов, с поэзией увядания, рассеянных иллюзий, напрасных ожиданий. «Отлетели мечты, потускнели блестящие краски» — так, совсем понадсоновски, сетует поэтесса в стихотворении 1889 года «Занималась заря...». Героиня «Осенних листов», стареющая женщина, верит в возможность воскрешения былой любви, но эта вера оказывается иллюзорной. И во многих произведениях Чюминой мы слышим подобные ноты.

«Воли нет, слабеют силы» — такими словами начинается одно из стихотворений Чюминой, но продолжается оно стихами совсем другой тональности: «Этот сон души мертвящий Бурей разгони И зажги во тьме царящей Превжные огни». Не всегда переход от пассивных и унылых сетований к мотивам надежды и бодрым призывам совершается в пределах одного стихотворения, но для поэзии Чюминой в целом такое соединение далеко не случайно. Оно вызвано было эпохой тяжких поражений, застоя, мертвой тишины, порождавшей настроения отчаяния, горечи, неверия и в то же время — порывы к освобождению, чувство протеста и ожидание грозы.

Эти же противоречивые черты мы видим даже у поэтов революционно-народнической школы. Гражданские поэты младшего поколения, связанные с революционным народничеством, — П. Якубович, С. Синегуб, Н. Морозов, Г. Мачтет — принимали наследие своих предшественников, они вели свою родословную от Некрасова и других непреклонных демократов. И в самом деле, в стихах народнических поэтов нередко звучали сильные и твердые ноты. Были в их поэзии и другие, условно говоря, «надсоновские» черты — раздвоенность, надломленность, скептицизм, сказывавшиеся в унынии, в бесильных жалобах, в колебаниях между жадной революционной борьбой и моралью любви и всепрощения.

Знаменательно, что даже П. Ф. Якубович, поэт-народоволец, активный революционер, поплатившийся за свою деятельность долгими годами каторги, отразил в своей лирике настроения, близкие и родственные надсоновским. Он писал о «больной душе», о том, что его стихи «создавались из слез и из крови сердечной» («Эти песни гирляндой роз...», 1883), о противоречии между героическими стремлениями и потребностью личного счастья («В час веселья и шумной забавы...», 1880); он признавался в том, что его душа «черной злобой устала дышать» («Успокоение», 1880). В одном из самых задум-

шевных своих стихотворений, «Забытый друг» (1886), имеющем яркое выраженный автобиографический характер, Якубович рассказывает о «холодных и горьких сомнениях», пережитых им за стенами тюрьмы. Муза спасает тоскующего поэта, дает ему пережить «блаженную ночь воскресенья» и более уже никогда не покидает его. Психологическая драма заканчивается, и финал ее близко напоминает коллизии надсоновской лирики:

С тех пор я уж не был покинут и сир.
И часто мы громы с небес призывали!
Но чаще... любовь призывали и мир,
И чаще врагов мы просали...

Один из лучших поэтов революционного подполья Сергей Синегуб в стихотворении «Монолог» патетически проклинает своих врагов за то, что они «убили в сердце чувство всепрощенья и отравили злобою любовь». Монолог заканчивается возгласом: «Отдайте сердце мне мое назад! Мне тяжело существовать для злобы!»

Однако этими мотивами революционная поэзия, разумеется, не исчерпывалась. В ней звучали революционные гимны и траурные марши, призывы к борьбе, эпитафии казненным, погибшим в казематах, замученным в острогах. Одно из таких стихотворений, «Замученный тяжкой неволей...», приписываемое Г. А. Мачтету, стало любимой песней нескольких революционных поколений и воспринималось как речь на могиле, как грозное напоминание врагам о неотвратимости возмездия. Приписываемая П. Л. Лаврову «Новая песня» («Отречемся от старого мира!..») была не только революционным стихотворением среди других подобных, а боевым оружием в борьбе против царизма. То же в значительной степени можно сказать и о стихотворении «Красное знамя» («Слезами залит мир безбрежный...»). Этот вольный перевод с польского, приписываемый В. Г. Тану-Богоразу, создан в конце 90-х годов и в годы трех революций был живым явлением русской политической жизни. Таких произведений было немало, и все они служат ярким примером прямого и непосредственного воздействия поэзии на жизнь.

Однажды, в 90-е годы, В. Г. Короленко поставил такой вопрос: есть поэтические произведения, которые живут века, и есть значительно менее долговечные; значит ли это, что первые во всех случаях «выше»? Ответ, считал Короленко, не так очевиден, как кажется: «И то и другое является живой силой. А живая сила измеряется массой, приведенной в движение — все равно в какое время». ¹ Если

---

¹ «В. Г. Короленко о литературе», М., 1957, с. 499.

применить это рассуждение к революционной поэзии 70—90-х годов, то станет очевидным, что огромная масса человеческих чувств, стремлений, страстей, которые она привела в движение, оставляет далеко позади воздействие многих прославленных шедевров. Кто читал и пел революционные песни и стихи, тот не предъявлял к ним обычных эстетических требований и не искал в них художественного совершенства, а подвергался непосредственному влиянию их «живой силы». Эта сила захватила даже такого тонкого поэта, как А. Блок, а ведь художественные недостатки стиха должны были Блока раздражать и отталкивать сильнее, чем рядового читателя. Однако именно Блок сказал о произведениях этого рода: «...Прескверные стихи, корнями вросшие в русское сердце; не вырвешь иначе, как с кровью...»¹

Конечно, не все гражданские поэты создавали стихи такой действительности и нравственной силы. Иные сочувствовали борцам и героям, восхищались их мужеством, но не находили в себе твердой веры и стойкости для того, чтобы идти рядом с ними. Они-то и тяготели к надсоновским мотивам и настроениям, которые были близки и понятны многим.

2

Характерна в этом смысле поэзия С. Г. Фруга, современника и поэтического последователя Надсона. Уже в первом поэтическом сборнике Фруга, вышедшем в 1885 году, звучали знакомые по Надсону мотивы страдания, терпенья и веры в неопределенное лучшее будущее. В стихотворении «Призыв» поэт рассказывает историю своей музы. Он призвал ее в детстве, когда его «душа еще не ведала страданий». Она явилась и велела ему любить и учить любви «живущих в этом мире». Потом, когда в душе поэта шевельнулись первые сомненья, муза приказала ему соединить любовь с верой. Затем, когда он «стал изнемогать под натиском врагов», муза велела ему учить людей страданию и терпению. Теперь поэт призывает свою музу просветить его, «каким путем идти». Это стихотворение звучит как поэтическая декларация «скорбных» поэтов 80-х годов.

Раздумывая над тем, «каким путем идти», герой Фруга меньше всего склонен выбирать пути непримиримости и непреклонности. Понятие борьбы не имеет у него боевого смысла, он страшится силы во всех видах. В стихотворении «Воле всевышней покорный — с рав-

---

¹ А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 6, М.—Л., 1962, с. 138. См. об этом также в статье Б. Бессонова «Демократическая поэзия 1870—1880-х годов». — В кн.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов», «Библиотека поэта» (Большая серия), с. 22.

нин Моавитских...» он повествует о том, как бог презрел моление Моисея и не дал ему вступить в обетованную землю — за то, что тот в свое время в гневе разбил скрижали, подняв руку на камень «немой, беззащитный». «Кроткое слово презрев, ты прибегнул к насилью!.. Нет, ты не вступишь в пределы страны заповедной!» Идеал поэта — мирный, по его представлению, против неправды и лжи можно бороться только обличениями. В этом смысл темы пророка, столь характерной для Фруга и других поэтов того же толка и направления. А пока царит насилие и ложь, надо будить мечту о торжестве правды, об освобождении от «вековых оков» и призывать к единению всех, кто «хоть малое свершил для правды и любви» («*Fata Morgana*»). Поэт часто вдохновлялся обличениями древних пророков, но их гневные слова и проклятья низводил в своей мирной и кроткой поэзии почти до уровня проповеди «малых дел», а в иных случаях и до апологии терпеливого, хотя и гордого смирения:

Горе было, горе будет,
Будут бури и ненастье...
Но и горе наше сладко:
В нашем горе — наше счастье...

(«Дедушкины сказки»)

Иногда герой Фруга отваживается роптать на бога «гнева и возмездья», который молчит, «жалая молний и громов», но сам признается в бессилии и слабости своих стремлений и в бесплодности своих порывов:

Я тщетно потрясал тяжелыми цепями,
Напрасно проклинал, напрасно я грозил —
Слепой орел с разбитыми крылами,
Ладья без весел и ветрил...

(«Памяти друга»)

Скорбь и рыдания, унылое разочарование, поруганные мечты и обманутые надежды, благородные помыслы и сознание бессилья, осуждение настоящего и поэтизация библейского прошлого, добрые мечтания, поэтические абстракции, рифмованные жалобы и рассуждения, прозрачные аллегории — таков устойчивый комплекс поэтических мотивов и средств этого, хотя и однообразного, но искреннего и популярного поэта надсоновской школы.

По преобладающему характеру мотивов и тем к той же надсоновской школе, к «скорбной» лирике 80—90-х годов примыкают не

пользовавшиеся шумной известностью Ф. А. Червинский, С. А. Сафонов и — отчасти — очень популярный в свое время Д. М. Ратгауз. Червинский — поэт сомнений, разочарований, упадка духа и в то же время предвосхищения перемен, тоски по новым, смелым людям с новыми мыслями и словами.

О, зажигай же свой факел, ты, утра лучистого гений!
Звонкою песней разлейся, в таинственный сумрак души
Влей молодую отвагу — и пламя тревожных сомнений,
Белую ночью рожденных, дыханьем своим потуши.

(«Белая ночь», 1890)

Автор хотел бы быть творцом этой новой, утренней и лучистой поэзии, но ясно осознает свое бессилие. Тем сильнее влекли его героические идеалы недавнего прошлого, те «забытые слова», к воскрешению которых звал современников в последние годы жизни Салтыков-Щедрин. В 1889 году после смерти сатирика появился фрагмент его незаконченной последней работы под этим названием. Там были такие тоскливые и жуткие строки: «Серое небо, серая даль, наполненная скитающимися серыми призраками. В сереющем окрест болоте кишат и клубятся серые гады; в сером воздухе беззвучно реют серые птицы; даже дорога словно серым пеплом усыпана. Сердце мучительно надрывается под гнетом загадочной неизмеримой тоски».¹ «Забытые слова» 40-х и 60-х годов (сатирик писал о них и в «Убежище Монрепо») должны были ожить для того, чтобы покончить с воцарившимся в родной стране удручающим безмолвием, отмеченным печатью гибели. Ф. Червинский в своих «Листках из дневника» (1892) вспоминает об этих «забытых словах» и ждет появления новых сил, которые должны прийти на смену «хилым скептикам» современности; к ним поэт с сердечным сокрушением относит и себя самого, но еще не видит тех, кто должен сменить ему подобных:

Где силы юные? Кто с верою живой
«Забытые слова» освободит из плена?
Напрасно ждет борцов пустынная арена...

В другом стихотворении из тех же «Листков из дневника» поэт говорит о народном бедствии 1891 года — тяжком голоде, постигшем Россию, и о том, как ничтожны поэтические распри между сто-

---

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. 16, М., 1937, с. 740.

ронниками «чистого» и гражданского искусства перед лицом великой беды. И песни, рожденные красотой, и скорь, рожденная «бесплотной мечтой», одинаково бессильны и бесплодны сейчас: «Иная скорь, иные нужны песни». Этих песен Червинский не создал, но сознание их необходимости звучало в его стихах и придавало особую окраску его скорбным мотивам.

Иными словами, более суровыми и мрачными, о том же писал и Сафонов. Он говорил в своих стихах о ночи, о смерти, о беспросветности и безнадежности. По-надсоновски мечтал он о поэте-пророке, хотя не верил в его появление и желчно восклицал о «поэте наших дней»:

Он не пророк, о нет! Напрасно от поэта
Доверчивая чернь ждала бы вещей слов:
Он так же духом нищ и так же жаждет света,
Как в немощной толпе последний из рабов.

(«Поэту наших дней»)

Он мечтал о появлении новых поэтов, сам хотел бы стать одним из них, чтобы создать много новых песен, «песен страстных, сумрачных и жгучих», и в одном из лучших своих стихотворений («Как вы мертвы, образы и звуки!..») красноречиво и сильно взывал о помощи к стихиям природы:

Дай мне ты, о ночь, твой мрак суровый!
Дай мне, смерть, твой поцелуй холодный!
Буря ночи — голос твой громовый,
Буйный ветер — твой полет свободный!

От Червинского, Сафонова и других родственных им поэтов Ратгауз отличается разве лишь большей расслабленностью настроения и явным тяготением к любовной теме, в разработку которой он вносил напевность и мелодичность, привлекавшую к его стихам внимание таких знаменитых композиторов, как Чайковский, Кюи, Рахманинов и другие. Все это создало ему шумную известность, значительно превосходившую скромные достоинства его стихов, а незаслуженная слава, приумножению которой предприимчивый поэт заботливо и успешно содействовал, вызвала у строгих ценителей ироническое отношение к его поэзии и его личности. Широкий же читатель находил в стихах популярного поэта знакомые мысли и чувства, привычные возгласы, недоумения и вопросы.

«Все мы — несчастные, все мы — заблудшие. . .» — так начинается одна из его стихотворных деклараций. Все грезы и стремления — это не больше, чем призраки, смысл жизненных явлений нам непо-

пятен, потому что «Мы — только атомы жизни случайные, Мира печального гостя минутные». Стихотворение «Мне жаль всего...» — развитие этой же темы. Поэт жалеет все сущее, потому что над жизнью тяготеет гнет и все обречены на неизбежное уничтожение. «И в сердце трепетном у нас И мрак, и скорбь, и ночь». Под стук часов мчатся годы и льются слезы, горе терзает людские сердца, и во всем этом не видно ни смысла, ни цели. «К чему вперед сквозь вечный мрак?.. Часы стучат: тик-так, тик-так» («Часы»). В иных стихах Ратгауза видно стремление обрести эту цель и найти этот смысл: «Освети мне даль! Озари мне путь! На грядущее дай хоть раз взглянуть» («Из песен отживших...»); или: «Тяжко нам и жутко бресть во тьме ночной, О, раскрой нам очи, хоть на миг раскрой!» («Вопль слепцов»). Среди этой скорби, этих неразрешенных и неразрешимых загадок, среди тоски и страданий единственная отрада человека — это любовь:

Любовь могучая свой факел нам зажжет,
Лучом затеплится средь холода ненастья,
И, позабыв на миг ярмо земных забот,
Мы жадно станем пить обманчивое счастье.

(«В зимний вечер»)

Любовное свидание, истомленное сердце, луна, таинственная даль, и — в финале — «Снова жизни волна Нам несет день тоски и печали» («В лунную ночь») — нечто подобное находили читатели Ратгауза и слушатели романсов, написанных на его слова, во многих и многих его произведениях.

Накануне первой революции и в революционном 1905 году у Ратгауза, как у многих других поэтов того времени, появляются бодрые ноты, призывы к борьбе и надежды на спасение погибающего мира, на победу весны и «любви без конца», которая должна совершиться «под святые аккорды задумчивых лир» («В эти дни», 1904). Эта сентиментальная лексика, эти призывы к «любви без конца», эти «святые аккорды» и эти «лиры» так мало отвечали духу происходивших событий, что вызывали иной раз комический эффект. Недаром В. Брюсов жестоко высмеял стихотворение Ратгауза «К чему?» (1905), призывавшее воюющие стороны во имя всеобщего братства «с тихим плачем» упасть друг другу в объятия.¹

---

¹ См.: В. Брюсов, Далекое и близкое. Статьи и заметки о русских поэтах, М., 1912, с. 185.

Настроения, близкие к надсоновским, появились, как ни странно, и в стихах сторонников «чистого искусства». У некоторых поэтов старшего поколения давние мотивы отчаяния и тоски, сетования на жизнь, не оправдывающую человеческих надежд, — словом, мотивы, характерные для «лишних людей» дореформенного периода, — незаметно перешли в пессимистические идеи и настроения, широкой волной распространившиеся в период реакции 80-х годов. Так, А. Н. Апухтин в 50-х годах начал писать о тоскливой поре осени, о скуке обыденного, об отсутствии страсти, об одиночестве, о бесплодном ожидании счастья, о привычной печали усталого и больного сердца. Подобные мотивы в поэзии А. Н. Апухтина, звучавшие в условиях конца 50-х — начала 60-х годов как некоторый анахронизм, неожиданно воскресли в 80-е годы. В контексте настроений новой эпохи были восприняты старые, давно забытые стихотворения Апухтина, включенные им в собрание сочинений 1886 года. К прежним стихам присоединились новые, в которых отразились пессимистические идеи, столь характерные для лирики 80-х годов. В стихотворении «Музе» (1883) эти идеи приобретают декларативный характер: голос поэта звучит одиноко в жизненной пустыне, «участья не найдет души изнывшей крик», люди отравили жизнь враждой и клеветой, сама смерть милостивее их.

В лирике Апухтина развертываются психологические антитезы жажды жизни и стремления к смерти, любви и разочарования в ней, веры и неверия — противоречия, хорошо известные по стихам младших современников Апухтина, прежде всего С. Я. Надсона и его подражателей.

Но вот примечательная черта: лирика сомнения, разочарования, тяжких дум у А. Н. Апухтина — в отличие от многих его современников, хотя бы от того же Надсона, — психологически мотивирована не условиями жизни людей его времени, не колоритом эпохи, не историческими обстоятельствами, а личными причинами, частной жизнью поэта или его героя, более или менее наделенного автобиографическими чертами. Скорбные настроения героев апухтинской поэзии, их тоска и отчаяние вызваны любовными неудачами, изменой друзей, пресыщением жизнью, злой судьбой, дурной наследственностью, тяжкими недугами, беспомощностью человека среди враждебных ему стихий — чем угодно, только не духом эпохи, не социальным злом, не «царством Ваала», как это было у его демократических современников. В подтексте жалоб и сетований Апухтина всегда чувствуется личная драма его героя. Иногда эта драма объективируется, герой

отделяется от автора резкой чертой, тогда получается стихотворный рассказ, иной раз выдержанный в эпистолярной или монологической форме («Из бумаг прокурора», «Сумасшедший» и др.), но сущность дела от этого не меняется.

Апухтин понимал свою несродность демократическому направлению в поэзии и противопоставлял себя ему — и в 60-х годах и позже. В 1861 году в стихотворном обращении к «современным витиям» он восклицал: «Я устал от ваших фраз бездушных, От дрожащих ненавистью слов!», а в 1877 году в послании «Л. Н. Толстому», видимо в связи с выходом «Анны Карениной», он вновь декларативно заявил о своей привязанности к писателям, воспевающим «вечную красоту», и о своей нелюбви к тем, «кто по земле ползет, шипя на все змею», и «видит сор один», то есть к отрицателям и обличителям. В своем отталкивании от писателей гражданской демократической школы он доходил даже до отрицания профессиональной писательской деятельности, рассчитанной на широкого читателя, он предпочитал писать для себя самого и немногих избранных и даже высказывал сожаление (быть может, демонстративное) о том, что его поэма «Год в монастыре» «осквернена» типографским станком. Ему нравилась поза аристократического дилетанта, и в шутовском подражании пушкинской «Моей родословной» он заканчивал свои строфы возгласом: «Я дилетант, я дилетант!» или «Что ж делать мне, я дилетант!», а в конце стихотворения поставил даже: «Я, слава богу, дилетант...»

Но, говоря так, Апухтин был явно несправедлив к себе: он был профессиональный поэт, со своим голосом, со своим поэтическим обликом, гораздо более интересным и значительным, чем та маска, которую он любил надевать на себя.

Жизнь не позволяла Апухтину уйти от ее тревог, она вторгалась в его стихи и порождала такие мотивы, которые далеко отходили от декларативных заявлений поэта. В стихах Апухтина 80-х годов, при всей суженности их содержания, видна все-таки искренняя неудовлетворенность современной жизнью. Пусть каждое отдельное стихотворение говорило лишь о личных мотивах тоски и разочарования, но слишком много человеческого горя отразилось в них, чтобы это могло быть порождено только личными обстоятельствами. Художественный мир писателя не существует сам по себе, он воспринимается в контексте литературного движения эпохи, и в этом контексте поэзия Апухтина приобрела смысл гораздо более широкий, чем думалось, быть может, самому поэту, и уж во всяком случае далеко выходила за узкие рамки камерного пессимизма.

К тому же поэтическому поколению, что и Апухтин, принадлежит К. К. Случевский, и в литературной судьбе у них много общего: оба печатались в начале пути в «Современнике», оба разошлись с демократическим лагерем, оба почти не участвовали в литературной жизни 60-х годов, оба возвратились в литературу в 70-х годах и приобрели популярность в следующее десятилетие. Наконец, оба считались сторонниками «чистого искусства», хотя по содержанию своего творчества не были ими вполне. К Случевскому это относится еще в большей степени, чем к Апухтину.

Современный Случевскому критик В. В. Чуйко так сказал о поэте: «Он своего рода желчный ритор и резонер». ¹ В одном из поздних стихотворений («Я видел Рим, Париж и Лондон...», 1897) Случевский обронил характерное признание: «Я никого не ненавидел. Но презирал — почти всегда», — и в этих словах схвачено нечто в высшей степени для Случевского существенное.

В самом деле, его поэзия — это не поэзия гнева и ненависти, хотя в ней бесспорно сильна сатирическая струя; его сатира вдохновлялась именно презрением, холодным и мефистофельски ядовитым. Недаром Мефистофель — один из любимых образов Случевского, один из главных героев его поэзии. Ему посвящен целый цикл («Мефистофель»), едва ли не важнейший в наследии Случевского. «Мефистофельская» позиция поэта сказалась и в его цикле «Из дневника одностороннего человека». Односторонним он назван потому, что видит в современном мире только плохое, вернее, гадкое, — не зло, а мерзость, не ужасное, но отвратительное.

Современный исследователь творчества Случевского справедливо отмечает: «Та критика окружающей действительности, которую мы встречаем в стихах Случевского, является, конечно, «критикой сверху». Она не мешала поэту писать так же, как это делали Майков и Фет, стихи на случай в монархическом духе... — стихи, лишенные поэтической ценности. Зато в тех случаях, когда поэт давал волю своему общественному негодованию, обличительной иронии, как в «Дневнике одностороннего человека», он достигал такой степени резкости, какой мы не найдем ни у кого из названных выше поэтов». ² Вот почему Случевский только очень условно может быть отнесен к поэтам школы «чистого искусства», его связь с ними более декларативная, чем фактическая.

---

¹ В. В. Чуйко, Современная русская поэзия в ее представителях, СПб., 1885, с. 145.

² Андрей Федоров, Поэтическое творчество К. К. Случевского. — К. К. Случевский, Стихотворения и поэмы, «Библиотека поэта» (Большая серия), 1962, с. 27.

В значительной степени то же самое можно сказать и о другом поэте, также причисляемом и причислявшем себя к этой школе, — об А. А. Голенищеве-Кутузове. Если говорить о декларациях, то у Голенищева-Кутузова можно найти много стихотворений на тему, весьма популярную среди сторонников «чистой поэзии»: «Не для житейского волненья, Не для корысти, не для битв...». Поэт часто отказывается от борьбы — ради всеобщего примирения, сострадания и милосердия. Вопли жертв терзают его слух, и он хотел бы, чтобы богачи и бедняки объединились в общем душевном порыве ради прекращения «всепожирющей войны» между людьми («Мольба», 1877). В другом стихотворении, «На шумном празднике весны» (1877), он также призывал к душевному спокойствию и тихой кротости:

Гляди на мир спокойным оком.
Бесстрастен будь, чтоб никогда
Уста не осквернить упреком
И душу — казнию стыда!

Итак, ни борьбы, ни тревог, ни страстей, ни даже укора и упрека, одно только беззлобие, покой и тихое созерцание — вот идеал поэта, стремящегося оберечь свой внутренний мир от грубых несовершенств жизни. Характерна в этом смысле пейзажная лирика Голенищева-Кутузова, обращенная внутрь души поэта, а не к объективному миру природы, отмеченная чертами условной красоты и поэтической декламации. В его широко известном стихотворении «Прошумели весенние воды...» (1884) перед нами не столько живые картины природы, сколько традиционные приметы условно-литературной «поэтичности»: воды и грозы, гиацинты и розы и т. п. да патетически умиленные возгласы, выражающие восхищение поэта им же самим сочиненной красотой:

Сердце полно живительной веры
В эти громы победной природы,
В эти песни о счастье без меры,
В эти зори любви и свободы!

Даже в стихотворении, которое носит такое, казалось бы, конкретное название «Родному лесу» (1885), — все тот же литературный пейзаж, без определенных внешних черт, без зрительных образов, без вкуса, цвета и запаха, — это даже не пейзаж в точном смысле,

а, если можно так сказать, пейзажный повод для лирико-психологической декламации на тему о вечном отдыхе и безмятежном покое:

Надо мной раскинешь ты свой полог,
Полог тот, как ночь, широк и чуден;
Я усну — и будет сон мой долог,
Будет долог, тих и непробуден!

Такие мотивы были в духе и вкусе «чистой поэзии». Впрочем, это только одна сторона дарования Голенищева-Кутузова, дарования скромного, но не лишённого своеобразия. При всем тяготении к чистой созерцательности и отрешенности от жизни, Голенищеву-Кутузову знакомы и совсем другие настроения и темы. Уже в раннем сборнике «Затишье и буря» (1878) помещено несколько стихотворений в духе рефлексивной поэзии, содержащих мотивы недовольства собою как раз за склонность к примирению и покою, за «нищету и бессилье» духа. В послании «К Н — у», в надрывной и несколько унылой исповеди, рядом с самообвинением звучит и надежда на возможность нравственного возрождения, на то, что, быть может, «недалек обновленья час». И эту нравственную перемену поэт понимает как конец самоуглубления, чуть ли не как разрыв с привычной средой, как возвращение к миру, к родине и простому народу:

От шумящих столиц далеко, далеко
Я уйду, строгой думой объятый,
В душу родины там загляну глубоко,
Заберусь в землянки и хаты.

При всей наивности выражения и душевной элементарности этого порыва, он характерен для Голенищева-Кутузова и не случаен в его поэзии. В том же сборнике, в стихотворении «Расскажи мне, ветер вольный. . .», этот ветер, несущийся от стран «не богатых, не свободных», поет и стонет про несчастных людей, «про их неволю, Про великие их скорби, Про неверную их долю».

Порою в стихах Голенищева-Кутузова отражаются порывы, правда бессильные и расслабленные, уйти от «суетных пиров» в родную глушь и там «страдать глубоко» «под шум и пение метелей и снегов» («Порой среди толпы ликующей и праздно. . .»). В этих стремлениях и в этом бессилии, в этом покаянии и этой жертвенности слышится нечто надсоновское, нечто от настроений демократической интеллигенции 70—80-х годов, с ее особым психологическим комплексом, напоминавшим умонастроение и самочувствие «лишних людей»

предшествующей поры. У Надсона и близких ему поэтов ощущение собственного бессилия соединялось с ожиданием «пророка», который должен прийти, научить и увлечь за собой на подвиг во имя справедливости и правды. То же видим мы и у Голенищева-Кутузова. В одном из его стихотворений безумная и алчная толпа пирует вокруг золотого тельца, а поэт, при виде этого тягостного зрелища, тоскует о новом пророке:

На праздник суетный и дикий
Гляжу безмолвно я сквозь слез
И жду, чтоб вновь пророк великий
Скрижали истины принес.

*(«Меж тем как вокруг
тельца золотого...»)*

Здесь все характерно для поэтической исповеди человека 70—80-х годов, потрясенного «царяющим злом», «царством Ваала», господством «золотого тельца»: и лексика, и образность, и аллегоризм, и, конечно, само настроение — «надсоновское» или, точнее, — «преднадсоновское», потому что, когда сборник Голенищева-Кутузова «За тишь и буря» вышел в свет, Надсон еще только начинался.

Такие мотивы возникали у Голенищева-Кутузова на всем протяжении его поэтической деятельности. Жалобы на жизнь, недовольство своим поколением, прозябающим «с тоской в душе и холодом в крови, Без юности, без веры животворной», недовольство своими сомнениями и усталость от них — таковы устойчивые темы Голенищева-Кутузова, роднящие его с настроениями поэтов гражданской школы 80-х годов. Унылая современность, тоскливая жизнь, безрадостное настоящее порождают в поэзии Голенищева-Кутузова видение иного, счастливого мира, без вражды и борьбы, такого мира, «Где отдых, и тень, и любовь, и привет, Каких на земле не бывало и нет» («Как странник под гневом палящих лучей...», 1887).

Эти мотивы большей частью носят у Голенищева-Кутузова отвлеченный характер, иной раз даже с мистическим налетом, реальные черты современной жизни только слегка просвечивают в его стихах сквозь беспредметные жалобы, но иногда недовольство судьбой обращивается у него (как и у Апухтина, например) против конкретных социальных условий современного общества. Тогда возникают такие произведения, как суровые и сильные стихи, положенные на музыку Мусоргским (вокальный цикл «Песни и пляски смерти»). У Голенищева-Кутузова эти стихи связаны с мистико-пессимистическими устремлениями за грань земной жизни, туда, где сияет «тихий свет иного бытия» «под солнцем вечного покоя и любви» («Прекрасен

жизни бред...», 1884). Но взятые вне этого контекста они получали иной смысл: в них чувствовалось неприятие не столько мира и жизни, сколько тяжких диссонансов социального строя. Этим-то они и были близки Мусоргскому, которого всегда влекла мрачная изнанка жизни; в его музыкальном истолковании стихи Голенищева-Кутузова приобрели почти народническое звучание. В особенности это относится к страшному рассказу о том, как во время злой снежной метели, в ночном мраке, в полном безлюдье, измученного «горем, тоской да нуждой» мужика «Смерть обнимает, ласкает, С пьяненьким пляшет вдвоем трепака, На ухо песнь напевает» («Трепак»).

Со стороны Голенищева-Кутузова все это была, однако, только невольная уступка духу времени, сам он мало ценил свои произведения, подобные «Трепаку». Он не хотел смешиваться с поэтами демократического направления и вообще с «защитниками свободы». Он призывал не верить всем, кто говорит «свобода не обман», и патетически взывал к читателям:

Нет, други, нет и нет! То лести звук пустой,
То праздных слов игра, то призрак лишь свободы!
Обманутые им, волнуются народы,
Мянутся вокруг него с надеждой и тоской...

*(«Мне часто говорят: свобода
не обман...»)*

Единственная свобода, которую он допускал, это была свобода слова, в защиту которой он поместил в 1884 году красивое и звучное стихотворение «Для битвы честной и суровой...». Там были такие патетические, сильные строки:

Да, — наложить на разум цепи
И слово может умертвить
Лишь тот, кто властен вихрю в степи
И грому в небе запретить!

Голенищев-Кутузов дорожил этим стихотворением и видел в нем свое исповедание веры. Когда в 1904 году он был назначен в комиссию Д. Ф. Кобеко для обсуждения вопросов печати, он напечатал открытое письмо, в котором напомнил эти свои старые стихи, что, впрочем, не помешало поэту занять в этой комиссии крайне правую позицию, вызвавшую возмущение не только со стороны председателя, но даже и епископа Антонина и самого Суворина. Либеральные настроения (хотя бы умеренные) были у Голенищева-Кутузова

очень шатки, а реакционные — очень устойчивы. Но логика общественной жизни сделала свое дело, и реакционные декларации Голенищева-Кутузова были скоро забыты, так же как и его стихотворные призывы к созерцанию и покою, выражавшие «буддийское настроение в поэзии» (термин Вл. Соловьева), а стихи, подобные «Трепаку», или даже такие, как «Для битвы честной и суровой...», запомнились и приобрели смысл более широкий и более радикальный, чем хотелось самому поэту.

Пессимистически-созерцательные мотивы, звучавшие в поэзии Голенищева-Кутузова, разумеется, не были только его личным достоянием; они широко распространились в лирике 80—90-х годов. Показательна в этом смысле поэзия С. А. Андреевского, в которой легкая меланхолия соединялась с легкими гражданственными настроениями. Это соединение, дававшее исход и недовольству настоящим, и чувству умиротворяющей пассивности, стало самым распространенным в поэтическом обиходе 80-х годов. В стихотворении С. Андреевского «Оглянись: эти ровные дни...» дана законченная формула такого направления. С одной стороны, поэт говорит о законности «уныния» в наше тягостное и бесцветное время:

Оглянись: эти ровные дни,
Это время, бесцветное с виду, —
Ведь тебя погребают они,
Над тобою поют панихиду!

С другой же стороны, поэт предостерегает от чрезмерного увлечения этим унынием и призывает не складывать рук:

Но в унынии себе не готовь
Ни веревки, ни яду, ни бритвы, —
Расточай благородную кровь
Под ударами жизненной битвы.

В этом его идейная программа, его поучение. Симпатии поэта не на стороне людей здравого смысла, стремящихся к личному благополучию, ему милее люди, которые умеют служить «своим мечтам» с жертвенным бескорыстием:

Нет ничего священнее для взора,
Как белые, сухие черепа
Работников, сошедших без укора, —
Молнись их памяти, толпа!

(«Пигмей»)

Здесь либерально-гражданские мотивы приобретают уже политический смысл и теряют черты расслабленности и уныния.

Зато в других стихах Андреевского (и их большинство) это «уныние» господствует и создает основной тон его поэзии. Поэт скорбит в своих печальных стихах о быстротечном времени, о безвозвратности ушедшего, он любит грустные афоризмы, как, например, такой:

Что смерть убьет — над тем могила
Отраду горести дает;
Что море жизни унесет,
То будто вовсе и не жило.

(«Я вспомнил детские года. . .»)

Он грустит, вспоминая милые тени отошедших, и говорит о своей грусти стихами, напоминающими давно ушедшие времена сентиментализма:

От милых строк, начертанных небрежно
Когда-то жившую рукой,
Незримый дух, безропотно и нежно,
Нам веет тихою тоской.

*(«От милых строк,
начертанных небрежно. . .»)*

Здесь все характерно для Андреевского: он поэт «тихой тоски», «безропотно и нежной» скорби, далекой от отчаяния, его «уныние» мечтательно, его поэзия воспоминаний и элегических сетований лишена бурных порывов и страстей. Он не боится при этом архаичности и иной раз пишет совсем в духе Жуковского:

Ты знаешь и молчишь, и нет в очах любви.
Ты шепчешь горестно: «Где спутники мои?
Иные — отцвели, иные — опочили;
Мы вместе знали жизнь, и вместе мы любили».

(«Май»)

Это звучит так, как будто не было Бодлера, которого Андреевский переводил; как будто не было Некрасова, которого он, в качестве критика, пронизательно и ярко оценивал; как будто не было Случевского, поэта меньшей величины, но так же далекого от сентиментально-романтической идиличности, как и его великие современники и предшественники. Архаичность Андреевского вряд ли может быть истолкована как случайность или причуда, — это был, видимо, принцип. Поэт уходил от современности, погружаясь в стилистику других эпох или в мир других поэтов, создавая своеобразные перепевы, как в поэме «Довольно», написанной на тему одноимен-

ного присзведения Тургенева. Не случайно, конечно, и то, что из тургеневского очерка были взяты только личные темы и оставлены в стороне как мотивы космического пессимизма, так и политические тирады, и сатирические обличения.

Поэма «Довольно» — это переложенный в стихи чужой текст, то есть самый яркий пример отраженной поэзии; в других случаях у Андреевского появляются откровенные перифразы, явно рассчитанные на соотнесение с оригиналом. Так, стихи Андреевского «В саду монастыря, цветущую как розу, Я видел в трауре Мадонну Долорозу» («Dolorosa») прямо намекали на стихи Пушкина «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду, На утренней заре я видел Нереиду». Такие и подобные стихи Андреевского задуманы были как отражение поэзии, а не действительной жизни. Эта жизнь с ее неправдой и злом, с ее грубой корыстью и грубой прозой была хорошо знакома Андреевскому-юристу, Андреевский-поэт допускал ее в свои стихи, только пропустив сквозь призму меланхолии и погрузив в сферу поэтических отражений. Как мы видели, Андреевский был не чужд мотивам гражданской скорби, но злоба дня в прямом виде была ему несродна. Поэма «Мрак», намекающая на пушкинскую «Чернь», построена как разговор Поэта с Духом воспоминаний; после сетований на людей (они — «плоды случайные земли»), на современное поколение, живущее «без божества, без вдохновенья» (эти стихи взяты эпиграфом к поэме), на жизнь, порождающую скорбь духа, Поэт произносит слова, звучащие как декларация:

И в час той скорби безутешной
(Тебе открою мой секрет)
В моей груди больной и грешной
О злобе дня — заботы нет!

Когда же повседневное и злободневное появляется все-таки в поэзии Андреевского, оно преображается в духе общих стремлений поэта. Так, в поэме «Обрученные» с подзаголовком «Из хроники происшествий» рассказывается об одном случае из жизни (быть может, подлинном) — о самоубийстве молодого человека. Потрясенный смертью своей юной возлюбленной, он ранит «лезвием стальным» «верх руки лилейной» у покойницы, потом этим же лезвием делает порез на своей руке — и умирает. Это происшествие настолько необычно и, в поэтическом освещении Андреевского, настолько романтично, что от злобы дня в нем почти ничего не остается. Оно важно поэту тем, что дает возможность вспомнить библейский афоризм «Сильна любовь, как смерть!» и закончить рассказ из хроники происшествий словами о вневременной сущности повседневной жизни:

И песнь смолкает у порога,
Где вековая тишина,
Где жизни мелкая волна
Опять впадает в лоно бога.

«Мелкая волна» бытовой жизни сама по себе не пользовалась большими правами в поэзии Андреевского, он наблюдал ее как бы с высоты верхнего этажа конки (см. «На крыше конного вагона...»), скользя по ней беглым взором, не углубляясь и не задерживаясь. В центре же его поэзии был внутренний мир современного человека, не знающего ни радости, ни отчаяния, но ощутившего в душе «холодный гнет и то страданье без забот, Что называется смиреньем Пред неизбежною судьбой...» («На утре дней»).

К сборнику своих стихотворений (1886) Андреевский избрал такой эпиграф из Эдгара По: «Красота есть единственная законная область поэзии; меланхолия есть законнейший поэтический тон». Этот эпиграф мог бы подойти к поэзии Поликсены Соловьевой, в стихах которой в 90-е годы и в начале нового века звучал тот же меланхолический тон. Герой ее поэзии, «измученный тяжелой борьбой», хотел бы «на незримых крылах» улететь «в край далеких и светлых видений».

Но боюсь, что и там, в той надзвездной стране,
Позабыв и печаль и страданья,
Я порою в блаженном, таинственном сне
Буду слышать земные рыданья.

*(«В те мгновенья, когда
перед злобой людской...»)*

Стихотворение это написано от лица мужчины, как и многие другие стихи Поликсены Соловьевой, что подчеркивало безличность и всеобщность их содержания и тона. Их героем был современный человек, одинокий, ни во что не верящий и заблудившийся в холодном мире: «В этих бледных снегах мне не видно пути, Я один и не знаю, куда мне идти» — в этом вся его исповедь («В этих бледных снегах...»). В поэзии Соловьевой люди всегда одиноки, «они все вместе — и одни», и даже тех, кто рядом, «жизнь разделяет, как стекло» («Люди»). В этом сонмище одиночек все замерло, и процесс жизни совершается, ничего не меняя. В неподвижном и равном себе мире «Счастья нет, есть только отраженье Неземного в темноте земной». Так начинается одно из стихотворений Соловьевой 1901 года, и в этом афоризме весь его смысл. В стихотворении того же года «Тайна смерти» тема расширяется: здесь звучит мысль о призрачности

самой смерти, ее тоже нет, есть «Проклятье, боль, уныние, забвенье, Разлука страшная, — но смерти нет». Эпитет «страшная» здесь только дань поэтической инерции: в художественном мире Поликсены Соловьевой ничему не радуются и ничего не страшатся. Триумфатор не может насладиться радостью победы: «Ему слышатся вопли и стон, Это стон побежденных врагов» («Победил он могучих врагов. . .»). Грешные души низвергнутых в ад не чувствуют ни страха, ни печали:

Чего же нам страшиться в этой мгле:
Все эти муки, всё мы испытали
Среди цветов, под солнцем на земле.

*(«Свершился Страшный суд,
и, взорами сверкая. . .»)*

Революционные события 1905 года только на миг всколыхнули этот мир. Поэтесса увидела в завихрившейся жизни своеобразную красоту, и красота показалась ей грозной, зловещей, но в то же время животворной. Поэтесса ощутила себя участником великого события и по-своему прославила его: она восприняла все совершающееся как нечто апокалипсическое, как черный бунт против солнца и огня, но ради их же утверждения, чтобы заново их увидеть сквозь бурю и тьму. Стихотворение, датированное 1905 годом и ему посвященное, начинается словами: «Мы пели солнцу в былые годы» — и кончается так:

Теперь поем мы во славу бури,
Венки сплетаем во славу тьмы:
За бурей ярче восторг лазури,
И дня без ночи не знаем мы.

В другом стихотворении того же бурного года поэтесса придает символический смысл пейзажу поздней осени:

Но что творится там, под ледяным налетом?
Не смерти ль это сон в холодно-мутной мгле?
Нет, терпеливо жди, за солнцеповоротом
Ждет воскресенье на земле.

*(«Еще вчера весь день
под окнами в канале. . .»)*

Когда буря стихла и «воскресенье на земле» не совершилось, Соловьева вернулась к своим прежним, исконным темам и настроением. В 1913 году она откликнулась на первые полеты авиаторов стихами, полными меланхолии и скептицизма:

Летите, несомые повою силой,
Лстите, свиваясь в крылатую нить,
Летите, летите, но жизни бескрылой
Холодным полетом вам к небу не взвить.

(«Полет»)

В этом недовольстве жизнью, ее бескрылостью и безличностью, ее мертвенностью, в этих пессимистических обвинениях против нее, в этой ссоре с жизнью был все-таки своеобразный знак связи с ней. Другое дело те сторонники «чистого искусства», которые наглухо отгородили себя от жизни и из этой отрешенности сделали свое знамя. Примером таких поэтов может служить К. Н. Льдов. В своих поэмах и стихах Льдов, впрочем, также отдал дань модным темам своего времени, но он последовательно лишал эти темы их злободневного смысла. Так, в 80-х годах он писал о самоубийствах в среде молодежи («Сосед», лирический рассказ; «Газетчик», будничная поэма), но в его изображении все это были бытовые случаи, не имевшие широкого значения, рассказаны они были, к тому же, с сентиментальными интонациями и примирительной моралью в таком, например, духе:

Пусть в жизни всё подчас так мрачно, так туманно,
Но сердце чувствует, что в мире разлита
Гармония любви, святая красота, —
И правды ищут взор и разум неустанно,
И, встретив на пути, приветствуют: «Осанна!»

(«Газетчик»)

Достоевский сказал однажды: «Через большое горнило сомнений моя осанна прошла». Поэты, подобные Льдову, возглашая свою осанну, не знали никаких сомнений. Даже строки из «Экклезиаста» о «суете сует» не нарушают спокойствия духа отрешенного от земных скорбей поэта. В отрывке «Экклезиаст» Льдов восклицает:

* Но что нам до того? . . Пускай века нам дали
Лишь проблеск радости, лишь веянье печали, —
Мы всеобъемлющим сознанием своим
В одно мгновение всю вечность обнимали. . .
Цари мгновения, мы все-таки царим! . .

Стремясь обнять «всю вечность», Льдов «обнимал» только временные настроения, характерные для периода возрождения «чистой поэзии» в 80—90-х годах.

После появления в «Северном вестнике» статей А. Л. Волынского, провозгласившего принципы «чистого идеализма», направленные против революционно-демократических традиций в литературе и критике, Льдов в этих статьях нашел свою идейную опору. В предисловии к сборнику «Лирические стихотворения» он прямо заявил об этом. «Некоторые из статей его (Волынского. — *Ред.*), — писал Льдов, — повлияли на мое мирозерцание и, несомненно, отразились на моем лирическом творчестве». Вслед за своим учителем Льдов говорит о «бесплодности утилитарных применений искусства», о конце некрасовского направления, господствовавшего в русской поэзии и вызывавшего всеобщее преклонение. «Но прошло всего двадцать лет, — пишет он, — и от преклонения этого не осталось следа. Такое же несоответствие между дарованием и оценкой публики обнаружилось на наших глазах, когда проникнутые «гражданской скорбью» стихи Надсона затмили своим успехом гениальные произведения нашей поэтической литературы». Задачу «истинного поэта» Льдов видит в отражении «идеальных целей», в ответе на «вековые запросы духа». «Внешние формы и краски» составляют для него «лишь средство воспринять с возможною полнотою полусознательные и бессознательные внушения мирового непостижимого начала».¹

Многие стихи Льдова представляют собою простые иллюстрации к этим его философским идеям и настроениям. Внешний мир почти совсем исчезает из поля его зрения, «внешние формы и краски» (говоря его словами) заменяются абстрактными понятиями и становятся поводом для размышлений и лирических деклараций в духе идеалистической философии. Стихотворение Льдова «Среди волнений мимолетных...» заканчивается так:

Какой напез, какие сказки,
Какие краски и черты
Передадут святые ласки
Невоплощенной красоты?

В стихотворении «Ребенком к прелести созвучий...» Льдов рассуждает (именно рассуждает!) о поэзии, о ее сущности и значении; в ее певучем языке он видит, конечно, не что иное, как «отголосок божества», а отсюда для него один только шаг к поэтическому умозаключению: «Не так ли скованная телом Душа бессмертная моя Парит свободно над пределом Земного бытия?» Истина является поэту легко и свободно даже в сонных видениях: «Мне в грезах истина сияет, И путь к создателю открыт, И кто-то разум вдохнов-

¹ К. Льдов, Лирические стихотворения, 1897, с. 10, 5, 6.

ляет, И кто-то сердцу говорит...» В этих мистических настроениях поэт находит источник бесконечного оптимизма, — даже видения смерти, посещающие его иногда ночью порой, не в состоянии нарушить его восторженного настроения: «Если так, то сбрось покровы: Очи страстные готовы К созерцанию красоты... Это ты!» («Ночь. Не сплю, томит забота...»). В мире для Льдова все гармонично и стройно, все управляется незримою рукою божества, вселенная движется по воле провидения, и звезды совершают от века намеченный богом полет.

Один человек в бесконечной тревоге
Возводит без усталости призрачный храм,
И вечно стремится к священным дарам —
И вечно стоит на пороге...

*(«Всё движется стройно:
плывут облака...», 1889)*

Между тем, по мысли Льдова, тревога человека и человечества напрасна; ни страдания, ни зло, ни грехи этого мира не должны никого смущать, как не смущают они автора, окончательно постигшего смысл мировой жизни: «чистое сознание Влечет мою мечту к престолу божества... И мнится, самый грех и самое страдание — Всего лишь грани вещества». Так в сознании поэта противоречивые явления нашего мира, «как грани без числа, В смешении добра и трепетного зла Сливаются в одно прозрачное сиянье» («Я не могу смотреть с улыбкою презренья...»).

Стихи Льдова пестрят словами: «божество», «святая истина», «невоплощенная красота», «алтарь», «непостижимое», — и в них создается для него весь внешний и внутренний мир. Даже в глазах своей возлюбленной экзальтированный поэт видит все те же вечные категории: «В заботах дни мои влача, Забыв для временного вечность, Я в них увидел два луча, Блеснувших в бесконечность» («Как я люблю в твоих глазах...»). Природа у Льдова иной раз антропоморфизируется, но он стремится в ней увидеть не человека вообще, а некоего мистика, погруженного в «напевы божества», в благоговейные молитвы, в мечты о мировой любви («Покорствуют сердца закону тяготенья...», 1888) и о «вековечном свете» («Отшельник», 1889).

И, мнится, небеса, созвездия и скалы
Мечтательно грустят и молятся, как я,
И грезят ландышей склоненные бокалы
О тайнах бытия...

*(«Не знаю почему, — недвижная
природа...», 1888)*

Такая поэзия, совпадавшая для Льдова с восторженным и, как он писал в цитированном выше предисловии, «если осмелюсь так выразиться, молитвенным настроением», и должна была, по его мысли, заменить утилитарную гражданскую поэзию, представители которой глядели на мир «исключительно телесными глазами, ища в картине содержания не таинственного, а наиболее понятного, наиболее близкого к заурядной действительности...». По поводу этих претензий Льдова П. Ф. Якубович заметил в рецензии на его сборник 1897 года «Лирические стихотворения»: «Льдов осмеливается утверждать, что прошли те времена, когда русское общество могла увлекать и трогать «муза мести и печали», эта «бледная, в крови, кнутом иссеченная муза», и что настал праздник для яснолюбых эстетов и декадентов. К счастью, этот праздник ему приснился, и русское общество не дождало до такого позора». ¹

Рядом с Льдовым может быть поставлен Д. Н. Цертелев. Как и Льдов, он был страстным поклонником Фета и сторонником «чистой поэзии» с философской окраской. Земной мир для него только отсвет мира духовного, смысл его непознаваем; человек, как и каждое живое существо, «есть только буква вечного Глагола, Минутный отблеск дня его» («Не думай тайну вечного творенья...»). Идеал поэта — мистическое созерцание миров иных, погружение во тьму nirваны, гской небытия («Когда б я мог порвать оковы тела...»). В лирике личной, интимной поэта влечет не любовное счастье (оно недостижимо), а тихая грусть прощанья. От былых желаний и надежд остается «одно только слово, И это печальное слово — прости!» («Мы долго шли рядом одною дорогой...»). Резиньяция, отказ от жизни действительной с ее бесплодной борьбой, минутными благами и минутными богами («Не сотвори себе кумира...»), порывания к вневременным, абсолютным ценностям — таков дух и тон поэзии Д. Н. Цертелева.

5

Как ни поверхностно было то идеалистически-философское направление, которое стремились придать своей поэзии К. Льдов и Д. Цертелев, самое это стремление было характерной чертой времени. Философский идеализм различных оттенков становится в это время особенно активным и стремится занять то место в общественном со-

---

¹ Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич), Очерки русской поэзии, СПб., 1904, с. 305.

знании, которое раньше принадлежало материализму Чернышевского и его последователей. Уже народнические мыслители, как известно, во многом отошли от Чернышевского, хотя и считали себя его сторонниками. Что же касается его противников, то они объявили открытый поход против Чернышевского и его школы. Так, упомянутый выше А. Л. Волынский прямо солидаризировался с оппонентом Чернышевского Юркевичем. На страницах «Северного вестника» Волынский выступал с пропагандой неокантианства, популяризируя в своих статьях аналогичные течения на Западе. Увлечению неокантианством отдал дань и близкий к народничеству В. В. Лесевич (в конце 80-х годов он перешел к эмпириокригизму Р. Авенариуса и стал первым в России популяризатором его учения). В этом идеалистическом течении едва ли не первое место принадлежало философу и поэту В. С. Соловьеву.

Свой поэтический идеал Владимир Соловьев видел в лирике Фета, которого он рассматривал как прямого наследника Пушкина. Однако сам Вл. Соловьев далеко не был последователем Фета: Фет был для него слишком конкретен и материален. В частности, в пейзажной лирике Вл. Соловьева внешний мир как бы дематериализуется. В природе, в «явном таинстве ее красоты» поэт стремится увидеть сочетание «земной души» с «неземным светом» («Земля-владычица! К тебе чело склонил я . . .», 1886).

В другом, более позднем стихотворении Вл. Соловьев восклицает:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От не зримого очами?

*(«Милый друг, иль ты
не видишь . . .», 1895)*

И это не было для него только декларацией, — он последовательно проводил этот принцип в своей поэзии. Реальная картина природы у Соловьева часто намечена двумя-тремя штрихами, как бы условными признаками, все остальное — мерцанье «неземного света». Так, в стихотворении «В Альпах», рисуя картину гор и моря, поэт ограничивается одним двуступнем и не стремится к разнообразию красок: для изображения внешнего мира ему достаточно одной краски («Синие горы кругом надвигаются, синее море вдали»). Бесконечно более важны для него не впечатления, даже не смутные настроения, навеваемые природой, а нечто такое, чему нет названия на языке образов или чувств. Какие бы картины реального мира ни входили в поэзию Соловьева, они находят себе место в какой-то особой сфере:

Близко, далёко, не здесь и не там,
В царстве мистических грез,
В мире, не видимом смертным очам,
В мире без смеха и слез. . .

*(«Близко, далёко,
не здесь и не там. . .»)*

Это относится не только к образам природы, но и к изображению внутреннего мира человека. Психологическая лирика Вл. Соловьёва так же лишена конкретности и так же наполнена мистическими идеями, как и лирика пейзажная. В стихотворении «Бедный друг! истомил тебя путь. . .» (1887) намечены контуры вполне реальной любовной драмы, но не на ней сосредоточено внимание поэта, а на философском итоге, замыкающем стихотворение:

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Все стихотворение, в сущности, и написано ради этого афоризма, он имеет самодовлеющее значение, предшествующие строки лишь слегка мотивируют его.

Очень часто житейские коллизии у Вл. Соловьёва исчезают вовсе, тогда возникает философская лирика в чистом виде, нередко появляются стихотворные рассуждения на религиозные темы. Таких стихов у Вл. Соловьёва много, и тема их одна: «среди суеты случайной, В потоке мутном жизненных тревог Владеешь ты всерадостною тайной: Бессильно зло, мы вечны; с нами бог» («Имману-Эль», 1892).

В поэзии Соловьёва нашли отражение и его излюбленные политические идеи, восходящие к славянофильской философии истории — в частности, к традиционно славянофильскому противопоставлению Востока и Запада. Некогда древняя Эллада победила «стада рабов» Ирана, а «царственный орел» Рима «силой разума и права» дал миру единство; так установилось политическое и идейное господство Запада, но все-таки — «свет с Востока», потому что душа вселенной тоскует о мире и любви. Россия должна будет внести в жизнь человечества это начало примирения, в этом ее историческая миссия. Стихотворение «Ex oriente lux» (1890), в котором развернута эта концепция, заканчивается таким возгласом:

О Русь! в предвиденьи высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

«Восток Ксеркса» — это, конечно, символ грубой силы и порабощения, говоря конкретно — самодержавный деспотизм. Вл. Соловьев отвергал его, не предполагая, разумеется, никаких революционных преобразований, но даже и очень умеренный либерализм его политических стихов привлекал к их автору сочувствие широкой публики, жадно ловившей всякое проявление политической оппозиционности, где бы и в чем бы оно ни выражалось. А у Вл. Соловьева политические мотивы и настроения появлялись нередко, они окрашивали иной раз даже его пейзажные стихи. В стихотворении «Сайма в бурю» (1894), например, пейзаж воспринимается как политическая аллегория. Озеро «плещет волной беспокойною», стремясь выбиться из гранитных оков, и это зрелище радует поэта.

В стремлении к свободе Вл. Соловьев видел что-то стихийное, первобытное, неистребимое. Пока существуют «гранитные оковы», до тех пор будут волнения, бури и спор с враждебными судьбами. Покой и мир в оковах счастья не приносит.

Однако не эти политические иносказания определяли общий тон и стиль его поэзии. Вл. Соловьев воспринимался прежде всего как автор лирико-философских этюдов, далеких от злобы дня, как утопченный поэт «мыслей без речи и чувств без названия». Поэзия Вл. Соловьева с ее подчеркнутой духовностью, отрешенностью от материального мира подготовила путь русским символистам, которые считали Соловьева своим предшественником и учителем.

6

Первые шаги русского модернизма как литературного направления связаны были и с идейным кризисом политической системы старого народничества. Отказ от революционной теории и практики выражался в переходе к либеральным утопиям и либеральному прожектерству у одних и в полном отчуждении от каких бы то ни было политических, гражданственных стремлений — у других. Подобно тому как публицисты «Недели», сторонники теории «малых дел», провозгласили разрыв со старыми демократическими традициями, политическим наследством 60-х годов, некоторые литераторы, когда-то близкие к демократическому литературному движению, уже в 80-х

годах демонстративно заявили о своем отказе от старых литературных традиций.

В 1884 году в киевской газете «Заря» появились статьи Н. М. Минского и И. И. Ясинского, представлявшие собою декларацию открытого разрыва с принципами «утилитаризма» и гражданственности. В конце 70-х — начале 80-х годов оба автора этих статей стояли на левом фланге литературного движения. И. Ясинский был постоянным сотрудником «Отечественных записок», где он помещал рассказы с ярко радикальной окраской. Н. Минский также начал свою деятельность гражданскими стихами, он сотрудничал к тому же в нелегальных народнических изданиях. Теперь оба писателя рассматривают свой прежний путь как идейную ошибку, оба отрицают «учительное» значение искусства, сводят роль его к эстетическому наслаждению — и в нем одном видят подлинное счастье человека. Критерием художественности Н. Минский объявляет одну только искренность, независимую от жизненной правды. Верность природе, с его точки зрения, не есть закон искусства. Поэт, рисуемый мир таким, как он ему кажется, создает новую действительность, новую природу, и в этом его преимущество перед ученым, который ничего не создает, а лишь открывает законы мира, существовавшие до него.

Отказ от гражданственности, от принципа художественной правды, апология художественного субъективизма — вот то новое, что появилось в середине 80-х годов у народнического поэта, а Минский был не просто близок к народничеству, он был связан с его революционным крылом. Он писал о народном горе, о «русской печали», стыдливой и робкой, и о народных слезах. «Нам эти слезы без числа Родная муза сберегла», — восклицал он в стихотворении «Наше горе» (1879). Он предсказывал неизбежность революции и в стихотворении «Пред зарею» (1878) с эпиграфом из пророка Исайи: «Приближается утро, но еще ночь», нарисовал аллегорическую картину гнетущего сна перед близким рассветом; радикальный смысл этих иносказаний был понятен всем. В большой драматической поэме «Последняя исповедь» (1879), напечатанной в «Народной воле», он показал осужденного на казнь революционера. Священник накануне казни говорит ему слова утешения и последнего напутствия, осужденный гордо отвергает лживые утешения религии. Но доброта священника трогает его, и он благодарит своего собеседника как человека, ненавидя как служителя ложного учения. В литературе 70—80-х годов вопрос о хороших людях на плохих местах, о служителях зла, не ведающих, что творят, волновал многих. Револю-

ционно настроенные люди в то время слишком часто сталкивались с сознательной злобой врагов, чтобы их могла не трогать бессознательная доброта представителей чуждого мира. Вспомним известный рассказ В. Г. Короленко «Чудная», в котором этой теме была придана особая острота. Человек из народа, по темноте своей ставший жандармом, проникается невольной симпатией к ссыльной девушке — в таком сюжете было нечто наталкивающее на важные мысли о взаимоотношениях революционеров 70-х годов с темными и отсталыми слоями народа, и это трогало и волновало. Выраженная у Минского более мелко, более ходульно и мелодраматично, эта тема захватывала сама по себе, и автору «Последней исповеди» охотно прощали явные несовершенства исполнения.

Другое дело его поэма «Белые ночи» (1879). В ней ясно видна характерная для Минского двойственность, явившаяся источником зигзагов, колебаний и поворотов, которыми изобилует его литературный путь. В «Белых ночах» мы слышим свободолюбивые призывы: «Пусть грохочет буря, пусть гроза бушует», и в то же время звучит отказ от этих смелых призывов. Оказывается, поэта пугает возможность народного бунта:

А кровь невинная. . . А мрачная свобода,
Что кровью добыта. . . А грозного народа
Горячей крови раз вкусившие мечи!

Скорбит душа моя. . . Прозрения, исхода!
Учитель, где ты, где? Приди и научи!

Характерны эти призывы к «учителю», это признание в собственном бессилии найти правильный путь. У одних это было формой перехода к активным настроениям, к мотивам борьбы, у других — оправданием отказа от них. Минский был в числе последних. В тех же «Белых ночах» поэт признается, что в его душе «все громче голос тайный рыдает и зовет» к любви и примирению, свое призвание поэт видит не в том, чтобы звать к борьбе, а в том, чтобы «разгонять грозу» в сердцах людей «любви могучим словом». Впрочем, противоположные настроения — борьбы и примирения — были почти равноправны в сознании Минского, в этой двойственности он видел едва ли не знак отличия поэта, и так было даже в пору самой яркой «революционности» Минского. В поэме «Гефсиманская ночь» (1884), где евангельская тема жертвенного страдания за правду внешне разрабатывается в духе и стиле радикально-народнической поэзии 80-х годов, Минский прославляет беззаветную жертвенность, клеймит

предательство, но в то же время он оправдывает тех, кому сомнения не дают силы нести свой крест, и прощает отступников. В прощениц он и видит форму примирения жизненных противоречий. Стихотворение «Прокаженный» (1885) открывается эпитафией из Платона: «...Бог, желая примирить столь враждебные противоположности, как скорбь и радость, срастил их вершины»; и рассказывается в нем о том, как несчастный прокаженный в одну счастливую ночь простил всех, кто мучил его от рождения, и в эту ночь прощенья изведаль величайшее счастье.

Вскоре, впрочем, Минский отошел от обеих своих тем — и от темы борьбы, и от темы примирения: обе они оказались для него слишком гражданственны. Его привлекла поза поэта, ушедшего в себя, в свое скорбное одиночество, разочарованного во всем и гордо возвышающегося над людьми, способными чего-то искать и к чему-то стремиться. Некогда он сам был таков, но теперь все переменялось:

Никого я не люблю,
Все мне чужды, чужд я всем,
Ни о ком я не скорблю
И не радуюсь ни с кем.

(«Никого я не люблю...»)

Герой поэмы «Дума» (1885) риторически спрашивает:

Любить людей — за что?
Любить слепцов, как я,
Случайных узников в случайном этом мире,
Попутчиков за цепью бытия,
Соперников на несправедливом пире. . .

В этом состоянии разуверившийся и печальный поэт отказывается от «высоких слов», которые произносил еще так недавно:

Но устал я лепетать
Звучный лепет детских дней.
Полночь бьет... Мне страшно спать.
А не спать еще страшней.

(«Ноктюрн», 1885)

И если он иной раз и ждет еще «пророческого слова» и взывает к «пророку любви» («Есть гимны звучные...», 1887), то это не мешает ему больше всего быть занятым собой, своей необычно-

венностью, своей способностью совмещать необъятные противоречия.

Мой демон страшен тем, что, правду отрицая,
Он высшей правды ждет страстней, чем серафим.
Мой демон страшен тем, что, душу искушая,
Уму он кажется святым.

(«Мой демон», 1885)

Эту погруженность в себя и даже проще — любовь к себе Минский объявил высшей нравственной ценностью в философском трактате «При свете совести» (1890). Главным двигателем человеческих поступков философствующий поэт считает эгоистическое самолюбие. «Безгранична, как небесные пространства, неизмерима, как вечность, сильна, как тяготение звезд, любовь каждого к самому себе» — таково основное положение Минского. Прежде всего любовь к себе проявляется в стремлении первенствовать над своим ближним; поэтому гармония человеческих интересов невозможна. Затаенное желание каждого человека, если бы оно было высказано им по совести, выразилось бы в таком монологе: «Я желаю стоять на возвышенном средоточии земли, чтобы все люди, склоненные, толпились кругом и славили меня, как единственный источник бытия и радости. . . Я желаю, чтобы мосму имени воздымалось и курилось столько алтарей, сколько на земле холмов и гор. . . Я желаю — если мне нельзя жить вечно, — чтобы в час моей смерти все люди добровольно решились бы перестать жить, чтобы они сожгли красивые здания, изорвали яркие ткани, закопали в землю драгоценности и, собравшись вокруг моей могилы, умерли бы от горя».

Такое настроение совершенно исключает какие бы то ни было общественные стремления. Минский прямо противопоставляет себя Некрасову и поэтам его школы. Некрасов писал некогда:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким идти?

Для Минского же оба пути равноценны. Выбор между ними существует только для «толпы», для мудреца любой путь — не больше чем игра. Оба пути одинаково благи и одинаково бесцельны: в конце концов оба приводят ко гробовой мгле.

Проклятье в том, что не дано
Единого пути.
Блаженство в том, что всё равно,
Каким путем идти.

(«Два пути»)

Дальнейшее развитие Минского показало, что ему действительно было «все равно, каким путем идти». Он выбирал свои пути в зависимости от господствующего в обществе настроения, и делал это с полной искренностью. Одно стихотворение Минского начинается словами: «Я влюблен в свое желанье полюбить», и это желание неизбежно у него зависело от того, куда в данный момент дул ветер истории.

В 1905 году Минский написал «Гимн рабочих», в котором провозгласил:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь.
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть.

В эту же пору он написал сокращенный перевод «Интернационала», отдав новую дань старой своей теме самоотверженных революционеров, гибнущих за счастье людей. В стихотворении «Казнь» (1907) он с сочувствием писал о юной девушке, которую «казнили рано на заре, Когда нам слаще сна нет ничего, Когда мы спали все, — мы, за кого Ее казнили рано на заре». Конечно, эта «заря» и этот «сон» имели аллегорический смысл. В ту пору Минский хотел быть вестником зари и презирал людей, погруженных в эгоистический сон. Но когда времена переменились и заря революции померкла, Минский, как и следовало ожидать, вернулся к прежним мотивам модного пессимизма, индивидуализма, «любви к самому себе». Он погрузился в тот самый «сон», который недавно вызывал у него презрение, и опять это был сон о собственной необыкновенности и загадочности.

Быть может, я сон, что приснился другому,
Быть может, подобье чему-то иному,
Быть может, я вымысел чей-то и миф,
Намек или иероглиф.

(«Равнодушной окутанный снутой...»)

Как и всегда у Минского, во всем этом было много жеста, позы и фразы. Эта особенность его поэзии проявлялась даже в «перюд

усиленной гражданственности», говоря словами П. Ф. Якубовича, свидетельствующего, что даже и в ту пору, в конце 70-х годов, «осторожные и дальновидные люди прозевали театральность его страдальческих жестов и стонов о родине».¹ В периоды его усиленной антигражданственности эта театральность торжествовала в стихах Минского полную победу и создавала господствующий тон его поэзии.

С литературным путем Н. М. Минского тесно соприкасается путь упомянутого уже ранее Иеронима Иеронимовича Ясинского. Подобно Минскому, он часто менял свои общественно-литературные симпатии и вкусы. В начале 70-х годов, в пору литературного ученичества, он отдал дань «чистому искусству», затем примкнул к радикально-народническим кругам и стал сотрудником «Отечественных записок», в годы реакции он эволюционировал вправо, в конце 90-х — начале 900-х годов редактировал газету «Биржевые ведомости», от былого радикализма к тому времени у него не осталось и следа. После Октябрьской революции наступил новый перелом: Ясинский пересмотрел свои взгляды, вступил в Коммунистическую партию и стал сотрудничать в советской печати.

В конце 70-х — начале 80-х годов стихи Ясинского отличались яркой гражданственностью. В стихотворении «Выбирай» (1879), обращаясь к единомышленнику, поэт призывает его даже отречься от поэзии ради активной борьбы: «Струн коварных трепетаньем наших тайн не выдавай... Меч иль струны — выбирай!» Вскоре после 1 марта 1881 года Ясинский в нелегальном стихотворении прославлял казненных народовольцев и предсказывал победу их делу: «Царь-убийц погасли очи, Но их воскреснет светлый сон: Где рухнул дуб, грозой спаленный, Сад скоро зашумит зеленый, Свободным солнцем озаренный» («Трепещет сумрак...»). Но вскоре все переменилось: в 1882 году в стихотворении, многозначительно озаглавленном «Я побежден», поэт признавался:

Я побежден — душа моя томится.
Былых надежд рассеялся туман.
И бой погас — и только кровь дымится,
Дымится кровь, струясь из ран.

В дальнейшем поэзия Ясинского приобретает совсем иной тон и проникается мирными настроениями тишины, покоя, идиллической

---

¹ Л. Мельшин (П. Ф. Гриневич), Очерки русской поэзии, с. 282.

безмятежности. Даже деревенский пейзаж приобретает такие черты: «И зыблется камыш безмолвный и пугливый, С тоской припав к волне беззвучной и ленивой» («Деревня», 1884). Автора влечет уют и тихая красота заброшенных цветущих уголков («Огород», 1886). Задача поэта теперь для Ясинского не в призывах к борьбе, а в создании иллюзорных миров. «Сон идеальный Он облакает В яркие краски. Он увлекает Прелестью сказки», — пишет Ясинский в стихотворении 1886 года, посвященном Минскому («Поэту»).

«Идеальные сны» в поэзии Ясинского не всегда оставались безмятежными, с конца 80-х годов в них появляются декадентские черты, мрачные мотивы ужасов и тайн, земных и космических: «...Тьму грядущего таит Немая бесконечность — И у загробных тайн стоит Угрюмым стражем вечность» («Вечность», 1888). А здесь, на земле, «Угрюмый черный сад, Застывший в черных снах, Раскинул свой кошмар В погасших небесах» («Угрюмый сад», 1890). Появляется в это время у Ясинского и новая, символистского типа образность, многозначная и резко субъективная:

Ах, летят мне навстречу, как прежде,
Звезды страстные с жадным лицом,
В светозарной, как пламя, одежде,
С обнаженным крылатым плечом.

(«Звезды страстные», 1892)

7

В литературной биографии Минского и Ясинского 80—90-х годов было много общего с поэтической деятельностью этих лет их талантливого младшего современника Д. С. Мережковского. Конечно, Мережковский был шире и интереснее не только Ясинского, но и бесспорно даровитого Минского. Мережковский составил себе имя прежде всего как прозаик и критик, поэзия занимала в его деятельности не главное место, но и как поэт Мережковский, несомненно, характерен для 80—90-х годов своими настроениями, своей эволюцией, во многом напоминающей, как уже было сказано, эволюцию Минского.

Начал Мережковский свой путь как эпигон народничества, можно даже сказать точнее — как эпигон Надсона, с которым его связывали дружеские отношения. Надсон содействовал продвижению в печать первых поэтических опытов Мережковского. В ранних стихах Мережковский говорил о своем стремлении идти «в толпу людей»,

читать их труд, сочувствовать их радостям и бедам. Он писал о том, что поэт должен искать красоту

Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блестящих и цветах, но в терниях страданья,
В работе, в бедности, в суровой простоте.

(«Поэту», 1883)

И тогда подвиг его вознаградится сторицей: из самой жизни, сумрачной и бедной, в его стихи польется святая поэзия («Поэту», 1883). Эта декларация гражданской поэзии находит у Мережковского широкое развитие. В другом стихотворении он обличает поэта, оторвавшегося от людей, от «голодной толпы», не желающего страдать и бороться вместе с нею. На мольбу людей «он не дал им ответа». «И смеешь ты себя, безумец, называть Священным именем поэта!» — патетически восклицает Мережковский («Совесть», 1887). Это частый мотив раннего Мережковского. Он любил также писать о стремлении людей его поколения к жизненной правде, к разгадыванию трудных вопросов живой современности. Подобно Надсону и другим его современникам, молодой Мережковский — поэт сомнений, но он не хочет жить одними сомнениями, как не может жить беззаботной жизнью цветка. Он жаждет твердого убеждения и ради него готов на подвиг:

И устал я вечно сомневаться!
Я разгадки требую с тоской,
Чтоб чему бы ни было отдался,
Но отдался страстно, всей душой.

(«На распутье», 1883)

Это — характерный для того времени мотив, восходящий к настроениям тургеневского Нежданова, к тематике поэзии Надсона, к созданному им образу «лишнего человека» поздней формации, уставшего от сомнений и неверия, к настроениям героя гаршинской «Ночи», осознавшего мучительную бесплодность и гибельность рефлексирования. Точно так же и герой Мережковского, уставший от сомнений, хочет найти наконец разгадку, правду, он не стремится к покою или примирению («Мне не надо лживых примирений, Я от грозной правды не бегу. . .»).

Герой поэзии Надсона часто корил себя за отсутствие энтузиазма, он предвидел даже, что когда наконец победит та «правда», к которой он стремился, у него не хватит уже душевных сил принять ее. Нечто подобное видим мы и у Мережковского:

Весь пыл души моей истратил я на грезы —
Когда настанет жизнь, мне нечем будет жить.
Я пролил над мечтой восторженные слезы —
Когда придет любовь, не хватит сил любить!

*(«С потухшим факелом
мой гений отлетает. . .», 1886)*

При всем том у поэтов-восьмидесятников, близких к демократическим кругам, возникали порою, казалось бы неожиданно, мотивы грозы и бури, несущих освобождение; в их стихах появлялись сильные ноты, контрастные по отношению к обычным сетованиям и жалобам на бессилие и безверие. «Пусть грохочет буря, пусть гроза бушует», — писал Минский. «Чу, кричит буревестник!.. Крепи паруса!» — восклицал Надсон. Им вторил и Мережковский, он также разрабатывал аллегорические пейзажи бури:

В душном, мертвеном небе гроза собирается,
И боится природа, и жаждет грозы.
Непонятым предчувствием сердце сжимается
И тоскует, и ждет благодатной слезы. . .

*(«В этот вечер горячий,
немой и томительный. . .», 1887)*

Наряду с подобными настроениями и образами у Надсона, например, появлялось стремление к «нарядной красоте», к «радуге красок», к эффектным, хотя и банальным, картинам природы и описаниям внутреннего мира человека. Мережковский и в этом обнаруживает себя как поэт надсоновской школы. У Надсона мечта о человеческом счастье нередко представляла в наряде из шелка, бархата, алмазов и принимала образы молодых королей и вакханок. Мережковский также любил разрабатывать аналогичные темы и сюжеты в роскошном аллегорическом стиле. В 1884 году он пишет, например, аллгорию счастливой южной ночи, одетой в брачные ризы и огибающей юного красавца — бога рассвета, который должен прийти и зажечь свою избранницу «могучим зноем поцелуя», «Чтоб, вся бледная, вся дрожа, Ты отдалась ему мятежно, Как вешний цвет фиалки нежной, Благоуханна и свежа. . .». Здесь и «дерзостные надежды», и «дрожащие уста», и срывание покровов, и образ вакханки, и прочие дешевые аксессуары декламационной поэзии. В других стихах этого рода у Мережковского появляются «чудные сказки», «тихие ласки» («Усни», 1884), «улыбка дерзких, влажных губ» и «тело молодое, как пена в сумрачных волнах, Все ослепительно нагое» и т. п. («Искушение», 1884). Даже знаменитое в свое время стихотворение Мережковского «Сакья-Муни», эта вершина его радикализма, стихо-

творские, в пагетическом финале которого всемогущий бог склоняется перед толпой нищих, — даже оно украшено такими условно красивыми, бьющими на эффект образами, как «порфиновая корона», «чудный бриллиант», «груды бриллиантовых светил», «лазурная чаша» и многими иными в том же роде и вкусе.

Тяготение к поэзии Надсона с ее гражданственностью и аллегоризмом, с ее рефлексивностью и склонностью к эффектам и внешней красоте — все это было не случайно и для Мережковского, и для других поэтов неопределенно-демократического настроения, с устойчивым мировоззрением, с постоянными колебаниями и сомнениями. Суровая поэзия Некрасова была им не по плечу, и демократическая традиция в ослабленном — надсоновском — варианте оказалась для них той высокой ступенью, до которой еще не всем удалось подняться. При всех слабостях поэзии Надсона, при всей ее расплывчатости и порою расслабленности, в ней все-таки чувствовался дух гражданского протеста. Наш современник Илья Сельвинский справедливо заметил однажды: «Надсон находился в центре внимания русского общества прежде всего потому, что под видом борьбы с абстрактным Ваалом выступал против самого конкретного самодержавия. И это все понимали».¹ Однако Минский и Мережковский очень недолго находились в надсоновской орбите. Минский выступил в печати со скептическим отзывом о Надсоне, и это было воспринято как политическое отступничество. В отзыве были такие слова, сказанные в тоне осуждения: «Он, как пролетарий, смотрит на безумную роскошь века с злобной завистью».² В стихотворении Надсона «Оба с тобой одиноко-несчастные...» (1884), отражающем его идейные отношения с Мережковским, поэт говорит о чем-то «холодном» и «нежданном», что послышалось вдруг в их речах, из-за чего они и разошлись «со злобой мучительной».

И действительно, уже во второй половине 80-х годов у Мережковского, наряду с гражданственными мотивами, начинают звучать совсем иные ноты. Еще он говорит в своих стихах о неправде жизни, о том, что «мир полон кровью и слезами» и «опозорен человек», еще он мечтает о том времени, когда на земле «не будет ни властелинов, ни рабов» («„Христос воскрес“ поют во храме...», 1887), но в это же время в других стихах он признается, со скорбью правда, в своей не любви к людям и просит бога даровать ему силы полюбить своих братьев («И хочу, но не в силах любить я людей...», 1887), он хочет

---

¹ «Литературная газета», 1963, № 68.

² «Новь», 1885, № 11, с. 488.

«Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть...» (так начинается одно из стихотворений этого же переломного года). Стихотворение «Как летней засухой сожженная земля...» (1887) звучит уже как декларация новой поэзии, свободной от гражданских призывов и обращенной в иную сторону. «Мой дух к неведомой поэзии стремится», — говорит здесь поэт; это должна быть совсем особая поэзия, поэзия ночная, без мысли, поэзия смутных настроений, таинственных сказок и неясных образов. «Противен яркий свет очам больной души. Люблю я темные, таинственные сказки... Приди, приди, о ночь, и солнце потуши!» И так, скрыться во тьме, уйти от мысли, погрузиться в иррациональное — в этих призывах уже видны контуры новой, декадентской школы, теоретиком которой вскоре стал Мережковский. В 1893 году он выпустил книгу «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Здесь, наряду с резкими нападками на демократическое, тенденциозное искусство, на «утилитарный, пошлый реализм», Мережковский сформулировал требования новой школы — «три главных элемента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности».

В его новой поэзии появляются и символы, и мистическое содержание, звучат религиозные мотивы. Некогда он был полон сомнений, теперь в природе ему открылся бог. «Везде я чувствую, везде Тебя, господь, — в ночной тиши, И в отдаленнейшей звезде, И в глубине моей души» («Бог», 1892). У Мережковского появляются в это время пейзажи с религиозной окраской и пейзажи мистико-символического содержания, как например «Зимний вечер» (1895) — с образом луны, навевающей непонятный и непобедимый страх: «Какая тишина — Над зимними полями! Преступная луна, Ты ужасом полна — Над яркими снегами!..» Мистическую окраску приобретает у Мережковского и городской пейзаж белой ночи (в стихотворении «Белая ночь», 1894), в котором поэту видится слияние мрака со светом, радости с печалью и жизни со смертью. Всюду он хочет видеть теперь тайну, во всем прозревает он загадочное, необычайное, полное высшего смысла:

Неразгаданная тайна —
В чащах леса... И повсюду
Тишина — необычайна.
Верю сказке, верю чуду...

(«В лесу», 1893)

Обыденная человеческая жизнь почти совсем исчезает из его поэзии, ему ближе «темный ангел» смерти, «страшный ангел одино-

чества, последний друг» («Темный ангел», 1895). Поэтому и его герою чужды люди и их земная добродетель, он не верит в них:

Я верю только в голубую
Недосягаемую твердь, —
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

(«Голубое небо», 1894)

Славословия смерти, столь характерные для декадентской поэзии, и ранней и поздней, давшие впоследствии повод Горькому создать убийственно злой образ поэта Смертяшкина, имеют в декадентской поэзии свою внутреннюю логику. Смерть для поэта-декадента — это высшая тайна и высшее одиночество, то есть самое крайнее выражение всего, к чему он стремится. Гимны смерти уживаются поэтому рядом с декларациями крайнего индивидуализма. Только что цитированное стихотворение о голубом небе заканчивается такой мольбой:

О небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

В «лучезарном и бесстрастном» человеке Мережковского, отрешившемся от жизни и людей, заключен весь мир, все его стихии, его противоположные свойства, его начала и концы.

Ты сам свой бог, ты сам свой ближний,
О, будь же собственным творцом,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своим началом и концом, —

восклицает Мережковский в стихотворении «Двойная бездна» (1901). В этом стихотворении есть кое-что от Тютчева, кое-что от Достоевского, но их мотивы и темы повернуты в сторону крайнего индивидуализма и эпического своеволия. Если весь мир заключен в твоём «я», «лучезарном и бесстрастном», то, естественно, обе «бездны» равноценны, добро и зло равны друг другу и все жизненные пути одинаковы:

И зло и благо — тайна гроба
И тайна жизни — два пути —
Ведут к единой цели оба,
И всё равно, куда идти.

Для борьбы за общественные ценности при таком взгляде на мир и человека, конечно, места не остается: все грани стерты, нет различия между жизнью и смертью, между добром и злом, между радостью и страданием, между свободой и неволей. «Лучезарный» и демонический человек Мережковского становится собственным богом, а тот, «Кто цепь последнюю расторг, Тот знает, что в цепях — свобода И что в мучении — восторг».

«Двойная бездна» Мережковского очень напоминает «Два пути» Минского. И тут и там в основе лежит антиобщественная идея равноценности и равноправности противоположных путей. Так сошлись дороги Минского и Мережковского. Эпигоны народничества, они быстро расстались со своими непрочными гражданскими стремлениями и перешли к декадентскому индивидуализму. Один из них временами поддавался влиянию передовых веяний, другой прочно и сразу укрепился в своей реакционно-мистической идеологии, но суть дела и направление эволюции были одинаковы.

8

Иначе сложилась литературная судьба К. М. Фофанова, во многом также близкого к надсоновским настроениям и идеям. Подобно Минскому и Мережковскому, он тоже начал с гражданских стихов и тоже отошел от них. Его причисляли к поэтам «чистого искусства», и для этого были в его творчестве большие основания; сам он в своих программных стихах не раз высказывался в пользу «чистой поэзии», но не менее часто и не менее решительно выступал он и против нее, притом выступал не только декларативно, но и творчески. Характерно и то, что его декларации «чистого искусства» никогда не были агрессивны и не сопровождались отказом от гражданских идей, не говоря уже о злобных выпадах против сторонников этих идей, — таких выпадов у Фофанова не было вовсе. С самого начала своей деятельности и до ее конца Фофанов чутко слышал «вздохи нищеты больной» и не любил богатых и сильных, этих «выбросков природы», как он назвал их в одном из ранних стихотворений («Я обращаю речь к вам, выброски природы. . .», 1881). Он чуждался злобы, боялся ненависти, часто взывал к любви, но в то же время картины той жизни, «где бедность ютится, горюя», вызывали в его поэзии сильные отклики, порождали мечты о грядущей победе «убогой голытьбы», и он приветствовал эту победу, даже если она будет сопровождаться «безумным мщеньем» («Чужой праздник», 1883).

Фофанов никогда не отрекался от наследства передовых борцов за правду, «глашатаев добра», борцов со злом и благоговейно хранил память о них («Отошедшим», 1889; «На добрую память», 1891, и др.). Он посвящал свои стихи казненным народолюбцам и с глубокой искренностью оплакивал их «суровую постель» («Погребена, оплакана, забыта. . .», 1882). Но, подобно многим своим современникам, он чувствовал себя сыном «больного поколения», потерявшего цель и не знающего средств борьбы со злом, политически наивного, склонного к примирению. «Мир лжи и прозы» тяготил его, у него возникала неотвратимая потребность уйти от современного общества с его угнетением, обманом, злобой, борьбой и казнями. Отсюда и берет начало его «чистая поэзия». «Блуждая в мире лжи и прозы, Люблю я тайны божества: И гармонические грезы, И музыкальные слова» — так начинается известное его стихотворение 1887 года, дающее ключ к пониманию его эстетизма. «Чистая поэзия» Фофанова родилась в тягостных блужданиях в «мире лжи и прозы» как анти-теза ему, как знак протеста против него, пусть пассивного, но все-таки протеста. Это был эстетизм, конечно, но какой-то особый, можно сказать эстетизм поневоле, в котором было много наивности и затаенной грусти.

Поэзия Фофанова — это идейная исповедь, это выражение духовной драмы многих людей 80—90-х годов, страдавших от нестойкости убеждений, от незнания жизненных путей и желания обрести их.

Много общего с К. Фофановым у талантливой поэтессы несколько более поздней поры Г. А. Галиной, начавшей свою деятельность во второй половине 90-х годов. С Фофановым ее роднит прежде всего стремление объединить «чистое» и гражданское направления. У Галиной переходы от одного круга мотивов к другому составляют характерную черту ее поэтического настроения. Первый сборник ее («Стихотворения», 1902) открывается как бы декларацией «чистой поэзии»:

Я пою, свободная, как птица,
Жизнь без песен станет мне темна,
И грустна душистая весна,
И бледна вечерняя зарница. . .

(«Я пою, свободная, как птица. . .»)

Однако на деле это вовсе не декларация «чистого искусства». Рядом с этим стихотворением мы находим другое, посвященное П. Якубовичу, его песням, которые дышат «тайгой далекой». Поэтессу привлекает его скорбная лирика, в которой звучат героические

призывы. Стихотворение, посвященное Якубовичу («Книга песен предо мною...»), заканчивается таким четверостишием: «И душе так пошл и тесен Пир тупого ликованья После этого рыданья, После этих скорбных песен». И такие мотивы не случайны, они очень устойчивы в поэзии Галиной: она завидует гражданским борцам, она хочет, чтобы муза владела се не «на веселый праздник жизни», а «туда, к погибшим братьям», на их «суд суровый» («Музе»). Поэтесса презирает «сынов благоразумья» и шлет благословенье «горячей, родной молодежи», идущей «на костры, в темницы, на мученья» («Я презираю вас, сыны благоразумья...»). Душа поэта ждет «живого дела», «Но кругом меня стена — Меркнет дума без ответа... Хоть бы искра — искра света!.. Тьма и холод... Я одна» («В тюрьме»).

От настроений одиночества, усталости, разочарования, бессилия («Я устала от слез и бессилья...») чрезвычайно легкий переход к меланхолической лирике уединенного мечтательства, к поэтическому самоуглублению, к эстетизированному миру вымыслов, к фофановской поэзии цветов, сказок и очарованных снов. Совсем в духе Фофанова звучит стихотворение Галиной «Голубых цветов дыханье...», в котором воспеваются «Чи-то тени за цветами, Чи-то ласковые очи... Это сказки, сказки ночи С очарованными снами».

Устав от тягостных впечатлений не дающей радости общественной жизни, грубой и несправедливой, с ее тюрьмами, фабриками, насилием, ложью, героиня поэзии Галиной начинает с особенно сильным чувством тянуться к простым радостям уединенной жизни: «Я люблю тишину моего уголка, Где я песни свои из мечты создаю, Где я слезы свои от людей хороню, Где я к счастью бываю близка». Здесь, в тихих уголках, героиня Галиной отдыхает душой, здесь ловит она на замерзшем окне голубые лучи печальных звезд, здесь поэтическая мечта манит ее «к милым призракам счастья — во сне» («Я люблю тишину моего уголка...»).

На фоне бесплодных стремлений, мотивов разочарования, одиночества, усталости и тоски получают в поэзии Галиной свое особое звучание, не сливающееся с настроениями «чистого искусства», стихи о безыскусственной красоте природы, обещающей, хотя бы в мечтах поэтов, мир и счастье современному запутавшемуся человеку. Характерно поэтому для Галиной, что рядом со стихотворением «Бессилье», в котором звучат сегования заключенного на невозможность борьбы, появляется легкое и грациозное стихотворение о счастье поэтического созерцания природы, об одиноком поэте наедине с рекой, с лугом, с высокими облаками и со своей неясной, но высокой мечтой:

Как хорошо. . . Взгляни, вдали
Огнем горит река;
Цветным ковром луга легли,
Белеют облака.
Здесь нет людей. . . Здесь тишина,
Здесь только бог да я,
Цветы, да старая сосна,
Да ты, мечта моя. . .

(«Как хорошо. . .»)

В общем контексте поэзии Галиной эти стихи выражают внутренний мир человека неудовлетворенного, усталого, но не потерявшего надежды на жизненную гармонию и находящего в своих надеждах и мечтах нравственную опору.

9

Характерной чертой поэтического движения 80—90-х годов было широко распространенное и сказавшееся в творчестве многих поэтов стремление примирить противоречия, сгладить углы, уравнивать в правах «чистую поэзию» с гражданской, скорбные мотивы с беспечными и радостными «напевами», сблизить противоположные тенденции и соединить, казалось бы, несоединимые настроения. У иных это связано было с идейными противоречиями, исканиями правды, колебаниями, как отчасти у Надсона или — особенно явно — у Фофанова; но были поэты, для которых срединность, промежуточность, всеядность стали почти что знаменем и принципом. Слова А. К. Толстого «двух станов не боец, а только гость случайный» в 80—90-х годах могли бы отнести к себе многие. Недаром эти слова так полюбились одному из заметных поэтов «серединного» направления Аполлону Коринфскому. В стихотворении «Памяти графа А. К. Толстого» (1898) он писал:

В годину смутную озлобленной борьбы
Сумел он овладеть святынь предвечных тайной.
Не поняли тогда пролётных дней рабы,
Что он в их стане был свободный «гость случайный»!

А. Коринфский сам писал в духе «былин» А. К. Толстого, имитируя его русский, народный стиль. А. Толстой для него «певец воистину народный», он любит перенимать его манеру и его общественную позицию политической независимости и легкой фронды. Известный его сборник 90-х годов «„Бывальщины“ и „Картины Поволжья“»

выдержан почти весь в этом духе. Но это не значит, что А. Толстой — его главный кумир, его единственное знамя. В равной степени чтит он и Фета — за то, что тот

Свободною душой далек от всех вопросов,
Волнующих рабов трусливые сердца, —
Он в жизни был мудрец, в поэзии — философ,
И верен сам себе остался до конца!

*(«Свободною душой
далек от всех вопросов. . .»
из цикла «Венок на могилу Фета», 1892)*

Он писал стихи о тоске, о петербургских туманах, о больных людях и больных настроениях и посвятил их Фофанову («В тумане», 1891). Он писал стихи с народническим оттенком:

И ни начала, ни конца нет
Гирляндам серых деревень; —
Родная глушь невольно манит
В свою задумчивую сень. . . —

(«В вагоне», 1892)

и посвятил эти стихи П. Засодимскому. В духе Некрасова писал он о волжских бурлаках, об их труде, об их нужде и заботах, о том, как за трактирней стойкой после расчета с приказчиком сошлись три бурлака — волгарь, пермяк и ветлугай — и завели разговор о бурлацкой доле:

«А ловко, братцы, обсчитали? . . .»
— «Куда ловчей! Народ лихой! . . .»
Всё берегли, недоедали;
Осталось — разве на пропой! . . .»

Или дальше:

«Хватили горя?! . . .» — «Было дело!
Чуть не пропали все за грош! . . .»
— «Аль жить на свете надоело?»
— «Не плыть, так по миру пойдешь! . . .»

(«Расчет»)

И в те же годы в сборнике «Песни сердца» (1894) он в духе «чистой», можно даже сказать — «чистойшей», поэзии воспевал «Безотчетные порывы мимолетного волненья, Мимолетные приливы безотчетного томленья» («Безотчетные порывы. . .»). В этом же сборнике он писал о народных страданиях, о бедняках, о тюремных

сидельцах («Я видел») и рядом, как в приведенном выше примере, играл взаимозаменяемыми эпитетами и красивыми словами. Так, одно из стихотворений его начинается стихами: «Венок цветущих бессмертных В своей печальной красоте» и кончается так: «Венок печальных бессмертных В своей цветущей красоте», и все стихотворение, в сущности, написано ради этого приема.

Подобное разнообразие и подобное безразличие отмечали современники в поэзии А. М. Федорова. У него одновременно появлялись стихотворения и в гражданском, некрасовском духе, и в стиле Надсона, и в манере Бунина, и в духе «чистого искусства». В стихотворном обращении «Моему сыну» Федоров призывал:

Не забывай, что кровь народа —
Твоя родная кровь,
Что с ним у вас одна свобода
И благо, и любовь.

Во множестве других стихотворений он жаловался на бездорожье, на уныние, на тяжкий упадок духа. Иной раз, напротив, герой его поэзии не тяготился, а наслаждался своей печалью, признаваясь не без кокетства, что печаль к нему «ласкается», а грустью он себя «томит и нежит» («Грусть»). И очень часто его настроения приобретали совершенно отрешенный от жизни характер, растворясь в «тайных звуках», «в немом обаянии», в «снах наяву» и «блаженных улыбках» — в таком состоянии духа, о котором поэт сказал однажды с интонацией лирической непосредственности: «Что со мною, и сам не пойму» («Всё какие-то сны наяву. . .»).

Ту же «широту» поэтических интересов видим мы и в поэзии Алексея Будищева, который писал «песни и думы», представлявшие собою лирические медитации с пессимистическим оттенком в духе Надсона: «Бесцельно дни текут, печалью обильны, Бесцветны, как стада осенних облаков» и т. д. («Долина сладко спит в немом очарованьи. . .»). Он писал также стихотворные рассказы психологического толка в духе Апухтина (см., например, «Ночью»), и уличные сценки в духе Некрасова («Еду я улицей; дождик без грома. . .»), и деревенские картинки в духе того же Некрасова («Зима у нас голодная. . .»), и поэмы в стиле Лермонтова («Азраил», «Скитанье»). Писал он и не лишённые изящества стихотворения романского типа («Вы ждали не меня! Когда я вышел к вам. . .» и др.), и неприятельные, живые, шуточные сказки вроде «Царевича Мая». Характерно, что в свои стихи он любил вставлять сентенции о равноценности борющихся начал, о сближении противоречий и о примирении

с жизнью: «Трус возбуждал во мне презренья И отвращение герой» («После битвы», 1894); «Я горько заплакал пред богом твоим, А ты моему поклонилась» («Тебя я увидел весною, в саду...»).

К стопам своей музы поэт припадает «утешенный в скорбях и примирен с землей», потому что в его понимании поэзия — это и есть стихия примирения, рассеивающая «сомнений гневных рой» («Муза», 1889).

О, пусть нас уносит волшебной игрой
Туда, в те надзвездные дали,
Где нет ни вражды, ни тревоги земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали!

Эти строки, созвучные приведенным выше стихам Будищева, принадлежат уже не ему, а его августейшему современнику — К. Р. Они написаны не о поэзии, а о музыке («А. Г. Рубинштейну. На пятидесятилетие его музыкальной деятельности», 1889), но имеют тот же смысл: в них речь идет о задачах искусства, которое, по мысли поэта, всегда зовёт к примирению, исцеляет скорбь и угащает гнев. Еще псалмопевец Давид пел царю песни, внушенные богом, чтобы рассеять ими скорбь его больной души («Псалмопевец Давид», 1881), а царь Саул, пылая гневом и кровожадной злобой на людей, взывал к своему певцу: «О, пой же! быть может, тобой исцеленный, Рыдая, к тебе я на грудь упаду!..» («Царь Саул», 1884). Поэзия у К. Р. получала смысл религиозного откровения о преображении мира и человека. Наряду с псалмами поэта вдохновляли апокалипсические пророчества:

Не будет ни плача, ни вопля, ни горьких стенаний,
Не будет болезни, ни скорби, ни тяжких страданий,
И смерти не будет. Таков мой обет.
Прошло всё, что было, и прежнего нет.

(«Из Апокалипсиса XXI, 1—4», 1884)

Не следует, однако, думать, что К. Р. всегда пребывал в своей поэзии на этих пророческих высотах. Он часто и охотно спускался с них ради салонных стихов, романсов, серенад и баркарол:

О дитя! Под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду...
Убаюкана пеньем моим,
Ты найдешь в сновиденьях отраду.

(«Серенада», 1882)

Плыви, моя гондола,
Озарена луной,
Раздайся, баркарола,
Над сонною волной.

(«Баркарола», 1882)

Баркаролы К. Р. в особенности любил; положенные на музыку крупными композиторами, которых привлекала в них простота формы и напевность стиха, они получили широкую известность и до сих пор держатся в вокальном репертуаре.

Рядом со стихами такого рода К. Р. отдал обильную дань совершенно шаблонным лирическим стихам в меланхолическом роде — о душевных муках, о любви и разлуке, о минувшем счастье: «Ныне ж одно только на сердце бремя Незаменимых потерь... Где это доброе старое время? Где это счастье теперь?» («Садик запущенный, садик заглохший...», 1886). И рядом с этими условно-поэтическими произведениями, ничем не выделявшимися на общем фоне, появлялись у К. Р. не лишённые своеобразия стихи о родной природе и родной стороне, как например «Вчера мы ландышей нарвали...» (1885) или «Колокола» (1887) с такими поэтическими строчками:

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

В одном из стихотворных обращений к Фету К. Р. охарактеризовал себя как человека, «взращенного судьбою в цветах, и счастье, и любви» («А. А. Фету», 1887). Тем более интересно и как будто неожиданно, что этому поэту принадлежит стихотворение «Умер» (1885), ставшее популярной песней, в которой оплакивается тяжкая доля и безвременная смерть молодого солдата в военной больнице:

Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!

... Люди чужие солдата зароят
В мерзлой земле глубоко,
Там, за заставой, где ветры лишь воют,
Где-то в глуши далеко.

В другом стихотворении такого же рода отслуживший службу солдат приходит домой, его хата развалилась, родные умерли. «...В мире остались ему лишь могилы, Лишь горе да злая нужда» («Уволен», 1888).

Хотя поэзия К. Р. более однородна, чем, например, поэзия Аполлона Коринфского, все же соседство библейских пророчеств с баркаролами и серенад со стихами о солдатской судьбе было вполне в духе той эклектической «широты», о которой говорилось выше.

Есть общие черты в жизненной судьбе и в поэтическом творчестве великого князя Константина Романова и графа П. Д. Бутурлина. Подобно тому как К. Р. говорил о счастливой судьбе, взрастившей его, П. Бутурлин писал о себе в автобиографических стихах:

Родился я, мой друг, на родине сонета,
А не в отечестве таинственных былин,
И серебристый звон веселых мандолин
Мне пел про радости, не про печали света.

*(«Родился я, мой друг,
на родине сонета...», 1895)*

Сонет, на родине которого поэт родился, стал его любимой формой; современники ценили Бутурлина как мастера этой строгой формы, которую ему удалось наполнить разнообразным содержанием. Его влекли мифологические образы и предания, античные, восточные и русские; он посвящал свои стихи Венере и Аполлону, богу Яриле и Перуну, библейской Суламите и индийской Баядере. Он писал мальтийские песни и украинские пейзажи, аллегории и бытовые сценки, стихи на темы русского исторического прошлого и текущей современности. Он сочинял унылые элегии, стихи об усталой душе, о мертвой любви, о тусклых сумерках печальной осени и жизнерадостные гимны любви, весне, «прекрасным тайнам» морей и белому сиянию планет («Мальтийские песни»).

Одна из самых любимых тем Бутурлина — это поэзия свободы и красоты. Обе категории объединялись в его сознании, и он стремился прославить мастеров красоты: в древности — творца Венеры Милосской («Венере Милосской»), в новые времена — Андрея Шенье («Андрей Шенье») и Тараса Шевченко, чья «песнь законы смерти победила И страстная, как ветер в южном зное, Векам несет то слово дорогое, Которым прошлое она бодрила» («Могила Шевченко», 1885). С равным сочувствием говорит Бутурлин об «измученной силе» Шевченко и о печальной участи Шенье, который пел свободу, любовь и красоту «бездушному народу».

Его отталкивает жестокая сила самодержавия и в московской

Руси и в петровские времена. В интересном стихотворении «Чехарда» Бутурлин рисует выразительный и лаконичный портрет юного царя, уже испорченного жестокостью и развращенного властью. Случайно он видит, как играют дети смердов, и, пораженный их веселым смехом, недоумевает, почему дети бояр, играя с ним, так не смеются. В трехчастном сонете «Царевич Алексей Петрович в Неаполе» (1891) сочувствие поэта не на стороне Петра, а на стороне опального царевича, который, едва вдохнув воздух свободы, должен вернуться пред очи грозного отца. И хотя Петр — это не просто отец, а новая Россия, и воля его — воплощение государственной необходимости, все равно в глазах Бутурлина царевич Алексей такая же жертва самовласти, как и те, кто пострадает от руки московского владыки, юность которого показана в «Чехарде». Государственные интересы, быть может, были важны для Бутурлина-дипломата, — Бутурлина-поэта волновали только ценности моральные и эстетические.

С этой точки зрения интересовала Бутурлина и жизнь народа: ему приятен был вид какого-нибудь усталого украинского парубка, отдыхающего от дневного труда и покинувшего мысленно «мелкой жизни мелкий строй» («Сумерки на Украине»). В большом стихотворном очерке «Солдатик» (1890) поэт с реалистическими подробностями и разговорными интонациями рассказывает прозаическую и даже грубоватую историю о встрече в городском саду солдата с курхаркой. При этом автор полемически обращается к читателям-эстетам из «образованного стада», которые готовы признать законным изображение разве лишь народных страданий либо народных подвигов, но никак не маленьких радостей или развлечений простых людей. Автор же отстаивает свое право на поэтическое сочувствие простому человеку, даже если речь идет о том, как «В общественном саду солдат. С своей зазнобою гуляет». Поэт, рожденный на родине сонета, видит и в этом свою поэтическую свободу. Подобно авторам, о которых речь шла выше, Бутурлин также был «двух станов не боец». При всей половинчатости такой позиции Бутурлин, однако, любил и умел подчеркивать независимость своей поэтической мысли и чувства.

10

Эклектическому направлению Аполлона Коринфского, Бутурлина, К. Р. и других противостояла цельная и замкнутая в своем эстетизме, почти вовсе не знающая диссонансов жизни, жизнерадостная и яркая поэзия Мирры Лохвицкой. По духу и тону Мирру Лохвицкую часто объединяли с К. М. Фофановым. В них обоих видели создателей

особого поэтического мира, мира чистой красоты. Именно так воспринимал их, например, Игорь Северянин, благоговейно чтивший обоих. На самом же деле в этом сближении мало истины. Поэтическая сфера Лохвицкой значительно уже художественного мира Фофанова. Ее маленький эстетизированный мирок замкнут в себе, за ним нет ничего — ни личной драмы, ни общественного трагизма.

С первых шагов на поэтическом пути Лохвицкая создала образ «темноокой, дивной, сладостно-стройной» поэтессы, с «прекрасным челом», нечто вроде современной Сафо, и осталась верна этому образу до конца своих дней (см. стихотворение «Сафо», 1889). Бросая вызов скорбным поэтам, она отстаивала свое право петь любовь, красоту, не внимать «наветам унынья» и блистать «царицей» в нарядных стихах («Я не знаю, зачем упрекают меня. . .»). Унынья Лохвицкая избегала больше всего, ее поэтической специальностью стали экстазы. Одно из ее стихотворений построено так: первая строфа начинается словами «Я обниму тебя так крепко. . .», вторая — «Я обниму тебя так жарко. . .», третья — «Я обниму тебя так нежно. . .». Притом каждый раз — в превосходной степени: «так крепко», что замрет тоска разлуки; «так жарко», что даже адский пламень не станет жечь сильнее; и, наконец, «так нежно», что даже ангелы небесные не назовут такую безмерную любовь нечистой и преступной. Чувства поэтессы (или, вернее, героини ее поэзии) всегда безмерны, но они не таят в себе ничего резкого, тем более житейски-грубого, это «безмерность» комнатная и декоративная. Она может быть вызвана пустым, случайным разговором, «обменом ничтожных слов»:

Простой обмен ничтожных слов,
Руки небрежное пожатье, —
А ум безумствовать готов,
И грудь, волнуясь, ждет объятья. . .

Это из стихотворения «Пустой, случайный разговор. . .» (1894), которое заканчивается такой моралью:

Ни увлеченья, ни любви
Порой не надо для забвенья, —
Настанет миг — его лови —
И будешь богом на мгновенье!

«Божественные» черты всегда присущи героине поэзии Лохвицкой. Ее духовный мир соткан из необыкновенных противоречий, недоступных простым смертным. Сиянье дня сливается в ее душе с мраком ночи, ей одинаково милы и лучи солнца, и «шорох тайн», в ее «мечтаньях огневых» много «видений девственных и чистых».

И суждено мне до конца
Стремиться вверх, скользя над бездной,
В тумане свет провидя звездный
Из звезд сплетенного венца.

(«В кудрях каштановых мош. . .», 1897)

Лохвицкая чаще всего писала о любви, но любовь в ее поэзии — это не душевное состояние, не человеческое чувство, имеющее свою внутреннюю историю, которую нужно раскрыть психологически, к чему приучили русского читателя Пушкин и Некрасов, Тютчев и Фет, — у Лохвицкой это только предлог для экстазов и восторгов.

Мы вместе, наконец! Мы счастливы, как боги! . .
Нам хорошо вдвоем! —

это из «Песни торжествующей любви» (1892).

Ты был кроток и зол, ты был нежно-жесток,
Очарованным сном усыпил и увлек,
Чтоб во сне, как в огне, замирать и гореть,
Умирая, ласкать — и от ласк умереть! —

это из другой «Песни любви» (1898), тоже, как видим, торжествующей. Число таких примеров можно увеличить во много раз, но сущность всюду будет одна: грандиозность чувства, слишком подчеркнутая, чтобы быть натуральной, и слишком «эффектная», чтобы быть красивой «Лобзанья», «объятия», «чудеса», «тайны», «царицы», «рабыни» — такими словами пестрит любовная лирика Лохвицкой; о психологической естественности чувства здесь нет и речи. Стихи Лохвицкой о любви меньше всего могут быть названы поэтами любовными стихами, это декламация на любовную тему.

Игорь Северянин некогда противопоставлял Лохвицкую Надсону и сетовал: «. . . живу в такой стране, Где четверть века центрит Надсон, а я и Мирра — в стороне». А между тем у Надсона были декламационные стихи о любви с такими шаблонными образами, как «светлый храм», «сладострастный гарем», «греховно пылающий жрец», «праздник чувства» и многое иное в том же стиле, как например в стихотворении «Только утро любви хорошо. . .». Эти стихи, конечно, были характерны для Надсона, но все-таки не из-за них он «центрил четверть века». Лохвицкая же унаследовала именно эту, наиболее банальную и наименее ценную часть надсоновского наследия и довела ее до того предела, за которым начинается уже па-

родия. Таковы, например, экзотические мотивы в поэзии Лохвицкой, ее виденья лучших миров и загадочных стран, полных «вечных чудес». В стихотворении «К солнцу» (1893) эти чудеса изображаются в духе и стиле «роскошной» поэзии — с неприступными скалами, девственными лесами, хрустальными замками, седыми жрецами, священными реками, лотосами, подземельями. . . И образ поэтессы, создательницы «волшебного края», вырисовывается в таких ее возгласах: «Солнца! . . дайте мне солнца! . . Я к свету хочу! . .» или: «Крылья! . . дайте мне крылья! . . Я к свету хочу!»

И все-таки у Лохвицкой был несомненный талант, только дурно направленный и растраченный на дешевые украшения — в угоду той широкой обывательской публике, которая в 80—90-х годах создавала шумную рекламу поэтам, с демонстративной «смелостью» заявлявшим о своем нежелании «внимать наветам унынья». Иной раз талант брал верх над разными «безмерностями», и тогда у Лохвицкой появлялись поэтические пейзажи, с неяркими, тихими, точными образами и психологически правдоподобными настроениями. Таково, например, стихотворение «В белую ночь» (1898), где «все спит или дремлет в легком полусне», где видны «две чахлые березки и забор, вдали поля. . .» и внутренний мир героини выражается не в экзотических кликах, а в таких признаниях:

Мне тяжело, что близок скучный день,
Что деревьям густеть не суждено,
Что покосился ветхий мой плетень
И тусклый свет глядит в мое окно:

Как пример такой лирической пейзажной поэзии, удававшейся Лохвицкой несравненно больше, чем наделавшие шума всевозможные ее вакхические гимны, можно указать и «Утро на море» (1898), в котором крымский пейзаж нарисован тонкими, воздушными красками:

Средь опаловых полей
Очертанья кораблей
Тонким облаком видны
Из туманной белизны.

Мелькают иногда в поэзии Лохвицкой и традиционные жалобы на современность, тусклую, серую, не знающую героических порывов и больших дел. Так, в стихотворении «В наши дни» (1898) Лохвицкая вспоминает людей прошлого, сиявших некогда «в ореоле золотом». В этом ореоле у нее оказываются рядом и «Те, что шли к заветной цели, Что на пытке не бледнели», и люди, «не знавшие печалей,

В диком блеске вакханалий Прожигавшие года», а все несчастье своего времени, его беду и зло поэтесса видит в жизненной скуке, в скудости впечатлений:

И на радость лицемерам
Жизнь ползет в тумане сером,
Безответна и глуха.
Вера спит. Молчит наука.
И царит над нами скука,
Мать порока и греха.

Для конца 90-х годов такие гражданские сетования тоже были апароизмом. «Наши дни», о которых пишет Лохвицкая, вовсе не были днями застоя и скуки, напротив, они были наполнены борьбой и движением, но этого не могла заметить поэтесса, погруженная в мир камерных страстей и легких вдохновений.

Рядом с Лохвицкой могут быть поставлены и некоторые другие поэты 90-х годов, баюкавшие читателей «легким звоном легкой радости земной», говоря словами тургеневского Нежданова.

Д. П. Шестаков, один из этих поэтов, в стихотворном обращении к Фету писал:

Твой ласковый зов долетел до меня,
И снова душа пробуждается, —
Ей тихое счастье весеннего дня,
Ей вешняя почь улыбается.

(«А. А. Фету», 1891)

Шестаков и был поэтом «тихого счастья», вешних дней и ночей, несных, но светлых стремлений и легких образов.

Я сойду в мой сад пораньше, —
Не спугну ли легких фей. . . —

так начинается одно из его стихотворений, и заканчивается оно стихами совсем уже невесомыми:

Мне бы только легкий лепет
Легких крыльев уловить
И загадочного смеха
Ускользящую нить.

(«Я сойду в мой сад
пораньше. . .»)

Образы поэзии Шестакова становятся воздушными, смысловые оттенки слов и образов — зыбкими и ускользящими.

В иных случаях, как например в стихотворении «Нас кони ждут... Отдайся их порывам!..» (1898), есть как будто вполне определенный бытовой сюжет: здесь это ночная прогулка на конях, об этом идет речь в первой строфе, но уже вторая строфа выводит нас из сферы бытовых, реальных представлений и создает ощущение неопределенности и многозначности:

Уж мы летим, наедине с звездами,
Наедине с голубоокой мглой,
И волны сна смыкаются за нами
Холодную певучю чредой.

«Волны сна», «чреда волн сна» — все это смутно, иррационально, импрессионистично, как и «певучая чреда», все это уже на грани символистской поэтики.

Нельзя сказать, чтобы такого рода стихи преобладали у Шестакова. Он много писал в духе «чистой поэзии» предшествующих десятилетий. Счастливая любовь, неясная полумгла, волшебные мечты, счастливые слезы — вот словарь и образность многих стихотворений Шестакова, легких, изящных, напевных, тяготеющих к романсной форме. В романах Шестакова есть налет сентиментальности или, скорее, стилизации под нее; в них иногда говорится о печали, однако всем строем стиха, простого и в то же время изысканного, поэт искусно дает почувствовать, что это тоска не житейская, а романсная, условная, даже не тоска вовсе, а поэтическая игра в нес:

Едва мерцает из тяжелой дали,
Из тяжелой дали, из темных туч,
Твой лик исполнен немой печали,
Твоей улыбки бледный луч.

(«Едва мерцает из тяжелой дали...»)

Легкий тон поэзии Шестакова не тускнел от такой светлой романсной печали, а приведенные строки по духу и настроению вполне гармонировали с теми, предвещающими новую поэтику стихами, о которых только что говорилось.

Родственный Шестакову по направлению И. О. Ляleckин, в поэзии которого В. Брюсов в 90-х годах видел новое слово, так же тяготел к Фету и так же, как Шестаков, любил поэзию «лучистых грез, мотыльков, веселых ласточек, белых ландышей и роз». Стихотворение «Символическое» (1895), откуда взяты эти строки, начиналось стихом «Прочь, бездушная действительность!..», и дальше в нем звучали такие признания:

Я хочу упиться чарами
Смутных чувств и белых снов —
При волшебном лунном трепете,
В царстве фей и соловьев!

Символического в собственном смысле здесь еще нет. Это повторение давно известных мотивов «чистой поэзии», из которой Ляличкин как бы извлекает ее легчайшие элементы и создает из них резко противостоящий действительности бездумный и шаловливый мир. В нем цветут и точно не отцветают «незабудки, васильки — васильки и незабудки» («Ожидание», 1893), в нем царствует веселый месяц май, он животворит сердца, низвергает зло, «И надо всей вселенною Он сыплет, как цветы, Любви божественные сны И райские мечты» («Шумят ручьи, бегут ручьи. . .», 1894). В таком мире все легко и просто, жизненных сложностей здесь не существует, «Всё громче свищет соловей, Всё ярче краски дня. . . Пойдем же в сад гулять скорей, Красавица моя!» («Серенада», 1891). По ночам здесь совершаются чудеса, как накануне Ивана Купала, это чудеса хорошие, счастливые. И поэт рассказывает о них веселыми, затейливыми словами:

Дохнет на папортник и — чудо! —
Разрзпокудрые листы
Усеют пылью изумруда
Яркоогнистые цветы.

(«Канун Купала. Фантазия», 1892)

Лирика экстаза, «райских мечтаний», «яркоогнистых цветов» так же подготовляла модернизм в поэзии, как мистицизм Вл. Соловьёва, или мрачный нигилизм Случевского, или безудержный индивидуализм Минского, только с другой стороны. Это были разные струи одного потока, разные стороны одного процесса. Погружение в себя, резкая субъективность поэтического восприятия, дематериализация внешнего мира — все это вплотную подводило к поэзии символизма и близких к нему групп и школ.

В это же время в гражданской поэзии конца XIX века, с ее суровой простотой, с ее глубоким народолюбием, с ее призывами к борьбе и предчувствием победы, происходил иной процесс: подготовлялось поэтическое течение, в той или иной форме связанное с русским рабочим движением начала XX столетия.

Г. А. Бялый

СТИХОТВОРЕНИЯ

Дмитрий Лаврентьевич Михаловский родился в Петербурге 28 января 1828 года. Отец Михаловского был священником, сын избрал карьеру чиновника. В 1848 году, окончив юридический факультет Петербургского университета, он поступил на государственную службу, которую не смог оставить вплоть до выхода на пенсию. Служил он вначале юристом, затем по министерству финансов. Жил не в столице, а в провинции, часто переезжая с места на место (Кавказ, Литва, Польша и т. д.). Он постоянно нуждался, и литературный труд для него был одним из источников существования (всякий раз, посылая стихи или переводы в тот или иной журнал, он настойчиво просил не задерживать высылку гонорара).

Специальность и страсть Михаловского были переводы. В совершенстве владея основными европейскими языками, он много переводил с немецкого, английского, французского — «старых» и «новых» поэтов и прозаиков: Шекспира и Бодлера, Гейне и Мюссе, Байрона и Поля Бурже, Джованни Руффины и Лонгфелло. К своей деятельности переводчика Михаловский относился крайне серьезно. В письме к Некрасову, высоко отзываясь о должности переводчика, он утверждал: «Балласт денег не стоит, да и подписывать свою фамилию под стихотворениями, годными только для «затычки», просто совестно».¹ Михаловский и был известен в кругах читающей публики прежде всего именно как переводчик. В 1890 году ему была присуждена Пушкинская премия за перевод пьес Шекспира «Ричард II» и «Антоний и Клеопатра».

Одним из первых (а в ряде случаев первым) Михаловский познакомил русского читателя с произведениями Лонгфелло, Бодлера, Дранмора. Ему принадлежит заслуга первого перевода на русский язык «Песни о Гайавате».

---

¹ «Литературное наследство», т. 51—52, М., 1949, с. 395.

В своей литературной деятельности он был прочно связан с самыми передовыми журналами того времени — «Современником» и «Отечественными записками». Его литературный дебют — перевод поэмы Байрона «Мазепа», напечатанный в пятом номере журнала «Современник» за 1858 год. Май 1858 года Михаловский считал впоследствии началом своей литературной деятельности. С этого времени у него завязываются отношения с Некрасовым, который относится благосклонно к литературной деятельности Михаловского, поощряет его, помогает ему материально. После закрытия «Современника» Михаловский вступил в тесную связь с редакцией «Отечественных записок». В этих двух журналах были напечатаны все его главные произведения. Среди них особый успех выпал на долю перевода «Записок Лоренцо Бенони» (под этим именем выступал известный англо-итальянский писатель Джованни Руффини), в которых шла речь о революционной борьбе итальянских студентов.

Наряду с переводами Михаловский печатал время от времени в различных журналах оригинальные стихотворения. Их было сравнительно немного, сам Михаловский им большого значения, как видно, не придавал; однако некоторые из них пользовались в 1870—1880-е годы широкой известностью.

Незадолго до смерти он написал воспоминания «Начало моего знакомства с Н. А. Некрасовым и Н. Г. Чернышевским».

В мае 1898 года многие газеты и журналы отметили сорокалетний юбилей литературной деятельности Михаловского.

Умер Михаловский в Петербурге 9 февраля 1905 года. В последние годы он особенно сильно нуждался, жил одиноко и был почти забыт. Никаких откликов в печати кончина Михаловского не вызвала.

Переводы Михаловского впервые вышли отдельным изданием в 1876 году. Оригинальные стихотворения его ни разу отдельно не печатались. Лишь однажды он собрал некоторые из них, составив раздел «Стихотворения Д. Л. Михаловского» в последнем своем двухтомном стихотворном сборнике «Иностранные поэты в переводах и оригинальные стихотворения» (тт. 1—2, СПб., 1896). Здесь собрано всего четыре с половиной десятка произведений, из них одиннадцать стихотворений для детей. Многие значительные стихотворные произведения Михаловским в это издание не включены.¹

---

¹ Наиболее полная библиографическая справка о Михаловском помещена в кн.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. 4, Пг., 1917.

Протестуй, пока ты в силах,
 Свеж и громок голос твой,
 Протестуй, пока есть в жилах
 Капля крови молодой!

Опыт жизни, время, лета
 Сердце медленно черствят,
 Подчиняют воле света,
 С злом и пошлостью мирят.

И, дряхлея постепенно
 Средь житейской суеты,
 Как все люди, несомненно,
 Примиришься с нею ты.

Иль бессильно пред судьбою
 Склонишь голову свою
 И почувствуешь с тоскою,
 Что не воин ты в бою.

Может быть, твой ум свободный
 Блеск свой прежний сохранит.
 Но к чему тот блеск холодный,
 Если сердце догорит?

Без его огня и страсти
 Ум бессилен и несмел:
 Это — царь, лишенный власти,
 Вера мертвая без дел!

Протестуй! Не то ты скоро,
 Точно вол, свой воз погрешь
 И, в сознании позора,
 Под ярмом своим вздохнешь.

(1876)

Что ты волнуешься, мнешься,
Тревогой вечною томим?
Куда не удержишь рвешься
Ты сердцем жаждущим своим?

Какое радужное знамя
Тебя сквозь мрак густой манит?
Какая искра, что за пламя
Еще в груди твоей горит?

Ужель тот злобный, мрачный гений,
Что путь твой тернием покрыл,
Не мог унять твоих стремлений,
Твоих кумиров не разбил?

Скажи мне, в чем твоя опора,
Где тайна бодрости твоей,
Огнем сверкающего взора
Среди напастей и скорбей?

К чему стремлюсь и чем согрета
Моя трепещущая грудь?
Я жажду правды, жажду света
И направляю к ним свой путь.

Тот путь тяжел; но средь страданья
Я головы не преклоню:
Опора мне — воспоминанья,
Что я в душе своей храню.

Как солнца свет, как звезды ночи,
Они сияют мне во тьме,
Слезами наполняют очи
И будят мысль в моем уме.

Их благодатное сиянье
Отраду, бодрость в душу льет,
Внушая сердцу упованье,
Что в мире правда не умрет.

Я знал людей добра и света,
И мысль о них меня живит,
Вот чем душа моя согрета,
Вот отчего мой взор горит!

1880

8. КУБОК ЖИЗНИ

Вариация на мотив из Лонгфелло

Я выпил кубок жизни нашей,
Всё испытал, всё перенес,
И над пустой сию я чашей,
С глазами, тусклыми от слез.

В ней нѣктар не играл душистый
И не лилась через края,
Сверкая пеной золотистой,
Восторгов пламенных струя.

В ней было много влаги жгучей,
Что как фонтан из сердца бьет,
Когда порыв скорбей могучий
Его на части разорвет.

Горька была мне эта влага!
Напрасно думал я найти
Мне в грезах снившиеся блага
Среди житейского пути.

Но в чаше мрачного страданья,
Тревог и горестей моих
Я замечал порой сверканье
Каких-то искор золотых. . .

Те искры весело сверкали,
Волшебный жар в себе тая,
И чудным блеском покрывали
Поверхность мутного питья.

Во мне являлся сил избыток,
И, в жажде сердца моего,
Я пил отравленный напиток,
Забыв о горечи его.

Душа внезапно озарялась,
Весь мрак куда-то исчезал,
И сердце сладко волновалось:
Я грезил, веровал, мечтал.

Минутно было опьяненье,
Мгновенно гас мгновенный свет...
Теперь — настало пробужденье,
Теперь — и этих вспышек нет!

Жизнь пронеслась, как сон несвязный,
Претит мне хмель ее вина,
И вижу я осадок грязный
В той чаше, выпитой до дна...

(1881)

4. МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

На мотив из Э. Манюэля

Вы, зиждители нового зданья,
Изыскатели новых путей,
Вы, светила добра и познания,
Провозвестники радостных дней;

Вы, что истину в сердце носили,
Вы, герои духовной борьбы,
Что свой мозг так упорно трудили
Над загадками нашей судьбы!

Моя дума за вашей летала,
Она вашею мыслью жила

И нередко себя вопрошала:
Где источник безумья и зла?

Отчего, лишь в насилии веря
И в потемках блуждая весь век,
Превращается в дикого зверя,
В неразумную тварь человек?

Но восходит заря молодая
Так прекрасно, роскошно, светло,
Лучезарный свой свет проливая
С высоты и на наше чело.

Это *ваша* заря засияла,
Слышим вашу мы кроткую речь!
Превратим же мечи на орала,
Разобьем ненавистный нам меч!

Царство бога уже наступает,
Ветхий мир возрождается вновь, —
Не враждою, что всё разрушает, —
Возродит его только любовь!

Но... чу! Воздух ночной всколебался...
Или это пригрезилось мне?
Страшный грохот орудий раздался,
Залп за залпом в ночной тишине...

1881

5

Со знаменем любви и мира
Идут их кроткие сыны
На беспощадного кумира
Вражды, раздора и войны.

Насмешками их мир встречает,
И, в ослепленьи вековым,
Он фимиамы воскуряет
Пред кровожадным божеством.

Везде мечи, и кровь, и пламя,
И меркнет вечный правды свет.
Ее сияющее знамя
Окрасилось в пурпурный цвет...

И даже те, что жаждут мира
И проповедуют любовь,
Ждут благ от этого кумира
И льют, во имя братства, кровь...

(1891)

6. КОГДА ТЫ ХОЧЕШЬ ТРЕЗВЫМ ВЗГЛЯДОМ...

Когда ты хочешь трезвым взглядом
Смотреть на жизнь и на людей,
Не украшай ты их нарядом
Живой фантазии своей.

Не помышляй, чтобы на свете
Был для великих душ простор,
Что их дела не тонут в Лете,
Что свят потомства приговор.

Не думай, чтобы мощный гений
Всегда с безумьем вел борьбу,
Чтоб ряд позорных преступлений
Вел всех к позорному столбу.

Не создавай себе обманов,
Не представляй в уме своем
Эффектной битвой двух титанов
Борьбу добра с могучим злом.

Увы! великие душою
Встречают тысячи преград,
Их путь покрыт глубокой тьмою,
Их сердце скорби пепелят.

Потомство с глупым ослепленьем
Позорит иль не признает
Тех, чьим великим вдохновеньем
И чьими жертвами живет.

А гений часто не стыдится
Быть пошлой глупости рабом
И, лстя безумию, гордится
Своим дурацким колпаком.

Гигант страдает от пигмея,
Властитель гибнет от раба,
И часто гнусного злодея
Венчает лаврами судьба...

Не солнцем ярким после ночи
Святая правда восстает,
И света, блещущего в очи,
На темный мир она не льет.

Она порою лишь мелькает,
Ее так редко видим мы, —
Она блестит и исчезает
Как луч мигнутый в бездне тьмы,

Как в тучах светлые полосы,
Как отраженье звезд в волне,
Как фосфорические блески
На черной моря глубине...

(1896)

7. ДУМЫ И ГРЕЗЫ

Моя дума всё вдаль порывается,
Пока смерть не сомкнула мне вежд;
Сердце всё еще глупо цепляется
За обломки разбитых надежд.

И, горя непонятною верою,
Всё не хочет расстаться оно
С тем, что разум безумной химерою
И мечтою назвал уж давно.

Так, порой лучезарным видением
Очарованы в сладостном сне,
Говорим мы потом с сожалением:
«Это были лишь грезы одне!»

Но упорно, с тоскливым желанием,
Возвращается сердце не раз
К этим грезам, что чудным сиянием
На минуту наполнили нас. . .

(1896)

8. ПОСЛЕ БИТВЫ

Даль была окутана серыми туманами;
Шел я спотыкаяючись, весь покрытый ранами;
И ручья холодного струйкою гремячою
Утолить надеялся жажду мою жгучую.

Видел я поблизости эту струйку чистую
Ручейка, бежавшего с пеной серебристою, —
Падал он каскадами и пустыню голую
Оглашал, играючи, песенкой веселою.

И к нему тащился я. . . Дух изнемогающий
Я в себе поддерживал мыслью ободряющей,
Силой воли гаснувшей и желанья жадного, —
Но не мог добраться я до ручья прохладного.

Я упал беспомощно. . . В мыслях всё смешалось:
Новое и старое, что вдали осталось,
Образы минувшего, всё мной пережитое,
Поле одинокое, трупами покрытое,

Эти лица мертвые, звезды, ночь холодная,
Зной затем полуденный и земля бесплодная,
Путь по ней, мной пройденный, ручейка журчание —
И от жажды бешеной жгучее страдание. . .

(1896)

9. НА БЕРЕГУ МОРЯ

Солнце ярко блещет, море тихо плещет,
Небо нежит взоры теплой синевою. . .
С сладостною ленью я прилег под тенью,
Под обросшей мохом серою скалою.

В этот полдень знойный, с негою спокойной,
Я хочу природой только любсваться;
Голубое море! на твоём просторе
Я теперь желал бы в челноке качаться.

Но челнок далёко, море так глубоко,
С веслами не слажу, править не умею,
Берег так пустынен, к дому путь мой длинен...
И лежу один я с думою своею.

В апатии праздной, под однообразный
Говор волн, что плещут, пенясь и сверкая,
Дума эта дремлет, смутно морю внемлет,
Как под песню няни, тихо засыпая...

Спи же, спи же, дума, чтоб не слышать шума
Бури и тревоги, что во мне таится!
Позабудь заботы, от своей работы
Отдохни, чтоб силой свежей обновиться.

Силы много надо; сон — одна отрада
Для души, изнывшей в муке беспредельной,
Усыпи мне, море, бешеное горе
Надолго своею песнью колыбельной!

Чтоб среди забвенья чудные виденья,
Радужные грезы ум мой наполняли,
Чтобы небо это, солнце с блеском света
В глубину больного сердца проникали;

Чтоб оно готово было к битве снова,
С силами собравшись, только что проснется, —
Как тот парус белый, что с надеждой смелой
По волнам коварным весело несется.

(1896)

10. КОШМАР

Тени мрака мне в душу вошли...
Ночь грозит мне, чело свое хмуря,
Небо давит, и где-то вдали
Воет буря.

Точно слышу унылый я звон, —
Он рыданьем в душе отдается...
Что за странный в уме моем сон
Создается?

Вправду ль сон? Только бездна кругом,
Только я шевельнуться не смею
И в глубоком бессильи моем
Цепенею...

О тоска, беспощадный палач!
То твои похоронные звуки,
Твоя тьма, твоя бездна, твой плач,
Твои муки.

И куда мне уйти от них прочь?
Света нет, пропасть мрака безбрежна, —
И меня охватившая ночь
Безнадежна...

(1896)

ПЕРЕВОДЫ

Генри Лонгфелло

11. ПЕСНЯ О ГАЙАВАТЕ ПРОЛОГ

Вы хотите знать — откуда
Эти песни и преданья,
От которых веет лесом
И лугов росистых влагой?
Вы хотите знать — откуда
Эти странные легенды,
Где вам чудится порою

Дым синеющий вигвамов
И стремленье рек великих
С их немолчным, диким плеском,
Раздающимся в пустыне,
Точно гром в ущельях горных?
Я отвечу, я скажу вам:
«От лесов, озер великих,
От степей страны полночной,
От земли оджибуэев,
От пустынных стран дакотов,
С гор и тундр, с низин болотных,
Где шухшухга с длинным носом
В тростниках находит пищу.
Эти дикие легенды
И преданья повторяю
Точно так, как сам их слышал
От индейца Навадаги —
И певца, и музыканта».
Если спросите — откуда
Почерпнул их Навадага,
Я отвечу, я скажу вам:
«Он нашел их в птичьих гнездах,
Над водой в бобровых норках,
Там, где ходит дикий буйвол,
Где орел в скалах гнездится!
Птицы дикие их пели
На низинах и болотах,
Читовейк-зук там пел их,
Манг-нырок, гусь дикий вава,
Цапля синяя шухшухга
И тетерка мушкодаза!»

Если больше знать хотите:
Кто такой был Навадага —
Я сейчас же вам отвечу
На вопрос таким рассказом:

«Средь равнины Тавазента,
В глубине долины тихой,
Близ смеющихся каналов,
Жил индеец Навадага.

Вкруг индейской деревушки
Шли поля, луга и нивы,
Дальше — лес стоял сосновый,
Летом весь в зеленых иглах,
А зимой — под белым снегом.
Эти сосны вековые
Вечно пели и вздыхали.
Те каналы можно было
Видеть издали в долине:
По стремительному бегу —
В дни весеннего разлива,
По ольхам ветвистым — летом,
И по белому туману
Над водой — порой осенней,
А зимой — по черной ленте,
Уходившей в глубь долины.
Там он пел о Гайавате,
О его рождении чудном,
И о том, как он работал,
Жил, страдал, терпел, трудился,
Чтобы в мире и весельи
Благоденствовали люди,
Чтоб народ его был счастлив!»

Вы, кто любите природу,
Мураву при блеске солнца,
Тень лесов и шепот ветра
Меж зелеными ветвями,
И метель, и шумный ливень,
И стремленье рек великих
В берегах, покрытых лесом,
По горам раскаты грома
В бесконечных отголосках, —
Вас прошу теперь послушать
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите баллады
И народные преданья,
Что звучат нам издалёка,
Нас маня внимать и слушать
Этот лепет, говорящий

Так наивно, так по-детски,
Что едва мы различаем,
Песня это или говор, —
Вас прошу теперь послушать
Я индейскую легенду,
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем сердце сохранилась
Вера в бога и в природу,
Сохранилось убежденье,
Что во все века, повсюду
Человек был человеком,
Что в сердцах у первобытных
Дикарей трепещут тоже
И желанья, и стремленья,
И тоскливые порывы
К непостигнутому Благу,
Что беспомощные руки,
Шаря ощупью, во мраке,
Руку божью находят,
Выводящую их к свету, —
Вас прошу теперь послушать
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые порою,
По околицам блуждая —
Там, где кисти барбариса
Перекинулись красиво
Через каменную стену,
Поседевшую от моха, —
На заброшенном кладбище
Разбираете, в раздумье,
Полустершуюся надпись,
Сочиненную нескладно,
Но в которой в каждом слове
Дышит светлая надежда,
Вместе с жгучей болью сердца, —
Прочитайте эту надпись,
Надпись грубую, простую,
Эту Песнь о Гайавате!

(1866)

Фердинанд Дранмор

12—13. (ИЗ ПОЭМЫ «ВАЛЬС ДЕМОНОВ»)

(1)

Я не могу на колени
Падать и в прах повергаться
Пред этим образом скорбным:
Он не дает мне надежды,
В душу отрады не льет.
Что мне до веры наивной,
Веры людей в искупленье,
Если мне внутренний голос
Шепчет, что «не был бог распят
И пригвожден ко кресту»?
О Иисус! Я не верю,
Что ты был бог, но я верую,
Что в твоём сердце горело
Пламя любви всеобъемлющей,
Божеской, вечной любви!
И глубоко пред тобою
В этот торжественный час
Я преклонился, Спаситель,
Как пред подвижником духа,
Плоть покорившим свою.
Воздал хвалу я любви всепрощающей,
Силе духовной твоей, —
Я, истомленный и тающий
В пламени мелких страстей...

(2)

В мрачном пространстве собора
Место одно лишь светилось:
Там, где в терновом венце
Распятый мира Спаситель
Голову долу склонил;
Там, где страдальца великого
Патеры в женских одеждах,

Дети в дыму фимиама
Культом языческим чтут,
Детские жертвы приносят,
Чтоб угодить небесам,
Помпой обряда земного
Сделав из дома Христова
Идоложертвенный храм.
Музыка храм наполняла.
Вслед за торжественно-грозным
Голосом труб раздавались,
С плачущих струн вылетая,
Гимны любви;
Арфы печальные звуки
Ввысь уносились под своды
К статуям ангелов светлых,
Сверху смотревшим с улыбкой
На распростертый народ;
Там замирали и снова
С неба на землю скользили,
Преображались в слезы
И как бальзам драгоценный
Капля по капле вливались
В раны истерзанных душ.

1875 (?)

«Много-много жизней пришлось пережить за свою жизнь и каждая рождала другие песни.

Вышел я на дорогу в темное ненастье. Над поэзией стоял стон некрасовских бурлаков. Лучшие из молодежи шли на муки во имя народа, который выдавал их урядникам. Правительство ссылало и вешало. Моя первая книга стихов была сожжена, и жандармский капитан, звеня шпорами, допрашивал меня: «Кого вы разумели под скалами и волнами?» От ссылки спасла какая-то амнистия. Прибавьте религиозные сомнения. . . Прибавьте Достоевского, до того полюбившего жизнь, что ушел с Алешей в монастырь. Толстого, до того полюбившего людей, что стал проповедовать неделание. Что осталось поэзии, кроме отчаянья, нитья, усталости? Первая жизнь.

Но ядро сохранилось нетронутым: непокорное «я» и мечта о боге. Покойный С. Венгеров в своей Истории Русской Литературы уделяет мне «печальное титло отца русского декадентства». Принимаю это титло без гордости и без раскаяния. Пришлось первому порвать с самодовольными и вступить на опасную тропу «холодных слов». Вторая жизнь.

Опасная тропа вела вверх. К мэоническим восторгам. К храму над пустотой. К двум путям добра. К вечным песням. Третья жизнь.

И внезапный обрыв. Первая революция. Изгнание. Рабство случайного труда. Пробуждение среди бессильной, бездорожной эмиграции. Чем будешь ты, моя четвертая жизнь?»¹

Так писал Минский в 1922 году, оказавшись вдали от родины, на чужбине, не зная, что ожидает его впереди, но имея за плечами долгую жизнь, отмеченную такими крайними увлечениями, которые вряд ли выпадали на долю кого-либо еще из русских литераторов того времени.

Его настоящее имя Николай Максимович Виленкин. Родился он 15 (27) января 1856 (по менее достоверным источникам 1855) года

---

¹ Н. Минский, Из мрака к свету. Избранные стихотворения, Берлин — Пб. — М., 1922 [Предисловие].

в селе Глубоком Виленской губернии в небогатой еврейской семье. Когда Минскому исполнилось двадцать шесть лет, он принял православие.

В юности приходилось туго: черта оседлости лишала человека многих прав. Нужно было рассчитывать только на свои силы. В 1875 году Минский окончил с золотой медалью гимназию, получив право поступить в университет. Он слушал лекции на юридическом факультете Петербургского университета, по окончании которого получил специальность юриста и степень кандидата прав. Не имея заработка, он поступил домашним учителем в богатую семью барона Г. Гинзбурга, вместе с которой жил некоторое время в Италии и Франции. Юридической практикой Минский не занимался и не интересовался ею: все его помыслы сосредоточились уже на литературе. Он успел напечатать много обличительных стихов, в том числе на страницах «Вестника Европы», одного из самых солидных русских журналов. Известность в народовольческих кругах получила его свободолюбивая поэма «Последняя исповедь», опубликованная нелегально. В это время и произошло описанное Минским событие: сборник его гражданских стихотворений, уже отпечатанный, был изъят цензурой и уничтожен (в 1883 году). Сохранилось считанное количество экземпляров. Еще через год запрещается к печати обличительная поэма Минского «Гефсиманская ночь». По этому поводу состоялось объяснение автора с самим министром внутренних дел графом Д. А. Толстым. Это был конец «первой жизни».

Назревавший исподволь поворот завершился тем, что Минский отходит от прежних кумиров и начинает искать «новых богов». Он погружается в изучение идеалистической философии (и сам создает субъективистскую философскую систему «мэонизма»), сближается с редакцией реорганизованного «Северного вестника», где его уже знали по опубликованной еще в 1884 году в киевской газете «Заря» статье «Старинный спор», в которой Минский со всей страстью неопита выступил в защиту «самостоятельной поэзии», свободной от публицистики и проповедующей лишь «вечное и чистое». Это была первая в России декларация принципов «новой поэзии». С видимым удовольствием он председательствует на заседаниях Религиозно-философского общества. Круг интересов его разнообразен: он пишет много стихов, изучает языки и переводит (в числе других переводов Минского имеется и полный перевод «Илиады»), печатает статьи и философские трактаты.

Так началась «вторая жизнь» Минского. В это время (1890-е — начало 1900-х годов) Минским и было завоевано «титло отца русского декадентства». Он отказывается от гражданской тематики,

целikom переходя на позиции «чистого искусства». Свою философскую систему, в которой значительное место отводилось пропаганде «новых» взглядов на искусство, он изложил в нашумевшем трактате «При свете совести» (1890), которому дал многозначительный подзаголовок: «Мысли и мечты о цели жизни». Созданная здесь теория «мэонизма» полностью основывалась на идеализме Канта и его положении о непознаваемости мира. Из этого положения Минский делает вывод о естественности и прямой причинной обусловленности стремления человека к «небывалому», «запредельному», «бесконечному». Он пишет: «...ограниченное пространство терзает и, как крышка гроба, давит нас своей ограниченностью... Мы устремляемся вперед, окрыляемся надеждою, не отыщется ли где-нибудь там, среди созвездий, то пространство, которое одно желанно и священо и успокоило бы душу... Пусть бесконечности нет, но стремление души вырваться из оков конечного — это стремление бесконечно».¹ Сама по себе мало примечательная, теория «мэонизма» вдохновила, однако, Минского на создание нескольких важных произведений, среди которых значительностью и поэтическим совершенством выделяется стихотворение «Как сон пройдут дела и помыслы людей...».

Разочарование в жизненных идеалах и отказ от борьбы — вот главные темы поэзии Минского этих лет. Вместе с тем его творческая активность в предреволюционные годы была чрезвычайно высока.

С наступлением 1905 года дело коренным образом меняется. Во взглядах, настроениях и поведении Минского произошел новый крутой поворот. Началась «третья жизнь», с новыми заботами и новой тематикой творчества. Минский ищет поля деятельности, он страстно хочет принять участие в общественной жизни. Он добивается разрешения на издание общественно-политической газеты, некоторое время подыскивает сотрудников, однако, не встретив ни в ком из близких людей сочувствия своей деятельности, предоставляет газету в распоряжение ЦК большевиков. Это была знаменитая «Новая жизнь», на страницах которой был напечатан ряд важнейших работ В. И. Ленина (статья «Партийная организация и партийная литература» и другие), «Заметки о мещанстве» М. Горького, партийные документы, революционные стихи и т. д. На какой-то промежуток времени «Новая жизнь» оказалась единственной в России легальной большевистской газетой. Сам Минский напечатал в газете свой известный «Гимн рабочих», вызвавший насмешки со стороны недавних союзников по символизму (например, Брюсова). В декабре

---

¹ Н. Минский, При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни, СПб., 1890, с. 181—182.

1905 года на двадцать седьмом номере газета была закрыта. Минский как редактор был арестован и привлечен к уголовной ответственности, но вскоре был выпущен под залог и эмигрировал за границу.

В эмиграции Минский прожил до 1913 года. Здесь он напечатал несколько статей, в которых объяснял свое участие в большевистском органе тем, что хотел придать освободительному движению «религиозный характер». Он так же искренне раскаивался сейчас в этом, как искренне несколько лет назад увлекся революцией.

Решив вернуться на родину, он направил из Парижа на имя министра юстиции Щегловитова прошение о помиловании. 6 сентября 1913 года Николай II вынес резолюцию, согласно которой Минскому разрешался беспрепятственный въезд в Россию. Восемилетняя эмиграция кончилась, поэт вернулся на родину. Однако судьба судила иначе: через год Минский по частному поводу ненадолго выехал за границу, где его застала мировая война; он снова оказался отрезанным от родины, и на этот раз навсегда.

К этому времени в критике полностью сложилось представление о Минском-поэте. Оно было выражено Григорием Полонским: «Как поэт, Минский не принадлежит к числу однажды рожденных. Напротив, он рождался не раз, умирал и воскресал не однажды и, если не считать кратковременных роздыхов, которые он себе предоставляет, переходя из одной фазы поэтического и духовного перевоплощения в другую, то его можно себе представить не иначе как в процессе непрерывного рождения... Минский не столько творит в своей поэзии, сколько очищается и освобождается от сотворенного и содеянного и часто с таким расчетом, чтобы от последнего, по возможности, и след простыл».¹

После революции, оказавшись за границей, Минский не воспользовался возможностью вернуться в Россию; но он держался строго в стороне от белоэмигрантской среды. Более того, как только установились дипломатические отношения между Советской Россией и Англией, Минский поступил на службу в советское полпредство в Лондоне, где прожил вплоть до 1927 года, имея советский паспорт.² Разрыв дипломатических отношений с Лондоном заставил Минского покинуть Англию. Он переехал во Францию и последние десять лет жизни прожил в Париже в полном одиночестве, никуда не выезжая

¹ «Русская литература XX века, под редакцией С. Венгерова», т. 1, М., 1914, с. 369.

² См.: И. М. Майский, Воспоминания советского дипломата. 1925—1945 гг., М., 1971, с. 31, 53.

и мало с кем встречаясь.¹ Стихов он уже не писал. Умер Минский в Париже 2 июля 1937 года.

Стихотворения Минского много раз переиздавались отдельными сборниками. Это прежде всего уничтоженный цензурой сборник 1883 года; затем сборник «Стихотворения», изданный в 1887 году и перепечатанный через год с того же набора в виде второго издания. В 1901 году в Петербурге выходит сборник новых стихотворений Минского — «Новые песни». Наконец, в 1907 году в Петербурге печатается «Полное собрание стихотворений» в четырех томах, подготовленное, очевидно, самим Минским, но вышедшее уже в его отсутствие и с целым рядом цензурных искажений. Последний стихотворный сборник был издан Минским в 1923 году в Берлине под заглавием «Из мрака к свету». Он содержал главным образом избранные произведения из числа опубликованных ранее; стихотворений, написанных после 1907 года, здесь почти не было.

14. НАШЕ ГОРЕ

Не в ярко блещущем уборе
И не на холеном коне
Гуляет-скачет наше Горе
По нашей серой стороне.
Пешком и голову понуря,
В туманно-сумрачную даль
Плетется русская печаль.
Безвестна ей проклятий буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смешна кричащая невзгода.

Дитя стыдливого народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкий крест несет без шума.
И лишь в тени родных лесов,
Под шепот ели иль березы,
Порой вздохнет она без слов
И льет невидимые слезы.
Нам эти слезы без числа
Родная муза сберегла...

(1878)

---

¹ См.: М. Ч а р н ы й, У Николая Минского. — «Октябрь», 1965, № 12, с. 192.

15. ПРЕД ЗАРЕЮ

Приближается утро, но еще ночь.

(Исаия, гл. 21, 12)

Не тревожься, недремлющий друг,
Если стало темнее вокруг,
Если гаснет звезда за звездой,
Если скрылась луна в облаках
И клубятся туманы в лугах:
Это стало темней — пред зарею...

Не пугайся, неопытный брат,
Что из нор своих гады спешат
Завладеть беззащитной землею,
Что бегут пауки, что, шипя,
На болоте проснулась змея:
Это гады бегут — пред зарею...

Не грусти, что во мраке ночном
Люди мертвым покоятся сном,
Что в безмолвии слышны порою
Только глупый напев петухов
Или злое ворчание псов:
Это — сон, это — лай пред зарею...

(1878)

16. В ДЕРЕВНЕ

Я вижу вновь тебя, таинственный народ,
О ком так горячо в столице мы шумели.
Как прежде, жизнь твоя — увы — полна невзгод,
И нищеты ярмо без ропота и цели
Ты всё еще влачишь, насмешлив и угрюм.
Та ж вера детская и тот же древний ум;
Жизнь не манит тебя, и гроб тебе не страшен
Под сению креста, вблизи родимых пашен.

Загадкой грозною встаешь ты предо мной,
Зловещей, как мираж среди степи безводной.
Кто лучше: я иль ты? Под внешней тишиной
Теченья тайные и дно души народной

Кто может разглядеть? О, как постигнуть мне,
Что скрыто у тебя в душевной глубине?
Как мысль твою прочесть в твоём покорном взоре?
Как море, темен ты, — могуч ли ты, как море?

Тебя порой от сна будили, в руки меч
Влагали и вели, — куда? — ты сам не ведал.
Покорно ты вставал... Среди кровавых сеч
Не раз смущенный враг всю мощь твою изведаль.
Как лев бесстрашный, ты добычу добывал,
Как заяц робкий, ты при дележе молчал...
О, кто же ты, скажи: герой великодушный
Иль годный к битве конь, арапнику послушный?

1878

17. СЕРЕНАДА

Тянутся по небу тучи тяжелые,
    Мрачно и сыро вокруг.
Плача, деревья качаются голые...
    Не просыпайся, мой друг!
Не разгоняй сновиденья веселые,
    Не размыкай своих глаз.
        Сны беззаботные,
        Сны мимолетные
        Снятся лишь раз.

Счастлив, кто спит, кому в осень холодную
    Грезятся ласки весны.
Счастлив, кто спит, кто про долю свободную
    В тесной тюрьме видит сны.
Горе проснувшимся! В ночь безысходную
    Им не сомкнуть своих глаз.
        Сны беззаботные,
        Сны мимолетные
        Снятся лишь раз.

1879

18. ПОСЛЕДНЯЯ ИСПОВЕДЬ

Внутренность каземата. Пять часов утра. На железной койке лежит исхудалый юноша. За дверью шаги и бряцание ключей. Заключенный быстро садится. Входит священник с распятием; в глубине смутно видны фигура в красной рубахе и солдаты.

Священник

Во имя

Отца и сына и святого духа,
Аминь!

Молчание.

Очнись, мой сын! Великий миг
Приблизился. . .

Молчание.

Мне краткие мгновенья
Беседовать позволено с тобой:
Не трать, мой сын, мгновений дорогих!

Молчание.

На страшный путь ты должен запастись
Спокойствием и бодростью. . . Я мир
Душе твоей несу.

Осужденный

(оглядываясь и указывая на палача)

А этот телу?

Священник

И я, и он — покорные послы
Пославших нас: небесной власти — я,
А он — земной. Я вестник всепрощенья
И благодати творца, а он. . . он казни
Невольный вестник. . .

Осужденный

Ты сперва простишь,
А он потом казнит меня — не так ли?

Священник

Людская казнь свершится и пройдет,
Но вечною пребудет благодать божья;

Не отвергай последний дар любви —
Земной залог господня примиренья.
Покайся, сын, в грехах. . .

О сужденный

Старик,
Уйди! В моих раскаявшись грехах,
Смертельный грех я б совершил пред смертью.
На грех такой меня духовный пастырь
С распятием в руках склоняет! . .

Священник

Сын мой,
Между тобой и судьями твоими
Не я судья. Молитву я, не суд
Пришел творить. Молись, дитя, и кайся!

О сужденный

Пусть будет так! Услышь же ты, старик,
Предсмертное раскаянье мое!

Прости, господь, что бедных и голодных
Я горячо, как братьев, полюбил. . .
Прости, господь, что вечное добро
Я не считал несбыточной сказкой.
Прости, господь, что я добру служил
Не языком одним медоточивым,
Но весь — умом, и сердцем, и руками. . .
Прости, господь, что родине несчастной
И в смертный час я верен остаюсь,
Что я, рабом родившись меж рабами,
Среди рабов — свободный умираю.
Прости, господь, что я к врагам народным
Всю жизнь пылал священной враждой,
Что я друзьям не изменял в несчастье,
Что вырывал из хищных лап злодеев
Невинные истерзанные жертвы;
Что гадине смертельно-ядовитой
Я притуплял отравленные зубы;
Что я смутил безумным воплем мести
Развратный пир прожорливых святош,
Что я убийц казнил за их убийства. . .

Священник

Молчи, молчи! Ты раны растрavляешь,
И без того зияющие в сердце
Твоем больном. Последнюю молитву
Не так творят. Есть тихие слова
Любви, прощенья. . . Слушай, сын мой: если
За тяжкий грех заслуженную кару
Теперь несешь, — пусть льется горячо
Пред господом раскаянье твое!
Он милостив. Раскаявшийся грешник
Ему милей, чем тот, кто не грешил.
Но если ты безвинно умираешь,
Вдвойне теплей и ярче пусть горит
Последняя твоя молитва богу!
Идя на казнь невинно, помолись
Тому, кто сам невинно был казнен;
Вручи себя тому, кто нам когда-то
Себя вручил. Ты скорбь свою поведай
Тому, кто сам скорбел лютейшей скорбью.
Молись тому пред казнию, кому
Во время казни подражать ты должен. . .
И он казнен за бедных и голодных,
Но в смертный час врагов не проклинал.

Осужденный

Ты задевать умеешь струны сердца.
Я сам, старик, продумал о Христе
Последний день своей недолгой жизни.
И много, много думал я. . .

Священник

И что же?

Осужденный

И я решил, что если на Голгофе
Века назад своей святою кровью
Грехи людей Христос бы искупил,
То не было б моей сегодня казни. . .

Священник

Его пути для нас непостижимы. . .

Осужденный

Молчи, старик! Ты слышишь ли далекий
Зловещий гул? То праздная толпа
На смерть мою сбирается глазеть...
Теперь, старик, дерзнешь ли ты о боге
Мне говорить? О, если б в небесах
И жил господь, то, этот гул услышав,
В себе самом он стал бы сомневаться...

(Прислушивается)

Толпа растет... всё ближе... и о чем
Кричит она? То крики нетерпенья,
Или восторг, иль шутки площадные?
О, подожди, народ нетерпеливый!
Уж близок час, затихнет скоро сердце,
Что лишь к тебе любовью билось страстной,
Лишь за тебя скорбело и молилось...
Народ! народ! Жених свою невесту
Не любит так, как я любил тебя!
Народ... Мой слух ласкало это слово,
Как музыка небес... В часы сомненья
Я воскресал мечтою о тебе,
Как жаркою молитвой. Дом родимый,
Отца и мать безропотно я бросил
И лишь тебе, как бы отшельник богу,
Я посвятил всю жизнь, все силы духа...
С тех пор иных не ведал я печалей,
С тех пор иных я радостей не знал.
Там, в тишине твоих полей просторных,
Там, в суете твоих лачужек тесных, —
Там плакало, там радовалось сердце...
О, горький час! ты горше часа смерти!

(Задумывается)

Меня везут в позорной колеснице.
Я на глазах обманутого народа
Свою любовь к народу искупаю...
А он молчит... Ничья рука не в силах
Повязку лжи сорвать с его очей...
День радости врагам ты подаришь...
Но нет! Клянусь, я отравлю им радость
И грудь толпы заставлю трепетать!

Я не совсем бессилён, — умереть
Осталось мне, и грозное оружие
Я на врагов скую из этой смерти...
Как надо жить, людей не научил я,
Но покажу, как надо умирать.
Пусть палачи от злобы побледнеют...

Священник

Прощай, мой сын! Сюда с надеждой шел я,
С отчаяньем отсюда удаляюсь;
Не дал господь мне, своему слуге,
Твой тронуть дух...

Осужденный

Вы — слуги божьи? Так ли?
Но для кого ваш бог страдал и умер?
Кому служил он? Сильным? Богачам?
Зачем же вы с сильнейшими в союзе?
Как верных псов, над овцами своими
Назначил вас блюсти небесный пастырь, —
Зачем же вы с волками подружились?
Из всех врагов презреннейшие вы!
Трусливые, со сладкими словами,
Изменники, лжецы и лицемеры!
Что нам в словах возвышенных и добрых!
Полезнее нет силы, чем огонь,
И без огня зверями были б люди.
Но изверг тот, кто тихомолком пламя
Под хижину подбросит бедняка.
Так и любовь, прощение и кротость —
Великие, священные слова;
Но те слова кому вы говорите?
Зачем меня учить теперь прощенью
Явился ты? Я — слабый, бедный узник,
Что через час уснет могильным сном...
О, если б ты и убедил меня,
Скажи, кому нужна моя пощада?..
Зачем с такой же речью о прощеньи
Ты не пошел к моим всемогущим судьям?
Их убедив, ты спас бы тотчас жизнь...
Так вы всегда: когда бедняк без хлеба
В виду безумных пиршеств издыхает,

Вы к бедняку подходите с крестом
И учите умеренности скромной. . .
Когда народ в цепях тирана стонет,
Смирению вы учите народ.
Тому ль учил божественный учитель?
На то ль дал крест, чтобы исподтишка
Его крестом вы слабых убивали?
Когда я смерть приму на эшафоте
И громко лгать начнут все языки,
Скажи, о чем народу скажешь в церкви?
Что к свету я стремился? Бсжий храм
Кто осквернит кощунственной ложью?
О бедный край мой! Море гнусной лжи
Тебя залило мутными волнами
Со всех концов: в семействе лжет отец
Перед детьми, а в школе лжет учитель,
В твоих церквях лгут слуги алтарей. . .
Поверь, что мне палач стократ милее,
Чем лживый поп.

(Обращаясь к палачу)

Невольный вестник казни!
Ну, начинай! Надеюсь, ты свое
Успешнее исполнишь порученье. . .

Палач выходит на середину каземата. Священник медленно и дрожа всем телом удаляется. Осужденный смотрит ему вслед.

Как он дрожит! Как бледен! Эй, старик,
Постой! В твоих глазах я встретил слезы,
И голос твой дышал ко мне участием. . .
Твое лицо я первое в тюрьме
Беззлобное увидел. . . Перед смертью
Укоров я не слышал от тебя. . .
Старик! твою я презираю рясу,
Но доброе под ней, быть может, сердце. . .
Как поп — мне враг, как человек — быть может,
Ты мне и друг. . . Прими же в благодарность
Ты мой поклон и теплое спасибо! . .

Кланяется священнику; палач связывает ему руки.

1879

19. БЕЛЫЕ НОЧИ

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Румянцем чахоточным слабо горя,
Вечерняя медленно гаснет заря,
Болезненно гаснет — и не угасает...
На западе отблеск еще не исчез,
И белая ночь среди бледных небес
Больную зарю обнимает.

С той ночью не свыкшись с младенческих лет,
Заснуть нелегко в час урочный.

На землю струится безжизненный свет,
Все краски подернуты дымкой молочной.
Светло. Не бросают предметы теней.
Нет блеска в цветах. Все слились переливы.
Лучи не мерцают игрой прихотливой,
И ближе всё кажется, больше, белей...
Светло, будто днем, и знакомой картины
Кругом различаются ясно черты:
Цветущие, в белых букетах, рябины,
Березы растрепанной кудри-листы,
Веселый наряд разодетой сирени,
Акации женственной желтый цветок,
Высокие сосны и низкий дубок,
И тополь случайный, а там, в отдаленьи,
Туман или пыль на бесплодных лугах.
Всё то же, как днем, только в прежних чертах
Иное сквозит выраженье. Природа
Знакомым покойником кажется мне...

Щемящая боль и тупая невзгода
Незримо разлиты в больной тишине
И в белом мерцании северной ночи.
Уставив на землю открытые очи,
Со скорбью, застывшей на бледных устах,
Тревожно и молча, с лицом помертвелым,
Широко закутана саваном белым,
Бесстрастно лежит эта ночь в небесах,
Как будто в гробу...

Эти ночи пугают

Всех жизнью довольных. Они убегают
В те страны, где тени к лобзаньям манят,
Где страстью и негою звезды горят.

Но я полюбил тебя, мне ты — подруга,
О севера ночь! Мне отрадно встречать
Твой призрачный взор: в нем я вижу печать
И повесть читаю иного недуга,
Страданий иных. . .

Этот свет без светил,
Без звезд небеса, тяжкий сон без видений,
Объятья без ласк и печаль без волнений,
Без тайн красота, жизнь без жизненных сил
И смерть без боязни — увы! мне знакомы
Черты этой вялой, бессильной истомы. . .

Бежит от усталых очей моих сон,
В усталую душу тревога стучится,
И скорби родник снова в сердце сочится,
Заветной струны снова слышится звон.
Давно она тайно звенит. Ее звуки
В душе без исхода теснятся давно.
Пора! Хоть в словах изолью свои муки,
Коль в дело мне их воплотить не дано!
И может быть, стройное песен течение
Великую скорбь усыпит на мгновенье. . .
В тех песнях скорблю не о горе большом, —
О горе сермяжном земли неоглядной:
Страданий народных, как моря ковшом,
Нельзя исчерпать нашей песней нарядной.

. . . . .
О тех я скорблю, чью любовь осмеяли,
Кто злобы не мог в своем сердце найти,
Кто полон сомнений и полон печали,
Стоит на распутьи, не зная пути.
Пою и скорблю о больном поколеньи,
Чьи думы умом я согласным ловил,
Чье сердцем подслушивал сердцебиенье,
Кому я и песни, и жизнь посвятил. . .

К тем песням не муза меня вдохновляла;
Что сердце терзало, рука написала.

То — песни, что долго в душевной тени
Таил я, покуда таить было мочи;
То — песни, зачатые в черные дни,
Рожденные в белые ночи. . .

НОЧЬ ВТОРАЯ

Как гробницы свинцовые в склепе фамильном,
Много скрыто видений во мраке души.
То останки былого покоем могильным
Цепенеют и спят в непробудной тиши.
Лишь в бессонную ночь — ночь борьбы и разлада —
Сходит память-волшебница в душу порой
И стучит по гробницам костлявой рукой,
    Как поет дней старинных баллада.
Разверзаются гробы, виденья встают. . .
Позабывшие образы, чувства и лица,
Торопясь, покидают свой тесный приют
И кружатся в душе, как теней вереница.
А с зарею они исчезают, спеша,
И опять, как кладбище, пустынна душа. . .

И когда предо мною мелькают
Эти пестрые сонмища лиц и картин,
Среди образов светлых, что взор мой ласкают,
    Всех светлее сияет один.
Это — ты, бедный друг, лучшей доли достойный.
Как живой, ты отлился в душе у меня:
Озабоченный вид, взгляд всегда беспокойный,
Разговор неискусный, но полный огня. . .
Ни глубоким умом, ни талантом счастливым
Средь плененных тобою друзей ты не слыл.
Чем-то веяло детским и строго стыдливым
От черты твоей всякой: ты искренен был.
Ты страдал, как и все мы, болезнью одною,
Но сильнее и глубже страдал. То, что нас
Мимолетною болью задело б на час,
То тебя заливало могучей волною. . .

Кто тоскою по правде из нас не болел?
Кто спасти род людской не пытался украдкой?

Всякий думал над жизни тяжелой загадкой,
А когда разгадать не умел,
Примирился с непонятой жизнью невольной,
Хоть было и стыдно, и больно.
Но неведомы сделки для честной души.
Ты умом не лукавил и сердцем не гнулсся,
И в тот миг, как ты с жизненным сфинксом
столкнулся,
Жребий брошен был твой: иль умри, иль реши...
И ты умер, товарищ, любя человека,
Пал незлобивой жертвою злобного века.

Помню: вечер осенний стоял за окном.
В тесной комнатке свечи горели.
Молчаливо товарищи жались кругом
И на труп твой, с зияющей раной, глядели.
Все казались спокойны; по бледным щекам
Не катились слезы, хоть горло давили.
Невеселые думы по лицам бродили,
И предсмертные строки твои по рукам,
Словно чаша на тризне, ходили.
Ты писал:
«Я не знаю, где правда и свет,
Я не знаю, какому молиться мне богу...
Я, как в сказке царевич, блуждал с юных лет,
В край заветный искал я дорогу —
И к распутию пришел наконец... Впереди
С тайной надписью камень стоял одинокий.
И прочел я на нем приговор свой жестокий.
Я прочел: «Здесь лежат пред тобой три пути,
Здесь раскрыты три к жизни ведущие двери.
Выбирай, что твоим отвечает мечтам:
Пойдешь вправо — жди совести тяжкой потери,
Пойдешь прямо — съедят тебя лютые звери,
А налево пойдешь — станешь зверем ты сам...»

И заснуть, о друзья, предпочел я в преддверьи...»

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

В шумный досуг, за работой немою,
В тихую ночь и в рокошущий день —
Вечно мелькает, парит предо мною
Чья-то воздушная тень.

Кто она? Чья она? Добрая, бледная,
С ласковой скорбью на тонких устах,
Светит-лучится любовь всепобедная
В девственно-скромных глазах.

Все мои думы, глубоко хранимые,
Всякий порыв сокровенных страстей,
Тайны молитв моих, песни любимые —
Всё это ведомо ей.

Вечно мне в сердце глядит она, нежная.
Если покой в этом сердце царит,
Кроткий покой и любовь безмятежная. —
Взор ее счастьем горит.

Если же сердце враждой зажигается,
Если мой стих превращается в меч,
Плача, она надо мной наклоняется,
Шепчет мне кроткую речь. . .

Полно шептать мне слова бесполезные!
Нам без вражды невозможно любить,
Как невозможно оковы железные
Нежной слезою разбить.

Дай ненавидеть мне! В битве пылающей
Муки дай сеять и муки принять!
Что же ты снова глядишь умоляюще,
Что же ты плачешь опять?

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Льется, льется дождик медленно и ровно,
Тягостный, как голос совести виновной,
Долгий, как изгнание, мощный, как судьба,
Терпеливый, будто старая раба.

И, как дождик в окна, крылья скорби черной
В сердце ударяют тихо и упорно.
Ноет сердце, ноет — тяжело вздохнуть,
Камнем тяжким слезы падают на грудь.

Льется, льется дождик, будто поневоле.
Истомилось сердце. . . Сил страдать нет боле.
Струны напряглися, струны порвались,
И в одно желанье силы все слились:

Почерней, о небо! Заклубитесь, тучи!
По небу помчитесь вы грядой могучей.
Громом разбудите вековечный сон,
Молнией зажгите черный небосклон. . .

Пусть грохочет буря, пусть гроза бушует.
Сердце встрепенется, сердце возликует.
Гром я встречу песней, радостной, как гром,
Под грозой взовьется мысль моя орлом. . .

Пусть стволы деревьев ураган ломает,
Пусть весь лес от молний ярко запылает, —
Жизни! Жизни! Жизни! Истомилась грудь,
Раз хоть полной грудью хочется вздохнуть!

Знаю: гром ударит и в мое жилище,
Может быть, я первый стану грома пищей.
Лишь могло бы только дерево ожить,
Об упавших листьях нечего тужить! . .

НОЧЬ ПЯТАЯ

Прочел я свой безумно-исступленный
Вчерашний бред, и ужас, точно льдом,
Сковал мне грудь, — лицо горит стыдом,
И горький смех звучит в душе смущенной.

«Ты ль о грозе взываешь роковой,
Ты, кротости родник неистощимый?
Грянь первый гром из тучи грозовой,
Кто первый бы взмолился: мимо! мимо!
И разразись нещадная гроза,
Чьи непрестанно плакали б глаза,
Кто б горевал возвышенно-умильно
Над каждым чуть придавленным цветком,
Над каждым чуть затронутым гнездом?
Дитя душой, жрец кротости бессильной. . .»

. . . . .
Жрец кротости! дитя! . . Да, я — таков.
Но были дни — и этим я гордился;
Сон золотой тех золотых годов
Еще в душе моей не испарился.
Давно ль, давно ль. . . О грезы детских дней,
Зачем вы вдруг так ярко засверкали?
Печальна повесть юности моей.
Заботы колыбель мою качали.
Раздор в семье, сиротство с юных лет
Лишили рано ум беспечности свободной.
Я жизнь влачил в толпе униженно-холодной,
И неприветен край, где я увидел свет.
Я вырос в ужасах години безотрадной.
Я видел, как народ, сраженный, ниц упал,
Как храмы божии ломались беспощадно,
Как победитель их в казармы превращал.
Из детских лет я помню образ дикий:
Бил барабан. . . С телег носились крики
И стоны раненых. Струилась кровь с колес,
И эту кровь лизал голодный пес. . .

Но ужасы, раздор и униженья
Враждой довременной мне сердца не зажгли.

Восторги чистые любви и вдохновенья
В младенческую грудь бог весть как забрели.
Знать, в воздухе тогда, как семена, незримо
Мечты высокие носились. Дитя,
Я чуток был душой — и свежая струя
Над сердцем девственным не пронеслася мимо...
О, будь благословен тот день, как в первый раз
Я обнял всех людей любовью необъятной,
И сладко сжалась грудь тоскою непонятной,
И первая слеза из детских пала глаз!..
Дитя душой!.. Жрец кротости бессильной...
Да, кротостью в те дни любовь моя была.
Богиней ласковой и страждущей обильно,
Учащую добру, не помнящую зла,
Любовь являлась мне — и, полные печали,
О всепрощении слова ее звучали.
От жизненных забот и жизни суеты
Моих очей она не отводила...

О нет! Не раз она с собой меня водила
В жилища грязные труда и нищеты —
И почитать велела их, как храмы.
И поднималась потом она со мной
В жилища роскоши и праздности людской,
И, с яркой мишуры позолоченной рамы
Срывая блещущий обманчивый покров,
Картину тайных мук мечте моей чертила,
И нищих-богачей, как нищих-бедняков,
Любовью равною любить меня учила.
Учила, став со мной среди толпы вдвоем
Перед голгофами, излюбленными веком,
Скорбеть над жертвою, скорбеть над палачом —
Над губящим и над погибшим человеком.
Она ввела меня в священный храм веков,
Но с ветхих стен его заботливо стирала
Лозунги ветхие и вместо прежних слов
Лишь слово «человек» лужисто начертала...

За этот дивный сон, о молодость моя,
Не помню я твоих печалей и страданий.

Как утренний восток, в безоблачном сияньи,
Стоишь ты предо мной, сверкая и маня.
И словно сгнивший ствол вершиною зеленой,
Как черный прах земли небесной синевой,
Как мрачная скала нетающей короной —
Так жизнь печальная увенчана тобой.
На небесах твоих горят воспоминанья,
Как звезды яркие — чем дальше, тем светлей,
И кротко смотрят вниз, и в ночь души моей
Струится чистый свет их дальнего мерцанья.

Да, ночь теперь в душе, и ночь стоит вокруг,
И воздух напоен отравой злобы дикой.
Что случилось со мной? Как мог забыть я вдруг
Уроки кроткие наставницы великой?
Зачем любовь теперь является ко мне
Сурово-страстная, с кровавыми руками
И, задыхаяся в горячечном огне,
Всё бредит битвами, и мезтью, и бойцами?
О, как душа скорбит! Как стал я одинок!
Я ль это!.. Я — грозы, я — жаждал разрушенья!
Стыдом горит лицо, в душе горит упрек,
Меня преследуют зловещие виденья.

Мне снится мрачный дух — я сам к нему взывал,
Дух мести и грозы. Чрез весь мой край родимый
Промчится бурно он, как разъяренный шквал, —
Застонет родина от боли нестерпимой.
Он, как пожар, пройдет... Сперва сердца людей,
Потом испепелит людские он жилища.
Он когти обострит у дремлющих страстей.
На месте городов воздвигнет он кладбища.
И там, в тиши полей, в безмолвии лесов,
Где ныне труженик покорно и без слов
Гнет выю крепкую под иго вековое, —
Там пламя злобы он раздует роковое,
И впившийся металл заржавленных цепей
Из тела узника он вырвет с телом вместе,
И жертвы кроткие отравой сладкой мести
Злорадно превратит в суровых палачей.
А кровь невинная... А мрачная свобода,

Что кровью добыта. . . А грозного народа
Горячей крови раз вкусившие мечи. . .

Скорбит душа моя. . . Прозрения, исхода!
Учитель, где ты, где? Приди и научи!

Не мимолетна скорбь, сомненья не случайны,
Что давят грудь мою. И грозовая тень
Легла на все сердца, сгущаясь каждый день.
И с каждым днем в душе всё громче голос тайный
Рыдает и зовет: «Восстань, очнись, поэт!
Забудь сомнения! В безмолвии суровом
В сердцах скопляется гроза — источник бед.
Восстань, гони ее любви могучим словом,
Зови: да будет мир! Зови: да будет свет!
И тихий возглас твой, другими повторенный,
Быть может, прозвучит победною трубой,
Как слабый звук средь скал, встревожив камень
сонный,
Обвала грохотом разносится порой. . .»

1879

20. ПОЭТУ

Не до песен, поэт, не до нежных певцов!
Ныне нужно отважных и грубых бойцов.
Род людской пополам разделился.
Закипела борьба, — всякий стройся в ряды,
В ком не умерло чувство священной вражды.
Слишком рано, поэт, ты родился!

Подожди, — и рассеется сумрак веков,
И не будет господ, и не будет рабов, —
Стихнет бой, что столетия длился.
Род людской возмужает и станет умен,
И спокоен, и честен, и сыт, и учен. . .
Слишком поздно, поэт, ты родился!

1879

21. НА ЧУЖОМ ПИРУ

Я видел праздник на чужбине,
Свободы славный юбилей.
Еще мне грезится доньше
Безбрежный океан огней,
Толпы восторженные клики.

Признаться, с завистью глухой
Глядел на праздник я чужой.
Твой образ кроткий и великий
В мечтах, о родина, мелькал,
10 И было сердцу так же больно,
Как если б я попал невольно
К чужой семье на яркий бал,
Оставив мать больную дома...
Здесь блеск, и жизнь, и смех, и шум.
А там... Бессонница, истома,
Терзанья одичалых дум.
Всё тихо, мрачно, всё постыло,
Звучат проклятия всему...
Да, я завидовал, и было —
20 Клянусь — завидовать чему!
Доньше празднество такое
Едва ль гремело под луной.
То было торжество людское
Над побежденною судьбой.
Восторг победы горделивый,
Грядущих подвигов залог,
Забвенье распрей и тревог,
Гимн человечества счастливый...

Еще с утра, как пред грозой,
30 Толпа кипела тайно. Каждый
Томился счастья жгучей жаждой.
Пред набегавшею волной
В волненьи сладком замирали
У всех сердца. Все ночи ждали —
И ночь пришла...

Полна чудес

Была та ночь. Не свод небес —
Земля несчетными огнями
Зажглась, в мгновенье ока, вся,
И пламенели небеса,
40 Земными облиты лучами.
В один сверкающий чертог
Столица мира превратилась,
Палаты царские светились
На месте улиц и дорог,
Для пира царского. Беспечных
Лился поток народных масс.
Никак не верилось в тот час,
Что не для наслаждений вечных
Неувядаемой весны
50 На свет все люди рождены,
Что где-то горькою заботой
Зачем-то опечален кто-то...

Но не красую площадей,
Не блеском праздничных огней
В тот вечер сердце умилялось.
Средь улиц, сумрачных всегда,
Где труд ютится и нужда,
Иное празднество справлялось.
Народ сознания своего
60 Справлял святое торжество.

Похож был праздник на сраженье.
Шум, давка, топот и смятенье,
Стрельба из окон, лес знамен,
Восторг, безумье, опьяненье,
И дым, и свист, и гул, и стон...
Толпы ликующей потоки
Шумят, сливаются, бегут
И вместе далее текут
Туда, на площадь, где высоко,
70 И величава, и стройна,
Стоит венчанная жена
С мечом и с факелом, пятою
Поправ насилие и мрак,

И, как над бездною маяк,
Царит безмолвно над толпою.

Я у подножья твоего
Стоял, о чуждая свобода,
Я, млея, видел торжество
Твое и твоего народа.
80 Он, как жену, тебя ласкал,
Тебе молился, как богине.
Мир жарче ласк не зрел доньше,
Молитвы чище не слышал.
Я видел: старики рыдали,
И матери своих детей
К тебе с молитвой поднимали.
Чужие, с радостью друзей,
Друг друга крепко обнимали.

В избытке чувств, само собой
90 Свободно окрыляясь, слово
Лилось, правдиво и сурово,
Перед внимательной толпой.
Забыл народ былые раны
И ликовал, как грудь одна.
Все от восторга были пьяны
И ни единый — от вина.
Толпа шумящая сливалась
В семью великую граждан.
Душа росла и очищалась,
100 И, словно пламя в ураган,
Далёко песня разливалась
Из груди в грудь, из уст в уста,
Как на полях тех битв неравных,
Где всех врагов своих бесславных
Не раз сражала песня та,
Как гром рассерженной свободы,
И от неволи край родной,
И от позора все народы
Спасала силой неземной. . .

110 Да, то был праздник и — сраженье.
Врагам свободы поражение

Одной лишь радостью своей
Нанес ты, о народ великий!
Когда из тысячи грудей
Неслись ликующие крики,
Исчадья злобы вековой
Завыли от предсмертной боли.
Ты наступил на грудь неволи
Своею пляшущей пятой!
120 Ты в этот день, с богами сходен,
Все блага высшие постиг!
Ты был спокоен и свободен,
Ты был разумен и велик!..

И внемля с завистью чужих восторгов шуму,
Отчизна, о тебе нерадостную думу
Невольно думал я... С твоею нищетой,
С твоей застывшею, безмолвною кручиной,
Перед ликующей чужбиной
Ты показалась мне библейскою вдовой,
130 Что на распутиях беспомощно скорбела...
Да, на распутиях, родимая страна,
Все годы лучшие ты провела одна.
Небес ли над тобой проклятье тяготело,
Иль обессилил враг, иль поразил недуг?
Как тайну разгадать твоей судьбы плачевной?
Ни глубиной ума, ни кротостью душевной
Не ниже ты своих счастливейших подруг,
Добрее нет, сильнее нет народа
Твоих сынов-богатырей,
140 И поражает щедростью своей
Твоя богатая природа.
Ты изобильна всем, чем красен божий свет,
Что счастье людское созидает.
Зачем же счастья в тебе, отчизна, нет?
Зачем же твой народ, народ-Тантал, страдает,
Всем беден, лишь одним терпением богат,
О лучшем будущем заботясь так же мало,
Как бы о роскоши случайного привала
За час пред битвою солдат?..
150 О родина моя, о родина мечтаний!
Где тот, кто жизни путь откроет пред тобой,

И кто от вековых скитаний
Твоих детей больных вернет под кров родной?
Нет перепутя, твои где не блуждали
Мечты высокие и честные печали.

Нет громких слов, нет светлых грез,
За что не пролила ты крови или слез.
Нет тех чужих пиров, где ты бы не хмелела,
Нет тех чужих скорбей, чем ты бы не скорбела,
160 Болезней нет чужих, чем ты бы не болела!..

О родина моя! Ты на груди своей,
На любящей груди, и ядовитых змей
И кротких голубей не раз отогревала,
Лишь про детей своих всегда ты забывала...
Ты всё извела: высокие мечты,
Правдивой совести святые укоризны,
Паренье в небеса и жажду красоты.
Когда же ощутишь ты жажду жизни, жизни?
Когда начнет народ твой знание любить,

170 Когда про рабство позабудет
И горя горького не будет

Ни в будни накоплять, ни в праздники топить?..
Когда, о мать моя, твои затихнут стоны
И не дерзнут кичиться пред тобой
Народы всей земли — как честные матроны

Перед погибшею женой?

Кичиться — чем? Не ты ль оберегала
Чертог, где пир себе готовили они,
И грудью ураган не ты ли задержала,
180 Грозивший потушить их яркие огни?
И что ж? Когда потом и ты в чертог вступила,

Там места не было тебе... .

Когда от светочей ты бурю отклонила,
Во тьме осталась ты, подобная рабе... .
И стал твой жребий — скорбь, и имя — слово

брани... .

О родина моя! О родина страданий!..

*14 июля 1880
Париж*

22. (ИЗ «ПОЭМЫ ПЕСНИ О РОДИНЕ»)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Не ждал меня корабль на лоне синих вод,
    Не плакал горько паж любимый
И верный пес не выл пред замком, у ворот,
    Когда «прости» стране родимой
Печально я шептал. Висело над землей
    Туманов серых покрывало.
То было вешним днем, и с неба дождик злой
    Чуть моросил бездушно-вяло.
Я засмеялся вслух, припомнив, что весной
    Зовем мы этот ад суровый.
Весна, весна! . . Увы, в моей стране родной
    Звучит насмешкой это слово.
Весна! . . Но нет весны в отчизне у меня
    Ни у людей, ни у природы.
И, глядя на тоску рыдающего дня,
    Невольно детства вспомнишь годы. . .

2

Я у окна стоял. . . Кругом сгущалась тьма,
    И под покровом тьмы кромешной,
Как люди, мрачные, тянулись дома,
    Как тени, люди шли поспешно.
Я думал: вот прошло пять лет, пять лучших лет,
    В пылу надежд, в чаду сомнений.
Но где священный прах, где в сердце тайный след
    От тех восторгов и томлений?
С отчизной отчего проститься мне не жаль
    И отчего поля чужбины,
Как прежде, не влекут в таинственную даль?
    Увы, дрожащий лист осины
Сильнее прикреплен к родной земле, чем я;
    Я — лист, оторванный грозой.
И я ль один? . . Вас всех, товарищи-друзья,
    Сорвало бурей одною.
Кто скажет: почему? Мы ль не громили ложь,
    Мы ль жертв не жаждали? . . Нет края,

Такого в мире нет угла, где б молодежь,
Все блага жизни презирая,
Так честно, как у нас, так рано обрекла
Себя служению правде строгой.
Жизнь чуть ли не детьми нас прямо повела
Тернистой подвигов дорогой.
Нам сжал впервые грудь не женских ласк восторг,
Не сладкий трепет страсти новой,
И первую слезу из детских глаз исторг
Не взгляд красавицы суровой.
Над скорбной родиной скорбевшие уста
Шептали первые признанья;
Над прахом дорогим товарища-бойца
Звучали первые рыданья.
Взамен беспечных слов беседы молодой
Мы совесть раскрывали нашу;
Взамен хмельной струи из чаши круговой
Мы испытаний пили чашу.
И что же? Где плоды всех подвигов? Кого
Наш пламень грел, кому он светит?
Нет нас честней и нет злосчастней никого.
Но почему? О, кто ответит?!

8

Напрасно над тобой, родимая страна,
Промчался правды светлый гений.
Напрасно сеял он живые семена
Высоких дум, святых стремлений.
Напрасно он сердца дремавшие будил,
Росой надежды окропляя.
Напрасно молодость на зло он ополчил
И в битву вел, благословляя.
Вослед за гением желанным над тобой
Другой промчался мрачный гений.
Как вихорь, посланный завистливой судьбой,
Он всё губил в своем стремленьи;
И там, где падали живые семена,
Кропил он мертвою водою;
И там, где молодость цвела, надежд полна,
Чертил он гроб своей клюкою;

И там, где слышалась благословенья речь,
Шептал проклятья он сурово,
Чтоб кровь бесцельная багрила братский меч,
Чтобы бесплодно было слово.
Сбылись проклятия! Порывы и мечты
Изъела ржавчина бессилья;
Тоскливо жаждет грудь добра и красоты;
Не поднимая, бьются крылья.

4

О, в этот грустный час, когда прощальный взгляд
На край родимый я бросаю,
Когда и слов, и дел, и лиц нестройный ряд
Тревожной мыслью воскрешаю, —
Какая скорбь и желчь мне заливают груди!
Как страшно вдруг обнять мечтою,
Что видел я в пять лет и что, собираясь в путь,
Я покидаю за собою . . . . .

. . . . .
Героев горсть... Увы, их жертвы и труды
Не исцелили наши раны,
И на родной земле их грустные следы —
Одни могильные курганы.
Детей толпу, — больных, озлобленных детей,
Или мятущихся бесцельно,
Иль тихо гибнущих без воли и страстей
С тоскою в сердце беспредельной.
И старцев робкий сонм... Запуганы давно,
Без добродетелей, без веры,
Собою лишь живя, они всем льстят равно,
Гражданской немощи примеры.
А там, вдали, — его, титана, что к земле
Прикован мстительной судьбою
И, вместо коршунов, снедаем в сонной мгле
Невежеством и нищетою.
Кто знает, может быть, уже давно титан
Забыл свое происхождение,
И жалобы забыл, и, ослабев от ран,
Дряхлеет молча в заточеньи...

Но нет, о скорбное перо, остановись,
И сердце, в грусти безысходной,
Пред тайной вышею смиренно преклонись,
Когда бессилен ум холодный...

. . . . .

- 5

Прощай, прощай, страна невыплаканных слез,
Страна порывов неоглядных,
Сил неразбуженных, неисполнимых грез,
Страна загадок неразгаданных;
Страна безмолвия и шумной болтовни,
Страна испуга и задора,
Страна терпения и детской хлопотни,
Страна неволи и простора;
Страна бессонницы и векового сна,
Стремленья к свету и потемок,
Могучей веры и безверия страна;
Страна могил, страна пеленок,
Страна больных детей, беспечных стариков,
Загубленных без нужды жизней,
Ненужных слез и жертв, и (рабства, и оков).
Прощай, о сфинкс! Прощай, отчизна!..

(1882)

23

Есть гимны звучные, — я в детстве им внимал.
О, если б мог тебе я посвятить их ныне!
Есть песни дивные, — злой вихорь разбросал
Их звуки светлые по жизненной пустыне. . .
О, как ничтожно всё, что после я писал,
Пред тем, что пели мне в младенческие годы
И голоса души, и голоса природы!

О, если бы скорбеть душистый мог цветок,
Случайно выросший на поле битвы дикой,
Забрызганный в крови, затоптанный в песок, —

Он бы, как я, скорбел. . . Я с детства слышал крики
Вражды и мук. Туман кровавый заволок
Зарю моих надежд прекрасных и стыдливых.
Друг! Не ищи меня в моих стихах пытливых.

В них рядом встретишь ты созвучья робких мук
И робких радостей, смесь веры и сомнений.
Я в сумерки веков рожден, когда вокруг
С зарей пугливою боролись ночи тени.
Бывало, чуть в душе раздастся песни звук,
Как слышу голос злой: «Молчи, поэт досужный!
И стань в ряды бойцов: слова теперь ненужны».

Ты лгал, о голос злой! Быть может, никогда
Так страстно мир не ждал пророческого слова.
Лишь слово царствует. Меч был рабом всегда.
Лишь словом создан свет, лишь им создается снова.
Приди, пророк любви! И гордая вражда
Падет к твоим ногам и будет ждаться смиренно,
Что ты прикажешь ей, ты — друг и царь вселенной!

(1883)

24. ГЕФСИМАНСКАЯ НОЧЬ

Восстав от вечери последней,
Он шел врагов своих встречать,
Слова любви венцом страданий увенчать.
С ним шли ученики. Прохлада ночи летней,
Сменивши знойный день, струилася вокруг них.
И спящий мир в тот час прекрасен был и тих.
Бледнея, месяц плыл по голубой пустыне.
Бессонный ключ, звеня, тишь ночи нарушал,
И где-то мирт расцвел, и бальзамин дышал.
10 Он шел, дивясь душой. Нет, никогда доньше,
Привыкши созерцать бесплотные черты,
Не видел на земле он столько красоты.

И путь ему лежал вблизи дворца Пилата.
В дворце шла оргия. За мраком колоннад
Гремела пиршества палата,
И шепота любви был полон темный сад.

То звук лобзания, то смех гетеры хитрый
Раздастся и замрет за мраморной стеной.
Но вот стихает пир. Рыданье нежной цитры
20 Влилось в немую ночь дрожащею волной.
И голос женщины, печальный и зовущий,
Запел под лепет струн, и разбудил он вдруг
И воздух дремлющий, и сонных маслин кущи,
И звезды, и луну, всю ночь, весь мир вокруг.
И мир, отдавшись весь тем звукам, полным яда,
Казалось, трепетал и страстно вторил им:
«Да, средь земных скорбей одна лишь есть отрада.
Да, только тот блажен, кто женщиной любим,
80 Кто ночью темной, ночью лунной
К устам возлюбленной прильнет
Иль внемлет, как она поет
Под ропот цитры тихострунной. . .»
И он ускорил шаг, печали не тая, —
Но песня вслед за ним виляла, как змея.

Чрез город дремлющий теперь вела дорога,
Но город не дремал. Был Пасхи первый день,
И всякий средь семьи вкушал покой и лень,
На кровлю вышедши иль сидя у порога.
И в чуткий слух лились то звонкий детский смех,
40 То оклик матери, то песенка простая, —
Те звуки и слова, которые для всех,
Кто в мире одинок, звучат как песни рая.
В них слышен был призыв, была мольба слышна:
«Сюда, страдалец, к нам. Одно есть в жизни счастье —
Семьи приветливой любовь и тишина,
И ласки чистые, и кроткое участие. . .»
А он спешил вперед, исполненный тоски.
И, отставая, шли за ним ученики.

На Масличной горе, вблизи вершины черной,
50 Две старых маслины, обнявшись, росли.
Устав за долгий день учить народ упорный,
Здесь, пред лицом небес и пред лицом земли,
Молиться он любил всю ночь, пока с востока
Не брызнут стрелы дня и облака зажгут
И тени от холмов по долам побегут;
Тогда в тени олив он засыпал глубоко.

Туда он шел теперь. Он жаждал пред отцом
Молиться и рыдать наедине в пустыне
И воскресить в душе, пред тягостным концом,
60 Святой восторг, с каким он ждал конца доныне.
И вот, уж миновав Иосафат пустой,
Он полгоры прошел, скорбя невыразимо,
Как вдруг, из тьмы кустов, ученикам незримо,
Явился злобный дух, и дерзкою пятой
Касаться он дерзал следов пяты нетленной.
Он видел, он постиг, как страждет друг вселенной,
И мрачным торжеством глаза его зажглись,
И, следуя за ним, шептал он:

«Оглянись!

Прекрасна ночь — и жар любовный
70 В людских сердцах сильней горит,
И сон блаженный, сон греховный
Над спящим городом парит.
Грудь ищет страстно груди знойной,
Горят уста, и взор погас. . .
Куда, мечтатель беспокойный,
Куда бежишь ты в этот час?
Исполнен к грешникам участия,
Ужель ты смерть готов принять,
Чтобы избавить их от счастья,
80 Чтоб цель у жизни их отнять?
О, ты не знаешь власти чудной
Земной любви, земных утех,
Как грех силен, как сладок грех. . .
Верь, быть подвижником нетрудно
Тому, кто прожил жизнь, как ты,
Скитальцем нищим и бездомным,
Кто потуплялся взором скромным
Пред дерзким взором красоты
И убегал перед соблазном.
90 Нет, ты вернись в толпу со мной,
Ты сам сперва в потоке грязном
Исчезни мутною волной.
Изведай всё: мученья страсти,
Объятий вечно новый рай,
И месть, и зависть испытай,
И упоенье гордой власти.
Тогда реши: пустой ли звук

Тщета грехов и заблуждений,
И можно ль отказаться вдруг
100 От раз вкушенных наслаждений.
Тогда узнай, легко ль спасти
Чистейшей жертвой мир нечистый
И с проторенного пути
Увлечь толпу на путь тернистый.
Иль ты мечтаешь, что она
Забудет всё — очаг семейный,
Науки тайной письма,
И славы гул благоговейный,
И шум пиров, и страсти бред,
110 И вдруг, восстав из грешной бездны,
Пойдет за призраками вслед —
Куда? В какой-то мир надзвездный?

И ты мечтал о том, скромнейший из всех?
Гордыня дикая! Гордыни ослепленье!

Покуда мир стоит — всесилен грех,

И бог земной — земное наслажденье.

Вернись! Вернись! Вернись! Тебе я счастье дам...»

Так злобный дух шептал. И горестный учитель

Промолвил, обратясь к своим ученикам:

120 «Молитесь! Близо искуситель».

И стал молиться сам. Но только слезный взор

Он поднял вверх, согнув дрожащие колени,

Как снова выступил из мрака злобный гений,

И крылья черные над плачущим простер,

И слезы высушил своим дыханьем льдистым,

И чистый слух язвил злоречием нечистым.

«Смотри, — коварный дух сказал, —

Встают виденья дней грядущих.

Ты видишь пиршественный зал,

130 Гостей хохочущих и пьющих?

Их тесен круг. Седой старик —

Хозяин пира. С лаской пьяной

Вот он щекой своей румяной

К груди красавицы приник.

То — дочь его: лишь преступленье

Осилить может пресыщенье.

Вот засыпает он. Не верь!

Прикрыв зрачки, как хищный зверь,

Он смотрит с злобой беспокойной,

140 Как сын его, отца достойный,
Радушно потчует гостей,
Торопит шуткой пир усталый
И цедит сам вино в бокалы
Рукой предательской своей.
Все пьют. Вдруг вопль... Вскочил,
кто в силах...

Бегут к дверям, ползут назад...

Кричат, упав: «Измена! Яд!»

Но поздно. Смерть течет в их жилах.

Тогда очнувшийся старик

150 В объятья сына призывает,

И стоны смерти прерывает

Его злорадства дикий крик...

Кто ж изверг сей? Ночной грабитель?

Злодей, таящийся во мгле?

Нет, твой наместник на земле,

Твоих заветов он хранитель,

Он — высший совести судья,

Его народы чтут, как дети.

Гляди ж, безумец! Вот, спустя

160 Пятнадцать медленных столетий,

К чему распятье приведет!

Чтоб пресыщенному злодею

Доставить силу и почет;

Чтобы, святынею твоею

Покрыв преступное чело,

Творить свободней мог он зло...

Вернись! Оставь людей судьбе неумолимой!

Вернись! Ты не спасешь их жертвою своей!»

И, руки вверх воздев, молился друг людей:

170 «Да идет чаша эта мимо».

И вновь злой гений говорит:

«Вот площадь шумная. Трибуна,

Как бы скала среди буруна,

Над ней высокая царит.

В трибуне той — старик бесстрастный,

Как нищий, в рубище одет.

В его лице кровинки нет,

Недвижен взор сухой и властный...

Толпа, ревущая окрест,
 180 Вблизи него хранит молчанье.
 Он оперся на черный крест,
 Застыл, как рока изваянье.
 И вдруг — о, чудо! — по лицу
 Улыбка легкая мелькнула.
 Какая сила мертвецу
 Способность чувствовать вернула?
 Толпа стихает. Слышен хор.
 На площадь шествие выходит.
 Монах с крестом его подводит
 190 Туда, где высится костер!
 Среди черных ряс в рубахах белых
 Мужей и жен идут ряды.
 Злых пыток свежие следы
 Горят на лицах помертвелых.
 И вот хоругвей черный лес
 Недвижно стал. На возвышеньи
 Мелькнули мучеников тени.
 И вдруг костер в дыму исчез —
 Под стоны жертв, под пенье хора,
 200 Под тяжкий вздох твоей груди...
 Но ты на старца погляди!
 Не сводит огненного зора
 С огня, дыханье затаив.
 Он молод стал, он стал красив,
 Молитву шепчет... Неужели
 Твое он имя произнес?
 Тебе — ты слышишь? — он принес
 Несчастных в жертву, что сгорели.
 Тебя прославил он огнем,
 210 За души грешников предстатель.
 Ты весь дрожишь? Так знай, мечтатель:
 О кротком имени твоём
 Моря из крови заструятся,
 Свершится бесконечный ряд
 Злодейств ужасных, освятятся
 Кинжал и меч, костер и яд.
 И будут дикие проклятья
 Твою святыню осквернять,
 И люди, именем распятыя,
 220 Друг друга будут распинать.

И станет знаменем в борьбе непримиримой
Твой крест, твой кроткий крест, символ любви
твоей. . .»

И, руки вверх воздев, молился друг людей:
«Да идет чаша эта мимо!»

А демон хохотал:

«Взывает к небесам

И чашу горькую ко рту подносит сам.

Как! Не смутил тебя костер, ни пир кровавый?

Ты медлишь здесь, назло и людям и себе?

Уж не ошибся ль я в тебе?

230 И вместо истины не жаждешь ли ты славы?

О, если так, то жди. Удачно выбран миг:

Тьма в городе людей. . . Иди на муки смело!

Пусть кровь твою прольют, пусть распинают тело.

Я вижу: нрав толпы глубоко ты постиг.

Да, жаждет и она не правды, не святыни,

Но правды идолов, святыни алтарей.

Толпе дай образы, лишь резче да пестрей,

Миражи ей твори средь жизненной пустыни,

Чтоб было вокруг чего, беснуясь, ей плясать

240 И воздух воплями безумно потрясать.

Поменьше мудрости, лишь было б красок много.

Глаза людей прельщай, не трогая сердец.

Понятней им немой, но блещущий телец

Из туч вещавшего невидимого бога.

Вот отчего твой крест и бледный труп на нем,

Прекрасное лицо и скорби выраженье,

И тернии, и кровь, и воины кругом

Глубоко поразят толпы воображенье,

Легенды создадут — стозвучный бред молвы —

250 И будут жить в веках, но вечно ли? Увы!

Гляди: вот храм, твой храм недавно,

Теперь неведомо он чей.

Перед толпой оратор славный

Там держит речь. Всё горячей,

Неудержимей льется слово.

Он говорит, что для земли

Столетия сумрака прошли,

Что мир потряхнул с себя оковы

Неправды, рабства — и твои!

260 Твою борьбу, твои мученья
Он осмеянно предает,
Твою любовь, твои ученья
Аскета бреднями зовет.
Тебя клеймит он изувером,
Голгофу — трусости примером
И школой нравственных калек.
Он говорит: в безумья век
Вселенной правил бог безумный,
Пусть Разум правит в век разумный!

270 И вот, в ответ его речам,
Раздался гром приветствий пылких,
Раскрылась дверь — и вносят в храм
На раззолоченных носилках
Полураздетую жену,
Законодательницу оргий.
Нет, не гремели в старину
Тебе подобные восторги!
Тебя сменив, как божество,
Вступил порок в твою обитель,
280 Забыт божественный Учитель,
И вот — преемница его!

И вот она — толпа, развратная блудница,
Хоть пресыщенная давно,
То оргий бешеных, то истязаний жрица,
Всегда безумная равно.

Рабы мучителей, мучители пророков,
Сыны отцов, которых бог

Хоть смысл с лица земли, но всё ж клейма пороков
С души детей их смыть не мог.

290 И за толпу умрешь? Толпой же распят будешь?
Но слышишь: спят ученики. . .

Уж если спят они, ужель толпу разбудишь?
Вернись! В пустыню убеги! . . »

Так искушал злой дух, ликуя беспредельно.
И друг людей молчал, поникнув головой.

Душа скорбела в нем смертельно,
С чела катился пот кровавою струей,
И ум изнемогал от тяжкого боренья.

И вся вселенная в те горькие мгновенья
300 Недвижно замерла, молчала и ждала. . .

Великий, страшный час, когда в душе скорбевшей,
В душе, за целый мир болевшей,
Свершалось таинство борьбы добра и зла.
И там, на небесах, в селеньях жизни горней,
Настало царство тишины.
И сам господь скорбел, сокрывшись в туче черной.
Толпились ангелы, тоской омрачены.
И вдруг один из них, с поспешною тревогой,
На землю ринулся. . .

810 Когда, по скорби многой,
Друг мира поднял взор, уже стоял пред ним
С очами, полными надежды и испуга,
Безгрешной красотой сиявший серафим.
И долго, грустные, глядели друг на друга.
И ангел пел:

«Кто крест однажды хочет несть,
Тот распинаем будет вечно,
И если счастье в жертве есть,
Он будет счастлив бесконечно.

Награды нет для добрых дел.
320 Любовь и скорбь — одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбел,
Тому всех благ она дороже.

Какое дело до себя,
И до других, и до вселенной
Тому, кто шествовал, любя,
Куда звал голос сокровенный!

Но кто, боясь за ним идти,
Себя сомнением тревожит,
Пусть бросит крест среди пути,
330 Пусть ищет счастья, если может. . .»

И прояснились. Скорбевшего черты,
И, руки вверх воздев, молился он смиренно:
«Не так, как я хочу, а так, как хочешь ты».
И шепот радости промчался по вселенной.

Он разбудил учеников
И молвил: «Час мой наступает».

И чу! им слышен звук шагов,
К ним звон оружия долетает.
Мелькнули факелы в кустах,
340 Сноп света вырвался оттуда.
И вот — с улыбкой на устах
Из мрака кра́дется Иуда...

1884

25. НОКТИЮРН

Полночь бьет. . . Заснуть пора. . .
Отчего-то страшно спать.
С другом, что ли, до утра
Вслух теперь бы помечтать.

Вспомнить счастье детских лет,
Детства ясную печаль. . .
Ах, на свете друга нет,
И что нет его, не жаль!

Если души всех людей
Таковы, как и моя,
Не хочу иметь друзей,
Не могу быть другом я.

Никого я не люблю,
Все мне чужды, чужд я всем,
Ни о ком я не скорблю
И не радуюсь ни с кем.

Есть слова. . . Я все их знал.
От высоких слов не раз
Я скорбел и ликовал,
Даже слезы лил подчас.

Но устал я лепетать
Звучный лепет детских дней.
Полночь бьет. . . Мне страшно спать,
А не спать еще страшней. . .

1885

26. ДУМА

Отрады нет ни в чем. Стрелою мчатся годы,
Толпою медленной мгновения текут.
Как прежде, в рай земной нас больше не влекут
Ни солнце знания, ни зарево свободы.

О, кто поймет болезнь, сразившую наш век?
Та связь незримая, которой человек
Был связан с вечностью и связан со вселенной,
Увы, порвалась вдруг! Тот светоч сокровенный,
Что глубоко в душе мерцал на самом дне, —
Как называть его: неведением иль верой? —
Померк, и мечемся мы все, как в тяжком сне,
И стала жизнь обманчивой химерой.

Отрады нет ни в чем — ни в грезах детских лет,
Ни в скорби призрачной, ни в мимолетном счастьее.
Дает ли юноша в любви святой обет,
Не верь: как зимний вихрь, бесплодны наши страсти.
Твердит ли гражданин о жертвах и борьбе,
Не верь — и знай, что он не верит сам себе!

. . . . .
. . . . .

Бороться — для чего? Чтоб труженик злосчастный
По терниям прошел к вершине наших благ
И водрузил на ней печали нашей стяг
Иль знамя ненависти страстной!
Любить людей — за что? Любить слепцов, как я,
Случайных узников в случайном этом мире,
Попутчиков за цепью бытия,
Соперников на ненавистном пире. . .
И стоит ли любить, и можно ли скорбеть,
Когда любовь и скорбь и всё — лишь сон бесцельный?
О, страсти низкие! Сомнений яд смертельный!
Вопросы горькие! Противоречий сеть,
Хаос вокруг меня! Над бездною глубокой
Последний гаснет луч. Плывет, густеет мрак.
Нет, не поток любви или добра иссяк —
Иссякли родники, питавшие потоки!
Добро и зло слились. Опять хаос царит,
Но божий дух над ним, как прежде, не парит. . .

1885

Не утешай меня в моей святой печали,
 Зари былых надежд она — последний луч,
 Последний звук молитв, что в юности звучали,
     Заветных слез последний ключ.
 Как бледная луна румяный день сменяет
 И на уснувший мир струит холодный свет,
 Так страстная печаль свой мертвый луч роняет
     В ту грудь, где солнца веры нет.
 Кумиры прошлого развенчаны без страха,
 Грядущее темно, как море пред грозой,
 И род людской стоит меж гробом, полным праха,
     И колыбелию пустой.
 И если б в наши дни поэт не ждал святыни,
 Не изнывал по ней, не замирал от мук, —
 Тогда последний луч погас бы над пустыней,
     Последний замер бы в ней звук! . .

1885

Как сон, пройдут дела и помыслы людей.
 Забудется герой, истлеет мавзолей
     И вместе в общий прах сольются.
 И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
 Как с аспидной доски ненужные слова,
     Рукой неведомой сотрутся.
 И уж не те слова под тою же рукой —
 Далёко от земли, застывшей и немой, —
     Возникнут вновь загадкой бледной.
 И снова свет блеснет, чтоб стать добычей тьмы,
 И кто-то будет жить не так, как жили мы,
     Но так, как мы, умрет бесследно.
 И невозможно нам предвидеть и понять,
 В какие формы Дух оденется опять,
     В каких созданьях воплотится.
 Быть может, из всего, что будит в нас любовь,
 На той звезде ничто не повторится вновь. . .
     Но есть одно, что повторится.

Лишь то, что мы теперь считаем праздным сном —
Тоска неясная о чем-то неземном,
Куда-то смутные стремленья,
Вражда к тому, что есть, предчувствий робкий свет
И жажда жгучая святынь, которых нет, —
Одно лишь это чуждо тленья.

В каких бы образах и где бы средь миров
Ни вспыхнул мысли свет, как луч средь облаков,
Какие б существа ни жили, —
Но будут рваться вдаль они, подобно нам,
Из праха своего к несбыточным мечтам,
Грустя душой, как мы грустили.

И потому не тот бессмертен на земле,
Кто превзошел других в добре или во зле,
Кто славы хрупкие скрижали
Наполнил повестью, бесцельною, как сон,
Пред кем толпы людей — такой же прах, как он, —
Благоговели иль дрожали, —

Но всех бессмертней тот, кому сквозь прах земли
Какой-то новый мир мерещился вдали —
Несуществующий и вечный,
Кто цели неземной так жаждал и страдал,
Что силой жажды сам мираж себе создал
Среди пустыни бесконечной.

(1887)

29. ОКТАВЫ

1

Окончена борьба. Пустая спит арена,
Бойцы лежат в земле, и на земле — их стяг.
Как ветром по скалам разбрызганная пена,
Разбиты их мечты. Погас надежд маяк.
Смотрите: что ни день, то новая измена.
Внемлите: что ни день, смеется громче враг.
Он прав: история нам снова доказала,
Что злобный произвол сильнее идеала...

Но где же наша скорбь? Ужель, победный клик
 Заслышавши врага, мы сами замолчали?
 Где клятвы гордые, негодованья крик?
 Где слезы о друзьях, что честно в битве пали?
 Я плачу оттого, что высох слез родник,
 Моя печаль о том, что нет в душе печали!
 Друзья погибшие! Скорее, чем в гробах,
 Истлели вы у нас в забывчивых сердцах!

Нет счета тем гробам... Пусть жатвою цветущей
 Взойдет кровавый сев для будущих времен,
 Но нам позор и скорбь! Чредой, всегда растущей,
 Несли их мимо нас, а мы вкушали сон.
 Как житель улицы, на кладбище ведущей,
 Бесстрастно слушали мы погребальный звон.
 Все лучшие — в земле. Вот отчего из праха
 Подняться нам нельзя и враг не знает страха.

О, если бы одни изменники меж нами
 Позорно предали минувших дней завет!
 Мы все их предаем! Неслышными волнами
 Нас всех относит жизнь от веры прежних лет,
 От гордых помыслов. Так, нагружен рабами,
 Уходит в океан невольничий корвет.
 Родные берега едва видны, и вскоре
 Их не видать совсем — кругом лазурь и море.

Но нужды нет рабам, что злоба жадных глаз
 Всегда следит за их толпою безоружной.
 Им роздано вино, им дали звучный таз,
 И палуба дрожит под топот пляски дружной.
 Кто б знал, увидев их веселье напоказ,
 То радость или скорбь под радостью наружной?
 Так я гляжу вокруг, печален и суров:
 Что значит в наши дни блеск зрелищ и пиров?

Вблизи святых руин недавнего былого,
 Спеша, устроили мы суетный базар.
 Где смолк предсмертный стон, там жизнь взыграла
 снова,

Где умирал герой, там тешится фигляр.
 Где вопиял призыв пророческого слова,
 Продажный клеветник свой расточает жар.
 Певцы поют цветы, а ложные пророки
 Нас погружают в сон — увы — без них глубокий!

О песня грустная! В годину мрака будь
 Живым лучом хоть ты, мерцанью звезд подобным.
 Отвагой прежнею зажги больную грудь,
 Угрозою явись ликующим и злобным,
 Что край родной забыл, — ты, песня, не забудь!
 Развратный пир смути молением надгробным.
 Как бледная луна, — средь ночи говори,
 Что солнце где-то есть, что будет час зари!

(1888)

30. НАД МОГИЛОЙ В. ГАРШИНА

Ты грустно прожил жизнь. Больная совесть века
 Тебя отметила глашатаем своим;
 В дни злобы ты любил людей и человека
 И жаждал веровать, безверием томим.
 Но слишком был глубок родник твоей печали:
 Ты изнемог душой, правдивейший из нас, —
 И струны порвались, рыдания отзвучали. . .
 В безвременьи ты жил, безвременно угас!

Я ничего не знал прекрасней и печальней
 Лучистых глаз твоих и бледного чела,
 Как будто для тебя земная жизнь была
 Тоской по родине недостижимо-дальней.
 И творчество твое, и красота лица
 В одну гармонию слились с твоей судьбою,

И жребий твой похож, до страшного конца,
На грустный вымысел, рассказанный тобою.

И ты ушел от нас, как тот певец больной,
У славы отнятый могилы дуновеньем;
Как буря, смерть прошла над нашим поколеньем,
Вершины все скосив завистливой рукой.
Чья совесть глубже всех за нашу ложь болела,
Те дольше не могли меж нами жизнь влачить,
А мы живем во тьме, и тьма нас одолела...
Без вас нам тяжело, без вас нам стыдно жить!

1888

31. НА КОРАБЛЕ

Зажглась звезда, поднялся ветерок,
Склонялся день за горы Дагестана.
И все, молясь, глядели на восток.
Татаре повторяли стих Корана,

Рабы Христа творили знак святой,
Калмыки в тишине зывали к ламе,
И чуждый всем еврей скорбел о храме
И богу докучал своей тоской.

Лишь я один, к кому зывать, не зная,
Глядел на мир. И прелесть неземная
Была в журчаньи вод, в лучах светил,
Как будто в рай держали мы дорогу.

Один в тот вечер слезы я пролил
И, может быть, один молился богу.

(1893)

32. ВОЛНА

Нежно-бесстрастная,
Нежно-холодная,
Вечно подвластная,
Вечно свободная.

К берегу льнушая,
Томно-ревнивая,
В море бегущая,
Вольнолюбивая.

В бездне рожденная,
Смертью грозящая,
В небо влюбленная,
Тайной манящая.

Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальная...

(1895)

33. ПОСВЯЩЕНИЕ

*Libertà va cercando...*¹

Чистилище, 1, 71

Я цепи старые свергаю,
Молитвы новые пою.
Тебе, далекой, гимн слагаю,
Тебя, свободную, люблю.

Ты страсть от сердца отрешила,
Твой бледный взор надежду сжег.
Ты жизнь мою опустошила,
Чтоб я постичь свободу мог.

Но впавшей в океан бездонный
Возврата нет волне ручья.
В твоих цепях освобожденный,
Я — вечно твой, а ты — ничья.

(1896)

---

¹ Он ищет свободу... (итал.). — *Ред.*

34. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Город закутан в осенние ризы.
Здания теснятся ль громадой седой?
Мост изогнулся ль над тусклой водой?
Город закутан в туман светло-сизый.
Белые арки, навесы, шатры,
Дым неподвижный потухших костров.
Солнце — как месяц; как тучи — сады.
    Гул отдаленной езды,
Гул отдаленный, туман и покой.

В час этот ранний иль поздний и смутный
Ветви без шума роняют листья,
Сердце без боли хоронит мечты
В час этот бледный и нежный и мутный.
Город закутан в забывчивый сон.
Не было солнца, лазури и дали.
Не было песен любви и печали,
Не было жизни, и нет похорон.
Город закутан в серебряный сон.

(1896)

35. ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

На том берегу наше солнце зайдет,
Устав по лазури чертить огневую дугу.
    И крыльев бесследных смирится полет
    На том берегу.

На том берегу отдыхают равно
Цветок нерасцветший и тот, что завял на лугу.
    Всему, что вне жизни, бессмертье дано
    На том берегу.

На том берегу только духи живут,
А тело от зависти плачет, подобно врагу,
    Почуяв, что дух обретает приют
    На том берегу.

На том берегу кто мечтою живет,
С улыбкой покинет всё то, что я здесь берегу.
Что смертью зовем, он рождением зовет
На том берегу.

На том берегу отдохну я вполне,
Но здесь я томлюсь и страданий унять не могу,
И внемлю, смущенный, большой тишине
На том берегу.

1896

36—41. ЭПИГРАММЫ

1

Переводимы все — прозаик и поэт.
Лишь переводчикам — им перевода нет.

2

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Встал он с бодрою душою
И пошел по дальним селам
Речью пламенной будить
Крепко спавших сном тяжелым.

Видишь холм? Здесь погребли
Вопившего в пустыне.
Тот, кто бодрым был, уснул.
Кто же спал, тот спит донныне.

(1883)

3

ЧЕСТНОМУ ПОЭТУ

Он вправе громить тунеядцев бесчестность,
Богатства его, гражданина-певца,
Хоть скромны: два тома стихов неизвестных —
Зато каждый стих добыт в поте лица!

Декабрь 1883

Везде, где мог, сей стихотвор
 Мне пакостил тайком.
 Как хорошо, что до сих пор
 Он с музой незнаком!

Сперва блуждал во тьме он,
 Потом измыслил мэон.
 Нет, не в своем уме он.

Начало 1890-х годов

«ВЕСТНИКУ ЕВРОПЫ»

Устроил с богом ты невыгодную мену,
 Владимира отдав и взявши Поликсену.

1900 (?)

42. ДВА ПУТИ

Нет двух путей добра и зла —
 Есть два пути добра.
 Меня свобода привела
 К распутью в час утра.
 И так сказала: «Две тропы,
 Две правды, два добра —
 Раздор и мука для толпы,
 Для мудреца — игра.
 То, что доньше средь людей
 Грехом и злом слывет,
 Есть лишь начало двух путей,
 Их первый поворот.
 Сулит единство бытия
 Путь шумной суеты.

Другой безмолвен путь — суля
    Единство пустоты.
Сулят и лгут — и к той же мгле
    Приводят гробовой.
Ты — призрак бога на земле,
    Бог — призрак в небе твой.
Проклятье в том, что не дано
    Единого пути.
Блаженство в том, что всё равно,
    Каким путем идти.
Беспечно, как в прогулки час,
    Ступай тем иль другим,
С людьми волнуясь и трудясь,
    В душе невозмутим.
Их правду правдой отрицай,
    Любовью жги любовь.
В душе меня лишь созерцай,
    Лишь мне дары готовь.
Моей улыбкой мир согрей,
    Поведай всем, о чем
С тобою первым из людей
    Теперь шепчусь вдвоем.
Скажи, я светоч им зажгла,
    Неведомый вчера.
Нет двух путей добра и зла,
    Есть два пути добра».

(1901)

48. МОЛИТВА

Прости мне, боже, вздох усталости.
    Я изнемог
От грусти, от любви, от жалости,
    От ста дорог.

У моря, средь песка прибрежного,
    Вот я упал —
И жду прилива неизбежного,
    И ждать устал.

Яви же благодать мне безмерную
И в этот час
Дай увидеть звезду вечернюю
В последний раз.

Ее лучу, всегда любимому,
Скажу «прости»
И покорюсь неотвратимому,
Усну в пути.

(1901)

44. ГИМН РАБОЧИХ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь.
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть.

Станем стражей вокруг всего земного шара,
И по знаку, в час урочный, все вперед!
Враг смутится, враг не выдержит удара,
Враг падет, и возвеличится народ.

Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш пир!

Братья-друзи! Счастьем жизни опьяняйтесь!
Наше всё, чем до сих пор владеет враг.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Солнце в небе, солнце красное — наш стяг!

1905

45

Насытил я свой жадный взор
Всем тем, что взор считает чудом:
Песком пустынь, венцами гор,
Морей кипящим изумрудом.

Я пламя вечное видал,
Блуждая степью каменной.
Передо мной Казбек блистал
Своею митрой серебряной.

Насытил я свой жадный слух
Потоков бурных клочотаньем
И гроз полночных завываньем,
Когда им вторит горный дух.

Но шумом вод и льдом Казбека
Насытить душу я не мог.
Не отыскал я человека,
И не открылся сердцу бог.

(1907)

Свой род Мережковские вели от Федора Мережки — войскового старшины на Украине. Дед поэта был участником кампании 1812 года. Отец Мережковского выбрал карьеру чиновника и дослужился до столоначальника дворцового ведомства; занимал казенную квартиру в доме против Летнего сада, у Прачечного моста. Здесь и провел свое детство будущий поэт.

Родился Дмитрий Сергеевич Мережковский 2 августа 1865 года. Окончив гимназию, он поступил в университет, на историко-филологический факультет. В эти годы он сближается с кругами народнической интеллигенции, завязывает знакомства с Н. К. Михайловским, А. Н. Плещеевым, С. Я. Надсоном; активно посещает редакцию «Отечественных записок», где и печатает свои стихи.¹ Особую симпатию у него вызывал Плещеев, о котором он сообщает Надсону в марте 1883 года: «Минуту у него побыл, сказал всего два слова. А ушел как будто утешенный».² Плещеев тоже относился к молодому поэту с заметным сочувствием и рекомендовал в члены Литературного фонда.³

Дома у Мережковских обстановка была тяжелой: брат Константин, будущий ученый-зоолог, сочувственно отнесся к царевубийству 1 марта 1881 года. Отец, истый царедворец, возмутился и изгнал Константина из дома. В семье этот разлад переживался тяжело и долго. Активной позиции в споре отца с братом Мережковский не занял. Однако, выпустив свой первый сборник стихотворений, он отослал экземпляр находившемуся в каторжных работах П. Ф. Якубовичу с многозначительной надписью: «Собрату по поэзии».

---

¹ Первое стихотворение Мережковского «Нарцисс» было опубликовано в литературном сборнике «Отклик» (СПб., 1881, с. 154).

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. В дальнейшем ссылки на это архивохранилище даются сокращенно: ПД.

³ См. письмо А. Н. Плещеева в Комитет литературного фонда (ПД). В этом же письме рекомендуется в члены Литературного фонда С. Я. Надсон.

Он всерьез собирается в это время уйти «в народ», хотя ищет в народе не то, что искали активные деятели народнического движения. Его интересует религиозное «самосознание» народа, в соответствии с которым он хочет привести собственные религиозные искания. Он пишет П. П. Перцову: «И вот что мне надо бы узнать: нет ли в глубине русского народа сил, отвечающих нам. Нам нужно по-новому, по-своему «идти в народ». Не думайте, что я говорю это легкомысленно. Я чувствую, как это трудно, почти невозможно, труднее, чем нигилистам. Но, кажется, этого не избежать, кажется, современный культурный слой в России не может нам ответить — он весь или наивно-либерален, или наивно-декадентен, т. е. гнил до конца. . .»¹ Однако «в народ» Мережковский не ушел.

В 1889 году он женился на З. Н. Гиппиус, которая сыграла впоследствии заметную роль в развитии декадентского искусства. В жизни Мережковского начинается новая полоса: он выступает выразителем упадочных мотивов и в то же время — проповедником «нового религиозного сознания». Он сближается с Н. М. Минским, с реорганизованной редакцией «Северного вестника», пишет много стихов, широко печатается. Некоторые его стихотворные произведения становятся программными для русского декадентского искусства.

В 1892 году Мережковский выпустил сборник стихотворений «Символы», который дал наименование оформлявшемуся в это время новому течению (символизм). Через год Мережковский издает особенно шумевшую книгу критических очерков «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», где утверждает религиозно-символический и отвлеченно-идеалистический подход к явлениям искусства.

В 90-е годы Мережковские совершают ряд поездок за границу. Они посещают Италию и Грецию (страны, к которым поэт испытывал особое пристрастие), Турцию, Швейцарию, Францию. Впечатления насыщают стихи, а также служат материалом для опытов в прозе (с середины 90-х годов Мережковский активно выступает в роли прозаика). Наиболее значительным его прозаическим произведением явилась историческая трилогия «Христос и Антихрист» (романы «Юлиан Отступник», «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей»), созданная в 1895—1904 годах. Он много переводит — Эсхила, Софокла, Еврипида, Лонга, Гете и других. Особую известность получает перевод программного в эстетике символизма произведения — поэмы Эдгара По «Ворон» (1892).

В выступлениях Мережковского все большее место занимает

---

¹ ПД.

проповедь религиозной доктрины, которая смогла бы объединить извечно враждующие, по его мнению, в природе и в жизни начала — «плоть» и «дух», «христианство» и «язычество». Под углом борьбы и противостояния этих двух тенденций он склонен рассматривать и всю мировую историю. Поэтому концепции его исторических романов условны и по существу внеисторичны. Он встречается с сектантами (в частности, с известным в то время В. Сютеевым), совершает поездку на Светлое озеро, где, согласно преданию, находился Китежград, встречается и беседует с Л. Н. Толстым. На рубеже 1890—1900-х годов Мережковский печатает двухтомное исследование «Л. Толстой и Достоевский», в котором проводит ту же идею «двойственности», но применительно к русской литературе. Л. Толстой для него носитель идеи «плоти», Достоевский — носитель идеи «духа». Разъединение этих «идей» началось с Пушкина, однако в будущем, считает Мережковский, им суждено новое слияние, но уже на религиозной основе. Элементы критики учения Л. Толстого, указание на противоречивость его взглядов, интересные стилистические наблюдения обеспечили работе Мережковского некоторую популярность.

В конце 90-х годов в Петербурге открываются организованные по инициативе Зинаиды Гиппиус и Мережковского собрания Религиозно-философского общества, задачей которых было отыскание путей к овладению «новым религиозным сознанием». Ожидаемых результатов собрания не дали, и популярность их среди русской интеллигенции была невелика. Однако на них подвергались критике идеи официальной церковности, из-за чего собрания и были вскоре закрыты по специальному распоряжению обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева.

Другим начинанием Мережковских была организация журнала «Новый путь» (1903—1904), имевшего уже прямо антидемократический характер.

Революция 1905 года сочувствия у Мережковского не вызвала. Он увидел в ней господство низменных сил и страстей; он предвещает ей перерождение во всеобщее «хамство» (в сборнике статей «Грядущий хам», 1906). Враждебные по отношению к революции идеи Мережковский развивает и в других статьях того же времени.

В 1907 году в Париже он издает (в соавторстве с З. Гиппиус и Д. Filosoфовым) на французском языке книгу «Царь и революция», в которой приводятся те же мысли о «безбожном» характере событий 1905 года.

Стихов Мережковский уже не пишет. Он целиком погружен в публицистику и беллетристику, создает вторую трилогию, на этот раз из жизни русского общества начала XIX века: драму «Павел I»,

романы «Александр I» и «14 декабря». Много пишет он и по истории русской литературы — о Гоголе, Лермонтове, Тютчеве, Некрасове, переиздает свои прежние работы. Бурные события русской истории, приближение революции, а также кризис декадентских течений и выход крупнейших представителей символизма за пределы идеалистической эстетики — все это заметно снизило творческий тонус Мережковского, сузило круг его интересов, и главное — круг читателей. Он оказался в состоянии творческого упадка. Все его достижения, как и его поэтическая известность, были уже позади.

Октябрьскую революцию Мережковский встретил враждебно и до конца жизни оставался на этих позициях. В 1920 году вместе с З. Н. Гиппиус он эмигрировал во Францию.¹ В эмиграции он выпустил несколько книг, из которых наиболее известна «Тайна Запада. Атлантида — Европа» (1930).

Умер Мережковский в Париже 9 декабря 1941 года. В 1951 году в Париже вышла биография Мережковского, написанная З. Гиппиус.

Стихотворные сборники Мережковского неоднократно издавались и переиздавались на протяжении 1880—1910-х годов. Наиболее известны: «Символы» (1892) и «Новые стихотворения» (1896). С максимальной полнотой стихотворные произведения (в том числе драмы в стихах) собраны Мережковским в трех томах «Полного собрания сочинений» (М., 1914, тт. 22, 23, 24).

46

Мы бойцы великой рати!
Дружно в битву мы пойдем.
Не страшась тупых проклятий,
Трудный путь ко счастью братьий
Грудью смелою пробьем!
Юность, светлых упований
Ты исполнена всегда:
Будет много испытаний,
Много тяжкого труда.

---

¹ М. Цветаева, встречавшая Мережковских за рубежом, оставила в своих письмах свидетельство о том тягостном впечатлении, которое производили они на окружающих своей озлобленностью (см.: М. Цветаева, Письма к А. Тесковой, Прага, 1969, с. 106—107).

Наши силы молодые
Мы должны соединять,
Чтоб надежды дорогие,
Чтобы веру отстоять.
Мы сплотимся нераздельно;
Нам вождем сама любовь.
Смело в битву!.. Не бесцельно
Там прольется наша кровь...
И, высоко поднимая
Знамя истины святой,
Ни пред чем не отступая,
Смело ринемся мы в бой!
Зло столетнее желанным
Торжеством мы сокрушим
И на поле ляжем бранном
С упованием живым,
Что потомки славой гордой
Воскресят наш честный труд
И по нашим трупам твердо
К счастью верному пойдут!..

Август 1881

47

Знаю сам, что я зол,
И порочен, и слаб;
Что постыдных страстей
Я бессмысленный раб.
Знаю сам, что небес
Приговор справедлив,
На мученье и казнь
Бедняка осудив.
Но безжалостный рок
Не хочу умолять,
В страхе вечном пред ним
Не могу трепетать...
Кто-то создал меня,
Жажду счастья вложил, —
Чтоб достигнуть его,
Нет ни воли, ни сил.

И владычной рукой
В океан бытия
Грозной бури во власть
Кто-то бросил меня.
И бог весть для чего
Мне томиться велел,
Скуку, холод и мрак
Мне назначив в удел.
Нестерпима надежд
И сомнений борьба...
Уничтожь ты меня,
Если нужно, судьба!
Уничтожь! Но, молю,
Поскорей, поскорей,
Чтоб на плахе не ждать
Под секирой твоей! . .
«Ты не жил, не страдал, —
Говорят мне в ответ, —
Не видав, мудроно
Разгадать божий свет.
Ты с тоскою своей,
Бедный отрок, смешон;
Самомнения полн
Твой ребяческий стон.
Твоя скорбь — только тень,
А гроза — впереди. . .
Торопиться к чему?
Подожди, подожди. . .»
Не поймете вовек,
Мудрецы-старики,
Этой ранней борьбы,
Этой юной тоски.
Не откроет ваш взор
Тайной язвы души,
Что больнее горит
В одинокой тиши.

Март 1882

48. ПОЭТУ

И отдашь голодному душу твою
и напитаешь душу страдальца, тогда
свет твой взойдет во тьме и мрак твой
будет как полдень.

Исаия, LVIII

Не презирай людей! Безжалостной и гневной
Насмешкой не клейми их горестей и нужд,
Сознав могущество заботы повседневной,
Их страха и надежд не оставайся чужд.
Как друг, не как судья неумолимо-строгий,
Войди в толпу людей и оглянись вокруг,
Пойми ты говор их, и смутный гул тревоги,
И стон подавленный невыразимых мук.
Сочувствуй горячо их радостям и бедам,
Узнай и полюби простой и темный люд,
Внимай без гордости их будничным беседам
И, как святыню, чти их незаметный труд.
Сквозь мутную волну житейского потока
Жемчужины на дне ты различишь тогда:
В постыдной оргии продажного порока —
Следы раскаянья и жгучего стыда,
Улыбку матери над тихой колыбелью,
Молитву грешника и поцелуй любви,
И вдохновенного возвышенною целью
Борца за истину во мраке и крови.
Поймешь ты красоту и смысл существованья
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блесках и цветах, но в терниях страданья,
В работе, в бедности, в суровой простоте.
И, жаждущую грудь роскошно утоляя,
Неисчерпаема, как нектар золотой,
Твой подвиг тягостный сторицей награждая,
Из жизни сумрачной поэзия святая
Польется светлою, могучею струей.

1883

49. НА РАСПУТЬЕ

Жить ли мне, забыв мои страданья,
Горечь слез, сомнений и забот,
Как цветок, без проблеска сознанья,
Ни о чем не думая, живет,

Ничего не видит и не слышит,
Только жадно впитывает свет,
Только негой молодости дышит,
Теплотой ласкающей согрет.

Но кипят недремлющие думы,
Но в груди — сомнение и тоска;
Стыдно сердцу жребий свой угрюмый
Променять на счастье цветка...

И устал я вечно сомневаться!
Я разгадки требую с тоской,
Чтоб чему бы ни было отдаться,
Но отдаться страстно, всей душой.

Эти думы — не мечты досуга,
Не создание юношеских грез,
Это — боль тяжелого недуга,
Роковой, мучительный вопрос.

Мне не надо лживых примирений,
Я от грозной правды не бегу;
Пусть погибну жертвою сомнений, —
Пред собой ни в чем я не солгу!

Испытав весь ужас отрицанья,
До конца свободы не отдам,
И последний крик негодованья
Я, как вызов, брошу небесам!

Декабрь 1883

50. КОРАЛЛЫ

Широко раскинулся ветвями,
Чуждый неба, звуков и лучей,
Целый лес кораллов под волнами,
В глубине тропических морей.
Миллионам тружеников вечных —
Колыбель, могила и приют,
Дивный плод усилий бесконечных,
Этот мир полипы создают.

Каждый род — ступень для жизни новой —
Будет смертью в камень превращен,
Чтобы лечь незыблемой основой
Поколеньям будущих времен;
И встает из бездны океана,
И растет коралловый узор;
Презирая натиск урагана,
Он стремится к небу на простор,
Он вознесся кружевом пурпурным,
Исполинской чашею ветвей
В полусвете мягком и лазурном
Преломленных, трепетных лучей.
Час придет — и гордо над волнами,
Раздробив их влажный изумруд,
Новый остров, созданный веками,
С торжеством кораллы вознесут. . .

О, пускай в глухой и темной доле,
Как полип, ничтожен я и слаб, —
Я могуч святою жаждой воли,
Утомленный труженик и раб!
Там, за далью, вижу я: над нами
Новый рай, лучами весь облит,
Новый остров, созданный веками,
Высоко над бездною царит.

1884

51. УСНИ

Уснуть бы мне навек в траве, как в колыбели,
Как я ребенком спал в те солнечные дни,
Когда в лучах полуденных звенели
Веселых жаворонков трели
И пели мне они:
«Усни, усни!»

И крылья пестрых мух с причудливой окраской
На венчиках цветов дрожали, как огни.
И шум дерев казался чудной сказкой;
Мой сон лелея, с тихой лаской
Баюкали они:
«Усни, усни!»

И, убегая вдаль, как волны золотые,
Давали мне приют в задумчивой тени
    Под кущей верб поля мои родные,
        Склонив колосья наливные,
            Шептали мне:
            «Усни, усни!»

1884

52. ПОЭТУ НАШИХ ДНЕЙ

Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя.
До скорбных дум твоих кому какое дело?
Твердить былой напев ты можешь про себя, —
    Его нам слушать надоело. . .

Не каждый ли твой стих сокровища души
За славу мнимую безумно расточает, —
Так за глоток вина последние гроши
    Порою пьяница бросает.

Ты опоздал, поэт: нет в мире уголка,
В груди такого нет блаженства и печали,
Чтоб тысячи певцов об них во все века
    Во всех краях не повторяли.

Ты опоздал, поэт: твой мир опустошен —
Ни колоса в полях, на дереве ни ветки;
От сказочных пиров счастливейших времен
    Тебе остались лишь объедки. . .

Попробуй слить всю мощь страданий и любви
В один безумный вопль; в негодованьи гордом
На лире и в душе все струны оборви
    Одним рыдающим аккордом, —

Ничто не шевельнет потухшие сердца,
В священном ужасе толпа не содрогнется,
И на последний крик последнего певца
    Никто, никто не отзовется!

1884

С тобой, моя печаль, мы старые друзья:
 Бывало, дверь на ключ ревниво запирая,
 Приходишь ты ко мне, задумчиво-немая,
 Во взорах темное предчувствие тая;
 Холодную, как лед, но ласковую руку
 На сердце тихо мне кладешь
 И что-то милое, забытое поешь,
 Что навевает грусть, что утоляет муку.
 И голубым огнем горят твои глаза,
 И в них дрожит, и с них упасть не может,
 И сердце мне таинственно тревожит
 Большая, кроткая слеза. . .

1884

54. ИСКУШЕНИЕ

(Отрывок)

Серебряной каймой очерчен лик мадонны
 В готическом окне, и радугой легло
 Мерцание луны на малахит колонны
 Сквозь разноцветное, граненое стекло.
 Алтарь, и дремлющий орган, и купол дальний —
 Погружены в таинственную мглу;
 Лишь край мозаики в тени исповедальни
 Лампаду отразил на мраморном полу.
 Седой монах, перебирая четки,
 Стоял задумчивый, внимательный и кроткий;
 И юноша пред ним колена преклонил;
 Потупив взор, он робко говорил:
 «Отец мой, грех — везде со мною:
 Он — в ласке горлиц под окном,
 Он — в играх мошек над водою,
 Он — в кипарисе молодом,
 Обвитом свежеею лозою,
 Он — в каждом шорохе ночном,
 В словах молитв, в огне зарницы,
 Он — между строк священных книг,
 Он — в нежном пурпуре денницы
 И в жгучей боли от вериг. . .
 Порою череп брал я в руки,

Чтоб запах тленья и могил,
Чтоб холод смерти утолил
Мои недремлющие муки.
Но всё напрасно: голова
В чаду кружилась, кровь кипела,
И греза на ухо мне пела
Безумно-нежные слова. . .
Однажды — помню — я увидел,
Уснув в горах на склоне дня,
Ту, что так страстно ненавидел,
Что так измучила меня.
Сверкало тело молодое,
Как пена в сумрачных волнах,
Всё ослепительно нагое,
В темно-каштановых кудрях
Струились волны аромата. . .
Лежал недвижим я, как труп.
Улыбкой дерзких, влажных губ
Она звала меня куда-то,
Она звала меня с собой
Под полог ночи голубой:
«Отдашь ли мне ночное бденье,
Труды, молитвы, дни поста
И кровь распятого Христа,
Отдашь ли вечность и спасенье —
За поцелуй? . . .»

И в тишине
Звучало вновь: «Отдашь ли мне? . . .»
Она смеялась надо мною,
Но, брошен вдруг к ее ногам
Какой-то силой роковою,
Я простонал: „Отдам, отдам! . . .“»

. . . . .

1884

55. САКЬЯ-МУНИ

По горам, среди ущелий темных,
Где ревел осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далеких стран.

Под лохмотьями худое тело
От дождя и ветра посинело.
Уж они не видели два дня
Ни приютной кровли, ни огня.
Меж дерев во мраке непогоды
Что-то там мелькнуло на пути;
Это храм, — они вошли под своды,
Чтобы в нем убежище найти.
Перед ними на высоком троне —
Сакья-Муни, каменный гигант.
У него в порфировой короне —
Исполинский чудный бриллиант.
Говорит один из нищих: «Братья,
Ночь темна, никто не видит нас,
Много хлеба, серебра и платья
Нам дадут за дорогой алмаз.
Он не нужен Будде: светят краше
У него, царя небесных сил,
Груды бриллиантовых светил
В ясном небе, как в лазурной чаше. . .»
Подан знак, и вот уж по земле
Воры тихо крадутся во мгле.
Но когда дотронуться к святыне
Трепетной рукой они хотят —
Вихрь, огонь и громовой раскат,
Повторенный откликом в пустыне,
Далеко откинул их назад.
И от страха всё окаменело,
Лишь один — спокойно-величав —
Из толпы вперед выходит смело,
Говорит он богу: «Ты неправ!
Или нам жрецы твои солгали,
Что ты кроток, милостив и благ,
Что ты любишь утолять печали
И, как солнце, побеждаешь мрак?
Нет, ты мстишь нам за ничтожный камень,
Нам, в пыли простертым пред тобой, —
Но, как ты, с бессмертною душой!
Что за подвиг сыпать гром и пламень
Над бессильной, жалкою толпой,
О, стыдись, стыдись, владыка неба,

Ты воспрянул — грозен и могуч, —
Чтоб отнять у нищих корку хлеба!
Царь царей, сверкай из темных туч,
Грянь в безумца огненной стрелою, —
Я стою как равный пред тобою
И, высоко голову подняв,
Говорю пред небом и землею:
„Самодержец мира, ты неправ!“»
Он умолк, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмаз они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой венчанной до земли, —
На коленях, кроткий и смиренный,
Пред толпою нищих царь вселенной,
Бог, великий бог, — лежал в пыли!

1885

56

С потухшим факелом мой гений отлетает,
Погас на маяке дрожащий огонек,
И сердце без борьбы, без жалоб умирает,
Как холодом ночным обвеянный цветок.
Меня безумная надежда утомила:
Я ждал, так долго ждал, что если бы теперь
Исполнилась мечта, взошло мое светило —
Как филина заря, меня бы ослепила
В сияющий эдем отворенная дверь.
Весь пыл души моей истратил я на грезы —
Когда настанет жизнь, мне нечем будет жить.
Я пролил над мечтой восторженные слезы —
Когда придет любовь, не хватит сил любить!

1886

57. СМЕРТЬ НАДСОНА

*(Читано на литературном вечере
в память С. Я. Надсона)*

Поэты на Руси не любят долго жить:
Они проносятся мгновенным метеором,
Они торопятся свой факел потушить,
Подавленные тьмой, и рабством, и позором.

Их участь — умирать в отчаяньи немом;
Им гибнуть суждено, едва они блеснули,
От злобой клеветы, изменнической пули
Или в изгнании глухом.

И вот еще один, — его до боли жалко:
Он страстно жить хотел и умер в двадцать лет.
Как ранняя звезда, как нежная фиалка,
Угас наш мученик-поэт!

Свободы он молил, живой в гробу метался,
И все мы видели — как будто тень легла
На мрамор бледного, прекрасного чела;
В нем медленный недуг горел и разгорался,
И смерть он призывал — и смерть к нему пришла.
Кто виноват? К чему обманывать друг друга!
Мы, виноваты — мы. Зачем не сберегли
Певца для родины, когда еще могли
Спасти его от страшного недуга?

Мы все, на торжество пришедшие сюда,
Чтобы почтить талант обычною слезою, —
В те дни, когда он гас, измученный борьбою,
И жаждал знания, свободы и труда,
И нас на помощь звал с безумною тоскою, —
Друзья, поклонники, где были мы тогда? . .
Бесцельный шум газет и славы голос вещий —
Теперь, когда он мертв, — и поздний лавр певца,
И жалкие цветы могильного венца —
Как это всё полно иронии зловещей! . .

Поймите же, друзья, он не услышит нас:
В гробу, в немом гробу он спит теперь глубоко,
И между тем как здесь всё нежит слух и глаз,
И льется музыка, и блещет яркий газ, —
На тихом кладбище он дремлет одиноко
В глухой, полночный час. . .
Уста его навек сомкнулись без ответа. . .
Страдальческая тень погибшего поэта,
Прости, прости! . .

Январь — февраль 1887

Кроткий вечер тихо угасает
 И пред смертью ласкою немой
 На одно мгновенье примиряет
 Небеса с измученной землей.

В просветленной, трогательной дали,
 Что неясна, как мечты мои, —
 Не печаль, а только след печали,
 Не любовь, а только тень любви.

И порой в безжизненном молчаньи,
 Как из гроба, веет с высоты
 Мне в лицо холодное дыханье
 Безграничной, мертвой пустоты. . .

26 августа 1887

Как летней засухой сожженная земля
 Тоскует и горит, и жаждою томится,
 Как ждут ночной росы усталые поля, —
 Мой дух к неведомой поэзии стремится.

Плывет, колышется туманов белый свиток,
 И чем-то мертвенным он застилает даль. . .
 Головки васильков и бледных маргариток
 Склонила до земли безмолвная печаль.

Приди ко мне, о ночь, и мысли потуши!
 Мне надо сумрака, мне надо тихой ласки:
 Противен яркий свет очам больной души,
 Люблю я темные, таинственные сказки. . .

Приди, приди, о ночь, и солнце потуши!

(1887)

В этот вечер горячий, немой и томительный
 Не кричит коростель на туманных полях;
 Знойный воздух в бреду засыпает мучительно,
 И болезненной сыростью веет в лесах;

Там растенья поникли с неясной тревогою,
 Словно бледные призраки в дымке ночной...
 Промелькнет только жаба над мокрой дорогою,
 Прогудит только жук на опушке лесной.

В душном, мертвенном небе гроза собирается,
 И боится природа, и жаждет грозы.
 Непонятым предчувствием сердце сжимается
 И тоскует и ждет благодатной слезы...

1887

Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть
     Тоску и желанья,
 Уснуть — и не видеть, не думать, не жить,
     Уйти от сознанья!
 Но тихо ползут бесконечной чредой
     Пустые мгновенья,
 И маятник мерно стучит надо мной...
     Ни сна, ни забвенья!..

1887

Над немим пространством чернозема,
 Словно уголь, вырезаны в тверди
 Темных изб подгнившая солома,
 Старых крыш разобранные жерди.

Солнце грустно в тучу опустилось,
Не дрожит печальная осина;
В мутной луже небо отразилось...
И на всем — знакомая кручина...

Каждый раз, когда смотрю я в поле, —
Я люблю мою родную землю:
Хорошо и грустно мне до боли,
Словно тихой жалобе я внемлю.

В сердце мир, печаль и безмятежность...
Умолкает жизненная битва,
А в груди — задумчивая нежность
И простая, детская молитва...

1887

68. ДОН КИХОТ

Шлем — надтреснутое блюдо,
Щит — картонный, панцирь жалкий...
В стременах висят, качаясь,
Ноги тощие, как палки.

Для него хромая кляча —
Конь могучий Росинанта,
Эти мельничные крылья —
Руки мощного гиганта.

Видит он в таверне грязной
Роскошь царского чертога,
Слышит в дудке свинопаса
Звук серебряного рога.

Санчо Панса едет рядом;
Гордый вид его серьезен:
Как прилично копыеносцу,
Он величествен и грозен.

В красной юбке, в пятнах дегтя,
Там, над кучами навоза, —
Эта царственная дама —
Дульцинея де Тобозо...

Страстно, с юношеским жаром
Он в толпе крестьян голодных,
Вместо хлеба, рассыпает
Перлы мыслей благородных:

«Люди добрые, ликуйте,
Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной...»

Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Пойте, братья, гимн победный!
Этот меч несет свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!»

Из приходской школы дети
Выбегают, бросив книжки,
И хохочут, и кидают
Грязью в рыцаря мальчишки.

Аплодируя, как зритель,
Жирный лавочник смеется;
На крыльце своем трактирщик
Весь от хохота трясется.

И почтенный патер смотрит,
Изумлением объятый,
И громит безумье века
Он латинскую цитатой.

Из окна глядит цирюльник,
Он прервал свою работу,
И с восторгом машет бритвой,
И кричит он Дон Кихоту:

«Благороднейший из смертных,
Я желаю вам успеха!..»
И не в силах кончить фразы,
Задыхается от смеха.

Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья:
Кроткий лик его так светел,
Очи — полны вдохновенья.

Он смешон, но сколько детской
Доброты в улыбке нежной,
И в лице, простом и бледном,
Сколько веры безмятежной!

И любовь и вера святы,
Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты!

1887

64—65. ДВЕ ПЕСНИ ШУТА

1

Если б капля водяная
Думала, как ты,
В час урочный упадая
С неба на цветы,
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
Управляет мной.
По моей свободной воле
Я на жаждающее поле
Упаду росой!»

Но ничто во всей природе
Не мечтает о свободе,
    И судьбе слепой
Всё покорно — влага, пламень,
Птицы, звери, мертвый камень;
    Только весь свой век
О неведомом тоскует
И на рабство негодует
    Гордый человек.
Но увы! лишь те блаженны,
    Сердцем чисты те,
Кто беспечны и смиренны
    В детской простоте.
Нас, глупцов, природа любит,
И ласкает, и голубит,
    Мы без дум живем,
Без борьбы, послушны року,
Вниз по вечному потоку,
    Как цветы, плывем.

2

То не в поле головки сбивает дитя
    С одуванчиков белых, играя, —
То короны и митры сметает, шутя,
    Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходит к шуту: «Собирайся, Дурак,
    Я возьму и тебя в мою ношу,
И к венцам и тиарам твой пестрый колпак
    В мою общую сумку я брошу».
Но, как векша, горбун ей на плечи вскочил,
    И колотит он Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьет что есть сил
    И смеется над бедной старушкой.
Стонет жалобно Смерть: «Ой, голубчик, стой!»
    Но герой наш уняться не хочет;
Как солдат в барабан, бьет он в череп пустой,
    И кричит, и безумно хохочет:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смех всей душою любя,

Буду жить-поживать, припевая:
Гром побед отзвучит, красота отцветет,
Но дурак никогда и нигде не умрет, —
Но бессмертна лишь глупость людская!»

1887

66

Летние, душные ночи
Мучат тоскою, веют безумною страстью,
Бледные, звездные очи
Дышат восторгом и непонятною властью.

С колосом колос в тревоге
Шепчет о чем-то, шепчет и вдруг умолкает,
Белую пыль на дороге
Ветер спросонок в мертвом затишьи вздымает.

Ярче, всё ярче зарница,
На горизонте тучи пожаром объята,
Сердце горит и томится,
Дальнего грома ближе, всё ближе раскаты...

1888

67

Дома и призраки людей —
Всё в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мертвом задышалось.
И мимо каменных громад
Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо,
Куда — не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомленный,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порожденный
Туманом северных ночей.

1889

68. ОДНОЧЕСТВО

Поверь мне, люди не поймут
Твоей души до дна!..
Как полон влагою сосуд, —
Она тоской полна.
Когда ты с другом плачешь — знай,
Сумеешь, может быть,
Лишь две-три капли через край
Той чаши перелить.
Но вечно дремлет в тишине,
Вдали от всех друзей,
Что там, на дне, на самом дне
Больной души твоей.
Чужое сердце — мир чужой,
И нет к нему пути!
В него и любящей душой
Не можем мы войти.
И что-то есть, что глубоко
Горит в твоих глазах
И от меня так далеко,
Как звезды в небесах...
В своей тюрьме — в себе самом —
Ты, бедный человек,
В любви, и в дружбе, и во всем
Один, один навек!..

1890

69. ЛИРИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПОЭМЫ «СМЕРТЬ»

О век могучий, век суровый
Железа, денег и машин,
Твой дух промышленно-торговый
Царит, как полный властелин.
Ты начертал рукой кровавой
На всех знаменах: «*В силе — право!*»
И скорбь пророков и певцов,
Святую жажду новой веры
Ты осмеял, как бред глупцов,
О век наш будничней и серый!

Расчет и польза — твой кумир,
Тобою властвует банкир,

Газет, реклам бумажный ворох,
Недуг безверья и тоски,
И к людям ненависть, и порох,
И броненосцы, и штыки.
Но ведь не пушки, не твердыни,
Не крик газет тебя доньше
Спасает, русская земля!
Спасают те, кто в наше время
В родные, бедные поля
Кидают вечной правды семя,
Чье сердце жалостью полно, —
Без них бы мир погиб давно!..

Кладите рельсы, шахты ройте,
Смирите ярость волн морских,
Пустыни вечные покройте
Сетями проволок стальных
И дерзко вешайте над бездной
Дугою легкой мост железный,
Зажгите в ваших городах
Молниеносные лампы, —
Но если нет любви в сердцах —
Ни в чем не будет вам отрады!
Но если в людях бога нет —
Настанет ночь, померкнет свет...

. . . . .
. . . . .

Как в древних стенах Колизея
Теперь шумит лишь ветер, вея,
Растет репейник и полынь, —
Так наши гордые столицы
И мрамор сумрачных твердынь —
Исчезнет всё, как луч зарницы,
Чуть озарившей небосклон,
Пройдет — как звук, как тень, как сон!

О, трудно жить во тьме могильной,
Среди безвыходной тоски!

За пессимизм, за плач бессильный
Нас укоряют старики;
Но в прошлом есть у вас родное,
Навеки сердцу дорогое,
Мы — дети горестных времен,
Мы — дети мрака и безверья!
Хоть на мгновенье озарен
Ваш лик был солнцем у преддверья
Счастливых дней. . . Но свет погас, —
Нет даже прошлого у нас!

Вы жили, вы стремились к цели,
А мы томимся, не живем,
Не видя солнца с колыбели! . .
Разуверение во всем
Вы нам оставили в наследство.
И было горько наше детство!
Мы гибнем и стремимся к ней,
К земле родимой, на свободу, —
Цветы, лишённые корней,
Цветы, опущенные в воду, —
Объяты сумраком ночным,
Мы умираем и молчим! . .

Мы бесконечно одиноки,
Богов покинутых жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вещие певцы,
Еще неведомые миру!
И отдадим мы нашу лиру
Тебе, божественный поэт. . .
На глас твой первые ответим,
Улыбкой первой твой рассвет,
О Солнце будущего, встретим
И в блеске утреннем твоём,
Тебя приветствуя, умрем!

«Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri»¹ Весь наш род,

---

¹ Идущие на смерть приветствуют тебя, император Цезарь!
(Лат.). — *Ред.*

Как на арене гладиатор,
Пред новым веком смерти ждет.
Мы гибнем жертвой искупленья.
Придут иные поколенья,
Но в оный день пред их судом
Да не падут на нас проклятья:
Вы только вспомните о том,
Как много мы страдали, братья!
Грядущей веры новый свет,
Тебе от гибнущих — привет!

(1891)

70. ВОЗВРАЩЕНИЕ

О березы, даль немая,
Грустные поля...
Это ты — моя родная,
Бедная земля!
Непокорный сын, к чужбине,
К воле я ушел,
Но и там в моей кручине
Я тебя нашел.
Там, у моря голубого,
У чужих людей,
Полюбил тебя я снова
И еще сильнее.
Нет! Не может об отчизне
Сердце позабыть,
Край родной, мне мало жизни,
Чтоб тебя любить!..
Теплый вечер догорает,
Полный тихих грез,
Но заря не умирает
Меж ветвей берез.
Милый край, с улыбкой ясной
Я умру, как жил,
Только б знать, что не напрасно
Я тебя любил!

Конец 1891

71. ПАРКИ

Будь что будет — всё равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Всё наскучило давно
Трем богиням, вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, —
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы
Тянут парки из кудели,
Без начала и без цели.
Не склоняют их мольбы,

Не пленяет красота:
Головой они качают,
Правду горькую вещают
Их поблеклые уста.

Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою — лгу,
Я рассечь узлов не смею,
А распутать не умею,
Покориться не могу.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви, —
Всё, пред чем я полон страхом, —
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои!

(1892)

72. ЮВЕНАЛ О ДРЕВНЕМ РИМЕ

Сердце наше огрубело.
Хоть к свободе не привык,
Но кощунствует он смело,
Лживый, рабский наш язык.

Мы смиренны, бог свидетель!
Скучен подвиг, скучен грех.
Трусость — наша добродетель,
Наша мудрость — жалкий смех.

Но, смеясь над целым миром,
Только сильных мира чтим,
Перед мерзостным кумиром
На коленях мы стоим.

Мы послушны, мы незлобны...
Что же нет награды нам?
Наши празднества подобны
Погребальным торжествам.

Не хотим или не смеем?
Почему так скучно жить?
Или, мертвые, умеем
Только мертвых хоронить?

Кто был счастлив? Кто был молод?
Где веселье? Где любовь?
Вечный мрак и вечный холод...
Влага Леты — наша кровь.

Братьев гибнущих мы видим,
Сами гибнем без борьбы.
Мы друг друга ненавидим
И боимся, как рабы.

Пред таким позорным веком
И среди таких людей —
Стыдно быть мне человеком,
Сыном родины моей!

(1893)

73. ИЗГНАННИКИ

Есть радость в том, чтоб люди ненавидели,
Добро считали злом,
И мимо шли, и слез твоих не видели,
Назвав тебя врагом.

Есть радость в том, чтоб вечно быть изгнанником
И, как волна морей,
Как туча в небе, одиноким странником
И не иметь друзей.

Прекрасна только жертва неизвестная:
Как тень хочу пройти,
И сладостна да будет ноша крестная
Мне на земном пути.

1893

74. В ЛЕСУ

Дремлют полною луной
Озаренные поляны.
Бродят белые туманы
Над болотную травой.

Мертвых веток черный ворох,
Бледных листьев слабый лепет,
Каждый вздох и каждый шорох
Пробуждают в сердце трепет.

Ночь под ярким блеском лунным
Холодеющая спит,
И аккордом тихострунным
Ветерок не пролетит.

Неразгаданная тайна —
В чашах леса... И повсюду
Тишина — необычайна.
Верю сказке, верю чуду...

1893

75. ДЕТИ НОЧИ

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
Мы неведомое чуем,
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И среди глубокой тьмы
Петуха ночное пенье,
Холод утра — это мы.
Мы — над бездною ступени,
Дети мрака, солнца ждем:
Свет увидим — и, как тени,
Мы в лучах его умрем.

(1894)

76. КРАТКАЯ ПЕСНЯ

Порой умолкнет завыванье
Косматых ведьм, декабрьских вьюг,
И солнца бледное сиянье
Сквозь тучи робко вспыхнет вдруг...

Тогда мой сад гостеприимней,
Он полон чуткой тишины,
И в краткой песне птички зимней
Есть обаяние весны!..

1894

77. ГОЛУБОЕ НЕБО

Я людям чужд, и мало верю
Я добродетели земной;
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной, бесцельной красотой.

Я верю только в голубую
Недосягаемую твердь,
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

О небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

1894

78. ПОЭТ

Сладок мне венец забвенья темный.
Посреди ликующих глупцов
Я иду отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.

Но душа не хочет примиренья
И не знает, что такое страх.
К людям в ней — великое презренье,
И любовь, любовь в моих очах:

Я люблю безумную свободу!
Выше храмов, тюрем и дворцов
Мчится дух мой к дальнему восходу,
В царство ветра, солнца и орлов.

А внизу меж тем, как призрак темный,
Посреди ликующих глупцов,
Я иду отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.

1894

79. ТЕМНЫЙ АНГЕЛ

О темный ангел одиночества,
Ты веешь вновь
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не верь в любовь.
Узнал ли голос мой таинственный?
О милый мой,
Я — ангел детства, друг единственный,
Всегда с тобой.
Мой взор глубок, хотя не радостен,
Но не горюй:
Он будет холоден и сладостен,
Мой поцелуй.
Он веет вечною разлукою, —
И в тишине
Тебя, как мать, я убаюкаю.
Ко мне, ко мне!»
И совершаются пророчества:
Темно вокруг.
О страшный ангел одиночества,
Последний друг,
Полны могильной безмятежностью
Твои шаги.
Кого люблю с бессмертной нежностью,
И те — враги!

19 августа 1895

80. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

О бледная луна
Над бледными полями!
Какая тишина —
Над зимними полями!
О тусклая луна
С недобрыми глазами...
Кругом — покой велик.
К земле тростник поник,
Нагой, сухой и тощий...

Луны проклятый лик
Исполнен злобной мощи...
К земле поник тростник,
Больной, сухой и тощий...
Вороны хриплый крик
Из голой слышен роши
А в небе — тишина,
Как в оскверненном храме...
Какая тишина —
Над зимними полями!
Преступная луна,
Ты ужасом полна —
Над яркими снегами!..

1895

81. ПУСТАЯ ЧАША

Отцы и дети, в играх шумных
Всё истощили вы до дна,
Не берегли в пирах безумных
Вы драгоценного вина.
Но хмель прошел, слепой отваги
Потух огонь, и кубок пуст.
И вашим детям каплей влаги
Не омочить горящих уст.
Последним ароматом чаши —
Лишь тенью тени мы живем
И в страхе думаем о том,
Чем будут жить потомки наши.

1895

82. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

О Винчи, ты во всем единый:
Ты победил старинный плен.
Какою мудростью змеиной
Твой страшный лик запечатлен!
Уже, как мы, разнообразный,
Сомненьем дерзким ты велик,

Ты в глубочайшие соблазны
Всего, что двойственно, проник.
И у тебя во мгле иконы
С улыбкой сфинкса смотрят вдаль
Полуязыческие жены, —
И не безгрешна их печаль.
Пророк, иль демон, иль кудесник,
Загадку вечную храня,
О Леонардо, ты — предвестник
Еще неведомого дня.
Смотрите вы, больные дети
Больных и сумрачных веков:
Во мраке будущих столетий
Он, непонятен и суров,
Ко всем земным страстям бесстрастный,
Таким останется навек —
Богов презревший, самовластный,
Богopodobный человек.

1895

83. МАРТ

Больной, усталый лед,
Больной и талый снег...
И всё течет, течет...
Как весел вешний бег
Могучих, мутных вод!
И плачет дряхлый снег,
И умирает лед.
А воздух полон нег,
И колокол поет.
От стрел весны падет
Тюрьма свободных рек,
Угрюмых зим оплот —
Больной и темный лед,
Усталый, талый снег...
И колокол поет,
Что жив мой бог вовек,
Что Смерть сама умрет!

Между 1891 и 1895

84. ВЕСЕЛЫЕ ДУМЫ

Без веры давно, без надежд, без любви,
О, странно веселые думы мои!
Во мраке и сырости старых садов —
Унылая яркость последних цветов.

1900

85. ДВОЙНАЯ БЕЗДНА

Не плачь о неземной отчизне,
И помни: более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни,
Не будет в смерти ничего.

И жизнь, как смерть, необычайна...
Есть в мире здешнем — мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна —
И в свете дня, как в тьме ночной.

И смерть и жизнь — родные бездны:
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет
Своею волею навек.

И зло, и благо — тайна гроба.
И тайна жизни — два пути —
Ведут к единой цели оба,
И всё равно, куда идти.

Будь мудр, — иного нет исхода.
Кто цепь последнюю расторг,
Тот знает, что в цепях — свобода
И что в мучении — восторг.

Ты сам — свой бог, ты сам — свой ближний,
О, будь же собственным творцом,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своим началом и концом.

1901

86. МОЛИТВА О КРЫЛЬЯХ

Ниц простерты, унылые,
Безнадежные, бескрылые,
В покаянии, в слезах, —
Мы лежим, во прахе прах,
Мы не смеем, не желаем,
И не верим, и не знаем,
И не любим ничего.
Боже, дай нам избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья твоего.
О, спаси нас от бессилья,
Дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа твоего!

1902

Биографические сведения о Льдове скудны. Он не только препятствовал проникновению сведений о себе в печать, но всячески избегал — вопреки установившейся писательской традиции — какой-либо огласки или даже простого упоминания своего имени публично. Такая позиция приводила в недоумение газетных репортеров. А. А. Измайлов жаловался: «Странный человек, перешедший рубеж тридцатилетия общественной деятельности и не справивший ни одного юбилея, не желающий справить его и теперь, и готовый считать юбилейный день — днем траура! Странный писатель, — кажется, единственный из всех моих собратий, который «просил не писать» о нем и сам написал за всю жизнь одно письмо в редакцию в три строки!»¹ В результате ни одно из справочных изданий начала века не содержит о Льдове никаких сведений.

Константин Льдов (Витольд-Константин Николаевич Розенблюм) родился 1 мая 1862 года в семье доктора медицины. Окончив в Петербурге гимназию, он начал жить самостоятельно. Он не продолжил ученья, а целиком отдался писательству, к которому его несудержимо влекло с самой юности (первое его стихотворение было напечатано, когда автору едва исполнилось шестнадцать лет). Ко времени выхода в свет первого поэтического сборника (1890) Льдов уже участник многих журналов («Вестник Европы», «Северный вестник», «Нива» и другие) и одной из самых распространенных газет — «Биржевые ведомости». Он активно посещает «пятницы» К. К. Случевского, где знакомится со многими видными литераторами того времени. В 1891 году он обращается к Случевскому с предложением об издании коллективного стихотворного сборника в помощь пуждающимся литераторам. В истории русской поэзии это был первый замысел создания коллективного сборника.²

В 1892 году он печатает и первый свой роман — «Лицедей», про-

---

¹ «Биржевые ведомости», 1908, № 10 717, 18 сентября.

² См.: «День поэзии», М., 1964, с. 170—171.

шедший, однако, незамеченным. В это же время он знакомится с Л. Я. Гуревич и сближается с новой редакцией реорганизованного ею журнала «Северный вестник». 90-е годы — едва ли не самый важный период в жизни Льдова. Вот каким вспоминает поэта Гуревич: «Познакомилась с Льдовым, который был в то время иступленным почитателем Канта и Вольтского вместе, поражал непрерывно гудящим голосом и вдохновенным поворотом головы с длинными, как подобает поэту, волосами и трогал своим искренним презрением ко всему житейскому, своим фантазмагорическим существованием с весьма случайными заработками и даже своим старым фраком, в который слишком часто облачался взамен сюртука, ибо за сюртук больше давали в закладе». ¹ Гуревич стала для Льдова объектом сильного и продолжительного чувства, граничившего с поклонением. Чувство это осталось без ответа, что и наложило отпечаток драматизма на все раннее творчество Льдова.

В конце 90-х годов Льдов познакомился с дочерью известного скульптора и художника М. О. Микешина Анной Михайловной, по мужу Баумгартен. Новая привязанность оказалась в жизни Льдова сильной и продолжительной. Он посвящал Анне Михайловне стихи и книги, завещал ей право собственности на все свои труды и сочинения, утверждал, что «еще не было на свете женщины, способной так улавливать мельчайшие оттенки и изгибы художественного слова и философской мысли». ² Он несколько успокоился, наладил быт, приобрел постоянную службу — вначале в редакции журнала «Огонек», затем в газете «Биржевые ведомости». В 1901 году он и сам попытался издавать газету «Еженедельник искусств и литературы», которая, однако, успеха не имела и прекратилась на одном из первых номеров.

К этому времени Льдов был уже автором трех стихотворных сборников. За один из них («Отзвуки души») Академия наук присудила ему почетный отзыв имени Пушкина. Он знакомится и сближается с И. Е. Репиным и его семьей, оказывает услуги жене Репина Нордман-Северовой в пропаганде ею идеи женской эмансипации. Во время одного из посещений Льдовым дачи Репина Пенаты Репин сделал карандашный набросок его портрета. ³

К концу 1890-х и началу 1900-х годов относится создание Льдовым ряда стихотворных и прозаических произведений, посвященных

---

¹ «Русская литература XX века, под ред. С. А. Венгерова», т. 1. М., 1914, с. 240.

² ПД.

³ Воспроизведен в журн. «Огонек», 1908, № 38.

одной героине — Анне Михайловне Микешинной-Баумгартен. Сам Льдов никогда в самостоятельный цикл их не объединял, но объективно это именно цикл, все произведения которого связаны и обликом героини, возлюбленной поэта, к которой они обращены, и темой преодоления, благодаря ее духовной помощи, тягот земного бытия. Это была традиция, широко представленная в то время в лирике Александра Блока, автора «Стихов о Прекрасной Даме», в которых воплощена та же лирическая концепция, что и в стихотворном цикле Льдова.

Во второй половине 1913 года Льдов уехал в путешествие по Европе. На возвратном пути из Испании он поселился в Париже и попытался наладить издание русской газеты под названием «Иностранец». Газета шла вначале плохо, но вскоре упрочилась и даже стала приносить некоторый доход. С началом войны, однако, дела резко пошатнулись. «Паника безмерная, неслыханная и невиданная, — писал Льдов из Парижа, — они (французы. — *Ред.*) чувствуют себя уже совершенно разбитыми без единого выстрела. Всюду чудятся им шпионы; вчера меня уверяли, что вслед за мобилизацией в четверо суток вышлют всех иностранцев, даже нас, русских. Платить никто никому не хочет; моя газета, теперь уже окончательно сформированная, вероятно, погибнет».¹

Прожив последние сантимы, Льдов отправился на родину. Ехать надо было через Стокгольм и Лондон. Преодолев многочисленные трудности, в сентябре 1914 года он вернулся в Петроград. Здесь уже многое изменилось. Его одолевают мысли о том, что жизнь прошла, а сделать он так ничего и не успел. «Мне все кажется, что я уже безнадежно запоздал и никогда не научусь даже азбуке».² Он окончательно замыкается в себе. В тиши и уединении он музицирует — сочиняет вальсы (Льдов был неплохой музыкант), переводит с немецкого, польского. (Еще раньше широкую известность получил его перевод юмористической повести для детей В. Буша «Макс и Мориц».)

После Октябрьской революции, в 1917 или 1918 году, Льдов снова уехал за границу — на этот раз навсегда. Дальнейшая судьба его неизвестна. Последнее печатное известие о нем, которое удалось разыскать, относится к февралю 1918 года. Находился Льдов в это время в Париже и собирался отправиться в Испанию или Италию.³

---

¹ Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). В дальнейшем ссылки на это архивохранилище будут даваться сокращенно: ГПБ.

² ПД.

³ См.: «Опыты», Нью-Йорк, 1953, кн. 1, с. 183.

Льдовым было издано три основных сборника стихотворений в 1890 году («Стихотворения»), в 1897 году («Лирические стихотворения») и в 1899 году («Отзвуки души»). Кроме того, в 1891 году к пятидесятилетию со дня гибели Лермонтова, которого Льдов очень чтил, он издал небольшой сборник стихотворений «Памяти Лермонтова».

87

Город полуночной грезой объят;
Точно дыхание спящей земли,
Струны воздушные тихо звенят
Где-то вдали. . .
Точно в аккорд мелодичный слились
Отзвуки в вечность ушедшего дня. . .
Кто-то мне шепчет как будто: «Молись,
Друг, за меня. . .
Я истомился в чаду суеты,
Скинуть не в силах я бремя забот,
Скорбь тяжелее могильной плиты
Сердце гнетет.
День пережитый прошел без следа,
Нечем в молитве его помянуть. . .
Больно без милого сердцу труда
Жить как-нибудь.
Плакать — нет слез, и молиться — нет слов.
Друг, если можешь, поплачь за меня
И помяни на молитве рабов
Праздного дня!»

1887

88

Как пламя дальнего кадила,
Закат горел и догорал. . .
Ты равнодушно уходила,
Я изнывал, я умирал. . .
И догорел костер небесный,
И отзвучали струны дня,
И ты, как день, ушла прелестной
И странно чуждой для меня.

Зажгутся вновь огни заката
И зорь прозрачных янтари,
Лишь зорям счастья — нет возврата,
Ночам сердечным — нет зари!

1887

89. КАРМЕЛИТКА ¹

Средневековая легенда

Луна, как факел, осветила
Безмолвный сад;
В лазури звездные кадила
Чуть-чуть дрожат...
В ограде звякнула калитка,
Шуршит сирень,
И молодая кармелитка
Скользит, как тень.
Трепещет грудь под рясой черной,
Раскрыт клобук,
И четки змейкою проворной
Ползут из рук.
Вдохнул ей замысел греховный
Учитель зла...
«Ты звал меня, отец духовный, —
И я пришла».
Но, вместо страстного объятья,
Сердечных слов,
Над ней раздались проклятья
И звон оков.
«Покайся, грешная черница!
Забывши стыд,
Ты не монахиня — блудница,
Твой грех открыт!
Тебе — костер, тебе — отрава
И мрак могил...»

---

¹ Кармелитка — монахиня католического ордена. Явления, подобные описанному в этом стихотворении, конечно, давно уже отошли в область исторического, почти легендарного прошлого.

Я искусил тебя лукаво —
Но искусил».
Она трепещет в смертном страхе,
Звучат ключи.
Идут суровые монахи,
Как палачи.
Упали темные одежды,
Обнажена,
Без покаянья, без надежды
Стоит она...
Судья с пергаментного свитка
Сорвал печать, —
И услышала кармелитка:
«Замуровать!»
И скрылась тайна в темной нише,
Исчез тайник,
И замирал всё тише, тише
Предсмертный крик.

Октябрь 1887

90. СПИНОЗА

Легенда¹

Посв(ящается) А. Л. Ф(лексер)у

Nec ridere, nec lacrimari, sed intelligere.

*Spinosa*²

Затмился день. Ночная мгла,
Как паутина, облегла
Все очертанья... Амстердам
Безмолвен, пуст, как людный храм,
Когда обедня отошла, —

---

¹ У амстердамского врача Фан ден Эиде была дочь Олимпия — красивая девушка, хорошо владевшая латинским языком. Сохранилась легенда, что Спиноза, пожелав научиться этому языку, одно время был ее ревностным учеником и... поклонником. Расчетливая девушка предпочла, однако, стыдливому и робкому философу богатства молодого гамбургского купца Керкеринга, умевшего подкреплять свои притязания жемчужными ожерельями, кольцами и другими соблазнами.

² Не смеяться, не плакать, но понимать. Спиноза (лат.). — *Ред.*

И небо куполом над ним
Сияет бледно-голубым...

С террасы низкой в темный сад,
Глубокой думою объят,
Выходит юноша... Кругом
Льют гиацинты аромат,
В аллеях тополи шумят
И точно сыплют серебром...
Но бледный юноша идет
Так ровно, медленно вперед —
И, только выйдя из ворот,
Последний взгляд, прощальный взгляд
Бросает горестно назад...

Как догоревшая звезда
С зарею гаснет без следа,
Так в сердце гаснет у него
Святое чувство... Божество
Само низвергнуло себя,
Само алтарь разбило свой,
И, всё минувшее губя,
Слилось со тьмою вековой...
Как обманулся он, любя!
Пред кем клонил свое чело!..
Но солнце разума взошло,
И смолкло сердце... Мощный ум
Разгонит тень печальных дум,
И свет обманчивый любви
В сиянии радостной зари
Затмится скоро навсегда...
Так догоревшая звезда
С зарею гаснет без следа...

И бросил он последний взгляд
На этот дом, на этот сад,
Где столько радостных минут
Дано Олимпией ему...
Как увлекал их общий труд,
Отрадный сердцу и уму!
Как звучен был в ее устах
Латинский стих, певучий стих!..

В очах, как небо голубых,
Сквозила мысль. . .

И он в мечтах,
В мечтах полуночных своих
Ее так нежно называл —
Своей подругой. . . Он мечтал
По жизни тесному пути
Ее любовно повести, —
Но счастья пенистый бокал
Из рук невыпитым упал. . .

Богач пустой, голландский Крез,
Пленился нежной красотой, —
И дождь рассыпал золотой
У ног прелестной, как Зевес. . .
И, как Даная смущена,
Позорный дар взяла она, —
Как дар, ниспосланный с небес. . .

Невольный зритель, в этот миг
Он бездну горести постиг,
И всё доступное уму
Понятым сделалось ему. . .
Бессильным юношей входил
Он так недавно в этот дом, —
Но вышел мыслящим бойцом
И взрослым мужем, полным сил. . .

И, взор глубокий отвратив
От стен, где юности весна
Навеки им погребена,
Пошел он вдаль, как на призыв
Незримых гениев. . . И в нем,
Как будто выжжена огнем,
Блеснула мысль — и думал он:
«К чему бесцельный, жалкий стон,
К чему бессилия печать
На тех, кто в силах — *понимать!*»

И тихо взор он опустил. . .
Он *понял* всё — и всё *простил*.

Май 1888

Бледнеют полночные тени;
 Я в комнату тихо вошел...
 Букет из лиловой сирени
 Поставил мне кто-то на стол.

Вокруг всё полно ароматом
 Весенних, душистых цветов, —
 И в сердце, волнением объятom,
 Слагается песня без слов.

Какой-то мелодией дивной
 Душа молодая полна, —
 И слышится голос призывный,
 И манит меня из окна...

Я знаю, ты спишь, дорогая,
 Но слышится все-таки мне,
 Как, имя мое называя,
 Уста твои шепчут во сне...

Во сне ты цветы мне бросаешь,
 Так сладко волнуется грудь, —
 Ты нежно меня призываешь,
 И хочешь меня оттолкнуть...

Томительно радостны грезы,
 Ты вся — вдохновенье любви,
 И льются счастливые слезы
 На белые руки твои...

Но завтра, я знаю, сурово
 Ты будешь себя упрекать, —
 И к вечеру влюбишься снова,
 А утром разлюбишь опять!

1888

Не знаю почему — недвижная природа
 Мне кажется подчас так явственно живой,
 Как будто дышит всё — от облачного свода
 До травки полевой.

В раскатах вешних бурь мне слышатся угрозы,
 В прибое мощных волн — напевы божества,
 И в эхо — чей-то стон, и в шелесте березы —
 Влюбленные слова.

И, мнится, небеса, созвездия и скалы
 Мечтательно грустят и молятся, как я,
 И грезят ландышей склоненные бокалы
 О тайнах бытия...

1888

93. ОТШЕЛЬНИК

Набросок

В бору ароматном, где сосны и ельник
 Сплотилися тесно в зеленый плетень,
 Где дятел стучит и блуждает олень,
 От грешного мира спасался отшельник.
 И вот омрачила предсмертная тень
 Черты изможденного лика...
 И старец воскликнул: «Господь мой, владыка
 Незримых и зримых пространств и миров,
 Прими мою душу и бренный покров,
 На ней тяготевший, как цепи!
 Я в жизни томился, как в сумрачном склепе,
 Я жаждал безумно грядущей зари,
 Покинул людей и твои алтари,
 И всё, что к земному меня привлекало...
 Но истины сердце напрасно алкало:
 Во мраке я жил и во мраке умру...
 И совесть мою, как змеиное жало,
 Язвит сожаление... В темном бору
 Я был равнодушен к земному добру;
 Мирские тревоги, мирские печали

Смиренной молитвы моей не смущали,
Я духом стремился в небесную даль, —
И вот, у могилы, чего-то мне жаль,
    О чем-то былом я тоскую! . . .
О боже, ты пенишь пучину морскую
И вновь превращаешь в зеркальную гладь, —
Верни же твой мир и твою благодать
    Душе, омраченной сомнением!
Легко умереть, тяжело умирать. . .
О боже, овей мою душу забвеньем
И в очи мне славой твоею блесни,
Зажги на мгновенье святые огни,
    Огни вековечного света. . . »
Но сумрачно в келье. . . Послышался где-то
Двух сов заунывный, глухой переклик. . .
И старец с мольбою к святыне приник —
    И не было старцу ответа. . .

1889

94

Когда, приникнув к изголовью,
Твой взор печальный я ловлю,
Ты говоришь, что я люблю
Какой-то странную любовью.

Ты говоришь, что я не весь
В порывах нежности и страсти,
Что я иной покорен власти
И что мечты мои не здесь. . .

Права ли ты? Я сам не знаю,
Но может быть, что ты права. . .
В тебе, мой друг, я созерцаю
Как будто отблеск божества.

В тебе люблю я отраженье
Сквозящей в мире красоты,
И молодое вдохновенье,
И вдохновенные мечты. . .

1889

Смеркается. Тихо. Ни песен, ни шума...
 Всё замерло в чаще; вокруг разлита
 Какая-то полная дум красота,
 Какая-то стройная дума...

Всё будто бы грезит — не смутными снами,
 А странным, прозрачным подобием сна, —
 И кажется мне, что сама тишина
 Трепещет немymi струнами...

Гляжу и люблюсь... И, мнится, готова
 Природа поведать мне тайну свою, —
 И я, как влюбленный, пред нею стою
 И жду вдохновенного слова...

Но тихо, как прежде, в дубраве угрюмой,
 И тщетно стараюсь я в звуки облечь
 Ее вековечную, стройную речь
 С ее величавою думой...

1889

Всё движется стройно: плывут облака,
 Колеблется небо... Ладьей мировою,
 Как парусом белым, как легкой ладьею,
 Незримая правит рука...

Вселенная движется... Звезд вереницы
 Сверхшают намеченный богом полет,
 И солнца, вращаясь, стремятся вперед,
 Как оси одной колесницы...

Сменяются ровно прилив и отлив,
 И волны седые в бушующем море,
 И ранние зори, и поздние зори,
 И жатвы возделанных нив...

Один человек в бесконечной тревоге
Возводит без усталы призрачный храм,
И вечно стремится к священным дарам, —
И вечно стоит на пороге. . .

1889

97

Я не могу смотреть с улыбкою презренья
На этот грешный мир, мир будничных забот, —
Я сам его дитя. Как в небе звездочет,
Ищу я на земле святого откровенья, —
И тайна бытия мучительно гнетет
Колеблющийся ум. Смущенною душою
Я чую истину, стараюсь уловить
Неведомой рукой запутанную нить, —
Но светоч то блеснет, то гаснет предо мною. . .
Зачем проходим мы ареною земною?
К чему шумливою толпой
Напрасно длим жестокий бой? ..
И верить я хочу, что вековечный разум
Вселенной сходство дал с блистательным алмазом.
Явления на нем, как грани без числа,
В смешении добра и трепетного зла
Сливаются в одно прозрачное сиянье.
Алмазу нужен свет, — и чистое сознанье
Влечет мою мечту к престолу божества. . .
И, мнится, самый грех и самое страданье —
Всего лишь грани вещества.

(1890)

98

Я верю в тайны сновидений,
В мои пророческие сны. . .
Лучи высоких вдохновений
Так ясно в них отражены!

Когда сомненье не связует
Полета творческой мечты,

Душа свободная рисует
Свободно облик красоты.

Мне в грезах истина сияет
И путь к Создателю открыт,
И кто-то разум вдохновляет,
И кто-то сердцу говорит...

Проснусь, грустя, — и сам не знаю,
Тогда ли глубже я живу,
Когда я сон переживаю
Иль верю грезам наяву...

(1890)

99

Как слепо люди ненавидят
И как случайно страстью дышат:
Имеют очи — и не видят,
Имеют уши — и не слышат!

Они не видят и не слышат,
Не верят знаменьям чудес,
И не для них звездами вышит
Ковер полуночных небес...

К земле прикованы судьбою,
Презревши твердь и божество,
Они идут земной тропею, —
Как будто ищут под собою
Могил для праха своего...

Как слепо люди ненавидят
И как случайно страстью дышат:
Имеют очи — и не видят,
Имеют уши — и не слышат!

1890

В осенний вечер дышит лес
 Невыразимою печалью...
 Задернут траурной вуалью
 Простор заплаканных небес.

Заката дальнего багрянец
 Зловещим зыблется пятном,
 Как лихорадочный румянец
 На лице бледном и больном.

В поблекших красках увяданья,
 В паденьи каждого листка
 Живые чудятся страданья,
 Живая чудится тоска.

В тени обманчивой и шаткой
 Как будто шепчется листва,
 И полны позднею догадкой
 Ее предсмертные слова...

1892

В глуши сырой и ароматной,
 Где блекнет папоротник сонный,
 Брожу, в раздумие влюбленный,
 Слежу за грезой непонятной.

Скажите, пасмурные ели,
 Скажите, сумрачные сосны,
 В каких скорбях вы поседели,
 Какою былью пролетели
 Над вами радостные весны?

Кто, дивный, шепчет мне из леса?
 Чей это шепот сокровенный
 Звучит, протяжный и мгновенный,
 Из беспросветного навеса?

То шепчет сердцу глушь лесная
О первых днях земного мая,
Об утре дней благоуханном
В лесу святом и первозданном.

Я замер, жду, припоминаю,
Ловлю дыхание лесное.
И вновь душой переживаю
Бог весть когда пережитое.

1892

102

Скрывай сердечное волненье
И трепет пламенной любви,
Будь скуп в речах: слова твои
Смутят прекрасное виденье.

Пуглива робкая мечта,
Не воплощай ее поспешно:
Пока любовь твоя безгрешна,
Тебе подвластна красота.

Но если речью дерзновенной
И блеском взоров огневых
Изменишь тайне сокровенной,
Заветной тайне дум твоих, —

Тогда померкнет обаянье
Влюбленных грез, счастливых снов
И промелькнет, как очертанье
Гонимых ветром облаков.

1894

103. ВСАДНИКЪ

Тонет даль в тумане бледном,
Хмур безлунный свод небес. . .
Едет всадник в шлеме медном
И с копьём наперевес.

Конь в пыли, склонен к подпруге
У стремян чеканный щит,
На чешуйчатой кольчуге
Золоченый крест горит.

Рукоятью меч широкий
Ударяет по седлу. . .
Едет всадник одинокий
И глядит в седую мглу.

Он глядит из-под забрала,
И пылает взор его
Верой в святость идеала,
В красоту и божество.

Он мечтой весь мир объемлет
И зовет на бой со злом,
А оно — сидит и дремлет
У него же за седлом.

1894

104

Опять волнует вдохновенье
Мой хмурый, мой пыливый ум,
И, точно бури приближенье,
Мне всё внятнее странный шум
Прибоя образов и дум.
Еще тиха пучина моря,
Еще прозрачен небосвод, —
Но скоро, скоро, вихрю вторя,
Немая арфа спящих вод
Протяжно песню запоем. . .
И, точно злобствуя над тучей,
Зигзаги молнии летучей
Ее огнем избороздят. . .
И дух мой, трепетом объят,
Сольется с бездною созвучий.

1894

Бывают дни, когда священную тревогу
 Переживает ум и сердце в нас горит,
 И пылкая душа стремится знойно к богу,
 И бог таинственно с душою говорит.

Волнами звучными волшебная стихия
 В туманный берег бьет так явственно тогда,
 И слышатся нам в ней молитвы неземные,
 Предвечная любовь и вечная вражда.

Безгрешных ангелов возносятся каноны,
 Сверкают их мечи зарницей золотой,
 И мчатся демонов крылатых легионы,
 И тучей стелются над бледною землей.

Сливаются псалмы с мятежными речами, —
 Небесный бой жесток, стремителен полет...
 А вечность звездными очами
 Нас обольщает и зовет.

1895

106. ИДОЛ

Шумит и плещет океан...
 На берегу его отлогом
 Стоит безрукий истукан
 В убранстве пестром и убогом.

При свете гаснущей зари,
 Как привидений черных стая,
 В священной пляске дикари
 Кружатся, к идолу взывая.

Для них он бог, великий бог
 В венце могущества и славы,
 Весь мир — торжественный чертог
 Его таинственной державы.

Холодный камень — жив и зряч —
Глядит на них зловещим взором:
Он сам — вершитель, сам палач
Судьбы жестоким приговорам.

Пред ним склоняются цари,
Все силы духа в нем таятся...
И в страстной пляске дикари
Всё иступленнее кружатся.

А небеса и океан,
Сливаясь в сумрак гранью зыбкой,
На роковой самообман
Глядят с задумчивой улыбкой...

1895

107. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

И вот последний день затмился сиротливо.
Последний вспыхнул луч и в сумраке исчез...
И стали небеса как выжженная нива,
И нивы мертвые — как кладбище небес.

Созвездия светил погасли, как лампы,
В которых догорел живительный елей;
И в бездну мрачную низверглись их громады —
Погибшей красоты надгробный мавзолей.

Похолодев, как труп, вселенная застыла...
Но божий замысел пронесся вновь над ней, —
И камни дрогнули, и тьма заговорила,
И разум просиял, как солнце прежних дней!

И над обломками былого мирозданья,
Подобно музыке, раздалися слова:
«Любовь рождает жизнь, — и нет им окончанья,
Как творческим мечтам, как грезам божества!»

1895

Чей разум, звезды, вас возвысил,
 Нетленным пламенем зажег?
 Кто превозмог пределы чисел,
 Пространства мнимость превозмог?

Пушинки огненного снега,
 Кружат и вихрятся миры,
 Пути их горного пробега —
 Чертеж неведомой игры.

И что я сам: мое сознание,
 Мои стремленья, мой восторг?
 Кто распахнул мне мирозданье,
 Из довременности исторг?

Моя ли греза — эти краски,
 Живые грани и черты,
 Иль сам я призрак чьей-то сказки,
 Виденье призрачной мечты?

1896

Небо смеется... Полуденным блеском
 Солнце играет на ярком снегу...
 Лес улыбнулся теней арабескам,
 Резвые тени дрожат на снегу.

Воздух морозный, как майский напиток,
 Искрится золотом зыбких лучей;
 Силы надоблачной льется избыток,
 Льется потоком веселых лучей...

В сердце моем — тот же полдень холодный,
 Блеск и мерцание снежной парчи,
 Призрак любви, и в тревоге бесплодной —
 Те же улыбки и те же лучи.

1896

Кто поймет, кто разгадает,
 Как обмануты мы снами?
 Отчего всегда витает
 Чей-то призрак между нами?

Кто в лобзаннях тайно веет
 Вещим холодом забвенья,
 С нами плачет, нас жалеет
 И внушает угрызенья?

Отчего, когда так страстно
 Жаждем мы запретной встречи,
 Чей-то голос шепчет властно
 Укоризненные речи?

Призрак сна иль призрак рая?
 Неземное иль земное
 Нам твердит, не умолкая:
 «Вас не двое, вас не двое!»?

1896

111. АСТРА

Ты отцветала в час вечерний,
 В лучах заката отцвела,
 Когда проснулась в иглах терний
 Седая мгла.

Колебясь дымной полосой,
 Осенний мрак к тебе приник
 И плакал светлую росой
 На твой цветник.

Стыдливой жалостью волнуем,
 Щадя предсмертную тоску,
 Ронял он с каждым поцелуем
 По лепестку.

Так я рыдаю над тобою,
Касаясь бледного чела,
Так, вместе с астрой голубою,
Ты отцвела.

(1897)

112

Позабыла душа о минувшем своем,
Где жила, кем была и молилась о чем,
Позабыла душа неземную страну,
Где встречала она золотую весну.

Там безгрешной любви очарованный сон
Непонятым желанием был окрылен;
Смутный образ в мечтах разгорался и жег,
И манил за собой в лучезарный чертог...

И просила душа: «Жизнедатель святой,
Воплоти мой восторг и обвей красотой!»
И Предвечный мольбам испытующей внял,
И очам ее мир перевозданный предстал.

Но в тенетах страстей, но в хмельной суете
Позабыла душа о бывалой мечте,
Позабыла, зачем очарованный сон
В красоте и любви на земле воплощен.

1897

113. СЛЕПЦЫ

Слепцы глядят на божий свет
Сквозь мрак своих очей,
В их величавом мире нет
Ни красок, ни лучей.
Как ночь, таинственны их дни
И призрачны, как сны,
И вещей бездною они
Всегда окружены.

Лицом к лицу с предвечной тьмой,
Они не сводят глаз
С неотвратимости немой,
Невидимой для нас.

Так, странник чуждый и слепой,
Средь пестрой суеты,
Иду окольной тропой,
Влюблен в мои мечты.
Стихией мысли увлечен
В мир призрачных задач,
Гляжу на жизненный мой сон
И зорок, и незряч.
В ночи предчувствуя зарю
И рассветая в ней,
Я в душу вечности смотрю
Сквозь мрак души моей.

1897

114

Ночь. Не сплю, томит забота...
У дверей стучится кто-то,
Робко кличет: «Поспеш!»
Открываю, — ни души.

На дворе бушует вьюга,
Не нужна моя услуга
В эту полночь, в эту тьму
Никому.

Но опять за дверью стучи...
Что пророчат эти звуки?
Кто незримый гость ночной,
И ко мне или за мной?

Непонятная тревога...
Смерть, не ты ли у порога,
И не твой ли слышу зов
В хоре тайных голосов?

Если так, то сбрось покровы:
Очи страстные готовы
К созерцанию красоты. . .
    Это ты!

1897

115. ПАЛАДИН

Жаждой славы окрыленный,
Простодушный и влюбленный,
Он глядит на божий мир,
Как на рыцарский турнир.

Чуждый страха и упрека,
Против злобы и порока
Обращает он свое
Позлащенное копье.

Но врага он не поносит,
Если, приступ отклоня,
Нападающего сбросит
С чистокровного коня.

Он к сопернику подходит
И — венчая торжество —
Поднимает и подводит
К даме сердца своего.

И в лучах небесных взоров
Гаснет мрак слепых раздоров,
И божественно чиста,
Расцветает красота.

1897

116

Твоей красой любуясь жадно,
Не в силах взора отклонить,
Моя любовь, как Ариадна,
Прядет спасительную нить.

То нить святых воспоминаний, —
Хранимый образом твоим,
Из лабиринта испытаний
Я выйду чист и невредим.

И, может быть, в стране безвестной,
За гранью грешной суеты,
Для жизни новой и прелестной
Я воскрешу твои черты.

Мой дух в твой образ воплотится,
Чтоб мы расстаться не могли, —
И сочетаньем насладится,
Непостижимым для земли.

1897

117

Потускнели огни
Золотистого дня.
Мы одни.
Отдохни
На плече у меня!

Разметал свой костер
Умирающий день
И простер
На шатер
Утомленную тень.

В ней к тебе низошло
Горних стран забытье
И легло
На чело
И на счастье твое.

Ты сомкнула уста,
Сон твой нежен и тих,
И чиста
Красота
Вдохновений твоих.

Скоро звездных хором
Засверкает краса:
    Над шатром
    Серебром
Зацвели небеса.

Но твой день не исчез:
Вечно светел и нов,
    Он воскрес
    Для чудес
Очарованных снов.

(1898)

118

Я на старинный лад пою,
Былину скорбную мою
Кладу на музыку души.
И кто внушает мне: «Пиши,
Ищи созвучий или слов»,
Когда я слезы лить готов,
Рыдать над юностью моей
О светлых зорях светлых дней?
Я не хочу певучих грез,
Но льются звуки вместо слез, —
И скорбь становится светла,
И вокруг меня, в ночной тиши,
Редает сумрачная мгла,
И вырастают у души
Два очарованных крыла.

(1899)

119

И мне безумие дано
За этим явственным пределом,
И я взрастил его зерно
В моем уме осиротелом!

На небо ль хмурое смотрю —
Я прозреваю блеск заемный,

Восторгов девственных зарю
В степи ласкательной и темной.

В могилах чую суету,
В страстях — холодную истому,
И в первом ландыше цвету
Навстречу солнцу золотому.

Иду ли медленным путем,
Плыву ль в лазури влаги шумной, —
Живу во всем, пою во всем,
Ищу сопутницы безумной.

И тяжесть мира мне легка,
И жизнь вот-вот мелькнет пред взором,
Как пыль на крыльях мотылька
С ее причудливым узором.

(1899)

120

Мятежный хмель разлит в природе,
Земля грозой опьянена,
О буйной власти и свободе
В бреду кощунствует она.

Не о земном ей гром грохочет
И не о дольном вихрь поет —
Она поверить им не хочет
И о греховном вопиет.

Напрасно молния сверкает
И мечет стрелы в прах земной,
Напрасно плачет и рыдает
Над нею ливень грозовой.

Она прощения не просит,
Не внемлет вещим голосам...
И аркой радужною бросит
Ответ суровым небесам!

(1899)

1

Вчера всю ночь стучался в стекла
Холодный дождь, а на заре
Отцвел левкой, герань поблекла
И сад проснулся в серебре.

Не ты ли, гость немой и грозный,
В мечтах о близком торжестве,
Раскинул саван свой морозный
На умирающей листве?

Но из своей темницы синей
Вновь солнце выглянет, взойдет
И преждевременный твой иней
Росою светлой отряхнет.

О мой восторг, моя мадонна,
Не хмурь прекрасного чела
И не гляди неблагосклонно:
Зима придет, но не пришла.

15 августа 1899

2

Ночь умерла. В тумане синем
Забрезжил синий призрак дня,
Но мы прекрасной не покинем
В дыму лазурного огня.

Пусть вспыхнет полдень неизбежный
Костром обманчивым своим, —
Мерцанье грез и сумрак нежный
Мы в недрах сердца затаим.

Для нас, постигших скорбь заката
И тайну звездную небес,
Завеса вечности поднята
Над миром призрачных завес.

Сквозь эту дымную преграду
Дано от бога нам пройти
И воспринять в себя прохладу
И негу Млечного Пути.

21 сентября 1899

8

Отбросив земные одежды,
Покинув холодное тело,
Душа молодая летела
На радужных крыльях надежды.

Ее возносили стремленья,
Которым нет мер и названья, —
Неведомых ласк трепетанья,
Несбыточных грез воплощенья.

И всё, что в отринутом мире
Томило порывом неясным,
Воскресло — святым и прекрасным
В святом и прекрасном эфире.

О друг мой прелестный и нежный,
Воскреснут и наши усилья!
И вырастут светлые крылья
У нашей любви безнадежной.

22 сентября 1899

4

— Вот они — крутые верхние ступени. . .
Мы пришли к порогу. Преклони колени,
Я с тобою рядом помолюсь святыне.
Дверь ее закрыта, — но для нас отныне
Нет возврата к пыльной, низменной равнине.
Постучим. Привратник выйдет к нам, быть
может. . .

Ангел мой, ты плачешь? Что тебя тревожит?
— Солнце закатилось. Ночь близка. Над нами
Синева трепещет чудными струнами;
Слышу звуки арфы, слышу чье-то пенье, —

Сладко мне и жутко...

— Духа обновлень!
В нас любовь играет, плачет и смеется...
Каждый взор твой в сердце песнью отдается, —
Ты — мое блаженство! Путь правдивый к богу!
— Я сама не знаю, как нашла дорогу.
Думала вернуться, стало жаль бывшего,
Долго колебалась...

— И всегда сурово
Каялась, и мнимый грех свой омывала
Жгучими слезами!

— Ах, как я страдала!
— Белая голубка! Ты в душе смиренной
Сохранила светоч истины нетленной,
Ты в пустыне мира, знойной и бесплодной,
Мне звездой сияла — вещей, путеводной...
— Я тебя любила! За тебя молилась!...
— Бог тебя услышал: дверь сама раскрылась.

21 декабря 1901

5

Убийца предстал пред судом...
На лице его молодом
Неведомой тайны печать:
Он судьям не мог отвечать.

Когда я читал приговор,
Его испытующий взор
Так строго смотрел на меня,
Как будто и он — судия.

Я робко взглянул на скамью,
Где видел улыбку твою, —
Но пламенный взор твой погас,
И слезы струились из глаз.

Ты плачешь — над ним? Надо мной?
О, светоч любви неземной, —
Мы оба отсюда уйдем
Оправданы в сердце твоём!

24 декабря 1901

Думал я: бесплодно годы протекли. . .
 Вдруг раскрылась тайна — мы себя нашли.
 Просветлело сердце; в чуткой глубине —
 Музыка и солнце. Ты взошла ко мне!

Сумерки осенних, пасмурных теней .
 Потонули в зорях юности твоей.
 Вновь душа священным трепетом полна,
 Молится и плачет. . . Плачет — не одна:

Слезы умиления сочетали нас
 В дивно-невозможный, в незабвенный час. . .
 Дух ли ты небесный, ангел ли земной,
 Уведи с собою иль побудь со мной!

(1902)

СУМЕРКИ

Еще не ночь, уже не день.
 Как паутина, полутень
 Лазурь небес заволокла. . .
 Всё выше призрачная мгла
 Клубится в облаке седом
 Над очарованным прудом.

В недвижимом парке тишина
 Раздумья странного полна.
 Деревья ль грезят в полусне,
 Иль эти грезы — лишь во мне, —
 Природы вещей волшебство
 Коснулось сердца моего?

Пусть всё так сумрачно вокруг —
 Аллеи парка, пруд и луг,
 Земная даль и глубь небес, —
 Я жду явлений и чудес:
 Единый близок. Он — во всем,
 Он — в сердце любящем моем.

Как величав вечерний час,
Когда закат уже погас!
Все краски стерла темнота,
Но лучезарная мечта —
Основа светлая теней —
Сквозит из сумрака ясней.

И так понятно мне сродство
Небес и духа моего!
Как много звезд — в их полутьме
Безумных проблесков — в уме,
Как родствен с этой полутьмой
Язык любви, язык немой!

Душа внимает тишине:
Напев предчувствий вятен мне!
Их смысл торжественный раскрыв,
Я весь — стремленье, весь — порыв,
И, сбросив прах земных тенет,
Вселенной чувствую полет.

К полету жизни мировой
Ты приобщила трепет свой, —
К пределам вечным бытия
Летишь и ты, любовь моя,
И в смутных снах души родной
Восторг предчувствуешь иной.

Как в лабиринте двух зеркал,
В себе мой дух тебя искал, —
И ты, склонившись в полусне,
Себя увидела во мне. . .
Отражены одним огнем,
Мы тенью легкою плывем.

В союзе нашем тайна есть:
Холодным взорам не прочесть
Завета родственной души. . .
О ночь святая! Поспеши
И блеском звезд благослови
Сквозные сумерки любви.

15 июля 1902

МГЛА

Мгла застилает листву
И берег пруда...
В лодке, качаясь, плыву —
Не знаю куда...

Тихие всплески весла
Звучат, как во сне...
Влажная, мутная мгла
Всё ближе ко мне.

Я ли плыву на туман?
Или он на меня?
Чудится страшный обман
В мерцании дня.

Солнца как будто бы нет!
Душа замерла:
Зыблет таинственный свет
Лишь мертвая мгла.

21—28 августа 1902

Дмитрий Николаевич Цертелев родился 30 июня 1852 года в селе Смалькове Саранского уезда Пензенской губернии, где и провел свои детские годы. Его отец, князь Николай Андреевич, помощник попечителя Харьковского учебного округа, был известен своими трудами в области этнографии. Одним из первых русских этнографов он обратился к изучению украинской народной поэзии. Ему принадлежат, в частности, работы: «Опыт собирания старинных малороссийских песен», «Взгляд на старинные русские песни и сказки», «О стихосложении старинных русских песен» и другие. В середине 60-х годов по предложению М. П. Погодина Н. А. Цертелев был избран действительным членом Общества любителей российской словесности. Научные и литературные интересы отца имели несомненное влияние на характер и судьбу Цертелева.

В 1866 году, после нескольких лет воспитания в Швейцарии, Цертелев поступил в Пятую московскую гимназию, где его сверстниками были будущий философ Владимир Соловьев и много обещающий юноша Писемский (сын известного романиста, рано скончавшийся). С Вл. Соловьевым Цертелева связывала тесная дружба, особенно упрочившаяся в Московском университете, куда оба поступили одновременно. С 1870 по 1874 год Цертелев обучался на юридическом факультете Московского университета, а затем уехал за границу и долгое время провел в Берлине, где слушал лекции знаменитых немецких философов — Гартмана и Гельмгольца. С Э. Гартманом, последователем философии Шопенгауэра, Цертелев поддерживал дружеские отношения до кончины своего учителя. В течение ряда лет Цертелев вел с Гартманом переписку по философским вопросам,¹ а с возникновением в Москве журнала «Русское обозрение» пригласил его в число сотрудников.

Во время пребывания за границей, еще будучи студентом, Цертелев близко сошелся с А. К. Толстым, имевшим на молодого философа и поэта большое влияние. Цертелев увлекался поэзией

---

¹ См.: «Письма Э. Гартмана к князю Д. Н. Цертелеву». — «Журнал Министерства народного просвещения», 1911, № 10, с. 8—106.

А. К. Толстого, отчасти подражал ему, а после его смерти издал сочинения А. К. Толстого с обширным очерком о его творчестве.

Зиму 1875 года Цертелев провел в Египте и Италии; там он имел возможность непосредственно ознакомиться с культурой древнего Востока и европейского Возрождения. Свое образование Цертелев завершил в Лейпциге, где слушал лекции известных профессоров права и философии. В 1879 году он представил в Лейпцигский университет диссертацию на немецком языке «О теории познания Шопенгауэра», успешно защитил ее и был удостоен степени доктора философии.

По возвращении в Россию Цертелев выступил с серией философских работ, развивавших идеалистические взгляды Шопенгауэра и Гартмана. С позиций философского идеализма и агностицизма оценивал он проблемы развития современной науки, права и нравственности. Его философско-религиозные идеи изложены в работах: «Границы религии, философии и естествознания» (1879), «Философия Шопенгауэра. Теория познания и метафизика» (1880), «Современный пессимизм в Германии. Очерк нравственной философии Шопенгауэра и Гартмана» (1885), «Спиритизм с точки зрения философии» (1885), «Эстетика Шопенгауэра» (1888), «Свобода и либерализм» (1888), «Нравственная философия графа Л. Н. Толстого» (1889).

В лице Вл. Соловьева и Цертелева русская идеалистическая мысль приобрела в 80-е годы наиболее деятельных пропагандистов. Друзья по гимназии и университету, союзники в философии, Вл. Соловьев и Цертелев расходились, однако, в общественно-политической области. В противоположность либерально-оппозиционным настроениям Вл. Соловьева, заявлявшего себя резким критиком правительственной бюрократии и официальной церкви, Цертелев держался вполне консервативных взглядов и последовательно проводил их в своей общественно-публицистической деятельности. После смерти редактора «Русского вестника» М. Н. Каткова Цертелев в течение нескольких месяцев редактировал этот журнал, считавшийся традиционным оплотом русского политического консерватизма.¹ Как пуб-

---

¹ Указывая на обстоятельства, при которых Цертелев занял место главного редактора журнала, А. А. Голенищев-Кутузов писал 6 октября 1887 г. А. Н. Майкову: «Кн. Цертелев действительно по просьбе Софьи Петровны Катковой временно занялся редактированием «Русского вестника», печальные последствия чего мне уже пришлось испытать на себе: выпросив у меня стихотворение, он напечатал его с грубейшими и глупейшими ошибками, от которых при чтении у меня волосы на голове дыбом встали. Этот милейший князь, как видно, столь же способный быть редактором, сколько и поэтом» (ПД).

лицист он сотрудничал в том же «Русском вестнике», «Московских ведомостях», «Журнале Министерства народного просвещения» и других изданиях. Но Цертелев свои стихотворения и общественно-литературные статьи довольно часто печатал и на страницах либеральных журналов — в «Вестнике Европы», «Русской мысли» и других. Цертелев недолгое время был причастен к изданию журнала «Дело», а в 1890 году основал новый ежемесячный журнал «Русское обозрение», которым руководил на протяжении трех лет.

С 1887 по 1890 год Цертелев состоял председателем съезда мировых судей Спасского уезда Тамбовской губернии. К этому времени относится его брошюра «Нужна ли реформа местного управления?» (1889); в 90-е годы он опубликовал ряд статей по вопросам судопроизводства и права, связанных с пересмотром судебных уставов, принятых во времена Александра II. В 1899 году Цертелев выступил со статьей, оправдывавшей по существу цензурные установления, направленные против оппозиционной печати.¹ В 1904 году он вошел в сенатскую комиссию Д. Ф. Кобеко, занимавшуюся разработкой нового закона о печати. Комиссия похоронила все либеральные законопроекты, внесенные на ее рассмотрение, и лишь революционные события 1905 года сдвинули обсуждение наболевшего вопроса с мертвой точки.

Дебют Цертелева-поэта относится к 1875 году, когда в журнале «Русский вестник» было опубликовано первое его стихотворение. Поэтическая репутация Цертелева складывается в 80-е годы, после выхода первого сборника «Стихотворений» (СПб., 1883), посвященного памяти А. К. Толстого. В 1892 году вышел второй сборник «Стихотворений кн. Д. Н. Цертелева 1883—1891» (М., 1892), за который он был удостоен Пушкинской премии. Оценивая этот сборник, А. А. Голенищев-Кутузов заключал: «Цертелев, как поэт, является в русской литературе прямым последователем и учеником графа А. К. Толстого. Подобно своему учителю, князь Цертелев равнодушен к окружающей его русской современной жизни и вдохновляется почти исключительно событиями и героями времен, давно минувших. Особенную склонность он питает к древнеарийским и буддийским преданиям и мифам, олицетворяющим религиозно-философское миро-созерцание древнего Востока».² Большую часть сборника составляли поэтические переложения буддийских, древневосточных и древнегер-

---

¹ См.: Д. Цертелев. К вопросу о свободе печати. — «Санкт-Петербургские ведомости», 1899, № 278.

² «Стихотворения кн. Д. Н. Цертелева 1883—1891. Критический разбор графа А. А. Голенищева-Кутузова», СПб., 1893, с. 1.

манских легенд и мифов, в их числе — «Отречение Кира», «Смерть Иреджа», «Ананда и Прокрити», «Царевич», «Молот», «Метель» и др.

Лирика Цертелева тесно связана с его философскими размышлениями и нередко является их прямым поэтическим экстрактом. Сам Цертелев относил себя к школе «чистого искусства». Кроме А. К. Толстого, он числил своими ближайшими учителями Баратынского, Фета, Майкова, хотя далеко уступал каждому по силе лирического дарования. О поэзии А. Н. Майкова Цертелев написал специальную статью.¹ В феврале 1899 года на литературном вечере Общества любителей российской словесности он прочитал доклад «Фет как человек и художник»,² а в октябре 1900 года на публичном заседании общества выступил с речью «Граф А. К. Толстой в его стихотворениях». После смерти Вл. Соловьёва Цертелев несколько раз выступал в Соловьёвском кружке с воспоминаниями о своем друге.³

Совершенное знание немецкого языка, обширная философская эрудиция позволили Цертелеву осуществить перевод первой части «Фауста» Гете, помещенный им в сборнике «Почин» (1891). Его переводы из Гете должны быть отнесены к числу наиболее значительных для своего времени попыток поэтической интерпретации великого немецкого поэта.

В 1902 году вышел в свет третий и последний сборник «Стихотворений кн. Д. Н. Цертелева» (СПб., 1902), объединивший его избранные произведения за двадцать лет (1881—1901).

На фоне новейших достижений русской поэзии конца XIX — начала XX века это собрание представлялось уже достаточно анахроничным и не вызвало особого интереса в критике.

Некоторые лирические стихотворения Цертелева («Мне снился сон, лучами золотыми...», «Море широкое, даль бесконечная...», «Мы долго шли рядом одною дорогой...», «Туча промчалась и землю дождем напоила...») были положены на музыку известными русскими композиторами М. М. Ипполитовым-Ивановым, А. С. Танеевым, А. А. Балабановым и другими.

Д. Н. Цертелев умер 15 августа 1911 года в своем имени — селе Липяги Спасского уезда Тамбовской губернии.

---

¹ См.: Д. Н. Цертелев, О А. Н. Майкове. — «Русский вестник», 1897, № 4.

² См.: Д. Н. Цертелев, Фет как человек и художник. — «Русский вестник», 1899, № 3.

³ См.: Э. Радлов, Д. Н. Цертелев. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1911, № 10, с. 88—89.

Скользил наш челн, шуршал высокий очерет;
 А ветви с берега склонялись
 Над светлым зеркалом прозрачных, сонных вод,
 Шептали тихо и качались.

И небо синее, и чашу камышей,
 И этот лес, и эту воду —
 Всё населяли мы фантазией своей,
 Всю необъятную природу.

И нам казалось, понимала всё она,
 Досель холодная, немая,
 Воскресши вдруг, любви и трепета полна,
 Заговорила как живая.

Забыли мы, увлекшись чудною мечтой,
 Что все волшебные виденья,
 Как призраки, кругом встававшие толпой, —
 Лишь мысли нашей отраженья:

Она ясна — и ясно всё; взгрустнется вдруг —
 И всё, что блещет красотою,
 Любовью кроткой, негой полно, — всё вокруг
 Исполнится тоской, враждою.

Так, стоит в небе черной туче набежать,
 И мирно блещущие воды
 Вдроугнут и помутятся и начнут роптать
 От приближенья непогоды.

(1878)

Мы долго шли рядом одною дорогой,
 И много хотелось друг другу сказать,
 Надежд и желаний теснилось так много, —
 Но мы не решались молчанья прервать.

Теперь всё начать мне хотелось бы снова, —
Но круто расходятся наши пути.
Что делать? Осталось одно только слово,
И это печальное слово — прости!

(1881)

131

Не сотвори себе кумира,
Не воплощай своей мечты
И среди суетного мира
Не жди небесной красоты.

Гляди духовными очами
В открытый духу светлый край
И пред минутными богами
Колен своих не преклоняй!

(1882)

132

Ты скользишь над водами, играя,
Брызги легкие мечешь веслом,
И не ведаешь ты, дорогая,
Что за сила таится кругом.

Ты любви отдаешься беспечно,
Не страшит тебя пламя страстей;
Но то пламя безумно и вечно,
Как и темная сила морей.

Колыхнется дремавшее море,
Помутится пучина до дна,
И челнок твой в шумящем просторе
Понесет роковая волна!

(1882)

Море широкое, даль бесконечная,
 Волны да небо кругом,
 Небо прозрачное, синее, вечное,
 С вечно горящим огнем.

Веет над бездной простор беспредельного,
 Мчится волна за волной;
 Но среди грома и плеска бесцельного
 Вечных созвучий покой.

7 ноября 1882

Я жду тебя — тебя не зная,
 И лишь порой в неясном сне,
 Как звезды дальние мерцаю,
 Сквозь жизни мрак ты светишь мне.

Тоскуя, сердце ждет привета, —
 Приди ж, волшебница, скорей!
 Дай только миг тепла и света,
 А там возьми его — разбей!

(1883)

Не думай тайну вечную творенья
 Среди явлений пестрых уловить
 И объяснить их смысл и их значенье,
 Схватив связующую нить.

Пойми, что мир есть только знак условный,
 В движеньи сущего — одно звено,
 Что в смысл его, последний и духовный,
 Проникнуть смертным не дано;

Что смерть — сознания сила поборола;
Но каждое живое существо
Есть только буква вечного Глагола,
Минутный отблеск дня его.

(1883)

136

Когда б я мог порвать оковы тела,
Умчаться вольною мечтой
И долететь до крайнего предела
Пучины вечно голубой, —

Я бытия не ждал бы там другого,
Не жаждал там блаженств иных
И, отрекаясь от всего земного,
Не звал видений золотых;

Нет, только позабыть все злые раны
Души моей хотел бы я
И, погрузясь навек во тьму нирваны,
Найти покой небытия.

(1883)

137. ФТА

Лазурное небо — его одеянье,
Подножье — пылающий ад,
А знойные вихри самума — дыханье,
Звук голоса — грома раскат.

Как царь среди вечного движась простора,
Сверкающей ризой одет,
Плывет, и от ярко горящего взора
Кругом загорается свет.

И каждое утро владыка вселенной
Родится и вечером гаснет опять,
Но имени вечного смысл сокровенный
Ни люди, ни боги не могут познать.

(1886)

138

Туча промчалась и землю дождем напоила.
Ночь безмятежна. Кругом тишина;
Но в тишине этой слышится дивная сила,
В сумраке веет незримо весна.

Еле одеты прозрачной листвою березы,
Капли бесшумно с ветвей их текут,
Словно струятся отрадные, тихие слезы —
Скоро те слезы цветами взойдут.

(1886)

139

Мне снился сон: кругом кипит сраженье,
Под звуки труб идет за строем строй,
Но среди шума, грома и смятенья
Стою бессильный и немой.

Призывный клич я слышу среди стоны,
Сквозь дым, огонь и тьму передо мной
Знакомые проносятся знамена,
Но тщетно рвусь за ними в бой.

Мне снился сон: кругом кипит сраженье,
Свободен я, стою вооружен,
Но среди шума, грома и смятенья
Не узнаю своих знамен.

(1886)

Гаснет закат. Мой челнок над уснувшей рекою
 Тихо скользит, всё безмолвно кругом;
 Слышу я только, как рыба всплеснется порою
 Или камыш прошуршит под веслом.

А надо мною сквозь сумрак густеющей ночи
 Звезды несчетные ярко горят,
 И, под веслом отражаясь, небесные очи
 В искрах серебряной зыби дрожат.

Снова воскресли забытые долго виденья,
 Снова встают золотые мечты,
 Шепчут мне яркие звезды: «Напрасны сомненья,
 Всё, чего жаждешь, изведаеть ты.

Там, в этой бездне, где нет ни годов, ни мгновений,
 Всё, что прошло уже, всё, что придет,
 Всё, что скользит над землей, как минутные тени,
 Вечно в мерцании нашем живет».

(1886)

За нею ты гоняешься напрасно
 И хочешь закрепить ее черты,
 Когда в ней всё пленительно, неясно,
 Изменчиво, как первые мечты.

Хотя бы к цели ты летел стрелою,
 Как тень свою, ее нельзя догнать,
 Но только воротись — и за тобою
 Она сама погонится опять.

(1886)

В грядущее нам света не пролить;
 В порыве суетных мечтаний
 Мы только тщетно силится сломить
 Времен незыблемые грани.

Жизнь наша — сумерки: и ночь и день;
 И мы напрасно ждем ответа,
 Что перед нами? Вечной ночи тень
 Иль первые лучи рассвета?

7 апреля 1886

143. ПАМЯТИ ВАГНЕРА

Умер волшебник. Безмолвно над свежей могилою
 Стелется вечного неба простор.
 Тихо. Но в сердце звучит с возрастающей силою
 Стройный, незримо-таинственный хор.

Снова рыдают Тангейзера страстные струны,
 Снова поет у могилы Вольфрам,
 Глухо откликнулись Эдды зловещие руны,
 Близкую гибель пророча богам.

Буря ревет и грохочет в ущелии диком,
 С плачем и свистом летит ураган,
 В молниях мчатся Валкирии, с бешеным криком
 В огненном вихре несется Вотан.

Озера блещут зеркальные тихие воды,
 Манит зеленая светлая даль;
 Вдруг озаряя высокие стройные своды,
 Кровью и пламенем светит Грааль.

Умер волшебник. Но всё, что он вырвал у рока:
 Боги, герои, вражда и любовь, —
 Всё, что в минувшего бездне таилось глубоко, —
 В звуках и образах носится вновь.

1887
Байрейт

Мне снился сон: лучами золотыми
 Был полон сад, фонтаны и цветы;
 Скользили тени милые, меж ними
 Я узнавал знакомые черты. . .

Мне голоса знакомые звучали,
 Но я гнался за новою мечтой
 И жадно ждал чего-то в смутной дали,
 Где гаснул день за гранью золотой.

Казалось, в этот мир опять возможно
 Вернуть всё то, что жизнь могла мне дать,
 А я душой рвался уже тревожно
 Туда, к недостижимому опять.

(1889)

Зачем пытаться воскресить
 Напрасно то, что в глубь веков года умчали?
 Кипящей жизнью надо жить,
 Все радости ее делить и все печали.
 Как, равнодушно будем мы внимать
 Угрозам, клятвам, воплям и молениям?
 Исхода битвы молча ожидать,
 Когда всё полно гневом и смятеньем?
 Нет, каждый отклик радости живой
 И каждый вопль смертельной тяжкой боли
 Отдастся сам блаженством и тоской
 И отзовется в сердце поневоле. . .
 Но образы неясны и бледны,
 Среди борьбы, тревог и колебанья
 Они, скользя, меняют очертанья,
 Как смутные томительные сны.
 Когда ж во глубь веков они уйти готовы
 И потонуть во тьме минувших дней,
 Спадают разом их случайные покровы,
 И скрытый смысл их светится ясней.

(1889)

Да, пламя жгучее в груди не угасает:
 Его минутный яркий блеск исчез,
 Оно не рвется вверх, кругом не озаряет
 Кровавым заревом луга и лес, —

Ночь надвигается всё ближе, всё чернее,
 И в искрах дождь не брызжет золотой, —
 Но угли жаркие лежат на сердце, тлея,
 Пока не станут пеплом и золой.

(1889)

Смеркается. Знакомыми полями
 Подходит поезд к станции. Лесок
 И мельница за прудом и кустами,
 Еще минута и — звонок.

А тройка ждет уже, тревоги, горе —
 Забыто всё, и хочется скорей
 Уйти и потонуть в немом просторе
 И тихом сумраке полей.

(1889)

148. А. А. ФЕТУ

Пусть лучшие давно промчались лета,
 Над пламенем твоим бессильны дни:
 Светлей и ярче первого рассвета
 Горят твои вечерние огни.

1889

149. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ БУДДЫ

День наступил, спешит густой толпою
 Ко храму древнему народ:
 Сегодня в первый раз своей рукою
 Царь-отрок жертву принесет.

Засыпана цветами вся дорога,
Гремит браминов стройный хор,
Но он глядит задумчиво и строго,
И полон скорби детский взор.

Звучат везде священные напевы,
Горят алмазы и жемчуг.
Его красавицы встречают девы
И замыкают в чудный круг.

Весельем дышат лица молодые,
Всё полно жизни, красоты,
И солнце льет потоки золотые
На ткани, мрамор и цветы. . .

Но вот и храм — и холодом и тенью
От сводов веет вековых,
Там в сумраке под вечно хмурой сенью
Безмолвно всё — и хор затих.

У стен стоят немые изваянья,
Во мрак вперив недвижный взор:
Праджapati — источник мирозданья,
Варуна — вечности простор;

И рядом Чандра, тихая богиня,
Царица светлая ночей,
Что плавает в лазуревой пустыне
В венце серебряных лучей.

И Сурия, живой огонь вселенной,
Кем мир согрет и озарен,
И сам великий Брама неизменный
Среди явлений и времен.

И замерла толпа безмолвно на пороге,
И ждет, чтоб царь колени преклонил свои,
Но он вошел — и встали мраморные боги
Пред тем, кто миру нес учение любви.

(1892)

150. МОЛОТ

Сияют огнями Одина чертоги,
В совете давно уже боги сидят,
Но тихо собранье, все полны тревоги,
И сумрачен Тора могучего взгляд.

Похитили молот тяжелый у Грома,
От турсов владыки его не достать:
Он крепко и зорко хранит его дома,
И только за Фрейю согласен отдать.

Безмолвно собранье в сияющей зале,
А ночь обступила чертоги кругом,
И гибель грозит и богам и Валгалле,
Когда не добудут похищенный гром.

Но Локи смеется: «И жалко вам Фрейю,
И молот похищенный надо вернуть;
Но вашему горю помочь я сумею,
Со мною пусть Тор собирается в путь.

Одеждою женской окутавши тело,
Невестою Трима он явится сам
И, девою к турсам проникнувши смело,
Свой молот тяжелый добудет он там».

Тор вспыхнул в порыве минутного гнева,
Но средства другого не мог он сыскать:
Пришлось громовержцу одеться как дева
И броню на женский наряд променять.

С досадой он Фрейи надел покрывало,
И жемчуг, и пояс ее дорогой,
Вкруг стана широкими складками пала
: Одежда блестящая легкой волной.

Служанкою вмиг нарядился и Локи,
С товарищем хитрым отправился Тор
За молотом к турсам в их замок далекий,
В страну неприступных утесов и гор.

Неслись они плавно могучею птицей,
Что в небе скользит и не движет крылом,
Но скалы под их золотой колесницей
Трещали, и сыпались искры кругом.

А Трим великанов созвал отовсюду
Встречать и невесту, и славу, и мир,
Он красного золота высыпал груды,
Сбираясь отпраздновать свадебный пир.

Дождался, и вечно цветущую Фрейю
В свой замок угрюмый ввести он спешит,
Садится за стол разукрашенный с нею,
Скорей угощенье подать ей велит.

Но, видно, невеста с дороги устала,
И голод, и жажда ее велика:
Ведерного кубка ей кажется мало,
Одна она молча съедает быка.

И турсов дивится властитель суровый,
Но яства другие подать ей велит,
И кубок ее наполняет он снова;
Она же по-прежнему пьет и молчит.

И только служанка проворная смело
Закинула лести коварную сеть:
«Устала богиня — неделю не ела,
В ваш замок хотела скорее поспеть».

И Трим улыбнулся, в крови пробежала
Горячей любви и желанья мечта,
И, дерзкой рукой приподняв покрывало,
К устам ее хочет прижать он уста.

Взглянул ей в глубокие темные очи, —
Найти в них и негу и страсть он мечтал,
Но там, будто в грозные летние ночи,
Лишь молнии синий огонь трепетал.

И Трим отшатнулся в испуге: «Что с нею?
Как угли, глаза ее ярко горят,
Кто видел такую стыдливую Фрейю?
И жжет, и слепит ее огненный взгляд».

Но Локи: «Неделю очей не смыкала
Богиня и бредила только тобой,
Всё время любовь в ее взорах сияла,
Мерцала и теплилась яркой звездой».

И царь великанов, отрадною думой
Увлечшись, забыл про минутный испуг,
Средь дикого смеха и гама и шума
Другая картина пригрезилась вдруг.

Теперь, когда долго желанную Фрейю
У богов Валгаллы сумел он добыть,
Блаженство — бессмертье познает он с нею,
И дней золотая потянется нить.

Он жадно от Фрейи ждет ласки и взора,
Он хочет опять заглянуть ей в лицо,
К ногам ее молот приносит он Тора
И на руку хочет надеть ей кольцо.

Но Тор дорогое сорвал покрывало
И поднял свой молот одною рукой;
Всё замерло разом, лишь в окна сверкала
Беззвучная молния яркой струей.

Всё чаще и чаще зарницы дрожали,
Горел их мерцающий синий пожар
Безмолвно на кубках, на стенах и стали...
Но тяжкого молота грянул удар.

И рухнули своды, и стены упали,
Попадали гордые турсы во прах,
А боги в пылающем небе стояли,
Удар за ударом гремел в облаках.

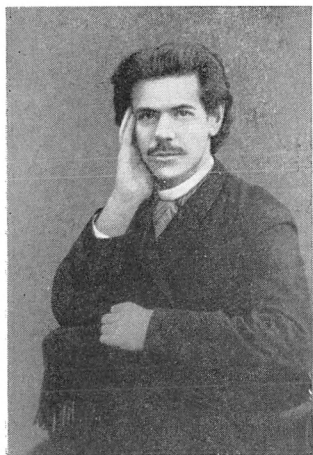
Д. Л. Михаловский

Д. С. Мережковский

Н. М. Минский

К. Н. Льдов

А. А. Голенищев-Кутузов

Д. Н. Цертелев

И долго грозы не смолкали раскаты,
Им вторило эхо протяжное гор,
И грудую пепла стал замок богатый...
Так дóбыл свой молот разгневанный Тор.

(1892)

151

Всё, что лучами надежды манило,
Что озаряло так ярко наш путь,
Всё, что блаженство когда-то сулило,
Вновь не пытайся ты к жизни вернуть.

Прежние сны не пригрезятся снова,
Счастье, блеснув, не вернется назад —
Крепки железные двери былого,
Времени жатву навеки хранят.

Если ж в безумном порыве желанья
Ты и проникнешь до царства теней,
Там в этот миг рокового свиданья
Ты не узнаешь святыни своей!

(1892)

152

Опять зима, и птицы улетели,
Осыпались последние листья,
И занесли давно уже метели
Заглохший сад, поблекшие цветы.

Напрасно ищешь красок и движенья,
Окутал всё серебряный покров,
Как будто небо — только отраженье
Под ним разостланных снегов.

(1892)

Твоя песня невнятно и тихо звучит,
 Но из мира дневного уносит невольно
 В мир далекий, где чудная греза царит,
 Где дышать так отрадно, и жутко, и больно.

Пусть же звуки не льются, победно звеня,
 А как шелест — едва нарушают молчанье
 Там, где нет уж ни ночи, ни яркого дня,
 Где кончается песня и слышны рыданья.

(1894)

Всё, что является, снова вдали исчезает,
 Мимо проходят явленья и сны.
 Мысль, промелькнувши во времени, вновь
 утопает —
 Только идеи вечны́.

(1899)

Ищет ум наш пределов вселенной напрасно:
 Ни миров, ни столетий не счесть;
 Но всё то, что в нас дух созерцает так ясно, —
 Всё то было, и будет, и есть.

(1899)

Ты хочешь умчаться за тесные грани,
 Туда, где небесные своды синеют,
 Где всё утопает в прозрачном тумане, —
 Но дальние звезды горят, а не греют.

Им чужды и радости наши и слезы,
Пред ними — все наши стремленья ничтожны,
До них долетают бесплотные грезы,
Но здесь только горе и счастье возможны.

(1900)

157

Не сетуй, что светлая порвана нить,
Что счастья рассыпались звенья,
И в сердце усталом умей воскресить
Мелькнувшие прежде виденья.

Вся жизнь есть усилие, порыв и борьба,
Мы каждое утро встречаем тревожно;
Но то, что прошло, уж не вырвет судьба,
Того, что уж было, — отнять невозможно.

(1900)

158

За пределами мира земного,
Где кружатся все мысли людей,
Есть страна всемогущего Слова
И прообразов вечных идей.

И всё то, что, пред нами мгновенно
Появись, исчезает как тень,
В этом крае всегда, неизменно
Озаряет немеркнувший день.

Но лишь тот, кому чуждо хотенье,
В это царство найти может путь
И проникнуть туда на мгновенье,
Чтоб усталой душой отдохнуть.

(1902)

Я хотел бы, отдавшись течению,
От бесплодной борьбы отдохнуть
И в могучем, всемирном движении,
Забывая себя, потонуть.

И хотел бы я в целой вселенной
Видеть отблеск идеи одной,
Чтобы всюду царил неизменный
И как сила могучий покой.

Но напрасно ищу я покоя,
Всё тревожно и мрачно кругом,
Море пенится шумное, злое,
Небо дышит зловещим огнем.

Солнце скрылось за черною мглою
Среди быстро клубящихся туч...
Не пробьется, смеясь над грозой,
Не заблещет божественный луч!

(1902)

Арсений Аркадьевич Голеннищев-Кутузов происходил из знаменитого дворянского рода. Он родился 26 мая 1848 года в Царском Селе. Детство провел в Петербурге и в Царском Селе, а также в родовом имении Шубино Тверской губернии. После смерти отца в 1859 году переехал с семьей в Москву и поступил в одну из московских гимназий, которую закончил в 1865 году с золотой медалью. Четыре года Голеннищев-Кутузов провел в стенах Московского университета, обучаясь на юридическом факультете. В 1869 году он продолжил учение в Петербургском университете, который окончил в 1871 году со степенью кандидата прав.

Начав служебную карьеру в Государственной канцелярии, Голеннищев-Кутузов с перерывами, порой весьма продолжительными, сменил ряд должностей, в 1889 году занял пост управляющего Дворянским и Крестьянским банками, а с 1895 года возглавил личную канцелярию императрицы Марии Федоровны. На этой службе Голеннищев-Кутузов оставался около двадцати лет, до конца своей жизни.

Служебная карьера, тесные связи с консервативными придворными кругами отнюдь не способствовали серьезному поэтическому творчеству. Между тем Голеннищев-Кутузов с юных лет испытывал тягу к поэзии, проявив довольно рано незаурядный лирический талант. Всю жизнь он преклонялся перед Пушкиным, испытал воздействие Тютчева, А. Н. Майкова и Фета, которых считал своими непосредственными поэтическими учителями.

Первые его стихотворения опубликованы в 1869 году в журнале «Заря», регулярные выступления в печати относятся к началу 70-х годов. Лучшие произведения Голеннищев-Кутузов создал в годы, свободные от службы, в пору живого общения с некоторыми замечательными деятелями русского искусства последней трети XIX века.

В 1873 году Голеннищев-Кутузов сблизился с М. П. Мусоргским и В. В. Стасовым. Он становится постоянным посетителем музыкаль-

ных вечеров В. В. Стасова, на которых собирались виднейшие в то время артисты, композиторы, художники, литераторы. В творческом содружестве с Мусоргским были созданы многие лучшие произведения поэта. М. П. Мусоргский очень высоко оценивал поэтический дар Голенищева-Кутузова: «После Пушкина и Лермонтова я не встречал того, что встретил в Кутузове, — писал Мусоргский В. В. Стасову, — везде нюхается свежесть хорошего теплого утра, при технике бесподобной, ему прирожденной...»¹ На слова Голенищева-Кутузова композитор написал два вокальных цикла — «Без солнца» (1874) и «Песни и пляски смерти» (1875—1877) и ряд других значительных произведений. При содействии Стасова в 1875 году в журнале «Дело» появилось первое большое произведение Голенищева-Кутузова — поэма «Гашиш», вызвавшая многочисленные отклики критики. С большим интересом к замыслу этой поэмы относился И. С. Тургенев. В письме к В. В. Стасову от 23 октября (4 ноября) 1874 года он спрашивал: «Вы мне не пишете — напечатан ли «Гашиш» Кутузова или еще существует только в рукописи. Очень бы хотелось мне его прочесть. Сюжет мне нравится — отличная рама для разнообразных картин». ² Однако после того, как Тургенев ознакомился с поэмой, он остался неудовлетворен ее содержанием и отозвался о ней достаточно строго: «Вещица недурная — но только. Неприятно действует (особенно в таком сюжете!) скудость воображения и красок. Перенес ты меня на Восток, да еще опьянелый — так удивляй и кружи меня до самозабвения — а тут ты с усилием выдавливаешь из себя какие-то бледноватые капельки... И того особенного, сонно-фантастического и следа нет в этой поэмке». ³

После женитьбы в 1876 году образ жизни Голенищева-Кутузова изменился, несколько лет подряд он провел в родовом имении, увлекаясь уездной дворянской деятельностью и хозяйственными делами. В его отношениях с Мусоргским наступила полоса охлаждения, хотя связи между ними сохранялись до самой смерти композитора. Впоследствии в своих «Воспоминаниях о М. П. Мусоргском» Голенищев-Кутузов пытался доказать, искажая идейную эволюцию композитора, что в конце своей жизни Мусоргский освободился от гнета «чуждых его природе теорий и тенденций» 60-х годов и сблизился с направлением «чистого искусства», к которому примкнул сам поэт. ⁴

---

¹ М. П. Мусоргский, Письма и документы, М.—Л., 1932, с. 254.

² И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем. Письма, т. 10, М.—Л., 1965, с. 317.

³ И. С. Тургенев, Письма, т. 11, М.—Л., 1966, с. 108.

⁴ «Музыкальное наследство», М., 1935, с. 29.

Характерно в связи с этим то, что Голеннищев-Кутузов из своих последних собраний сочинений исключал многие написанные для Мурсорского стихотворные тексты или давал их в переработанном виде.

Начало литературной деятельности Голеннищева-Кутузова отмечено кратковременными, непоследовательными попытками сближения с демократическими и либеральными кружками. Он печатался в журналах «Дело», «Вестник Европы», пытался установить связь с «Отечественными записками», но его сотрудничество было решительно отвергнуто Н. А. Некрасовым, посчитавшим, что представленные в журнале стихотворения Голеннищева-Кутузова «не удобны для помещения в „Отечественных записках“». ¹

Консервативная общественная позиция Голеннищева-Кутузова ясно определилась уже в первом его поэтическом сборнике «Затишье и буря» (1878), получившем резкую оценку демократической критики. ² В 1884 году вышел в свет второй сборник стихотворений Голеннищева-Кутузова. В художественном отношении он уступал первому и отличался более откровенной славянофильской тенденциозностью. ³ Произведения Голеннищева-Кутузова появлялись на страницах журнала «Русский вестник», газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время». В 80-е годы Голеннищев-Кутузов становится центральной фигурой салонно-аристократических литературных кругов.

Свое кредо Голеннищев-Кутузов изложил в серии литературно-публицистических статей, направленных против просветительской эстетики 60-х годов, в защиту «чистого искусства».

В 1894 году вышло в свет собрание стихотворений А. А. Голеннищева-Кутузова в двух томах. К нему приходит официальная слава. Ему часто поручают оценку поэтических произведений, представленных на академическую Пушкинскую премию. В 1900 году А. А. Голеннищев-Кутузов вместе с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Коро-

¹ См.: «Литературное наследство», т. 53-54, М., 1949, с. 152.

² См.: «Отечественные записки», 1878, № 7, библиографический листок, с. 108—111.

³ Славянофильская направленность этого сборника была отмечена в рецензии «Отечественных записок» следующим образом: «Не обошлось, конечно, в сборнике без стихотворений, отдающих специфическим, славянофильским запахом... они представляют из себя старую погудку на новый лад, перепевы того, что двадцать раз было пето другими поэтами, вкусившими от плода славянофильства: предрекание родине небывалого могущества и славы, обеты смирения, сетование о том, что мы порвали связь с прошлым нашей отчизны и нашего народа — кому это неизвестно, кому это не удалось надоеть? Надо сказать правду — не разнообразны и не богаты мотивы славянофильской поэзии» («Отечественные записки», 1884, № 5, отд. «Новые книги», с. 249).

ленко, А. М. Жемчужниковым, А. Ф. Копи и В. С. Соловьевым был избран почетным академиком «по разряду изящной словесности».

В 1904—1905 годах, после издания сочинений в трех томах, А. А. Голенищев-Кутузов начал работу над обширной трилогией в прозе — «Даль зовет», «Жизнь зовет», «Бог зовет», из которой успел напечатать в 1907 году только первую часть. В 1912 году он выпустил небольшой сборник своих последних стихотворений «На закате» и прозаический сборник «На летучих листках».

А. А. Голенищев-Кутузов умер 26 января 1913 года.

160. В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Комнатка тесная, тихая, милая;
Тень непроглядная, тень безответная;
Дума глубокая, песня унылая;
В бьющемся сердце надежда заветная;

Тайный полет за мгновеньем мгновения;
Взор неподвижный на счастье далекое;
Много сомнения, много терпения. . .
Вот она, ночь моя — ночь одинокая!

1872

161. НАД ОЗЕРОМ

Месяц задумчивый, звезды далекие
С темного неба водами любятоя;
Молча смотрю я на воды глубокие —
Тайны волшебные сердцем в них чуютоя.

Плещут, таятся ласкательно-нежные:
Много в их ропоте силы чарующей,
Слышатся думы и страсти безбрежные,
Голос неведомый, душу волнующий.

Нежит, пугает, наводит сомнение:
Слушать велит ли он? — С места б не двинулся!
Гонит ли прочь? — Убежал бы в смятении!
В глубь ли зовет? — Без оглядки бы кинулся!

1872

162

Меня ты в толпе не узнала —
Твой взгляд не сказал ничего;
Но чудно и страшно мне стало,
Когда уловил я его.

То было одно лишь мгновенье —
Но, верь мне, я в нем перенес
Всей прошлой любви наслажденье,
Всю горечь забвенья и слез!

1872

163—165. С М Е Р Т Ь

1

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Плакал ребенок. Свеча, нагорая,
Тусклым мерцала огнем;
Целую ночь, колыбель охраняя,
Мать не забылася сном.
Рано-ранехонько в дверь осторожно
Смерть сердобольная — стук!
Вздрыгнула мать, оглянулась тревожно. . .
«Полно пугаться, мой друг!
Бледное утро уж смотрит в окошко.
Плача, тоскуя, любя,
Ты утомилась. . . Вздремни-ка немножко —
Я посижу за тебя.
Угломнить ты дитя не сумела,
Слаще тебя я спою».
И, не дождавшись ответа, запела:
«Баюшки-баю-баю».

М а т ь

Тише! Ребенок мой мечется, плачет!
Грудь истомит он свою!

С м е р т ь

Это со мной он играет и скачет.
Баюшки-баю-баю.

М а т ь

Щеки бледнеют, слабеет дыханье...
Да замолчи же, молю!

С м е р т ь

Доброе знаменье — стихнет страданье.
Баюшки-баю-баю.

М а т ь

Прочь ты, проклятая! Лаской своею
Сгубишь ты радость мою!

С м е р т ь

Нет, мирный сон я младенцу навею.
Баюшки-баю-баю.

М а т ь

Сжался! Пожди допевать хоть мгновенье
Страшную песню твою!

С м е р т ь

Видишь — уснул он под тихое пенье,
Баюшки-баю-баю.

(1875)

2

ТРЕПАК

Лес да поляны. Безлюдье кругом,
Вьюга и плачет, и стонет,
Чудится, будто во мраке ночном
Злая кого-то хоронит.

Глядь — так и есть! В темноте мужика
Смерть обнимает, ласкает,
С пьяненьким пляшет вдвоем трепака,
На ухо песнь напевает.
Любо с подругою белой плясать!
Любо лихой ее песне внимать!

Ох, мужичок,
Старичок
Убогой,
Пьян напился,
Поплелся
Дорогой,
А метель-то, ведьма, поднялась,
Взыграла!
С поля — в лес дремучий невзначай
Загнала!
Горем, тоской
Да нуждой
Томимый,
Ляг, отдохни
Да усни,
Родимый!
Я тебя, голубчик мой, снежком
Согрею;
Вкруг тебя великую игру
Затею.

Взбей-ка постель,
Ты, метель,
Лебедка!
Ну, начинай,
Запевай,
Погодка,
Сказку — да такую, чтоб всю ночь
Тянулась,
Чтоб пьянчуге крепко под нее
Уснулось!

Гой вы леса,
Небеса
Да тучи!

Темь, ветерок
Да снежок
Летучий!
Станем-ка в кружки, да удалой
Толпою
В пляску развеселую дружной
За мною!

Глянь-ка, дружок,
Мужичок
Счастливым!
Лето пришло,
Расцвело!
Над нивой
Солнышко смеется, да жнецы
Гуляют,
Снопика на сжатых полосках
Считают.

· · · · ·
Лес да поляны. Безлюдье кругом.
Стихла недобрая сила,
Горького пьяницу в мраке ночном
С плачем метель схоронила.
Знать, утомился плясать трепака,
Песни петь с белой подругой —
Спит, не проснется. . . Могила мягка
И уж засыпана вьюгой!

(1875)

8

СЕРЕНАДА

Нега волшебная, ночь голубая,
Трепетный сумрак весны;
Внемлет, поникнув головкой, больная
Шепот ночной тишины.

Сон не смыкает блестящие очи,
Жизнь к наслажденью зовет,
А в полумраке медлительной ночи
Смерть серенату поет:

«Знаю: в темнице суровой и тесной
Молодость вянет твоя.
Рыцарь неведомый, силой чудесной
Освобожу я тебя.

Старость бездушная шепчет напрасно:
Бойся любви молодой!
Ложно измыслила недуг опасный,
Чтоб не ушла ты со мной.

Но посмотри на себя: красотою
Лик твой прозрачный блестит,
Щеки румяны, волнистой косою
Стан твой, как тучей, обвит.

Пристальных глаз голубое сиянье
Ярче небес и огня,
Зноем полуденным веет дыханье, —
Ты обольстила меня!

В вешнюю ночь за тюремной оградой
Рыцаря голос твой звал. . .
Рыцарь пришел за бесценной наградой;
Час упоенья настал!»

Смолкнул напев; прозвучало лобзанье. . .
В долгом лобзании том
Слышались вопли, мольбы и стенанье —
Тихо всё стало потом.

Но поутру, когда ранняя птица
Пела, любуясь зарей,
Робко в окно заглянувши, денница
Труп увидала немой.

(1877)

166. ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ

День целый бой не умолкает, —
В дыму затмился солнца свет,
Окрестность стонет и пылает,
Холмы ревут, — победы нет!

И пала ночь на поле брани;
Дружины в мраке разошлись;
Всё стихло — и в ночном тумане
Стенанья к небу поднялись.
Тогда, озарена луною,
На боевом своем коне,
Костей сверкая белизною,
Явилась смерть! И в тишине,
Внимая вопли и молитвы,
Довольства гордого полна,
Как полководец, место битвы
Кругом объехала она;
На холм поднявшись, оглянулась,
Остановилась... улыбнулась...
И над равниной боевой
Пронесся голос роковой:

«Кончена битва — я всех победила!
Все предо мной вы склонились, бойцы.
Жизнь вас поссорила — я помирила.
Дружно вставайте на смотр, мертвецы!
Маршем торжественным мимо пройдите, —
Войско свое я хочу сосчитать.
В землю потом свои кости сложите,
Сладко от жизни в земле отдыхать.
Годы незримо пройдут за годами,
В людях исчезнет и память о вас —
Я не забуду, и вечно над вами
Пир буду править в полуночный час! .

Пляской тяжелою землю сырую
Я притопчу, чтобы сень гробовую
Кости покинуть вовек не могли,
Чтоб никогда вам не встать из земли».

{1875}

Меж тем как вкруг тельца золотого,
Безумна, алчна и слепа,
В забвеньи божеского слова
Пирует шумная толпа, —

На праздник суетный и дикий
Гляжу безмолвно я сквозь слез
И жду, чтоб вновь пророк великий
Скрижали истины принес;

Чтобы сверкнул он гневным взором,
Как грозной молнии лучом,
Чтоб над ликующим позором
С Синая грянул древний гром!

Но гром молчит; забытый миром
Почивший бог уж не грозит,
И в восхищеньи пред кумиром
Толпа и пляшет, и шумит;

Растет и блещет пир безумный,
Ему нет меры и конца,
Как волн морских потехе шумной
Вкруг лодки сирого пловца!

(1876)

168

Порой, среди толпы ликующей и праздной,
Нарядной суетой объят со всех сторон,
Уныл и одинок, я слышу — безотвязный
Звучит не то напев, не то призыв иль стон.

Звучит, как темное сознание невзгоды
В душе униженной, покорной и немой;
Звучит, как жалоба осенней непогоды
Вкруг сонных деревень, в глуши, во тьме ночной.

И хочется тогда бежать — бежать далёко
От блеска и людей, от суетных пиров —
И там, в родной глуши, страдать, страдать глубоко,
Под шум и пение метелей и снегов.

(1877)

Бушует буря, ночь темна,
 Внимаю ветра завыванья.
 Он, как бродяга, у окна
 Стучит и просит подаянья.

Отдам ему свою печаль,
 Печаль, что в сердце тайно тлеет, —
 Пусть в поле он ее развеет
 И унесет с собою вдаль!

(1877)

На шумном празднике весны,
 При плеске вод, при звуках пенья,
 Зачем мечты мои полны
 Недугом скуки и сомненья?

Еще я молод: предо мной
 В тумане вьется путь далекий
 И жизнь загадочной красой
 Манит вперед в простор широкий.

Но что-то шепчет: не внимай
 Призывам громким наслажденья,
 Не верь обетам вдохновенья
 И сердцу воли не давай.

Гляди на мир спокойным оком.
 Бесстрастен будь, чтоб никогда
 Уста не осквернить упреком
 И душу — казнию стыда!

(1877)

171. СЫН ГАЕРА

При звуках литавр, барабанов и струн,
Толпу потешая, канатный плясун
Усердно кривляется — мальчика сына
Сгибает в дугу, ставит вниз головой,
Бросает и ловит могучей рукой, —
А тот на плечах у отца-исполина,
Свершив через сцену опасный полет,
Ручонки подняв, как живое распятье,
Является вдруг над толпою — и вот
Толпа рукоплещет, шумит и ревет!
Ей тайно в ответ посылая проклятья,
Ребенок измученный прыгает вниз.
Но слышится грозное, жадное «bis!»
Плясун улыбается, сыну кивает
И страшную вновь с ним игру затевает —
Его опьянили успех и тот крик.
В груди его радость, и взор его дик,
Он мышцы напряг с небывалою силой:
«Ты птицею взвейся, красавец мой милый,
Не бойся — отец твой тебя охранит,
Как ястреб, полет твой он зорко следит.
Во взоре его и любовь, и отвага.
Правее... левее... вперед на полшага!
Рука протянулась, тверда и сильна,
Бесценное бремя удержит она!»
Но что ж вдруг случилось? Промчалось

мгновенье...

Должно быть, плясун, не расчел ты движенье...
Рука твоя в воздухе праздно дрожит,
А мальчик у ног раздробленный лежит...
И поднял отец бездыханное тело,
Взглянул... увидал и поник головой.
Толпа ж разглядеть и понять не успела,
И шумное «браво» как гром прогудело,
Приветствуя смерти красу и покой!

(1877)

172. МОЛББА

Убийства жаждой не объятый,
Я бранных песен не пою,
И душу мирную мою
Не тешат ярких битв раскаты.
Я нем и глух к громам войны,
Но вопли жертв мой слух терзают —
Они победно заглушают
Веселье, шум и плеск весны!
Несутся прочь мечты, желанья,
Бледнеет образ красоты,
И я рыдаю песнь страданья
Окровавленной нищеты!
Мне чудятся проклятья, стоны,
Зубовный скрежет, смерти дрожь...
Богач, давай свои мильоны!
Бедняк, неси последний грош!
А нет гроша — хватай рубаху,
Одежды деток и жены,
Всё, всё, что есть, кидай на плаху
Всепожирающей войны!
Не содрогаясь перед кровью,
Омой ты раны на телах
Бойцов, поверженных во прах
И поднятых твоей любовью,
И счастлив будь, когда хоть раз
Страдалец — жертва злобы дикой —
Тебя в душе своей великой
Благословит в последний час!

1877

173. РОДНАЯ

Покинув родину и дом, она пошла
Туда, куда текли все русские дружины.
Под ветхим рубищем в душе она несла
Бесценный клад любви, участия и кручины.
Тяжел был дальний путь: и зной ее палил,
И ветер дул в лицо, и в поле дождь мочил.
Она ж всё шла да шла, с мольбой усердной к богу,

И к подвигам нашла желанную дорогу.
Уж скрылся позади рубеж земли родной.
Чу! слышен битвы гром, холмов дымятся склоны:
Восторг отчаянной и дикой обороны
С редутов Гривицы и Плевны роковой
На русские полки огнем и смертью дышит;
Но чуткая любовь не грохот в битве слышит,
Не ей твердыни брать, не ей смирать врагов.
Мужичке-страннице иные внятны звуки,
Иной с побойщ к ней несется громкий зов —
Томящий жажды клик и вопли смертной муки.
И вот она в огне: визжит над ней картечь,
Рои летают пуль, гранаты с треском рвутся, —
Увечья, раны, смерть! Но ей ли жизнь беречь?
Кругом мольбы и стон — и реки крови льются!
Страдальцев из огня, из схватки боевой
Она уносит прочь, полна чудесной силы,
И жаждущих поит студеною водой,
И роет мертвецам с молитвою могилы.
Как звать ее? Бог весть, да и не всё ль равно?
Луч славы над ее не блещет головою,
Одно ей прозвище негромкое дано:
Герои русские зовут ее «родною».

1877

174. ПЛАКАЛЬЩИЦА

Следы побоища поспешно
Снегами вьюга занесла.
Исчезла кровь, земля бела;
Но вьюга плачет неутешно
И по снегу несет печаль,
Как будто ей убитых жаль.

1877

175

Мне говорят: забудь тревоги дня,
Забудь болезнь, печаль и воздыханья,
В предел иной, где вечное сиянье,
Где вечный мир, пусть мчится мысль твоя.

Но я в ответ: нет, братья, пусть тревога,
Пусть боль и скорбь мою терзают грудь;
Быть может, с вами суждено немного
Мне на земле брести одной дорогой —
В земле ж всегда успею отдохнуть!
Тогда покой, тогда всему прощенье;
Теперь же труд, и слезы, и борьба. .
На барский сон и сладкое забвенье
Я не сменю печаль и гнев раба!

(1878)

176

Расскажи мне, ветер вольный,
Ты о чем поешь и стонешь?
Из каких ты стран далеких
Тучи сумрачные гонишь?
Где с тобою эти тучи
Много слез так накопили,
Что леса, холмы и степи
Их потоком оросили?
Всё мне, ветер, расскажи —
Горькой правды не таи.
Отвечает ветер вольный:
«Я несусь от стран холодных,
Не цветущих, не приветных,
Не богатых, не свободных.
У людей я стоны слышал,
Я пою про их неволю,
Про великие их скорби,
Про неверную их долю.
Из жилищ и хат убогих
Слезы к небу поднялись,
В тучах дымных и пенастных
Накопились, собрались.
Сколько б тучи я ни нес —
Им не выплакать тех слез».

(1878)

Пока тебе душа моя
 Близка, любезна и понятна
 И жизнь моя тепла и внятна
 Тебе, мой друг, как жизнь своя, —
 Люби меня.

Но если меж тобой и мной
 Хоть тень мгновенная промчится
 И на меня взор быстрый твой
 С вопросом тайным покосится, —
 Не дожидайся, чтобы я
 Стал разъяснять недоуменья,
 Не трать души — и без сомненья
 Покинь меня!

(1878)

178. К Н...У

Не пеняй на меня, мой взыскательный друг,
 За мою нищету и бессилье, —
 Слепили меня, обступили вокруг
 Стены крепкие, мрак и насилье.

Но, поверь, не далек обновления день,
 И сломаю я крепкую стену,
 И покину тюрьмы неприветную сень,
 И паломника ризу надену.

От шумящих столиц далеко, далеко
 Я уйду, строгой думой объятый,
 В душу родины там загляну глубоко,
 Заберуся в землянки и хаты.

Нищеты и терпенья загадочный лик
 Разгляжу при мерцаньи лучины,
 В кабаке придорожном подслушаю крик
 Безнадежной и пьяной кручины.

И, вернувшись назад, тебе песню спою —
Не такую, как пел я доньше, —
Нет, услышав тогда эту песню мою,
Ты поклонись ей, как святыне.

Так ко гробу господню идет пилигрим,
Там огонь зажигает священный,
И потом тот огонь, теплой верой храним,
Он приносит в приют свой смиренный.

И домашние, встретив его у крыльца,
С умилением дар божий приемлют
И правдиво-чудесным речам пришлеца,
Как небесному голосу, внимают!

(1878)

179

Прошумели весенние воды,
Загремели веселые грозы,
В одеяньях воскресшей природы
Расцвели гиацинты и розы.

Пришлись от далеких поморий
Перелетные певчие птицы;
В небесах светлоокие зори
Во всю ночь не смыкают зеницы.

Но и в бледной тиши их сияний
Внятен жизни таинственный лепет,
Внятны звуки незримых лобзаний
И любви торжествующей трепет.

Пробудись же в сердцах, умиление,
Расступись, мрак печали угрюмый,
Прочь гнетущее душу сомнение,
Прочь недобрые, зимние думы!

Сердце полно живительной веры
В эти громы победной природы,
В эти песни о счастье без меры,
В эти зори любви и свободы!

1884

180

Снилось мне утро лазурное, чистое,
Снилась мне родины ширь необъятная,
Небо румяное, поле росистое,
Свежесть и юность моя невозвратная...

Снилось мне, будто иду я дорогою, —
Ярче и ярче восток разгорается,
Сердце полно предрассветной тревогою,
Сердце от счастья любви разрывается.

Рощи и воды младенческим лепетом
Мне отвечают на чувство приветное;
Шепчут уста с умилением и трепетом
Имя любимое, имя заветное!..

1884

181. М. И. МУСОРГСКОМУ

Дорогой невзначай мы встретились с тобой —
Остановились, окликнули друг друга,
Как странники в ночи, когда бушует вьюга,
Когда весь мир объят и холодом и тьмой.
Один пред нами путь лежал в степи безбрежной,
И вместе мы пошли. Я молод был тогда;
Ты бодро шел вперед, уж гордый и мятежный;
Я робко брел вослед... Промчались года.
Плоды глубоких дум, заветные созданья
Ты людям в дар принес, — хвалу, рукоплесканья
Восторженной толпы с улыбкою внимал,
Венчался славою и лавры пожинал.
Затерянный в толпе, тобой я любовался;
Далекий для других, ты близок мне являлся;

Тебя я не терял: я знал — настанет час,
И, блеском суетным и шумом утомясь,
Вернешься ты ко мне в мое уединенье,
Чтобы делить со мной мечты и вдохновенье.
Бывало, в поздний час вечерней тишины
Ко мне слетались видения и сны,
То полные тоски, сомнения и муки,
То светлоокие, с улыбкой на устах. . .
Мечтанья изливал в правдивых я строфах,
А ты их облекал в таинственные звуки,
Как в ризы чудные, — и, спетые тобой,
Они неожиданною сверкали красотой!
Бывало. . . Но к чему будить воспоминанья,
Когда в душе горит надежды теплый свет?
Пусть будет песнь моя не песнею прощанья,
Пусть лучше в ней звучит грядущему привет.
Туман волшебных грез, таинственных стремлений,
Безумной юности самолюбивый вздор
Прогнал я от себя — и новых вдохновений
Открылся предо мной неведомый простор.
«Без солнца» тяжело блуждать мне в мире стало,
Во мраке слышался мне смерти лишь язык;
Но утра час настал, и солнце заблестало,
И новой красоты предстал мне светлый лик.
Душа моя полна счастливого доверья,
Уму сомненья дань сполна я заплатил,
Храм творчества открыт, и грозного преддверья
Я, осенясь крестом, порог переступил.
Я верю, в храме том мы встретимся с тобою,
С живым сочувствием друг к другу подойдем,
Мы вдохновимся вновь — но красотой иною
И песню новую согласно запоем!

1884

182

Прекрасен жизни бред, волшебны и богаты
Живых его картин одежды и цветы,
Светила знойного восходы и закаты
И ночи, полные чудес и темноты.
Прекрасны дней земных обманы и виденья,

248

Порывы страстных чувств, полеты смелых дум —
Полеты на крылах надежд и заблужденья
В пространствах радужных земного наслажденья,
Напевы юных грез и бурь житейских шум!..

Но если в трезвый миг душевного досуга,
В случайной тишине сквозь этот долгий бред
Внезапно прозвучит, как дальний голос друга,
Грядущего конца таинственный привет;
Но если, как весны желанное дыханье,
Вдруг душу обовьет иной красы желанье
И сквозь туман вдали, как ранняя заря,
Займется тихий свет иного бытия, —
Какие призраки, какие сновиденья
Дерзнут с улыбкою мне повторять: «Живи!
Живи и позабудь о счастье пробужденья
Под солнцем вечного покоя и любви!»

1884

183

Для битвы честной и суровой
С неправдой, злобою и тьмой
Мне бог дал мысль, мне бог дал слово,
Свой мощный стяг, свой меч святой.
Я их приял из божьей длани,
Как жизни дар, как солнца свет, —
И пусть в пылу на поле брани
Нарушу я любви завет;
Пусть, правый путь во тьме теряя,
Я грех свершу, как блудный сын, —
Господень суд не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, в чем властен бог един!
Да, — наложить на разум цепи
И слово может умертвить
Лишь тот, кто властен вихрю в степи
И грому в небе запретить!

1884

Так жить нельзя! В разумности притворной,
 С тоской в душе и холодом в крови,
 Без юности, без веры животворной,
 Без жгучих мук и счастья любви,
 Без тихих слез и громкого веселья,
 В томлении немого забвения,
 В унынии разврата и безделья. . .
 Нет, други, нет — так дольше жить нельзя!
 Сомнений ночь отрады не приносит,
 Клевет и лжи наскучили слова,
 Померкший взор лучей и солнца просит,
 Усталый дух алкает божества.
 Но не прозреть нам к солнцу сквозь тумана,
 Но не найти нам бога в дальней тьме:
 Нас держит власть победного обмана,
 Как узников в оковах и тюрьме.
 Не веет в мир мечты живой дыханье,
 Творящих сил иссякнула струя,
 И лишь одно не умерло сознание —
 Не то призыв, не то воспоминание, —
 Оно твердит: так дольше жить нельзя!

7 декабря 1884

Обнял землю ночи мрак волшебный,
 Одинок, под гнетом утомленья,
 Я уснул; глубок был сон целебный,
 И прекрасны были сновиденья.

Смолкли жизни темные угрозы;
 Снилось мне. . . не помню, что мне спилось,
 Но в глазах дрожали счастья слезы
 И в груди надежда тихо билась.

Был любим я — кем? — не угадаю,
 Но мне внятен был тот голос юный;
 Я любил — кого любил? — не знаю,
 Но призывно пели сердца струны,

И ответно в душу чьи-то очи
Мне смотрели с пристальною лаской,
Словно с неба звезды южной ночи,
В тьме мерцающая неземною сказкой.

Бестелесно было то виденье,
Повторить не мог бы я те звуки,
Но когда настало пробужденье,
Сердце сжалось — полное разлуки!

2 октября 1885

186. РОДНОМУ ЛЕСУ

Здравствуй, лес! Ты мой возврат заметил;
Помешал твоим я тихим думам,
Но, как друга, вновь меня ты встретил
Стародавним, мне знакомым шумом.
В оны дни, когда — дитя — порою
Прибегал твой я слушать сказки,
Добрый дед, мохнатой головою
Наклонясь с заботой надо мною,
Расточал ты мне дары и ласки.
Их потом всей жизни труд и слезы
Ни на миг в душе не заглушили. . .
Те дары — младенческие грезы,
Что мне юность светом озарили.
Их твои вершины нашептали,
Их навеял сумрак твой волшебный,
И доныне в злые дни печали
Душу греет пламень тот целебный.
Здравствуй, лес! Твой мир, твоё мечтанье
Я тревогой жизни не нарушу;
Я пришел на краткое свиданье
Отвести тоскующую душу.
Но когда моя настанет осень,
Стариком в твой приду я сени
И под ровный шум дремучих сосен
Весь отдамся отдыху и лени.
В ожиданьи жизненной развязки
Успокоюсь, дряхлый и усталый,

И опять твои я буду сказки
Жадно слушать, как ребенок малый.
Той же самой властью вдохновенья
Будет вновь душа моя объята,
И зарю я вспомню пробужденья
На заре печального заката,
Надо мной раскинешь ты свой полог,
Полог тот, как ночь, широк и чуден;
Я усну — и будет сон мой долог,
Будет долог, тих и непробуден!

1885

187. КОСТЕР

Сумрак, холод, сон глубокий,
Пустырей немых простор;
Где-то в поле одинокий
Пламенеющий костер.
Чьи-то тени, чьи-то лица,
Озаренные огнем,
И — как черная темница —
Ночь бездонная кругом.
В мраке луч тепла и света,
Средь пустыни страж ночной,
Ты — не образ ли поэта
В безрассветной тьме земной?

1885

188. А. А. ФЕТУ

Словно голос листвы, словно лепет ручья,
В душу веет прохладой песня твоя;
Всё внимал бы, как струйки дрожат и звучат,
Всё впивал бы цветов и листов аромат,
Всё молчал бы, поникнув, чтоб долго вокруг
Только песни блуждал торжествующий звук,
Чтоб на ласку его, на призыв и привет
Только сердце б томилось и билось в ответ...

Декабрь 1887

189. А. Н. МАЙКОВУ

(30 апреля 1888 г.)

Как солнце горные хребты
Златит от глав и до подножий,
Так ты, поэт, — светильник божий, —
Жизнь озаряешь с высоты.
Твоим лучам равно доступны
И высь умов, и глубь сердец.
Глашатай правды неподкупный —
Ты ими властвуешь, певец.
Ты будишь правые надежды,
Караешь лживые мечты,
Ты облакаешь мир в одежды
Нетленной, чистой красоты;
Страстей смиряешь злые бури,
Сомнений гасишь тщетный спор
И от земли в предел лазури,
От праха к небу манишь взор.
И вот, за дар твой лучезарный,
За подвиг многих славных лет,
Ты днесь отчизны благодарной
Приемлешь радостный привет.
Внимай: на голос твой родные
Отвсюду отклики звучат,
Сердца, как светочи живые,
Тобой возжженные, горят —
Тобой — носителем желанным
Святой поэзии даров,
Тобой — преемником избранным
Руси прославленных певцов!
О, верно, их родные тени
Сюда слетелись в этот час,
И в хоре дружном песнопений
Звучит и их хвалебный глас!
В пылу признательного чувства
Слилися все в мечте одной,
На светлом празднике искусства
Любуясь и гордясь тобой!

1888

Когда, святилище души
 Замкнув пред суетной толпою,
 Поэт молчит — его покою
 Не верь: он бодрствует в тиши.
 Не верь молчанью грозной тучи:
 Раздумья вещего полна,
 Свой вихрь, свой дождь, свой огонь летучий,
 Свой гром таит в груди она. . .
 Но миг придет — и заповедный
 В глубоких недрах вспыхнет жар,
 И тьму пронижет луч победный,
 И грянет громовой удар!

(1888)

Не смолкай, говори. . . В ласке речи твоей,
 В беззаветном весельи свиданья
 Принесла мне с собою ты свежесть полей
 И цветов благовонных лобзанья.

Я внимаю тебе — и целебный обман
 Сердце властной мечтою объемлет,
 Мне мерещится ночь. . . В лунном блеске туман
 Над сверкающим озером дремлет.

Ни движенья, ни звука вокруг, ни души!
 Беспредметная даль пред очами,
 Мы с тобою вдвоем в полутьме и тиши,
 Под лазурью, луной и звездами.

Только воды дрожат, только дышат цветы
 Да туманится воздух росистый
 И, горя сквозь туман, как звезда с высоты,
 В душу светит мне взгляд твой лучистый.

В беспредельном молчаньи теней и лучей
Шепчешь ты про любовь и участие...
Не смолкай, говори... В ласке речи твоей
Мне звучит беспредельное счастье!

1888

192

Мне легче дышится на горных высотах:
Там близко к небесам и от людей далеко;
Объятый радостью простора, там в мечтах
Я забываюсь, блуждая одиноко.
И что за яркие, крылатые мечты
С нездешним пением туда ко мне слетают, —
Но только захочу их звуки иль черты
Запомнить, уловить — они, умолкнув, тают.
И пусть! Ведь заключить их в цепи точных слов,
Их выразить, назвать — усилия напрасны;
Как стаи легкие кудрявых облаков,
Лишь безымянные они прекрасны!

1893

193

Звездистый сумрак, тишина,
Лишь вёсел плеск в немом просторе,
Венецианская луна...
Адриатическое море...
По синим, медленным волнам
Плыву в задумчивой гондоле;
А сердце рвется поневоле
К иным, далеким берегам.
В волнах полуночных туманов
Там месяц бледный из-за туч
Наводит свой холодный луч
На сонмы плещущих фонтанов,
На кровли царственных дворцов,
На сени пышные садов,
И в тех садах, сквозь мрак их сонный,
На тот приют уединенный,

Где, грусть разлуки затая,
Родное сердце ждет меня.
Там нет дыханья южной ночи,
Нет страстных звезд, нет синих вод,
Но там горят слезами очи,
Туда любовь меня зовет.
И, одинок, с тоской во взоре
Плыву я... Полночь, тишина...
Венецианская луна...
Адриатическое море...

О, дайте крылья мне скорей,
О, дайте мне волшебной силы:
Хочу лететь на север милый
К подруге плачущей моей!

(1894)

194

О муза, не зови и взором не ласкай!
Во взоре этом и призыве
И в сердца сладостно-мучительном порыве
Мне чувствуется вновь утраченный мой рай.

Но в светлом том раю я гость чужой и лишний,
Повсюду за собой влача унынья гнет...
К чему ж под пеплом жар давнишний
Мне душу черствую порой томит и жжет?

Не вспыхнет пламень чудотворный,
Не вырвется из уст напев былой любви...
В чертог сияющий из мрака ночи черной
Умолкшего певца, о муза, не зови.

(1894)

195. ЗАРЯ ВО ВСЮ НОЧЬ

Было поздно; в душе замирающий шум
Пережитого дня был чуть слышен;
Сумрак всшнего бреда, видений и дум
Надвигался — волшебен и пышен.

С. А. Андреевский

О. Н. Чюмина

С. Г. Фруг

А. Н. Будишев

А. М. Федоров

П. С. Соловьѳва

В нем росли очертанья дремучих дерев,
В нем туманились гладкие воды;
Шла заря от заката к востоку — садов
Проникая вершины и своды.

И боролась ночь с этой белой зарей,
И боролися — радость с печалью,
Непроглядная грусть с незакатной мечтой,
Ближний сумрак с сияющей далью.

И заря побеждала, и ночь не могла
Заклучить ее в своды темницы —
И победная радость росла, всё росла
Вместе с пламенем юной денницы.

(1894)

196. НОЧЬ

Это звездное небо в сияньи ночном,
Это синее море под лунным лучом,
Этот дремлющий берег и мерный прибой
Замирающих волн — как могуч их покой!
Как победно он льется в усталую грудь,
Как в его волшебстве хорошо отдохнуть,
Позабывать истомившую сердце печаль,
Унести безвозвратно в безбрежную даль,
Где печаль над крылатой мечтой не властна,
Где лишь море, да небо, да ночь, да луна!

(1894)

197. В ГУРЗУФЕ

Посвящается памяти Пушкина

Он был когда-то здесь; на склоне этих гор
Стоял он в царственном раздумьи; это море
Влекло его мечты в неведомый простор
И отражалось в подъятом к солнцу взоре.
На этом берегу, в соседстве диких скал,
Беглец толпы людской, лишь волн внимая шуму,

Свою великую в тиши он думал думу
И песни вольные в мечтаньях создавал.
Те песни разнеслись по свету, и доныне
В сердцах избранников они звучат... а он,
Певец земли родной, погиб, людской гордыней,
Отравой клеветы и завистью сражен.
В холодном сумраке безвременной могилы
На дальнем севере, под снежной пеленой,
Лежит он — и доднесь презренные зоилы
Святыню имени его сквернят хулой.
Но сердцу верится, что в царстве вечной ночи
Певцу невнятен шум житейской суеты;
Что, сквозь могильный сон, души бессмертной очи
Доступны лишь лучам бессмертной красоты;
Что, может быть, сюда, на этот склон оврага,
Где всрны ему платан и кипарис
Под небом голубым и солнцем разрослись,
Где дремлют старые утесы Аю-дага, —
Певца святая тень приносится порой
Вдали земных сует, страстей, обид и горя,
Как некогда, смотреть в простор безбрежный моря,
С волнами говорить и слушать их прибой.

(1894)

198

День кончен, ночь идет, — страшусь я этой ночи!
Я знаю: тихий сон в приют мой не слетит,
И будет мрак ее смотреть мне прямо в очи,
И тишина ее со мной заговорит.

О чем заговорит? Какой коснется раны
В заветном тайнике души моей больной?
Какие озарит в ней бездны и туманы?
Какие призраки поставит предо мной?

Что вновь она создаст? Что прежнее разрушит?
В какую глубину свой бросит взор немой?
Всё — тайна в ней! Но страх томит меня и душит
Пред этой шепчущей и зрячей темнотой.

О сон, покрой меня ревнивыми крылами!
О бред, зажги вокруг победные лучи!
Явись, желанный лик, и стань перед очами,
Чтоб тьмы мне не видать. . . О ночь, молчи, молчи!

(1894)

199

Не в ласке девственной лазури
И не в лобзаниях тьмы ночной —
В огнях грозы и в столах бури
Мне внятны вечности покой.

Сквозь шум и вихрь стихий мятежных,
Сквозь знойной страсти вопль и бред
Ясней он шлет с высот безбрежных
Свой всепрощающий привет.

И чем больнее буря стонет,
Чем злее страсть, безумней сны,
Тем безвозвратней, глубже тонет
Душа в блаженстве тишины!

(1894)

200

В моей душе уж вечереет,
Последний гаснет отблеск дня,
И близкой ночи сумрак веет
Струей холодной на меня.

Но встреча с юностью счастливой,
Ее веселье, смех и шум
Порой живут волной шумливой
Печальный мрак вечерних дум.

Участным взором я встречаю
Ту мимолетную волну
И, ей любуясь, вспоминаю
Свою далекую весну.

(1894)

201. В САДАХ ИТАЛИИ

Если ждет твое сердце любви — поспешай
В тот излюбленный солнцем, пленительный край,
Где у склонов цветущих прибрежий и гор
Расстилается моря лазурный простор,
Где красу юных пальм сторожит кипарис,
Где с землей небеса в томной неге слились.

Там недвижной теплыню окутанный день
Будет нежить мечтаний беспечную лень;
А крылатая, черная южная ночь
Обоймет... обольстит... и умчит тебя прочь
От забот и боязни, сомнений и слез
В звездный мир воплощенья несбыточных грез.

Этот мир... он — порыв, он — безумье, он — бред!

Ни минувшего в нем, ни грядущего нет!
Он, лобзая, молчит, потому что нет слов,
Чтобы выразить зной его пламенных спов;
К жизни робкого сердца, объятого тьмой,
Он прильнет лишь на миг... Но тот миг — будет
твой!

(1903)

202

В сонме поздних теней ты желанной звездой
Мне блеснула на миг — и пропала.
Эта ласка мечты, эта радость тобой
Словно песня в душе прозвучала.

Прозвучала и смолкла... И звук ее слов
Замер в далях ночных сновидений —
И опять надо мной лишь немых облаков
Пролетают тревожные тени.

В них луча твоего уж глазам не найти;
Кроткой песни потеряны звуки;

Умирая, слились и привет, и «прости»
В призрак встречи, любви и разлуки.

Но не властен я сердца мятеж превозмочь,
Жгучий пламень под пеплом таится, —
И тоска по тебе, как заря во всю ночь,
Не дает ни забыть, ни забыться!

1904

Сергей Аркадьевич Андреевский родился 29 декабря 1847 года в селе Александровка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Отец его, Аркадий Степанович Андреевский,¹ был председателем Екатеринославской казенной палаты; мать, Вера Николаевна, рожденная Герсеванова, принадлежала к родовитой и влиятельной по своим связям дворянской фамилии.

До девяти лет Андреевский жил на попечении своей прабабушки в большом барском доме, стоявшем на берегу Донца, в живописном селе Верхняя Гора, недалеко от Луганска. В доме было много дворни из крепостных — дворецкий, ключник, староста, нянька, прачка, булочница, птичница, коровница и т. п. Андреевский в раннем детстве застал еще нетронутый крепостной быт с его характерным колоритом.

Свою семью — отца, мать, сестру и братьев — Андреевский впервые увидел лишь при поступлении в Екатеринославскую гимназию. После окончания гимназического курса он, по решению отца, поступил на юридический факультет Харьковского университета. Студенческие годы Андреевского совпали с полосой общественного подъема 60-х годов, широким распространением просветительских идей в среде университетской молодежи. Андреевский писал впоследствии в «Книге о смерти»: «Всюду царствовали «положительное знание» и «материя». И мне было до слез жалко моего единого бога с его простым сотворением мира, с его незабвенными Адамом и Евой и первыми «земледельцами»... А кроме того, еще совсем недавно: Гете, вопрошавший «всесильного духа», Байрон, грозивший небу, Пушкин, гармоничный, пылкий, душевный и глубокий, Лермонтов с его «Демоном», с его взыванием к облакам и звездам, — куда же все это де-

---

¹ В своей автобиографии, говоря об отце, Андреевский упомянул о том, «что единственное произведение... отца — фельетон «Пятигорск», в котором появилось первое известие о смерти Лермонтова, отмечено Белинским (Соч. Белинского, т. V, стр. 347)». — ПД.

валось!...»¹ В письме от 24 мая 1886 года к С. А. Венгеру Андреевский отметил, что он окончил университетский курс в 1869 году, «в самый разгар писаревского влияния», которое надолго отбросило его «от прежних литературных кумиров».²

В 1870 году Андреевский начал службу по судебному ведомству и назначен следователем в Карачев. В том же году, вопреки желанию своей властной матери, он женился на любимой девушке из бедного семейства и совершенно лишился материальной поддержки со стороны родителей.

При содействии А. Ф. Кони, с которым близко сошелся Андреевский, он поступил на должность товарища прокурора окружного суда сначала в Казани, а потом в Петербурге. В столичной прокуратуре тогда было немало блестящих имен, и «между ними, — отмечает А. Ф. Кони, — видное место занимал и Андреевский».³

В 1878 году успешно начатая карьера Андреевского-прокурора оборвалась из-за его отказа выступить обвинителем по делу Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Условием своего выступления на суде Андреевский ставил осуждение некоторых незаконных распоряжений Трепова, а также выяснение политических мотивов совершенного против него акта. В такой постановке обвинения молодому прокурору, было отказано, а после оправдания Веры Засулич судом присяжных Андреевский был уволен от должности прокурора и перешел в сословие адвокатов. Адвокатской деятельностью Андреевский занимался много лет и завоевал себе репутацию талантливого юриста, владеющего всеми тонкостями психологически мотивированной защиты. Книга С. А. Андреевского «Защитительные речи» (1891) в свое время пользовалась успехом не только в судебном мире и выдержала пять изданий (последнее — «Драмы жизни», Пг., 1916). Собрание речей Андреевского ценил, например, А. П. Чехов: «Для меня речи таких юристов, как Вы, Кони и др., представляют двойкий интерес. В них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства и, во-вторых, того, что имеет научное или судебно-практическое значение».⁴ Кстати, в том же письме А. П. Чехов упомянул и сборник стихотворений Андреевского, который он прочел с большим удовольствием. «Стихи Ва-

---

¹ С. А. Андреевский, Книга о смерти (Мысли и воспоминания), Л., 1924, с. 116—117.

² ПД.

³ А. Ф. Кони, С. А. Андреевский (По личным воспоминаниям). — В кн.: С. А. Андреевский, Книга о смерти (Мысли и воспоминания), Л., 1924, с. 11.

⁴ А. П. Чехов, Собрание сочинений, т. 11, М., 1956, с. 544.

ши. целое лето лежали у меня на круглом столе, и их читали целое лето я и все, кому случалось подходить к оному столу». ¹

Видимо, речи Андреевского понравились А. П. Чехову несколько больше, чем его стихи; во всяком случае он отозвался о них с большим воодушевлением.

По собственному признанию Андреевского, до тридцати лет он не написал ни одного стихотворения. Первыми его «упражнениями в рифме» был перевод «Ночей» Альфреда Мюссе, затем Андреевский написал несколько оригинальных стихотворений и, неожиданно для себя, решил переложить стихами отрывок Тургенева «Довольно». «Переложение тургеневского «Довольно» на стихи есть, конечно, дерзость, — писал потом Андреевский, — но дерзость идолопоклонника. Я восхищался этим отрывком еще в детстве и уже тогда подслушал в его прозе какой-то особый, скрытый ритм». ² Стихотворная вариация Андреевского на тему «Довольно» стала известна Тургеневу, он отметил, что стихи эти «большой частью очень звучны и красивы — у г-на Андреевского несомненный талант», однако просил не печатать переложение, поскольку в оригинале были выражены когда-то слишком личные, субъективные чувства и воспоминания, меньше всего предназначенные для публики. «Мне было бы жутко, — заключал Тургенев, — если б все это опять всплыло наружу. Да и в самом г. Андреевском настолько собственного фонда, что ему не для чего заимать у других и писать комментарии на чужие темы». ³ Просьба Тургенева была исполнена. ⁴ В письме к М. М. Стасюлевичу в 1878 году он еще раз отметил молодого поэта и просил сообщить Андреевскому от своего имени, что «при его таланте ему непременно следует продолжать свою стихотворную деятельность». ⁵

Андреевский исполнил этот завет лишь отчасти: профессиональным литератором он не стал, но продолжал свою стихотворную, а также критическую деятельность, совмещая ее с активной судебной практикой.

На всю жизнь Андреевский сохранил двойственное отношение к миру, сочетавшее общественную активность универсанта-шестидесятника и философский пессимизм, настроения тоски и разочарования,

¹ А. П. Чехов, Собрание сочинений, т. 11, М., 1956, с. 543.

² С. Андреевский, Стихотворения. 1878—1887, изд. 2, СПб., 1888, с. V—VI.

³ И. С. Тургенев, Письма, т. 12, М.—Л., 1966, с. 322.

⁴ Стихотворное переложение «Довольно» при жизни Тургенева оставалось непечатанным, но в 1884 году по просьбе А. Ф. Конон оно все же увидело свет на страницах «Вестника Европы» (1884, № 1).

⁵ И. С. Тургенев, Письма, т. 12, с. 327.

особенно характерные для русского общества конца 70-х — начала 80-х годов. В темную посленекрасовскую пору русской поэзии эти настроения получили определенный общественный резонанс, и безнадежно-меланхолическая лирика Андреевского была воспринята современниками как эхо унылого времени.

«Но где укрыться? Мир — могила.
Мне жизнь бесцельная постыла.
Где прежний блеск, и шум, и рай?»
Сказало эхо: «Умирай!»

Эти строки, переведенные Андреевским из Франсуа Коппе, точно соответствовали его собственному умунастроению.

В августе 1881 года, вскоре после убийства Александра II и казни первомайцев, Андреевский написал политическое стихотворение «Петропавловская крепость», в котором подводится общий безнадежный итог кровавого «турнира» между самодержавием и его противниками. Стихотворение это ни при каких обстоятельствах в то время не могло быть напечатано, и автор читал его в узком кругу друзей и доверенных лиц. Прямые знаки политической современности, отчетливо сказавшиеся в стихотворении «Петропавловская крепость», в лирике Андреевского, как правило, отсутствуют, но ее философское и эмоциональное содержание целиком определяется политической и духовной атмосферой 80-х годов.

Оригинальные и переводные стихотворения Андреевского, печатавшиеся с конца 70-х годов в «Вестнике Европы», «Деле» и других журналах, обратили на него внимание читателей и критики. Однако лишь в 1886 году, после больших колебаний и сомнений, С. А. Андреевский решился выпустить первый сборник своих стихотворений («Стихотворения. 1878—1885», Пб., 1886), по существу единственный в его поэтической биографии.

Еще до выхода в свет первого сборника стихотворений Андреевского его имя упоминалось в общих, обзорах новейшей русской поэзии, среди которых самым поэтом в автобиографии был отмечен очерк В. Чуйко, вошедший в его книгу «Современная русская поэзия в ее представителях» (Пб., 1885). Появление сборника вызвало довольно многочисленные отзывы в печати.¹ Несколько позднее С. А. Венгеров следующим образом охарактеризовал эти критические отклики:

---

¹ «Вестник Европы», 1886, № 3; «Северный вестник», 1886, № 8; «Новости», 1886, 29 января; «Новое время», 1886, 6 февраля; «Новь», 1886, 15 февраля; «Живописное обозрение», 1886, 16 марта, и др.

«Критика встретила «Стихотворения» А(ндреевского) довольно сдержанно, но отвела, однако же, автору их видное место в ряду современных поэтов». ¹

В предисловии ко второму изданию этого сборника (1898) Андреевский признавался: «Вот уже десять лет я не пишу стихов и никогда более к ним не возвращаюсь». Очевидно, сам автор сознавал, что время его поэзии миновало. ²

Не меньший интерес, чем стихи, представляют литературные очерки и статьи Андреевского о русских писателях (Баратынском, Достоевском, Гаршине, Некрасове, Лермонтове, Лье Толстом), собранные в книге «Литературные чтения» (Пб., 1891). Эти статьи были произведениями оратора и критика одновременно, так как возникали в результате серии докладов и лекций, прочитанных в разных публичных собраниях и на заседаниях «Литературно-драматического общества» в Петербурге. Постоянными оппонентами Андреевского в этих чтениях были Я. П. Полонский, К. К. Случевский, Д. С. Мережковский. В своей нашумевшей книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Мережковский оценил критические этюды Андреевского выше его поэтических произведений: «В его стихотворениях есть иногда женственная прелесть и грация, но все-таки он более самостоятельный и оригинальный художник в своих критических работах. Его превосходные монографии русских писателей — Тургенева, Лермонтова, Баратынского, Некрасова, Достоевского — похожи на портреты, набросанные быстрыми, воздушно-легкими штрихами карандаша, но удивительные по живому сходству с оригиналом, изящной простоте и проникновению в личность писателя». ³ Свои «Литературные очерки» в третьем и четвертом изданиях (1902 и 1913) Андреевский дополнил новыми работами. Среди его статей выделяется этюд о «Братьях Карамазовых» (1891), написанный ранее известной книги В. В. Розанова о том же романе и повлиявший на многих авторов, писавших о Достоевском.

Сформировавшийся в 80-е годы и близкий во многом по своему умонастроению новым поэтам, Андреевский, однако, не разделял их

---

¹ С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1, Пб., 1889, с. 546.

² По поводу этого предисловия едко иронизировал в своей статье П. Ф. Якубович, охарактеризовав Андреевского как певца «изящных чувств и приличных мыслей», как поэта с «неглубокой, чисто салонной мелапхолией и внешним, опять-таки чисто салонным изяществом» («Русское богатство», 1898, № 1, отд. «Новые книги», с. 38).

³ Д. С. Мережковский, О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы, Пб., 1893, с. 94—95.

формальных исканий. Андреевскому принадлежит, в частности, довольно резкая статья «Вырождение рифмы (Заметки о современной поэзии)», весьма скептически оценивающая реформу русского стиха, предпринятую после Некрасова. Не случайно с ответом на эту статью выступил Валерий Брюсов, решительно отклонивший упреки Андреевского в том, что «новые поэты» хотят «растрепать романтический стих». «Он заявляет о смерти стиха вообще, — возражал Брюсов, — так как иного стиха и представить себе не может». ¹

Скончался Андреевский от воспаления легких 9 ноября 1919 года в своей петроградской квартире.

В 1924 году была издана «Книга о смерти» Андреевского (подготовленная к печати А. Ф. Кони), прихотливо соединяющая воспоминания о детстве и юности с пессимистическими размышлениями о бренности всего живого.

203. ВОПЛЬ

Куда бежать? В какой дали
Укрыться мне от злого горя?
Оно пространнее земли
И глубже моря!

Где стану жить? В какой тиши
На мир светлее глянут очи?
Угрюмый мрак моей души
Чернее ночи.

Зачем, зачем ничья рука
Не поразит меня? Поверьте,
Моя безумная тоска
Страшнее смерти!

(1878)

---

¹ Валерий Брюсов, Ответ г. Андреевскому. — «Мир искусства», 1901, № 5, с. 247. С этой статьей Андреевского пространно полемизировал и Н. Михайловский (см.: «... г. Андреевский, вырожденные рифмы и «Мир искусства». Поэт, критик и оратор. — «Русское богатство», 1901, № 9, с. 21—43).

204. СЧАСТЬЕ

О, не теряй на счастье упованья!
Пускай судьба его таит, —
Но, верь, в лучах небесного сиянья
Оно неожиданно прилетит.
Ни ропот слез, ни жар твоих молений
Его не вызвали на путь,
Но разогнать печаль твоих сомнений
Оно должно когда-нибудь!

Иди за ним с надеждой терпеливой,
Оно блеснет издалика,
Как свет зари, как радуга над нивой,
Как в темной зелени река.
Оно со звезд падет росой алмазной,
Дождем сольется с облаков;
Среди утрат и скорби неотвязной
К его лобзанию будь готов.

Когда в песках томительной пустыни
Судьба сметет его следы,
Оно, шутя, в безжизненной равнине
Воздвигнет райские сады.
Под сводом ли удушливой темницы
Надежда крылья разобьет —
Оно, как тень залетной голубицы,
В душе унылой промелькнет.

Когда его ты в юности не встретил —
Узнаешь в зрелые года:
Его приход не меньше будет светел,
Не будет поздним никогда!
Оно прольет по жилам опьяненья
У старца, чуждого мечтам,
И может дать в предсмертные мгновенья
Блаженство стынувшим устам!

(1878)

Много птичек скрылось,
 Лилий — отцвело,
 Звездочек — скатилось,
 Тучек — уплыло;
 Много вод кипучих
 В бездну унеслось,
 Много струн певучих
 В сердце порвалось!

{1878}

Не повторяй, что радости превратны
 И кратковременны мечты:
 Беспечным детям суеты
 Слова печали непонятны.
 Нас тешит мир,
 Как шумный пир,
 Где ярко светит газ, и женщины смеются,
 И звуки вальса раздаются.
 Пускай немая ночь, за мраморной стеной,
 Черна, как траур погребальный:
 Не заразится воздух бальный
 Ее безжизненной тьмой.
 Взгляни: тяжелый штоф, и тюль, и кружева
 На окнах складками повисли, —
 Мы гоним сумрачные мысли,
 В нас жажда счастья жива!
 Иди с своей тоской, задумчивый пророк,
 В лесные дебри и в пустыни,
 Где, в созерцании святыни,
 Ты будешь вечно одинок.
 Там речи дальних звезд отшельникам понятны,
 Там тихо падают листья,
 Там будешь повторять, что радости превратны
 И кратковременны мечты. . .

{1878}

Я вспомнил детские года . . .
 Понять их сердце не сумело,
 И всё, что прежде в нем горело,
 В нем не оставило следа.

Я вспомнил детские черты . . .
 Куда ты, время, их девало?
 Как сном навеянной мечты,
 Улыбки ласковой не стало.

Скажи, дитя: где голос твой?
 Где нежно сотканное тело?
 Увы! Мы чуждые с тобой,
 Ты отделилось . . . улетело.

Желал бы, о тебе горюя,
 Пойти оплакивать твой след, —
 Твоей гробницы не найду я:
 Тебя нигде на свете нет!

Что смерть убьет — над тем могила
 Отраду горести дает;
 Что море жизни унесет —
 То будто вовсе и не жило.

(1878)

В начале жизненной дороги
 Я знал неясные тревоги.

Я видел много милых снов
 В тени сиреневых кустов.

Когда в саду цвели жасмины,
 Я волновался без причины.

О чем при звездах, по ночам,
 Я слезы лил — не знаю сам.

И нынче также, дни и годы,
При вое зимней непогоды,

При летнем солнце и весной,
В тени сирени молодой,

Я часто слезы проливаю, —
Но слез, увы! причину знаю...

(1879)

209

Неуловимая минутная отрада,
Коварная, как блеск изменчивого взгляда,
Мне греет иногда безжизненную грудь
И к счастью прошлому указывает путь:
Как искорки, горят в душе воспоминанья —
Минувшая любовь, отжившие желанья
Слетают чередой, в туманном полусне,
Тревожат радости, застывшие во мне.
В обманчивом бреде я сердцем оживаю
И старой песне в лад — аккордом отвечаю,
И, кажется, ловлю, сквозь дальний сумрак лет,
Заглохшего огня мерцающий просвет, —
Но вскоре, отрезвясь, я снова каменею
И силы юных чувств постигнуть не умею.

(1879)

210. ЭХО

Из Ф. Конне

Я громко сетовал в пустыне:
«Кто будет близок мне отныне,
Как были близки сердцу вы?»
Мне эхо вторило: «Увы!»

«Как буду жить больной и скучный,
Томим печалью неотлучной
И рядом горестных годин?
Мне эхо вторило: «Один!»

«Но где укрыться? Мир — могила.
Мне жизнь бесцельная постыла.
Где прежний блеск, и шум, и рай?»
Сказало эхо: «Умирай!»

(1879)

211. МРАК

Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Пушкин

Поэт

Из долгих, долгих наблюдений
Я вынес горестный урок,
Что нет завидных назначений
И нет заманчивых дорог.
В душе — пустыня, в сердце — холод,
И нынче скучно, как вчера,
И мысли давит мне хандра
Тяжеловесная, как молот!
Ни развлеченье, ни покой,
Ни встречи с чернью деловитой,
Средь шума жизни городской,
Не служат больше мне защитой:
Тоска всеильна надо мной!
Приди, мой гений темнокрылый
С печальным взором умных глаз;
Мне по душе твой вид унылый
И твой таинственный рассказ.
Ты мог всегда полунамеком
В прошедшем, тусклом и далеком,
Немое чувство оживить
И скорбью сердце уязвить.
Своим укором ядовитым
Оцепененье разреши:
Мне тяжело жить полуразбитым,
Мне гадок сон моей души!

Дух

Видел я лицо немое
И потухший взор:
О блаженстве, о покое
Пел угрюмый хор.

К небесам с кадилльным дымом
Несся вопль сердец,
В отчуждении нелюдимом
Почивал мертвец.
Весь гиляндами украшен,
Но не тот, что был!
Он для тех казался страшен,
Кто его любил...
Грудь без теплого дыханья,
Без лучей глаза:
Что ему — слова прощанья?
Что ему — слеза?..

Поэт

О, помню я!.. Такие звуки
Давно не трогали мой слух:
Живым порывом горькой муки
В те дни кипел мой юный дух!
Теснили грудь мою рыданья,
Я образ друга вызывал:
Казалось мне, без очертанья
Он тихо в воздухе витал
И в душу мне вникал глубоко.
В церковной мгле, среди лампад,
Полусмущен, я чуял взгляд
Его всевидящего ока:
Он был слезам и скорби рад!
«Теперь, — я думал, — он измерит
Всю глубину моей любви
И чувства тайные мои
Судом взыскательным поверит!..»
И — почему, не знаю сам —
Мой взор тянулся к небесам...
Но там — ни звука, ни намека
В ответ на пламенный порыв:
Таков удел того, кто жив...
Бессилен гнев, слова упрека
Безумством были б сочтены!

С тех пор с тобою мы дружны,
Мой гений, небу непокорный:
На всем дрожит твой профиль черный
И светит недовольный взор.

На небе жизни с этих пор —
Сгустится ль мрак, взойдут ли зори —
Ты всё поешь: *memento mori!*¹
Но странно — верится едва! —
Твои ужасные слова
Для сердца гложут с каждым годом...
И там, где над могильным сводом,
Придя молиться в горький день,
Я сторожил родную тень, —
Там в годы зрелости холодной
Я дал взрасти траве негодной!
И тот кладбища свежий сад
С угрюмой надписью у входа,
Где снился мне видений ряд, —
Не больше трогает мой взгляд,
Чем вся безмолвная природа!..
Я понял жизни наготу,
Потерял ключ от милых бредней...
Но, вызвав старую мечту,
Ты дал блеснуть слезе последней, —
Благодарю! Ее прилив
Напомнил мне, что я был жив,
Что жить нам дважды не дается.
Слеза блестит, — она не льется!

Д у х

Тени туманные, звуки неясные,
Образы прошлого, вечно прекрасные,
Вечно сокрытые мглой отдаления, —
Встаньте из мрака в лучах обновления!

Встаньте без горечи, светло-нарядные,
В жизненном облике, сердцу понятные,
Душу воздвигните силой целебною, —
Двигайтесь, образы, цепью волшебною!

Тучки летние дымятся,
Оросив кусты;
Уж под солнцем золотятся
Башни и кресты.

---

¹ Помни о смерти! (лат.) — *Ред.*

В небе радуги огнистой
Тает яркий путь,
Воздух ясный и душистый
Тихо нежит грудь.
Тешась шумом наводнения,
Звонкий хор детей
Сыплет листья и каменья
В пенистый ручей.
На песке аллеи влажной,
Где бежал поток,
Уж оставил след отважный
Легкий башмачок.
И под сетью обновленной
Зелени сквозной
Слышен грядки орошенной
Запах земляной.
Вот и небо засинело
Всё — из края в край:
Иль в душе не просветлело
И земля — не рай?

Вдохнул ли ты свежительную силу?
В подобный миг ты прежде сожалел
Своих друзей, опущенных в могилу,
И к свету дня любовью пламенел.
Ты повторял, мой образ устрояя:
«Мне жизнь мила! Я жить готов, не зная,
К чему я здесь... Прекрасен мой удел!..»

П о э т

Случалось мне, в ребяческие годы,
Обласканный улыбкою природы,
Я веровал в несбыточные сны:
То призраки заветной старины!
В те дни, как друг, со мной шепталась ива
У синих вод весеннего разлива,
И в свежий мрак задумчивых долин
С своей мечтой спускался я один
Вверять им пыл неясных ожиданий...
Я не люблю таких воспоминаний!
Куда ни глянь: в безмолвии лесном,
В роях светил на куполе ночном,

Во всех углах роскошной панорамы —
Везде, везде — покинутые храмы!

Д у х

Темных призраков не стало,
Словно дыма битв:
Сердце в мире отыскало
Образ для молитв!
У желанного порога
Робко стынет кровь:
То блаженная тревога —
Первая любовь!
И свежа, как ландыш мая,
Юностью блестя,
Вот стоит она, живая,
Грез твоих дитя. . .

И вот она с тобой идет в лесную тень,
Где в яркой зелени, осыпав старый пенёк,
Белеют звездами ромашки,
И шелк ее волос колеблется едва,
И ветер утренний ей дышит в рукава
Ее узорчатой рубашки;

Уж наших спутников замолкли голоса.
Кругом — зеленый мрак, пахучая роса. . .
Застигло нас уединенье. . .
Признание вырвалось невольно у тебя,
Ты высказал его, робея и любя,
Едва сдержав свое волнение.

А помнишь ли ту ночь, когда в волнах реки
Померкшей пристани дрожали огоньки
И в лодке хор звучал певучий? . . .
В тот миг она рукой взмутила пену струй,
И влажных пальчиков коснулся поцелуй,
Как воздух нежный и летучий.

Иль поздней осенью, при сумраке дневном,
Пред затуманенным, обрызганным окном
Ты с ней сидишь, бывало, рядом,

И, очарованный, не смеешь ты дохнуть,
Следя, как движется ее живая грудь
    Под скромным будничным нарядом.

А это первое объятие нежных рук,
Когда в твоей груди родного сердца звук
    Отдался в трепетном биении,
И грезились тебе: то запах темных кос,
То взгляд медлительный, понятный, как вопрос,
    То стан, так близкий на мгновенье!

И рдела ли весна, иль была песня вьюг,
Ненастье ль тусклое сгущалось вокруг,
    Иль солнце грело и струилось,
Звучал ли колокол, шумел ли разговор, —
Всегда лишь ей одной внимали слух и взор,
    И ровным счастьем сердце билось.

Ты помнишь ли те дни? Согрета и полна,
Душа надеждами была окружена,
    И крепла в ней живая сила;
Счастливая рука работала легко;
От сердца чистого всё было далеко,
    Что совесть чуткая клеймила.

И пусть иной робел пред сонмами светил,
Пускай других пугал холодный сон могил,
    Но, чуждый горестным тревогам,
Ты не был одинок среди бездны мировой:
Твой дух тонул в лучах души тебе родной,
    И свет любви был вашим богом!..

П о э т

Волшебный дух воспоминаний,
Печальник радостных минут,
Не тронь любви очарований:
Они ушли и не придут!
Мне часто снится это время,
Но первый пыл неуловим:
Так первым отпрыском живым
Уже развернутое семя

Не сблизит вновь свои края
И не годится для посева;
Так в летней трели соловья
Уж нет весеннего напева!
Я иногда гляжу кругом
С невыразимым утомленьем
И жадно жду, когда и в чем
Душа спасется обновленьем?
Взываю к памяти — и в ней
Недосягаемой святыней
Сверкают дни любви моей,
Как над безжизненной пустыней
Живые яхонты звезды;
А дальше — тянутся ряды
Ночей угрюмых, дней, убитых
На суетливые труды,
И ряд волнений пережитых,
Влечений, памятных едва
Иль непонятных, к изумленью,
Как полустертые слова
В тетрадах, преданных забвенью...
И мне тех призраков не жаль!..
Зато в душе темно и скучно,
И сердце к прошлому беззвучно,
А к жизни холодно, как сталь!
И в час той скорби безутешной
(Тебе открою мой секрет)
В моей груди, больной и грешной,
О злобе дня — заботы нет!
Тогда — напрасно лицемерить —
Ищу с отчаяньем слепца:
Кого любить? Во что мне верить?
К чему трудиться до конца,
Не зная светлых утешений,
С тоскливым ропотом сомнений,
Что мы уйдем, как и пришли, —
Плоды случайные земли!..
И эта язва тайно гложет
Не только страстного певца, —
Она мыслителя тревожит
И ранит бодрого дельца.
Иной, под маской скомороха,

Развязен с виду; но приди —
Его раздумье проследи:
Не сдержит он большого вздоха
В обезнадеженной груди!

И как на родину с чужбины равнодушной,
Как из тюремной тьмы на волю и на свет,
Мечта моя летит посланницей воздушной
К живому чувству юных лет!

Туда — где радостью трепещет ожиданье,
Где струйки алые так жизненны в крови,
Где страстным холодом под сердцем содроганья
Зовет к неведомой любви. . .

Где ночи лунные горят для тихой встречи;
Где жжет пожатье рук; где ровной белизны,
Как воск и лилия, нетронутые плечи
Невинной прелести полны. . .

Там всё готовится для праздничного пира,
Богат и радужен телесный наш убор. . .
Но вспомнишь — для чего? . . Для чуждых целей
мира —
И время грабит нас, как вор!

Поймет ли кто-нибудь подавленные слезы
Убогой старости, когда на скате дней
Пред свежей красотой томительные грезы
На миг пробудятся у ней?

Не стыдно ль нам тогда за блеклые седины,
За кожу мертвую, просящуюся в гроб,
За речь неясную, но ясные морщины,
За мудрый обнаженный лоб?

И мрак в душе. . . Но вот иные всходят цели
Служение другим — работа на людей:
Мудрец берет перо, и врач идет к постели,
Отец растит своих детей,

О благе лучших дней поет, вздыхая, лира,
Судья познания лет влагает в приговор...
Но вспомнишь — для чего? .. для чуждых целей
мира,
А нас — долой метут, как сор! ..

И снова грозной тьмы не смею я измерить,
И снова я ищу с отчаяньем слепца:
Кого любить? Во что мне верить!
К чему трудиться до конца,
Не зная светлых утешений,
С тоскливым ропотом сомнений,
Что мы уйдем, как и пришли, —
Плоды случайные земли! ..
Угрюмый дух, волшебный гений!
Спаси, внемли!

Д у х

Ты всё излил, чем страждет грудь поэта,
А может статься — и моя...
Я вечный спутник бытия,
Я голос тьмы: не знаю света...

(1880)

212. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

У самых вод раскатистой Невы,
Лицом к лицу с нарядною столицей,
Темнеет, грозный в памяти молвы,
Гранитный вал с внушительною спицей.
Там виден храм, где искони внутри
Опочивают русские цари,
А возле стен зарыты коменданты,
И тихий плач в гробницы льют куранты,
И кажется, на линию дворцов,
Через Неву, из недр иного света,
Глядят в столицу тени мертвецов,
Как Банко тень на пиршество Макбета...

Завидна ль им исторгнутая власть?
Полна ль их совесть запоздалой боли,

И всем царям они желают пасть,
А всем гнетомым встать из-под неволи?
Или свои алмазные венцы
Они сложили кротко пред Еговой
И за грехи народа, как отцы,
Прияли там иной венец, терновый?
Иль спор ведут перед Царем царей
Повешенный с тираном на турнире,
Чей вздутый лик величия полней,
Раба в петле — иль царственный, в мундире?
Иль, убоясь своих кровавых рук,
Крамольники клянут свои деянья?
Или врагов на братские лобзанья
Толкнула смерть, в забвеньи зол и мук? ..
Но я люблю гранитную ограду
И светлый шпиль при северной луне,
Когда куранты грустную руладу
Издали разносят по волне.
Они поют в синеющем тумане
О свергнутых земных богатырях,
О роскоши, исчезнувшей в нирване,
О подвиге, задавленном впотьмах, —
О той поре, где всякий будет равен,
И, внемля им, подумаешь: «Коль славен...»

Август 1881

Ночь. Дворцовая набережная

213. ПИГМЕЙ

Следя кругом вседневные кончины,
Страшусь терять бегущий мимо час:
Отживший мир в безмолвии погас,
А будущий не вызван из пучины, —
Меж двух ночей мы царствуем одни,
Мы, в полосе движения и света,
Всесильные, пока нас греют дни,
Пока для нас не грянул час запрета...
И страшно мне за наш ответный пост,

Где гению возможен светлый рост,
Где только раз мы можем быть полезны, —
И жутко мне над краем бездны!

Но демон есть: он весь — лукавый смех;
Он говорит, спокойный за успех:
«Как дар судьбы, великое — случайно,
И гения венчают не за труд,
Неправеден потомства громкий суд,
И ты, пигмей, сойдешь со сцены тайно.
Порыв души заносчивой умерь,
Войди в тот рай, куда открыта дверь:
Под этим солнцем, видимым и ясным,
В живом тепле, которым дышишь ты,
Владей любовью свежей красоты —
Цветущим телом, гибким и атласным...
Объехав мир, насыть кристалл очей
Эффектами закатов и восходов,
Величьем гор и вольностью морей,
И пестрой вереницею народов...
Порой забавься вымыслом чужим
За книгою, на сцене, в галерее,
Не предаваясь пагубной затее
Свой ум и чувство жертвовать другим...
К земным дарам питай в себе охоту:
Люби вино, и шелк, и позолоту,
Здоровый сон, живую новость дня,
И шум толпы, и поздний свет огня...
Свой век прожив разумным воздержаньем,
Ты отпадешь, как полновесный плод,
Не сморщенный до срока увяданьем,
Не сорванный разгулом непогод».

Но, слушая те здравые советы,
Задумчиво внимает им пигмей:
Претят ему доступные предметы,
Манит его туманный мир идей.
Тревожимый упреком потаенным,
В невыгодной заботе о других,
Идет он мимо прелестей земных
С лицом худым и гневом убежденным!

И, созданный в подобие зверям,
В оковах плоти спутанный как сетью,
Он, не стремясь к благому долголетию,
Идет на смерть, служа своим мечтам...
И если мир цветущий и прелестный
На полный мрак им гордо обменен,
Зато во всей могучей поднебесной
Нет ничего прекраснее, чем он!
Нет ничего священнее для взора,
Как белые, сухие черепа
Работников, сошедших без укора, —
Молись их памяти, толпа!

(1882)

214

Оглянись: эти ровные дни,
Это время, бесцветное с виду, —
Ведь тебя погребают они,
Над тобою поют панихиду!

Живописный и томный закат
Или на ночь гасимые свечи —
Неужели тебе не твердят
Ежедневно прощальные речи?

Отвечай им печалью в лице
Или тихим, подавленным вздохом;
Не иди мимо дум о конце
Беззаботно-слепым скоморохом.

Но в уныньи себе не готовь
Ни веревки, ни яду, ни бритвы, —
Расточай благородную кровь
Под ударами жизненной битвы.

(1882)

Грустно! Поникли усталые руки,
 Взор опечаленный клонится долу;
 Всё дорогое, без гнева и муки,
 Хочется в жертву отдать произволу!

Грустно... Не трогайте сердца больного,
 Мимо идите с участием, други:
 Бросить могу я вам горькое слово
 Жесткою платой за ваши услуги.

Дайте мне, люди, побыть нелюдимым,
 Дайте уняться неведомой боли:
 Камнем тоска налегла некрушимым...
 Эх, умереть, разрыдаться бы, что ли!

(1882)

216. DOLOROSA ¹

В саду монастыря, цветущую как розу,
 Я видел в трауре Мадонну Долорозу.
 На белый памятник она роняла взор;
 Густые волосы разъединял пробор,
 Теряясь под косой, завешенной вуалью;
 Она дышала вся молитвой и печалью!
 На матовой руке, опущенной с венком,
 Кольцо венчальное светилось огоньком,
 И флером сборчатый окутанная шея
 Сверкала юностью, сгибаясь и белея.

(1883)

217. РАСКОПКИ

Мы к снам заоблачным утратили порывы,
 И двери вечности пред нами заперты:
 Земля, одна земля!.. И по краям — обрывы,
 И нет ни выхода, ни цели для мечты...
 Почуяв страшные, отвесные стремнины

¹ Скорбящая (итал.). — *Ред.*

Вокруг земной коры, где тлеет наш очаг,
Сказали мы себе: «Мы дети этой глины,
И от плотских забот отныне — ни на шаг!
Довольно веровал и мучился наш предок,
На небо возводя благочестивый взор, —
Рассеять мы хотим опасный этот вздор
Путем анализа и тщательных разведок».
С незыблемых святынь покровы сняты прочь, —
Открыты в чудесах секретные пружины;
Всё взрыто, свергнуто; везде зияет ночь,
Где прежде таяли волшебные картины. . .
И резче всё, черствей звучит недобрый смех
Утешенной попытки разрушенья;
Нам чуть мерещатся, сквозь длинный ряд помех,
Когда-то милые для сердца заблужденья. . .
На глыбы черные роняет только свет
Фонарь, колеблемый рабочим утомленным,
Но не скорбит задумчивый Гамлет
Над черепом, раскопкой обнаженным;
Под костью звонкою, во впадине пустой,
Гуляет ветер шумный и ненастный,
А рядом труженик сурово-безучастный
Во мрак спускается опасною тропой. . .

(1883)

218. МАЙ

Из лучшей стороны струясь и прибывая,
Тепло нахлынуло, и брызнул дождик мая;
Как дым камильницы, пахучая листва
Деревья зимние одела в кружева;
На кленах — крылышки, сережки — на осинах,
Цветы на яблонях, цветы на луговинах,
Цветные зонтики в аллеях золотых,
Одежды светлые на торсах молодых,
И слабый звон пчелы меж крестиков сирени,
И трель певца любви, певца вечерней тени —
Плодотворение, истома, поцелуй —
Очнись, печальный друг, очнись и не тоскуй!

Но ты не слушаешь. . . Лицо твое уныло,
Как будто всё, что есть, тебе уже не мило,
Как будто взор очей, для счастья неживой,
От чуждых радостей желал бы на покой.
Ты видел много лет, ты знаешь эту моду
Весной отогревать прозябшую природу,
Тревожить мирный сон ее глубоких сил,
Вздывать могучий сок из потаенных жил —
Затем, дабы, на миг убрав ее показней, —
Расчесться за убор ценой осенних казней. . .
Ты знаешь и молчишь, и нет в очах любви.
Ты шепчешь горестно: «Где спутники мои?
Иные — отцвели, иные — опочили,
Мы вместе знали жизнь, и вместе мы любили».

(1883)

219

Нельзя в душе уврачевать
Ее старинные печали,
Когда на сердце их печать
Годами слёзы выжигали.
Пусть новый смех звучит в устах
И счастье новое в чертах
Свой алый светоч зарумянит, —
Для давней скорби миг настанет:
Она мелькнет еще в уме,
Пришлет свой ропот присмиривший,
Как ветер, в листьях прошумевший,
Как звук, заплакавший во тьме. . .

(1883)

220. КОНЧИНА ТУРГЕНЕВА

(22-го августа 1883 г.)

Ударил гром. . . И много лет
Мы темной тучи не разгоним:
Погас наш тихий, кроткий свет —
Мы часть души своей хороним! . .
Свободы вождь передовой,
«Из стаи славных осталой»,

Родных кумиров современник,
Он был для нас — их след живой,
Их кровный, подлинный преемник!

Мы с детства слушали рассказ
Его простой, прелестной музы,
И в нашем сердце крепили узы
С душою, светлой как алмаз...
Когда мы позже были юны,
На праздник девственной любви
Его пленительные струны
Нам песни рая принесли!
Когда бороться за науку
Рванулись свежие умы,
Он новобранцам подал руку
И рассеивал туманы тьмы...
Он дал впервые проводницу
Бойцам проснувшейся страны:
На смелый труд из тишины
Он вызвал русскую девицу.
И был он друг ее мечты,
Души глубокий познаватель,
Ее стыдливой красоты
Неподражаемый ваятель!
Родное поле, степь и лес,
В цветах весны, в одежде снежной,
Под всеми красками небес —
Он обессмертил кистью нежной...
И пел нам голос дорогой...
Вопросы дня, вопросы мира —
Всему, под дивною рукой,
Ответный звук давала лира!

Прощайте, чудное перо,
Нас одарявшее с чужбины,
И ненаглядные седины —
Маститой славы серебро!
Ты к нам желал на север дикий
Укрыться с юга на покой:
Сойди же в грудь земли родной,
Наш вечно милый и великий!

1883

От милых строк, начертанных небрежно
 Когда-то жившею рукой,
 Незримый дух, безропотно и нежно,
 Нам веет тихую тоской.

Безмолвен гроб, портреты безответны,
 И вы лишь, бледные слова,
 Забытым здесь даете знак заветный,
 Что тень души еще жива!

Между 1878 и 1885

Я ревнив к этой зелени нежной,
 Первой зелени вешних лесов,
 И до самой зимы белоснежной
 Любоваться бы ею готов.

И в конце плодотворного мая,
 Примечая богатство листвы,
 Я уж думаю, грустно мечтая:
 «Где ты, юность! о, юность... увуй!»

Между 1878 и 1885

Еду в сумерки: зимняя тишь,
 Всё белеет, куда ни глядишь;
 И больница, и церковь, и дом
 Мирно светятся ярким огнем.
 Теплый ветер подул и затих,
 Свежим дымом запахло на миг,
 И дрожит при лучах фонарей
 На снегу тень лошадки моей,
 И кругом суеты не слышать,
 словно жизнь утомилась роптать, —

Будто легче звучат голоса,
Будто ближе к земле небеса,
И я жду — сердце бьется в груди —
Тайной радости жду впереди. . .

Между 1878 и 1885

224. НА КРЫШЕ КОННОГО ВАГОНА

Люблю, в ласканыи ветерка,
На крыше конного вагона,
С перил плебейского балкона
Глядеть на город свысока,
Нестись над морем экипажей,
Глазеть по окнам бельэтажей,
В кареты взоры опускать
И там случайно открывать
На складах шелкового платья
Двух рук любовное пожатье. . .
Люблю глядеть и за борты
Колясок пышных и глубоких
(Хотя внутри они пусты),
Люблю камелий быстрооких,
В сияньи наглой красоты,
Обозревать в углу коляски,
Где, развалясь и глядя вбок
И туфли выставив носок,
Они прохожим строят глазки. . .
Люблю весеннюю порой
С высокой крыши подвижной
За институтские ограды
Бросать непрошенные взгляды. . .
Никто наверх не поглядит,
Никто в боязни малодушной
Пред нашей публикой воздушной
Не лицемерит, не хитрит;
А взор повсюду наш парит. . .
И вот, когда мне прямо к носу
Вагон с услугой подкатит —
Всегда наверх меня манит:
Взберешься, вынешь папиросу,

Сосед предложит огонька,
Кивнешь признательно, закуришь,
Поговоришь, побалагуришь —
И все, в ласканы ветерка,
На крыше конного вагона,
С перил плебейского балкона
На мир глядим мы свысока.

Между 1878 и 1885

225. МАДРИГАЛ

(Л. С. Я.)

Склоняюсь пред тобой, как робкий богомолец,
Рука лилейная, прекрасная без колец,
И горько сетую: как поздно наконец
В тебе мне встретился желанный образец
Руки, невиданной меж мраморов старинных, —
Ни пухлых пальчиков, ни ямочек рутинных,
Но что за линии и что за красота!
Гляжу и думаю, любуюсь и ревную:
К кому же ты прильнешь, в преграду поцелуя,
Ладонью нежною на пыльные уста?

Между 1878 и 1885

226. МИМО ВОЗРАСТОВ

Я перешел рубеж весны,
Забыв доверчивые сны
И грезы юности счастливой;
В туманы осени дождливой
Вступил я вялый и больной,
Проспавши тупо летний зной.
Но вот зима уж на пороге —
И я опомнился в тревоге...

Между 1878 и 1885

227. УКОР

Часы бегут с поспешностью обычной
Для жизни праздничной и жизни горемычной,
И каждого бесследный их полет
В иные дни к раскаянью зовет. . .

Но без борьбы, со вздохом незаметным,
Мы шлем «прости» мечтам своим заветным;
Теряя жизнь, пред будущим пустым
Мы со стыдом беспомощно стоим.

А как подчас настойчивы укоры!
Вы помните ль: на улице глухой,
Под ровный шаг походки деловой,
Следили вас невидимые взоры. . .

В сырую ночь, при блеске фонаря,
В котором газ от ветра волновался,
Не злой ли вихрь в душе у вас промчался
И лучших дней не вспыхнула ль заря?

Иль, громоздясь стеной под небесами,
Ряды домов не жали вашу грудь?
Их мрачный вид — с докучными мечтами
Не звал ли вас расчесться как-нибудь? . .

Но всё ж без дел, со вздохом незаметным,
Мы шлем «прости» мечтам своим заветным,
Мы шлем «прости» встревоженным мечтам, —
А злой укор всё ходит по пятам. . .

Между 1878 и 1885

228

Сказал бы ей. . . но поневоле
Мне речь страшна:
Боюсь, что слово скажет боле,
Чем шепот сна.

Откуда робость? Почему бы
    Не быть храбрей?
И почему коснеют губы,
    Когда я с ней?

Признанья в ветреные годы
    Я делал вмиг;
От той уверенной свободы
    Отстал язык.

Боюсь, что понял я неверно
    Порыв любить,
Боюсь слезою лицемерной
    Глаза смочить.

Она хоть искренно польется,
    Но, может, в ней
Лишь с грустью чувство отзовется
    Минувших дней...

Между 1878 и 1885

229. ОТРЫВОК

Чудесный вечер... Мы уселись группой
В траве зеленой, на опушке леса,
Пред насыпью железного пути.
Вздыхались ели темною грядою
На светлом небе, и кресты верхушек
Отчетливо, недвижимые, чернели.
Порой пред нами проносился поезд,
И долго, долго в гулком отдалении
В тиши вечерней шум его катился...
Вдруг месяц круглый глянул с вышины
Меж двух шпалер померкнувшего леса,
Как в глубине громадной, тихой сцены...
И все мы смолкли, словно притаились.
А шар луны, как незванный свидетель,
Всё выступал, неотразимо ясный,
И в тихом небе тихо поднимался,
И, наконец, уставился на нас.

Мелькнули звезды. Раздались меж нами
Обычные мечтанья и вопросы:
Там есть ли люди, и в мирах далеких
Нам суждено ль иную жизнь изведать?

«Нас там не будет — и на купол звездный
Я избегаю пристально смотреть:
Мутится ум, и слово стынет в горле,
И друга благородные черты
Мне кажутся пустой и скверной маской,
А пестрый день, картинный и шумливый, —
Обманом жалким, над которым втайне
Смеются там стальные очи мрака! . .
К чему дано нам вечно созерцать
Алмазную метель и вихрь миров
В бездонной синеве почного неба —
И ясно видеть их недостижимость?!
Какая неотместная обида!»

«Ваш ропот странен. Полно вам глядеть
На этот мир из узкой, темной трубки!
На первый план вы ставите себя.
Но в сфере звезд никто о вас не думал;
Никто, рассудком сходный с человеком,
Созданием миров не управлял;
Природа есть, откуда — мы не знаем,
И ваши распри с этим неизвестным,
Едва ль носящим образ существа,
Поистине достойны сожаленья!
Ваш гнев измышлен, или вы больны.
Но и в разгаре затаенной злобы
Вы дышите, вы смотрите — вам любо.
А с этой злобой, будь она правдива,
Вам жить нельзя. . .»

— «И лучше бы не жить!

Мое несчастье и несчастье многих,
Что жизнь мила при думах безотрадных. . .
Но с каждым днем растут самоубийства,
И устарело в наши времена
Гамлетовское «быть или не быть?».

Загробных снов никто уж не боится. . .
Пугает нас, напротив, смерть ума,
Его тлетворной, внутренней беседы
Внезапное, глухое прекращенье. . .
Мы с ним страдаем и страдать не прочь
За гранью гроба: лишь бы не расстаться!
А многим страшен малый промежуток
Удушья, муки, гадкого чего-то,
С чем неразлучен жалкий наш конец. . .
Нас гложут мысли. Я скажу к примеру:
Прельщен ли я сияньем этой ночи?
Не так, как вы! Ваш мир ненарушим.
А я — вникаю в эту тишину
И слышу в ней придушенные звуки
Тревожной жизни, бьющейся вокруг:
Там люди мрут, и в судорожном хрипе
Колеблются бесчисленные груди. . .
Что, если бы те звуки слить в один?
Какой бы хор пронесся в тихом небе!!
А поцелуев рой соединенный
С миллионов уст, поспешных и безумных,
Какой бы шум они произвели
Своим бессвязным, птичьим щебетаньем!
А вопль родильниц? А рыданье скорбных? . .
Теперь любуйтесь этой тишиной. . .
И вспомните, что пблог облаков
Почти отвсюду дымчатой пустыней
На высоте задернут над землею —
И никому не виден этот мир,
И никому не слышен дольний звук,
Как звуки тленья в замкнутой могиле
Не слышны людям! . . Мы живем как тени,
Водимые неведомой рукой
По чуждому, безвыходному зámку:
Когда порой начнем стучаться в окна,
Откуда нас прельщают чудеса, —
Ни отзыва, ни помощи не слышно!
И все мы гибнем, чуждые друг другу. . .
Мы — тени! тени! . .»

(1886)

Не отрывай пленительной руки
 От жарких уст, прильнувших к ней с мученьем!
 Пускай чрез миг мы будем далеки
 И поцелуй исчезнет сновиденьем.

Я чувствую: ты странно смущена,
 Колеблешься и словно каменеешь,
 Твоя рука борьбой напряжена, —
 Бежишь ли ты? Иль ты меня жалеешь?

Помедли миг! Безмолвна и горда,
 Дай угадать, теснится ли дыханье
 В твоей груди смущенной, — и тогда
 Уйди, уйди, без звука на прощанье...

(1888)

Когда поэт скорбит в напевах заунывных
 И боль страдания слышна в его речах —
 Не сетуйте о нем: то плачет в звуках дивных
 Печаль далекая, омытая в слезах.

Когда ж напев любви, отрады, упоенья,
 Как рокот соловья, чудесно зазвенит, —
 Он жалок, ваш певец: не зная утешенья,
 Он радость мертвую румянит и рядит...

(1895)

Семен Григорьевич Фруг родился в 1860 году на юге Украины, в еврейской земледельческой колонии Бобровый Кут Херсонской губернии. Отец его всю жизнь занимался земледелием.

Свое учение Фруг начал в еврейской школе — хедере, которая, по признанию самого поэта, оставляла слишком мало простора чувствовать и мыслить (основным предметом изучения в хедере был талмуд).

Без всякой посторонней помощи Фруг принялся за изучение русской грамматики и Библии. Особенно его увлекали сказания и легенды о древних пророках. Сам поэт писал впоследствии, что первой возможностью чувствовать и мыслить он обязан исключительно той всеобъемлющей поэзии, которую изобилуют пророки Исайя, Иезекииль и др.

В 1869 году Фруг поступил в русское училище и пробыл в этом заведении около четырех лет. По выходе из училища он остался жить в родительском доме, продолжая изучение русского и древнееврейского языков.

С шестнадцати лет Фруг начал самостоятельную жизнь: его отправили в Херсон, где он поступил писцом в канцелярию казенного раввина. В свободное от службы время он много читал, увлекался русской поэзией, заучивал наизусть многие стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, с восторгом перечитывал думы украинского кобзаря Шевченко. К этому времени относятся первые стихотворные опыты самого Фруга. Несколько стихотворений он отправил в петербургские журналы. Молодым поэтом заинтересовались в журнале «Рассвет», который в то время редактировал известный адвокат М. С. Варшавский.

По вызову редакции «Рассвета» весной 1881 года Фруг приехал в Петербург. Здесь сразу же начались его мытарства. Редакция «Рассвета», просившей о прописке поэта в качестве переводчика с еврейского языка, в ходатайстве было отказано. Хлопоты частных лиц с видным служебным положением также не имели успеха. Фругу пришлось прописаться в качестве «домашнего служителя» у своего покровителя М. С. Варшавского.

Годы жизни поэта в Петербурге совпали с политическим безвременьем, наступившим после убийства народовольцами Александра II. В области внутренней политики эти годы были отмечены усилением карательных мер, ростом полицейского произвола, разжиганием шовинизма, еще более жестоким притеснением национальных меньшинств.

Испытавший на себе давление национальной вражды и полицейской травли, Фруг в своей поэзии был, однако, далек от сознательного политического протеста. Как и многие другие поэты его поколения, он сторонился политики, смутно представлял источники царящего в мире зла, не видел в современном обществе сил, способных противостоять несправедливости и насилию.

Преобладающие ноты поэзии Фруга — сострадание к угнетенным, романтические воспоминания о библейских временах и пророках, тщетные призывы к миру и любви, для которых действительность не оставляет места.

Во многих стихотворениях Фруг говорит о живых связях, соединяющих его от рождения с русской землей, с общей печальной судьбой своей отчизны:

Я — русский... С первых детских дней
Я не видал иных полей,
Иного не слышал напева.
Мне песни русской дорог был
И грустный лад, и юный пыл,
И вспышки сумрачного гнева.

В начале мая 1884 года Фруг отправился на родину, в Херсонскую губернию, и там подготовил к печати свой первый сборник, изданный затем в Петербурге, — «Стихотворения» (1885).

В специальной статье, посвященной поэзии Фруга, известный критик и публицист К. Арсеньев особо отметил, что «Библия дает ему материал для картин, для мечтаний, для снов, дает пищу и мстительному чувству, и мирным грезам об идеальном счастье... Не скроем, однако, — продолжал критик, — что господство одного мо-

тива — и притом именно того, который избран г. Фругом, — имеет и свою опасную сторону. Оно окружает его иногда искусственной атмосферой, в которой неправильно преломляются лучи, безмерно растут очертания предметов, теряется или слабеет сознание действительности».¹

Через два года после выхода первой книги Фруг издал новый сборник стихотворений — «Думы и песни» (СПб., 1887), упрочивший его известность в литературном мире, но почти никак не изменивший бедственное материальное положение поэта.

В 1889 году первый сборник — «Стихотворения» — вышел вторым изданием. Несколько сочувственных страниц его поэзии тогда же посвятил А. М. Скабичевский, считавший Фруга «одним из самых симпатичных, искренних и, главное дело, истинных поэтов».²

С середины 80-х годов Фруг широко печатался в крупных литературных журналах: «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Русском богатстве» и др.

Несмотря на литературный успех, Фруг оставался в Петербурге из положения парии; он испытывал чувство глубокого одиночества, упадок душевных сил и с присущей ему искренностью писал об этом в своих стихах.

В 1891 году Фруг был выдворен из столицы, до июля 1892 года жил в Люстдорфе под Одессой, а затем, после усиленных хлопот Литературного фонда и поэта К. К. Случевского (имевшего придворное звание гофмейстера), Фругу разрешили вновь поселиться в Петербурге.

В 1897 году появилось третье издание «Стихотворений» Фруга, несколько его стихотворений увидели свет в сборнике «Молодая поэзия» (1895). В 90-х годах он выпустил книги «Встречи и впечатления», «Эскизы и сказки» и др. Однако время литературной молодости и первого общественного успеха для Фруга уже миновало. Нужда заставляла его выступать на страницах «Петербургской газеты» и «Петербургского листка», где он помещал невысокого вкуса еженедельные фельетоны и стихи на злобу дня под псевдонимом «Иероним Добрый».

В 1904—1905 годах в Петербурге вышло шеститомное «Полное собрание сочинений» Фруга, которое подвело итог его двадцатипятилетней литературной работе.

---

¹ К. Арсеньев, Поэты двух поколений. — «Вестник Европы», 1885, № 10, с. 774—775.

² А. М. Скабичевский, История новейшей русской литературы (1848—1890), СПб., 1891, с. 518.

П. Ф. Якубович в своих «Очерках русской поэзии», отдав должное лучшим произведениям раннего Фруга, достаточно сурово отозвался о втором и третьем томе его стихотворений, а также высказал сожаление, что поэт не смог выйти из узкого круга национальных переживаний и подняться до сочувствия «всем страдающим, обиженным и угнетенным людям».¹

После 1908 года Фруг переехал из Петербурга в Одессу. Материальные лишения заставляли его разъезжать по городам с чтением стихов на публичных собраниях.

В 1910 году он резко отклонил предложение о праздновании его 30-летнего литературного юбилея. Нужда и несчастья сопровождали поэта до последних дней жизни. Тяжело больной Фруг умер в Одессе в 1916 году.

232. ПРИЗЫВ

Я звал тебя в те дни счастливых детских грез,
Чарующих надежд и светлых упований,
Когда мои глаза еще не знали слез,
Душа еще не ведала страданий.

И ты явилась мне в сияньи золотом,
В венке из алых роз, в одежде серебристой —
Вечерней звездочкой на небе голубом,
Голубкою невинною и чистой.

И говорила мне ты, весело смеясь:
«Смотри, как чуден лес, как тихо дремлют нивы,
Как с ветерком по их изгибам, золотясь,
Бегут огней вечерних переливы. . .

Смотри — и плеск ручья, и эхо дальних гор,
И кроткий луч звезды, и роз благоуханье
Как бы сливаются в один волшебный хор
Лучей и звуков, красок и дыханья. . .

---

¹ П. Ф. Гриневич (П. Ф. Якубович), Очерки русской поэзии, изд. 2, СПб., 1911, с. 288.

Смотри, как тихо всё и ясно вокруг тебя,
В гармонии живой, в согласном, стройном клире...
Ты послан в этот мир прекрасный, чтоб, любя,
Учить любви живущих в этом мире...»

Ты лиру мне дала... С отвагою живой
По трепетным струнам персты зашевелились —
И струны грянули, и звонкою струей
Чарующие звуки покатались...

Я звал тебя, когда в груди моей впервой
Проснулись бурные порывы и стремленья,
Нахлынул мрачных дум и чувств зловещих рой —
И шевельнулись первые сомненья...

И ты явилась мне — спокойна, но бледна;
Две капли слез в очах задумчивых застыли;
Какой-то кроткий блеск, святая тишина
По всем твоим чертам разлиты были...

И, голову свою склонив к моей груди,
Ты говорила мне с любовью, утешая:
«Чтоб светел был твой путь, ты веруй и люби,
Других любви и вере поучая...»

И жадно я душой ловил слова твои...
И новая струна на лире появилась —
И зазвучала песнь о вере и любви,
И сила в ней могучая таилась...

Я звал тебя, когда в рядах святых бойцов,
За правду и любовь подняв святое знамя,
Я стал изнемогать под натиском врагов, —
Когда кругом губительное пламя,

Клокоча и шипя, сжигало всё, что мне
О правде, о любви, о счастье говорило, —
И ты явилась мне, святая, вся в огне...
Невинное чело обвито было

Венком из терний. . . Кровь струилась по щекам. . .
Но искрилась в очах таинственная сила. . .
И, долгий, скорбный взор поднявши к небесам,
Ты с грустью затаенной говорила:

«Ты видишь эту кровь? . . О, будь же, как и я,
Неустрашим, будь чужд холодному сомнению
И, веруя, любя, страдая и терпя,
Учи других страданью и терпению! . .»

И в хоре вещей струн еще одной струны
Раздался звук — глухой, протяжный и печальный,
Как темной ночью плеск объятай сном волны,
Как стон последний в песне погребальной. . .

С тех пор минули дни и годы протекли —
И всё, что в глубине души моей смирялось
Волшебной силою надежды и любви,
Терпением упорным подавлялось, —

Всё поднялось со дна души больной
Угрюмым облаком, грозой закипающей. . .
И я теперь опять зову тебя с тоской,
В отчаяньи молясь и проклиная!

Явись, явись ко мне! . . Не стало больше сил. . .
Неволя и вражда мне сердце истерзали! . .
Я верен был тебе, я искренно любил,
Но на любовь мне смехом отвечали!

Я верил — но кругом так тьма была густа. . .
Всё чистое и всё святое погибало. . .
И из груди змеей холодной на уста
Невольное проклятье выползало! . .

В тоске тяжелой я все струны перебрал
На лире золотой, врученной мне тобою, —
И за струной струна рвалась, и замирал
Последний звук под трепетной рукою. . .

. . . . .

Явись же мне теперь! Со словом ли любви,
В терновом ли венце, мечом ли потрясая...
Явись и научи, каким путем идти...
Явись, явись, великая, святая!..

(1885)

233. ПРОМЕТЕЮ

«И дал мне Господь две скрижали
каменные... А на них все слова,
которые изрек вам Господь на горе
из среды огня...»

Второзак(оние), IX, 10

Я внимаю мучительным столам твоим,
И с глубокой тоскою в груди
Я гляжу на громады скалы роковой,
На тяжелые цепи твои...
О, Зевес был жестокий, безжалостный бог,
Беспощадный во власти своей!..
Но умолкни на миг, жертва мести слепой,
Посмотри на меня, Прометей!
Не украд я у бога святого огня,
Не украд: он мне сам его дал,
И нести его к людям, в мир рабства и тьмы,
И беречь и хранить завещал!
Не украд я у бога святого огня
И не даром его получил:
И слезами своими, и кровью своей
Я за этот огонь заплатил.
И доньше еще я плачу за него
И слезами, и кровью своей,
И не коршун один грудь больную клюет —
Сотни коршунов, тысячи змей
В беззащитное бедное сердце впились,
Рвут кровавые раны мои...
О, что значат, в сравнении с мукой моей,
Все страданья, все муки твои?!.

(1885)

234. ДУМА

Для нас отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам.

Лермонтов

Вы вновь звучите мне, забытые мотивы, —
И дышат сладостной прохладой на меня
Зеленые луга и палевые нивы,
И, в сени мирные приветливо маня,
Кудрявой головой дремучий лес качает
И грезой тихую мне душу обвевает. . .

Молчит моя печаль, утихло в сердце горе,
Все боли улеглись, душа чиста, светла. . .
А песнь растет, растет, как в час прилива — море,
Исполнена надежд, и света, и тепла. . .
И слышатся мне в ней, полны любви и ласки,
О счастья былом чарующие сказки. . .

Вот бедный уголок, где песней соловьиной
Катились дни моей исчезнувшей весны. . .
Всё снова предо мной стоит живой картиной,
И — мнится мне — среди глубокой тишины
Седая вечность мне кивает головою,
И тени прошлого беседуют со мною. . .

И говорят они про юность золотую,
Про веру теплую, и грезы, и мечты,
Что волновали ум и душу молодую
Пред светлым образом добра и красоты. . .
Я жадно внемлю им душой своей тревожной,
И радость для меня вновь кажется возможной. . .

И вечно бы хотел я слышать эти сказки,
Забыв, что больше нет уже тех чудных дней,
Когда вокруг меня всё полно было ласки,
И смело называл я родиной своей
Те горы и поля, где — полный юной силы —
Цветами убирал отцовские могилы.

В надежде сладостной, в ликующих порывах
Не внемля голосу души моей больной:

«Не возвратить вовек тебе тех дней счастливых,
Как не поднять кустам, нависшим над рекой,
Росинки, что с ветвей украдкою скатились
И с мутною волной навек соединились. . .»

(1885)

235

Горячих слез бушующее море
Кипит и стонет предо мной,
И бой ведет в нем на просторе
Мое отчаянное горе
С моей больной, измученной душой. . .

Стихает бой и снова закипает. . .
Бойцы ко дну идут — и там
Душа в бессильи замирает,
А горе. . . горе выплывает
И с хохотом несется по волнам.

(1885)

236. СОНЕТ

(Надпись на портрете)

Перед тобою храм с закрытыми дверями.
Суровый ли чернец в безмолвной полумгле
Неволью задремал и бледными лучами
Играет блеск лампад на мертвенном челе?

Весталка ль юная, отдавшись буйной власти
Проснувшейся души, стоит перед огнем?
Полна отчаянья, полна безумной страсти,
Молитву ли творит в безмолвии ночном,

Иль шепчет злобные проклятья и укоры?
Кто скажет это нам? Железные затворы
Молчат, безмолвен храм, ответа не дает. . .

Так не ищи ж в чертах, без жизни, без движенья,
Ни смысла тайных дум, ни скрытого значенья
Того, что в глубине души моей живет.

(1885)

Я вновь пришел к тебе, родная сторона;
 Пришел измученный, с поникшей головою,
 Но радостью немой душа моя полна,
 Той тихой радостью, той светлой тишиною,
 Что веют в полумгле румяных вечеров
 С обрывов и низин днепровских берегов,
 Где в светлой глубине души моей впервые
 Два звука родились, согласные, родные,
     Как два подземные ключа, —
 И песня первая, свежа и горяча,
 Заглась в моих устах, вскипела под перстами
 И брызнула со струн звенящими струями. . .

О родина моя, недаром же душой
 Стремился я к тебе. . . Я помню вечер ясный,
 Когда лишь в первый раз прощался я с тобой, —
 Безбрежной пеленой, цветущей и прекрасной,
 Лежали вокруг меня родимые поля;
 Широкого Днепра зеркальная струя,
 Озарена вдали румяною зарею,
 Звенела под горой, и сетью световую
     Ложился отблеск золотой
 От легкой зыби вод на скат береговой;
 Сирень цвела; роса вечерняя сверкала, —
 Всё миром, тишиной и негою дышало. . .

То был ли шепот волн, то греза ли была?
 Я помню — всё во мне мгновенно встрепенулось,
 И звуки, стройные, как мерный шум крыла
 Орлицы молодой, — души моей коснулись. . .

Родимый уголок мне тихо говорил:
 «Прощай, дитя мое! . . Я много, много сил
 Вскормил в твоей груди. . . Иди без сожаленья,
 Куда влекут тебя заветные стремленья, —
     Бойцом свободы и добра;
 Живи, борись, люби! . . Когда ж придет пора
 И ты, измученный тяжелою борьбою,
 Поникнешь бедною, усталой головою, —
 Тогда вернись ко мне. . .» О родина моя,
 Прими меня, прими дитя свое большое!

Ты много сил дала, — по капле, как змея,
Их высосала скорбь и горе роковое.
Я за себя страдал, боролся за себя —
И устоял в борьбе, страдая и любя,
Но горе, новое, неведомое горе,
Безбрежное, как мир, бездонное, как море,
Из тысяч стонущих грудей
Проникло в грудь мою; в большой душе моей
Безумный, страшный крик отчаянья раздался, —
И заглушить его напрасно я старался. . .

Но я вернулся к вам, родимые поля,
И божья благодать живительной волною
Струится в грудь мою. . . Полна душа моя
Той тихой радостью, той светлой тишиною,
Что веют в сумраке душистых вечеров
Со скатов и низин днепровских берегов. . .
Шумы, шуми же, Днепр, прохладой вод зеркальных
Обвей больную грудь и бурю дум печальных
В уме тоскливом утиши!
Зажгись, заря, во мгле измученной души, —
И пусть я встану вновь, на бой врагов скликая,
Страдая и любя, молясь и проклиная! . .

(1885)

238

Иеремиада. I, 20, 22

Уноси мою душу в ту синюю даль,
Где степь золотая легла на просторе —
Широка, как моя роковая печаль,
Как мое безысходное горе.

Разбужу я бывшие надежды мои,
И теплую веру, и светлые грезы —
И широкой волной по раздольной степи
Разолью я горючие слезы.

И по звонким струнам я ударю звучней,
И хлынут потоком забытые звуки;

Разом выльет душа все созревшие в ней
Бесконечные, тяжкие муки. . .

Уноси мою душу в ту чудную даль,
Где степь золотая лежит на просторе —
Широка, как моя роковая печаль,
Как мое безысходное горе! . .

(1885)

239. В КАПИЩЕ

Торжественней звучит жрецов унылый хор;
Стихает баядер неистовая пляска;
Усталым пламенем горит их дикий взор,
И гаснет на щеках горячечная краска.

Уж каплет медленней душистая смола
Из вазы бронзовой на уголь раскаленный,
И тихо крадется таинственная мгла
По нишам и углам божницы золоченой. . .

А в нишах по стенам сидит недвижный ряд
Гранитных идолов. Их каменные очи
Сквозь сумрак на меня загадочно глядят.
Мне жутко в этой мгле, мне душно, — но нет мочи

Уйти от взора их: какой-то тайный страх
Уста мои сковал. Без мысли и без слова
Гляжу на лица их, померкшие сурово, —
Гляжу, и мнится мне — на мертвых их устах

Улыбка жалости и едкого презренья
Зазыблилась слегка, застыла без движенья,
И шепот медленный, как мерный шум дождя
В безветрии ночном, души моей коснулся:
« . . . Безумный человек, безумное дитя! . . .
От этих стен, как цепь, далёко протянулся

Столений ряд: звено последнее лежит
На паперти того сияющего храма,
Где ярким пламенем иной алтарь горит,
Клубятся облака иного фимиама;

И бог иной царит в могучем храме том, —
Не идол каменный, объятый мертвым сном,
Без власти и без сил, без ласки, без ответа, —
Но вечный и живой, взирающий кругом
С улыбкой благостной участия и привета,
Бог мира и любви, бог истины и света.

Не правда ль, перед ним и жалок, и смешон
Весь этот ветхий мир, весь блеск, и шум, и звон,
И наши алтари, и гимны, и куренья? ..
Но там, у вас, скажи, умолк ли плач и стон?
Рассеян ли кошмар бессилья и сомненья?

О, да! Кому ж грустить, кому же плакать там,
Где всё, что истинно, правдиво и прекрасно,
Так близко разуму, так дорого сердцам,
А взорам так светло, отчетливо и ясно?

О, там — не правда ли? — и радости светлей,
И нет там ни тоски, ни гнева, ни печали?
Скажи, — ведь люди там давно уже познали,
Чем сделать жизнь свою и шире, и полней?

Какие ж там должны поля цвести! Какие
Долины зеленеть, сады благоухать
И песни звонкие, свободные, живые
В тех рощах и полях рождаться и звучать!

Скажи... Но что с тобой? Зачем в тоске бесплодной
Ты голову склонил, вздыхая и грустя?
Ты стонешь... Где? Пред кем? Ты, гордый и свободный,
Ты слезы льешь... На что? На камень наш холодный? ..
О, бедный человек! О, бедное дитя! ..»

Между 1884 и 1887

240. В УКРАИНЕ

В степи привольной без дороги
Брожу один порой ночной.
Вдали днепровские пороги,
Полны неведомой тревоги,
Грохочут громкою волной.

Унылый явор чутко дремлет;
Курганов сумрачную цепь
Глубокий, мирный сон объемлет,
И шуму волн днепровских внемлет
Кругом темнеющая степь.

Но чу! над старую могилу
Мелькнула искра в мгле ночной...
В кустах пронесся шум унылый...
Певца Украйны образ милый
Проходит тихо предо мной:

Глубокий, скорбный взор, мерца,
Скользит задумчиво по мне;
Струна бандуры, замирая,
Как на заре струя речная,
Дрожит и стонет в тишине.

Звенит струна, дрожит, рыдает,
И звонкий, острый, жгучий стих
Из волн созвучий выплывает
И знойным блеском наполняет
Холодный сумрак дум моих.

Звучит бандура... В мраке тонет
Курганов сумрачная цепь;
К могилам вербы ветки клонят,
И — мнится — тихо, тихо стонет
Кругом темнеющая степь...

Между 1884 и 1887

241. ВЕСТНИКИ ВЕСНЫ

Посмотри, в лазури ясной,
Шумной радости полны,
Снова стаяй суетливой
Реют вестники весны.

Суетливой стаяй вьются,
И щебечут, и шумят.
Снег последний быстро тает,
Громы первые гремят.

Чьи-то звуки, чьи-то песни
Льются с радужных высот.
Чей-то голос, нежный, милый,
В даль звенящую зовет. . .

Слушай, слушай! . . Эти звуки
С нив, долин, лесов и гор. . .
Ах, уйти, уйти бы в поле,
В степь, на волю, на простор!

Сны последние развеять,
Цепь последнюю порвать. . .
Крикнуть, свистнуть, грянуть песней,
Засмеяться. . . зарыдать! . .

Между 1884 и 1887

242. FATA MORGANA

Не там, где небеса палящим пышат зноем,
Исполнены немой, безжизненной тоски;
Где красной пеленой, объятые покоем,
Безбрежно стелются горячие пески;
Не там, где караван, томимый жаждой жгучей,
Уныло тянется по россыпи горячей,
И смуглый сын степей, угрюмый бедуин,
Пытливый, чуткий слух напрасно напрягает
И, каждый звук лоя, с тоскою озирает
Безжизненную ширь сверкающих равнин, —
Не там, но в тихий час под бледною зарею,
В прохладной, сочной мгле пестреющих долин,
Под небом севера, мне грезится порою
Воздушный сонм теней и призрачных картин. . .

Прощайте все, с кем пил я чашу круговую
За славу шумную, венки и алтари:
От грез моих былых иду я в даль немую,
Иных ищу цветов, я жду иной зари. . .
Иная грезится мне Слава — там, за далью
Неведомых равнин. . . Не пламенем и сталью,
Не силой куплена, жестокой и слепой;

В скрижалях мудреца, в созвучиях поэта
Великой вестницей добра, свободы, света
Является она пред чуткою толпой.
Венок ее сплетен не из цветов могильных,
Не над обломками возносится она,
Есть слуги у нее, но нет рабов бессильных,
Молитва есть без слез, веселье без вина. . .
Не шумен пир ее, но вольная дорога
Ведет к ее столу. Не спрашивают там:
Где родина твоя? В какого веришь бога?
Кому служил твой меч, курился финиам? . . .
Придите все, кто жил, со злом и тьмою споря,
Кто, к истине стремя все помыслы свои,
Хоть каплю счастья влил в поток людского горя,
Хоть малое свершил для правды и любви! . .

Между 1884 и 1887

Далекie предки Ольги Николаевны Чюминой происходили от татарского князя Джюмы. Ее дед служил в гвардии, в аристократических полках — Кексгольмском и Семеновском. С 1823 года блестяще начатая карьера прерывается и дальнейшая служба проходит в отдаленных гарнизонах.¹ Здесь, на юге, сочинял он между прочим стихи (вместе с военной профессией он передал эту склонность и сыну).

Чюмина родилась в Новгороде 26 декабря 1858 года.² Детство и отрочество прошли в Финляндии, где был расквартирован полк, в котором служил ее отец. На родину семья вернулась в 1876 году.

Непременная участница любительских спектаклей и концертов, Чюмина готовилась к поступлению в консерваторию и не придавала значения стихам, которые начала писать сравнительно поздно, неожиданно для самой себя. Тайно от автора одно стихотворение было послано в 1882 году в газету «Свет», издававшуюся полковником В. В. Комаровым.

Прошло немного времени, и произведения новгородской поэтессы стали появляться в известных петербургских газетах и журналах —

---

¹ В автобиографии, написанной около 1905 года, Чюмина говорит об участии своего деда в декабристском восстании и его ссылке на Кавказ (ПД).

² Дата приводится по справке Новгородской духовной консистории (ПД). В стихотворной автобиографии, опубликованной в книге «А. С. Суворину на память от сотрудников 18 февраля 1886 года» (СПб., 1886, с. 329), Чюмина указывает иную дату: «Я шестьдесят второго года. . .» В более поздних автобиографиях датой своего рождения она называла 1864 год.

в «Новом времени», «Наблюдателе», «Вестнике Европы», «Северном вестнике» и других. Завязывались литературные знакомства — А. Н. Плещеев, Я. П. Полоцкий, В. М. Гаршин.

В 1886 году Чюмина вышла замуж за офицера Г. П. Михайлова. Внешне ее жизнь мало переменилась. Семья была бездетной, весь быт подчинен литературным занятиям хозяйки дома. Единственной, но важной переменной был переезд в Петербург.

Чюмина сочетала в своем творчестве художественный академизм и политическую отзывчивость. И в том, и в другом она завоевала себе признание современников. Ее капитальные переводы из Данте, Мильтона, Теннисона были отмечены почетными отзывами и премиями Академии наук, а сатирические стихотворения вошли в революционный репертуар.

С дружеской симпатией относился к Чюминой Чехов. Хорошо знали ее и в театральных кругах. «Самым верным другом и заступницей Московского художественного театра» называл ее К. С. Станиславский.¹ Ее театральные фельетоны составили внушительный том («В ожидании. Фельетоны в стихах», СПб., 1905).

В капун первой русской революции вышли «Новые стихотворения. 1898—1904» (СПб., 1905).² Вслед за ними, в 1905—1906 годах, появились два сборника революционной сатиры, сделавшие Чюмину «одной из самых заметных фигур сатирической журналистики». ³ Одно из стихотворений, недвусмысленно направленное против особы царствующего дома, едва не привело к аресту автора.

После поражения революции Чюмина по-прежнему регулярно выступала с политическими фельетонами, вела лирический дневник, переводила стихи, пьесы, романы.

Сборник «Осенние вихри» (1908) неожиданно оказался последним. После мучительной болезни Чюмина скончалась 24 марта 1909 года.

---

¹ ПД. См. об этом также в кн.: К. С. Станиславский. Летопись жизни и творчества, т. 2, М., 1972, по указателю.

² Первая книга (СПб., 1889) успеха не имела, вторая (СПб., 1897) вышла двумя изданиями и была удостоена Академической премии.

³ Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907), «Б-ка поэта» (Б. с.), 1969, с. 663.

Окончился обряд блестящих похорон.
 Осыпан розами, оплакан, погребен
 Согласно правилам строжайшим этикета!
 И вот последняя отъехала карета.
 Как пели певчие! Какая масса роз!
 И речь надгробную как чудно произнес
 Отец архимандрит! В плерезах и вуали
 Из крепа — символы наглядные печали, —
 Какой изящною казалась вдова.
 В момент прощания с ней обморок едва
 Не сделался. . . Когда в сопровожденьи брата
 И стройного, в рiпсе-пез,¹ с бородкой дипломата
 Она с платком у глаз ко гробу подошла —
 Шепнули многие: «Ах, как она мила
 В глубоком трауре! А жизнь ее была
 Нелегкою. . . да, да!» — и тут передавали
 Друг другу шепотом подробности о том,
 Что их покойный друг, к несчастью, едва ли
 Способен был служить супруга образцом:
 «Тут женщина одна. . . Он с нею был знаком
 Лет шесть. . . Бухгалтерша иль что-то в этом
 роде,
 Из нынешних. . . И он мечтал уж о разводе,
 Хотел ей имя дать». — «Возможно ли? Ноггеур!²
 Несчастливая Aline. Ведь ей грозил позор!»
 Но всё окончилось, и масса приглашенных
 «Особ» и важных дам, обрядом утомленных,
 Разъехались. Ушли рабочие домой,
 Поставив крест; и холм, усыпанный цветами,
 Пригретый яркими весенними лучами,
 С крестом, сияющим на солнце белизной,
 Остался одинок. Но вот в конце аллеи
 Мелькнула женщина. Минуя мавзолеи
 И скромные кресты, приблизилась она,
 С заплаканным лицом, измучена, бледна.

¹ Пенсне (франц.) — *Ред.*

² Ужас! (Франц.) — *Ред.*

И, озираясь тревожно, боязливо,
Как робкий, загнанный собаками зверек, —
Она из-под плаща украдкой венки
Рукой дрожащею достала торопливо
И, положив его к подножию креста
Среди венков других, беззвучно зарыдала
И, зашатавшись, лицом на дерн упала.
Она не плакала, но бледные уста
Дрожали от глухих, подавленных рыданий.
Ей выплакать пришлось за эти дни страданий
Все слезы, и теперь, увы, их больше нет!
Что было с ней, когда впервые из газет
Пришлось ей узнать о моментальной смерти
Того, кто для нее дороже жизни был!
Не может быть! На днях он был еще в концерте
С знакомою семьей, потом он заходил
К ней утром. Радуюсь заранее свободе
Своей, он говорил, что просьба о разводе
Им заготовлена, и — вдруг. . . Не может быть!
К нему, скорей к нему! Увидеть, расспросить. . .
У памятного ей массивного подъезда
В ней сердце дрогнуло на миг при виде съезда
Громадного карета. Кружилась голова. . .
Как будто бы сквозь сон ей слышались слова:
«Скончался в эту ночь!» По лестнице, бледнее,
Спешит она, и вот пред ней лицо лакея:
«Не велено пускать!» А там, за дверью той,
Пред ней безжалостно, нахально запертой, —
Ей слышался напев печальный панихиды,
И слезы жгучие страданья и обиды,
Позора — хлынули потоками из глаз.
Как ей хотелось навек, в последний раз
Проститься с тем, кого безумно полюбила
Она и для кого оставила семью,
Отдав ему любовь, и честь, и жизнь свою!
Взглянуть в лицо его! И в этом даже было
Отказано. Туда идут толпы людей,
Чужих ему, и ей, одной лишь только ей
Нет места близ него, нет места между ними!
И вновь сегодня, в день печальный похорон,
С вуалью на лице, скрываясь меж колонн

На паперти, она, под взорами косыми
Лакеев и зевак, с тоской ждала конца.
Ей места не было у гроба мертвеца:
Семья покойного боялася «скандала»
И «меры» приняла. . . О, как она страдала!
Но всё окончилось. Теперь она одна
Осталась с ним. . . Кругом — немая тишина,
Никто не явится, от гроба дорогого
Никто не оторвет, никто не запретит
Ей плакать! От нее ведь отняли живого,
Но мертвый — он лишь ей одной принадлежит.

2

Она слегла. Когда ж, оправясь, через силу,
Худая, слабая, пришла она могилу
Проведать — то ее едва могла она
Узнать. . . Решеткою резной обнесена,
Затворенной на ключ, вся мрамором обшита,
Искусственных цветов гирляндами обвита —
Она являлась ей холодной, чужой. . .
А как хотелось ей больною головой
Припасть на свежий дерн с рыданием, как прежде!
Всё отняли у ней, не сбыться и надежде
Последней. Боже мой! Умерший иль живой —
Он им принадлежит, не ей, стыдом покрытой,
Бесправной в их глазах. . . О, жгучая тоска!
Она от мертвого так страшно далека,
Как этот — весь в грязи, поломанный, разбитый,
С могилы сброшенный в траву, у самых ног —
Когда-то ей самой возложенный венок!

Июнь 1887

244. МОЛИТВА

Тучи темные нависли
Низко над землей,
Сон оковывает мысли
Непроглядной мглой. . .

Воли нет, слабеют силы,
Тишина вокруг. . .
И спокойствие могилы
Охватило вдруг.

Замирают в сердце муки. . .
На борьбу опять
Опустившиеся руки
Нету сил поднять.

Голова в изнеможеньи
Клонится на грудь. . .
Боже мой! Услышь моление,
О, не дай заснуть.

Этот сон души мертвящий
Бурей разгони
И зажги во тьме царящей
Прежние огни.

Февраль 1888

245

And never say fail. . .

*Longfellow*¹

Пусть, в битве житейской
Стоя одиноко,
Толпой фарисейской
Тесним ты жестоко;
Пусть слово свободы
Толкуют превратно;
Пусть лучшие годы
Ушли невозвратно, —
В стремлении к свету,
Встречаясь с преградой,
Будь верен обету
И духом не падай!

---

¹ Никогда не говори, что всё потеряно. . . *Лонгфелло* (англ.) —
Ред.

Пусть миром забыты
Святые уроки,
Каменьем побиты
Вожди и пророки;
Пусть злоба невежды
Восстанет стеною;
Пусть гаснут надежды
Одна за одною, —
Всю жизнь не мирясь
С позорной пощадой,
Погибни, борясь,
Но духом не падай!

Вой злобы трусливой,
Намек недостойный —
Встречай молчаливо,
С улыбкой спокойной.
Для славного дела
Отдавший все силы —
Бесстрашно и смело
Иди до могилы.
И, к вечному свету
Стремясь с отрадой,
Будь верен обету
И духом не падай!

Май 1888

246. У БОЛОТА

П. А. Козлову

У пруда с зеленой тиной,
Над которым молчаливо
Наклонилась вершиной
Зеленеющая нива;

На ковре из мха пушистом,
Где кувшинчиков немало,
Под весенним небом чистым
Птичка мертвая лежала.

А кругом, тесня друг друга,
Уж слетались пичужки,
И в болоте, с перепуга,
Громко квакали лягушки.

«Как? Убилась? Добровольно?
Вот так случай! И с чего бы?» —
Возмущались невольню
Царства птичьего особы.

«Ведь народ-то нынче спятил!
Где приличия законы?» —
Возгласил суровый дятел.
«Верно!» — каркнули вороны.

«Случай просто небывалый
(Дайте мне понюхать соли. . .),
И другие ведь, пожалуй,
Пожелают также воли;

И другим, пожалуй, скоро
Лес покажется наш тесен —
Не найдут они простора
Для своих безумных песен. . .

С жаждой солнечного света,
С жаждой «нового» чего-то
Улетят они, как эта,
От родимого болота!»

«Что им в солнце, не пойму я? —
Молвил сыч, сердито хмурясь. —
В темноте всегда живу я
И от солнца только жмурюсь».

«Бесполезно это пенье! —
Крик слышался насадки. —
Лишь в курятнике спасенье,
И всего нужнее — детки. . .»

«Жизнь дана для наслажденья!» —
Молвил чиж, с цветком в петличке,

Поощренный, без сомненья,
Взором ласковым синички.

«Ах, что слышу я? — крикливо
Тут вмешалась сорока,
Не сдержав нетерпеливо
Слов язвительных потока. —

Глупость — эти дарованья,
И поэзия, и чувство. . .
В мире есть одно призванье —
Акушерское искусство!

Нет почетнее занятия,
И прекраснее, и выше, —
И об этом прокричать я
Хоть сейчас готова с крыши! . . .»

Так, собравшись толпою
Под весенним небом чистым,
Птицы, споря меж собою,
Оглашали воздух свистом. . .

А под сенью ив зеленых
Птичка мертвая лежала —
И суждений просвещенных,
К сожаленью, не слыхала. . .

Июнь 1888

247

Чрез реки быстроводные, чрез синие моря,
Чрез пустоши бесплодные, надеждою горя,
Давно стремятся витязи, презрев ночную тьму,
К далекой правде-истине в высоком терему.

Трудна туда дороженька: дремучие леса,
Туманов белых саваны, ночные голоса. . .
А в ноченьки ненастные — не свет лучистых звезд,
Но свет огней блуждающих мерцает им окрест.

Идут всё дальше витязи, но так же лес дремуч,
По-прежнему опасностью грозят им скаты круч,
Ночная тьма кромешная сгущается, и глядь —
Редее, рассыпается отважная их рать.

Одних пугает в сумраке зловещій крик совы,
Другие, поскользнувшись, не сносят головы,
А третьи, обессилены, вернулись с полпути, —
Немногим лишь назначено до терема дойти. . .

6 июля 1888

248

Неясные думы томят,
Неясные грезы всплывают
И вылиться в звуки хотят,
И звуки в душе замирают. . .

Мелькают в мозгу чередой
Обрывки каких-то видений,
Туманных, как пар над водой,
И грустных, как сумерек тени.

Чего-то далекого жаль,
К чему-то я рвуся тоскливо,
И — глубже на сердце печаль,
Яснее — бесплодность порыва.

И хочется страстно понять,
Что было досель непонятно,
Вернуть захотелось опять
Всё то, что ушло невозвратно!

1888

249

Говорят, что порой, совлекая бесстрашно покровы
С наших язв, мы толпе эти язвы на суд отдаем,
И, в доверье слепом, даже с теми, кто сердцем суровы,
Мы печалью своей поделиться беспечно готовы
И своим торжеством.

Нас корят и за то, что, как зыбь на волнах, прихотливы
Ощущения в нас и могуч их неожиданный наплыв,
И всё новых путей жаждет разум тревожно-пытливый,
И сменяются в нас и надежд, и сомнений порыв,
Как прилив и отлив.

Но, делясь с толпой этой тайной души сокровенной,
Изменяет себе, изменяет ли тайне поэт,
Если песня его, если песня любви вдохновенной
Пробудит в ком-нибудь прежний трепет восторга
священный,
Как отчизны привет?

В мире есть кто-нибудь, незнакомый, далекий,
безвестный,
У кого эта песнь ожидаемый отклик найдет
И, быть может, ему снова с силою вспомнит чудесной
Прежний светоч, манивший из кельи убогой и тесной
На простор и на волю — вперед.

Запретят ли ручьям разливаться в лугах на просторе?
Кто погасит во мгле лучезарных созвездий огни?
Кто вернет в берега потрясенное бурею море?
Так и в сердце певца зародятся ли радость иль горе —
Изливаются песнью они!

1893

250. БЕССОННОЙ НОЧЬЮ

Посвящается Зое Юл(иановне) Яковлевой

Всё в доме затихло, лишь ночь голубая
Глядит безучастно в окно,
И сердце гнетет тишина гробовая,
И, мнится, всё ею полно.

Лишь месяца отблеск из ниши оконной
Ложится пятном на полу,
И маятник старый стучит монотонно,
И мыши скребутся в углу.

Исчезли волшебного мира виденья,
Перо выпадает из рук,
И после короткой минуты забвенья
Томит безнадежный недуг.

Мучительней жаждет душа перемены
И к свету стремится из тьмы,
И мнится, что давят меня эти стены,
Как своды тюрьмы.

Лицо разгорается ярко краской,
Горит голова, как в огне,
И в эти минуты несбыточной сказкой
Былое является мне.

Возможно ль, что жизнь существует иная,
С тревогой, страстями, борьбой? . .
И сердце гнетет тишина гробовая
Еще безнадежней собой.

Свеча догорела — лишь месяц уныло
Сиянье дрожащее льет,
И сердце то бьется с удвоенной силой,
То сразу замрет. . .

(1895)

251. НА СТРАЖЕ

Сказать «прости» всем обольщеньям жизни,
Где злобствуем и боремся, и лжем,
Найти приют в неведомой отчизне
За рубежом?

Но души есть, где истина — всё та же,
Где тот же свет божественной любви, —
И если вы, стоящие на страже,
Погасите светильники свои,

И если вы бежите с поля брани, —
Кто в сумерках, сгустившихся кругом,
Укажет нам неведомые грани,
    Различие меж добром и злом?

Кто воскресит забытые восторги,
Возвышенно-прекрасные мечты
И от толпы, бушующей на торге,
Нас приведет к святыне красоты?

Пусть небеса удушливы и мрачны;
Чем гуще тьма — тем путнику нужней
Сияющий во тьме огонь маячный,
Отрадный свет сторожевых огней!

(1896)

252

Когда посеяно зерно
Добра и правды, и свободы —
Придет пора, и даст оно
    Благие всходы.

Когда от дольней суеты
Стремится дух в обитель света —
Влечет к святыне красоты
    Мечту поэта.

Когда сильней порывы бурь,
Когда кругом бушует выюга —
Нам грезятся небес лазурь
    И зелень луга.

Когда упасть готовы мы,
Как срезанный на ниве колос, —
Нам часто слышится из тьмы
    Призывный голос.

И вновь — герои, не рабы —
Мы поднимаемся из праха
Для жизни новой, для борьбы,
    Не зная страха.

Пусть говорят: пророков нет
И к пониманью сердце глухо, —
Над миром злобы и сует
    Есть царство духа.

Есть царство света и добра;
Над ложью, призрачной и бледной,
Оно блеснет — придет пора —
    Зарей победной!

Ноябрь 1896

253. ВОДОВОРОТ

Кругом шумит людской поток;
    В водовороте волн
С собой победно он увлек
    И закружил мой челн.

И слышу я: безумный гул
    Несется мне вослед,
Веселья бешеный разгул,
    Клик злобы и побед.

И вижу пестрый я базар
    Житейской суеты,
И в торжестве постыдных чар —
    Крушение мечты.

Кругом шумит водоворот,
    И опьяняет он,
Я слышу плеск и ропот волн
    Как будто бы сквозь сон. . .

И, весла выпустив свои,
    Всё дальше я плыву,
Не сознавая в забвении —
    Во сне иль наяву?

Меня течение несет
Куда? К какой стране?
И я без сил плыву вперед,
Отдавшись волне. . .

Между 1892 и 1897

254. ИСКРА

Ордою варваров разрушен,
Священный храм в обломках пал.
Кто — беззаботно-равнодушен,
А кто — трусливо-малодушен
На разрушение взирал.
Напрасно жрец богини света
Молил, рыдая пред толпой,
Он не нашел себе ответа
В толпе бездушной и слепой.
Шептали все: «Вещал оракул,
Решила Пифия сама —
Угаснуть должен этот факел,
И воцарится в мире тьма».
Но высоко над головою
Светильник поднял он, как стяг;
Вперед он кинулся, во мрак,
И целой тучей огневою
Несли искры вслед за ним.
Удар настиг, неумолим,
Но те, в чью душу искру света
Успел он бросить на лету,
Постигли дивную мечту.
В них искра пламенная эта
Горит, как светоч, как маяк, —
И в мертвой жизненной пустыне,
Им указуя путь к святыне,
Она победно гонит мрак!

1899

Как голоса иного мира,
 Порой звучат в душе забытые слова;
 Пусть жертвенник угас и в храме нет кумира,
 Но чудится во тьме нам близость божества.

И кажется: вот-вот, внимая славословью,
 Поднимем с верою мы очи на жреца,
 И прежним трепетом и прежнею любовью
 Мгновенно вспыхнут в нас остывшие сердца.

1899

Кто-то мне сказал
 (О дитя, мне страшно!),
 Кто-то мне сказал:
 Час его настал.

Лампу я зажгла
 (О дитя, мне страшно!),
 Лампу я зажгла,
 Близко подошла.

В первых же дверях
 (О дитя, мне страшно!),
 В первых же дверях
 Пламень задрожал.

У вторых дверей
 (О дитя, мне страшно!),
 У вторых дверей
 Пламень зашептал.

У дверей последних
 (О дитя, мне страшно!),
 Вспыхнув только раз,
 Огонек угас.

Между 1898 и 1900

1

За окнами — снежно и бурно,
 Гляжу я на угли в золе,
 Старинная тема ноктюрна
 И льется, и тает во мгле.

Жемчужные легкие трели
 Поют о седой старине,
 В камине дрова догорели,
 Темнеет портрет на стене.

Гляжу я задумчивым взором
 В морозную снежную даль,
 В душе неразрывным узором
 Слились и мечта, и печаль. . .

2

Таинственный час откровений,
 Колеблется дивный покров,
 Скрывающий тайну видений
 Иных, недоступных миров.

Вот-вот — и откроются складки,
 И слово раздается в тиши,
 Я в тайну великой загадки
 Проникну очами души.

Но нет заповедного слова,
 И тают виденья, как дым;
 В преддверии храма святого
 Мы все безнадежно стоим.

{1901}

Свободное слово, бессмертное слово,
 Ты — пламенный светоч во мраке былого,
 Ты гибло в темницах, среди рудников,
 Томилось в неволе под гнетом оков;

Судили тебя, обрекали изгнанию,
 Топтали ногами, предав поруганию,
 Тебя сожигали рукой палача,
 Но ты не смолкало, победно звуча.

Свободное слово, великое слово,
 В плену у насилья, у коршуна злого,
 К скале пригвожденный титан Прометей,
 Ты рвешься на волю из цепких когтей.

Но годы промчатся — ты смело воспрянешь,
 И, сильное правдой, любовью, добром,
 С зарею над миром победно ты грянешь,
 Как божий ликующий гром.

(1904)

260. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Музыка г(енерал)-м(айора) Трепова)

Спи, младенец, год за годом,
 Баюшки-баю;
 Четырем твоим свободам
 Я отходную спою.
 Я писать указы стану
 Твердою рукой,
 Дам покой тебе, смутьяну:
 «Со святыми упокой!»

Если мало эскадронов,
 Слабо хлещет плеть —
 Для тебя я и патронов
 Не хочу жалеть.
 Приложу к тому все силы,
 Чтоб создать покой:

Нет покойнее могилы,
«Со святыми упокой!»

Я из дядек буду старшим —
Вот тебе мой сказ,
И наклею над монаршим
Треповский указ:
Там — свобода «арестантам»,
Здесь — свободным крест,
Разъясню манифестантам
Царский манифест.

Хороните павших с миром,
Говорите речь, —
Ей в ответ, сливаясь с клиром,
Прогремит картечь.
Брызнет кровь, по ленте красной
Потечет рекой. . .
Спи, младенец мой прекрасный,
«Со святыми упокой!»

Я — порядка оборона,
Всюду озарю
Светом факелов Нерона
Конституции зарю.
Спи, дитя, под сводом склепов,
Нас не беспокой;
Пропоеет свободе Трепов:
«Со святыми упокой!»

(1905)

261—263. П Р О Б У Ж Д Е Н И Е В Е С И Ы

1

Тревожны вешние закаты!
Горит румянцем талый снег,
Горят сердца у нас, объята
Воспоминаньем вешних нег.

Из дивных градов затонувших
Несется звон колоколов,
Так отголоском дней минувших
Звучит напев знакомых слов.

Они волнуют, вызывают
Из душных комнат на крыльцо
И легким ветром обвевают
Разгоряченное лицо.

В них слышится напоминанье
О светлых мыслях и делах,
Как в поэтическом сказанье
О слышанных в ночном молчанье
На дне морском колоколах!

2

Как лепестки акаций белые
Весной от ветра облетают,
Снежинки легкие, несмелые
Кружатся в воздухе и тают.

Исходит трепет пробуждения
И веет влагой от проталин,
Звон капель в мерном их падении —
И переливчат, и хрустален.

И те же звоны переливные
В прозрачном воздухе роятся,
Ручьи весенние, призывные
С победной песнею струятся!

С последними лучами алыми
Земля седую сбросит дрему,
И твердь лучами вспыхнет алыми
Навстречу солнцу золотому!

Прилетели сюда из цветущей земли,
Высоко в небесах пронесли журавли.

Прилетел ветерок из свободной земли,
Всколыхнул паруса, понесли корабли.

Он снега растопил, и по лику земли,
Словно теплые слезы, ручьи потекли.

И звенят ручейки о лучах, о тепле
И о том, как светла станет жизнь на земле,

Как ворвется в окно вольный ветер степей
И растопит, как снег, он железо цепей,

И навстречу ему встрепенутся сердца,
И цветы расцветут на могиле борца.

(1907)

264. В ТУМАНЕ

Густой туман, как саван желтоватый,
Над городом повис — ни ночь, ни день!
Свет фонарей — дрожащий, красноватый —
Могильную напоминает сень.

В тумане влажном сдавленно и глухо
Звучат шаги и голоса людей,
И позади тревожно ловит ухо
Горячее дыханье лошадей.

Под инеем — ряд призраков туманных —
Стоят деревья белые в саду;
Меж призраков таких же безымянных
В толпе людей я как во сне иду.

И хочется, как тяжкий сон кошмарный,
Тумана влажный саван отряхнуть,
Чтоб сумерки сменил день лучезарный
И ясно вновь могли мы видеть путь.

(1907)

265. БУРНЮЮ НОЧЬЮ

В осенние ночи, зловещие ночи
Под жалобы ветра и звуки пальбы
Подолгу порой не смыкаются очи
И пламенно рвутся из сердца мольбы.

За всех изнемогших под крестною ношей,
За узников бледных в высоких стенах,
За всех, чьи пути засыпает порошей,
За всех, погибающих в бурных волнах!

Темны и бурливы холодные волны,
Весло выпадает из рук у гребцов,
А скалы, как стражи немые, безмолвны,
Свидетели муки предсмертной борцов.

И вслед за тяжелыми, темными снами,
    За ночью осеннею вслед —
Безрадостно солнце взойдет над волнами,
    Оставив пурпуровый след.

(1907)

266. ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Русский человек всю жизнь не
может обойтись без полиции.

(Из думской речи Курлова)

Полиция в двадцатый век
    У нас — первой всего.
На свет рождается человек —
    Она прежде него.
Вступает в школу он иль в брак,
    Затеет торжество —
Но с нею связан каждый шаг,
    Она — первой всего.
Захочет книгу он прочесть —
    Она прежде него.
В темницу он не хочет сесть —
    Она ведет его.

Но, ох, всего не перечеть,
Не перечеть всего!
И вот к концу подходит век,
И смерти торжество
Не может справить человек
Без спутника сего.
Пусть он умрет — она всегда
Переживет его,
Она бессмертна, господа,
Бессмертнее всего!

(1909)

267. НОЧНАЯ СТРАЖА

1850

Из А. Ч. Суинберна, пер(евод) с английского

«Товарищ, что скажешь о ночи? . . .
— «Блеск молнии, буря и мрак. . .
Огнями не вспыхнул маяк,
Но ярк во мгле этой ночи
Лишь отблеск потешных огней,
И светом залиты чертоги
Тех хищников знатных, чьи ноги
Безжалостно топчут людей».

«Пророк, что ты скажешь о ночи?»
— «Изгнанник свободный, стою
У бездны морской на краю. . .
И видели вещие очи
Угрозу для гордых голов —
Губительных молний блистанье,
Я слышал громов грохотанье
Над прахом погибших борцов».

«Что скажете, братья, о ночи?»
— «Мы плачем всю ночь напролет,
Готовы мы выплакать очи. . .
Кто наших детей нам вернет?
О жадные клювы и пасти,
Вернете ли нашим отцам

Вы тех, кто растерзан на части
И брошен добычею вам?»

«Что скажете, жертвы, о ночи?»
— «Терпеть уже не было мочи.
При виде меча и петли
За право мы на смерть пошли.
Но мы не погибли бесплодно,
Раскаянья нет у борца.
Свободе служили свободно
Мы жизнью своей до конца».

«Политик, что скажешь о ночи?»
— «Продлится так долго она,
Насколько мне будет нужна.
А золото радует очи
И ночью, и в утренний час.
Где нужно — клянемся мы смело,
Минует опасность для нас —
Схороним и слово, и дело».

«Изгнанник, что скажешь о ночи?»
— «Мгновенья текут, как вода,
И тяжело в такие года
Нам бодрствовать в сумраке ночи.
Стою среди зыбучих песков,
Но издали слышу в изгнание —
Цветов ароматы с лугов
И вольного ветра дыханье!»

«О пленник, что скажешь о ночи?»
— «Над нами всю ночь напролет
Всё дождик кровавый идет,
И он заливает нам очи.
Не всё ли едино в тюрьме:
Дневное, ночное ли время?
Так будет — доколе во тьме
Цепей не расторгнется бремя».

«Европа, что скажешь о ночи?»
— «Спроси у небес, у морей,

У наций, моих дочерей,
Народов еще не подросших.
Но та уж явилась на свет,
Что правду с неправдой рассудит:
Она, а не я, даст ответ,
И что она скажет — так будет!»

«Свобода, что скажешь о ночи?»
— «Не вижу я больше грозы,
Не вижу кровавой слезы
И грома не слышу с полночи.
Вся даль побелела: стопой
Неслышную солнце восходит,
И ночь с ее черной тоской,
Ночь скорби — навеки уходит!»

1900-е годы

Род Будищевых ведет начало от полковника запорожского войска Будищева, который при Екатерине II жалован был дворянством. Прадед писателя, Иван Матвеевич, первым в России составил мореходную карту Черного моря. Дядя, капитан первого ранга, убит на Малаховом кургане в Севастопольскую кампанию. Другой дядя, географ, одним из первых составил описание Амурской области и реки Амур. К моменту рождения поэта, Алексея Николаевича, род Будищевых захирел. В письме к П. В. Быкову Будищев сообщал: «Я родился в 1866 году 15-го января¹ в Саратовской губернии, Петровского уезда, на хуторе отца моего Николая Федоровича, небогатого землевладельца и земского деятеля. Мать моя, Филиппина Игнатьевна, урожденная Квятковская, — полька. Учился я в Пензенской гимназии, где кончил курс в 1884 году. В этом же году поступил в Московский университет на естественный факультет, а затем перешел на медицинский. Курса в университете не кончил; должен был уйти по болезни (сильное нервное расстройство) с 4-го курса, в 1888 году».²

Болезнь, сопровождавшаяся сильными болями, преследовала поэта в течение всей его жизни. Это был врожденный порок сердца, который послужил причиной его ранней смерти.

Студентом второго курса, в 1886 году, Будищев посылает свои стихи в малозначительный юмористический журнал «Развлечение», редактором которого был известный сатирик Влас Дорошевич. Стихи Будищева, как впоследствии утверждал Дорошевич, были приняты

---

¹ В другой биографической справке, посланной С. А. Венгеру, Будищев называет датой своего рождения 14 января 1867 года (ПД).

² В критике и мемуаристике начала века распространено было мнение, что Будищев покинул институт исключительно ради того, чтобы целиком заняться писательством. Из приведенной собственной биографической заметки видно, что причины были иного свойства.

им вначале за переводы из Гейне. Они поправились Дорошевичу, он напечатал их, и с этого времени судьба Будищева определилась. Поначалу он активно сотрудничает в юмористических журналах «Развлечение», «Будильник», «Осколки», где помещает шуточные стихи, пародии на декадентов, небольшие рассказы. Однако значительного успеха Будищев в этих жанрах не имел. Очевидно, он понял это и вскоре перешел на «серьезную» беллетристику.

Уже в начале 90-х годов, переехав из Москвы в Петербург, он завязывает отношения с такими солидными журналами, как «Весник Европы», «Русское богатство» и др. Писал Будищев много, так же много печатался, но расходились книги плохо, доход был минимальный. Жить приходилось скудно, буквально «на гроши». В обширном литературном наследстве писателя стихи занимают по объему более чем скромное место. Будищев никогда не считал себя поэтом по преимуществу. Главное место в его творчестве принадлежит повествовательной прозе и драматургии: он автор нескольких романов («Пробужденная совесть», «Бунт совести», «Степь грезит» и др.), нескольких сборников рассказов (наиболее известны «Степные волки» и «Черный буйвол»), нескольких пьес (одна из которых, «Живые — мертвые», с успехом шла в Малом театре).

Проблема совести, нравственного возрождения оставалась главной на всем протяжении творческого пути Будищева. На многих его прозаических вещах явно ощущается влияние Достоевского. В стихотворениях же, лишенных заданной этической концепции, писатель более свободен и независим. Может быть, поэтому стихотворения его оказались жизнеспособнее его прозы. Характер поэтических средств роднит поэзию Будищева прежде всего с творчеством Бунина.

К 1912 году, когда отмечался двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности Будищева, им было написано и издано около двухсот печатных листов беллетристики и около ста листов газетных статей. Но, несмотря на такой титанический труд, популярность Будищева была невелика (всероссийскую известность он получил лишь как автор слов романса «Только вечер затеплится синий...»).

Несколько изменил дело юбилей. Писателя приветствовали А. И. Куприн, А. А. Измайлов, Ф. Д. Батюшков и другие деятели литературы, неизменно относившиеся к Будищеву с сочувствием. В газетах появились статьи и приветствия. Интерес к Будищеву на некоторое время повысился. Он издает за два года около десяти книг; некоторые из них разошлись хорошо.

Летом 1911 года Будищев совершил поездку по Волге (от Твери до Царицына), которая благотворно подействовала на его здоровье

и душевное состояние. Он поселился к этому времени в Гатчине, где его постоянным собеседником и спутником во время прогулок стал Куприн.

Начавшаяся мировая война оказалась для Будищева источником тяжелых переживаний. Был призван в армию его единственный сын. Ухудшалось здоровье: участились сердечные приступы, от которых писатель страдал и ранее. Один из них оказался роковым: 22 ноября 1916 года Будищев умер. «Смерть его была легкой: он хорошо себя чувствовал в течение дня и вечера, шутил, разговаривал... Потом сразу подошло что-то грозное, неотвратимое и в коротком вздохе жизнь закончилась», — писал в некрологе Ф. Д. Батюшков.¹

Похоронен Будищев в Петрограде на Волковом кладбище.

Стихотворения его были изданы отдельными сборниками дважды: в 1901 и 1915 годах.

268

Росой горит слеза в моем унылом взоре,
Как ночь без месяца, темна моя печаль,
Но будто день, светла и широка, как море,
Моих надежд загадочная даль.

И если гром небес ударит надо мною
Иль ливень с бурей обрушит неба свод,
Надежды шепчут мне с улыбкой молодой:
«Гроза пройдет, гроза, как сон, пройдет!

И крылья бодрые степной орел расправит,
И гордо полетит в сияющую даль,
Где полдень ласковый, как золото, расплавит
Обрывки туч — небесную печаль!...»

(1890)

269

В тихий сад, где к цветущим сиреням
С вешней лаской прильнул ветерок,
Ты сойдешь по скрипучим ступеням,
На головку накинув платок.

¹ «Речь», 1916, 24 ноября.

Там на белом атласе жасмина,
Как алмазы, сверкает роса,
И на каждом цветке георгина
Опьяненная дремлет оса.

И луна фосфорически блещет,
Грея тучки на бледном огне...
Сколько мук в этом сердце трепещет,
Сколько радостей бьется во мне!..

Скоро в сад, где к цветущим сиреням,
Как влюбленный, прильнул ветерок,
Ты сойдешь по скрипучим ступеням,
Уронив мне на руки платок...

(1890)

270. ВЕСНА

Идет, шумит нарядная,
Зеленая весна.
Лазурная, прохладная
Колышется волна.

Колышется, волнуется,
Играет серебром,
И весело целуется
С зеленым камышом.

И с белых лип и с клевера
Уж пчелы брали мед!
К пустыням мертвым севера
Весна от нас уйдет.

И небеса лазурные
Гремят хвалу весне...
Пусть будут грозы бурные, —
Не страшны грозы мне!

Лазурная, прохладная
Колышется волна;
Как девушка нарядная,
Стоит в саду весна.

А я благоуханную
Встречаю, как жених
Невесту, богом данную
В усладу дней земных! . .

(1891)

271. НА РОДИНЕ

Бледно-синий, сияющий купол небес,
И зеленых полей необъятный простор,
И кудрявой листвой опрокинутый лес
В задремавших водах неглубоких озер,
И с копнами снопов золотистых гумно,
И чета невысоких ракич у плетня. . .
Всё, до травки последней, знакомо давно,
Всё пахнуло приветом родным на меня.
Словно после болезни, усталый от мук,
Возвратился я к матери милой под кров,
Словно в вражеском стане, раскинутом вокруг,
Я любимого друга узнал среди врагов.
И с улыбкой к нему я навстречу бегу,
И спешу по лицу прочесть о былом,
И гляжу, и очей оторвать не могу,
И сказать не умею о счастье моем! . .

(1891)

272

Словно в саване дремлют туманом одетые пашни,
Как на море маяк, в синем небе сияет луна,
Эта тихая ночь лепит тучи в волшебные башни
И о чем-то грустит, и тиха, и робка, и бледна.

Как отравой она жаждой счастья меня опоила
И сулит мне раскрыть все заветные тайны небес,
Эта тихая ночь, как знахарка, меня исцелила,
Эта тихая ночь вся полна, словно сказка, чудес.

Сколько звезд золотых зажигает мне небо господне,
Сколько новых цветов распустилось в зеленом саду,

274. ПОСЛЕ БИТВЫ

Военачальники убиты,
И уничтожен наш отряд. . .
Как очи гневные, горят
Созвездья, тучами повиты,
И ветер стонет; да луна
Глядит, печальна и бледна.

Я тихо выполз из оврага,
Куда врагами сброшен был;
Росою жажду утолил
И, окровавленной шпагой
Смолистых сучьев нарубив,
Зажег костер. Верхушки ив

В овраге темном лепетали;
Без грома молнии сверкали
Вдали над темною горой,
Да где-то звонко кони ржали,
Да сыч кричал. Да волк порой
Протяжно выл во тьме ночной.

И вспомнил я. Мы в кучу сбились,
Спасая знамя от врагов.
Там стон стоял. Ряды бойцов
Травую скошенной ложились,
И умирающий, кто мог
Еще дышать, спускал курок

И холодевшими устами,
Последний испуская стон,
Просил подать еще патрон.
Мы в злобе спорили с зверями
И лишь о том жалели тут,
Что руки резать устают. . .

И долго я в оцепененьи
Сидел с поникшей головой,

Повергнут скорбною душой
В неразрешимые сомненья:
Трус возбуждал во мне презренье
И отвращение — герой! . .

(1893)

275. СТРЕКОЗА И ОДУВАНЧИК

Был май, веселый месяц май, —
Кому же грустно в мае?
Цветов в полях — хоть убавляй,
А лес, а птичьи стаи?

А небо в звездах и луне?
А тучки на закате,
То в перламутровом огне,
То в пурпуре, то в злате?

Итак, был май. Поля цвели,
В аллеях пели пчелки,
На межнике коростели,
А в просе перепелки.

Был старый лес веселый днем,
А ночью тайны полный.
Там пел ручей, обросший мхом,
И лес смотрелся в волны.

Тюльпаны, пьяные от рос,
На берегу шептались,
А одуванчики в стрекоз,
Как юнкера, влюблялись.

И вот один из них сказал:
«Я прост и беден с вида,
Но страстью жаркой запылал
К вам, милая сильфида!

Среди своих подруг стрекоз
Вы прима-балерина!
Вы рождены для светлых грез,
Для ласк и... серпантина!

И даже пьяница тюльпан
Влюблен был в ножки эти,
Когда плясали вы канкан
В лесу, при лунном свете!

А в сердце пламенном моем
Царицей вы живете!
Для вас я сделаю заем
У медуницы-тети,

Потом и свадьбу в добрый час
Отпразднуем мы с вами.
И буду я глядеть на вас
Влюбленными глазами,

Перецелую, как кадет,
У вас я каждый пальчик!...»
А стрекоза ему в ответ:
«Какой вы глупый мальчик!

«Для вас я сделаю заем
У медуницы-тети»,
А много ли — вопрос весь в том —
У тети вы найдете?

Питаться солнцем да росой,
Поверьте, я не стану!
Нет, балерина, милый мой,
Для вас — не по карману!»

Она умолкла. Лес дремал,
Не шевелились травы,
А ветерок в кустах вздыхал:
«Ну, времена! Ну, нравы!»

Настала осень; лес желтел,
Лист падал в позолоте,
Косматый шмель в гостях сидел
У медуницы-тети,

И тетя бедная в слезах
Печально говорила,
Что одуванчика на днях
Она похоронила,

А повенчался с стрекозой
Какой-то жук рогатый,
В параличе, полуживой,
Но знатный и богатый.

Шмель слушал молча. Лес дремал,
Не шевелились травы,
И только ветерок вздыхал:
«Ну, времена! Ну, нравы! . . .»

(1893)

276. ЗАТИШЬЕ

Заснули тихие поля,
Умолкли шумные дубравы,
И слышно, как вздыхают травы,
И слышно, как ползет змея,
Сухими мхами шевеля.

Иди туда, где над рекою
Стоит задумчиво камыш.
Там на воде и под водою
Такая сказочная тишь,
Что поневоле сам молчишь.

Чего-то ждешь, кого-то жалко,
О чем-то гредишь странным сном,

И если вдруг плеснется сом,
Ты мнишь: «Ударила русалка
Своим чешуйчатым хвостом».

(1894)

277

Темнеет; закат в позолоте;
Туман над равниною встал.
Давно уж на топком болоте
Последний кулик замолчал.

Давно уже месяц двурогий
С лазурного поля небес
Взирает на берег отлогий,
На тихое поле и лес.

И, ночи почуяв приметы,
Выходит к селению волк. . .
Последние песни допеты,
И голос последний умолк.

И ночь, притаившись пугливо,
Внимает, смущенья полна,
Как в поле растет горделиво
До самых небес тишина. . .

(1895)

278. КОШМАР

. . . Я долго не спал и забылся потом.
Вот вижу — луна выплывает,
И кто-то стоит у меня под окном,
Рукою к себе вызывает.

Он молод годами и бледен лицом,
Белее ночного тумана.
На белой рубашке чернеет пятном
Под сердцем смертельная рана.

И в страхе я позднего гостя узнал,
Я понял безмолвные знаки.
Рукою на темный овраг указал
И тихо он скрылся во мраке.

Я молча оружие снял со стены,
К оврагу прошел осторожно
И стал, замирая. Среди тишины
Лишь сердце стучало тревожно

Да ветер порою уныло шептал
О чем-то долине туманной.
Но враг не замедлил: пришел он и стал,
Печальный, бескровный и странный.

Он каждую полночь приходит ко мне,
К оврагу меня вызывает,
И бьется оружием со мной в тишине,
И каждую ночь умирает.

И с вечера я беспокойно дрожу,
И, пробуя лезвие шпаги,
«Сегодня, — шепчу я, — тебя уложу
Навеки в тенистом овраге!»

Вот молча в овраге сошлись мы с врагом,
Сошлись — и сталь зазвенела.
Без крика упал он на землю лицом,
И кровь на песке зачернела.

Упал он на землю с предсмертной тоской,
Кровь черной росой сочится.
И сердце его я нащупал рукой,
Послушал — оно не стучится.

Я труп холодевший засыпал песком,
Оружие вытер травой
И, робко ступая во мраке ночном,
Пустился дорогой степною.

Таинственный шорох наполнил поля,
И ветер долиною крался.
Росистой травой, как змея, шевеля,
Он жадно ко мне приближался.

И я повернулся к оврагу. Туман
Над трупом зарытым клубился.
На скате тревожно шептался бурьян,
И желтый песок шевелился,

Как будто в овраге пустынном сто змей,
Шурша, заклинанья шептали
И в трупе, почившем в постели своей,
Змеиную жизнь пробуждали.

Я в ужасе диком пустился бегом,
К постели припал, помертвевый.
И вижу — мой сторож стоит под окном,
Стучится рукою несмелой.

Стучится безмолвно в окошко ко мне
И в очи взирает с тоскою...
Я с криком проснулся, ища на стене
Оружье дрожащей рукою...

(1895)

279. ТРИУМФАТОР

Рукоплещет толпа восхищенная,
Рукоплещет вся площадь кругом,
И гетера, вином опьяненная,
И сенатор с обрюзгим лицом.

Плавно медные шлемы колышутся,
Кони пляшут, храпят и дрожат,
И далёко по улице слышится
Тяжкий шаг загорелых солдат.

Гул растет... Показались пленные...
Вот и царь молодой в кандалах...

Улыбаются губы надменные,
И спокойствие в ясных очах...

Пред дружиной, в боях поседелою,
Он идет в кандалах, но царем,
Гордым шагом, с улыбкою смелою,
Словно лавры и пурпур на нем.

И, привстав в колеснице сверкающей,
Побледнев под лавровым венком,
Триумфатор сквозь рев оглушающий
Беспокойно следит за царем.

И горит он ревнивою думою,
Что не он триумфатор, не он,
А тот царь, что с дружиной угрюмою
К месту казни идет, как на трон!..

(1896)

280. НОЧЬЮ

1

Господь! Укрой меня десницею святою!
Стопы нетвердые на путь благой направь!
Дай силы, крепость дай гореть лишь пред тобою

И от лукавого избавь!

Всю ночь, без сна, стою я на молитве,
Звеня веригами во мраке стен немых.
Мне тяжело, господи, мне трудно в этой битве
С воспоминаньем лет былых!

И тщетно я всю ночь, одетый власяницей,
В слезах взываю пред тобой:

От козней дьявола твоей святой десницей
Укрой!..

2

Какая ночь! Мне душно, душно в келье!
Я распахнул окно, прохлада притекла...
И вспомнилась мне ночь, когда в живом веселье
Душа все радости пила.

Со мною ты была. Пастушеской свирели
Унылый звук мне ветер приносил...
Какою ласкою глаза твои горели,
Как счастлив я был там! Как я тебя любил!..

8

Но, боже! Прошлое забыть я должен ныне;
С прошедшим порвано последнее звено!
Я сам пришел сюда к таинственной пустыне,
Где слово господа лишь бодрствует одно!
Исчезни, сатана, перед лицом господним,
Как исчезает дым от светлого огня,
Скитайся там, внизу, по мрачным преисподним,
А здесь виденьями не искушай меня!..

4

Пора уснуть. Но сна боюсь я, боже!
Лишь только сон глаза закроет мне,
Безумная мечта придет ко мне на ложе
И речи дикие зашепчет в тишине...
Но я устал! Покровы власяницы
От плеч до пояса изрезали мне грудь.
Колелется нога... Смыкаются ресницы...
Пора уснуть!

6

О, счастье! Мы одни над тихою рекою!
Над нами небеса, пред нами лунный мост...
Ни звука. Небеса беседуют с землею.
И только тишина. Да ты. Да очи звезд.
Сядь ближе! Вот сюда! Дай руки, эти руки!
Они мои, не правда ли, мои?
Я их купил за дни невыносимой муки,
За слезы, за позор любви.
Я их купил за жизнь! Я их добуду кровью!
Железом и огнем, за мой загробный рай!
Соблазн! О, господи! Укрой святой любовью!
Прощай, далекая!.. Прощай!..

(1900)

Ты как тень замерла на пороге,
 Я иду — не могу не идти.
 Видно, боги, всесильные боги,
 Не хотят нас сегодня спасти!

Ты меня целый день избегала,
 Я не шел, хоть горел как в огне...
 О, какую ты бледною стала!
 Эти слезы, зачем же оне?

Ты страдаешь? Мы оба преступны?
 О, не мучь! О, ответь мне! Спаси!
 Коль тебе эти чары доступны,
 И любовь, как свечу, загаси!

Иль не надо! Не надо, не надо
 Ни мучительных слез, ни борьбы!
 Пусть любви всепобедной отрада
 Нам не даст убежать от судьбы!

Пусть грозы отшумевшей зарница
 Озаряет сквозь кружево штор
 Виноватые, бледные лица
 И, как звезды, мерцающий взор!..

(1900)

Тихо я садом иду; дремлют над речкой ракиты,
 Дремлют и чуткой листвой воду прозрачную пьют.
 Поймы за тихой рекой сизым туманом повиты,
 Тучки над дальней горой месяца ясного ждут.

Скоро и ты, мнѝый друг, скрипнешь пугливо калиткой,
 Словно мгновенье одно, ночь пролетит до утра.
 Будь благосклонна ко мне, стана не кутай накидкой,
 Мудро на клятвы скупясь, будь на лобзанья щедра!..

(1901)

Роща дремлет серебряным гротом,
 Небо синей пустыней лежит.
 Ходит месяц над мерзлым болотом,
 Как кудесник седой ворожит.

И на проруби иссиня-черной
 Чертит медленно огненный знак...
 Не колышется иней узорный,
 На деревне не слышно собак.

И на скате пустынном оврага,
 Где горит фосфорически снег,
 Под заклятье сурового мага
 Чей-то робкий слышался бег.

Вот сверкнули зеленые очи,
 Слышен шелковый шелест волны...
 Это зимней, задумчивой ночи
 Непонятные жуткие сны...

(1901)

Недвижно облака повисли над землей;
 Их ткань разорвана, как войск разбитых знамя.
 Печальны их стада; у них в груди пустой
 Иссяк и божий гром, и жарких молний пламя.
 И месяц на реке горит, как медный шлем,
 Качаясь на волнах туманного залива.
 Безмолвны берега. Окрестный воздух нем,
 И только ветерок порой вздохнет пугливо
 И вновь заснет в кустах... Не отрывая глаз,
 Стою задумчиво. Печальный мрак ложится
 На душу грешную. Куда идти сейчас?
 Чем сердце утолить? Каким богам молиться?
 По ком пролить слезу, чего спросить у них?
 Минутных радостей иль смерти ядов злых?..

(1901)

Он в лес ушел, построил келью
 И жил в молитве и трудах;
 Земным утехам и веселью
 Навеки дверь замкнул монах.
 И долго жил он дикой птицей,
 Суров, безгласен и уныл,
 Одел он плечи власяницей,
 Вериги день и ночь носил.
 И по почам, стеною глухо,
 В молитве долго он стоял,
 Он плоть свою во имя Духа
 Железом тяжким истязал.
 Однажды Матери всепетой
 Лампаду на ночь он зажег,
 Стоял веригами одетый,
 Хотел молиться — и не мог.
 Под власяницею суровой
 Дышала жаркой страстью грудь,
 И он не смел святое слово
 Устами грешными шепнуть.
 Из кельи видно — месяц бродит,
 Вот тихо скрипнула ступень,
 К монаху женщина приходит,
 Идет, колеблется, как тень.
 Дрожит, сверкая, грудь нагая,
 Дрожат лукавые уста,
 Горит пленительнее рая
 Ее нагая красота.
 Зовет и манит к наслаждению,
 Служить готовая ему...
 Ужель отдаться искушенью,
 Ужель идти за ней во тьму?
 Монах дрожит, бросает взгляды
 На черный шелк ее волос —
 И вот к огню святой лампы
 Ладонь суровую поднес...
 Потуплен долу взор нескромный,
 Дымясь, вздувается ладонь,
 И тяжко капли крови темной,
 Шипя, упали на огонь...

(1901)

Только вечер затеплится синий,
Только звезды зажгут небеса
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса,

Отвори осторожно калитку
И войди в тихий садик, как тень,
Да надень потемнее накидку,
И чадру на головку надень.

Там, где гуще сплетаются ветки,
Я незримо, неслышно пройду
И на самом пороге беседки
С милых губок чадру отведу. . .

(1909)

Поликсена Сергеевна Соловьева была дочерью известного русского историка и ректора Московского университета Сергея Михайловича Соловьева. Она родилась в Москве 20 марта 1867 года. Ее дедом со стороны матери был адмирал В. Романов, дважды совершивший кругосветное путешествие. В молодости он состоял в дружбе с некоторыми из будущих декабристов, из-за чего подвергся после 14 декабря аресту и недолгое время провел в Петропавловской крепости. Родным братом поэтессы был известный философ и поэт Владимир Соловьев, оказавший сильное влияние на формирование духовного облика сестры, относившейся к нему с благоговением и преданностью.

Семейство Соловьевых было многочисленным; все его интересы сосредоточивались главным образом вокруг напряженной работы отца над многотомной «Историей России». Это был основной труд его жизни. Несмотря на большую семью, в доме царил строжайший распорядок, званые вечера и сборища были редким исключением.

Соловьева, по ее собственному признанию, росла «городским» и «домашним» ребенком, не склонным к шумным играм, но зато расположенным к самонализу и сосредоточенности. Она рано научилась читать и писать. С самого детства она, как и ее многочисленные братья и сестры, имела доступ к библиотеке отца и прочно привязалась к книгам и литературе, а с возрастом — и вообще к искусству. Помимо библиотеки этому способствовали домашние спектакли, в которых Поликсена принимала активное участие. Ее воображение и наклонности развивались также под впечатлением рассказов матери, состоявшей некогда в знакомстве и дружбе с видными литераторами 1840-х годов, в том числе Т. Н. Грановским, братьями Аксаковыми. Постоянным гостем в доме был А. А. Фет, одобрявший первые стихотворные опыты четырнадцатилетней поэтессы.

С семнадцати-восемнадцатилетнего возраста она печатается уже

постоянно. Кроме поэзии она увлекается и другими видами искусства: несколько лет занимается в Школе живописи, ваяния и зодчества, где ее руководителями были И. М. Прянишников и В. Д. Поленов; обучается пению.

В 1895 году Соловьева переселяется на жительство в Петербург. Ее стихи попали в руки Н. К. Михайловского, который напечатал их в «Русском богатстве». Путь в большую литературу был открыт. Вскоре последовали публикации в «Вестнике Европы», «Мире божьем» и других журналах. Особенно широко Соловьева печатается в популярном «Журнале для всех». В это время и возник странный псевдоним ее — Allegro (музыкальный термин, обозначающий быстрый темп исполнения). Его появление сама поэтесса объясняла неосознанным желанием восполнить недостаток жизненной энергии, который она в себе ощущала.

Однако этот «недостаток жизненной энергии» все же дает о себе знать в стихотворениях поэтессы. Элегические, исполненные медитативной мечтательности, они и производят на читателя впечатление прежде всего отсутствием активного, волевого начала. В них все приглушено, краски как бы ступены, и даже те произведения, в которых как будто выражена активная волевая мысль, несут на себе следы меланхолии и печали. Возможно, что такое впечатление усиливается еще и оттого, что в стихах Соловьевой отчетливо видно несоответствие мысли с той поэтической формой, в которой она выражается. Соловьева придумала себе не только псевдоним, она придумала себе и лирического героя. Это «он», лицо мужского рода, и от его-то имени и написаны все известные нам стихотворения поэтессы.

Может быть, поэтому интонационно-эмоциональная структура лирики Поликсены Соловьевой несколько аморфна и на фоне сильно выраженного в поэзии того времени личного начала маловыразительна. В рецензии на сборник стихотворений Соловьевой «Иней» (1905) Блок характеризует ее поэзию словами: «печаль», «тихая поэзия», «грустные и тихие стихи» и т. д.¹ Однако эти же черты определили и неповторимое своеобразие лирики Соловьевой; ее затененная печаль, ее откровенная грусть могут рассматриваться как слабое, но все же выражение определенной общественной позиции. Не располагая таким сильным арсеналом поэтических средств, каким располагали ее более одаренные современники, Соловьева все-таки выработала по отношению к буржуазной действительности свою

---

¹ А. А. Блок, Собрание сочинений в восьми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 564—567.

поэтическую позицию, которая может рассматриваться и как определенная общественная позиция. Не приемля мира буржуазной пошлости и наживы, поэтесса отстраняется от него, но не путем активной борьбы, а создавая свой особый замкнутый мир, в котором царят «грусть» и «тихая тоска».

С переездом в Петербург жизнь Соловьевой резко меняется. Завязываются новые знакомства — с членами «пятыц» К. К. Случевского, с семейством А. Блока, с Вяч. Ивановым, с семейством Гиппнус.

В 1906 году Соловьева вместе с детской писательницей Н. И. Манастирской приступает к изданию первого в России регулярного детского журнала «Тропинка». При журнале организуется вскоре и издательство под тем же названием. Дело было поставлено на широкую ногу и со вкусом. К участию в журнале и издательстве привлечены были Блок, Бальмонт, Куприн, А. Толстой, С. Городецкий, художники — М. Нестеров, Е. Кругликова. Журнал имел обширную аудиторию и просуществовал семь лет. Он закрылся, не выдержав конкуренции с аналогичными возникшими вслед за ним изданиями. Но и после закрытия журнала Соловьева продолжала свою деятельность в детской литературе.

В 1908 году за сборник стихотворений «Иней» Соловьевой был присужден почтительный отзыв имени Пушкина и золотая Пушкинская медаль. Соловьева оказалась первой, кого Академия наук удостоила этой медали, только что учрежденной по предложению почетного академика П. И. Вейнберга.

Умерла Соловьева в Ленинграде 16 августа 1924 года. Ее стихотворения (в том числе для детей) неоднократно издавались отдельными сборниками. Наиболее известны: первый сборник («Стихотворения», 1899), «Иней» (1905), «Плакун-трава» (1909), «Вечер» (1914), «Последние стихи» (1923).

287

Победил он могучих врагов,
Он разбил их несметную рать,
И с венком из лавровых листьев
Победителя вышли встречать.

Но средь кликов и шумных похвал
В колеснице своей золотой

Он безмолвный и бледный стоял,
Весь объят непонятной тоской.

Не внимает приветствиям он,
Не понять ему радостных слов,
Ему слышатся вопли и стон,
Это стон побежденных врагов.

Вспоминается темная ночь...
Бледный месяц еще не восходил...
Он не в силах спасти и помочь,
Он, который их всех победил...

И он думает всё об одном,
И от счастья победы далек —
На челе раскаленным клеймом
Тяготее победный венок.

(1895)

288

Нет движенья в горах, всё замолкло и спит
Под сверкающим снежным ковром,
Только горный поток, не смолкая, шумит
И рыдает и ночью, и днем.

Всюду стелет зима ледяной свой покров
И с потоком вступает в борьбу,
Но он рвется, мягежный, из тяжких оков,
Громко ропщет на жизнь и судьбу.

И несется средь скал и угрюмых камней,
Нарушая их мертвый покой,
И поет им, что нет ни преград, ни цепей
Всем бесстрашным с могучей душой.

И разносится песня во мраке долин,
Пробуждая от мертвого сна,
А навстречу потоку с лазурных вершин
Улыбаясь нисходит весна.

(1896)

289. БЕЛАЯ НОЧЬ

Земля не спит, напрасно ожидая
Объятий сумрака и нежной тишины;
Горит заря, полнеба обнимая;
Бредут толпой испуганные сны.

И всё живет какой-то жизнью ложной,
Успокоения напрасно жаждет взор,
Как будто ангел бледный и тревожный
Над миром крылья белые простер.

(1897)

290

В этих бледных снегах мне не видно пути,
Я один и не знаю, куда мне идти,
Только ворон проснулся и дрогнул крылом,
Только голые сучья чернеют кругом.

Ни единой звезды не блеснет в вышине,
Всё заснуло в холодной и злой тишине,
В мутном небе не видно далекой луны,
И бессвязно бредут позабытые сны.

Сердце бьется так больно и тяжело в груди,
Бесконечная даль замерла впереди,
И сжимает мне душу мучительный страх:
Не найду я свой путь в этих бледных снегах!

(1899)

291

Мы шли с тобой вдвоем... Какою душевной тьмою
Спускалась ночь кругом,
И всё в моей душе притихло пред грозой,
Как в воздухе ночном.
Я ждал, чтоб молния, прорезав тьму ночную,
Вдруг осветила мне

На миг твое лицо, головку золотую,
    Чтоб в чуткой тишине,
Не в силах сдерживать порыв негодованья,
    Вдруг резко грянул гром...
Чтоб нам средь хаоса и шума и сверканья
    Идти с тобой вдвоем.

(1899)

292

Я ждал тебя с тревогой и сомненьем,
Как ждет зари томительно больной...
День догорал, и ярким освещеньем
Вершины гор сияли предо мной.

Я ждал тебя... Неслышно и незримо
Вечерняя спускалась тишина,
В моей душе, тоской любви томимой,
В моей душе была лишь ты одна.

Боялся я, что день исчезнет ясный,
Что тени вновь на горы упадут...
Я ждал тебя с такой тоскою страстной,
Так ждал тебя, как только счастья ждуть!..

(1899)

293

Спит чудовище в сердце моем,
И его стерегут серафимы,
Спит, как сфинкс под горячим песком,
Знойным солнцем пустыни палимый.

И, боясь, что проснется оно
И зелеными взглянет очами,
Хоры ангелов смолкли давно
И трепещут, закрывшись крылами.

(1899)

Свершился Страшный суд, и, взорами сверкая,
 Архангел души грешные увлек,
 Они неслись вослед за ним, рыдая,
 И краткий путь казался им далек.

Остановился он пред черной бездной ада.
 «Вы не умели душу уберечь,
 Вот по делам достойная награда!» —
 Промолвил он, подняв свой грозный меч.

«Идите все туда, во тьму, вас ждут страданья,
 Зубовный скрежет, злоба и обман,
 Мученья близких, слезы и стенанья,
 И вечный стыд, и боль незримых ран!»

Но души скорбные с улыбкой отвечали:
 «Чего же нам страшиться в этой мгле:
 Все эти муки, все мы испытали
 Среди цветов, под солнцем на земле!»

(1899)

295. ЗИМНЕЮ ДОРОГОЙ

Морозная ночь... Отлетает клубами
 Дыханье усталых коней,
 Далекое небо мерцает звездами,
 И скрип раздаётся саней.
 Я еду, и сны, пролетая незримо,
 Меня задевают крылом;
 Мне чудится кто-то далекий, любимый;
 Повеяло прежним теплом.
 Опять невозможное яркой зарею
 Над сумраком жизни горит;
 Я жадно, как прежде, внимаю душою
 Всему, что оно говорит.
 А звезды далёко и тускло мерцают,
 Мороз всё сильнее и сильнее...
 Седыми клубами во мрак улетает
 Дыханье усталых коней.

(1900)

Там далёко, в синем море,
 Ходят корабли,
 Забывая на просторе
 Смех и радость, плач и горе,
 И весь плен земли.
 Но и там, как голос дальний
 С дальних берегов,
 Тихо тает в час прощальный
 Звон колоколов.
 И тогда, не вняв покою
 Царственных ночей,
 Вдруг проносится толпою
 И с улыбкой и с тоскою
 Рой земных теней.

(1900)

297. ТАЙНА СМЕРТИ

Ночь темный, тусклый взор на землю опустила,
 И дремлет, и молчит, крылом не шевеля...
 В тумане, как в дыму, погасли звезд каднла,
 И паутиной снов окутана земля.

Жизнь умерла кругом, но тайны воскресают.
 Неуловимые, как легкий вздох ночной,
 Они встают, плывут, трепещут, исчезают,
 И лишь одна из них всегда во мне, со мной.

То — смерти вечная, властительная тайна;
 Я чувствую ее на дне глубоких снов,
 И в предрассветный час, когда проснусь случайно,
 Мне слышится напев ее немолчных слов:

«Я здесь, как сердца стук и как полет мгновений,
 Я — страх пред вечностью; но этот страх пройдет,
 И ледяной огонь моих прикосновений
 Лишь ложные черты и выжжет, и сотрет...».

И ясно вижу я в те вещи мгновенья,
Что жизнь ответа ждет — и близится ответ,
Что есть — проклятье, боль, уныние, забвенье,
Разлука страшная, но смерти — нет. . .

(1901)

298. ПЕТЕРБУРГ

Город туманов и снов
Встает предо мною
С громадой неясною
Тяжких домов,
С цепью дворцов,
Отраженных холодной Невою.
Жизнь торопливо бредет
Здесь к цели незримой. . .
Я узнаю тебя с прежней тоской,
Город больной,
Неласковый город любимый!
Ты меня мучишь, как сон,
Вопросом несмелым. . .
Ночь, но мерцает зарей небосклон. . .
Ты весь побежден
Сумраком белым.

(1901)

299

Что-то страшно чернеет в углу. . .
Это тени легли на полу,
Но не бойся: скорей подойди
И спокойно гляди —
Никого,
Ничего. . .

Если ж тьма в моем сердце лежит,
И пугает тебя, и томит,

Не пытайся ее превозмочь,
И в беззвездную ночь
Не гляди,
Уходи. . .

(1902)

300. ДОЖДЬ

Серое небо и черные ели,
Шум и дыханье дождя. . .
Слез удержать небеса не сумели,
Сумрачный день проведя.
Взрагивать влажные листья устали,
В тягость им капли дождя.
Вечер задумчив и полон печали,
В темную ночь уходя.
Власть полуночной тиши уступая,
Словно бойцы без вождя,
Крадутся робко, по крыше ступая,
Капли ночного дождя.

(1903)

301. БЕЛАЯ СИРЕНЬ

Умирают белые сирени.
Тихий сад молитвы им поет,
И ложатся близкой смерти тени
На цветы, как ржавчины налет.

А вокруг всё дышит жизнью смелой,
Все цветы надеждами полны,
Лишь тебе, рожденной ночью белой,
Умереть с последним днем весны.

Но душой, не ведающей тленья
И земных мгновений и оков,
Буду помнить белую сирень я
И дыханье звездных лепестков.

(1903)

Мы живем и мертвеем,
Наше сердце молчит.
Мы понять не умеем,
Что нам жизнь говорит.

Отчего мы стыдимся
Слов нескромной весны?
Отчего мы боимся
Видеть вещие сны?

Наша радость застыла
В темноте и пыли,
Наши мысли покрыла
Паутина земли.

Но душой неусталой
Мы должны подстеречь
Для любви небывалой
Небывалую речь.

(1903)

303. ДОМА́

Вокруг меня неясные громады
Седых домов тяжелым сном встают,
Глядят на жизнь, как будто ей не рады,
И никого не любят и не ждут.

Но я люблю тоску их очертаний,
Порывы их к печальным небесам,
Унылый гул их тяжких содроганий,
Прощальный зов к давно угасшим дням.

Сквозь жизни стук, среди говора людского,
В дремотной мгле им снится шум лесов
И речь воды у берега родного,
Под тенью скал и мшистых валунов.

Не верю я их смерти и покою,
И рад, когда, не ведая измен,
Заря начертит огненной рукою
Слова любви на камне мрачных стен.

(1904)

304

Ветер коснулся кустов обнаженных,
Ночь привидений полна,
Слышу я лепет ветвей пробужденных:
«Где же весна?»

След не чернеет от влажных тропинок,
Всё замирает во сне,
Только чуть слышится шелест снежинок
В злой тишине.

Небо мерещится мутным покровом,
Ночь привидений полна. . .
Кто разбудил нас ликующим словом?
Где же весна? . . .»

(1904)

305. НЕИЗБЕЖНОЕ

Печальной, безбрежной равниной
Я шел, утомленный,
И вздрогнул внезапно, и поднял
Я взор изумленный:
Вдали, где сливались с землею
Неясные тучи,
Мне чей-то почудился образ.
Угрюмый, могучий,
Стоял он, скрестив неподвижно
Тяжелые руки,
И солнце над ним не сияло,
И замерли звуки.
Глядел он вперед пред собою
Невидящим взором,

Молчал, и молчанье казалось
Немым приговором.
В груди моей сердце забилося
Тоскливой тревогой,
И быстро шаги я направил
Иною дорогой.
Но там, где леса поднимались
Туманной стеною,
Всё тот же неведомый образ
Стоял предо мною.
Напрасно ищу я спасенья
И светлой свободы, —
Под тягостной властью проходят
Унылые годы.
Куда ни пойду я, усталый,
Дорогой земною,
Везде он стоит, беспощадный,
Стоит предо мною.

(1905)

306

Еще вчера весь день под окнами в канале
Дышала, как больной, тяжелая вода, —
Мороз пришел в ночи, взглянул — и воды стали,
И от движенья нет следа.

Но что творится там, под ледяным налетом?
Не смерти ль это сон в холодно-мутной мгле?
Нет, терпеливо жди, за солнцеповоротом
Ждет воскресенье на земле.

(1905)

307. К НОЧИ

Вечер сумрачен и страшен,
Ночь беззвездная близка.
Как уступы тяжких башен,
Взгромоздились облака.

Гулок моря шум усталый. . .
Там, над сизою горой,
Словно кровью темно-алой,
Воздух зыблется сырой.
Всё слышней во мраке зорком
Чьи-то вздохи и слова;
Дыбом встала над пригорком
В страхе черная трава.
Я иду побережьем голым,
Светлый отдых так далек,
Леденит стопы тяжелым,
Мертвым холодом песок.
И к померкнувшим долинам
Неотвязно вслед за мной
С тихим шорохом змеиным
Ужас крадется ночной.

(1905)

808

Помнишь, мы над тихою рекою
В ранний час шли детскою четой,
Я — с моею огненной тоскою,
Ты — с твоею белою мечтой.
И везде, где взор мой замедлялся,
И везде, куда глядела ты,
Мир, огнем сверкая, загорался,
Вырастали. белые цветы.
Люди шли, рождались, умирали,
Их пути нам были далеки,
Мы, склонясь над берегом, внимали
Тихим сказкам медленной реки.
Если тьма дышала над рекою,
Мы боролись с злою темнотой:
Я — моею огненной тоскою,
Ты — своею белою мечтой.
И теперь, когда проходят годы,
Узкий путь к закату нас ведет,
Где нас ждут немеркнувшие своды,
Где нам вечность песнь свою поет.

Мы, как встарь, идем рука с рукою
Для людей непонятой четой:
Я — с моею огненной тоскою,
Ты — с твоею белою мечтой.

(1905)

309

Спит река в бреду своих туманов,
И над ней, приплыв издалека,
Словно рати двух враждебных станов,
Разорвавшись, встали облака.

Птица вдруг проплакала ночная,
И опять всё тихо и темно.
Спит земля, но спит не отдыхая...
Я иду и думаю — одно.

И, моим смущенным мыслям вторя,
Тихо бредит спящая река,
А в небесном сумрачном просторе,
Побледнев, застыли облака.

(1905)

310. ЛЮДИ

Идут. Без веры и без воли.
Толпа проходит за толпой.
В улыбках столько скрытой боли,
И как рыданье — смех тупой.
Идут, идут, проходят мимо.
Бледнеют ночи, блекнут дни,
Надежды нет: неумолимо
Они и вместе — и одни.
И я один. Я не умею
Развеять этот тусклый чад.
Я воплотить в словах не смею
Того, о чем они молчат.
Гляжу в их лица долгим взглядом,
В душе от жалости светло,

Вот, мы близки. . . Но тех, кто рядом,
Жизнь разделяет, как стекло.
Разбить — нет сил. Неумолнимо
Ползут, змеятся ночи, дни. . .
Проходят люди мимо, мимо,
Теснятся, падают. . . одни.

(1907)

311. В ОСЕННЕМ САДУ

Тишина золотовейная в осеннем саду,
Только слышно, как колотят белье на пруду,
Да как падает где-то яблоко звуком тугим,
Да как шепчется чье-то сердце тихо с сердцем моим.

(1908)

312. В ДОРОГЕ

1

Из вагона гляжу. За окном
Дымных туч протянулось руно,
И за бледно-кудрявым руном
Разлилось золотое вино.
Юг покинут, сверкнул и погас,
Ждет нерадостно север родной.
Сердце темное в сумрачный час,
Плача, бьется в тоске предночной.
Ночь, огонь моих слез утиши,
Будь безмолвней и строже, печаль!
Спор колес всё упорней в тиши.
Разгорается звездная даль.

2

«Скорей, скорей!» — твердят колеса.
Бегут леса, летят поля,
Синеет речка у откоса.
Привет, родимая земля!

Колосья тощие кивают,
Кресты дорог уходят вдаль.
Дожди слезами облегчают
Тяжелых туч твоих печаль.
Люблю песок твой, косогоры
И гроздья рыжие рябин.
Душа спешит в твои просторы
И в синеву твоих равнин.
Всегда и весь я твой, родная.
К тебе вернусь я ввечеру,
Благословлю, благословляя,
И просветлею — и умру.

(1909)

313. МАЙСКОЕ УТРО

С. Городецкому

Утро. Солнце встало ярко.
Будет пыльно, будет жарко.
Будет день и ночь светло.
Баба моет, подоткнулась,
И на солнце улыбнулось
Вновь промытое стекло.
Из подвала вышла крошка,
Выше тумбочки немножко,
В бабьем ситцевом платке.
Мать послала спозаранку:
Керосинную жестянку
Держит в маленькой руке.
Кто-то громко хлопнул дверью.
В подворотне подмастерье
Замечтал, разинув рот;
Ноет хрипая шарманка,
И гнусаво иностранка
Песню родины поет.
В кителях городовые.
Там и тут цветы живые.
Треск пролетов, окрик, звон.
Грамофон хрипит в трактире.
И квартирам харакири
Переездом учинен:

Всё, что в глуби их таилось,
Вдруг бесстыдно обнажилось
И наружу поползло:
Тюфяки, кровати, ванны,
Вот предмет какой-то странный,
Тряпки, мутное стекло.
Мужики, согнувши спины,
Носят ящики, корзины.
Приказанья отдают
Дама в шарфе и кухарка.
Все устали. Пыльно, жарко.
Мимохожие снуют.
Пахнет дегтем, потом, сеном.
«Подоткните хоть поленом.
Эй, поддай еще, Митюх!»
Дремлет лошадь ломовая,
Мордой старою кивая,
Отгоняет скучных мух.
«Стойте: узел позабыли!»
Притащили, прикрутили,
Все вспотевшие, в пыли.
«Ну, готово. Трогай с богом!»
И по улицам, дорогам
Скарб на дачу повезли.
Опустело возле дома.
Дворник с горничной знакомой
Поболтали у ворот.
Вдруг рванулся вихрь весенний
И вскрутил с листком сирени
Позабытый старый счет.

(1909)

314. ПЫЛЬ ВЕКОВ

Ф. Сологубу

Моя душа вместить не в силах
Вечерних веяний тоски.
О неоплаканных могилах
Пустынно шепчут ей пески.
Об утомлении великом

Ей говорят кресты путей,
Пред ней невинно-страшным ликом
Встают страдания детей.
Каким смирю я заклинаньем
Рожденный от начала страх?
И утолю каким молчаньем
Весь крик, пронесшийся в веках?
К моим уныниям всё строже,
Как с ядовитых лепестков
Ты в душу мне свегаешь, боже,
Всю скорбь земли, всю пыль веков!

1910

Коктебель

315. МЕРТВАЯ ПЛЯСКА

День плачет, плачет в бессильной злости
День, не свершивший своих чудес.
Нагие ветви, как мертвых кости,
Стучат, шатаясь во мгле небес.
И дышат влажно-холодным дымом
Земля и небо. Просвета нет.
Дождь шепчет плеском неутомимым
На все вопросы один ответ.
Вечерний ветер, свистя крылами,
Уносит в хаос проклятье дня,
И ночь угрозной тоской и снами
Сквозь тучи смотрит и ждет меня.

(1911)

316. СЕРЫЙ ВОЛК

А. Блоку

Мы мчались с тобою, Царевна,
Двенадцать томительных лет.
И ветер гудел напевно,
И тьма заметала след.
Мы мчались на Сером Волке
По топким и тайным тропам,

И древних елей иголки
Шатер свой склоняли к нам.
Мы слушали травные были
И сказки неслыханных птиц.
Вдали, за лесом, светили
Нам взгляды кратких зарниц.
Вставали, пугая, виденья, —
Их Волк не боялся один.
Узор свой ткали мгновенья
Из бледных лунных седин.
Я ведал тогда, что свершаю
От века намеченный путь,
Что я Царевну спасаю,
Что нам нельзя отдохнуть.
Но ты всё томилась, Царевна.
«Где ж подвиг? — шептала ты
То с нежной мольбой, то гневно. —
Отдай мне мои мечты!
Гул жизни чуть слышится дальний...
Свободу мне, свет возврати!
Мне холодно, друг печальный,
С тобой на лесном пути.
Огонь твой меня не согреет.
Ты в песнях ждешь новых чудес,
Но песню и пламя развеет,
Задушит унылый лес».
И ветер в ветвях напевно
Твердил: «Отпусти, отпусти!»,
Жалел тебя, свет-Царевна,
На темном лесном пути.
Жалел тебя месяц полночный,
Жемчужил волос твоих шелк.
Молчал я и ждал. Урочный
Бег свой замедлил Волк.
Редеют деревья, редеют,
Открылись просторы полей.
В пожаре весь воздух, и рдеет
Трехгранный полет журавлей.
Не чую я волчьих движений:
Он стал неподвижно и ждет,
И взором задумчивой лени
Следит журавлиный полет.

Как сердце тоскует безгневно,
Как воздух печален и ал. . .
Иными путями, Царевна,
Иди ты одна, — я устал.
Царевич, от леса рожденный,
Иных я не знаю путей.
Здесь буду я петь, заключенный
В сплетенья осенних ветвей.
Люблю, но не прежнюю мерой,
Горю, но вечерним огнем.
Судьба моя, Волк ты мой Серый,
С тобой я останусь вдвоем.

1911
Петербург

317. ПОЛЕТ

Покинув и доли, и прах, и туманы,
Навстречу дыханью прохладных высот,
Стрекозами зыблются аэропланы,
И горд человеческий первый полет.
Летите, несомые новою силой,
Летите, свиваясь в крылатую нить,
Летите, летите, но жизни бескрылой
Холодным полетом вам к небу не взвить.

(1913)

318. ШУТ

Когда прибыла королева,
Я к ней был приставлен шутом.
Шутил я направо, налево,
И шутки мои и напевы
В стране повторяли потом.
В семье нашей все небогаты,
Нужда заставляла шутить:
Не очень любил я заплаты.
Два младшие брата солдаты,
Я хром и не в силах служить.
А шутки рождались без сева,

Я их собирал, как цветы
Репейника, львиного зева.
Довольна была королева:
На редкость такие шуты.
Она была юная, злая,
Как нежный и хищный зверек,
И часто, от гнева пылая
И скрыть раздраженье желая,
В клочки разрывала платок.
Я кружев обрывки зубами
Ловил, как играющий пес,
И лаял, и ранил словами
Разгневавших; бедные сами
Пугались: лишь бог бы унес.
Да, шутки не пресные были:
Я сыпал в них перец и соль,
Сплетал с небылицами были.
Вельможи от хохота выли,
И громко смеялся король.
Но часто и мне попадало
За слишком проворный язык.
Подачки — побои. . . Сначала
Меня, словно в бурю, качало,
Потом я к побоям привык.
Привык я не ведать покоя:
Заснешь — стук за дверью: «Эй, шут!»
— «Что надо? Я сплю. Что такое?»
— «Вставай-ка! Там, в спальном покое,
Король с королевою ждут».
Плелся я, дрожа и зевая,
И думал: «Спать-то когда ж?»
Горячие слезы роняя
Со свеч и мне путь освещая,
Шел маленький заспанный паж.
Король с королевою в ссоре.
Король много выпил и зол.
Шут памятьлив очень, на горе.
«Была я в жемчужном уборе,
Когда здесь был польский посол?
Скажи. . . Ты ведь помнишь, конечно».
Затылком друг к другу лежат.
«Как память у вас скоротечна!»

— «А вы только спорите вечно».
И губы, бледнея, дрожат.
«Я спорю. . .» — «Убор мой хотите
Любовнице вашей отдать?»
— «За графа мне польского мстите?»
— «Вы пьяны. . . Не смейте, молчите!»
Вскочил он: «Не буду молчать!»
Я шут: от меня не скрывали
Ни ласк они брачных, ни ссор;
Дрались, обнимались, кричали,
И взгляды шута прикрывали
Не раз королевский позор.
С рассветом в каморку обратно
Сползал, от побоев кряхтя,
Ворчал: «Безобразный. . . развратный!»
Халат свой натягивал ватный
И плакал во сне, как дитя.
Бывало и так — будят ночью:
«Скорее вставай, старый шут!
Надень попестрей оболочье:
Чтоб речь твою слушать сорочью,
Король с королевой зовут».
Как злые несчастные дети,
Забились в углы. Темен взгляд.
Он шепчет: «Ложь, происки, сети. . .
Так всё надоело на свете!
Все чувства, все мысли болят».
Она, подобравшись в качалку,
Уселась и тихо, сквозь слез:
«Мне страшно! Кого-то мне жалко. . .»
Похожа была на фиалку,
Когда ее ранит мороз.
«А, шут! — поднимала ресницы. —
Спой песню, хромой соловей!
Хотели мы лечь, но не спится».
И песенка спугнутой птицей
Скользила с заснувших ветвей.
Но часто спросонок касался
Я раны сокрытой, и вот,
Темнея, король поднимался,
И звонко удар раздавался.
«Оставьте!» — «Пусть помнит вперед!»

Что там перенес я, что видел,
Теперь и припомнить нет сил.
Господь меня ими обидел:
Обоих я их ненавидел
И горькой любовью любил.
С годами обиды тягчали:
Смеялся я, пел, но как раб,
И шутики, тупея, мельчали,
И братья мои замечали,
Что я поседел и ослаб.
Всё чаще они приходили
В каморку мою вечером,
Угрюмых друзей приводили,
И долго со мной говорили,
И зорко глядели кругом.
Я слушал их тихие речи
Про горе народа, позор,
Про то, что весна недалече,
И плакали желтые свечи,
Пятная протертый ковер.
«Сначала война разорила,
Теперь же и казни пошли.
Слабеет народная сила:
Могила встает за могилой
На пажитях скорбной земли».
— «Зачем вы пытаете брата:
Сильны вы, я — слабый урод. . .»
— «Ты можешь. . . Настанет расплата,
Гнев — божий, и мщение свято
За землю, свободу, народ!»
— «Когда бы вы были калеки. . .»
— «Эх, шут! Жалких песен не пой. . .»
Мы спим, словно зимние реки,
Но льды налегли не навеки:
Мы грозно проснемся весной.
Дай волю великому гневу:
В слезах и в крови вся земля,
И негде подняться посеvu. . . .
Оставим в живых королеву,
Убьем одного короля».
Слова их о горе народа
Меня опаляли огнем,

Но вспомнились юные годы,
День светлый, соборные своды...
«Ведь мир святое на нем!»
— «Слыхали, как были моложе.
Словами ты нас не лови:
Хорош твой помазанник божий
С развратною пьяною рожей,
С руками в невинной крови!»
— «Отец наш скончался от горя...
Разрушен и дом, где ты рос...»
Теперь я их слушал не споря:
Души задрожавшее море
Темнело, рождая вопрос.
Раз в сумерках брат прибегает.
«К восстанью готовится край...»
Взгляд тёмно и страшно блуждает.
«Спешу я: друзья ожидают...
Брат младший повешен... Прощай!»
Я вскрикнул: «Повешен? Не верю!
Так страшно со мной не шути!»
— «Не шут я... Ключ дай мне от двери,
Чтоб эти проклятые звери
От нас не успели уйти».
Мой шаг был тяжел и неспешен,
Бесслезно глаза горячи.
К нему подошел я. «Повешен?
Да? Правда? Так будь же утешен:
Найду и украду ключи».
А ночью услышал я стоны
И крики: «Вставай, старый шут!
Мятеж!.. Опрокинуты троны...
Скорее! Где ключ от балкона?
Король с королевой бегут!..»
Последняя краткая встреча:
Едва я успел заглянуть
И видел — дрожащие свечи,
Его неширокие плечи,
Ее обнаженную грудь.
Король лепетал: «Что?.. Свободы?..
Изменники!.. Парком пройдем...»
И вскрикнул, и ахнули своды:

Угрюмые волны народа
Чернели в ветвях за окном.
Широкие двери зевнули,
Людской извергая поток,
И четко защелкали пули,
И в темных волнах потонули
Затравленный зверь и зверек.
Меня подхватило толпою
И больно прижало к стене,
И с этою болью тупсю
Всё то, что прошло предо мною,
Как сон вспоминается мне.
Ударом подъятые руки,
Оскалы звериные ртов,
Тупые и хлипкие звуки,
И чьи-то предсмертные муки,
И хриплое слово: «Готов!»
Молчанье. Всё стихло. Застыли.
Вдруг хохот, как визги стрижа:
Ее, королеву, схватили
И тут же пред ней умертвили
Любимого ею пажа.
Душе было жарко от гнева,
Но гнев переплавился в боль:
Исус и пречистая дева!
Лишилась ума королева,
Растерзан толпою король.
Что было потом, вспоминаю:
Разграбленный замок горел,
Кричала грачиная стая,
И парк, головами шатая,
Со свистом и рдел, и гудел.
Один я бродил по дорожке,
Вдыхая и гарь, и цветы,
И слушал с испугом, сторожко,
Как лопалось где-то окошко
И грохали с кровли листы...
Те дни навсегда миновали:
Красно, горячо впереди.
И те, что мне жизнь отравляли,
И те, что мне грех нашептали, —
Как крест на усталой груди.

Свободен народ мой несчастный,
Шумит, как весной ледоход,
А в сердце — там вечер ненастный,
И голос печальный и страстный
Там песню былого поет.
Я с пееней скитаюсь по свету,
Мой путь одинок навсегда.
Отшучены шутки — их нету,
Но, выслушав песенку эту,
Подайте шуту, господа!

(1922)

319. РАННЯЯ ОБЕДНЯ

Еще не дрогнул сумрак предрассветный,
Еще душа меж бдением и сном,
А мерный звон, призывно-безответный,
Как дождик падает за дремлющим окном.
Забрезжил свет над белой колокольной,
Дрожит веревка в ангельских руках.
Всё жертвенней заря, всё богомольней
Льет алое вино в рассветных небесах.
Завеса храма таинство скрывает,
Кровь пролилась, возносится потир,
И кто-то любящий, простив, благословляет
    Безумный и несчастный мир.

(1923)

Александр Митрофанович Федоров родился 6 июля 1868 года в крестьянской семье. Отец его был крепостным, до восемнадцати лет ходил в пастухах, а затем переехал из села Белооза Ашкарского уезда в Саратов, где освоил сапожное ремесло и записался в цеховые. Отец и мать едва умели читать; единственным чтением в семье было Евангелие. После приходского училища с большими тяготами для семьи Федорова определили в саратовское реальное училище. Одиннадцати лет он остался круглым сиротой.¹

На казенный счет Федоров продолжал обучение в реальном училище. Уже в старших классах определились его литературные склонности и интересы. Читал он все, что попадалось, очень любил Пушкина, поклонялся Некрасову, и его ученические стихотворные опыты были подражанием некрасовским стихам.

Свою литературную деятельность Федоров начал в газете «Саратовский дневник». Он не вышел тогда еще из стен училища, и начальство с большим неудовольствием отнеслось к первым пробам его пера. По самому незначительному поводу, до выпускных экзаменов, Федоров был удален из реального училища. К этому времени (середине 80-х годов) относится попытка самоубийства, окончившаяся тяжелым пулевым ранением.

Стихами Федорова и его судьбой заинтересовался А. Н. Майков, хлопотавший о том, чтобы юноше разрешили сдать выпускной экзамен. Сам Федоров, однако, рассудил иначе и, выйдя из больницы, отправился в Москву, чтобы посвятить себя исключительно литературной работе.

К середине 80-х годов у Федорова устанавливаются первые литературные связи — он получил одобрительное письмо от Л. Оболен-

---

¹ См.: «Автобиография А. М. Федорова». — ПД.

ского, издателя «Русского богатства», еще более ласково и дружелюбно отнесся к нему в Москве Н. Н. Златовратский. У него Федоров познакомился с членами редакции «Русской мысли», принявшей к печати его первые стихи.

Как поэт Федоров складывался под прямым влиянием Майкова, Надсона, Фофанова, повторяя ходовые мотивы поэтов «чистого искусства» и общие гражданские темы современной ему лирики.

Жить на литературные заработки Федоров не мог, и основным источником его существования в Москве были частные уроки. В столице он увлекся театром и поступил на сцену. С 1888 по 1890 год Федоров скитался по театральной провинции, играя всевозможные роли, среди которых немалым успехом у публики пользовался Дон-Карлос. Профессиональным актером, однако, Федоров не стал; с провинциальной сценой он расстался без всякого сожаления.

До середины 90-х годов Федоров жил в Уфе, где закончилась его недолгая театральная карьера. Тогда же в Москве вышла его первая книга — «Стихотворения» (1894). Большая часть тиража этой книги сгорела во время пожара у издателя.

В 1896 году Федоров переехал в Одессу и в течение нескольких лет работал преимущественно в газетах, печатавших его многочисленные фельетоны, рассказы, очерки и стихи.

С конца 90-х годов в Петербурге одна за другой выходят книги Федорова: «Стихотворения» (1898), роман из жизни башкирского народа «Степь сказалась» (1900), книга переводов с итальянского «Стихотворения Ады Негри» (1901), «Рассказы» (тт. 1—2, 1903), новый сборник «Стихотворений» (1903), сборник пьес «Обыкновенная женщина. — Стихия. — Старый дом. — Бурелом» (1903) и др. К этому времени Федоров оставил газетную работу, целиком отдался литературному труду, проявив редкостную плодовитость во всех жанрах. Его литературные связи в провинции и столицах охватывают широкий круг имен. Федорова хорошо знали в одесском «Литературно-артистическом клубе», где он был завсегдаем; своим человеком считали его и в «Товариществе южнорусских художников». ¹ Члены товарищества собирались по четвергам у художника Буковецкого; в их кругу Федоров познакомился с И. А. Бунинным и А. И. Куприным, часто наезжавшими в Одессу. Особенно близко Федоров сошелся с Бунинным. Бунин подолгу гостил на даче Федорова в Люстдорфе под Одессой. Во многих своих стихотворениях Федоров ориен-

---

¹ А. М. Федоров как дилетант занимался живописью (см.: Валентин Катаев, Святой колодец. Трава забвения, М., 1969, с. 142—143).

тировался на Бунина, а затем откровенно подражал ему. Бунин отзывался сочувственной рецензией на книгу Федорова «Стихотворения» (1898), отметив, что со времени выпуска первой книги поэт «успел значительно развить свое дарование и создать себе уже некоторое имя». ¹ Бунин противопоставлял традиционность стихотворений Федорова манерности некоторых «новых поэтов». Эти стихотворения, писал Бунин, «касались очень старых тем, носили большей частью личный характер — и в то же время убедительно доказывали лишней раз ту простую мысль, что для того, чтобы быть истинным поэтом, для того, чтобы в той или иной мере производить облагораживающее и возвышающее душу впечатление, вовсе не нужно во что бы то ни стало разыскивать «новые слова», «новую красоту», или непременно быть поэтом-философом, поэтом-гражданином, а нужно иметь только живую, чуткую к добру и красоте душу и художественный талант. У г. Федорова, без сомнения, есть и то, и другое. . .» ² К недостаткам книги Бунин отнес тот «приподнятый тон», ту «крикливость и деланный пафос», которые в еще большей мере были свойственны ранним стихотворениям автора.

Сохранилась часть обширной переписки Бунина и Федорова, проясняющая подробности их личных и литературных отношений на протяжении многих лет. ³

В начале 900-х годов Федоров познакомился с Чеховым, бывал в его ялтинском доме и состоял с ним в переписке. Чехов признавал в Федорове талантливую драматурга, вел серьезные переговоры с Немировичем-Данченко о постановке его пьес в Художественном театре. ⁴

В Петербурге Федоров был принят в народнических литературных кругах, тяготевших к редакции «Русского богатства», несколько раз появлялся на поэтических «пятницах» К. К. Случевского. ⁵

Федоров был участником литературного кружка «Среда», собиравшегося обычно в московском доме Н. Д. Телешова, а в некоторых случаях — на квартире Леонида Андреева. Здесь Федоров познакомился с Горьким, Вересаевым, Серафимовичем и многими другими.

---

¹ И в. Б у н и н, А. М. Федоров. Стихотворения, СПб., 1898. — «Южное обозрение», 1899, 15 февраля.

² Там же.

³ См.: «Письма И. А. Бунина к А. М. Федорову». — ЦГАЛИ.

⁴ См.: «Воспоминания Л. К. Федоровой». — «Литературное наследство», т. 68, М., 1960, с. 635—639.

⁵ См.: В. С м и р е н с к и й, К истории «пятниц» К. К. Случевского. — «Русская литература», 1965, № 3, с. 224.

Весной 1905 года Бунин предпринял попытку ввести Федорова в круг писателей, издававшихся «Знанием», однако Горький после некоторых колебаний отклонил эту попытку: «Скучен он, однообразен, — отвечал Горький Бунину по поводу рукописи стихотворений Федорова, — его лучшие лирические стихи — подражание Вам. Он какой-то неуклюже громогласный, не чувствуешь искренности в нем и совершенно не понимаешь — отчего стоишь человек, о чем он вздыхает? Не видно — что он любит, не ясно — о чем он мечтает».¹ Бунин же был вполне согласен со столь суровой характеристикой поэзии Федорова; отказ Горького очень огорчил его, хотя у Федорова к этому времени были достаточно широкие возможности для издания своих книг.

Федоров сочувствовал демократическому движению и живо откликнулся на события революции 1905 года, начиная с «кровавой страды» 9 января, которая, по его словам, «захлестнула все сердца, любящие Россию и ненавидящие гнет и насилие». В июне 1905 года Федоров послал Бунину письмо из Одессы, в котором подробно описал ход восстания на броненосце «Потемкин» и революционные построения восставших моряков.²

За годы первой революции Федоров выпустил три больших романа — «Земля» (1905), «Природа» (1906) и «Камни» (1907), имевших некоторый читательский успех. Кроме перечисленных, он в последующее десятилетие опубликовал еще около десятка романов и повестей, несколько сборников рассказов, две книги очерков («На Восток», 1904; «С войны», 1915), стяжав себе репутацию одного из самых плодовитых, хотя и второстепенных беллетристов.

Большая часть стихотворений Федорова была написана в 90-е годы и в начале 900-х годов. Затем его активность в качестве лирического поэта резко снизилась. Небольшой сборник Федорова «Сонеты» (1907) был встречен критическими замечаниями А. Блока в его статье «О лирике»³ и еще более резкими суждениями В. Брюсова, выступившего тогда же с обзором новых поэтических книг.⁴

Доживший до глубокой старости и почти забытый читателями, Федоров умер в 1949 году в эмиграции, в Болгарии, где он многие годы преподавал русский язык и литературу в гимназиях.

---

¹ «Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина». — «Горьковские чтения 1958—1959», М., 1961, с. 36.

² См.: А. Бабореко, И. А. Бунин. Материалы для биографии, М., 1967, с. 95—96.

³ См.: А. Блок, Собрание сочинений, т. 5, М., 1962, с. 158

⁴ См.: В. Брюсов, Новые сборники стихов. — «Весы», 1907, № 1, с. 73.

320. ЭЛЕГИЯ

Глухая ночь. Опять с страдальческой тоской,
Облокотясь в немом бессильи на перила,
Стою я одинок над сумрачной рекой,
В гранитных берегах почившей, как могила.
Нет звезд, и далеко до утренней зари.
Ненастно... В два ряда, рекой темнозеркальной,
Горят таинственно и скупо фонари,
Как ночью факелы процессии печальной.
И на душе темно и больно, что прошла
Вся жизнь забитою и для других незримой,
Средь гнета пошлости, падения и зла,
В гранитных берегах нужды невыносимой.
Да, больно, тяжело, что нечем вспомнить
Мне молодость и жизнь, отцветшую так рано;
Что сердце замерло, истерзанная грудь
Охвачена тоской, как дымкою тумана;
Что я, как инвалид, стремлюся на покой
И тускло над душой горят воспоминанья,
Как погребальных свеч тоскливое мерцанье,
Как мрачных фонарей убогое сиянье
Над этой сумрачной, безмолвною рекой.

(1889)

321—323. НА ВОЛЕ

1

Костер погас. Чуть-чуть дымится
Полуостывшая зола.
На речку сонную ложится
Фатою тающею мгла.

Спит мой товарищ по охоте.
Беззвучен ночи плавный ход.
Лишь коростель скрипит в болоте
Да рыбка сонная всплеснет.

Порою выпь тоскливо охнет,
И снова — ласковая тишь,

И над рекою не шелóхнет
Ни лес, ни дремлющий камыш.

Всё спит. Но странное волненье
Мне сном забыться не дает.
А звезды сыплются с высот,
Как драгоценные каменья.

(1894)

2

Заря! Восторженное пламя
Ее победного огня
По небу стелется, как знамя
Вновь наступающего дня.

Бегут на запад ночи тени.
А горы в пурпуре давно,
Как непорочные ступени:
По ним на трон из райской сени
Подняться солнышко должно.

(1894)

8

Солнце, солнце взошло!
Над горою крутой
Засверкал, задрожал
Солнца луч золотой.

Пробежал по реке,
В темный лес заглянул,
И отсюда пошел
Жизнерадостный гул.

«Солнце, солнце взошло!» —
Зашептали кусты,
И от счастья в лугах
Прослезились цветы;

Прослезились цветы,
И, проснувшись, земля
Гимн запела красе
Своего короля.

(1898)

324

Где ты, молодость, с бурями шумными,
С вдохновенными снами безумными,
С вешним трепетом жарких лучей,
С соловьями, с волшебными сказками,
С поцелуями, клятвами, ласками,
С целым морем огня и лучей!

То, что было тобою посеяно, —
Или вихрями жизни развеяно,
Или вырвано злою рукой,
Иль упало на почву бесплодную,
Иль загублено в зиму холодную,
Иль потоплено мутной рекой.

Ничего от тебя не осталось.
Над тобою судьба посмеялась.
А как пышно б расцвести ты могла!
Да, на горе, вражда тебя встретила,
И ничья-то душа не ответила
На призыв твой средь мрака и зла!

(1895)

325. ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Багряным золотом на западе горя,
В поблекшей зелени огнем переливаясь,
Царицей вечера красуется заря...
Вокруг еще светло, но уж звезда, купаясь
В румянном зареве, затеплилась свечой...
Близка глухая ночь, забвенье и покой.

От поля сжатого, от скошенного луга
Пахнуло холодом. Недвижимый туман

Повис над озером. К теплу и ласке юга
Высоко журавлей пронесся караван.
На ветке близ меня раздался свист несмелый,
Вспорхнул зобатый дрозд, сорвался лист, шурша,
И замер старый лес, как замок опустелый,
И грустью странною наполнилась душа.

Весна моей любви! Весна моих мечтаний!
Из пепла серого былых очарований
Зачем так ярко вы блеснули в этот час,
Что слезы хлынули из глаз
И сердце горестно зануло от страданий.

(1895)

326. ПОЭЗИЯ

Я устаю. Мне с каждым днем труднее
Борьба и жизнь. . . Соблазн манит меня.
Во тьме ночной для сердца всё страшнее
Коварный свет болотного огня.

Я духом слаб, и нет кругом опоры.
Зло шепчет мне: «Свой факел погаси!»
Нет, нет! К тебе я обращаю взоры,
Поэзия! Спаси меня! Спаси!

Ты — вздох небес. Твой непорочный пламень
Неугасим! Ты им сердца живишь.
Ты в божество преображаешь камень,
Мгновенным снам бессмертие даришь.

Явись ко мне! От пошлости надменной
Мой шаткий дух к святыне вознеси!
Пусть он падет к стопам ее смиренный! . .
Поэзия! Спаси меня! Спаси!

Спаси меня! Как мрачных дум Саула,
Коснись души могуществом крыла!
Ты в грудь мою святой огонь вдохнула,
Но силы мне для битвы не дала.

О, верю я, — хоть ум туманит горе, —
Есть правда здесь, есть бог на небеси.
Но человек — песчинка в бурном море...
Молюсь тебе с надеждою во взоре,
Поэзия! Спаси меня! Спаси!

(1896)

327. УМИРАЮЩЕЕ ЛЕТО

В спокойной древности эпикуреец умный,
Готовясь умереть, чертог свой украшал
Цветами, пурпуром... Сам пышно возлежал
На ложе царственном в беспечности бездумной.
От яств затейливых ломилися столы,
Все редкие плоды тропического сада
Алели бархатом средь гроздий винограда,
И воздух полон был душистой, влажной мглы.

Так лето знойное, готовясь умереть,
Окрашивает свой чертог незащищенный
Таковыми красками, что взгляд на них смотреть
Невольно устает, восторгом утомленный.
Пышней и ярче всё на склоне летних дней:
Алее пурпур зорь на небе отдаленном,
Светлее трепет звезд, синее мрак ночей,
Прозрачней глубь волны на озере студенном.

Но смерть уже грозит. Жестокая рука
Сорвет с земли венец, налитый ароматом.
Уж чую холодок зловещий ветерка:
То вестник осени, бестрепетный, как фатум.
А по ночам блестят пророческим огнем
Созвездья яркие на небосклоне ночи:
Вон Лебедь, Водолей, Пегас, Персей, и в нем
Альголь обманчивый, как любящие очи;

Телец, где пурпуром горит Альдебаран,
Возничий царственный с Капеллой золотою
И пара Близнецов, сквозь палевый туман
Горящих бледною и дружною четою;
Надменный Сириус блестит в созвездьи Пса,

И Ригель пурпурный в созвездьи Ориона
Восходит на небо, как полночи краса,
Как властный смерти жезл в руке центуриона.

Но холоден их блеск, и в нем провидит глаз
Мертвящий взгляд зимы, упорный и бесстрастный:
Так иней и роса сверкают, как алмаз,
По зорям осени безжизненной, но ясной.
Кой-где уж лист упал и яркий цвет поблек,
И, точно капли слез, забвенья и обиды,
С небес струится звезд блистающий поток:
То, искрясь, над землей летят Андромедиды.

(1896)

328. СНЕГ ПАДАЕТ

Снег серебряный вьется и вьется и медленно падает
На холодную землю... Мой взор,
Мою душу волнует, волнует и радует
Этот белый ковер.

Мне мила красота, как мечта непорочно-бесстрастная,
Этих чистых снежинок немых.
Дышат миром они, как молитва божественно ясная,
Как возвышенный стих.

Высоко над землей разлучились они на мгновение,
Чтобы снова сойтись на земле.
Как торжественно тих и воздушен полет их, падение
В очарованной мгле.

Точно плащ кружевной, развеваясь, сквозит
и колышется
И роняет свой девственный пух.
Мне в движеньи его гармоничная музыка слышится,
Ею грезит мой слух.

Это жертва небес, в них надежда земли на спасение,
В них залог для грядущей весны,
Благодатный покой, беспредельное счастье забвения,
Вдохновенные сны.

Снег серебряный вьется и вьется и медленно падает
На холодную землю... Мой взор,
Мою душу волнует, волнует и радует
Этот белый ковер.

(1896)

329. ПОД ШУМ ДОЖДЯ

Душно... душно... Мне не спится,
Ночь, как я, без сна томится,
И вздыхает, и считает маятника стук.
Сердцу жутко от покоя.
Бредит мысль... Открыл окно я...
Тишиною неземною всё полно вокруг.

Сад не дрогнет, не шелохнет,
Влаги ждет, без влаги сохнет...
Небо в тучах; и в пахучих чашечках цветов
Ароматы притаились...
Точно все без слов молились,
Чтоб живую пал росой дождь из облаков...

И неясный звук раздался.
То не с ветки ль лист сорвался?..
Взволновался, зашептался густолистный сад.
Дождевые капли с неба,
Как с колосьев зерна хлеба,
Осыпаясь, учащаясь, по листве стучат.

И какой-то шорох внятный,
Переливный, благодатный,
Стройно, важно и протяжно потянул в ветвях...
Будто вел с землею споры
И держал переговоры
О небесных, о чудесных тайнах и делах.

И под гул дождя ночного
Как-то весело и ново
Мне мечталось и дышалось в мраке у окна,

И казалось, со мною
Речью мягкою, родною
Говорила и сулила счастье весна.

Чьи-то тени колыхались,
Чьи-то очи загорались,
Вспоминались, улыбались милые черты. . .
Дождь прошел. . . Душистый, свежий
Смолкнул сад. . . Всё тише, реже
Трепетали и роняли капельки листы.
(1897)

330

Всё какие-то сны наяву,
Всё какие-то светлые грезы.
В сердце нежная грусть и любовь,
А в глазах — непонятные слезы.

Как цветов полевых аромат,
Звуки тайные душу ласкают.
Точно бабочки, вьются, звенят
И, как вздохи влюбленные, тают.

С ними вдаль я куда-то лечу,
Но в слова заключить их не смею,
И с блаженной улыбкой молчу
И в немом обаянии млею.

Что со мною — и сам не пойму.
Льются звуки. . . Ласкаются грезы. . .
В сердце нежная грусть и любовь,
А в глазах — непонятные слезы.
(1898)

331. ГРУСТЬ

Есть дни, когда ко мне ласкается печаль:
Я никуда не рвусь и ни о чем не грежу.
Мне жаль тогда себя, и молодости жаль,
И этой грустью я себя томлю и нежу.

Один я — и грущу о том, что одинок.
Но если б в этот миг сама любовь, украдкой,
Приветливо ко мне ступила на порог —
Я б пожалел о ней, об этой грусти сладкой.

(1898)

332. ТЕНИ

Лунный свет, как голубой туман,
Всё вокруг прозрачностью окутал,
С мертвой правдой слил живой обман,
С правдой жизни грезы перепутал.

Не шелохнут листья в тишине,
Сад таким покоем очарован,
Что на белой глиняной стене,
На тени, как будто нарисован

Каждый листик... Слышно, как крылом
Воздух распахнет ночная птица.
Влагой рос и полевым теплом
Пахнет золотая медуница.

Звезды неба и огни земли
В эту ночь как будто с счастьем спорят...
Я всё жду, что тень мелькнет вдали
Или дверь в душистый мрак отворят...

Но забита дверь в заглохший сад,
Поросли сухой травой ступени,
И на них недвижимо лежат
Прошлого тоскующие тени.

(1898)

333—338. В БАШКИРСКОЙ СТЕПИ

1

Ковыль цветет. Вся степь как бы седая.
Я еду вдаль... Куда ни посмотрю —
Везде простор без грани и без края,

И всё поет, цветет, благоухая,
Как гурию, приветствуя зарю.

Я опьянен. Иль вижу въяве диво?
Иль грезит степь былым передо мной?
Арабский конь промчался горделиво:
То Зюлькарнейн ведет полки спесиво, —
Но мирный скиф отхлынул пред войной.

Войска прошли. Опять игра тумана:
Чудь... Половцы... Биармии орда...
Как сонмы туч, как волны океана,
Колышутся обозы Тамерлана,
Звенят мечи, кровь льется как вода.

Кричат орлы. Зловещий ворон стонет...
Туман исчез, и даль опять светла.
Но кто там вновь? Иль ветер тучу гонит?
Иль снова степь кого-нибудь хоронит?
То Русь идет... Гудят колокола...

Очнулся я... Волшебств исчезла сила.
Передо мной беспечно степь цветет.
Немой курган, безвестная могила...
Лишь о минувшей вольности уныло
Башкир-ямщик тоскует и поет.

2

Какая даль! Какой простор!
В степи, как в небе, тонет взор,
И мысль летит за ним вослед,
И ей нигде преграды нет.

Кругом зеленый океан.
На нем — волной застыл курган,
И всюду, пеной бурных вод,
Ковыль серебряный цветет.

Порою, с ветром наравне,
Башкир промчится на коне...

Стада овец, обоза цепь,
Аул... А там — всё та же степь,

Всё та же ширь, всё та же даль,
Всё тех же рек живая сталь...

Здесь царство ясной тишины.
Здесь ложе северной весны!

3

РАССВЕТ

От сияния победной
Алой утренней зари
Грустно меркнет месяц бледный,
Звезд тускнеют янтари.

Ветерок летит, вздыхая,
Перед близостью утра,
И с зеленой степи, тая,
Поднимается чадра.

В красоте своей волшебной
Развернулась степь кругом,
Птичьих гимнов звон хвалебный
Пал на грудь ее дождем,

И, дивясь великолепию
Каждой травки и цветка,
Точно лебеди, над степью
Серебристой встали цепью
Кочевые облака.

4

ПОЛДЕНЬ

Зноен полдень. Степь не дышит.
Влаги ждет земля.
Сонный ветер не колышет
Пуха ковыля.

Неподвижно солнце встало
В бледной синеве.
Кобылицы тупо, вяло
Замерли в траве.

Смолкли птицы, прячась в гнездах,
Всё молчит без грез.
Лишь звенит, струясь, воздух
Тиканьем стрекоз;

Да кругами вольный кречет
Правит свой полет
Там, где солнце стрелы мечет
С голубых высот.

5

ВЕЧЕР

Посмотри: с горы отлогой,
Точно каменный обвал,
Пыль крутя, в аул убогий
Скот на отдых поскакал.

Топот, рев, бляёнье, крики,
Треск пастушьего кнута —
Всё слилось в хаос дикий,
Всюду шум и суета.

Скоро всё уgomонится.
Блекнет вечер. Молкнет гул.
С звонким ржаньем кобылицы
Пронеслись в родной аул.

Наступает вечер мирный —
Семьи к ужину сошлись;
И, дымясь, струею жирной
В ведра прядает кумыс.

НОЧЬ

Я вышел в степь. Одета тьмою,
 Под звездоносною чалмою,
 Спит, золотая, и не спит.
 Всё слышит, видит и звенит

Ночным стозвучным дружным хором...
 Над всем торжественным простором,
 В густой траве, вблизи, вдали
 Перепела, коростели

Перекликаются... Чуть дышит
 Прохладой влажный ветерок
 И травы сонные колышет...
 Меланхоличен и далек,

Звенит бубенчик серебристый,
 И в уреме густой, душистой,
 В каком-то страстном забытън,
 Зовут к блаженству соловьи.

(1898)

339. МОЕМУ СЫНУ

Усни, мой мальчик, в неге сладкой...
 Спи, баюшки-баю...
 Как над томительной загадкой,
 Я над тобой стою...

Что ждет тебя? Какую долю
 Тебе готовит рок?
 Улыбки ль счастья и волю,
 Терновый ли венок?

Как часто в глубь души родную
 Твоих невинных глаз
 Гляжу с любовью и тоскою
 О том, что мрак для нас.

И, как по звездам безмятежным
Пытливый астролог,
Хочу прочесть по глазкам нежным
Твою судьбу, сынок.

Но что б тебя вдали ни ждало
И кем бы ни был ты,
Живи во имя идеала
Добра и красоты.

Не забывай, что кровь народа —
Твоя родная кровь,
Что с ним у вас одна свобода,
И благо, и любовь.

Твой дед был раб... Он мне в наследство
Оставил след цепей.
Мое безрадостное детство
Угасло без лучей.

Заря твоей безвестной жизни
Ясна, светла, как рай,
Что дал тебе я — ты отчизне
Как долг святой отдай.

И будет мне легко в могиле,
Коль заповедь мою
Исполнишь ты, покуда в силе...
Спи, баюшки-баю.

(1898)

340

Опять я вижу берег дикий,
Обрывы, скалы и пески,
Где чаек жалобные крики
Томят созвучьями тоски.

Передо мной пустыня — море,
Безбрежность, даль и небеса,
И в отуманенном просторе —
Как тени жизни — паруса.

И в шуме волн я слышу снова
Живой укор: глагол судьбы
О мимолетности земного,
О безнадежности борьбы.

Что радость, скорбь, любовь, измена?
Всё суета, и тлен, и прах —
Мгновенно тающая пена
На вечно плещущих волнах...

И я внимаю их призывам,
И слышу шепот их, грустя,
И в одиночестве счастливом
Позабываюсь, как дитя.

(1898)

841

И осень уж давно, а дни еще румяны,
Как раннею весной. Морозит по утрам,
И легкой дымкою молочные туманы
Ползут по убранным полям;
Они задернули увядшие равнины
И матовую гладь безжизненных озер;
Одни лишь озими оазами в пустыне
Блестят, как бархатный ковер,
Да лес, пурпуровой и желтою листвою
Расцвеченный, горит при солнечных лучах.
Над ним грачи кричат с досадной суетою
И ястреб реет в облаках.
Лесной опушкою рассеянно бреду я.
Вдруг вальдшнеп выпорхнул почти что из-под ног.
И меж ветвей, хрипя, исчез из глаз... Тоскуя,
Тихонько шепчется с осиной ветерок,
Как бы прощается... За дальнею горою
Погас последний луч... Вечерняя звезда
Свечой затеплилась... Всё дышит тишиною...
О, в этот мирный час усталою душою
С природой слиться б я хотел, как никогда!

(1898)

342. СУМЕРКИ

Еще на небе ночь огней не зажигает,
А гомон стад умолк. Прощальным вздохом дня
Вечерняя заря туманится и тает. . .
И долго в тишине, отчетливо звеня,
Дрожит и носится протяжный оклик женский,
Оборванная песнь и ржание коня,
Собачий лай и скрип калитки деревенской.

Но с первою звездой за звуком гаснет звук,
И с тьмою тишина плывет, чаруя землю.
Неведомой тоской душа полна. . . И вдруг
Я замер, затаил дыхание и внемлю:

В вечернем воздухе, дрожащем, как струна,
Волнуя, радуя и что-то обещая,
Бубенчик прозвенел. Всплеснулась тишина.
Клубится пыль вдали, и тройка удалая,
Как смелый барельеф чугунный, в полутьме
На фоне золотом застыла на холме.

Сюда?! Сюда? . . Увы, промчались кони мимо,
И только пыли столб, теряющийся звон
Да сердца быстрый стук твердят неумолимо,
Что то был не мираж, не грезы и не сон.

(1898)

343

Нет, не просите у певца
Могучих песен ободренья,
Когда вокруг него сердца
Изнемогают от мученья,

Когда, ни в чем не находя
Для чувств возвышенных исхода,
Толпа напрасно ждет вождя,
Борцов напрасно ждет свобода.

И не корите вы с тоской
Его в покорности бесплодной:
В страданиях он, как ключ с рекой,
С душой сливается народной.

И если стоном, полным мук,
Прорвется песнь его из груди,
За вас рыдает он, как друг,
За вас, измученные люди!

(1898)

344. ПРИВЕТ

Вновь к тебе пришел я, море,
В сердце, в мыслях и во взоре
Истомленный, я принес

Тяжкий груз людских страданий,
Эхо горестных рыданий,
Яд невыплаканных слез.

Как свое дитя больное,
Успокой меня, родное...
Всю тоску моей души

На волнах своих размыкай
И мелодию дикой
Вопли сердца заглуши!

(1898)

345. СТРАХ

Ночь. Ненастная ночь... Веет холодом мрак.
В сердце ужас вползает змеею:
Точно встал за спиною неведомый враг
И грозит мне костлявой рукою.

Острый ветер шумит в обнаженном саду.
Злобно хмурое небо беззвездно,
И деревья, качаясь, как будто в бреду,
Шепчут что-то безумно и грозно.

Старый сад мой, скажи мне, скажи мне: о чем
В эту ночь ты шумишь так уныло?
Бурный ветер, поведай, что в мире земном
Твой тоскующий дух возмутило? . .

Как скелеты, деревья гремят в тишине. . .
Ветер всё безнадежнее стонет:
Точно горем грозит неизведанным мне,
Точно всё мое счастье хоронит. .

Чу... Стучатся... Кто там? . . На вопрос мой в ответ
Ночь шепнула зловещее что-то
И взглянула в окно. . . В небе звездочки нет,
А в душе моей — страх без отчета!

(1898)

346

Заплутался я в потемках, затерялся.
Я дороженьки искал, не доискался.
Погубил я даром время лишь да силу.
Обступили меня чудища лесные,
Охватили меня ужасы ночные. . .
Убежать бы! Убежать бы, хоть в могилу.

Я глаза свои зажмурил, чтоб не видеть.
Я закрыл руками уши, чтоб не слышать.
А лесной проклятой погани нейметя:
Пуще дразнит, пуще давит и пугает,
Диким полчищем всё ближе обступает;
Свист да хохот неотвязней раздаётся.

Но просить у них пощады я не стану.
Лучше грудью упаду я на поляну,
Обниму я землю-матушку руками,
Стисну сердце я печалью, как тисками, —
Пусть деревья в диком ужасе вздыхают,
Меня заживо листвою засыпают.

(1898)

Отгремели в дымных тучах разыгравшиеся громы,
 Отблестали молний жгучих быстролетные изломы,
 Вырываяся, как лава, струйкой яркою, неожиданно
 Из расщелин и из трещин огнедышащих вулкана;

И весенний дождь веселый голубыми полосами
 Пал на нивы и на доли, окаймленные лесами,
 Пал счастливыми слезами первой страсти, вешней
страсти,
 У которой все богатства, вся вселенная во власти.

Зашептался, засмеялся дождь в саду моем зеленом,
 Каждый листик отозвался вздохом, трепетом
иль звоном. . .

Сад стоял в цвету, подобно новобрачной у порога,
 Осыпаемый, как хмелем, благодатью щедрой бога.

Дождь прошел с улыбкой вешней. Сад умолк
и притаился,
 Точно он душой безгрешной благодарственно молился,
 И по небу, из-за тучи с серебристыми краями,
 Еле спрятанное солнце разбежалось лучами.

(1898)

348. СЕРДЦЕ ПОЭТА

Колокол — сердце поэта,
 Колокол наш вечевой.
 Не пропадет без ответа
 Звон его властно-живой.

Всем, кто неправдой унижен,
 Всем, кто сильнейшим обижен,
 Голос дарует он свой.

Ночью уснувших он будит,
 Если им гибель грозит,
 Злых беспощадно осудит,
 Добрым любовь возвестит.

Всем, и богатым и бедным,
Звоном торжественно-медным
Он равномерно гудит.

Путник с дороги собьется,
Всадник погубит коня, —
Всем он, гудя, отзовется,
Всех ободрит он, звеня.

Колокол звоном отрадным
Страшен лишь хищникам жадным,
Совам, боящимся дня.

В дни треволнений народных,
В дни неудач и утрат
В звуках его благородных
Мир и надежды звучат:

Весть, что погибнут обманы,
Знак, что исчезнут туманы,
Снова лучи заблестят.

Если же праздник настанет,
Праздник любви и труда,
Колокол радостно грянет
Гимном весне, и тогда

Эхом земля его встретит,
Каждый цветочек ответит,
Каждая в небе звезда.

Песня — пестунья народа,
Песня — его часовой.
На голос песни свобода
Шествует смелой стопой.

Песнь — это музыка света...
Колокол — сердце поэта,
Колокол наш вечевой.

(1898)

349. О, УМЧИ МЕНЯ ВДАЛЬ!

О, умчи меня вдаль, в горы, в горы с собой,
Где сверкают снега, как земной ореол,
Где, стрелою пронзая простор голубой,
Расправляет звенящие крылья орел;

Где земля уж не прах, где не тронет меня
Голос света, пустой, как глупцов суета,
Где, сильна и горда, не паду я, стена,
Под тяжелою ношей земного креста.

О, умчи меня вдаль, чтоб могла я тебя
Без боязни любить там, где ветры — цари,
Средь цикламен и сосен косматых, любя,
Напоить тебя лаской нежнее зари.

Здесь туман тяготеет над сердцем моим,
Здесь поэзия гибнет на ржавых полях.
В горы, в горы умчи, к небесам голубым,
Где безмолвная вечность стоит на часах.

Между 1896 и 1898

350. ПУСТЫНЯ

Пустыня мертвая пылает, но не дышит.
Блестит сухой песок, как желтая парча,
И даль небес желта и так же горяча;
Мираж струится в ней и сказки жизни пишет.

Такая тишина, что, мнится, ухо слышит
Движенье облака, дрожание луча.
Во сне бредет верблюд, как будто зной влача,
И всадника в седле размеренно колышет.

Порою на пути, обмытые песком,
Белеют путников покинутые кости
И сердцу говорят беззвучным языком:

«О бедный пилигрим! Твой путь и нам знаком:
Ты кровью истекал, ты слезы лил тайком.
Добро пожаловать к твоим собратьям в гости».

(1903)

351. БАШНЯ БЕЗМОЛВИЯ

Есть в Индии, на выступе высоком,
Немая башня, вестница земли;
Ее далёко видят корабли:
Там смерть царит в безмолвии глубоком.

Чума и голод рыщут над Востоком.
Уж нынче многих в башню принесли;
Над ними грифы тризну завели,
А кости дождь в залив умчит потоком.

Как изваянья бронзовые, спят
На древних камнях парсовой гробницы
Противные пресыщенные птицы;

Их головы змеинные висят. . .
А солнце жжет, от зноя воздух глохнет,
И на песке вода горит и сохнет.

(1903)

352. СИРИУС

Надменный Сириус на полночи стоял.
Звенел морозный вихрь в ветвях обледенелых.
На гребнях тяжких волн, в изломах снежно-белых,
Дробился лунный свет и искрами блистал.

Но глух был грохот волн, от бури поседелых,
Как будто с вечных гор катился вниз обвал,
И клочья пены вихрь налетом с них срывал
И вешал на камнях и скалах почернелых.

В спокойных гаванях дремали корабли.
Но гордый огонек заметил я вдали:
То вдруг он возникал, то пропадал в просторе.

Безумная душа, кто ты? Зачем? Куда?
Вот новая среди звезд затеплилась звезда. . .
А там, где был огонь, оделось в траур море.

(1903)

353. СТЕПНАЯ ДОРОГА

«Засни, засни... — весь день докучно,
Однообразно, однозвучно
Звонят и стонут бубенцы. —
Засни, о странник наш печальный,
Засни в степи многострадальной,
Где спят бездольные слепцы».

«Засни, засни, — мне шепчут травы, —
Людские козни так лукавы,
Ты так измучен весь борьбой.
Сон принесет тебе забвенье
И неземное примиренье
С людьми, и с жизнью, и с судьбой».

И теплый ветер, пролетая
Над тощей нивой и склоняя
Ее колосья до земли,
Вздыхает тихо и глубоко:
«Засни, засни здесь одиноко
И зову сердца не внемли».

Я и сплю и не сплю...
Чьи-то стоны ловлю.
Динь-динь-дон, динь-динь-дон...
Колокольчика звон
Мне уснуть не дает, —
Он гудит, он поет:
«Я — страдальческий стон
Из глухих деревень,
Я несусь ночь и день
От голодных, больных,
И уснувших бужу,
И везде нахожу
Эхо горестей их».

Вздвогнул я... Но вокруг та же степь, небосклон,
И всё так же гудит колокольчика звон...
Тихий вечер идет... Дремлют нивы в тени:
«О, усни, бедный путник, усни...»

Я и сплю и не сплю...
Чьи-то вздохи ловлю:
Вздохи давят мне грудь,
Не дают отдохнуть.
Шепчет кто-то родной:
«Я не ветер степной.
Я от муки иссох.
Я — страдальческий вздох
Истомленных сердец.
О, внимли мне, певец!
Всюду, всюду вокруг,
Как зловещий недуг,
Голод крылья простер
И, как хищник, как вор,
Всё украл, всё унес,
Кроме горя и слез».

И опять вздрогнул я... Но вокруг — тишина...
В небе острым серпом засияла луна...
Светят звезды... Всё спит в утомленной степи.
Ветер шепчет: «О странник мой, спи».

Я и сплю и не сплю...
Чей-то голос ловлю,
Голос грозный, как бич,
Как воинственный клич:
Мысль бессонная мне
Говорит в тишине:
«Я, как совесть, сильна,
Я, как буря, вольна,
Я — сияние дня,
Нет цепей для меня,
Я повсюду парю,
Со звездой говорю,
Я, как море, чутка
И, как скорбь, глубока...»

Всё, что видела я, не забуду.
За тобой понесу я повсюду
Этих мук безнадежных хаос,
Эту мрачную тьму без рассвета,

Этот вечный призыв без ответа,
Это море кипящее слез.

От тебя отниму я забвенье,
Отравлю я твое наслажденье...
Ты к устам ли влюбленным прильнешь —
Пред тобою я, бледная, встану
И раскрою кровавую рану,
И любовь оттолкнешь ты, как ложь.

И одна за другой со слезами,
Как туман на заре, пред глазами
Тени женщин вдали проплывут:
Как их щеки землисты и впалы!
Как их взоры мрачны и усталы!
Как измучил их голод и труд!

Видишь — мать, и ребенок голодный
Тянет грудь ее с мукой бесплодной...
О, как ей его жизнь дорога!
Но дитя не спасти ей любовью!
Уж из десен, сочащихся кровью,
На него дышит смертью цинга.

А когда ты к губам воспаленным
Поднесешь свой бокал с опененным,
Резво мечущим искры вином —
Я явлюсь к тебе в образе новом
И напомню виденьем суровым
Погребенное в сердце твоём:

Степь глухая... бураны... сугробы...
Среди них, как забытые гробы, —
Села... Черные избы без крыш...
Дым из труб закоптелых не вьется.
«Хлеба! Хлеба!» — как вопль, раздается,
Но зерна не отыщет и мышь.

Там живут безнадежно и глухо
Твои братья по крови и духу,
Тот великий смиреньем народ,
Кто бросает для нас свои зерна,

Зато как всё потом вздохнет свежо и вольно!
Как птица, и цветок, и колос оживет!
Грозы! Скорей грозы! Дышать уж стало больно,
И сердце в грудь, как молот, бьет.

(1903)

355

Шарманка за окном на улице поет.
Мое окно открыто. Вечереет.
Туман с полей мне в комнату плывет,
Весны дыханье ласковое веет.

Не знаю, почему дрожит моя рука.
Не знаю, почему в слезах моя щека.
Вот голову склонил я на руки. Глубоко
Взгрустнулось о тебе. А ты... ты так далеко!

(1903)

356

Я весною люблю одиночество;
Я весной лишь природу люблю,
В каждом вздохе я слышу пророчество,
В каждом звуке намеки ловлю.

Пусть ничто никогда и не сбудется, —
Мне восторги дороже всего.
Лишь в несбыточном счастье чудится,
Лишь в далеком светло божество.

Я весною брожу как потерянный,
Небо слушаю, землю, себя
И капризным волнам, неуверенный,
Отдаюся, грустя и любя.

В сладкой лени и детской беспечности
Никого ни о чем не молю.
Я плыву по волнам бесконечности,
Я весну одиноко люблю.

(1903)

Аполлон Аполлонович Коринфский родился 29 августа 1868 года в городе Симбирске в небогатой дворянской семье. Отец его, Аполлон Михайлович, кандидат естественных наук Казанского университета, много лет прослужил в должности городского судьи и мирового посредника, а затем поселился в своем имении, сельце Ртищево-Каменский Отколоток Симбирского уезда. Там и прошло детство поэта. Мать Коринфского, Серафима Семеновна Волкова, умерла в день рождения сына, и все заботы о судьбе осиротевшего мальчика легли на отца.

Родоначальником потомственных дворян Коринфских был дед поэта, Михаил Петрович, выходец из семьи арзамасского крестьянина-мордвина Варенцова, занимавшегося земледелием и мелкой торговлей. Выучившись грамоте у приходского дьячка, Михаил Варенцов бежал из дому, с помощью друзей-семинаристов поступил в Казанскую гимназию, с успехом окончил ее и за выдающиеся способности к рисованию был послан на казенный счет в Петербургскую Академию художеств. Избрав своей специальностью архитектуру, он при выпуске представил проект в коринфском стиле, за который получил большую золотую медаль и звание академика. Как отмечает в своей автобиографии Коринфский, император Александр I, присутствовавший на торжественном акте Академии, «заинтересовался личностью автора-художника и, узнав о его судьбе, повелел именоваться ему не Варенцовым, а Коринфским, собственноручно написав об этом на его конкурсном плане».¹

Впоследствии многие считали литературное имя Аполлона Коринфского многозначительным псевдонимом в стиле «чистого искусства», не подозревая, откуда в действительности такая звучная фамилия у поэта, происходившего по прямой линии из мордовских крестьян.

---

¹ ПД.

Пяти лет Коринфский остался круглым сиротой, после смерти отца его воспитанием занялись родственники и гувернантки. Еще не умея читать, он заучивал наизусть стихотворения Фета, Майкова, Полонского, которых называл потом своими первыми поэтическими учителями.

В 1879 году Коринфский поступил в Симбирскую гимназию и был зачислен в первый класс — тот самый, что и девятилетний Владимир Ульянов (Ленин). «Семь лет волею судеб и в силу землячества, — писал Коринфский, — мне пришлось провести с ним в стенах Симбирской губернской гимназии. Оба мы — волжане симбирцы. . . Илья Николаевич Ульянов, отец его, был довольно заметным на губернском горизонте деятелем. . . И. Н. Ульянов являл собою живую силу на фоне плесневевшей от затхлой мертвечины провинциальной глуши. Один (старший) из его сыновей — Александр — пал жертвой старого режима, принеся многообещающую молодую жизнь на алтарь «погибающих за великое дело любви» — к родине, к родному народу. Будучи студентом С.-Петербургского университета, этот питомец той же Симбирской гимназии принадлежал к тайной революционной организации, подготовлявшей государственный переворот в восьмидесятых годах, — был выслежен, арестован и казнен — «ad majorem Александра III gloriam» (к вящей славе. — *Ред.*). Он шел в гимназии класса на четыре, на три старше нас с Владимиром.

Другой сын Ильи Николаевича — Ленин. Этим все сказано: комментарии были бы, при его всесветной известности, совершенно излишни в этих. . . „листочках воспоминаний”». ¹

Сохранились свидетельства, подтверждающие, что в юношеские годы В. И. Ленин бывал у Коринфского, пользовался его прекрасной домашней библиотекой, вызывавшей восхищение школьных друзей. Библиотека эта помещалась в так называемом Языковском доме в Симбирске, где когда-то останавливался Пушкин. Здесь Владимир Ульянов мог получить книги революционных демократов, изъятые к 80-м годам из общественных библиотек, комплекты старых литературных журналов, произведения классиков мировой литературы и многие редкие книги, которые в Симбирске нелегко было достать. ²

---

¹ «Вечернее слово», 1918, 1 июня. Это едва ли не первые опубликованные воспоминания о гимназических годах В. И. Ульянова-Ленина, содержащие интересные подробности из жизни Симбирской гимназии 80-х годов.

² См.: Д. М. Андреев, В гимназические годы. — «Звезда», 1941, № 6, с. 7; Ж. Трофимов, Здесь каждый камень Ленина помнит. . . — «Наука и жизнь», 1969, № 8, с. 12—13.

Сам Коринфский указывает, что после гимназии он никогда не встречался с Владимиром Ульяновым и до выступления Ленина с балкона дворца Кшесинской в 1917 году не мог даже предположить, что Ленин и Ульянов — одно и то же лицо.

В старших классах гимназии Коринфский входил в литературный кружок и одно время издавал рукописный журнал «Плоды досуга». Гимназическое начальство довольно косо смотрело на эти «плоды», как и вообще на усиленное внеклассное чтение книг, не предусмотренных казенной программой. Это обстоятельство, между прочим, и послужило причиной досрочного выхода Коринфского из гимназии. Он решил бросить последний выпускной класс и сменить наскучившие занятия на свободный литературный труд. Вскоре после ухода из гимназии Коринфский заведовал симбирским отделением «Казанского листка».

Начало литературной деятельности Коринфского относится к 1886 году. В симбирских и казанских газетах он печатал библиографические заметки, фельетоны и корреспонденции из симбирской жизни; вел также «Журнальное обозрение» «Симбирской газеты» (за подписью «Б. О. Колюпанов»). В 1887 году Коринфский опубликовал в «Казанском листке» свой первый рассказ «Не вынесла!»; в следующем, 1888 году один из петербургских иллюстрированных журналов поместил первое его стихотворение. С тех пор многочисленные стихотворения, беллетристические и этнографические очерки, фельетоны на общественные темы и критические статьи Коринфского регулярно печатались в провинциальной и столичной прессе.

С начала 90-х годов Коринфский — деятельный сотрудник многих литературных изданий и журналов. Он принимал участие в редактировании московского иллюстрированного журнала «Россия» (в 1890 году), был помощником редактора журнала «Наше время» (1892—1894), ближайшим сотрудником журнала «Всемирная иллюстрация» и других. В письме к редактору «Всемирной иллюстрации» П. В. Быкову Коринфский откровенно признавался: «Появление стихов в печати в настоящее время моего «рукопечатания» меня едва ли меньше радует, чем десять лет тому назад, когда я выступал робким новичком в провинции и кое-где по столичным мелким журнальцам... А я весь — по уши увяз в сушащей мозг и убивающей творчество работе... Ежедневная каторга... день и ночь в редакции... Тяжело достается хлеб, но ведь без каторжного труда не просуществовать нашему брату-пролетарию с семьей. Взятся за гуж — не говори, что не дюж».¹

---

¹ ПД.

А. А. Коринфский

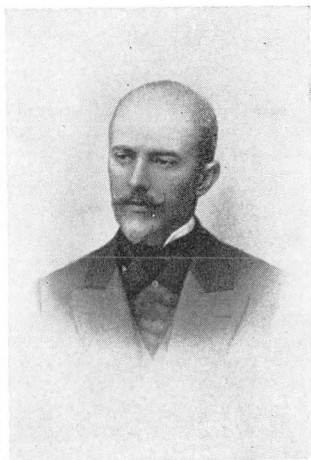
К. Р.

П. Д. Бутурлин

С. А. Сафонов

Д. М. Ратгауз

С середины 1894 года Коринфский заведовал редакцией журнала «Север», а с конца 1896 по октябрь 1897 года был редактором этого журнала. Положение Коринфского в литературе упрочилось. С середины 90-х годов он издает одну книгу за другой: «Песни сердца» (1894, 2-е издание — 1898), «Черные розы» (1896), «На ранней зорьке» (1896), «Тени жизни» (1897), «Гимн красоте» (1899), «Бывальщины» (1899), «В лучах мечты» (1905) и другие. Сохранилось письмо И. А. Бунина к Ап. Коринфскому (от 7 сентября 1895 года), где он осведомляется о выходе его ближайшей книги и добавляет: «Вам везет, Аполлон Аполлонович, — Вам нужно работать, потому что это Ваша сфера, говорю серьезно и искренно, именно сфера, потому что Вы свободны в ней». ¹ Но спустя два года на очередной (четвертый) сборник его стихотворений Бунин написал уже резко отрицательную рецензию, в которой иронически и зло высмеял многописание Ап. Коринфского. ²

В Петербурге у Коринфского образовался широкий круг разнообразных литературных знакомств. Он бывал в доме Я. П. Полоцкого, на «пятницах» К. К. Случевского, где собирались поэты разных поколений и школ. Своеобразной данью этим литературным вечерам были критические этюды Коринфского — «Поэзия К. К. Случевского» (СПб., 1900) и «Д. Н. Садовников и его поэзия» (СПб., 1900). С К. К. Случевским, который занимал официальный пост главного редактора «Правительственного вестника», Коринфский был связан также служебными отношениями — с 1895 года он состоял одним из помощников главного редактора по историческому отделу, и почти все историко-этнографические очерки, появлявшиеся в «Правительственном вестнике» во второй половине 90-х годов, принадлежали его перу.

Рано пристрастившись к литературе, Коринфский и в гимназии, и в более поздние годы с повышенным интересом прислушивался к народному слову, к сказкам, преданиям, пословицам и загадкам пестрого волжского люда. Коринфский хорошо знал волжский фольклор, и для изучающих народный быт и нравы Поволжья некоторые его наблюдения в стихах и прозе представляют несомненный интерес («Бывальщины и Картины Поволжья», СПб., 1899; «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц», М., 1901; «Волга. Сказания, картины и думы», М., 1903; «В мире ска-

---

¹ ПД.

² «Новое слово», 1897, кн. 6 (в разделе «Новые книги»). Рецензия была опубликована без подписи. Об авторстве И. А. Бунина см.: А. Бабореко, И. А. Бунин. Материалы для биографии, М., 1967, с. 61.

заний. Очерки народных взглядов и поверий», Пб., 1905; «За далью веков. Исторические рассказы, очерки и стихотворения», М., 1909).

В русской поэзии Коринфский — современник Бальмонта, Бунина, Брюсова, но по оригинальности и масштабам таланта их трудно сравнивать. Слишком много в стихах Коринфского вторичного, книжного, светившего отраженным светом. Отвечая на одну из литературных анкет, Коринфский перечислил писателей, которые имели на него наибольшее влияние; среди них на первом месте — Пушкин, Фет, А. К. Толстой, Полонский, Некрасов.¹

Коринфский стремился соединить некоторые риторические формулы «гражданской поэзии» с эстетическими канонами «чистого искусства». Сам он определял свое кредо тройственной формулой: «Возвышающая красота. — Доля народа. — Свобода мысли и труда».²

За стилизации в былинно-эпическом духе Ап. Коринфского называли наследником Алексея Толстого и Льва Мея, а иногда даже причисляли к поэтам народнического направления. На самом деле он держался умеренных взглядов, в которых не было ничего специфически народнического. При всей цветистости, тяге к старине и славянскому орнаменту, в поэзии Коринфского звучали порой и злободневные ноты, искреннее сочувствие к тяжелой народной доле («Песни голи и бедноты», СПб., 1909).

В пору общественного подъема революции 1905 года Коринфский написал и напечатал (под разными псевдонимами)³ массу сатирических стихотворений обличительного характера. С осени 1905 по март 1908 года Коринфский редактировал газету «Голос правды», но в общем политика мало занимала его. Он не отличался определенностью политических взглядов и сотрудничал в литературных изданиях самых разных общественных оттенков и направлений — от радикального сатирического журнала «Зритель» до официального «Правительственного вестника».

За долгие годы своей литературной деятельности Коринфский не мог пожаловаться на невнимание критики. Выпущенные им книги отмечены большим числом печатных отзывов и рецензий (сам поэт насчитывал их более четырехсот). Однако Коринфский не был ба-

---

¹ Ап. Ап. Коринфский. Анкета от 23 декабря 1914 года. — ПД.

² Там же.

³ Свои произведения он подписывал псевдонимами: Б. Колюпанов, Н. Варенцов, Semper Idem, Фебуфис, Присяжный читатель, Аполлон Рифмачев, Кор. А — и другими.

ловнем критики. Многие критические суждения о его поэзии были достаточно суровы, в особенности отзывы П. Гриневича (Якубовича), А. Вольнского, И. Бунина, В. Брюсова и других. «В груди стихотворных томов г. Коринфского мерцает огонек поэтического воодушевления, — писал В. Брюсов, — но он еле теплится, редкие художественные строчки разделены целыми десятками трафаретных стихов; отдельные яркие образы вправлены в тусклые, ремесленно задуманные пьесы. Г. Коринфский стремится, по-видимому, быть «народным» поэтом, но для этого недостаточно наполнять свои стихи условно русскими выражениями... Пушкин был народным поэтом, не рядя своих созданий в эти оперные костюмы, даже изображая Испанию или средневековую Германию, потому что выражал особенности русского духа».¹

Сам Коринфский, сознавая неравноценность многих произведений своей плодотворной музыки, выделил в автобиографии ряд наиболее удачных, с его точки зрения, произведений из «народного» цикла: «Наибольшую ценность придает автор своим «Бывальщинам», «Северному лесу» и «Картинкам Поволжья» — стихотворениям, в которых он то в эпической, то в лирической форме хотел воскресить сроднившиеся с его фантазией образы родной старины — как отошедшие в глубь седых веков, так и теперь обступающие кровно близкую ему северную душу народа-пахаря».² Не случайно с одним из самых видных поэтов «народа-пахаря», С. Д. Дрожжиным, Коринфского связывала многолетняя дружба.³

В разные годы Коринфский много переводил из зарубежной поэзии. Ему, в частности, принадлежат переводы из Гейне, Колриджа, Мицкевича, Юл. Словацкого, Рунеберга, Роденбаха и других иностранных поэтов. Переводы Ап. Коринфского тогдашней критикой оценивались как малоудачные.

Как и многие литераторы близкой ему буржуазно-интеллигентской среды, Коринфский восторженно встретил Февральскую революцию 1917 года, но не смог понять и оценить историческое значение Октября. Его литературная деятельность после революции резко пошла на убыль. В 20-е годы Коринфский продолжал только переводческую работу (переводил Шевченко, Янку Купалу). Выступления с собственными стихами были редкими — в самом конце 20-х го-

---

¹ В. Брюсов, Аполлон Коринфский. В лучах мечты. Новые стихотворения. — «Весы», 1905, № 11, с. 67.

² ПД.

³ См.: А. Милютин, С. Д. Дрожжин в его переписке с А. А. Коринфским. — «Ученые записки Енисейского государственного педагогического института», вып. 5, Красноярск, 1963, с. 65—92.

дов Коринфский написал ряд стихотворений, воспевавших советскую новь, под общим заглавием «Моя страна» (из «Современного дневника»): «Моя советская страна», «В советской деревне», «Рабочий городок (чудо-городок)», «Рабоче-крестьянской республике» и другие. В 1929 году Коринфский из Лигово под Ленинградом перебрался в Тверь, где работал в местном издательстве. Умер Коринфский 12 января 1937 года в безвестности.

357

Если в мгновенье тоски роковой
Сердце твое вдруг сильнее забьется,
Если в душе, усыпленной средой,
Чувство живое неожиданно проснется
И, обо всем позабыв,
Бросишься ты на призыв
К бурям и грозам борьбы
Против всевластной судьбы, —
Милый мой друг, под тревожной грозой
Не вспоминай ты, встречая невзгоды,
Тихого счастья бесстрастные годы:
Мертвому — мертвый покой! . .

Если — измученный тяжелой борьбой —
Ты, без трофеев, увенчанных славой,
С сердцем изнывшим, с разбитой душой,
С поля далекого битвы кровавой
Снова вернешься сюда,
К пристани мирной труда, —
С гнетом бессилья в груди,
С мукою ран впереди, —
Милый мой друг, не клонись головой
И не рыдай у бескrestной могилы,
Где схоронил ты кипучие силы:
Мертвому — мертвый покой! . .

1889
Симбирск

358. Я ВИДЕЛ

Я видел, как в углу подвала умирал
Больной старик, детьми покинутый своими,
Как взором гаснущим кого-то он искал,
Устами бледными шептал он чье-то имя...
Он одиноко жил, и друга не нашлось
Закрывать в предсмертный час померкнувшие очи,
И он ушел навек во мрак загробной ночи
Один с своей тоской невыплаканных слез...

Я видел, как стоял мужик над полосой,
Распаханной его могучими руками,
Заколосившейся пшеницей золотой
И градом выбитой... Горючими слезами
Он не встречал своей негаданной беды:
Угрюм и даже дик был взор его унылый,
И молча он стоял, беспомощный и хилый,
Согбенный тяжестью безвыходной нужды...

Я видел, как дитя единственное мать
Сама несла в гробу, — как в церкви от страданья
Она уж не могла молиться и рыдать...
Окончился обряд печальный отпеванья, —
Она была без чувств... Малютку понесли
В последний путь, — она, собрав остаток силы,
Едва могла дойти до дорогой могилы
И сыну бросить горсть последнюю земли...

Я видел, как в тюрьме на дремлющую степь
Сквозь переплет окна задумчиво смотрела
Колодников толпа; и слышал я, как цепь
Нежданно в тишине на ком-то прозвенела;
И лица темные исполнились у них
Такого жгучего сознания и боли,
Что сразу понял я, что в этот самый миг
Забылись узники в мечтах о прежней воле.

Я видел, как в тоске голодной протянул
Оборванный бедняк нарядной даме руку
И, милостыню взяв, в лицо ее взглянул

И замер, как стоял, не проронив ни звука...
Немая скорбь прошла, и бросил деньги прочь
С рыданием старик: в раскрашенном созданье,
Проехавшем с толпой гуляк на посмеянье,
Бедняк узнал ее — свою родную дочь!..

Я видел это всё, когда одна печаль
Роднилася с моей пытливою душою,
Когда до боли мне чего-то было жаль,
К кому-то рвался вновь я с горькою мольбою...
Я видел это всё и понял, что тоска —
Тоска моей души, исполненной желанья, —
Пред всеми этими примерами страданья
Ничтожна и мелка...

1 июля 1890
Москва

859

Безотчетные порывы
Мимолетного волненья,
Мимолетные приливы
Безотчетного томленья!
Грезы юности желанной,
Отблеск страсти пережитой,
Свет весны моей туманной,
Безо времени забытой, —
Всё мелькает предо мною
В них нестройной вереницей —
Потухающей зарею,
Отдаленною зарницей...
Нет вам смены, нет забвенья,
Мимолетные порывы
Безотчетного волненья!
Для меня полны значенья
Безотчетные приливы
Мимолетного томленья!..

31 июля 1890

Сегодня целый день бродил я по лугам,
 С двустволкою в руках... Знакомые картины.
 Мелькали предо мной... Пестрели здесь и там
 Усадьбы серые: дымилися овины
 На гумнах у крестьян; по берегу реки
 Ютилось на горе село с убогим храмом;
 Паслись по озимям стада-особняки;
 Обманывая глаз, на горизонте самом
 Зубчатую стеной вставал сосновый бор,
 И летом, и зимой хранящий свой убор...
 На всем заметен был истомы грустной след...
 Угрюм, печален вид природы сиротливой
 Осеннею порой, — а всё ж иной поэт
 Найдет ее подчас и пестрой, и красивой!..
 Его пленит собой узорная гряда
 Курчавых облаков на бледном небосводе,
 Излучина реки; быть может, иногда
 И самая печаль, разлитая в природе...
 Она его душе мечтательной сродни:
 В ней — отголосок дум, желаний и волнений,
 Она исполнена тревоги, как они,
 Она таинственна, как своенравный гений
 Певца-художника... Невидимая нить
 Привязывает к ней природы властелина,
 И — с ней наедине — способен он забыть
 Минуты горькие, часы тупого сплина,
 Обиду кровную, лишений тяжкий гнет,
 Измену женщины, грядущих дней тревогу, —
 Его упавший дух невольно оживет,
 Больная мысль найдет желанную дорогу...
 Куда ни кинет он пытливо грустный взгляд —
 Мелькают образы, плывут живые тени;
 Повеет ветерком — неслышно налетят
 Все спутники его минутных вдохновений:
 Тут рифмы звонкие ласкают чуткий слух,
 Здесь строфы мерные сплетают ряд созвучий,
 А там — растет мотив... И вмиг воспрянет дух,
 И сердце застучит, и стих готов летучий...
 ...Так вот и я с утра до вечера бродил
 По берегам реки, среди родной природы...

Внезапно заболел, и бред его больной,
Сливаясь с моей тоскою многодумной,
Звучит во мне самом и гонится за мной...

19 декабря 1891
С.-Петербург

362. В ВАГОНЕ

Павлу Владим(ировичу) Засодимскому

Несется поезд... Дым змеистый
Клубами тает позади,
Картиной яркой и лучистой
Даль развернулась впереди...
Ручьев серебряных извивы
Мелькают всюду предо мной,
Кустов щетинистые гривы
Плывут зеленою волной;
Водой размытые долины
Хранят остатки снежных гор;
Толпятся сосны-исполины,
Взбежав на каменный бугор;
Лучей полдневных позолота
Слегка покрыла небеса,
И мхом одетые болота,
И темнокудрые леса...
И ни начала, ни конца нет
Гирляндам серых деревень, —
Родная глушь невольно манит
В свою задумчивую сень...
Несется поезд... Обгоняя,
Летит мечтаний бледный рой —
Как птиц встревоженная стая
Передрассветною порой...
Что их влечет в простор лазурный,
Что их зовет в немую даль?
Затишья сонного печаль,
Волненья ль прошлой жизни бурной?!
Их не догнать! Из душных стен,
На миг отряси прах столицы,
Летят, забыв недавний плен,

Их окрыленные станицы...
Куда летят? Зачем, к кому?!
Не всё ль равно! Вернуться снова
Им суждено в свою тюрьму
От неба ясно-голубого,
От этих ласковых долин,
От хвойных стен лесов унылых,
От грустных северных картин,
Вдвойне больному сердцу милых...

10 мая 1892

363. В ПОЛЯХ

1

Еду я, еду... Везде предо мной
Чахлые нивы родимые
Стелются мертвенно-бледной волной,
Солнца лучами палимые...
Колос пустой от межи до межи
Перекликается с колосом;
Чудится: кто-то над волнами ржи
Стонет пронзительным голосом...
Слышится ропот тревоги больной,
Слышатся слезы смирения, —
Это рыдает над нивой родной
Гений труда и терпения!..

2

Чутко дремлет в полях недожатая рожь,
С нетерпеньем жнецов дожидается;
Побурел-пожелтел шелковистый овес,
Точно пьяный от ветру шатается.
Нарядилась гречиха в цветной сарафан
И белеет над горными скатами...
Ветерок, пробегая хлебами, шумит:
«Будем золото греть мы лопатами!..»

Солнце красное сыплет над грудью земли,
Над рабочею ратью могучею,
Золотые снопы искромётных лучей,
Ни на миг не скрываясь за тучею. . .
Улыбается солнце. . . До ясных небес
С нивы песня доносится женская. . .
Улыбается солнце и шепчет без слов:
«Исполать тебе, мощь деревенская! . .»

25 мая 1892

364

Венок цветущих иммортелей,
В своей печальной красоте,
Висит под сенью старых елей
На покачнувшемся кресте.
Но безымянная могила
Молчит про то, кто в ней зарыт,
О ком молва не сохранила
Ни лжи, ни правды в камне плит.
Но может быть, и здесь витала
Недавно фея светлых грез
И холм надгробный орошала
Святою влагой чистых слез:
Обросший мохом крест убогий —
Соперник памяти людской,
Могильных сводов сторож строгий,
Увенчан любящей рукой. . .
Всесильна вечностью своею
Слепая смерть, но всё же власть
И сила есть у нас над нею:
Та власть — любовь, та сила — страсть!
Под балдахином хмурых елей
О них гласит моей мечте
Венок печальных иммортелей
В своей цветущей красоте. . .

Сентябрь 1892

Свободною душой далек от всех вопросов,
 Волнующих рабов трусливые сердца, —
 Он в жизни был мудрец, в поэзии — философ,
 И верен сам себе остался до конца!
 Он сердцем постигал все тайны мироздания,
 Природа для него была священный храм,
 Куда он приносил мечты своей создания,
 Где находил простор и песням, и мечтам.
 Он был певцом любви; он был жрецом природы;
 Он презирал борьбы бесплодной суету;
 Среди рабов он был апостолом Свободы,
 Боготворил — одну святую Красоту.
 И в плеске вешних вод, и в трепете пугливом
 Полночных зарниц, в дыхании цветов
 И в шепоте любви мятежно-прихотливом, —
 Во всем он находил поэзию без слов.
 Привычною рукой касаясь струн певучих,
 Он вызывал из них заветные слова,
 И песнь его лилась потоком чувств кипучих —
 В гармонии своей свободна и жива.
 Но вещей голос смолк... Но песня жизни спета...
 Но поздний дар любви упал из рук жреца...
 И траурный венок я шлю к могиле Фета —
 Венок стихов на гроб могучего певца...

10 декабря 1892

В стенах неволи городской
 Кончая хмурый день печальный,
 С какой безвыходной тоской
 Я вспомнил плеск реки кристальной,
 Повисший над обрывом сад,
 Берез развесистые сени,
 В старинном доме комнат ряд,
 Террасы шаткие ступени,
 Поля, луга... Как будто вдруг —
 Под стон озлобленной столицы —
 Перечитал мне старый друг

Забытой повести страницы...
Казалось мне: в степной глуши
Я вновь живу, — поля родные
Со мной беседуют в тиши
И мне внимают как живые;
И я люблю, люблю впервые,
Всем юным трепетом души!..

Между 1889 и 1893

367. НИКОГДА!

Как звезд, далеких звезд, не счесть ночной порою,
Когда в чертог небес — бледна и холодна —
В венце своих лучей, неслышную стопою

Взойдет луна;

Как не исчерпать зла, которым знаменуют
Дни равномерное течение времен;
Как не сдержат ветров, когда они бушуют

Со всех сторон, —

Так не постичь умом мечты певца мятежной,
Когда с дрожащих уст — наперекор судьбе —
Срывается волна поэзии безбрежной,

Неся в себе

Волшебный дар небес — дар творчества победный,
Понятный для певца, не зримый никому,
И тихо льется песнь, как свет лампы бледный

В ночную тьму...

Между 1889 и 1893

368. КРУГОВОРОТ

Летят часы... За ними вслед —
Как призрачная тень —
Бежит зари вечерней свет,
И гаснет шумный день...
И меркнет день... И ночь кругом.

И ночь, и мрак, и тишь. . .
И сном больным, тревожным сном,
Ты гредишь, а не спишь. . .
Уходит ночь за грани гор,
Проснулись поля,
В волшебный утренний убор
Оделася земля. . .
Заря румяная горит
На бархате небес;
Росой посеребранный щит
Встряхнул зеленый лес. . .
И — разогнав обрывки туч
В синеющую даль —
Прорезал солнца знойный луч
Ночных небес эмаль. . .
Опять растет в груди порыв,
Опять томит покой,
Опять хандра, опять прилив
Тоски моей больной. . .

Между 1889 и 1893

369

Бледное, чахлое утро туманное
Робко встает над безмолвной столицей;
Скоро проснется и солнце румяное
Вместе с толпою рабов бледнолицей. . .
В темных подвалах, в палатах блистательных
Снова застонет нужда беспощадная —
Бич всех людей идеально-мечтательных,
Злая, больная, жестокая, жадная. . .
Жаль мне вас, дети нужды истомленные,
Жаль мне и вас, дети праздности чванные,
Жаль мне и дни беспросветно-туманные,
Жаль мне и песни, в тумане рожденные. . .

Между 1889 и 1893

430

370. ВЛЮБЛЕННЫЕ ФАВНЫ

(Из классического мира)

Каждый день румяным утром
За белеющею виллой
Появлялась дочь архонта,
Словно призрак легкокрылый.
Чуть с востока выплывала
Розоперстая Аврора,
Ключевой водой поспешно
Наполнялася амфора;
И на мраморных ступенях,
За плющом темно-зеленым,
Заглушался шум потока
Страстным шепотом влюбленным.
Стороною пробирался
Вслед затем пастух кудрявый;
Выбегал за ним неслышно
Из засады фавн лукавый
И — счастливцу подражая —
Обращался к деве страстно,
О любви своей кипучей
Говорил ей, но — напрасно. . .
Утром — повое свиданье. . .
Но соперника однажды
Сговорились фавны злые
Отучить навек от жажды, —
Сговорились втихомолку
И красавца усыпили
Сонным зельем так, что спит он
В преждевременной могиле.
С той поры не видно больше
У источника свиданий,
С той поры не слышно фавнам
Упоительных лобзаний. . .
Всё прошло, хотя, как прежде,
В час, когда спешит Аврора
На восток, водою снова
Наполняется амфора,
И в тени плюща заметен,
За белеющею виллой,

Над источником холодным
Тот же призрак легкокрылый.
Взор у дочери архонта
Полон жгучей, страстной муки,
И сидит она, на мрамор
Опустив бессильно руки.
«Изменил тебе коварный!» —
Шепчет фавн с усмешкой едкой,
Приютясь у водоема
За зеленой зыбкой сеткой.
Но напрасно козлоногий
Ей твердит любви признанья —
Не глядит она на фавна,
Вся в истоме ожиданья.
Лепет струй воды прозрачной —
Мелодично-музыкальный —
Для нее звучит мотивом
Милой сердцу песни дальной;
И сидит она — безмолвна,
Словно призрак легкокрылый, —
Над источником певучим,
За белеющею виллой. . .

Между 1889 и 1893

371. СВЯТОГОР

В старину Святогор-богатырь,
Чуя силу в себе дерзновенную,
В час недобрый надумал рукой
Приподнять-опрокинуть вселенную.

И на борзом своем скакуне
Он поехал в путину немалую, —
Едет тягу земную искать,
Видит гору вдали небывалую. . .

«Уж не здесь ли?!» И плеткой коня
Он ударил рукою могучею, —

Конь взлетел, словно птица, наверх
И как вкопанный встал по-над кручею...

Слез с седла богатырь Святогор, —
Хоть бы птица кругом перелетная!
Ни души... Только смотрит: пред ним
Словно сумка лежит перемётная...

Поклонился земле богатырь,
Хочет сумку поднять — не ворохнетя...
Что за диво! Ни взад, ни вперед,
А вокруг ветерок не шелохнется...

Понатужился — пот в три ручья
Покатился с лица загорелого,
И тревога за сердце взяла
Святогора, воителя смелого...

«Что за нечисть!.. Так нет же, умру,
А не дам надругаться над силою!..»
И опять приналег богатырь —
И гора стала силе могилою:

Где стоял, там он в землю ушел,
Не сдержав богатырского норова,
Вместе с тягой земною в руках...
Там — и место теперь *Святогорова!*..

На горе на крутой до сих пор —
Там, где бездна-овраг разверзается, —
Камень-конь своего седока
Больше тысячи лет дожидается...

А кругом — только ветер шумит,
Ветер песню поет неизменную:
«Не хвалился бы ты, Святогор,
Приподнять-опрокинуть вселенную!..»

14 ноября 1893

372. РУСАЛОЧЬЯ ЗАВОДЬ

(Из волжских преданий)

Под суглинистым обрывом, над зеленым крутояром
День и ночь на темный берег плещут волны в гнев
яром...

Не пройти и не проехать к той пещере, что под кручей
Обозначилась из груды мелкой осыпи ползучей...

Выбивают прямо со дна, и зимой не замерзая,
Семь ключей — семь водометов и гремят не умолкая...

Закружит любую лодку в пене их молочно-белой,
И погибнет, и потонет в ней любой безумец смелый.

Далеко потом, далёко — на просторе на гульливом —
Тело мертвое на берег Волга выбросит приливом...

Было время... Старожилы речь ведут, и не облыжно,
Что стояла эта заводь, как болото, неподвижно;

В камышах, огородивших омут чащею зеленой,
Семь русалок выплывали из речной воды студеной, —

Выплывали и прохожих звали песнями своими
Порезвиться в хороводе под лунсю вместе с ними.

И, бывало, кто поддастся приворотному призыву
Да сойдет к речному логу косогором по обрыву —

На него все семь русалок и накинутся толпою,
Перекатным звонким смехом заливаясь над водою.

Защекотят сестры насмерть гостя белыми руками
И глаза ему замечут разноцветными песками;

А потом, потом зароят в той пещере, в той могиле,
Где других гостей без счету — без числа нахоронили...

Клич русалочий приманный услышал один прохожий,
Вещей силой наделенный, прозорливый старец божий, —

Услыхал и проклял заводь нерушимым гневным словом,
И на берег, и на волны пал туман густым покровом...

В тот же миг стал осыпаться по обрыву щебень серый
И повис щитом надежным над осевшею пещерой;

А русалки так и сгибли в расходившейся пучине, —
Семь гремющих водометов выбивают там донине...

Вешней ночью в этом плеске слышны тихие призывы,
Вняты робкие моленья, слез и смеха переливы;

А под утро над ключами, перед зорькой раным-рано,
Семь теней дрожат и выются в дымном облаке тумана...

Конный мимо них несется, не жалея конской силы;
Пеший усталъ забывает близ русалочьей могилы...

И поют ключи, и плачут — слезно плачут в гневе яром,
Точно правят панихиды над зеленым крутояром...

(1894)

378. НА ЧУЖОМ ПИРУ

Пир — горой... В пылу разгула
Льются волнами слова;
У честных гостей от гула
Закружилась голова.

Речи буйные сменяя,
По столам — полным-полна —
Ходит чаша круговая
Чудодейного вина.

Кто хоть выпьет, хоть пригубит —
Словно горя не видал;
Как зазноба, всех голубит
Хмель под сводом ярких зал...

На пиру всем честь и место —
Только, песня, нет тебе,
Вдохновенных дум невеста
И сестра мне по судьбе!

Только мы одни с тобою
Обойденные стоим:
Ты кручинишься со мною,
Я — горю огнем твоим...

Но недаром пьяной чашей
Обнесли нас на пиру —
С простодушной музой нашей
Не пришлось мы ко двору!

Здесь поют певцы другие —
Пира шумного льстецы,
От разгула не впервые
Захмелевшие певцы...

Где царит одна услада,
Не знававшая тоски, —
Там с тобою нас не надо,
Мы для всех там — чужаки!

Место наше — за порогом
Этих праздничных хором;
По проселочным дорогам
Мы, сестра, с тобой пойдем...

Мы послушаем, поищем,
Что и как поют в глуши;
С каждым путником и нищим
Погуторим от души...

Перехожеею каликой,
Скоморохом-гусяром
Мы по всей Руси великой
С песней-странницей — вдвоем.

По деревням и по селам
Расстилается наш путь.

Нам, и грустным и веселым,
Будет рад хоть кто-нибудь...

Гой вы гусли! Гей вы мысли!
Гой ты струн гусельных строй!
Что вам тучи, что нависли
Над победной головой?!

Гряньте песню дружным ладом,
Как певали в старину, —
Русским словом, русским складом
Подпевать я вам начну...

Здравствуй, удаль! Здравствуй, воля —
Воля вольная! . . Авось
На просторе наше поле
Клином в поле не сошлось! . .

(1894)

374. ВО ДНИ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Ослеп наш дряхлый век, и, как слепец несчастный,
Бредет он наугад, окутан дымной тьмой;
И кажется ему весь божий мир прекрасный
Огромною тюрьмой. . .

Ни солнце Истины на небе мироздания,
Ни звезды яркие Добра и Красоты
Не светят для него, — не льют благоуханья
Живой Любви цветы.

Забыл наш хмурый век надежды молодые,
Не вспомнить старику о радужных мечтах, —
Встречает он теперь все радости земные
С печалью на устах.

Больной, угрюмый век, — бредет впотьмах несчастный,
И некому слепца седого довести
Рукою любящей, рукою смелой, властной
До нового пути.

А этот новый путь лежит так недалеко;
Над ним не меркнет свет борьбы с житейской тьмой;
И мир, вокруг него раскинувшись широко,
Не кажется тюрьмой...

(1894)

375

Поздно! Цветы облетают,
Осень стучится в окно...
Поздно! Огни догорают,
Завечерело давно...

Поздно... Но что ж это, что же, —
С каждой минутой светлей,
С каждым мгновеньем дороже
Память промчавшихся дней!..

В сердце нежданно запала
Искра живого тепла:
Всё пережить бы сначала
И — догореть бы дотла!..

10 октября 1894.

376. ГИГАНТСКИЕ ЧАШИ

Котловины между гор — что чаши,
Зеленым вином налитые с краями...
Где места привольнее и краше?
Что красой сравнится с Жигулями?!..

Высоко взобрались на шиханы
Темных сосен траурные гривы;
Низко-низко на берег песчаный
Плещут волн, певучих волн приливы...

По буграм — разросся лес дремучий;
По-над лесом — гребни да утесы...

Каждый раз, над ними встретясь с тучей,
Ветер ей об них расчешет косы,

Словно хмельный, ходит Жигулями...
А они — всё выше да всё краше...
Ходит ветер валкими шагами, —
Ходит он от чаши к новой чаше,
Зеленым вином наполненной с краями...

Между 1893 и 1895

377. КАРНАВАЛ

Южные картинки

1

Огни, цветы и маски,
Пьеретты и Пьеро...
Алмазы, а не глазки;
Не смех, а серебро!

Лукавый Мефистофель
К наивности самой
Склоняет резкий профиль,
Обвив ей стан рукой.

Глядят полишинели
На них со всех сторон —
Под вздох виолончели,
Под скрипок томный стон...

Мандола, мандолина,
И флейты, и фагот;
И ширится картина,
И вихорь-вальс растет...

Не слушая оркестра,
Несется пестрый бал,
И правит им маэстро —
Веселый карнавал...

То площадь или море?
И смех, и крик, и гул,
И пламя в каждом взоре,
И на сердце разгул.

Плащи, мантильи, маски,
Пьеретты и Пьеро, —
Смешалось в буйной пляске
Всё шумно и пестро.

Блестят с балконов взоры;
Цветов и фруктов град
Посыпали синьоры
В летучий маскарад.

За ними — и confetti
Ударила картечь. . .
Монтекки с Капулетти
То не ведут ли речь?! .

О нет! Борясь с истомой,
На свой турнир созвал —
С враждою незнакомый —
Весь город карнавал. . .

22 января 1895

378

Роковые вопросы страстей —
Порождение дня многошумного!
Кто ответит на вас сонму хмурых людей
В смуту нашего века разумного,
Кроме сердца безумного?
Роковые вопросы страстей! . .

Роковые ответы судьбы —
Дети воли ничтожного случая!
Кто поймет вас в разгаре холодной борьбы? . .

Только смерть, только смерть неминучая
Разгадает — могучая —
Роковые ответы судьбы...

Роковое во всем и везде —
Где ни взглянешь душою пытливою...
Неужели не вспыхнуть счастливой звезде
Над бездольной житейскою нивою?..
Нет, не быть ей счастливою, —
Роковое — во всем и везде!..

20 марта 1895

379. КРАСНАЯ ВЕСНА

*Посвящается
Петру Васильевичу Быкову*

1

То не белая купавица
Расцвела над синью вод —
С Красной Горки раскрасавица
Ярю-зеленью идет.

Пава павой, поступь ходкая,
На ланитах — маков цвет,
На устах — улыбка кроткая,
Светел-радошен привет.

Красота голубоокая, —
Глубже моря ясный взгляд,
Шея — кипень, грудь высокая,
Руса косынька — до пят.

Летник — прázелень, оборчатый —
Облегает стройный стан;
Голубой под ним, узорчатый
Аksamитный сарафан...

За повязку, зернью шитую,
Переброшена фата:
Ото взоров неукрытою
Расцветает красота. . .

Ни запястий, ни мониста нет,
Ожерелий и колец;
И без них-то взглянешь — выстынет
Сердце, выгорит вконец!

Следом всюду за девицею —
Ступит красная едва —
Первоцветом, медуницею
Запестреет мурава.

Где прошла краса — делянками
Цвет-подснежник зажелтел;
Стелет лес пред ней полянками
Ландыш, руту, чистотел. . .

В темном лесе, на леваде ли,
По садам ли — соловьи
Для нее одной наладили
Песни первые свои. . .

Чу, гремят: «Иди, желанная!
Будь приветлива-ясна!
Здравствуй, гостя богоданная!
Здравствуй, Красная Весна! . .»

2

Знай спешит, идет без роздыху
Раскрасавица вперед:
От нее — волной по воздуху —
Радость светлая плывет.

Птичьи песни голосистые
Переливами звенят,
Травы-цветики душистые
Льют медвяный аромат.

Сыплет солнце дань богатую —
Злато-серебро лучей —
В землю, жизнью тороватую, —
Ослепляет взор очей;

Проникают в глубь подземную,
Чудодейно-горячи, —
Выгоняют подъяремную
Силу вешнюю лучи.

Выбивает сила волнами,
Расплывается рекой, —
Силу пригоршнями полными
Черпай смелою рукой!

Набирайся мочи на лето
По весне, родимый край!
Всюду силы столько налито, —
Сила плещет через край! . .

То не заревом от пламени
Утром пышет даль, горя, —
В зеленеющие рамени
Льются золота моря.

Лес дремучий, степь раздольная,
Хлебородные поля, —
Дышит силой вся привольная
Неоглядная земля. . .

Что ни день — то ароматнее
Духовитые цветы;
Что ни пядь — всё необъятнее
Чары вешней красоты. . .

Всё звончей, звончей крылатая
Песня в честь ее слышна:
«Расцветай, красой богатая, —
Царствуй, Красная Весна! . .»

В полном цвете раскрасавица,
 Заневестилась совсем, —
 Всем купавицам — купавица,
 Алый розан — розам всем!

Закраснелся лес шиповником,
 В незабудках — все луга,
 Розовеет степь бобовником;
 В небе — радуга-дуга.

Время к Троице... Далёко ли
 Праздник девичий — Семик!
 По низинам ли, высоко ли —
 Всюду зелен березник...

Заплетать венки бы загодя
 Красным девушкам себе, —
 Уж гадать пора на заводи
 О негаданной судьбе!

Ветлы — полны черным галочьем;
 Возле ветел, в тальнике,
 Ночью выкликом русалочьим
 Кто-то кличет на реке...

Впрямь — русалки по-над водами
 Пляс заводят по ночам,
 Тшат сердце хороводами
 На соблазн людским очам.

То они порой вечернею,
 Выплывая там и тут,
 Над водой, повитой чернию,
 Зелень кос своих плетут...

Семь ночей — в Семик — положено
 Вспоминать былое им, —
 Так судьбою наворожено,
 А не знахарем мирским!

Семь ночей им — в волю вольную
Петь-играть у берегов,
Жизнь поселскую-попольную
Зазывать к себе с лугов. . .

И по логу неоглядному
Семь ночей их песнь слышна:
«Уступай-ка лету страдному
Царство, Красная Весна!»

20 апреля 1895

380

Ты прав, мой друг: мы все чудес ждем в эти дни
На сумрачной земле, забытой небесами;
Но мы не верим в них, — там, где и есть они,
Во имя Знания их разрушая сами.

Непостижимого чарующий туман
От жизни отогнав, постигнув смысл загадок,
Мы поздно поняли, как нужен нам «обман,
Нас возвышающий», как он безмерно сладок!

Томясь безверием под кровом душевной тьмы,
Ни проблеска зари не видя ниоткуда,
Мы ждем так искренно, так страстно жаждем мы
Какого ни на есть, но только чуда, чуда. . .

Так в дни бездождия ждет вечера земля,
Чтоб хоть роса ее собою освежила;
Зимой бесснежную так вьюги ждут поля,
Чтоб снегом их она от холода прикрыла! . .

1895 или 1896

381. МИКУЛА

Песня о старом богатыре

СКАЗ ПЕРВЫЙ

Стародавние былины,
Песни родины моей!
Породили вас равнины,
Горы, доли, даль полей.

Ширь, размах, захват глубокий —
Всё звучит в вас, всё поет,
Как в забытый край далекий —
В глубь былых веков зовет...

Песнотворцев древних ладом
Убаюкивает слух,
Дышит зноем, веет хладом
Струн гусельных русский дух.

Вижу я: седое время
Восстает в лучах зари;
Вижу — едут, стремя в стремя,
О конь конь, богатыри.

Шишаки, щиты, кольчуги,
Шестоперы, кистени,
Самострелы, шелепуги,
Копий лес... В его тени —

Волх Всеславьевич с Добрыней,
Ставр, Поток, Алеша млад,
Стар Илья — седой, что иней,
Всем хоробрым — старший брат;

А за ним — еще, еще там
Богатырь с богатырем;
Все стоят стеной-оплотом
Перед вражьем рубежом.

Словно сталь — несокрушимый,
Окрыленный духом строй. . .
Кто же в нем из всех любимый
Богатырь заветный мой?! .

СКАЗ ВТОРОЙ

С непокрытой головою
И с распахнутой душой —
Он встает передо мною
Из-за дали вековой.

Вон он — мощный и счастливый
Сын деревни и полей!
Ветерок, летя над нивой,
Треплет шелк его кудрей. . .

Нет копья, меча-булата,
Каленых-пернатых стрел;
И без них бы супостата
Наземь грянуть он сумел, —

Да, о том не помышляя,
Знай свершает подвиг свой,
Сам-друг с лошадыю шагая
За кленовою сохой.

Пашет он, каменья, корни
Выворачивая прочь;
Что ни шаг — идет проворней,
Могутнеет сила-мочь.

Посвист пахаря в далеком
Слышен во поле кругом;
Не окинуть сразу оком
Новь, им вспаханную днем!

А сохи его кленовой
Не взяла и Вольги рать;
Сумки ратая холщовой
Святогор не смог поднять!

Не жывал он в неге-холе
Княженецкого кремля, —
Нет, Микулу в чистом поле
Любит Мать Сыра Земля. . .

СКАЗ ТРЕТИЙ

Мать Земля Микулу любит,
До сих пор Микула жив,
И ничто его не сгубит
Посреди родимых нив.

День за днем и год за годом
Он крестьянствует века,
Ухмыляется невздам,
Счастлив счастьем бедняка.

И зимой теплы полати,
Коль не пусто в закромах;
Светит свет и в дымной хате,
Просвет есть и в черных днях!

День красён: пирушки правит,
Мужиков зовет на пир;
И Микулу-света славит
По Руси крещеный мир.

Чуть весна на двор — за дело:
Селянина пашня ждет!
Только поле зачернело —
Там Микула. . . Вот он, вот —

С непокрытой головою
И с распахнутой душой,
Держит путь свой полосою
За кленовою сохой.

Шелест ветра, птичий гомон
И весенний дух цветов —

М. А. Лохвицкая

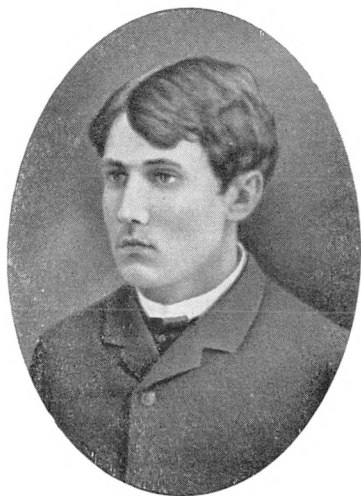

Д. П. Шестаков

Ф. А. Червинский

И. О. Лялечкин

Всё, с чем вёснами знаком он
С незапамятных веков, —

Всё зовет его в одну даль —
В даль полей, в степную ширь;
И, сохе вверяя удаль,
Знает пахарь-богатырь,

Что за ним-то — вдоль загонов
Идут родиной своей
Девяносто миллионов
Богатырских сыновей! . .

15 января 1896
С.-Петербург

382. ОТВЕТ

Молчанье, молчанье. . .
Другого не будет
    Ответа!
А кто-то так жаждет привета. . .
Нет, в сердце его не пробудит
    Признание. . .

В холодной могиле
Все чувства, все страсти
    Былого!
И к жизни не вызвать их снова
Ничьей очарованной власти
    И силе. . .

О, если б желанье. . .
Но нет, не пробудит
    Желаний
Поэзия поздних признаний!
Ответом одним только будет
    Молчанье. . .

14 июня 1896

383. ЖИГУЛИ

.. Жигули, Жигули! ..
И — опять предо мной
К облакам вознесли
Горы лес вековой.

Взоры верхом скользят —
От скалы до скалы,
Где лишь тучки парят
Да ширяют орлы.

Люб им Волги простор —
Белопенная гладь,
Зеленеющих гор
Красота-благодать.

Здесь пред ними встает
За курганом курган,
Где (гуторит народ)
«Думу думал Степан»,

Где бессудным судьей
Разин правил свой суд,
Где о воле родной
Бури песни поют...

Июнь 1896

384

Под темным наметом сосны вековой,
Пронизанной солнца лучами,
Лежу я безмолвно... Ковер меховой
Пестреется всеми цветами.

В глуши благодатной, вдали от людей,
Недвижно — как мертвый — лежу я
И в ближний просвет из-за хвои ветвей
Любуюсь на высь голубую.

Кругом — тишина, тишина, тишина...
Как будто в истоме от зноя
Забылась природа, в объятиях сна
Неспящую жизнь успокоя.

Пролетное облачко держит свой путь;
За облачком думы несутся.
И хочется здесь мне заснуть, так заснуть —
Чтоб после вовек не проснуться!..

21 июля 1896

385

К пустынному приволью
Склонился небосклон;
Душистый воздух смолью
И зноем напоен.

Ни зверя и ни птицы
Среди прямых стволов;
Над ними — вереницы
Жемчужных облаков.

Пески, да мхи, да хвоя
В безлюдной стороне.
Предчувствие покоя —
В природе и во мне!..

22 июля 1896

386. РАСЧЕТ

В последней пристани... К затону
Их ловко «хвतालщик» подвел...
Стоят по горному услоу
На якорях... Весь лес дошел!..

Окончен плес... С плотовщиками
Свел счет приказчик кое-как...
И торопливыми шагами
С плотов побрел народ — в кабак...

Расчет — разгул. . . Бренчат казною. . .
Дешевка плещет через край. . .
Сошлись пред стойкою одною
Волгарь, пермяк и ветлугай. . .

«А ловко, братцы, обсчитали? . . .»
— «Куда ловчей! Народ лихой! . . .»
Всё берегли, недоедали;
Осталось — разве на пропой! . . .»

Яр-хмель — давно свой брат в артели.
В соседстве с ним и бурлаки
Не то чтоб очень захмелели —
Поразвязали языки! . . .

«Хватили горя?! . . .» — «Было дело!
Чуть не пропали все за грош! . . .»
— «Аль жить на свете надоело?»
— «Не плыть, так по миру пойдешь! . . .»

«По чарке дай еще на брата! . . .»
— «Ну, со свиданьем!» — «Сто лет жить! . . .»
— «Бог спас. . . Спасет еще, ребята! . . .»
— «Как ни гадай, придется плыть! . . .»

И впрямь — хоть спорь не спорь с судьбою —
А нет другого им труда:
Погонят с новою водою
Они — плоты, а их — нужда! . . .

4 августа 1896

**387. ПАМЯТИ ГРАФА
АЛЕКСЕЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ТОЛСТОГО**

1

Наш вдохновенный бард, наш северный Баян. . .
Он был певец — воистину народный!
Как небо синее, что море-окиян,
Глубок его напев торжественно-свободный.

В годину смутную озлобленной борьбы
Сумел он овладеть святынь предвечных тайной.
Не поняли тогда пролётных дней рабы,
Что он в их стане был свободный «гость
случайный»!

«Двух станов не боец» — входил он в пламя сеч
С одними гусями да с вольною душою,
И под гусярный звон могучею волною
Всплывала, пенилась разгарчивая речь.

Как мощный взмах орла в безоблачном просторе,
Как дружеский призыв на общего врага —
Звучала в ней «любовь, широкая — как море»,
И были тесны ей «земные берега» . . .

С повадкой княжею, со взором соколиным,
С душою пахаря в живой груди своей —
Он Змей-Тугарина разил словцом единым,
Как будто был рожден в века богатырей.

Нрав Муромца Ильи, стать статная Потока,
Алёши удаль-смех, Добрыни смелый склад —
Сливались в нем с тоской библейского пророка
И в песнях залегли, как заповедный клад.

- И вот живая песнь, как солнце над землею,
Восходит из его пророческой мечты,
• И тают перед ней весеннею водою
Снега над вечною святыней Красоты . . .

Я верю: вспыхнет тьма, зимы утихнет заметь,
Опять Весна пойдет родимой стороной.
Близка она, близка, — когда проснется память
О вешних пахарях поэзии родной!

2

О, если бы — вещей певец-богатырь —
Восстал он из гроба и кречета взором
Сверкнул через всю святорусскую ширь,
Над всем неоглядным привольем-простором!

О, если б весь гул перекрестных речей,
Стон песен, рожденных мятущимся духом,
Всю смуту конца наших сумрачных дней
Услышал он чуждым смятения слухом!

Свои бы звончатые гусли он взял,
Стряхнул бы с них пыль, наметенную ложью,
И, кликнув свой клич по всему бездорожью,
Как в старую старь, по струнам пробежал.

Вся кровь расходилась бы с первых же слов,
Душа загорелась бы полымем-гневом, —
Наносную немочь с бессильных певцов
Спугнул бы он мощным, как буря, напевом. . .

«За честь нашей родины я не боюсь!» —
Грозою промчалось бы смелое слово.
Всяк вторил бы песне Баяна родного:
«Нет, шутишь! Жива наша русская Русь!»

*10 декабря 1898
С.-Петербурге*

В 1882 году на страницах «Вестника Европы» было опубликовано стихотворение великого князя Константина Романова «Псаломпевец Давид», подписанное литерами К. Р. Так он подписывал затем все свои последующие произведения. Константин Романов не делал тайны из своего авторства, но его принадлежность к царствующему дому создавала определенные неудобства для выступлений в печати под полным литературным именем. По обычаю великому князю надлежало заниматься государственными делами, в числе которых поэзия не числилась, и его увлечение поэзией оставалось частной затеей, допустимой для К. Р., но не для официального представителя царствующей династии.

Константин Константинович Романов родился 10 августа 1858 года в Стрельне, близ Петергофа. Его отец, Константин Николаевич, в звании генерал-адмирала управлял русским флотом и во времена царствования Александра II считался одним из влиятельных сторонников правительственных реформ.¹ Он покровительствовал некоторым начинаниям в области науки, искусства и, в частности, заметно обновил содержание официозного «Морского сборника», предоставив его страницы для произведений Гончарова, Григоровича, Островского, Писемского, Станюковича, Мельникова-Печерского и др. После отмены крепостного права русская монархия стремилась реформировать свои отсталые политические институты по

---

¹ По характеристике современного исследователя, «умный и широко образованный Константин Николаевич... являлся одним из наиболее крупных деятелей эпохи реформ. По своим политическим воззрениям великий князь Константин Николаевич был решительным сторонником буржуазных преобразований, являясь идейным вождем либеральной бюрократии» (П. А. Зайончковский, Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов), М., 1970, с. 49).

либеральным проектам европейского образца, и эти веяния времени отразились отчасти на характере воспитания молодого К. Р. Он получил разностороннее домашнее образование, в числе его учителей были знаменитые историки К. Н. Бестужев-Рюмин, С. М. Соловьев. В программе воспитания К. Р. далеко не последнее место было отведено развитию художественных наклонностей, хотя с детских лет он был определен для традиционной карьеры в армии и на флоте.

Тринадцати лет К. Р. был произведен в чин гардемарина и на винтовом фрегате «Светлана» отправился в первое дальнее плавание вокруг Европы. В 1876 году, в чине мичмана, он плавал на том же фрегате по Атлантике. С объявлением русско-турецкой войны «Светлана» вернулась в Кронштадт, и К. Р. принял участие в военных действиях на Дунае. После падения Плевны он в 1877 году покинул действующую армию и вернулся в Петербург. В последующие годы К. Р. совершил несколько новых морских путешествий; его плавание на фрегате «Герцог Эдинбургский» продолжалось около двух лет (1880—1882). За это время К. Р. побывал в Греции, Италии, Алжире, Египте, Палестине и других странах Средиземноморья.

В 1884 году К. Р. начал командовать ротой гвардейского Измайловского полка, не слишком обременяя себя, впрочем, тяготами военной службы. Под покровительством К. Р. в полку был создан офицерский музыкально-литературный кружок «Измайловские досуги», на собраниях которого бывали артисты, поэты, читались собственные стихи и экспромты. Из числа известных поэтов на этих собраниях бывали А. Н. Майков и Я. П. Полонский. Увлечение новыми обязанностями «отца-командира» гвардейского полка отозвалось в стихах К. Р., собранных затем в циклах «Из полковой жизни» и «Солдатские сонеты». Критика отмечала, что в некоторых стихотворениях последнего цикла К. Р. подражал Некрасову.¹ А. М. Горький сравнивал стихотворения К. Р. с лирикой поэта-гусара Дениса Давыдова. «Мне кажется, — писал Горький, — что Давыдов имел в поэзии ученика и подражателя, это К. Р. — Конст. Романов, сродный ему по темам».²

В 1886 году небольшим тиражом в одну тысячу экземпляров был издан первый сборник «Стихотворений К. Р.». Книга в продажу не поступила, а была роздана и разослана по списку, утвержденному автором. В числе других адресатов сборник был послан поэтам, которых К. Р. считал своими непосредственными учителями — Фету,

¹ См.: Пл. Краснов, К. Р. — «Новый мир», 1899, № 24, с. 480; Н. Я. Стечькин, К. Р. (25 лет поэтической деятельности). — «Русский вестник», 1904, № 7, с. 353.

² Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. — «Архив А. М. Горького», т. 11, М., 1966, с. 290—291.

Майкову, Полонскому. Сохранилась обширная переписка К. Р. с этими поэтами, содержащая интересные замечания старших мастеров об искусстве лирической поэзии.

Со своей стороны, А. А. Фет, посылая К. Р. новое издание книги «Вечерние огни» (1888), обратился к нему как к своему прямому nasledнику:

Трепетный факел, — с вечерним мерцанием
Сна непробудного чужа истому, —
Немощен силой, но горд упованием,
Вестнику света сдаю молодому.

«Упования» Фета оказались чрезмерными. Хотя К. Р. обладал несомненным лирическим дарованием и достаточно искусно владел техникой стиха, он не был самобытным и оригинальным поэтом, способным самостоятельно нести «трепетный факел» Фета. Стихотворения К. Р. вторичны по своему содержанию и форме, его зависимость от поэтов «чистого искусства», их эстетики и условно-поэтического стиля слишком очевидна, и критика не без оснований отмечала черты прилежного эпигонства в стихах августейшего поэта.

В 1889 году К. Р. переиздал свою первую книгу и выпустил сборник «Новые стихотворения К. Р.» (СПб., 1889), среди которых была напечатана его поэма «Севастьян-мученик» на религиозный сюжет. В 1900 году вышел «Третий сборник стихотворений К. Р.». В этот сборник вошли стихотворения, частью уже напечатанные в «Новом времени», «Севере», «Русском обозрении» и других периодических изданиях. В следующие годы он выступал главным образом со стихотворными переводами. К. Р. принадлежат переводы «Мессинской невесты» Ф. Шиллера (1885), трагедии Шекспира «Гамлет»,¹ выпущенной двумя изданиями с обширными примечаниями переводчика (1900, 1910), а также перевод драмы Гете «Ифигения в Тавриде» с приложением критического этюда (1912). Трагедия Шекспира «Гамлет» в новом переводе К. Р. была исполнена на сцене Эрмитажного театра. В роли принца Гамлета выступал сам К. Р., причем его исполнение, как отмечают некоторые очевидцы, не было ординарным.²

Поэтические интересы К. Р. соседствовали и переплетались с музыкальными. Он был близко знаком с А. Г. Рубинштейном, в течение ряда лет общался и переписывался с П. И. Чайковским. По свиде-

¹ А. Р. Кугель называл этот перевод «весьма благозвучным, ясным и отличающимся изысканной простотою». — «Театр и искусство», 1900, № 49, с. 892.

² См.: «Новое время», 1915, 4 (17) июня.

тельству композитора Н. И. Казанли (автора оперы «Миранда»), К. Р. исполнял однажды в Мраморном дворце концерт Моцарта с оркестром и первый концерт Чайковского.¹ Чайковский ценил музыкальность лирических стихотворений К. Р. и написал на его тексты несколько романсов («Блажен, кто улыбается, кто с радостным лицом...», «Первое свидание», «О дитя, под окошком твоим...», «Уж гасли в комнате огни...», «Я вам не нравлюсь...», «Я сначала тебя не любила...», «Растворил я окно, стало грустно невмочь»). Стихи К. Р., кроме названных выше романсов Чайковского, в разное время были положены на музыку композиторами А. Глазуновым, Р. Глиэром, А. Гречаниновым, М. Ипполитовым-Ивановым, Э. Направником, С. Рахманиновым и др. Эти лирические произведения К. Р., соединенные с музыкой выдающихся композиторов, остались наиболее долговечной частью его поэтического наследства.

В мае 1889 года указом Сената К. Р. был назначен президентом Российской академии наук. В этом звании он оставался до конца жизни. При его участии Академия наук провела в 1899 году большие юбилейные торжества в честь 100-летия со дня рождения Пушкина (на это событие К. Р. откликнулся стихотворной кантатой). По инициативе К. Р. в 1900 году при отделении русского языка и словесности Академии наук был образован разряд изящной словесности. Первыми академиками нового разряда стали Л. Н. Толстой, А. Ф. Кони, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. А. Голенищев-Кутузов, К. А. Арсеньев, П. Д. Боборыкин, Н. А. Котляревский и др. К. Р. также был избран почетным академиком. Как и А. А. Голенищев-Кутузов, К. Р. был одним из основных рецензентов поэтических произведений, представлявшихся на академическую Пушкинскую премию. Его статьи и рецензии собраны в книге «Критические отзывы» (Пг., 1915), изданной посмертно.

Несмотря на репутацию либерала и мецената, К. Р. в критических общественно-политических ситуациях занимал вполне охранительные позиции. При его участии были отменены результаты выборов в академики М. Горького.² В 1905 году, разгневанный демонстрацией молодых художников, К. Р. распорядился закрыть Академию художеств, в стены которой проник революционный дух.

Будучи президентом Академии наук и главным генерал-инспектором высших военных заведений (с 1910 года), он своим призванием считал, однако, поэзию.

---

¹ См.: «Петроградская газета», 1915, 4 июня.

² См. статью Н. Козьмина «Максим Горький и императорская Академия наук (по неофициальным документам)». — «Историк-марксист», 1938, № 4, с. 53—74.

Незадолго до смерти К. Р. окончил историческую драму в стихах на евангельский сюжет «Царь Иудейский» (1914). В издание этой книги вошли обширные примечания К. Р., по словам А. Ф. Кони «сами по себе представляющие в высшей степени ценный труд, богатый историческими и археологическими данными и справками».¹

Последнее издание стихотворений вышло в 1912—1915 годах — «Стихотворения 1879—1912», тт. 1—3, СПб., 1912—1915. Этими тремя томами, в сущности, исчерпывается лирика К. Р.

К. Р. умер 2 июня 1915 года в Павловском дворце. В память о почетном академике и поэте К. Р. большую речь о нем на общем собрании Академии наук произнес А. Ф. Кони.²

388

Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.

Серебрится море,
Трепетно горит. . .
Так и радость горе
Ярко озарит.

Май 1879

389. ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД

О царь, скорбит душа твоя,
Томится и тоскует!
Я буду петь: пусть песнь моя
Твою печаль врачует.

---

¹ Литературные и научно-популярные приложения «Нивы», 1916, № 12, с. 455.

² Там же, с. 434—460.

Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.

Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает бог,
Не петь их не могу я!

О царь, ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется —
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
О царь, и, торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

Сентябрь 1881

390. СЕРЕНАДА

О дитя! Под окошком твоим
Я тебе пропою серенаду.
Убаюкана пенем моим
Ты найдешь в сновиденьях отраду.
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья.

Много горестей, много невзгод
Тебя в жизни, дитя, ожидает,

Спи же сладко пока нет забот,
Пока сердце печали не знает.
Спи в безмолвьи ночном
Крепким, сладостным сном,
Спи, не зная земного страданья.

Спи пока еще спится тебе,
Ты еще непорочна душою,
Час пробьет неизбежной борьбе,
Мир греха овладеет тобою;
Злых сомнений недуг
Ты узнаешь, мой друг,
И настанет пора испытанья.

Спи же, милая, спи почивай
Под аккорды моей серенады,
Пусть приснится тебе светлый рай,
Преисполненный вечной отрады,
Пусть твой сон и покой
В час безмолвный ночной
Нежных звуков лелеют лобзанья!

*5 марта 1882
Палермо*

391

Помнишь, порою ночью
Наша гондола плыла,
Мы любовались луною,
Всплескам внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихим Венеция сном,
В сонные воды канала
Звезды гляделись кругом.

Мимо Палаццо мы дожей,
Мимо Пьяцетты колонн
Плыли с тобою. . . О, боже,
Что за чарующий сон!

Искрились волны лагуны: . . .
Где-то в дали голубой
Плакали нежные струны —
Пел гондольер молодой;

Пел он про месяц и море,
Про голубую волну,
Пел про блаженство и горе,
Пел про любовь и весну.

Дивная песнь навевала
Грезы блаженной любви,
В душу она проникала,
Страсть разжигала в крови. . .

Помнишь, порою nocturno
Тихо гондола плыла,
Мы любовались луною. . .
О, что за ночь то была!

28 июля 1882

392. ЗАТИШЬЕ

Голубые покоились волны,
Голубой свод небесный дремал. . .
В мертвом сне цепenea, безмолвный
Час томительный полдня настал.
Застывала, палима лучами,
Раскаленная почва земли,
Трепетала лишь чайка крылами
И вилась, и кружилась вдали. . .

Притупились все ошущенья,
Все застыли волненья в груди,
И душа, забывая стремленья,
Ничего не ждала впереди.

Лишь испуганно, где-то глубоко
В задремавшем уме притаясь,
О минувшем мечта одиноко
Трепетала, кружилась, вилась...

23 декабря 1882

393

Умолкли рыдания бури кипучей,
Клокочущей бездны волна улеглась;
Опять выплывает луна из-за тучи,
Над гладью морской тишина разлилась.

В борьбе непрестанной с мятежною страстью
Опять побежден ненасытный недуг,
И с новою силой, и с новою властью
Воспрянет опять торжествующий дух!

2 июля 1883

394

Уж гасли в комнатах огни...
    Благоухали розы...
Мы сели на скамью в тени
    Развесистой березы.

Мы были молоды с тобой!
    Так счастливы мы были
Нас окружавшею весной,
    Так горячо любили!

Двурогий месяц наводил
    На нас свое сиянье;
Я ничего не говорил,
    Боясь прервать молчанье;

Безмолвно синих глаз твоих
    Ты опускала взоры:
Красноречивей слов иных
    Немые разговоры.

Чему не смел поверить я,
Что в сердце ты таила —
Всё это песня соловья
За нас договорила.

30 июля 1883

395

Давно забытая под слоем пыли
Умолкла лира... Песни молодые,
Созвучья вдохновенные застыли,
И порвались струны золотые.

Была пора... Со мною то же было:
Недугом тягостным душа болела,
И всё в ней лучшее дремало, стыло...
Любить, надеяться она не смела...

Но день придет: вернется вдохновенье,
Вновь порванные струны натяну я,
И вновь мое раздастся песнопенье,
Денницу новой жизни торжествуя.

5 мая 1884

396. ЦАРЬ САУЛ

Душа изнывает моя и тоскует, —
О, пой же мне, отрок мой, песню твою:
Пусть звуки ее мою скорбь уврачуют —
Я так твои песни святые люблю!

Гнетут меня злобного духа объятья,
Опять овладело уныние мной,
И страшные вновь изрыгают проклятья
Уста мои вместо молитвы святой.

Томлюся я, гневом пылая, и стражду;
Недугом палимая мучится плоть,
И злоба в душе моей. . . Крови я жажду,
И тщетны усилия зло побороть.

Не раз, жалом немощи той уязвленный,
Тебя мог убить я в безумном бреде.
О, пой же! Быть может, тобой исцеленный,
Рыдая, к тебе я на грудь упаду! . .

15 мая 1884

397

Повеяло черемухой,
Проснулся соловей,
Уж песнью заливаётся
Он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему!
Пусть песнь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздаётся песнь моя
Могуча и сильна,
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она;
И пусть всё им становится
Дороже и милей,
Как первая черемуха,
Как первый соловей!

*20 июня 1884
Красное Село*

398

Растворил я окно, — стало грустно невмочь, —
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени. .

А вдали где-то чудно так пел соловей, —
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей,
Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени.

13 мая 1885

399. ПИСЬМО ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Гой, измайловцы лихие,
Скоро ль вас увижу я?
Стосковалась по России
И по вас душа моя.
Надоело за границей
Киснуть по чужим краям;
Обернуться бы мне птицей
Да лететь скорее к вам!
Но на родину покуда
Не пускают доктора:
Всё проклятая простуда! ..

Скоро в лагерь вам пора:
Выступит, блестя штыками,
Полк наш в Красное Село;
Офицеры со шнурами,
В скатках¹, шашки наголо,
Люди в стареньких мундирах,
В ранце каждый молодец, —
И на лагерных квартирах
Разместитесь наконец.

И приеду я... Забьется
Сердце радостней, быстрей;

---

¹ Скатанное пальто, надеваемое через плечо.

Живо рота соберется,
Поздороваясь я с ней;
Грянет: «Здравия желаем!»
На приветствие в ответ,
И опять мы загуляем
По примеру прежних лет.

Я фельдфебеля рассказы
Стану слушать по утрам
Про солдатские проказы
По соседним кабакам,
Про артельную лошадку,
Про количество больных,

Про гимнастику, прикладку
И успехи молодых.
Будет, как в былые годы,
Мой артельщик приходить
На текущие расходы
Денег у меня просить.
Писарь с денежною книжкой,
С кипой рапортов, бумаг
И со счетами под мышкой
Прибежит ко мне в барак.

Ротные пойдут ученья,
Захождения плечом,
Будем строить отделенья
Мы и шагом, и бегом;
Рано будет начинаться
Ежедневная стрельба
И над полем раздаваться
Бесконечная пальба.
Пули будем мы лениво,
Лежа на траве, считать,
Сласти, ягоды и сливы
У разносчика скупать.

Станет рядовым патроны
Каптенармус выдавать,
И во взводные колонны
Я построю вас опять.

Снова, помоляся богу,
За линейку мы пойдем
И знакомою дорогой
На участок ¹ побредем.
«Тверже ногу!» — «Где равненье!»
— «На весь след!» — «На нас глядят!»
— «Не сбиваться в отделение!»
— «Смирно!» — «Подтяни приклад!»

Мы резерва не забудем,
В цепь два взвода отошлем
И сражаться лихо будем
С «обозначенным» врагом.
Зазвучат команды хором,
И свистков раздастся свист,
А за мною с жалонёром
Барабанщик и горнист.
Мы в штыки ударим смело,
Грянет дружное «ура», —
Глядь, а солнышко уж село,
И домой идти пора.

После долгого гулянья
Ждет нас скромная еда:
В офицерское собранье
Повалили господа...
Субалтерны нам в буфете
Подают благой пример,
И играет на корнете
Жалонёрный офицер.

. . . . .

Офицеры посмелее
Водят в качестве друзей
По березовой аллее
Генеральских дочерей.
И, усталые порядком,
Только позднею порой

---

¹ Участками называются места в окрестностях Красного Села, отведенные войскам для производства учений и маневров.

По баракам и палаткам
Разбредутся на покой.

Утром, лишь заря займется,
Горн побудку протрубит,
Мигом лагерь встрепенется,
Снова жизнью закипит:
Жизнью бойкою, привольной,
Жизнью дельной, трудовой
И веселой, и раздольной
Жизнью силы молодой.
Те же лица дорогие,
Те ж товарищи, друзья,
Сослуживцы удалые,
Та ж единая семья.

Та же дружная работа,
Труд и честный, и лихой,
Та же доблестная рота,
Батальон и полк родной.

Гой ты матушка Россия,
Гой ты родина моя!
Гой, измайловцы лихие,
Скоро ль вас увижу я?

*19 мая 1885
Альтенбург*

400

Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные;
Задремали деревья... Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные.

А отливы заката, алея, горя,
Синеву уж румянят небесную:
На весну наглядеться не может заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.

469

Напоенный душистым дыханьем берез,
Воздух в юную грудь так и просится, —
И волшебных, чарующих полная грез
Далеко моя песня разносится!

*21 мая 1885
Альтенбург*

401

Вчера мы ландышей нарвали,
Их много на поле цвело;
Лучи заката догорали,
И было так тепло, тепло!

Обыкновенная картина:
Кой-где березовый лесок,
Необозримая равнина,
Болото, глина и песок.

Пускай всё это и уныло,
И некрасиво, и бедно,
Пусть хорошо всё это было
Знакомо нам давным-давно, —

Налюбоваться не могли мы
На эти ровные поля...
О, север, север мой родимый,
О, север, родина моя!

16 июня 1885

402. УМЕР

Умер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...

Рано его от семьи оторвали, —
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
Рано она испила.
И протянул к нему с плачем ручонки
Мальчик-малютка грудной...
...Из виду скрылись родные избенки,
Край он покинул родной.
В гвардию был он назначен, в пехоту,
В полк наш по долгому пути;
Сдали его в государеву роту
Царскую службу нести.
С виду пригожий он был новобранец,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смысленый, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами,
Ну, молодец молодцом.
Был у ефрейтора он на поруке,
К участи новой привык,
Приноровился к военной науке,
Сметливый был ученик.
Старым его уж считали солдатом,
Стал он любимцем полка;
В этом измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика!
Он безупречно во всяком наряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.
Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,
И, подготовленный, он бы весной
В роту вернулся опять;
Славным со временем был бы он взводным...
Но не сбылись те мечты!

...Кончились лагеря; ветром холодным
Желтые сдуло листья,
Серый спустился туман на столицу,
Льются дожди без конца...
В осень ненастную сдали в больницу
Нашего мы молодца.
Таял он, словно свеча, понемногу
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно господу богу
Отдал он душу свою.
Умер вдали от родного селенья,
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословенья
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полк о кончине его известили, —
Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
В гроб и в часовню снесли.
К выносу тела к военной больнице
Взвод был от нас наряжен...
По небу тучи неслись вереницей
В утро его похорон;
Выла и плакала снежная вьюга
С жалобным воплем таким,
Плача об участи нашего друга,
Словно рыдая над ним!
Вынесли гроб, привязали на дроги,
И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой
Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтоб до угла хоть дойти:
Взводу до первого лишь поворота
Надо за гробом идти.
Дрогам вослед мы глядели, глядели
Долго с печалью немой...
Перекрестились, шапки надели
И воротились домой...

Люди чужие солдата зарюют
В мерзлой земле глубоко,
Там за заставой, где ветры лишь воют,
Где-то в глуши далеко,
Спи же, товарищ ты наш, одиноко!
Спи же, покойся себе
В этой могилке сырой и глубокой!
Вечная память тебе!

22 августа 1885
Мыза Смерди

403

Мне снилось, что солнце всходило,
Что птицы очнулись от сна
И стаей неслись легкокрылой
Поведать природе унылой,
Что скоро вернется весна!
Забыты снега и морозы,
Уж льды расторгает поток;
И вот — оживают березы,
Повеяло запахом розы,
И теплый пахнул ветерок...

То сном мимолетным лишь было,
Обманчивым призраком грез:
Нет, солнце еще не всходило,
И в мире царили уныло
И льды, и снега, и мороз!

И прежнего боле тоскуя,
Душа нетерпенья полна,
Я жду твоего поцелуя,
Дождаться тебя не могу я,
Весна, молодая весна!

16 декабря 1885
Мраморный дворец

Гаснет день. Я сижу под палаткою
И гляжу, как гряды облаков
Мчатся тенью прозрачной и шаткою
Над зеленым простором лугов.

Приутихли беседы веселые;
Вечер. . . Все разбрелись на покой;
Только поступью ровной, тяжелой
Ходит взад и вперед часовой.

И легко, и привольно так дышится
После долгого, знойного дня;
Где-то песня солдатская слышится. . .

И сижу я один без огня. . .
Тихо полог палатки колышется,
Сладкий сон обвеваает меня. . .

*14 июля 1886
Красное Село*

Садик запущенный, садик заглохший;
Старенький, серенький дом;
Дворик заросший, прудок пересохший;
Ветхие службы кругом.

Несколько шатких ступеней крылечка,
Стекла цветные в дверях;
Лавки вдоль стен, изразцовая печка
В низеньких, темных сенях;

В комнате стулья с обивкой сафьянной,
Образ с лампадкой в углу,
Книги на полках, камин, фортепьяно,
Мягкий ковер на полу. . .

В комнате этой и зиму, и лето
Столько цветов на окне...
Как мне знакомо и мило всё это,
Как это дорого мне!

Юные грезы! Счастливые встречи
В поле и в мраке лесном...
Под вечер долгие, тихие речи
Рядом, за чайным столом...

Годы минувшие, лучшие годы,
Чуждые смут и тревог!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголок!

Ныне ж одно только на сердце бремя
Незаменимых потерь...
Где это доброе старое время?
Где это счастье теперь?

13 сентября 1886
Павловск

406

Пронеслись мимолетные грезы!
Беззаботные минули дни!
Словно осенью листья березы,
Незаметно умчались они.

Всё, что горького в прошлом прожито
Наболевшей душою моей,
Хоть на миг было мной позабыто
Среди этих безоблачных дней...

Но конец пышноцветному лету,
Уж грозит нам седая зима,
И на смену и зною, и свету
Наступают и стужа, и тьма.

Принимайся ж опять за работу
И за подвиг берись трудовой:
Будь готов и печаль, и заботу
Снова встретить отважной душой.

2 октября 1886
Павловск

407. А. А. ФЕТУ

Отважно пройдена дорога,
И цель достигнута тобой:
Ты, веря в доброе и в бога,
Свершил высокий подвиг свой.

И ныне следом за тобою
Пуститься в путь дерзаю я;
Пусть путеводною звездой
Сияет вера мне твоя.

А ты, испытанный годами,
Неунывающий боец,
Ты, убеленный сединами,
Венчанный славою певец,

Меня, возвращенного судьбою
В цветах и счастье и любви,
Своей дряхлеющей рукою
На трудный путь благослови.

29 марта 1887
С.-Петербург

408

Озеро светлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое
Над голубою волной!

О, если б сердце тревожное, бурное
Так же могло быть светло,
Как это озеро в утро лазурное,
Только что солнце взошло!

27 сентября 1887

409. КОЛОКОЛА

Несется благовест... Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

20 октября 1887

410. УВОЛЕН

Уволен! Отслужена служба солдата,
Пять лет пронеслись словно день.
По-прежнему примет родимая хата
Его под радушную сень.
Там ждет не дождется жена молодая,
Там ждут и сынишка, и мать...
Малютка-то вырос, отца поджидая,
Пожалуй, его не узнать.
Уж близко теперь: вот знакомые нивы,
И речка, и жиденский мост;
Вот церковь белеет, и старые ивы
Склонились на мирный погост;
Вот избы; всё снегом пушистым одето —
Овин, огороды, гумно.
И трудно поверить ему, что всё это
Покинуто им так давно.
Как будто вчера лишь с родной, дорогою
Семьей разлучали его.

Седая старушка дрожащей рукою
Крестила сына своего;
Вся бледная, мужу повисла на шею,
От слез надрываясь, жена:
Всего лишь два годика прожил он с нею,
Уж с ним расставалась она.
Покойник отец был испытан годами,
Сурового нрава мужик,
Но как ни крепился — не сладил с слезами,
Прощаясь с сыном, старик.
Болезненно сердце заняло тоскою
У нашего парня в груди:
Всё счастье, казалось, разбито судьбою,
И горе одно впереди. . .

Но в горе мужает душа человека:
Кто в жизни бедой закален,
Тот духом сильнее. Таков уж от века
Нам богом положен закон.
Солдатом он стал государевой роты
В одном из гвардейских полков;
Сначала скучал без обычной работы,
Оторван от сельских трудов.
И шумно, и душно казалось в столице
Ему после тихих полей,
Где рос на свободе он вольною птицей
На родине милой своей.
И долго по ней тосковал он. . . Но время
И молодость взяли свое, —
Привык, и слюбилось солдатское бремя
И новое это житье.
Товарищей добрых нашлось довольно,
Таких же, как он, молодцов,
От той же отторгнутых жизни привольной,
От жен, матерей и отцов.
Им стала второю семьею та рота,
Сроднил меж собою их полк,
Одна их связала друг с другом забота,
И царская служба, и долг.
Тот долг исполняя во всем терпеливо
Не ради похвал и наград,

Служил он усердно, исправно, ретиво,
Как служит наш русский солдат.
Веселый и ревностный, бойкий, смышленный,
Он с честью носил свой мундир,
И вышел лихой из него отделенный
И взводный потом командир.

Идут ли походом в дни жаркого лета
И все приуныли в пути —
Он бодр и беспечен, хотя б на край света
Еще приходилось идти.
Дожди ли над лагерем нашим польются,
Тоску наводя на людей,
В палатке его и поют, и смеются,
Хоть вымокли все до костей.
Зимой, в долгий вечер, в казарме толпою
Солдаты его окружают:
Товарищам книжку прочесть иль простою
Занять их беседой он рад.
Когда ж на покой разбредутся, то волю
Заветным мечтам он дает,
Родных вспоминает, их горькую долю,
И долго очей не сомкнет.

Не много вестей приходило оттуда:
Писали, уж с год, что постом
В могилу отца уложила простуда,
И не было писем потом.
Теперь что-то случилось с ними? Быть может,
Ему изменила жена? . .
И сердце тоска безотчетная гложет,
Душа злой кручины полна. . .
А время летело; с родными свиданья
Уж близился радостный час,
Стрелою промчались дни ожидания,
И был он уволен в запас.
И вот наконец он на родине милой,
Подходит к деревне родной. . .
Забилось сердце, и дух захватило,
От радости сам он не свой.
Вот с края деревни знакомая крыша
Приветливо манит к себе;

Всё шибче, земли под ногами не слыша,
Бежит он к родимой избе.
И всё с каждым шагом растёт нетерпенье. . .
Вот, вот она, хата его!
Но что это значит? В каком разрушении:
Дверь настежь, внутри — никого;
Повыбиты стекла, свалились ворота. . .
Но что же жены не видать?
Иль, может, нашлась ей какая работа,
А с ней и сынишка, и мать?
И душу тревожит дурная примета. . .
Спросить бы соседей? . . Но к ним
Идти он боится, страшась ответа,
Предчувствием смутным томим.
Задами, послушный неведомой силе,
Он к церкви неспешной стопой
Идет поклониться отцовской могиле
И думает: тою порой
Вернутся родные. . .
По кладбищу бродит
Он между могил и крестов;
Легко на одном незнакомом находит
Он надпись из нескольких слов.
У самой ограды под старой сосною
Отец его был схоронен.
И набожно воин, крестясь рукою,
Кладет за поклоном поклон.
Других два креста та сосна осенила
Угрюмою тенью своей,
И свежая детская чья-то могила
Ютилася тут же под ней.
Случайным, рассеянным взглядом невольно
Прочел имена он, и вдруг
В глазах помутилось, грудь сжалась так больно,
И выпала шапка из рук.
Опять, пораженный как грома ударом,
Читает те надписи он, —
Глаза не ошиблись: на службе недаром
Он грамоте был обучен.
И снова не веря, он снова читает
Всё те ж роковые слова. . .

Кручина жестокая сердце терзает,
Поникла на грудь голова.
Ему те надгробные строки сказали,
Что счастье погибло навек:
Что некому высказать лютой печали,
Что лишний он стал человек,
Что тех, кто так дороги были и милы,
Ему не видать никогда,
Что в мире остались ему лишь могилы,
Лишь горе да злая нужда...
Садилось солнце; зарею вечерней
Румяный зардел небосклон;
Смеркалось... Ударили в церкви к вечерне,
И тихий послышался звон.
Лились, замирая вдали, эти звуки,
Как зов милосердый того,
Кто дал человеку душевные муки
И в горе утешит его.

*10 сентября 1888
Павловск*

411

Ни звезд, ни луны. Небеса в облаках.
Ветер замер. В лесу тишина.
Не дрогнет ни единый листок на ветвях.
Эта ночь тайной неги полна!

Ни слез, ни борьбы, позабыт мир земной,
И одна лишь в душе земной благодать.
В упоеньи так сладостно с нежной тоской
Этой ночи безмолвно внимать!

Она овладела таинственно мной...
Ожидая чего-то, стою...
Полновластная ночь, я один пред тобой!
О, поведай мне тайну свою!

*2 октября 1889
Близ станции Белой*

412. У ОЗЕРА

М. Д. Давыдову

Усталый сын земли, в дни суетных забот,
Средь мелочных обид и светского волненья,
У озера в лесу ищу уединенья.
Не налюбуйешься прозрачной гладью вод:
В ней словно тайная есть сила притяженья.
Не оттого ль меня так к озеру влечет,
Что отражается в струях его порою
Вся глубина небес нетленною красою —
И звезд полуночных лучистый хоровод,
И утро ясное румяною зарею,
И светлых облаков воздушная семья?
Не оттого ль, что здесь, хоть и пленен землею,
К далеким небесам как будто ближе я?

5 октября 1889

Близ станции Белой

413. ПРЕД УВОЛЬНЕНИЕМ

В его глазах прочел я скорбь немую,
Лишь он предстал впервые предо мной:
Семью, и дом, и сторону родную
Покинул он для жизни боевой.

Прошли года. Всю силу молодую,
Весь рьяный пыл он в долг влагает свой.
Усердие и простоту святую —
Как не любить в солдате всей душой?

И я люблю с отеческой заботой;
Но сжиться он едва успеет с ротой,
Как подойдет срок выслуженных лет.

Я с ним делил и радости и горе,
А он печаль в моем прочтет ли взоре,
Которым я взгляну ему вослед?

26 июля 1890

Красное Село

Не вчера ли, о море, вечерней порой
 К берегам ты ласкалось лукавой волной?
 В алом блеске зари не вчера ли
 Небеса голубые сияли?

А сегодня косматой грядою валы,
 В грозном беге крутятся у прибрежной скалы,
 Бурно рвутся на приступ могучий,
 Обгоняя свинцовые тучи.

В битве жизни не так ли и ты, человек,
 Терпишь зол и гонений мятежный набег?
 Но не вечны страданья и беды:
 Ты дождешься над ними победы.

Верь, улягутся волны и завтра опять
 Будут берег любовно и нежно ласкать,
 Просветлеют небесные дали,
 И рассеются сердца печали.

28 августа 1890
Вайвара

415. ЗИМОЙ

О, тишина
 Глуши безмолвной, безмятежной!
 О, белизна
 Лугов под пеленою снежной!

О, чистота
 Прозрачных струй обледенелых!
 О, красота
 Рощ и лесов заиндевелых!

Как хороша
 Зимы чарующая греза!
 Усни, душа,
 Как спят сугробы, пруд, береза...

Сумей понять
Природы строгое бесстрастье:
В нем — благодать,
Земное истинное счастье.

Светлей снегов
Твои да будут сновиденья
И чище льдов
Порывы сердца и стремленья.

У ней учись,
У зимней скудости прелестной,
И облекись
Красою духа бестелесной.

18 марта 1906
Павловск

416—417. НА ИМАТРЕ

1

Ревет и клокочет стремнина седая
И хлещет о звонкий гранит,
И влагу мятежную, в бездны свергая,
Алмазною пылью дробит.

На берег скалистый влечет меня снова.
И любо, и страшно зарас:
Душа замирает, не вымолвить слова,
Не свесть очарованных глаз.

И блеск, и шипенье, и брызги, и грохот,
Иная краса каждый миг,
И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик.

Весь ужаса полный, внимая, гляжу я, —
И манит, и тянет к себе
Пучина, где воды, свирепо бушуя,
Кипят в вековечной борьбе.

10 мая 1890

Над пенистой, бурной пучиной
Стою на крутом берегу,
Мятежной люблюсь стремниной
И глаз оторвать не могу.

Нависшими стиснут скалами,
Клокочет поток и бурлит;
Сшибаются волны с волнами,
Дробясь о недвижный гранит.

И рвутся, и мечутся воды
Из камня гнеущих оков,
И молит немолчно свободы
Их вечный неистовый рев.

О, если б занять этой силы
И твердости здесь почерпнуть,
Чтоб смело свершать до могилы
Неведомый жизненный путь;

Чтоб с совестью чистой и ясной,
С открытым и честным челом
Пробиться до цели прекрасной
В бореньи с неправдой и злом.

5 августа 1907
Иматра

Судьба Петра Дмитриевича Бутурлина необычна как для эпохи, в которую он жил, так и для поэтической среды того времени. Потомок старинного графского рода, он родился во Флоренции 17 марта 1859 года. Детство свое провел в Италии, и итальянский язык был первым языком, на котором он начал говорить.

Его прадед, Дмитрий Петрович Бутурлин, вельможа екатерининских и александровских времен, камергер и сенатор, переселился в Италию в 1817 году. Он имел дом во Флоренции, который перешел по наследству к его внуку. В этом доме и родился будущий поэт.

Пятнадцать лет провел Бутурлин за границей, не видя России и не зная ее. Одиннадцати лет его отвезли в Англию, где он был помещен в колледж в Оскоте, близ Бирмингема (увлечение Англией и всем английским было в семье Бутурлиных традиционным.) Неудивительно, что первые свои стихи поэт начал писать по-английски. Когда ему исполнилось девятнадцать лет, он издал их во Флоренции отдельным сборником.

По окончании колледжа Бутурлин попадает наконец в Россию. Произошло это в 1874 году. Он был начитан, владел языками, интересовался европейским искусством. Отца в живых уже не было. Бутурлин поселился в своем родовом имении — селе Таганча Киевской губернии, которое славилось живописным расположением (некогда оно принадлежало семейству польских магнатов Понятовских, но в начале XIX века отошло по наследству к Бутурлиным).

В Киеве поэт окончил гимназию, самостоятельно пополняя свое русское образование. В нем проснулась страсть ко всему русскому — истории, культуре, быту, языку. Он продолжает писать стихи, но теперь пишет их только по-русски. Он решает стать русским поэтом. Особенно его привлекает форма сонета, которую Бутурлин всячески культивирует, желая привить сонет русской поэзии.

В 1880 году Бутурлин покидает Киев и приезжает в Петербург. Он сдал здесь установленный экзамен и поступил на службу в министерство иностранных дел. Через три года он снова в Италии, которую покинул десять лет назад. Но теперь он уже приехал сюда

в качестве советника русского посольства. Несколько лет он проводит в Риме, а затем получает назначение в Париж. До 1892 года Париж становится основным местопребыванием Бутурлина. Службой он себя обременяет не слишком, но зато много пишет и пристально изучает историю и литературу. Он сомневался в том, что усилia его, направленные на создание в русской поэзии сонета, увенчаются успехом. Но дело он не бросает и пишет сонеты в таком количестве, в каком никто из русских поэтов до него не писал.

В 1892 году Бутурлин вступил в брак с дочерью русского посла в Париже Я. А. Моренгейм, покинул столицу Франции и прочно поселился в Таганче. Он целиком посвящает себя поэзии. Осуществиться этому в полной мере было не суждено: ровно через год он заболел туберкулезом легких и еще через два года (24 июля 1895 года) умер в своем поместье и там же похоронен.

Кончина Бутурлина вызвала ряд сочувственных откликов в печати. Наиболее пространной заметкой отозвался журнал «Русское обозрение». Здесь было сказано, что покойный поэт «принадлежал к числу немногих истинных художников слова». Указывалось, что «его музу вдохновляли главным образом великие силы природы, воплощенные часто в божества древнерусской мифологии. Цельность, разносторонность и красота даваемых им картин этой одушевленной природы — часто поразительны... Форма произведений его была всегда строго обдуманна и обработана, каждая небольшая вещь носила на себе печать близкого и разумного знакомства со строго классическими образцами и каждая из них была в высшей степени содержательна и музыкальна».¹

Стихотворения Бутурлина дважды выходили отдельными изданиями при его жизни: «„Сибилла“ и другие стихотворения» (СПб., 1890) и сборник под заглавием «Двадцать сонетов» (Киев, 1891). Уже после смерти поэта вышел сборник «Сонеты» (Киев, 1895), подготовленный к печати самим Бутурлиным. В конце 90-х годов стихотворные произведения Бутурлина были собраны его женой и изданы отдельным томом («Стихотворения графа П. Д. Бутурлина, собранные и изданные после его смерти графиней Я. А. Бутурлиной», Киев, 1897). Это наиболее полное, хотя и не слишком авторитетное с текстологической точки зрения собрание стихотворений Бутурлина.²

¹ «Русское обозрение», 1895, № 9, с. 422.

² В 1971 году в Мюнхене вышла на русском языке монография, посвященная творчеству Бутурлина: Olga Schmidt, *Neizvestnyj poet P. D. Buturlin. Analiz tvorčestva. Slavistische Beiträge*, b. 54, München, 1971.

СОНЕТЫ

418. МОГИЛА ШЕВЧЕНКО

Над степью высится гора-могила.
С землею в ней опять слилось земное,
И лишь в ее незаблемом покое
Покой нашла измученная сила.

Но песнь законы смерти победила
И страстная, как ветер в южном зное,
Векам несет то слово дорогое,
Которым прошлое она бодрила.

Склони чело, молись, пришлец случайный!
Душе легко от радости свободной,
Хотя от слез здесь тяжелеют вежды.

Кругом — синеющий раздол Украины,
Внизу — спокойный Днепр широководный,
Здесь — крест, здесь — знак страданья
и надежды.

*5 сентября 1885
Канев*

419. ТАЙНА

Есть в жизни каждой тайная страница,
И в каждом сердце скрыто привиденье,
И даже праведник, как бы во тьме гробницы,
Хранит в душе бывшее угрызенье.

Хоть быстрых лет исчезла вереница,
Хоть победило наконец забвенье
И чувства давние, дела и лица
Поблекли в вихре новых впечатлений —

Но всё же иногда тот призрак дальний,
Неведомым послушный заклинаньям,
На миг живой из сердца воскресает;

Не грозный, не укорный, лишь печальный,
Уже не в силах он карать страданьем,
Но как он мстит! Как совесть он пугает!

(1887)

420. ПЛЯСКА СМЕРТИ

Я видел грозный сон. Не знаю, где я был,
Но в бледной темноте тонул я, словно в море;
И вот, как ветра вой, как шум от тысяч крыл,
Зачался странный гул и рос в немом просторе, —

И вмиг вокруг меня какой-то вихорь плыл,
Кружился в бешеном, чудовищном задоре...
То были остовы. Казалось, всех могил
Все кости тут сошлись в одном ужасном сборе!

О, этот прах!.. Он жил!.. Всё ближе и быстрее
Меня он обвинял, и дикий, страшный хохот
Порывами звенел над звяканьем костей.

Вдруг голос прозвучал, как грома резкий грохот:
«Пляши, о смерть! Ликуй! Бессмертна только ты!..»
И я тонул один в разливе темноты.

(1890)

421. ОТЗВУКИ

Я чувствую, во мне какой-то отзвук спит;
Он разуму смешон, как детское мечтанье,
Как сказочных времен неясное преданье...
А, разуму назло, порою он звучит!

Так в раковине звон далеких волн сокрыт:
Прилива вечный гул и бури рокотанье
Меж стенок розовых слились в одно шептанье,
Но вся стихия там воскресшая шумит.

Мы слышим этот шум — нет! этот призрак шума! —
И в душных комнатах, среди дымных городов,
К безбрежью синевы мгновенно мчится дума.

Надежды мертвые счастливейших годов,
Ваш отзвук никогда среди темных треволнений
Не призвет опять лазоревых видений!

(1891)

422. ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ В НЕАПОЛЕ

Графу П. И. Капнисту

1

К окну он подошел в мучительном сомненье;
В руке — письмо от батюшки-царя;
Но взор рассеянный стремился в отдаленье,
Где тихо теплилась вечерняя заря.

Без волн и парусов залив забыл движенье,
Серебряным щитом меж синих скал горя,
И над Везувием в лиловом отраженьи,
Как тучка, дым играл отливом янтаря.

И Алексей смотрел на мягкий блеск природы,
На этот край чудес, где он узнал впервой,
Что в мире есть краса, что в жизни есть покой,

Спасенье от невзгод и счастье свободы...
Взбешен молчанием, Толстой за ним стоял
И губы до крови, томясь, себе кусал.

2

В невольном, сладком сне забылся Алексей...
И вот его опять терзает речь Толстого:
«Вернись, вернись со мной! Среди чужих людей
Позоришь ты царя, отца тебе родного;

Но кара, верь, тебя с паложницей твоей
Найдет и здесь. Вернись — и с лаской встретит
снова

Он сына блудного. Простит тебе... и ей!
В письме державное на то имеешь слово».

И пред царевичем знакомый призрак встал,
Как воплощенный гнев, как мщение живое...
Угрозой тайною пророчило былое:

«Не может он простить! Не для того он звал!
Нешадный, точно смерть, и грозный, как стихия,
Он не отец! Он — царь! Он — новая Россия!»

8

Но сердце жгли глаза великого виденья;
Из гордых уст не скорбь родительской мольбы,
Казалось, лилась, — гремели в них веленья,
Как роковой призыв архангельской трубы.

А он, беспомощный, привычный раб судьбы,
В те быстрые, последние мгновенья
Он не сумел хотеть — и до конца борьбы
Бессильно пал, ища минутного забвенья.

«Спаси, о господи! помилуй мя, творец!» —
Взмолился Алексей, страдальчески вздыхая.
Потом проговорил: «Я покорюсь, отец!»

И на письмо царя скатилась, сверкая,
Горячая слеза... Какой улыбкой злой,
Улыбкой палача, торжествовал Толстой!

(1891)

423. СЕРЫЙ СОНЕТ

Вчера с вечернею зарей,
С последней, красной вспышкой света,
В зловещих тучах над землей
Печально умирало лето,

Живит меня Перун, меня ласкает Лель;
Из недр моих к лучам и к радости цветенья
Стремится тонкий злак и царственная ель,
И мне, о человек, неведомы мученья.

Неутомимая, всех любящая мать,
Могла б я всем равно в довольстве счастье дать...
И зло не я, не я, благая, породила!

Незыблемый покой усталому суля,
Для бодрого всегда надежда я и сила!
Я — гроб и колыбель! Я — Мать Сыра Земля!

(1894)

426. К .....

Не верь, не верь толпе! Не умер Аполлон.
Да! Старый мир погиб, и затопляет Лета
Руины славные, где зову нет ответа;
Пустынною скалой чернеет Геликон...

Но в их святой пыли наш новый мир рожден!
Ужели божеством спасительного света
В чудесном зареве грядущего рассвета
На радость новых лет не пробудится он?

Жизнь бьет ключом теперь, но, робкие невежды,
Не видим мы еще поэзии надежды
В эпической борьбе природы и труда.

Явись, о вещей бог! Не зная сожалений,
Не веря смутным снам и грезам без стыда,
Ты новый гимн найдешь для новых упоений!

(1895)

427. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

О, если бы во дни, когда был молод мир,
Родился ты, Шенье, в стране богов рассвета,
От Пинда синего до синего Тайгета
Была бы жизнь твоя — прелестный долгий пир!

При рокоте кифар и семиструнных лир
Венчали б юноши великого поэта,
И граждане тебе, любимцу Музагета,
В родимом городе воздвигли бы кумир.

Но парки для тебя судьбу иную пряли!
И ты пронесся в ночь кровавых вакханалий
По небу севера падучею звездой! . .

Как греческий рапсод, ты страстно пел свободу,
Любовь и красоту бездушному народу
И умер перед ним, как греческий герой.

(1895)

428. ЧЕХАРДА

Царю тринадцать лет. Он бледен, худ и слаб.
Бойтся пушек, гроз, коней и домового,
Но блещет взор, когда у сокола ручного
Забьется горлица в когтях зардевших лап.

Он любит, чтоб молил правитель-князь, как раб,
Когда для подписи уж грамота готова;
И часто смотрит он, не пророняя слова,
Как конюхи секут сенных девиц и баб.

Однажды ехал он, весной, на богомолье
В рыдване золотом — и по пути, на всполье,
Заметил мальчиков, игравших в чехарду. . .

И, видя в первый раз, как смерды забавлялись,
Дивился мальчик-царь: и он играл в саду
С детьми боярскими, но те не так смеялись.

(1895)

429

Родился я, мой друг, на родине сонета,
А не в отечестве таинственных былин, —
И серебристый звон веселых мандолин
Мне пел про радости, не про печали света.

На первый зов мечты я томно ждал ответа
Не в серой тишине задумчивых равнин, —
Средь зимних роз, у ног классических руин,
Мне светлоокий бог открыл восторг поэта!

Потом. . . не знаю сам, как стало уж своим
Всё то, что с детских лет я почитал чужим. . .
Не спрашивай, мой друг! Кто сердце разгадает?

В моей душе крепка давнишняя любовь,
Как лавры той страны, она не увядает,
Но. . . прадедов во мне заговорила кровь.

(1895)

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

430. СУЛАМИТА

(Подражание «Песне песней»)

Я — роза Сарона, я — ландыш долин!
От башен Сидонских до Чермных пучин,
От Нила до рек Ниневии далекой
Нет краше меня между женщин Востока.

Сыны моей матери, злобно кляня,
Стеречь виноградник послали меня;
Но солнце с небес любовалось мною
И знойной меня одарило красую.

Спустилась я горной тропой в вертоград
Смотреть, как цветет молодой виноград,
Как зыблются травы большими волнами,
Как статный гранат увенчался цветами, —

Но там не нашла я весенних цветов. . .
Нашла я тогда в вертограде любовь! . . .
Мой милый — как царь среди царского стана,
И риз его запах — что запах Ливана!

Он властно обвил меня правой рукой;
Другая рука — под моей головой. . .
Мне дайте вина! Я от счастья страдаю! . .
Мне дайте вина. . . От любви умираю! . .

(1887)

431. БАЯДЕРА

Луна сквозь туманы — бледней привиденья;
Едва серебрится восточная даль;
Созвездий дрожат на реке отраженья,
Как жемчуг, упавший на тусклую сталь.

Едва серебрится восточная даль,
И думы рабыни туда улетают. . .
Как жемчуг, упавший на тусклую сталь,
Лишь первые дни в темной жизни блистают!

И думы рабыни туда улетают,
Где вечно белеет святой Эверест. . .
Лишь первые дни в темной жизни блистают!
Там снился и ей сон счастливых невест.

Где вечно белеет святой Эверест,
Она расцвела среди бедности вольной;
Там снился и ей сон счастливых невест! . .
А смерти страшней — красота для бездольной.

Она расцвела среди бедности вольной
И вянет среди роскоши светлых дворцов;
А смерти страшней — красота для бездольной!
На рынке Дельхи продается любовь.

И вянет среди роскоши светлых дворцов,
Что лотоса сорванный цвет, баядера;
На рынке Дельхи продается любовь,
Как горсть изумрудов, как шкура пантеры.

Что лотоса сорванный цвет, баядера
В раздумье поникла прелестной главой:
«Как горсть изумрудов! . . Как шкура пантеры! . .»
Смутился впервые ленивый покой.

В раздумье поникла прелестной главой. . .
У ног ее волны журчат безмятежно, —
Смутился впервые ленивый покой.
Ей слышится голос ласкающе-нежный. . .

У ног ее волны журчат безмятежно:
«Тут день без веселья, тут ночь без пиров!»
Ей слышится шепот ласкающе-нежный:
«В нирване исчезнут и стыд, и любовь! . .

Тут день без веселья, тут ночь без пиров!
Тут мысль не томит, не томят наслажденья, —
В нирване исчезнут и стыд, и любовь. . .»
Луна сквозь туманы — бледней привиденья.

(1888)

432. ПОСЛЕ РАЗГОВОРА

Что сказал я тебе, сознаю я неясно.
Неужели то было признание в любви?
Но слова не лились увлекательно-страстно
И смотрел я без робости в очи твои.
Хоть в лазури витают надежд вереницы,
Что останется мне от чудесной мечты?
Только несколько рифм на измятой странице
И забвенье потом? Или горе? Иль. . . ты?

(1890)

433. РОНДО

Весною, в сиянии радужных снов,
Казалась жизнь идеальной мечтою.
Была виновата, быть может, любовь
Весною!

Теперь же, под небом, подернутым мглою,
Всё плачутся ветры меж голых дерев, —
И сердце им вторит, им вторит с тоскою
Весною!

Природа, в венце из лучей и цветов,
В апреле заблещет обычной красою;
Но то, что исчезло, вернется ли вновь
Весною? . .

(1890)

434. ЭЛЕГИЯ

Fior di ginestra.
Dove c'è stato lo fuoco una volta,
Qualche poco di cénere ci resta.

*Stornello umbro*¹

Средь мечтаний сокровенных, мимолетным привиденьем,
Не встает ли пред тобою наша мертвая любовь?
Иль забыла ты, быть может, что друг друга мы любили
Первой страстью молодою, как потом не любят вновь?

Ты тогда была прекрасней безупречных изваяний;
Взор лучился, то синяя, как в июле небеса,
То зловеще зеленея, точно волны перед бурей;
Бронзой, солнцем освещенной, отливались волоса. . .

В дни великих вдохновений вся Эллада на коленях,
В чистом мраморе Пароса, обожала бы тебя!
И, как нищему царица даровала б диадему,
Эту роскошь совершенства отдала ты мне любя!

И восторги мы познали без пределов и без меры.
Дивной сказкой, а не жизнью стала жизнь тогда
для нас!
Солнце чудилось светлее и роскошнее природа! . .
Но неверный, как комета, улетел блаженства час.

---

¹ Цветок дрока. Там, где однажды прошло пламя, остается только немного пепла. Умбрийская народная песенка (итал.). — *Ред.*

Что вечной радости святой
Ей недоступны откровенья,
Пока всей мерой искупленья
Не будет заслужен покой.

(1890)

436. МЕЖДУ ДНЕМ И НОЧЬЮ

Темные сумерки тусклого дня, —
Холод, и сырость, и ветра стенанья! .
О, как прелестно толпятся мечтанья
Здесь у камина, при свете огня,
В сумерках темных осеннего дня!

Пламя то вспыхнет, то гаснет неожиданно;
Красные тени танцуют кругом. . .
Дума сменяется сказочным сном,
Грезы всплывают и, путаясь странно,
Быстро яснееют и тают неожиданно.

Сумрак густеет; огонь уж погас;
Тихо, темно; молкнет ветер печальный;
Грезы исчезли, и склеп погребальный
Снится неволью в таинственный час,
В час, когда день, как огонь, уж погас. . .

(1890)

437. К . . . . .

Нет, жить еще ты не устала!
Не умерла в тебе любовь,
И то, что страстно проклинала,
Поверь, молить ты будешь вновь.

Так серый пепел, холодея,
И жар, и блеск огня таит;
Но ветер пройдет — и вдруг, краснея,
Костер, как прежде, заблестит.

Конца и смерти нет на свете.
Они — лишь вымысел невежд,
Боязни жалкие ответы
И ложь обманутых надежд.

Конец — миг нового начала,
И смерть — рождение души;
А жизнь, хотя ты в ней страдала,
Любовь и жизнь бессмертно хороши.

(1890)

438. УНЫНИЕ

Бывают дни, когда в душе усталой
Всё вымерло, — как в час очарованья,
Меж черной ночью и зарею алой,
Стихает мир без тьмы и без сиянья.

В те дни нет хмеля радости удалой,
Печали нет во мне, как нет желанья,
И сказкою докучливой и вялой
Звучат уму припевы упованья.

О, если б смерть холодными устами
Моих горячих уст тогда коснулась,
Отдал бы равнодушно я лобзанье!
И даже не жалел бы в миг прощанья
О том, что жизнь моя тянулась,
Для всех ненужной, долгими годами.

(1890)

439—441. МАЛЬТИЙСКИЕ ПЕСНИ

1

Ночи у моря мятежного,
Шумные музыкой волн, —
Счастья вкрадчиво-нежного,
Мира, как море, безбрежного,
Ласковый ропот их полн!

О, что за тайны прекрасные
Море поёт, ваш поэт, —
Ночи томительно-страстные,
Ночи без месяца ясные
Белым сияньем планет! . .

2

Море, море голубое
В мраке жалобно рыдает,
Будто горе, горе злое
Даже волны угнетает.

Нет, о нет, не плачет море, —
Это ветер с ним играет,
Только ветер! . . Наше горе
Вопли волн воображает!

3

У моря поэтов, у моря богов,
У светлого, южного моря
Мне снятся метели и бледность снегов
На русском широком просторе.

Как черные лебеди, к яркой скале
Плывут корабли вереницей. . .
Мне снится кораблик на тонкой игле
Над северной, серой столицей. . .

(1890)

442. СУМЕРКИ НА УКРАИНЕ

Оранжевый закат сиял,
Но из пучины лиловой
Созвездий рой уж выступал.
И над Украйною, — объятай
Вечернею, пахучей мглой, —
Как ангел добрых сновидений,
Казалось, пролетал покой;
И если из далекой тени —

Протяжен, грустен и высок —
Обрывок песни доносился
Иль где-то искрой золотился
Невидной хаты огонек —
В загадочном очарованьи,
От этих звуков и мерцаний
Лишь становилась тень тусклей
И тише тишина полей.

Дорога лентою широкой
Вдоль задремавших нив лежит,
И массой валкой и высокой
Последний воз на ней скрипит.
Воле то станут средь дороги,
То вновь плетутся, и кругом
Вздымают медленные ноги
Тяжелой пылью чернозем.
Грицько устал. В душистом сене
Так хорошо тонуть! Не сон
Владсет им и не забвенье:
Он ароматом упоен.
Своих волов не погоняя,
Грицько ленится, отдыхая, —
И мелкой жизни мелкий строй
Невольно дума покидает;
Так с песней жавронок порой
От мира к солнцу улетает.

(1890)

413. ПРЕД ЗАРЕЮ

Близится утро. Скользят в поднебесье туманы.
Ночи лазурная тает краса.
Клонятся долу в траве золотые тюльпаны:
Жемчугом тусклым на них тяжелеет роса.

Близится утро, — и мир, как в метели шумливой,
В вихре потонет пустой суеты.
С трепетным блеском последней звезды сиротливой
Слабые чары исчезнут последней мечты.

Близится утро. С томительной негой прощаний
Лунный еще улыбается свет.
Дай, о вакханка моя, в упоении лобзаний,
Дай мне о ночи забыть. . . и не верить в рассвет!
(1890)

444. СОЛДАТИК

Посвящается В. Ю. фон Дрентельну

Однажды, в городском саду,
Над южной славною рекою,
В каком-то сладостном чаду
Бродил я медленной стопою.
Не грезы светлые во мне
Или надежды колдовали;
Нет! Был я счастлив, как во сне,
Скорей отсутствием печали.
Я только смутно сознавал
С невыразимую отрадой,
Что томно сад благоухал,
Что скучной жизни за оградой
Тогда я не принадлежал.

И так, бог весть о чем мечтая,
Почти невольно сознавая,
Как чуден был июньский день,
Бродил я медленной стопою,
Где легкая висела тень
Зеленоватой полумглою.
Всё в гору, бледною змеею,
Вились меж маленьких лугов
Дорожек серые спирали;
Высоко надо мной дерев
Все листья весело шуршали,
Как будто гордые собой,
Что жгучий ветер, пыль и зной
Еще доселе не измяли
Их шелковистую красу;
А солнце в светлую росу,

Казалось, преобразило
Потоки золотых лучей:
Оно, могучее светило,
Сквозь мягкую игру теней
Теперь лишь яркими кругами
Блестело на песке местами,
Покорно зыбкости ветвей. . .
Красавец месяц! Гордость года!
Июнь! Июнь! Твоей порой,
Во дни меж летом и весной,
О, как, обласкана тобой,
Ликует радостно природа!
Так новобрачная, полна
Стыдливости и сладострастья, —
Уже не дева, чуть жена, —
Трепещет на зените счастья.

Но из лучистой тьмы дерев —
Где я, как в милом царстве снов,
Забылся, тишью упоенный, —
Дорога вывела меня,
И, облитый сияньем дня,
Я тут очнулся, удивленный,
Что до венца горы дошел.
Налево липы отцветали,
А там — сторожка, частокол
И луг, где босяки дремали;
Направо, голый и крутой,
Во всю длину горы высокой
Желтел обрыв; внизу, далёко,
Тянулись вербы бахромой;
За ними — лишь простор широкий
Реки, и степи, и лесов,
Да синева без облаков.

Безбрежность дали, русской дали,
О, как ты странно хороша!
Тебя, светлее светлой стали,
Однообразнее печали,
Как любит русская душа.
У волн блестящих океанов
Иль на горах, где средь туманов

Мир еле виден и мольбе
Доступней, мнится, царь творенья, —
В порывах страстного томленья
Она тоскует по тебе,
О даль родимых кругозоров,
Где нет преград для жадных взоров,
Где ширь небес и ширь полей
В одной сливаются лазури,
Где место есть для всех лучей
И есть раздолье всякой буре!

Залюбовался я, — но вдруг
Заметил, что со мною рядом
Стоит солдат и тусклым взглядом
Глядит с унынием вокруг.
Как все армейские солдаты,
Он был нерослый, мешковатый,
С тупой усталостью в чертах,
В мундире грязном, в сапогах
Истоптанных... да, слава богу,
Его ли мне изображать?
Кому солдатика не знать!
На месте постояв немного,
Он отошел, но снова стал
И, будто он кого-то ждал,
Взглянул пытливо в даль дороги —
Там лишь рой бабочек белел, —
Вернулся он, вновь поглядел
И у обрыва тихо сел,
Над самым краем свесив ноги.
Я испугался за него.
«В уме ли он? Иль отчего
Своею жизнью так играет?
Ужели надоело жить?
Иль просто он меня желает
Своей отвагой удивить...
Нет, — то безумство, не отвага!
Там удалец бы оробел».
А у гигантского оврага
Невозмутимо он сидел,
Как будто занят созерцаньем

Тревожных волн большой реки,
Под солнцем брезжущих мерцаньем,
Которым искрятся штыки.
Ужаснейшей боясь кручины,
Его предупреждать я стал,
Что с глыбами той ломкой глины
Возможен каждый миг обвал.
Солдатик голову лениво
На оклик мой уж повернул,
Как вдруг вскочил, рукой махнул
И зашагал неторопливо
К дороге, где под сенью лип
Ему навстречу, очевидно,
Шла женщина: известный тип
Кухарки толстой, безобидной, —
Солдатский грузный идеал! . . .
Он подошел, фуражку снял,
Заговорил. . . Немного стыдно
Ей стало; круглая щека
Покрылась краскою густою,
И шалью нагло-голубою
Играла красная рука. . .

С какой-то нежною отрадой
Я долго им вослед смотрел;
И в скучной жизни за оградой
О них забыть я не сумел!

«Ужели всё? — читатель спросит. —
Идея где? И где рассказ?
Ужели тут поэт всё бросит —
Кухарку, война и нас?
Знать, просто не по силам сказка!
Его измучился Пегас;
Как в вешней слякоти савраска,
В житейской прозе он увяз!
И хорошо еще, быть может:
Ведь повесть. . . странная была!
Никто конца ей не положит
Без лишних сцен á la Zola. . .¹

---

¹ Как у Золя (франц.). — *Ред.*

А уж такие наблюдения
Прискучили и без стихов!
И надо ль было песнопенья,
Чтоб эту описать любовь?
Любовь? . . . О нет! Такого слова
Достоин ли простой разврат?
Да мог ли жар огня святого
Тот грубый чувствовать солдат?»

На это, строгий мой читатель,
Мне очень трудно дать ответ!
Но даже в словарях «поэт»
Отнюдь не значит лишь «мечтатель»,
Нельзя ж Икаром нам порхать
Всегда, всегда над облаками;
Полет опасен меж звездами,
И крылья — как легко сломать!
Я сам жалею, без сомненья,
Что в светозарном сновиденьи
Глаза духовные мои
На берегу реки той славной,
Увы! не видели ладьи
Олега, мощного Ильи
Иль милой тени Ярославны.
Тогда отдался б я вполне
Восторгам чистым вдохновенья,
И вы авось внимали б мне
С крупницей малой снисхожденья!
Но я ль, скажите, виноват,
Что и другое ведь бывает?
В общественном саду солдат
С своей зазнобою гуляет,
И рады все кричать: разврат!
Зачем?

В дыму пороховом,
Когда, средь молнии картечи,
Гремит атаки славный гром,
В ужасном упоеньи сечи,
О, поэтическим лицом
Солдат нам кажется победный!
Но тут, когда мужик он бедный,
Мужик, и только! — уж не то.

Для образованного стада
Таится в горестях отрада,
И песен про народ не надо,
Когда не мучится никто!
Давно не смеет быть счастливым
Никто из русских бедняков.
Любовь в народе терпеливом
Должна у хладных очагов
Томиться горем молчаливым;
Смеяться может лишь порок.
Умильно смотрим мы на счастье
Того, кого ласкает рок,
Но голь, чтоб вызвать в нас участие,
Должна без отдыха страдать!
Но, впрочем, будет мне болтать.
В картинах нет нравоученья,
Как нет его в цветах полей.
Без всяких, признаюсь, идей,
Былые помня впечатленья,
Я лишь картинку набросал. . .
И, вместо красок, рифмы взял.

(1890)

445. БЕЗЛУННАЯ НОЧЬ

У порога белой хаты,
В ароматной мгле ветвей,
Заливается крылатый
Бард украинских ночей.

Нет луны, но звездным светом
Ночь лазурна, ночь ясна.
Спит земля. В молчаньи этом
Ночь гармонией полна.

Звонче песня. . . Громче. . . Шире. . .
Улетает в даль садов! . .
Для кого в весеннем мире
Льется песня вешних снов?

Говорят, от роз востока
С золотой волной лучей
К русским розам издалека
Прилетает соловей.

Но сегодня не надменных
Славит он цариц весны,
Не поет им сокровенных
Сказок чудной стороны! . .

Там, где яблони так низки
И так густ навес листвы,
У плетня там близко-близко
Две склонились головы.

Громче песня вылетает.
Кто услышит звук речей?
И лобзанья заглушает
Неустанный соловей!

(1891)

446

В лучах луны планеты побледнели,
И много звезд исчезло, словно тая
В серебристой синеве, и тишь ночная
Была нема, как смерть живая кельи.

Лишь изредка в ветвях угрюмой ели
Вздыхали ветры сонные, летая
Туда, где лилии, царицы мая,
В сияньи лунном призрачно белели.

447

Сердце, о бедное сердце усталое,
Что же ты рвешься, стремясь уповать?
Или вернулося время удалое?
Или в тебе еще сила страдать?

Сердце, засни же! Несбыточной сказкою.
Тешат тебя эти счастья дни,
Жизнь погубила жестокою ласкою
Всё, чем могуче ты было, — засни!

Биографические сведения о поэте Сергее Александровиче Сафонове немногочисленны. Он сам стремился разграничить свою жизнь и поэзию, тем более что в жизни (он родился 7 ноября 1867 года) ему приходилось играть довольно малозначительные роли: он был актером провинциальной сцены, фельетонистом, литературным поденщиком, зато в лирических стихах был достаточно строг к самому себе, и, по мнению знавших его литераторов, художественное дарование его не развернулось в полную силу. Незадолго до выхода в свет его первого сборника стихотворений в «Петербургской жизни» появилась краткая шутивная характеристика С. А. Сафонова-Скавронского, наиболее вероятным автором которой был он сам: «Вооружен бичом сатиры и лирою поэта-декадента. Человек, который смеется над тем, над чем он плачет, и плачет над тем, над чем смеется. Вполне своеобразный артистический темперамент, сотканный из чувственных частиц скептика и мистика, эпикурейца и анахорета...

Играет на сцене, на рояли и на мирлиstone. Пишет тушью, фехтует и катается на велосипеде. Неоднократно поднимался на воздушном шаре. Пишет в „Русском вестнике“, „Севере“, „Стрекозе“ и „Петербургской газете“».¹

При всей несерьезности тона этой аттестации, в ней фактически ничего не искажено. Сафонов действительно перепробовал разные занятия, умел фехтовать, так как учился в московской Военной гимназии, однако досрочно вышел из нее, увлекся театром, «играл на сцене, на рояли и на мирлиstone» и, наподобие Аркадия Счастливецва (из «Леса» Островского), скитался из Вологды в Керчь и из Керчи в Вологду.

---

¹ «Петербургская жизнь», 1892, № 12 (39).

Но театральную карьеру Сафонов прервал довольно скоро, смешив ее на литературный промысел, начатый, кстати, в том самом журнале, где прославился Антоша Чехонте.

Первым печатным произведением Сафонова была шуточная элегия «Два сердца», подписанная псевдонимом «Гамлет, принц Вятский». «Элегия» появилась в журнале «Стрекоза» (1888, № 32), в котором Сафонов продолжал сотрудничать и в дальнейшем, помещая юмористические стихотворения и рифмованные мелочи под псевдонимом «Скаврончик».

Более пятнадцати лет он работал в столичной и провинциальной печати как беллетрист, литературный обозреватель, фельетонист, обязанный газете куском хлеба и целиком зависящий от нее. На потребу газете Сафонов писал все, не исключая бульварных романов; один из них — «Немецкий прибор (Drang nach Osten)» — печатался в газетных фельетонах и вышел отдельным изданием в 1893 году. Сам автор хорошо знал цену этой литературе, пользовавшейся неизменным спросом российского обывателя, однако считал, что «тот романист, который взял бы на себя неблагодарную роль исправлять литературные вкусы толпы и отнестся бы с презрением к бульварному фельетону, низводящему литературное творчество до степени портняжного мастерства, рисковал бы двумя вещами: или его не стали бы читать, или... не стали бы печатать!»¹

С. А. Сафонов не упускал случая высказаться с насмешкой о прозаических обстоятельствах, связанных с законами буржуазного литературного рынка.

Свои фельетоны Сафонов подписывал псевдонимом «Сергей Печорин». Он много печатался в «Новостях», а последние два года жизни — в «Звезде», где «вел фельетон — остроумный, бойкий, содержательный, нередко блестящий...»²

Сафонов был одним из первых переводчиков П. Верлена на русский язык;³ влияние Верлена и других новейших французских поэтов он испытал на себе, что давало критике основание относить его к числу непосредственных, хотя и весьма второстепенных предшественников русских декадентов. П. П. Перцов, включивший Сафонова в первый сборник новых течений современной поэзии («Молодая поэ-

¹ С. А. Сафонов, Немецкий прибор (Drang nach Osten), СПб., 1893, с. V.

² Петр Быков, Некролог. — «Биржевые ведомости», 1904, 6 февраля.

³ Петр Быков вспоминал, что еще будучи совсем молодым человеком С. А. Сафонов «выказывал большую начитанность и знакомство с западноевропейской литературой». — «Биржевые ведомости», 1904, 6 февраля.

зия», 1895), считал его «фофановцем»: «Из фофановцев самыми талантливymi были Сафонов, Червинский и Шестаков. Первый, правда, не написал еще тогда своего лучшего стихотворения «Это было давно — я не помню, когда это было...», которое очень нравилось Брюсову, приводившему его в подтверждение своего любимого тезиса, что в основе каждого удавшегося стихотворения лежит зерно реального переживания. Вот он это пережил, — говорил он про Сафопова, — оттого это ему так и удалось».¹

Первый небольшой сборник (в него вошло только 41 стихотворение) Сафопова был издан в 1893 году редакцией «Русского вестника».

В 90-х годах стихи Сафопова в большом количестве появлялись в «Севере», «Изве», «Всемирной иллюстрации», «Живописном обозрении», «Русском вестнике», «Неделе» и других изданиях.

При подготовке в 1901 году нового сборника Сафонов с большой строгостью подошел к отбору своих лучших стихотворений, оставив за пределами книги большую часть того, что было им написано и напечатано прежде.

«Мои друзья, наставлявшие на издание этой книги, — писал он в предисловии, — поймут меня, когда я приведу слова Некрасова:

Не торговал я Музой, но, бывало,
Когда грозил неумолчный рок,
Неверный звук из лиры исторгала
Моя рука...

А этот Рок грозил мне, обреченному жить писательством, очень часто, очень жестоко, — да и не мне одному... Сколько раз в горькие дни житейской осени таскались мы с бедной Музой по литературным задворкам, как шарманщики, не знающие, где преклонить головы... Мы старались не делать ничего позорного, но наши песни были вымучены, и повторять их теперь я не вижу никакой надобности. Пример некоторых стихотворцев, не только стоящих чего-нибудь, но и совсем ничего не стоящих, которые тщательно и любовно стремятся «увекочить» всякую ошибку, сделанную не в добрый час, достаточно красноречив. Я надеюсь, что после этих моих слов, продиктованных искренностью, никто уже из моих друзей или недругов не станет копаться в старом литературном хламе и выискивать стихи, не вошедшие в настоящий сборник».²

---

¹ П. Перцов, Литературные воспоминания, М.—Л., 1933, с. 168.

² С. А. Сафонов, Стихотворения, СПб., 1914, с. 19—20.

Подготовленный Сафоновым сборник избранных стихотворений при жизни поэта не был выпущен, а посмертное издание состоялось лишь в 1914 году.

С. А. Сафонов умер 6 февраля 1904 года, тридцати семи лет от роду, и был похоронен на Волковом кладбище в Петербурге. Среди присутствовавших на похоронах литераторов был Л. Андреев, А. Амфитеатров и др.

418. НОЧЬ

Темнее ночь — и думы всё темнее. . .
Бегут часы. . . Угрюмые мечты
Растут, растут, назойливей, смелее. . .
Темнее ночь — и думы всё темнее. . .
Трепещет ум под гнетом темноты!

Вот ряд теней, — одна другой мрачнее. . .
Близка гроза неведомых тревог. . .
Всё гуще мгла, отчаянье грознее. . .
И бьется мысль, и ужас всё сильнее, —
В объятых тьмы рассудок изнемог!

Где ж помощь, свет? О, вот когда молиться!
Не помнятся ль молитвы прежних лет?
К былым богам назад не воротиться,
Мечтой тревожной в прошлом не забыться —
Да всё равно — в нем радостного нет!

Темнее ночь — и думы всё темнее. . .
Бегут часы. . . Хотя б заря скорее,
Хотя бы луч, хотя бы проблеск дня! . .
Погасли звезды. . . Или тучи мчатся?! . .
Нет, мне зари, должно быть, не дожждаться —
И, как струна, порвется мысль моя! . .

(1886)

Быть может, грусть моя когда-нибудь пройдет
 И хоть на миг мне жизнь солжет и улыбнется —
 Пусть так! .. Зато теперь ужасен сердца гнет,
 Как будто бы оно последний час живет,
 Последние минуты бьется!

Мне странно видеть мир — и знать, что для меня
 Еще вчера он цвел, живым огнем согретый! ..
 Теперь ни красок в нем, ни смысла, ни огня!
 Порвался вдруг аккорд, тоскуя и звеня, —
 И песня смолкла недопетой! ..

И часто мысль меня смущает: может быть,
 Вокруг меня кипит, как прежде, жизни сила,
 Но здесь — в груди моей — устало что-то жить? ..
 С природой порвалась невидимая нить —
 И сердце, а не мир — могила? ..

(1891)

Молчи, душа, молчи! .. О чем твоя тревога?
 Зачем в тебе тоска еще не умерла?
 Смотри, какая ночь, смотри, какая мгла
 Немую грудь земли безмолвно облегла —
 Как саван гробовой, как траурная тога! ..

Окаменели туч угрюмые громады,
 И мнится — рухнет вниз гигантский их навес! ..
 Пригнулся и затих в безумном страхе лес! ..
 Ни ветра, ни грозы: молчание небес
 И мрак, повсюду мрак — без смысла и преграды!

Сойди же в грудь ко мне ты — властелин могучий,
 Околдовавший мир, объяввший небо тучей,
 Ты, гений этой мглы, родившийся во мгле!
 Покорность мертвеца, немых теней дыханье
 И эта тишина вне воли и сознанья
 Теперь моей душе нужнее, чем земле!

(1891)

Мир объемлет трепет страсти...
 Слышит небо дня приход —
 И себя грядущей власти
 С тихим счастьем отдает...
 Но в предутреннем дыханьи
 Мне подслушать удалось
 Тайной грусти трепетанье,
 Затаенный голос слез...
 В чудный час перед рассветом
 Сумрак сказочных теней,
 Напоенный бледным светом,
 Говорил с душой моей.
 Стон его тоскливо-страстный
 Был понятен для меня:
 Целый мир — живой, прекрасный —
 Умирал с приходом дня!
 И слезами в час прощанья,
 Как немой укор земле,
 Звезд казалось трепетанье
 В отходящей полумгле...

(1891)

Ночь потоком голубого света
 Льется к нам сквозь переплеты рамы...
 Не сомкнуть очей нам до рассвета, —
 Промечтаем, верно, до утра мы...
 По стене, облитой лунным блеском,
 Реют тени — сказочные птицы.
 Там, вдали, над самым перелеском
 Бледных туч проходят вереницы...
 Посмотри, взглядишь в их очертанья:
 То с полей, воскресших к жизни новой,
 Прочь бегут с тоскою в край изгнанья
 Злые духи, сны зимы суровой.
 Оттого и свет трепещет страстно,
 Молодой весны трепещет сила, —

Оттого и нас с тобой так властно
Счастье жить сегодня охватило.
Жить, о да! Пускай неукротимо
Бьется сердце! Ближе, дорогая! ..
Все в свету проходят тучи мимо...
Ярче ночь... О, красота какая! ..

(1892)

453. ПОЭТУ НАШИХ ДНЕЙ

Он не пророк, о нет! Напрасно от поэта
Доверчивая чернь ждала бы вещей слов:
Он так же духом нищ и так же жаждет света,
Как в немощной толпе последний из рабов.

Из тихого угла он шел на стогны града
Не с тем, чтоб указать вернейший к правде путь, —
Ему, как и другим, найти источник надо,
Который влил бы жизнь в надорванную грудь.

Увы! и он дитя измученного века,
И он живет, как все, — не веря, не любя,
И если все еще скорбит за человека,
То только потому, что видит в нем себя.

Как станет он учить, не веря, сомневаясь?
Как будет утешать — полуживой мертвец?
Он в силах лишь послать, борясь и задыхаясь,
Последний миру крик, как тонущий пловец.

(1892)

454

Как вы мертвы, образы и звуки!
Как вы бледны, немощные речи!
Передать ли вами боль разлуки,
Трепет грез, очарованье встречи?

Дай мне ты, о ночь, твой мрак суровый!
Дай мне, смерть, твой поцелуй холодный!
Буря ночи — голос твой громовый,
Буйный ветер — твой полет свободный!
И еще у сердца слез свинцовых
Взял бы я, тяжелых слез, горячих. . .
Много песен я сложил бы новых,
Песен страстных, сумрачных и жгучих!

(1892)

455

Есть много прелести в дыханьи ранних гроз,
В весеннем лепете природы обновленной,
В лазури девственной, в расцвете первых роз
И в песнях юности влюбленной.

Но дни осенние, но мертвый цвет листвы,
И ночи хмурые, и смутный блеск рассвета, —
Так много высказать способны только вы
Душе тоскующей поэта!

О, эти бледные, увядшие цветы,
Такие юные и пышные вначале!
В них столько призрачной и нежной красоты,
В них столько девственной, чарующей печали!

(1893)

456

Смотри кругом: печален наш рассвет. . .
Тоскливый день, и бледный, и туманный,
Подкрался к нам, как вор, как гость незванный. . .
Очнулись мы — и краткой ночи нет. . .

Издавека протяжный, заунывный
Донесся к нам сигнала звук призывный:
Корабль готов отплыть в далекий путь. . .
Простись со всем, что с детства волновало,

Чем мысль жила, чем сердце трепетало,
О чем мечтал! . . Прости — и забудь! . .

Урочный час. . . Мучительной загадкой
Передо мной стоит немая даль. . .
Я не хочу смотреть назад украдкой:
В минувшем всё — раздумье иль печаль,
Но впереди, но в беспредельном море,
Где новый день мерцает сквозь туман,
Что ждет меня? Опять былое горе,
Былой разлад, миражи и обман?

Тогда зачем пускаться в путь далекий?
Вернись назад, скиталец одинокий:
В ком веры нет, тот счастья не найдет. . .
Но поздно думать! . . Волны рассекая,
Корабль пошел, всё дальше увлекая
Тебя вперед, безжалостно вперед. . .
    А даль глядит, загадочно мерца,
    И странный день таинственно встает. . .

. . . . .

(1893)

457

Из «Венецианского альбома»

Сегодня тих, но сумрачен залив;
Мой старый друг мне показался новым:
Спокойных волн лазоревый отлив
Вдруг потускнел — и сделался свинцовым.

Идет ли то гроза издалека
Иль в небе чересчур светло и знойно?
Всё так же даль ясна и широка,
Но что-то в ней тоскует беспокойно. . .

Венеция безмолвна, как всегда,
Ее дворцы и холодны, и строги. . .
Огонь небес, угрюмая вода —
И жаркий трепет сдержанной тревоги. . .

(1894)

Мы встретились с тобой. . . Ты много говорила
 О том, как хорошо, что старый сад цветет,
 О том, что без меня тебя тоска томила,
 Что ты ждала меня, что ты меня любила,
 Что сердце у тебя ликует и растет. . .

Гляжу — в твоих очах так много слез и света,
 Тревожная мольба в простых речах звучит. . .
 Но я не нахожу ни слова для ответа. . .
 Не упрекай меня, не упрекай за это:
     Кто любит — тот молчит.

(1894)

459. ВДОХНОВЕНИЕ

Есть дни. . . я знаю их. . . когда в душе усталой
 Нет более ни слез, ни веры, ни надежд,
 И мертвы небеса над нищей, обветшалой,
 Отверженной землей безумцев и невежд.

И ты стоишь немой, исчерпав все моления,
 Ты, веривший вчера и жаждавший чудес. . .
 В прошедшем — только скорбь, утраты и паденья,
 В грядущем — только мрак. . . Молчание небес! . .

Вдруг аромат цветов, и нежный, и глубокий,
 Порывом ветерка откуда-то домчит,
 Вдруг затрепещет луч случайный, одинокий, —
 И вся твоя душа, воспрянув, зазвучит!

Всё, что таилось в ней, проснулось с новой силой,
 Полна она святых, чудесных, светлых слез,
 И твой житейский гнет, томительный, унылый,
 Ты поднял бы опять — и снова перенес. . .

Игра простых теней, мелькнувший свет случайный —
 И ты опять живешь, и веришь, и влюблен,
 Опять стоишь дрожа перед великой тайной,
 Могуществом ее взволнован, ослеплен!

И Коломбине вздор любовный напевал;
Арабы, мудрецы в причудливом уборе,
Паяцы, рыцари с мечом и без меча —
Всё это собралось в каком-то диком хоре
И мчалось бешено, волнуясь и крича.
На стогнах, площадях — куда ни кинешь взоры —
Колелемых знамен раскинулся покров,
И музыка гремят невидимые хоры,
И всюду блеск огней, и всюду дождь цветов! . .
А там, над городом, в котором сказка эта
Свершалась наяву, нарядна и шумна,
Такая в этот час сняла бездна света,
Такая строгая стояла тишина!
Казалось, с вышины глядели чьи-то очи
С печалью девственной, жалея и любя. . .
И страшно стало мне перед святыней ночи
За тех, кто был вокруг, — за них и за себя. . .

(1896)

462. ПОСВЯЩЕНИЕ

От грохота столиц, от нищего народа,
От фарисейских душ и каменных сердец
С последнею мольбой к тебе, о мать-природа,
Истерзан, полумертв, пришел я наконец.

Загадочна, как сфинкс, ясна, как мысль поэта,
Бесстрастна и горда, грозна и холодна,
Сумеешь песнь мою, не ждущую ответа,
Прослушать и понять лишь ты, лишь ты одна.

Вам, груды мертвых скал, вам, гребни волн седые,
Кипящие в своем безжизненном бою,
Я приношу назад все грезы молодые,
И холод поздних дум, и скорбь, и песнь мою.

В чем тайну видел я, в чем видел дуновенье
Непостижимых сил, свершителей чудес, —
Не более как прах, земных частиц движенье,
Воздушных и слепых, безмолвных для небес.

Из них пучина вод, и небо голубое,
И стаи облаков, и дымчатая даль,
Из них, о сердце, ты, тревожное, больное, —
От них твоя любовь, от них твоя печаль.

(1904)

463

Скажи мне, отчего теперь, когда кругом
Всё дышит и живет любовью и весною,
Мне кажется, что ты мечтаешь о другом,
Что мысль твоя не здесь, что сердце не со мною?

Ужели и тебя влекут твои мечты,
Как и меня когда-то увлекали,
Туда, в незримый мир нездешней красоты,
Божественной любви, божественной печали?

О, если правда всё, несчастны мы вдвойне:
Когда-нибудь и ты, в тревоге пробужденья,
Узнаешь, отчего мучительно во мне
Тоскуют, трепеща, безумные сомненья.

Ведь и моя душа избранницу звала,
И новых снов, и образов искала,
Но мстительная жизнь тихонько подошла —
И всё поникло вдруг, и всё пред нею пало!..

Пускай принадлежит земле наш краткий час:
Кто жизнью и мечтой жестоко не обманут?
Учись не верить им: для мира и для нас
Божественной любви мгновенья не настанут!

(1904)

464

На мотив Чайковского

Усни!.. Пускай в душе томленье и печали
Замрут, как свет зари!..
О муза, в эту ночь не мучь, не говори,
Что наши песни отзвучали!

Для звуков смерти нет... Гляди: растут они,
И всё, что на земле пропето, —
Услышано теперь в чудесном царстве света!
Да будет тих твой сон! До ясного рассвета
Усни! ..

(1904)

465

Еще земля была засыпана снегами
И иней на ветвях серебряных лежал,
И в колеях дорог, сверкая под ногами,
Синеющий ледок кололся и дрожал;

Еще был полон лес узорчатых иголок,
Блиставших на заре, как зарево — огнем;
Еще голодный волк из леса на проселок
Отважно выходил искать добычу днем;

Еще по вечерам мохнатые метели,
Равниной снеговой свободно проносясь,
Вздымались к небесам, грозили и гудели,
И падали опять, умолкнув и смирясь;

Но вот на тех ветвях, где иней серебрился,
Каких-то пестрых птиц вдруг очутился стаи.
И как он зашумел! И как он завозился!
«Встречай-ка, мать зима, гостей из теплых стран!

Мы не боимся бурь холодных и печальных;
Пускай не много нас — зато мы не одни:
За нами — блеск небес, сиянье зорь кристальных,
И радостной весны ликующие дни».

(1904)

466

Всю ночь осенний дождь шумел и бушевал,
Стучал мне в окна непрерывно,
И кто-то до зари в саду моем стонал,
Кого-то хоронил, кого-то призывал,
О чем-то плакал заунывно...

Казалось, что конца слезам и стонам нет,
    Что горю ночи — нет исхода;
И плакала душа тем жалобам в ответ,
Пока не замерцал неверный, смутный свет
    И успокоилась природа.

Я вышел на крыльцо. Как сиротлив мой сад
    При бледном трепете рассвета!..
Седые облака, грозя дождем, висят...
Поблекшие листья под ветром шелестят...
    Кричит воронья стая где-то...

И холод, и печаль... Встречай же, сердце, их,
    Как ты весну в былом встречало:
Мне верится теперь, что и для нас самих
Таких туманных зорь и грустных дней таких
    Чреда осенняя настала...

(1904)

Федор Алексеевич Червинский родился в 1864 году в Рязани в родовитой дворянской семье. Отец его был сенатором. После окончания Царскосельской гимназии Червинский поступил на юридический факультет Петербургского университета. Годы его занятий в университете совпали с порой самой мрачной политической реакции, преследованиями прогрессивной печати, гонениями на свободомыслящих профессоров и студентов.

В 1889 году Червинский окончил юридический факультет университета и на протяжении шести лет служил по судебному ведомству, был товарищем прокурора в Гродно. В 1896 году Червинский вышел в отставку и перешел в адвокатуру. На протяжении многих лет он занимался частной практикой, состоя в числе петербургских присяжных поверенных.

Первое стихотворение Червинского было напечатано в 1880 году журналом «Живописное обозрение», затем его стихи изредка печатались в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Севере», «Северном вестнике», «Ниве», «Труде» и других изданиях. Червинский принял участие в литературном сборнике «Красный цветок» (1889), где в память о В. М. Гаршине поместил стихотворение «Я часто уношусь послушною мечтой...».

В стихотворениях Червинского явственно ощутимы влияния Надсона и Фофанова. Известный литературный критик П. Перцов подтверждал в своих воспоминаниях: «Из фофановцев самыми талантливыми были Сафонов, Червинский и Шестаков... Червинский может служить примером настоящего дарования, оставшегося по-сему-то на степени эмбриона (может быть, просто не печатали? А таланты обыкновенно не обладают способностями «пролазов» и «ловкачей»). В его стихах есть настоящая музыкальность...».¹ На

---

¹ П. Перцов, Литературные воспоминания. 1890—1902, М.—Л., 1933, с. 169.

самом деле Червинского печатали, причем лучшие столичные журналы, хотя, в отличие от некоторых других поэтов близкого ему круга, он действительно выступал в печати сравнительно редко.

В начале 90-х годов Червинский написал стихотворную комедию «В глуши» («Северный вестник», 1891, № 5), встреченную грубой отповедью А. Скабичевского.¹ А. П. Чехов, лично знавший Червинского, писал ему в связи с отзывом Скабичевского: «Скабичевский и К^о, — отмечал в своем письме Чехов, — это мученики, взявшие на себя добровольно подвиг ходить по улицам и кричать: «Сапожник Иванов шьет сапоги дурно!» и «Столяр Семенов делает столы хорошо!» Кому это нужно? Сапоги и столы от этого не станут лучше. Вообще труд этих господ, живущих паразитарно около чужого труда и в зависимости от него, представляется мне сплошным недоразумением. Что же касается того, что Вас обругали, то это ничего. Чем раньше Вас обстреляют, тем лучше».²

Свою комедию в стихах под новым названием «Птенец» и с посвящением А. П. Чехову Червинский включил в первый и единственный сборник «Стихи», изданный в 1892 году.³ В эту книгу вошло также восточное предание «Тамара», переложенное стихами, избранные переводы и несколько оригинальных стихотворений («Памяти друга», «Белая ночь», «В дни битв, сомнений и печали...», «На взморье», «Из старой тетради», «Наедине с самим собой» и др.).

Среди произведений Червинского существенное место занимают переводы. Он перевел первую песнь из поэмы Мильтона «Потерянный рай». Переводы из Байрона, Томаса Мура, Альфреда Мюссе и сонетов Шекспира включены в его сборник наравне с оригинальными стихами.

При подготовке антологии «Молодая поэзия» (1895), включавшей наиболее характерные стихи молодых русских поэтов конца XIX века, составители сборника П. и В. Перцовы в числе нескольких стихотворений Червинского поместили его путевые эскизы, связанные с поездкой по Италии («В Вероне», «В Помпее»). В письмах к П. Перцову Брюсов отметил эти стихотворения, хотя отдал предпочтение итальянским стихам Д. Мережковского, не включенным в сборник.⁴

---

¹ А. Скабичевский, Литературная хроника. — «Новости и биржевая газета», 1891, 30 мая.

² А. П. Чехов, Собрание сочинений, т. 11, М., 1956, с. 513.

³ См. рецензию на этот сборник — «Северный вестник», 1892, № 3, с. 53—54.

⁴ См.: «Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894—1896», М., 1927, с. 8.

С начала 90-х годов Червинский перешел в основном на прозу; в книжках «Нивы» печатались его рассказы «Муза», «Протекция», «Незнакомка». Журнал «Живописное обозрение» поместил роман Червинского «Пустоцвет»; на страницах того же иллюстрированного журнала были опубликованы его рассказы «В суде», «Братья», «Из связки писем», роман «Сильфида» и др.

Несмотря на перечисленные выступления в разных жанрах, за Червинским так и не закрепилась репутация профессионального прозаика и поэта. На это обстоятельство косвенно указал Чехов, ценивший некоторые рассказы Червинского, однако считавший, что он выступает в печати слишком случайно и редко: «Вы пишете мало и редко, как поэт Ладыженский, — упрекал он Червинского в 1904 году, — а из отдельных, редко выбрасываемых кофейнок трудно сварить кофе». ¹

После первой революции имя Червинского почти исчезает из литературного обихода; он выступает главным образом как юрист. Упоминание о нем встречается в записных книжках Блока: после Февральской революции Временным правительством под председательством Н. К. Муравьева была создана Чрезвычайная следственная комиссия для расследования деятельности бывших царских министров и саповников. Вместе с Блоком и другими литераторами Червинский был включен в состав этой комиссии и принимал участие в ее заседаниях. 27 мая 1917 года Ал. Блок записал: «Днем — совещание во дворце (Неведомский, Л. Я. Гуревич, Червинский и я — редакторы). Масса встреч, разговоров, впечатлений...» ²

Ф. А. Червинский умер в Петрограде в 1918 году.

467

В дни битв, сомнений и печали,
Мерцая радужными красками,
Немую скорбь своими ласками
Нам звуки сладкие смягчали.
Но говорили мы, мятежные:
«Зачем вы льетесь, песни нежные,
В дни битв, сомнений и печали?»

---

¹ А. П. Чехов, Собрание сочинений, т. 12, М., 1957, с. 573.

² А. Блок, Записные книжки 1901—1920, М., 1965, с. 348.

Перед грозой и соловей
Не свищет в сумраке ветвей».

Промчались годы чередою —
И вас уж нет, стихи певучие;
Иные слышим мы созвучия —
Они отравлены тоскою.
И говорим мы, утомленные:
«О, эти стоны монотонные!
Хоть бы один порыв могучий,
Чтоб песен пламенный поток
Грозой властительных созвучий
В нас силы юные зажег!
А вы — вы нам в сердца не проситесь, —
Бесплодным вихрем вы пронеситесь
И, как падающая звезда,
Блеснув, затмитесь без следа».

(1889)

468. ПОЭТУ

Нет, не нужно нам радужных красок твоих.
Нас не тронет твой пышный, изнеженный стих!
Пусть простые и чуткие песни твои
Дышат пламенем скорби и чистой любви, —
Мы откликнемся дружно на них.

Много звуков в отзывчивом сердце твоём
Тайно зреет в тиши,
Много звуков простых и согретых огнем
Наболевшей души.

Не ряди, охлаждаясь, их в пестрый наряд,
Вынь из сердца — и брось их усталым борцам, —
И подаст тебе руку измученный брат,
И ударят они по сердцам.

(1889)

469. НА ВЗМОРЬЕ

Меркнут радужные краски
Улетающего дня,
Как обманчивые сказки
Грез, исполненных огня.

Над серебряною бездной
Задремавших чутко вод
Стелет полог свой беззвездный
Величавый небосвод.

О, померкни, призрак ложный
Страсти, веющей тоской.
Погрузись, мой дух тревожный,
В сон безгрезный и немой. . .

(1890)

470—471. ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

1

Словно сказочная фея,
Вешней прелестью цветя,
Ты меня околдовала,
Темнокудрое дитя.

Ты властительной улыбкой,
Словно зорькой золотой,
Вмиг рассеиваешь сумрак
Дум, обвеянных тоской.

Если звезды глаз лучистых
Лаской робкою блеснут, —
В сердце песни, словно розы,
И сияют, и цветут.

Если ты мрачна, как небо,
Опаленное грозой, —
Так звучат они печально,
Как пустынных вод прибой. . .

Если смерть затмит неожиданно
Тихий свет любимых глаз, —
Лебединой песней встречу
Я разлуки вечной час. . .

2

Нас ревнует небо: мы сойтись хотели
В парке благовонном, у морской лазури,
Вдруг по стеклам окон капли зашумели,
Возрастал и крепнул гневный ропот бури;
Дрогнул воздух душный; гибкою вершиной,
Застонав, склонились бледные березы,
Замер отдаленный рокот соловьиный,
И к траве поникли плачущие розы. . .

(1890)

472

Тяжелый, душный зной. . .
И, опустив беспомощные крылья,
Застыл корабль над бездной голубой,
Изнемогая от бессилья.
Ты немощен, как он, дух омраченный мой,
И дуновенья бурь могучих
Напрасно жаждешь ты. . . И властвует тобой
Томленья тяжкое, как мертвенный покой
Пустыней этих вод певучих.

(1890)

473. БЕЛАЯ НОЧЬ

Белая ночь, словно призрак, плывет над пустынной
столицей;
Дремлет Нева голубая; дворцы величавые спят;
Реют тревожные сны и влетают в дома вереницей. . .
Тихо из нор выползает и крадется бледный разврат.

В эти мгновения черные немощен дух омраченный,
С бездны грядущего пал золототканый туман,

Сумрак там веет крылами, — и видишь яснее смущенный,
Ложь улыбавшихся грез и надежд легкокрылых обман.

О, зажигай же свой факел, ты, утра лучистого гений!
Звонкою песней разлейся, в таинственный сумрак души
Влей молодую отвагу — и пламя тревожных сомнений,
Белую ночью рожденных, дыханьем своим потуши.

(1890)

474. ДВЕ ДОЛИ

В громозвучных стихах изливал он свои
Грубой черни незримые муки,
К человечеству, полный великой любви,
Простирал он восторженно руки;
Всех погрязших, как в тине, в нужде роковой,
Чуждых страсти высокой и мысли живой,
Созерцал он презрительным оком. . .
И увенчан был славой, и признан толпой
Вдохновенным бойцом и пророком.

В душной комнате бледный мерцает ночник,
В смутном страхе больной гонит призраки прочь,
И, не в силах смертельной тоски превозмочь,
С замирающим стоном к подушке приник
А над ним головой утомленной поник
За него исстрадавшийся друг.
Все бессонные ночи сидел он с больным
И горячим и чутким участием своим
Усмирял непокорный недуг.
И шептал он, что день долгожданный блеснет:
Посветлеет в глазах, грудь вольнее вздохнет,
Жизнь опять улыбнется — и вызовет их
На святую борьбу за других —
Без восторженных слов,
Без лавровых венков,
В незаметной толпе незаметных бойцов. . .

(1891)

Не надо мне ни встреч неожиданных
 Во мгле аллей благоуханных,
 Ни обаяньем полных слов,
 Ни взглядов долгих и стыдливых,
 Ни мимолетных ласк — пугливых,
 Как тени трепетные снов.

Твой образ — грез моих создашь;
 Не умирает обаянье,
 Пока в их царстве я живу.
 О, в этом царстве ты такую
 Сияешь чистой красотой,
 Какой не блещешь наяву.

(1892)

476. ЛИСТКИ ИЗ ДНЕВНИКА

1

Могучим зноем выжженные нивы,
 Цепь длинная желтеющих холмов,
 Засохшей речки мутные извивы
 Меж глинистых и тонких берегов,
 Ряд ветхих изб деревни погорелой, —
 Унылый вид . Недвижим онемелый
 И душный воздух. Влаги ждут поля, —
 Не веешь ты, о небосклон, грозою...
 И голод, голод властвует тобою,
 О бедная, родимая земля!

Умолкни, песня, светлой красотой
 Рожденная! Замри, о скорбь моя, —
 Ты рождена бесплотною мечтою;
 Усни, вражда, — мы все одна семья.
 Иная скорбь, иные нужны песни...

Прохлада влажная спугнула душный зной.
 Над зеленью садов, над сумрачной Невою,
     Над стройным рядом зданий онемелых
     Ночь бледная на крыльях реет белых.
 На тихом кладбище брожу задумчив я.
 Зброшена могил печальная семья...
 И здесь витаешь ты, угрюмый дух забвенья!
 Иду, и чудится — надгробная трава
 Мне шепчет жалобно «забытые слова»...
 Давно развеял их бесплодный вихрь сомненья,
 Нас, хилых скептиков, давно не ждут они,
 И жизнь нам кажется досадною ошибкой,
 И молча мы бредем с брезгливою улыбкой,
 Без грез, без ропота, в загадочной тени...

Где силы юные? Кто с верою живой
 «Забытые слова» освободит из плена?..
 Напрасно ждет борцов пустынная арена...

(1892)

477. ТЕНИ МИНУВШЕГО

На мотив А. Мюссе

Вот наш заглохший пруд, луною посребренный,
 И золотой песок, и желтые холмы,
 И ты, косматый лес, нахмуренный и сонный...
     Здесь часто с ней бродили мы!

Что шаг, то всё сильнее меня объемлет трепет...
 Вот старый мшистый дуб, свидетель дальних лет...
 О, он узнал меня — и листьев робкий лепет
     Мне шлет таинственный привет.

О время властное! Лучистые виденья
 Мгновенной юности от нас ты в бездну мчишь,
 Но, сжалившись, росой холодного забвенья
     Цветов увядших не кропишь.

Теперь... пусть сонмы туч гремят над головою —
Былого из души не вырвать никому;
Как голубь трепетный, застигнутый грозой,
    Всем существом я лгну к нему...

(1893)

478. СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Из Шелли

«Спокойной ночи!..» Нет, той ночи чужд покой,
Что разлучает нас, печали полных знойной...
Побудь еще со мной! Побудь еще со мной,
    Чтоб эта ночь была спокойной...

Как снизойдет к ней мир? Не в силах превозмочь
Желаний смутных ты... Растет твоя тревога...
Так много сказано, так выстрадано много,
    Что будет ли спокойной ночь!..

О, есть счастливые: вечерние огни
Блеснут, — промчится ночь... И так же ясны очи,
И тот же мир в сердцах и нежность...

Но они

Не говорят: «Спокойной ночи!..»

(1893)

479. В ВЕРОНЕ

(Из путевых эскизов)

... Вот он, угрюмый, почерневший дом;
Здесь жил когда-то гордый Капулетти.
Там — наверху — три темные окошка
Над узенькою лентою балкона...
То комната Джульетты. А сюда,
Вот в этот сад, — преданье говорит, —
По вечерам, когда спала Верона
И воды Эча месяц серебрил,
Плывя в лазури неба многозвездной, —

Сюда Ромео юный приходил
И поднимался к милому окну.
Она к нему склонялася — и тихо
Во мгле звучали робкие признанья.
А там — за цепью сумрачных домов —
Ее могила. . . Пусть всё это сказка, —
Ты, гордая действительность, давно
Не зажигала сладкого волненья. . .
Над мраморною урной я стоял,
И чудилось — передо мной вставала
Тень кроткая избранницы Ромео,
Тревожная вставала — и звала. . .
И слышались мне звуки слов забытых,
Печальные, как жалоба. . .

«Уж если,
Signore, кто в Верону попадет, —
Сейчас сюда, к гробнице. А и то:
Быть может, здесь, под этой урной, нет
Джульетты Капулетти, да и вряд ли
Жила она на свете. . .»

И несносно
Забормотал упрямый чичероне,
Что есть у них, в Вероне, и дворцы,
И монументы пышные — не то что
Простая, одинокая могила. . .

(1893)

480. В ПОМПЕЕ

(Из путевых эскизов)

Вот он, мертвый город. По руинам пыльным
Бродят жадно взоры. Жутко. . . Мысль немеет. . .
Воскресают тени сумрачные; веет
От домов пустынных холодом могильным.
Мы идем гурьбою; с чичероне рядом
Англичанка — с книжкой, с недовольным взглядом,
С желтыми кудрями, строгою осанкой,
С зонтиком и мопсом; а за англичанкой
Тучных два монаха с алыми губами,
С темными, как вишни, влажными глазами,

Развлекаясь чинно тихим разговором,
Созерцают форум благосклонным взором.
Нет, скорее к морю! Лучше одиноко
Завтра поброжу здесь, вызывая тени...
Вот уж и ворота, серые ступени,
Узкая дорожка — и уж видит око,
Как смеются, пенясь, голубые воды,
Как в ответ смеются блещущие своды
Радостного неба...

В золотом загаре,
Улыбаясь морю, спит Каstellамаре,
А направо — слабо различают взоры —
За пустыней влаги, тихой и прозрачной,
Радостный Неаполь, зелень рощ и горы,
И усталый мститель, сам Везувий мрачный...

Спит он, но всё ближе грозные мгновенья:
Отдохнет он, старый, — из могучей груди
Рев глухой раздастся... Миг один смятенья —
И застынут в лаве пестрые селенья,
Где беспечно ныне копошатся люди...
Гаснет день лучистый. Песен слышны звуки...
Я присел на камень. На песчаном склоне,
Разметав широко бронзовые руки,
Полуобнаженный, дремлет ладзарони,
Дремлет, сладко нежась да на солнце млея...
Что ему Везувий! Что ему Помпея!..

(1894)

481

Не знаю отчего — вы странно близки мне.
Я не люблю вас, нет, но встречаю рад неожиданным,
Там, в парке дремлющем, под пологом туманным
Осенних вечеров, в пустынной тишине.

Сиянье вешнее в глазах своих лазурных
Вы мне приносите и вешнее тепло;
Смотрю и слушаю. . . Грядущее светло,
И дальше, и слабей гроза сомнений бурных.

Так узник жадно ждет, свинцовой мглой томим,
Чтоб кто-нибудь вошел под каменные своды, —
Пусть он не принесет оплаканной свободы,
Но яркий свет дневной ворвется вслед за ним.

(1894)

482

Смогкла тревога дневная. Назойливый говор затих.
Звезды и сны сыплет вечер с лазоревых крыльев своих.
Всё о тебе мои думы, чуть спустится сумрак немой.
Я одинок, далека ты... Помню: прощаясь с тобой,
Долго смотрел я в твои голубые глаза;
В сердце рождалась и гасла, и снова рождалась гроза.
Нежность ли тайная в них? Смущенье ль пред взором
моим?

Ложь или правда? То таял, как жертвенный дым,
Страх непонятный, то снова тревога росла,
Снова сгущалась ненастная мгла...
Кто ты? Беспечный ребенок, взволнованный страстью
моей?

Новое ль жгучее чувство, вспыхнув, сильнее и сильнее
Овладевает тобою и вся ты подвластна ему?
Кто ты? Скажи и рассея ненавистную тьму.
Ярче, тревожней сомненья. Всё безнадежней тоска.
Я одинок, как бывало, ты — далека, далека.

(1897)

483

Над городом немым пустынный диск луны
Плывет под облачную дымкой.
В туманном сумраке незримо реют сны,
Влетая в окна невидимкой,
Тревожные, мучительные сны.

И всё, что, в памяти оставив бледный след,
Покойлось в тени забвенья
При резком шуме дня, — все раны прежних лет
И все угасшие сомненья
Умчавшихся, давно забытых лет, —

Всё воскресает вновь, и в грозный час ночной,
Укором дух мой омрачая,
В неясных образах проходит предо мной
Вся юность, праздно прожитая, —
Вся молодость проходит предо мной.

И просыпаюсь я, еще обвеян сном,
Объятый скорбью покаянной,
Я зарыдать готов. Но слышен за окном
Знакомый шум; встает туманный
Дождливый день за плачущим окном.

Неслышно, медленно плывет со всех сторон
Забот обычных рой тревожный.
Умчался в бездну сон, — и кажется мне он
Мечтой пенужною и ложной,
Докучным бредом кажется мне он.

(1897)

Даниил Максимович Ратгауз родился в Харькове 25 января 1868 года, в немецкой семье. Окончив гимназию в Киеве, поступил там же в университет, на юридический факультет. Однако юридическими науками почти не занимался, а с 1888 года целиком посвятил себя поэзии. Стихов он писал в это время много. В 1893 году выходит в Киеве первый его сборник, и с тех пор популярность Ратгауза растет.

Он и сам активно содействовал этому: писал письма Чайковскому, Римскому-Корсакову, Полонскому, Венгерову, рассылал сборник с просьбой посмотреть, почитать, отнестись снисходительно, сказать ему, есть ли у него дарование, сочинить на его слова музыку, поместить, если можно, стихи его в антологию или хрестоматию. И авторитетные люди читали его стихи, говорили, что дарование у него есть, перелагали его стихи на музыку, помещали их в антологии и хрестоматии.

Он обращается к Я. П. Полонскому: «Вот уже два года, как я пишу стихи: посылал их в некоторые журналы — их печатали. Я решительно не имею никакого знакомства, мнением которого я мог бы дорожить и руководствоваться. Я решительно не знаю, есть ли у меня хоть капелька таланта?»¹

Он умоляет С. А. Венгерова: «Какой толчок дадите Вы дальнейшей моей деятельности, если только Вы действительно найдете во мне дарование!»²

Он предлагает Н. А. Римскому Корсакову: «Многоуважаемый г-н профессор! Не имея удовольствия знать Вас лично, я, тем не менее, решаюсь обратиться к Вам с нижеследующим предложением. Не желаете ли Вы иллюстрировать Вашей прелестной музыкой несколько моих стихотворений? Буду рад, если прилагаемые при сем

---

¹ ГПБ.

² ПД.

вещицы Вам понравятся. . .» В следующем письме ему он продолжает: «Я буду бесконечно рад, если некоторые из песен моих Вам настолько понравятся, что Вы удостоите их Вашей прелестной музыки, и серия романов Н. А. Римского-Корсакова на мои слова была бы мне высшей наградой за те муки и тернии, которыми усыпан путь каждого, обреченного на творчество». ¹

Он просит С. А. Венгерова поместить о нем заметку в Критико-биографическом словаре, прибавляя: «Я не решился бы Вас просить об этом, если бы не имел убеждения, что стихи мои не бесталанливы. . .» Он сам тут же прилагает текст заметки в готовом виде и в ней говорит о себе: «Стихотворения его выделяются из произведений других современных поэтов мелодичностью, искренностью, безыскусственностью. . . Поэзия его — поэзия неуловимых ощущений, тихой грусти и неги, и его более, чем кого-либо, можно назвать последователем Фета». ²

Он раскрывает Я. П. Полонскому характер своих творческих ощущений (конец 1893 г.): «Я никогда не мог писать длинных, если хотите, вполне осмысленных стихотворений. . . Я никогда заранее не задаюсь мыслью написать, описать что-либо. Никогда не преследуют меня образы. Но бывают периоды, когда вдруг сердце болезненно сжимается, туман заволакивает глаза, печаль невыносимо томит душу, и какие-то гармонические звуки в смутной, то розоватой, то темной, темно-серой дымке посятся перед моим духовным взором и слухом. . .» ³

Получилось так, что целых шесть романсов на слова Ратгауза написал Чайковский, который вскоре умер, так что романсы эти остались его «лебединой песнью». Как свидетельствует один из современников, «их любил исполнять (и прекрасно исполнял) тогдашний премьер петербургской оперы Н. Н. Фигнер, и это еще больше увеличивало их популярность, а вместе с тем известность автора, или, по крайней мере, его фамилии» ⁴ К тому же Чайковский написал Ратгаузу несколько писем, в которых благожелательно отзывался о его творчестве. ⁵

Столь же благожелательно отзывался о его стихах Полонский. «Я грелся около Ваших стихотворений, как зябнувший около костра

---

¹ ГПБ.

² ПД.

³ ГПБ.

⁴ П. Перцов, Литературные воспоминания, М.—Л., «Academia», 1933, с. 162—163.

⁵ См.: Д. Ратгауз, Собрание стихотворений, СПб. — М., 1900, [предисловие]. См. также: «Театральная газета», 1918, № 35-36, с. 15.

или у камша»,¹ — сказал он ему, и с тех пор слова эти вместе с теплым отзывом Чайковского стали непрременной принадлежностью любой статьи о Ратгаузе, газетной заметки, информационного или библиографического сообщения. Широко пользовался этими отзывами и сам Ратгауз, помещая их вместо предисловий к сборникам своих стихотворений. «Королем русских лириков» назвал Ратгауза, судя по сообщениям печати, и академик А. Н. Веселовский,² и слова эти также стали кочевать из статьи в статью, хотя иронический смысл их вряд ли может быть подвергнут сомнению.

Вокруг имени Ратгауза была создана атмосфера всеобщего признания. Его талаитливость не должна была вызывать никаких споров, — он сам старался об этом больше остальных. Нужно сказать, он добился тут известных успехов.

Была пущена в ход и широко разошлась легенда о том, что Лев Толстой высоко ценит стихи Ратгауза и из всех современных поэтов признает только его (на самом деле Толстой о Ратгаузе не высказывался и даже собирался писать опровержение).³ Поддерживая эту легенду, Ратгауз на самом видном месте у себя в кабинете повесил портреты Л. Толстого, Чайковского, Чехова — чтобы никто не сомневался в его причастности к большой литературе. К редкому писателю, поэту или композитору он не обращался с просьбой прислать фотографическую карточку с надписью. В результате Ратгауз оказался владельцем уникальной коллекции фотографий с дарственными надписями, которой очень гордился и с охотой показывал всякому.

Тем не менее поэтическая среда Ратгауза упорно не замечала. Он был лишним в той битве за «новое искусство», которую вели символисты; он не был нужен и реалистам. Он ничем не помогал ни тем, ни другим.

Жил он в Киеве, но часто и подолгу жила в Петербурге, обставляя каждый свой приезд соответствующими газетными сообщениями. Он покинул родной Киев и переселился в Москву, стремясь оказаться в гуще литературной жизни.

В 1906 году издатель М. О. Вольф выпустил трехтомное «Полное собрание стихотворений» Ратгауза.

Брюсов откликнулся на него уничтожающей рецензией, в которой назвал Ратгауза «поэтом бабальностей»: «Здесь собраны при-

---

¹ Д. Ратгауз, Собрание стихотворений, 1900, [предисловие].

² См.: «Вестник литературы», 1909, № 11—12, с. 262.

³ См.: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений (юбилейное издание), т. 77, М., 1956, с. 46. Толстой писал: «Никогда никакого мнения не заявлял о стихотворениях Ратгауза».

меры и образцы всех избитых, трафáретных выражений, всех истасканных эпитетов, всех пошлых сентенций — на любые рифмы и в любых размерах...»¹ Ратгауза такие отзывы не смущали: он считал себя выше их.

Однако популярность неожиданно стала падать. В судьбе Ратгауза наступил перелом. Он уже не находит солидных издателей и прибегает к помощи издательств, не отличающихся требовательностью (типа киевского «Гонга»). Печатается он и в таких изданиях, как «Почтово-телеграфный вестник». Ратгаузу казалось, однако, что не он выходит из моды, а что низким стал интеллектуальный уровень общества. «Печатаюсь я теперь очень редко, — писал он Льдову в 1909 году. — Слишком уж много развелось у нас теперь писателей! Не преувеличу, если скажу: «Стыдно быть в наши дни писателем!» До того опошлено ныне это звание, до того много наплодилось пишущих и мнящих о себе писателями в наши сумбурные дни!»²

После Октябрьской революции Ратгауз выехал за границу и поселился в Праге. Жил одиноко, забытый всеми, почти не писал. Там же, в Праге, Ратгауз и умер в 1937 году.

Стихотворения Ратгауза много раз выходили отдельными изданиями и в Киеве, и в Москве, и в Петербурге. Наиболее известны: «Стихотворения» (Киев, 1893); «Песни любви и печали» (Пб. — М., 1902); «Полное собрание стихотворений в трех томах» (М., 1906; вначале вышло два тома, но в том же году издатель М. О. Вольф допечатал третий том под специальным заглавием «Тоска бытия»); «Мои песни» (М., 1917) — последний сборник стихотворений Ратгауза, изданный в России.

484

Мы сидели с тобой у заснувшей реки.
С тихой песней проплыли домой рыбаки.
Солнца луч золотой за рекой догорал...
И тебе я тогда ничего не сказал.

Загремело вдали — надвигалась гроза.
По ресницам твоим покатилась слеза.

---

¹ В. Брюсов, *Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах*, М., 1912, с. 184.

² ПД.

И с безумным рыданьем к тебе я припал. . .
И тебе ничего, ничего не сказал.

И теперь, в эти дни, я, как прежде, один.
Уж не жду ничего от грядущих годин.
В сердце жизненный звук уж давно отзвучал. . .
Ах, зачем я тебе ничего не сказал!

(1893)

485. В ЭТУ ЛУННУЮ НОЧЬ

В эту лунную ночь, в эту дивную ночь,
В этот миг благодатный свиданья,
О мой друг! я не в силах любви превозмочь,
Удержать я не в силах признанья.

В серебре чуть колышется озера гладь,
Наклонясь, зашепталися ивы. . .
Но бессильны слова! — как тебе передать
Истомленного сердца порывы?

Ночь не ждет, ночь летит. Закатилась луна,
Заалело в таинственной дали. . .
Дорогая! прости, — снова жизни волна
Нам несет день тоски и печали.

(1893)

486

Закатилось солнце, заиграли краски
Легкой позолотой в синеве небес.
В обаяньи ночи сладострастной ласки
Тихо что-то шепчет приутихший лес.

И в душе тревожной умолкают муки,
И дышать всей грудью в эту ночь легко.

Ночи дивной тени, ночи дивной звуки
Нас с тобой уносят, друг мой, далеко. . .

Вся объята негой этой ночи страстной,
Ты ко мне склонилась на плечо glavой. . .
Я безумно счастлив, о мой друг прекрасный,
Бесконечно счастлив в эту ночь с тобой!

(1893)

487

Снова, как прежде, один,
Снова объят я тоской.
Смотрится тополь в окно,
Весь озаренный луной.

Смотрится тополь в окно,
Шепчут о чем-то листы.
В звездах горят небеса. . .
Где теперь, милая, ты?

Всё, что творится со мной,
Я передать не берусь. . .
Друг! помолись за меня,
Я за тебя уж молюсь.

(1893)

488

Душе мечтательной и нежной
Отрады нет:
Что может дать ей свет мятежный,
Ничтожный свет?

Обрывки чувств, полублаженства,
Полупечаль. . .
И ей среди несовершенства
Чего-то жаль.

Покрыта мглою безучастья
Скрижаль годов,
И глухнет зов: явись, о счастье! —
Напрасный зов!
(1893)

489

Светит ли солнце на небе ликующем,
Ярки ли краски весенних картин,
Осень томит ли напевом тоскующим, —
Кто-то мне голосом, душу волнующим,
Шепчет: «Ты всюду один!»

Грезой душа ль убаюкана нежною,
Скорбь ли порывам ее властелин,
Сердце ль волнуется страстью мятежною, —
Кто-то мне шепчет с тоской безнадежною;
«Всюду — один!»

Тщетны и призрачны все упования. . .
В сонме печальных житейских годин
Бродят унылой толпою создания —
Люди-рабы, — но среди мироздания
Каждый — один!

(1893)

490. ДЕНЬ ПОГАС

День погас. В дали туманной
Сонмы звезд горят.
В ярко блещущем просторе
Утопает взгляд.

Мы молчим. Волшебным светом
Озарен твой лик.
В полусне за мигом смутным
Пролетает миг.

Ты на грудь ко мне склонилась,
И не спишь, и спишь.
Только сердца стук размерный
Нарушает тишь.

Только мне чего-то больно
И чего-то жаль,
Только я стремлюсь невольно
За мечтами вдаль.

(1893)

491

Ночь серебристая. Сад засыпающий
Веет струею в лицо ароматною.
Томные отзвуки песни рыдающей
Грудь наполняют тоской непонятною.

Что-то знакомое, что-то далекое,
Дивно отрадное, но позабытое
Льется могучей струею широкою
В сердце, для вымыслов пылких открытое.

Светлые грезы с тревогой неясною
В море блаженства слилися безбрежное...
Вновь убаюкано сказкой прекрасною
Сердце влюбленное, сердце мятежное.

1895

492. О МИНУВШЕМ ЗАБУДЬ

О минувшем забудь, лишь грядущим дыши, —
Память — сердца палач, злой мучитель души.
Настоящее — сон, настоящее — миг,
В упованиях смутных блаженства родник.

Не ищи же ты дней миновавших следа:
Что прошло, то прошло навсегда, навсегда!

Не тумань безнадежной тоскою свой путь:
Ни печали, ни счастья тебе не вернуть.

Настоящее — сон, а минувшего нет;
Лишь в далеком грядущем заманчивый свет...
Если можешь забыть, позабудь и не плачь:
Память губит покой, память — сердца палач.

(1896)

493. ВЕЧНОСТЬ

Вечность бесстрастно играет минутными снами,
Звуки веселья несутся и тают над нами,
Звуки печали в душе воцарились властно.
Прошрое в бездну умчалось от нас безучастно.
Тщетно мы вдаль устремляем тоскливые взгляды,
Тщетно мы ждем от грядущего светлой отрады,
Истины мглу озарить мы не в силах мечтами.
Вечность бесстрастно играет минутными снами.

(1896)

494. ПРИБЛИЖЕНИЕ НОЧИ

Ночь подплывает тревожно.
Ветер рыдает над садом.
Месяц на желтые листья
Смотрит тоскующим взглядом.

Что-то вдали прозвучало
Жалобно так и уныло,
Что-то в серебряной дымке
По верху сада поплыло.

В темном, тоскующем небе
Море светил необъятно...
Всё это так мне знакомо,
Всё это так непонятно!

(1896)

Все мы — несчастные, все мы — заблудшие,
 Темною ночью без света бродящие.
 Грезы, стремленья, желанья лучшие —
 Всё это призраки, вмиг проходящие.

Нам непонятны веления тайные,
 Жизни земной предсказания смутные, —
 Мы — только атомы жизни случайные,
 Мира печального гости минутные.

(1897)

Легким ветром колышется штора.
 Я не сплю, я томлюсь в полусне.
 Беспокойные, бледные тени
 Тихо реют по белой стене.

Звуки песен далеких и нежных
 Надо мною чуть слышно дрожат,
 И цветов незнакомых и чудных
 Опьяняет меня аромат.

И звучат и мольбой, и желаньем
 Чей-то вздох, чьи-то вопли: «Ко мне! . . .»
 Беспокойные, бледные тени
 Тихо реют по белой стене.

(1898)

497. СОН ДУШИ

Где-то и когда-то, —
 Не припомню я, —
 По волнам блаженства
 Жизнь плыла моя.

Небеса сияли
Радугой лучей,
Дни сменялись днями, —
Не было ночей.
Чудные напевы
Волновали грудь.
Яркими цветами
Был усыпан путь.
Пел о счастье вечном
Где-то скрытый хор,
В душу проникал мне
Чей-то светлый взор,
И звучало нежно:
«Я твоя, твоя! . . .»
Где-то и когда-то, —
Не припомню я.

(1899)

498

Мы одни. День печальный погас,
Льется ночи дыханье тревожное.
В этот тихий, задумчивый час
Вновь обвеяло нас невозможное.
В очарованных, светлых мечтах
Снова видим мы радости вечные,
И уходит томительный страх,
И страданья молчат бесконечные.
Нарушает волшебную тишь
Песня неба туманно-далекая. . .
Отчего ж ты так грустно глядишь,
Королева моя темноокая?
Отчего ты склоняешь свой лик?
Пусть обвеет нас ночь ароматами,
Бог мечты, бог любви так велик, —
Отдадимся ему без возврата мы!
Мы одни. День печальный погас,
Льется ночи дыханье тревожное.
В этот тихий, задумчивый час
Вновь обвеяло нас невозможное.

(1902)

551

499. ЛУНА

Она вошла из темных туч,
Она вошла и грустно бродит,
И свой усталый, бледный луч
Сквозь шторы окон к нам наводит.
В тревожно-смутном полусне
Мы ловим бледные узоры...
И так тоскливо стало мне,
И так твои печальны взоры.
Пусть бред любовных чар могуч,
Но миг один — и он проходит...
Она вошла из темных туч,
Она вошла и грустно бродит.

(1902)

500. УМЧАЛСЯ ДЕНЬ

Умчался день. Огни заката
Померкли грустно за рекой.
И вновь душа моя объята
Туманной мглой.

Зажглись светильники ночные,
И месяц, бледный царь небес,
Зашел опять, как в дни былые,
За темный лес.

И ночь пройдет, и день настанет,
И вновь нависнет тот же гнет...
Кто в тайну вечности заглянет?
Кто жизнь поймет?

(1902)

501. МНЕ ЖАЛЬ ВСЕГО

Мне жаль всего, мой милый друг,
Всего и всех мне жаль, —
Такая всюду разлита
Холодная печаль.

Взгляни, — над дремлющим прудом
Тоскует куст раkit.
Печальный месяц с высоты
На мир земной глядит.

За ночью темною опять
Унылый день взойдет,
И над усталую землей
Нависнет жизни гнет.

И нам с тобою никогда
Тоски не превозмочь,
И в сердце трепетном у нас
И мрак, и скорбь, и ночь.

И жизнь летит куда-то вдаль,
И ей возврата нет,
И всюду тусклая печаль
Скрывает яркий свет.

И всем грозит небытием
Загадочная даль...
Мне жаль всего, мой бедный друг,
Всего и всех мне жаль.

(1902)

502. МЫ ОТКРОЕМ ОКНА

Мы откроем окна, мы загасим свечи,
Пусть заглянут звезды к нам с высот немых,
Пусть в молчаньи нежном смолкнут наши речи
И сердца потонут в грезах огневых.
Пусть с небес далеких, с выси беспредельной,
Залетят к нам снова радостные сны
И от жизни скучной, от борьбы бесцельной
Оградит нас лаской первый вздох весны.

(1904)

503. ВСЯ ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Вся наша жизнь земная —
Бессонной муки стон,
Вся наша жизнь земная —
Намск и полусон.

Наш день — лишь отблеск слабый
Без света и огня,
Наш день — лишь отблеск слабый
Негаснущего дня.

Желанья и надежды,
Весь рой земных забот,
Желанья и надежды
Нам говорят: вперед!

А впереди — забвенье
Всего, что прожито,
А впереди — забвенье
И вечное ничто.

(1904)

504. ПРИЗРАКИ СЧАСТЬЯ

Призраки счастья над морем витали,
Призраки счастья над морем шептали
Сказки любви неземной.
К берегу волны катились для ласки,
Берегу волны шепнули те сказки,
Берег — траве молодой.
Травка в саду шелестит безмятежно,
Сад весь наполнен истомою нежной,
Светлой, лучистой весной.
Выйдем же в сад, и, томясь, и желая,
Выйдем послушать, моя дорогая,
Сказки любви неземной.

(1906)

Эти грустные песни я где-то слышал,
 Но не знаю я, где и когда...
 Свет мне чуждой зари надо мной догорал,
 За звездой зажигалась звезда.

Кто-то близок мне был, кто-то был мне так мил,
 Кто-то шел неразлучно со мной,
 И кого-то я странной любовью любил,
 С кем-то жизнью дышал я одной.

Кто-то песни мне эти задумчиво пел
 И кому-то я жадно внимал,
 Ничего не искал, ничего не хотел,
 В мире радостных грез утопал.

Разлучил нас нежданно какой-то хаос, —
 Мы друг другу теперь далеки...
 И меня он на скучную землю унес
 Для борьбы, для труда, для тоски.

И теперь для тебя, о мой друг, я собрал,
 Для тебя, — моей ночи звезда! —
 Эти песни любви, что я где-то слышал,
 Но не знаю я, где и когда.

(1906)

Обмани мою душу усталую,
 Беспокойную душу мою,
 И под ласку твою запоздалую
 Я тебе о любви пропою.

Под волшебными счастья картинами
 Хлынут в грудь тихой неги струи...
 И сольются с устами невинными
 Помертвелые губы мои.

Ты зажжешь своим чистым дыханием
Отсиявших желаний огни...
Хоть минутным, но пылким признанием
Обмани ты меня, обмани!

(1906)

507. ОДИНОЧЕСТВО

По обезлиственному саду
Один бреду.
Ни в чем намека на отраду
Я не найду.

Осенний грустный ветер стонет
Среди ветвей.
О, в чем же светлом скорбь потонет
Души моей?

Кто к счастью светлый путь укажет,
Откроет рай?
Кто сердцу ноющему скажет:
Люби, желай!

В ответ мне слышатся угрозы:
Навек один!..
И проливает небо слезы
С немых вершин.

(1906)

508

Опустив свой взор, смущенная,
Сердцу вверившись вполне,
Лунным светом озаренная,
Ты приблизилась ко мне.
Звонко трели соловьиные
Разливались в саду;

Колыхались тени длинные
На серебряном пруду.
И влились в одно мгновение
В трепетавшие сердца
Лучезарные видения
Без начала, без конца.
И померк пред светлой сказкою
Жизни горестный удел,
И над нами с тихой ласкою
Ангел счастья пролетел! . .

(1906)

509. В ЗВЕЗДНУЮ НОЧЬ

Мириады песчинок сияют кругом,
Небеса — словно море без дна.
То, что здесь, на земле, мы землею зовем —
Из песчинок песчинка одна.
Ужас душу объял, разум смолк. . . Боже мой,
Освети! Осени! Успокой!

(1907)

510

В жажде наживы, в безумной погоне за славой,
В тусклом потоке холодных и теплых страстей
Чистое чувство теперь называют ненужной забавой,
Злобно клеймят не погрязших в болоте людей.

Смолкли поэты — сменили их песни разврата,
Гаснут печально мечтаний святые огни.
Чуткое сердце, любившее нежно когда-то,
Где ты теперь в эти тусклые, серые дни?

(1912)

511. ГИМН

(1-е марта 1917 года)

Ликуй, народная стихия!
Сбылись заветные мечты:
Россия, светлая Россия,
Теперь навек свободна ты!
Сияй, священная пора
Свободы, правды и добра!
Затихла боль горевшей раны,
Умолк зверей зловещий вой,
Во прах повержены тираны,
И нет сильней Руси святой!
Сияй, священная пора
Свободы, правды и добра!

1917

Среди поэтов, выступивших со стихами в начале 90-х годов, больше надежды подавал Иван Осипович Лялечкин.

Биографические сведения о Лялечкине в критической литературе почти отсутствуют. Даже для современников имя Лялечкина ассоциировалось только с его стихами, он казался поэтом без биографии. В начале 900-х годов А. И. Куприн как-то обронил в разговоре имя этого поэта:

«Когда видишь на обложке новое имя, то всегда приходит в голову — имеет ли оно будущее, или это фамилия без будущего. Впервые я задумался над этим несколько лет назад, когда мне попались стихи поэта Лялечкина. Стихи были неплохи, хотя и незрелые, и видно было, что писал их начинающий молодой автор. «Ну, хорошо, — сказал я себе, — сейчас он молод, и «Лялечкин» звучит навивно и даже мило. А что же будет, когда он доживет до седых волос? Он все еще будет Лялечкиным, и это будет смешно не ввязаться с его поэзией, когда она станет зрелой и серьезной. Нет, это фамилия без будущего, зрелого писателя из него не выйдет». И странно, после этого небольшого сборника фамилия Лялечкина мне больше не попадалась. Кажется, он умер молодым».¹

Стихи Лялечкина так и остались исповедью молодого, одаренного, но незрелого поэта, активно выступавшего в поэзии всего несколько лет. Куприн хорошо запомнил стихотворения Лялечкина, но не мог видеть его авторского сборника — поэт не успел выпустить свои стихотворения отдельной книгой. Скорее всего, Куприн ознакомился со стихами Лялечкина по сборнику «Молодая поэзия» (1895), включавшему в свой состав десятки имен. В рецензиях на этот сбор-

---

¹ М. К. Куприна - Иорданская, Годы молодости, М., 1966, с. 132.

ник стихотворения Лялечкина («Незабудки, васильки...», «Прости, прости!.. Дай ручку мне, не бойся...») неизменно отмечались как пример характерных для молодой поэзии настроений ухода от жизни в мир иллюзии и мечты.¹

В первой половине 90-х годов имя Лялечкина, несомненно, было известно в литературных кругах Москвы и Петербурга. Он общался со многими начинающими поэтами, состоял в переписке с молодым И. А. Бунным. Среди материалов архива Бунина, находящихся в рукописном отделе Государственного литературного музея имени И. С. Тургенева в Орле, сохранилась небольшая пачка из десяти писем Лялечкина, отправленных Бунину из Петербурга между декабрем 1892 и октябрём 1894 года. Эти письма, достаточно любопытные как человеческий документ, содержат также ряд биографических сведений, открывающих с самой неожиданной стороны личность Лялечкина — поэта и литератора.

Иван Осипович Лялечкин родился в 1870 году в семье бедного чиновника, в Пензе; детство его прошло в этом городе. Затем семья переехала в Сызрань, где Лялечкин окончил реальное училище. В 1889 году он отправился из провинции в Петербург и поступил в Лесной институт, из которого выходил дважды. В марте 1893 года Лялечкин все еще оставался на втором курсе — наука мало увлекала его. Так же тяготился он своей недолгой службой в департаменте земледелия и государственных имуществ, куда ему помогли устроиться в трудную минуту друзья.

Почти все свободное время Лялечкин посвящал писанию стихов и театру. С 1891 года стихотворения Лялечкина часто печатались в журналах «Всемирная иллюстрация», «Труд», «Живописное обозрение», «Звезда», «Наблюдатель», «Книжки „Недели“», «Север», газетах «Свет», «Петербургская жизнь» и др.

Особенно сблизился Лялечкин с редакцией петербургского журнала «Север». Среди своих знакомых, связанных с этим журналом, Лялечкин назвал Бунину секретаря редакции Лебедева, поэтов Корнифского, Сафонова, Мережковского, Минского, Льдова, Лохвицкую, Чюмину, Фофанова, Червинского, Величко, Ладыженского и др.² Впрочем, довольно скоро Лялечкин разочаровался в компании столичных литераторов, среди которых чувствовал себя изгоем.

«Вы спрашиваете, как наш «кружок» и как наша «компания»? —

---

¹ См.: А. Скабичевский, Литературная хроника. — «Новости и биржевая газета», 1895, 13 апреля; (Шуф), «Молодая поэзия». — «Петербургский листок», 1895, 14 апреля.

² Письмо от 29 марта 1893 г.

отвечал Лялечкин Бунину. — Я должен Вам, как моему хорошему знакомому, сказать откровенно, что у нас нет ни кружка, ни компании (если не считать «С.-Петербургского драматического кружка» — в память Н. В. Гоголя... основанного К. Льдовым). У нас есть только иллюзии. Все мы живем врозь. Если мы где и встречаемся, то разве только на улице. И то, встретясь, стараемся друг друга не увидеть или не узнать, или разбежаться в разные стороны. В этом все наше общение!»¹

Откровеннее многих других Лялечкин выразил кризисное состояние молодой поэзии конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века, жившей ощущениями «безвременья» и идейного тупика. Упадок гражданской поэзии после смерти Некрасова, обнаружившийся в мрачные 80-е годы, Лялечкин сознавал как крушение гражданственных идеалов вообще. Вот что писал Лялечкин Бунину по поводу знаменитого стихотворения Плещеева «Вперед»: «Я не могу понимать тех настроений, которые вызывают подобные стихотворения. Они точно стыдятся говорить, что им живется тяжело и скучно. Нас, говорят, гнала роковая судьба, и тернии кололи нам грудь, и тьма застилала нам дорогу, а мы не падали духом! Мы, говорят, верили в свет и возрождение, хотя чувствовали, что надежда нам изменяет и мечты нас обманывают. Мы, говорят, видели вокруг только зло и несправедливость, но мы верили в торжество правды или, верите, гнали самим себе, уверяя самих себя, что это торжество будет.

Я же говорю, не стыдясь, всем и везде, что, живя в этом пошлом свете, среди пошлых людишек, среди огорчений, невежества, зверства, неблагодарности и нищеты, я на каждом шагу падаю духом и скорблю. У меня нет силы бороться с великою безрассудностью пошлости, и совесть моя не позволяет мне кричать: вперед! Потому что впереди еще хуже!»²

Отворачиваясь от тягостных сторон реальности, страшаясь настоящего и будущего, Лялечкин стремился создать свой, особый условно-поэтический мир, противоположный действительности и возвышающийся над ней. Во многом близкий Фофанову и позднему Апухтину, Лялечкин действительно «падал духом на каждом шагу» и разделял многие слабости эстетических установок поэзии «чистого искусства».

20 августа 1893 года, в день похорон А. Н. Апухтина, Лялечкин выступал у его могилы с чтением стихов, тогда же напечатанных.³

---

¹ Письмо от 3 ноября 1893 г.

² Там же.

³ См.: «Новости», 1893, 21 августа.

Вместе с латинистом Н. И. Соколовым Лялечкин принимал участие в подготовке переводов на русский язык сонетов Петрарки. К осуществлению этого замысла были привлечены многие поэты, в их числе — Апухтин, Полонский, Фофанов, Минский, Мережковский, Сафонов, Червинский, Лохвицкая, Федоров, Фруг, Коринфский, Бунин и др.

Второй после поэзии страстью Лялечкина был театр. Еще в детстве он едва не сбежал из дому с пригласившей его актерской труппой. В Петербурге Лялечкин играл в любительских спектаклях в Лесном театре, в зале Павловой и на других подмостках. «Теперь бросить сцену мне так же трудно, как бросить писать стихи, — признавался Лялечкин Бунину. — С сентября этого года я буду уже играть не любителем, а настоящим актером в Ново-охтинском театре, в Петербурге. С антрепренером этого театра я подписал контракт на весь будущий сезон — с начала этого месяца. Конечно, актерство мое несколько не помогает заниматься лесными науками».¹

Для театра Лялечкин написал несколько комедий и водевилей — «Вошшественные жены», «Мамушки», «В дебрях лесных», «Любовь на выдумки хитра». Выступал он и в качестве театрального рецензента (под псевдонимами «Лесной», «Нарцисс-Сызранский» и др.).

Безнадежно больной Лялечкин умер 27 февраля 1895 года в Калуге, в возрасте двадцати пяти лет, не совершив многого из того, что обещал. Бунин посвятил Лялечкину некролог, который был передан в редакцию газеты «Свет», где Лялечкин некоторое время состоял сотрудником. Однако днем раньше редакция этой газеты поместила другой некролог, перепечатанный из «Нового времени». Публикацию своих стихотворений в сборнике «Молодая поэзия» Лялечкин не успел увидеть. «Наш сборник едва успел выйти, — свидетельствует П. Перцов, — как умер один из самых молодых его участников — И. О. Лялечкин (1870—1895). В то время, помимо Надсона, это была первая смерть в рядах молодой поэзии. . . Лялечкин возбуждал особенные ожидания в Брюсове. Жалуясь в письмах ко мне на безнадежность всей юной поэзии, он делал исключения только для Балмонта и еще для Лялечкина».²

Брюсов ценил стихотворения Лялечкина за их искренность; он видел в молодом поэте продолжателя линии Фета и Фофанова в поэзии и рассматривал его стихотворные опыты как вполне созвучные новейшим исканиям русских символистов. В пору подготовки сборников «Русские символисты» Брюсов переписывался с Иваном Ля-

---

¹ Письмо от 25 июля 1893 г.

² П. Перцов, Литературные воспоминания. 1890—1902, М.—Л., 1933, с. 173.

лечкиным, считая его если не прямым соратником, то по крайней мере ближайшим союзником в современной поэзии. Этот эпизод их общения послужил темой лирического стихотворения Брюсова «На смерть И. Л.» из цикла «Близким» в книге «Tertia Vigilia» (1900). Среди русских поэтов, причисленных к числу «близких», И. Л. (Лялечкин) был поставлен Брюсовым после Лермонтова и Бальмонта.

Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел на ночном небосклоне,
Но предтечей безвестных гармоний
Закатился за далью росистой.

Ты предтечей безвестных гармоний
Тихо канул в вечерние тени!
Уронил я письмо на колени,
Утонул я в ночном небосклоне. . .

Характерно, что Брюсов в своей книге не расшифровал инициалов адресата. Конкретный биографический эпизод подан в чисто символистическом духе, так что за инициалами И. Л. читатель «Tertia Vigilia» мог угадать лишь предельно обобщенный, идеально-возвышенный образ поэта со стремительной и эфемерной судьбой, такой же короткой, как жизнь падающей звезды. Для Брюсова Лялечкин был «предтечей», и он особенно остро чувствовал это, перечитывая его стихи и перебирая старые письма.

Среди стихотворений Лялечкина Брюсов особо выделял такие, как «Пятнадцать лет — счастливая пора. . .», «Натуры более изысканной и тонкой. . .» (Из Катулла Мендеса), «Прочь, бездушная действительность. . .» («Символическое»).

После выхода антологии «Молодая поэзия» Брюсов писал П. Перцову: «Во всем сборнике, кажется, нет «страстных» стихотворений, а ведь их современные поэты все-таки пишут. Важно не то, что наши юные поэты еще ничего не дали, а то, что они и не могут ничего дать; это же — для меня по крайней мере — вполне ясно из их произведений. . . Есть исключения — о! я ничего не говорю — есть маленькие исключения. Есть Бальмонт. . . Есть. . . впрочем, увы! — был Лялечкин. Вы, конечно, слышали о его смерти. Вот о ком можно пожалеть. Мне случалось получать от него стихотворения из подготовленной им к печати книжки. То были прелестные вещи. Надеюсь, друзья Лялечкина издадут посмертный сборник стихов». ¹

¹ «Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894—1896», М., 1927, с. 9—10.

Сообщение о подготовленном для печати сборнике стихотворений Лялечкина было подтверждено в некрологе.¹ Однако издание книги не осуществилось. Рукопись ее не обнаружена.

Стихотворения И. О. Лялечкина, напечатанные в периодике, впервые объединены в настоящем издании.

512

Мятежным вихрем суеты,
Спеша, проходят дни за днями,
А душу с новыми годами
Волнуют старые мечты.

Всему есть грань, всему есть мера, —
Есть мера злу, мы ждем добра
И говорим: придет пора,
И будет — свет, любовь и вера.

Борясь с неправдою и злом,
Мы чаем светлый праздник встретить
И в нашей памяти отметить
Миг правды — правды торжеством.

Чем гуще мрак, чем зло сильнее,
Тем будет радостнее час,
Когда сойдется много нас
Делить победные трофеи.

Года идут, а мы всё ждем
Желанной радостной победы
И верим, что, минуя беды,
Мы к тихой пристани придем.

Не вняв страданиям бесконечным,
Мы свято чтим завет времен...
О человек, как ты силен
В своем терпении вековечном!

(1891)

---

¹ См.: «Новое время», 1895, 4 (16) марта.

513. РАССВЕТ

Громче и радостней трель соловьиная
В чаще зеленой звенит. . .
Таеет заря в небесах злато-алая,
Таеет она и дрожит.

Зашелестели высокие тополи —
Их ветерок разбудил;
Он и цветам полевым пробудившимся
Что-то тайком говорил. . .

Он разогнал и туман, поднимавшийся
Тучей седой от реки.
Точно живые, проснулись и смотрятся
В зеркало вод тростники.

Скоро уж солнце! и первый сверкающий
Луч по кустам пробежит. . .
Громче и радостней трель соловьиная
В чаще зеленой звенит.

(1891)

514. СВИДАНИЕ

Медленно еду я рощей березовой,
Еду, не зная куда.
Гаснет и гаснет закат бледно-розовый,
Первая блещет звезда.

Месяц украдкой всплывает над рощею,
Путь предо мной серебря,
Вправо — чернеют кустарники тощие,
Влево — пылает заря.

Шире и сумрачней тени вечерние,
Гуще цветов аромат. . .
Думы бессменные, грезы бессонные
Дальше и дальше манят.

Вот миновал я и рощу, и медленно
Еду, не зная куда.
Ну же, мой конь! — и, ударивши шпорами,
Я отпустил повода.

Еду... А сердце мечтой непонятною
Сжалось и больно стучит.
Ночь благовонная, ночь благодатная,
Что-то она мне сулит?..

Чем-то знакомым вдруг в душу повеяло —
Силы нет ехать... пойду...
Тут мое счастье, что сердце лелеяло, —
В этом тенистом саду.

Грустный стою, опершись на загородь,
Липы чуть-чуть шелестят...
О, неужели моя ненаглядная
Выйдет в задумчивый сад?

Чу! будто хрустнуло!.. Вон что-то белое
Мне закивало, маня...
Боже! ужели?.. О счастье! О молодость!
Жизнь моя! радость моя!

(1891)

515. ЛЕТОМ

Опять звенят напевы мая
Влюбленной трелью соловья,
Опять с тобой, моя родная,
Поется мне — и весел я.

Скажи, мой друг, ты хочешь песен?
Скажи, мой друг, ты не грустишь?
Ведь этот вечер так чудесен,
Так благовонна эта тишь!

Дай руку, побежим в аллен
Вечерней влагой подышать;
Там льются песни горячее,
Там им такая благодать!

Там песни птиц, без слов, названья,
В груди у нас разбудят вновь —
И позабытые желанья,
И позабытую любовь.

(1891)

516

Мне не жаль, что ночь минула скоро,
Мне не жаль, что скоро минет день...
Всё — слова любви, слова укора,
Даже клятв слова — всё только тень.
Эта страсть пройдет, как сновиденье,
Как и ночь, мелькнув едва на миг;
Я давно привык к разуверенью,
И давно к изменам я привык.
И с тобой грозящая разлука
Мне теперь уж вовсе нипочем:
Ведь любить всегда — такая скука!
А любить на миг — что пользы в том?
О, не верь ты чувствам, что дарят нам
Слезы счастья, — в них сокрыт обман,
Так в просторе моря необъятном
В тишине таится ураган!
Пусть бежит скорей она от взора,
Не любовь, а эта счастья тень...
Мне не жаль, что ночь минула скоро,
Мне не жаль, что скоро минет день.

(1891)

Не вчера ли в тени, меж зеленых ветвей,
 Нам о счастье свистал молодой соловей?
 Не вчера ли, не зная печали,
 Мы сидели вдвоем и мечтали?

Было тихо в саду, освещенном грозой,
 И земля, вся обвеяна нежной дремой,
 Фимиамы куря, засыпала,
 И заря разгоралась ало.

А сегодня печальна, тиха и бледна,
 Как и пасмурный день, ты сидишь у окна,
 Смутным грезам отдавшись душою,
 И не вымолвишь слова со мною.

Подожди, моя радость, промчится гроза —
 И над нами заблещет небес бирюза,
 И на смену глухому ненастью
 Улыбнется желанное счастье.

(1891)

518. СЕРЕНАДА

Пойдем со мной в тенистый сад,
 Пойдем, мой нежный друг, —
 Там жизнь, цветы и аромат,
 И бархатный там луг. . .

Сгони пугливый сон с ресниц,
 Покинь постель свою, —
 В саду щебечут хоры птиц,
 И я тебе пою.

Уж солнце весело глядит
 В раскрытое окно,
 И кущи темные раки
 Заждались нас давно.

Всё громче свищет соловей,
Всё ярче краски дня. . .
Пойдем же в сад гулять скорей,
Красавица моя!

(1891)

519. ВЕСНА

По садам уже, кудрявясь,
И на липах, и на кленах
Распустилась нежно завязь
В бахромах темно-зеленых.

У ручья, в волокнах ила,
Под душистой тенью клена,
Лепестки свои раскрыла
Голубая анемона.

Зацвела нитчаткой заводь,
Как в узорной пелеринке,
И над нею вышли плавать
Бледно-желтые кувшинки.

Над рекою утром рано
Пар клубится дымкой тонкой,
И слышны из-за тумана
Влажный блеск и рокот звонкий.

И по соснам вновь запрыгал
Дятел громко и проворно,
Из-под шишек, в чаше игол,
Вышелушивая зерна.

(1892)

520. КАНУН КУПАЛА

(Фантазия)

Лес не дремал. . . Цветы не спали,
Живой росой окроплены;
Шурша листвой на ветровале,
Играл зефир с лучом луны.

Не спали птицы в теплых гнездах,
И по опушке, вдоль межи,
Ползли, вдыхая влажный воздух,
Желтоголовые ужи.

Под сенью пихт и сосен хмурых,
Как тень проворны и легки,
Ловя жучков, на ржаво-бурых
Стволах сновали пауки.

И там, среди ложбин, в которых
Ручьи бессонные гремят,
В тени на пестрых мухоморах
Впивал тарантул жгучий яд.

И оглашали томным криком
Лесов загадочную ширь
В своем злорадстве алчно-диком
Сова и мрачный нетопырь.

Давно заря зарю сменила,
А в темном лесе, как шакал,
Всё кто-то выл, стена уныло,
Всё кто-то воздух оглашал.

Уж поздно. Над безмолвной кроной
Душистой ночи сумрак лег;
Кой-где в кудрях травы зеленой
Блестит Иванов червячок.

И над рекою, осиянны
Печально-кроткою луной,
Гуляют стройные туманы,
Как привидений легких рой.

Скользит луна лучом отвесным
По глади сонных теплых вод. . .
И вот — плывет в созвучьи тесном
Русалок звонкий хоровод.

И то — на берег вдруг прилегши,
Они сверкнут звездами глаз,
То — в тьму ветвей проворней векши
Взлетят и скроются зараз.

И долго их напев унылый
Звучит чудесно-ярким сном...
То замолчит, то с новой силой
Рокочет в сумраке ночном.

И вновь смолкает... тише... тише...
Волна баюкает волну...
И лишь полет летучей мыши
Порой понижит тишину.

А в дебрях, по дорожке пешей,
Ступая глухо, не стуча,
Идет-бредет косматый леший,
Как филин, звонко хохоча.

Дохнет на папортник, и — чудо! —
Разрезнокудрые листы
Усеют пылью изумруда
Яркоогнистые цветы.

Идет и свищет... Эхо плачет...
Дрожит земля в бреду глухом...
И слышно: ведьма мчится-скачет
В железной ступе с помелом.

А леший, клад свой в полночь вырыв,
Русалкам кажет, что в нем есть:
Там самоцветов и сапфиров
Им в целый век не перечеть.

И вновь лесник седобородый
Их гонит гиканьем к реке...
И вновь, молясь с ночной природой
На непонятном языке,

Он кличет фей русоволосых
Из недр мечтательно-глухих;
И, к их ногам сложив свой посох,
Садится сказки слушать их.

(1892)

521. ОЖИДАНИЕ

Незабудки, васильки —
Васильки и незабудки...
Жду я в поле у реки, —
Нет и нет моей малютки...

Жду... О боже, как хорош
Этот кроткий вечер лета!
Золотится в поле рожь,
Соловей рыдает где-то...

Жду... И хочется рыдать
Самому мне нежной песней:
Той, чей взор цветка прелестней,
Не видать и не видать!

Время мчится... Жду опять...
Солнце медлит в ожиданьи...
Солнце хочет на прощанье
Русый локон целовать...

Жду... Давно погас восток...
Я томлюсь, я изнываю
И, сорвавши василек,
Лепестки перебираю...

«Любит?.. нет?» — и лепестки
Шепчут — «да!»... А нет малютки...
Незабудки, васильки —
Васильки и незабудки.

(1893)

1

К КАНТУ¹

Я смотрел за тобой в голубых небесах,
 В голубых небесах пропадал твой полет;
 Я остался один здесь, поверженный в прах;
 Твое слово мне — щит; твоя книга — оплот!

Я хотел оживить мой пустынный приют
 Звучным словом твоим, полным слез и огня;
 Все мне чужды они, что со мною живут;
 Жизнь далекой могилой глядит на меня...²

(1894)

2

К СИКСТИНСКОЙ МАДОННЕ

Она несет Его смиренно миру,
 И смотрит Он на этот грешный мир,
 Тоской, смущением и ужасом объят.
 Он видит всё: всю суматоху бед,
 И дикое неистовство безумья,
 И безысходное стремление надежд,
 И боль неисцелимую мучений.
 Всё видит Он; но взор Его сияет
 Таким спокойствием, такой святою верой
 И блеском торжествующей победы,
 Что ясно и земле, покорной лишь страстям,
 Что перед ней Спаситель мира — сам.

(1894)

---

¹ День, когда умер Кант, был так безоблачен и ясен, как редко бывают у нас дни; на лазурно-голубом небе летело только маленькое легкое облачко в зените. Рассказывают, что один солдат обратил на него внимание окружающих и сказал, что это душа Канта, которая летит к небу. А. Ш.

² На этот же мотив у Э. Золя имеется прелестное стихотворение под заглавием «Облачко», которое удачно иллюстрирует неоконченные стихи Шопенгауэра. *Переводчик.*

524. ВЕСЕННИЙ КАРНАВАЛ

Шумят ручьи, бегут ручьи,
Горя в лучах весны,
И небеса лучистые
В водах отражены.

Проснулись дебри мшистые,
Склонясь пред солнцем ниц;
Идет весна, поет весна,
Сзывая хоры птиц.

И где б; смеясь, ни шла она,
За ней, как тень легки,
Летят пажы нарядные —
Живые мотыльки.

И стелет луг парадные
Пред ней ковры цветов,
Весна идет, весна поет
Под влажный шум лесов:

«На тишь полей, на глади вод,
Благословляя край,
Дохнул красой мечтательной
Веселый, светлый май.

Он полон обаятельной
Небесной красоты,
Он смел и волен, как Эол,
И радостней мечты.

Он тьму и холод поборол,
Призвав на землю свет,
Он весь в лазурь небесную
И в золото одет,

Мечтою бестелесною,
Как ангел светлый тих,
Равно он сеет вокруг тепло —
На добрых и на злых. . .

Победно в прах повергнув зло,
Не помнит он обид,
Он правдою нетленною
Сердца миротворит.

И надо всей вселенною
Он сыплет, как цветы,
Любви божественные сны
И райские мечты».

Лишь только смолкла песнь весны,
Что дальних вод струи, —
Как ей в ответ согласные
Запели соловьи.

И в сумерки прекрасные
Все розы расцвели,
И реял песен перезвон
От неба до земли.

И ей, весне, со всех сторон
Звучать не уставал
Хвалой земли воскреснувшей
Зеленый карнавал.

(1894)

525—526. ЛЕТНИЕ ДОСУГИ

1

Вот опять мы одни.
Всё как в прежние дни:
Темный развесистый сад,
Летняя ночь и луна!

Осуществился наш сон,
Я еще больше влюблен,
Только не знаю, зачем
Грустью томится душа?..

Точно о прошлой весне
Ночка напомнила мне;
Точно чего-то мне жаль,
Точно кого-то здесь нет.

Боже, зачем бы печаль,
Счастлив так буду едва ль...
Нежная ручка твоя
Тихо трепещет в моей.

Иль непокорной мечтой
Рвуся я к девушке той,
Что я любил на заре
Детских лазоревых дней;

Иль не тебя я люблю,
Хоть и безумно влюблен?
Разве теперь ты не та?
Разве теперь я не тот?

Нет, как и в прежние дни,
Счастливы мы — и одни.
Темный развесистый сад,
Летняя ночь и луна.

2

Говорят, что порой полуночной
Только землю осветит луна,
Сторожа ее сон непорочный,
Кто-то стройный стоит у окна.

Говорят, что зарею прекрасной
Чьи-то тени скользят по земле;
Дрожью голос звучит сладострастный,
Тонет вздох в очарованной мгле.

Говорят, что я весь леденею,
Как в глаза ей при встрече смотрю;
И что грежу во сне только ею,
И о ней наяву говорю.

Говорят, что я вяну — и в горе
Всё твержу о каком-то конце...
Что ни искорки нет в моем взоре,
Ни кровинки на скорбном лице...

Не хочу я с собой лицемерить
И твержу, что я счастлив, — и лгу;
И пытаюсь я людям не верить,
И не верить никак не могу.

(1894)

527. СЕВЕРНАЯ МЕЛОДИЯ

Когда Нева застонет, словно вьюга,
И хоры птиц умчатся вновь на юг, —
Вздыхая о тепле пленительного юга,
Я о тебе грущу, далекий милый друг...

Войду ли в сад в полдневный час досуга,
В поблекший сад, от холода и мук, —
Ищу мечтой я нежных красок юга,
И о тебе грущу, далекий милый друг...

Сорву ль цветок, цветок последний луга, —
В волшебном сне я вижу светлый юг,
И всё пою о нежном счастье юга,
И о тебе грущу, далекий милый друг...

Когда бы я, покорный раб недуга,
Мог птицей стать — по воле неба вдруг, —
Я б полетел туда, где блещет солнце юга,
Вздыхая о тебе, далекий милый друг...

(1894)

528. ОСЕННИЙ ПУТЬ

Моросит. Мы едем рошей;
Едем две и три версты.
Вкруг берез кустарник тощий
Сыплет желтые листы.

И летят они за нами,
И догнать коней хотят,
Но, бессильные, коврами
Устилают землю в ряд.

Путь далек. Проедем снова
Мы не две, не три версты,
Злом гонимые сурово,
Точно холодом листы...

Что нас ждет: тепло ль участия?
Иль, как листья под дождем,
Не найдем себе мы счастья
И покоя не найдем.

(1894)

529. ОКТЯБРЬ

1

Падают листья... В заглохшей аллее
Воздух томится и плачет от скуки...
Падают слезы, как поздние листья,
Слезы разлуки...

Падают листья... Мечты и желанья
Тщетного ищут, грустя о свободе...
Солнце! Явись и солги на прощанье
Кроткой природе...

Падают листья... Минувшего тени
Бродят за мной по пятам, как страданья,
Сердцу поют лебединую песню
Воспоминанья...

В аллеях увядшего сада,
Осенней унылой порой,
Два призрака в полночь глухую
Блуждают неслышной стопой.

Обнявши друг друга за талью,
В мечтах вызывали они
Отцветшие радости жизни,
Минувшие светлые дни. . .

«Ты помнишь ли наши восторги,
Любви загоравшийся свет?
Ты помнишь ли первые клятвы
И речи последние?» — «Нет!»

«Ужель и при имени друга
Твоя не волнуется грудь?
Ужель ты лобзанья забыла?»
— «Лобзанья я помню чуть-чуть. . .

Как небо сине тогда было!
Как ярко надежда цвела!»
— «Ах, смерть потушила желанья,
Как бранные наши тела!»

Так тени влюбленных безумцев
Блуждали бесшумно, как мгла;
И только осенняя полночь
Слова их подслушать могла.

(1894)

530. СИМВОЛИЧЕСКОЕ

Прочь бездушная действительность! . .
Я хочу лучистых грез,
Мотыльков, веселых ласточек,
Белых ландышей и роз! . .

Я хочу упиться чарами
Смутных чувств и белых снов —

При волшебном лунном трепете,
В царстве фей и соловьев!

Я хочу безмолвной музыкой,
Точно воздухом, дышать;
Уловить неуловимое,
Непостижное понять!..

Только светлая, влюбленная
И счастливая мечта
Знает царство вечной юности,
Где любовь и красота!

Прочь бездушная действительность!..
Я хочу лучистых грез,
Мотыльков, веселых ласточек,
Белых ландышей и роз!..

(1895)

531. В АЛЬБОМ N—ОЙ

(Сонет)

Пятнадцать лет — счастливая пора!
Как хороши желанья в эти годы!
Как ярки впечатления природы,
Исполненной восторгов и добра!..

День — весь из золота, а ночь — из серебра.
Не знает грудь тоскующей невзгоды.
Оковы сброшены. Природа — храм свободы...
Божественные дни и вечера!..

Пусть дольше длится прелесть этой сказки
И скучные часы замедлят ход к развязке,
Что рок слепой для жизни начертал;

Пусть дольше он хранит от ядовитых жал
И ваши символические глазки,
И ваших уст застенчивый коралл.

(1895)

532. ИЗ КАТУЛА МЕНДЕСА

1

Проснулось утро... Светлый бог взошел!..
Ты молвила: «Приди!» — и я пришел.

Спустя немного ты сказала: «Пой!» —
И долго пел я пред тобой.

Но ночь пришла, ночь неги и тревог...
«Уйди!» — сказала ты. Но я не мог...

2

Натуры более изысканной и тонкой
Не видел я в тумане сладких грез:
То было тело нервного ребенка —
От кончика ботинки до волос!

Но хрупкий инструмент был с яркою окраской...
Лишь прикоснись к нему, он вспыхивал огнем —
И начинал вибрировать под лаской,
Как скрипка под смычком!..

(1895)
Калуга

533. ALLEGRO

Прекрасна ты, — о, как прекрасна!
Как ты мила! — о, как мила!
Моя душа с твоей согласно
В один восторг мечты слила!

Поверь, дитя, что наши грезы
Не будут ввек разлучены,
Как аромат стыдливой розы
С улыбкой кроткою весны!

Пускай томимся мы в разлуке,
Твоя краса в душе моей:

Твоих речей живые звуки
И аромат твоих кудрей!

И если дух твой беззаботный
Простится с грешною землей, —
Я встрепнусь, как гость залетный,
Я встрепнусь и — за тобой!

В одно сольем очарованье
Любви нетленной существо,
Как два бесплотные созданья,
Питомцы солнца одного!

Земных восторгов не забудем,
Звездой затеплившись вдали,
И утешать надеждой будем
Несчастливых пасынков земли.

(1895)

534. СОНЕТ

Покинем вертепы докучной тревоги,
Покинем с мечтою о мире ином, —
И к мирному храму не в блещущей тоге,
А в рубище ветхом — пойдем!

Пойдем, чтобы слышать о свете, о божь,
Нетленного духа священный псалом;
И встанем, как мытарь, в дверях на пороге,
С поникшим смиренно челом!

На торжище шумном, где душно, как в склепе,
Оставим злых помыслов бранные цепи
На торжище буйном людской суеты, —

И к храму несем покаянье, — и в храме
К престолу положим дарами
Души покаянной мечты!

(1895)

Дмитрий Петрович Шестаков, профессор Казанского университета и известный ученый-классик, не был писателем-профессионалом. Он издал в 1900 году небольшой сборник стихотворений и уже никаких попыток в дальнейшем издать новый сборник или переиздать старый не предпринимал. Он редко упоминал о своих поэтических опытах, хотя писал в юности много стихов и много переводил, причем относился к этой стороне своей деятельности весьма серьезно (так, выполненные им в студенческие годы переводы «Гомеровских гимнов» были опубликованы в «Ученых записках Казанского университета» в 1890—1899 годах, а впоследствии он внес их в список научных работ).

Родился Шестаков в Казани 29 октября 1869 года. Его отец, П. Д. Шестаков, известен был в кругах либеральной казанской интеллигенции своей прогрессивной деятельностью на посту попечителя Казанского учебного округа. На его смерть в 1889 году откликнулись столичные газеты, а впоследствии был издан очерк его жизни и педагогической деятельности.¹ Преобладающими интересами в семье были интересы литературные; преимущественным вниманием пользовались литературы классические — древнегреческая и латинская. Показательно, что и брат Шестакова, Сергей Петрович Шестаков, также стал ученым-классиком.

Окончив в 1887 году с золотой медалью гимназию, Шестаков поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет. Он изучает древнегреческую литературу и печатает о ней статьи в «Ученых записках». По окончании четвертого курса Шестаков неожиданно выходит из университета и пытается наладить самостоятельную жизнь: пишет и печатает стихи, много переводит, пробует свои силы в критике.

---

¹ А. Рождествен, Петр Дмитриевич Шестаков. Очерк жизни и педагогической деятельности, Казань, 1907.

В эти же годы состоялось знакомство Шестакова с А. А. Фетом, оказавшее влияние на всю его дальнейшую жизнь и на характер его оригинального творчества. Фет с благосклонным вниманием относится к молодому поэту, высоко оценивает его переводы и даже содействует появлению некоторых его стихотворений в печати, хотя предостерегает от торопливости. В одном из писем (31 марта 1892 года) он писал Шестакову: «Сердечно благодарю Вас за прекрасные переводы Гомеровских гимнов. Пора молодым силам, вслед за нашими слабыми попытками, обогащать нашу до сих пор пустую библиотеку классических переводов. Ваши переводы сделаны рукою умеющего нащупать несравненную красоту античных форм. Присланные Вами стихотворения, конечно, не без достоинств. Но я вынужден повторять Вам не раз мною сказанное: не торопитесь. Ваши гимны напоминают воз с тяжелой и душистой пшеницей, а стихи прекрасное, душистое пироженое из наскоро взбитых сливок».¹

Что касается Шестакова, то его отношение к Фету граничило с благоговением. И такое отношение к нему он сохранил до конца своих дней.

В 1900 году казанский приятель Шестакова П. П. Перцов, ставший к этому времени столичным критиком и издателем, выпустил в Петербурге небольшой сборник его тщательно отобранных стихотворений. Еще через два года сам Шестаков издал в Казани свой перевод юношеских стихов Овидия «Героини»; сочувственной рецензией на это издание откликнулся в петербургском журнале «Новый путь» Александр Блок: «В чеканных стихах чувствуется гибкость, сила и простота; слышно, что переводчик сам — поэт».²

В 1903 году Шестаков возвратился в университет. Он сдал экзамен за полный курс, получив диплом первой степени. Успехи его оказались таковы, что он тут же был оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре классической филологии. Перед Шестаковым открылся путь ученого, и он ступил на него, оставив, видимо не без сожаления, мечту о карьере писателя-профессионала. В течение трех лет он живет в Казани, но в 1907 году уезжает со всем семейством в командировку в Турцию, где в течение двух лет занимается в Русском археологическом институте в Константинополе. Правда, его еще не оставляет надежда стать литератором: параллельно с научными занятиями он продолжает сотрудничать в петербургских газетах, где помещает стихи и литературные обзоры.

---

¹ Собрание П. Д. Шестакова (Москва).

² А. Блок, Собрание сочинений, т. 5, М.—Л., 1962, с. 523.

По возвращении в Россию в 1909 году Шестаков уехал преподавать в Новороссийский университет, но в этом же году перевелся в Варшаву. Там он напечатал свой ученый труд «Исследования в области греческих народных сказаний о святых» (1910), который представил в Петербургский университет в качестве магистерской диссертации. Защита состоялась 3 апреля 1911 года и прошла успешно.

В этом же году Шестаков перевелся в свой родной город и надолго здесь поселился. Как профессор университета (в 1911 году Шестаков назначается «исполняющим дела» экстраординарного профессора по кафедре классической филологии) он проводит большую научную и преподавательскую работу. В Казани Шестаков издал следующий свой труд, посвященный Аристофану, получил степень доктора греческой словесности в 1915 году и должность ординарного профессора в 1916 году.

В 1925 году Шестаков покинул на время Казань и уехал к сыну во Владивосток. Он пробыл здесь до 1931 года, состоя на службе в Дальневосточном государственном университете. В истории его поэтической деятельности этот владивостокский период оказался одним из самых значительных. Именно в эти годы, испытав после длительного перерыва новый и сильный прилив творческой энергии, Шестаков создал несколько стихотворных циклов (более 200 стихотворений), составивших новый этап в его творческом развитии. Из их числа П. Перцовым в конце 1930-х годов был составлен сборник, оставшийся, однако, неопубликованным. Наиболее примечательный цикл сборника — «Владивостокские ямбы».

В 1931 году Шестаков возвратился в Казань, где продолжил свои профессорские занятия со студентами и аспирантами. Там же, в Казани, Шестаков умер 17 июня 1937 года.

Опубликованные стихотворения Шестакова составляют небольшую часть того, что им было написано. Если его творческие опыты 90-х годов нашли, хоть и неполное, отражение в сборнике стихотворений 1900 года, то прилив творческой энергии, пережитый им в конце 1920-х годов, отражения в печати почти не нашёл.¹

Все неопубликованные произведения, а также другие материалы, связанные с биографией и творческой деятельностью Шестакова, хранятся в Москве, в собрании его сына П. Д. Шестакова, любезному содействию которого мы обязаны тем, что некоторые из них впервые появляются в печати в настоящем сборнике.

---

¹ Тринадцать неизвестных стихотворений Д. П. Шестакова владивостокского периода опубликованы Л. К. Долгополовым в журнале «Дальний Восток», 1970, № 7, с. 142—143.

535. А. А. ФЕТУ

Твой ласковый зов долетел до меня,
И снова душа пробуждается, —
Ей тихое счастье весеннего дня,
Ей вешняя ночь открывается.

Там нежные звезды плывут и дрожат,
Волна их качает пустынная...
Проснулась — и зноем наполнила сад
Бессмертная страсть соловьиная.

Так больно и властно вонзается в грудь,
Так робко и сладко ласкается, —
И к ярким созвучьям навеки прильнуть
Бессильно душа порывается.

1891 (?)

536. НА МОГИЛУ ФЕТА

Здесь лаврами венчанная могила
Навек от нас жестоко унесла
Всё, что душе так сладко говорило,
Пред чем душа молилась и цвела.
Но райский луч заката не боится,
Для майских птиц могила не страшна...
Чу! слышите: трепещет и струится
Весенних песен нежная волна!
И на призыв, где жизнь и юность бьется,
Бессмертными восторгами дыша,
Как встарь, летит и страсти предается,
Как встарь, дрожит и ширится душа!

Конец 1892

537

Я сойду в мой сад пораньше, —
Не спугну ли легких фей,
В красоте кудрей их длинных
И заплаканных очей.

Над водой всю ночь сегодня
Собиралися оне,
Развиваясь и свиваясь
В хороводах при луне.

Мне бы только легкий трепет
Легких крыльев уловить
И загадочного смеха
Ускользящую нить.

(1893)

538

У моря, у тихого моря
Одни мы бродили с тобой,
Любуясь счастливою ночью,
Любуясь безмолвной луной.

У моря, у тихого моря,
В тот светлый, таинственный час,
Над нами любовь молодая
На крыльях беззвучных неслась...

То время далёко, далёко,
И ты от меня далека...
У моря, у тихого моря
Задумчиво бродит тоска...

Как призрак, задумчиво бродит,
Как призрак, беззвучно поет
У моря, у тихого моря,
У бледного зеркала вод...

(1895)

539

Челнока моего никому не догнать!..
Далеко берега отошли...
Полнозвучна волна, на душе благодать...
Где ты, бледная скука земли!

И любит дально лазурною взор,
Полной всплесков играющих волн,
И навстречу заре в беспредельный простор
Убегает ликующий челн!

То не челн, не волна, — это юность моя,
Это крылья у песни росли,
Это пела душа, жажду счастья тая...
Что мне бледная скука земли!

(1895)

540

Деревья чуть обвеяны листвою,
Прозрачна даль,
И ты несешь пустынную тропюю
Свою печаль.

Прекрасна ты, как ясный вечер мая, —
Но почему
Душа болит, твоих очей встречая
Немую тьму?

О, не грусти, забудь былые грезы, —
За ливнем вслед,
И свеж, и чист, свои роняет слезы
Душистый цвет.

(1896)

541

Если безмолвным и светлым волненьем
Взор твой сияет, о друг мой любимый,
Если румяным и милым смущеньем
Нежные щеки так знойно томимы;
Если прозрачная ночь голубая
Тихо волну осыпает звездами,
Если черемуха дышит над нами,
Белые кисти неслышно качая, —

Как мне признаться, и надо ль признанье,
Сладко томящее робкую душу?
Бледным ли словом живое молчанье
Царственной ночи безумно нарушу?
(1898)

542

Нас кони ждут... Отдайся их порывам!
Пусть эта ночь в молчании своем
Обвеет нас дыханием счастливым,
Подхватит нас сверкающим крылом.

Уж мы летим, наедине с звездами,
Наедине с голубоокой мглой,
И волны сна смыкаются за нами
Холодную, певучею чредой.

1898

543. ВАКХАНКА

В забытом уголке покинутого сада,
Под свежим пологом поникнувших ветвей,
Вздыхает и поет лукавая наяда,
Звенит и плещется несякнуший ручей.
И, лик пленительный над влагою склоняя,
Всегда недвижимая над вечным бегом вод,
В сиянии мрамора вакханка молодая,
Роняя тяжкий тирс, усталая, встает.
В час полдня знойного, когда оцепененье
И яркий сон царит на тихих берегах,
Люблю ловить следы борьбы и опьяненья
У девы каменной в загадочных очах...
Уж взору чудится — дыхание живое
Приподымает грудь и расторгает сон,
И жду — вот с уст ее, пронзительный, как стон,
Сорвется бранный клик: «Эван, эван, эвое!»

1898

Осень в сердце твоём, и в саду у тебя
 Опадает листок за листком,
 И кровавая роза, дрожа и любя,
 На окне доцветает твоём.

А любимый твой друг, убаюканный, спит
 Там в степи, где ни сел, ни дорог,
 И в смертельной красе на холме шелестит
 Иммортелей осенних венков.

1898

545. РОМАНС

О, как далёко и как враждебно
 Ты удалилась от меня!
 И нет уж в сердце зари волшебной,
 И в песнях нет моих огня.

Едва мерцает из тяжкой дали,
 Из тяжкой дали, из темных туч,
 Твой лик, исполнен немой печали,
 Твоей улыбки бледный луч. . .

Не воротиться тому, что было,
 Что догорело, что прожито.
 Молчи же, сердце! Как ты любило,
 Пускай не знает другой никто!

1898

546

Я уходил, тревожный и печальный, —
 Ты всё в толпе, ты всё окружена,
 Напрасно ласки жаждала прощальной
 Моя душа, смятения полна.

Пустым речам, моей не видя муки,
 Внимала ты, беспечная, смеясь.

Вокруг тебя порхали вальса звуки
И нежная мелодия вилась.

Но где от лип темней ложились тени,
Где ключ журчал невидимой струей,
В тоске любви, в тревоге и смущеньи,
Твой легкий шаг узнал я за собой.

Любимые напевы покидая,
Из шума зал блестящих ты сошла,
Как эта ночь, отраду обещая,
Как эта ночь, приветливо светла.

Ты вскинула сверкающие руки
На плечи мне, дрожа и торопясь,
А вдалеке пылали вальса звуки
И нежная мелодия лилась.

(1900)

547

Ты знаешь ли, как сладко одинокому,
В загадочной, беззвучной тишине,
Лететь душой туда-туда, к далекому,
Что только раз пригрезилось мне.

То — колокол, в просторе душном тающий,
Вдыхающий и тающий, как сон,
Но за собой надолго оставляющий
И жалобный, и требующий стон.

О, где же ты, для сердца примирение?
О, где же ты, забвенья сладкий плод?
Один лишь миг, одной струны волнение —
И снова всё мгновенное живет.

Ты знаешь ли, как больно одинокому,
В загадочной, беззвучной тишине,
Лететь душой туда-туда, к далекому,
Что только раз пригрезилось мне.

(1900)

Непогодную ночью осеннюю,
 У дверей,
 Чей-то робкий ей шорох почудится...
 Жутко ей.

И взглядеться-то страшно в недвижимую
 Эту мглу —
 Ну, как бледные руки подымутся
 Там, в углу?

Не глядит, недохнет, нешелохнется,
 А в груди
 Что-то шепчет до боли назойливо:
 «Погляди».

(1900)

В золоте осеннем грустная аллея
 Путь наш осыпала золотом листов...
 Как чета влюбленных, странно холодея,
 Шли мы вдоль любимых, тихих берегов.

Что-то между нами тихо обрывалось,
 Словно паутины трепетная нить,
 И куда-то сердце с болью порывалось,
 И о чем-то сердце жаждало забыть.

И в душе роилось дум так много-много,
 На уста просилось столько поздних слов,
 А кругом мерцала грустная дорога
 Золотом осенним вянущих листов.

(1900)

Голая береза шелестит о стекла
 Робкими руками...
 Отчего же взор твой засветился снова
 Тихими слезами?

Отчего безмолвна и с тоской невнятной
Смотришь в даль ночную?
Отчего с тобою я, как враг, ни слова
И, как друг, тоскую?

Или это осень тенью молчаливой
Пронеслась над нами,
И сердца, и мысли мрачно разлучая
Гневными крылами?

(1900)

551

Нет, не могила страшна —
Страшно забвенье,
Страшно свалиться
Без силы, без воли
В пропасть холодную
Вечного сна...
Благо тому, чью могилу
И крест молчаливый
Дружеский мягко веноч обовьет,
Точно объятье
Теплой руки,
Живую поэзией красок.
Вот василек полевой —
Память далекого детства,
И розы тревожный восторг,
Там астр сиротливых мечтательность,
Георгин одинокая гордость,
И тихой фиалки,
Свежей затворницы леса,
Смиренный и всепримирающий
Шепот душистый.

(1900)

552. ИЗМЕНА

От сонных берегов, где в ласковом покое
Волны безропотной затишье голубое,
От узкой заводи, где на заре едва
Плескалась под веслом глубокая трава
И в раннем лепете приветливой наяды
Душе мечталися бесценные награды, —
Прости, любимая! — я порываюсь вдаль
За черный гребень гор, где гневно блещет сталь,
И в смертных прихотях, и в долгих воплях боя
Хочу испить до дна призыванье роковое.

(1900)

553. ПЕТУХ

Когда еще недвижны воды
И даль морозная глуха,
Мне веет радостью свободы
Веселый голос петуха.

Легко пронзая мглу ночную
Призывом звонким и простым,
Он шлет улыбку золотую
Мечтам рассеянным моим.

Он бодро требует ответа
Своей трубе, и слышен в ней
Мне праздник зелени и света
В родном саду, в тени ветвей, —

Где по дорожкам солнце бродит,
Где речка сонная тиха
И по заре свежей доходит
Веселый голос петуха.

(1900)

554. ФРЕЙБУРГ

Картина Мюнье

С уступа плюш сползал широкими извивами,
Внизу белела древняя стена,
И песня рыбака дрожала переливами,
И голубела сонная волна.

И сердце родину любило молчаливую,
И блеск реки, и колокол вдали,
И меж лесистых скал тропинку прихотливую
Куда-то ввысь от долов, от земли.

Над светлой тишиной, над мирными долинами
Последний раз хотелось вздохнуть —
И унести навек за теми исполинами
В сияющий и бесконечный путь.

(1900)

555. СТАТУЯ МИНЕРВЫ

Вот изваянье любимицы мудрого Зевса.
Смотришь, как строгий резец в благородном усилии,
Творческим духом провидя высокую тайну,
Мрамору твердому предал божественный образ.
Смотришь — и молишься чистому счастью знания,
Мысли кипящей и мудрости тихим вершинам.

(1900)

556. СИОН

Мшистые камни... Стена.. То шепот, то стоны
МОЛИТВЫ...
Вы ли, гонимые, здесь бледной стеснились толпой?
Мрачною верой горят, как факелы темные, взоры;
Буря рыданий и слез к темному небу растет...
«Боже! Мы — прах пред твоей венчающей верных
десницей.
Боже! Открой нам, открой недостижимый Сион!»

(1900)

557. НАДПИСЬ НА «ДЕКАМЕРОНЕ»

Тот был душою герой, кто в бледном преддверии гроба,
В темных угрозах чумы жизни разгадку обрел:
Смерти — молчанье могил и мрамор холодных
надгробий,
Жизни — веселье и блеск, жизни — любовь и цветы.
Бодро испей до конца всю чашу манящих восторгов —
Черная смерть у дверей в строгих одеждах стоит.

(1900)

558. СОБАКИ

Что за тревожную ночь послали сегодня мне боги!
Строго-прекрасная к нам в светлом молчаньи сошла.
Небо казалось очам фантастично глубокой поэмой,
Полной мерцающих тайн, полной звездащихся слез.
И к озаренной воде сбегались туманные тени,
Точно собирались отплыть и поджидали гребца.
Нервы натянуты были, как струны, готовые к пенью...
Вдруг исполнительный пес поднял отчаянный лай.
Чу! полководца признала и славит лохматая стая;
Резко дисканты визжат, глухо рокочут басы.
Мудрый политик мирит, а молодость требует боя,
И разглашает набат внутренней смуты пожар.

(1900)

559—561. ВЛАДИВОСТОКСКИЕ ЯМБЫ

1

Не говори: уж всё воспето.
Смотри, как тих морской залив,
Смотри, в какую бездну света
Вон тот свергается обрыв.
И так легко, неуловимо
Созвучье неба и земли,
Что разве б арфой серафима
Мы повторить его могли.

14 августа 1925

Порой взамен беспечной неги
 Свирепо заревет тайфун
 И в стройный хор живых элегий
 Ворвется хаос диких струн —
 В такой безумной схватке фурий,
 С таким стремленьем сокрушить,
 Как будто ты, страна лазури,
 Еще не бросила творить.

10 сентября 1928

Какая тишина и нежность,
 Как далеко от пылких бурь.
 Забыта ты, весны мятежность,
 И лета знойная лазурь.
 Уж утром медленно и строго
 Встает неяркая заря,
 И шепчет сердцу много-много
 Усталый сумрак сентября.

1928

ПЕРЕВОДЫ

Из «Гомеровских гимнов»

562. К ГЕЕ, ВСЕОБЩЕЙ МАТЕРИ

Гею, всеобщую мать, воспою я, благое начало,
 Старшую всех, и всего, что живет на земле,
пропитанье.
 Всё, что проходит по суше, хранимой богами, и в море,
 Всё, что летает, — твоей питается всё благостыней.
 Ты и счастливых детьми создаешь, и счастливых
плодами,
 Жизни дыхание ты и даешь и отъемлешь, царица,
 У человека. Блажен счастливец, кого благосклонным
 Сердцем оценишь ты: всё у того пребывает в избытке.

В тяжких колосьях — его плодородная нива, и в поле
Агнцев пасутся стада, и дом наполняют богатства;
Сами в согласьи с законом, в украшенном женами граде
Царствуют, — светлое счастье и роскошь им спутники
в жизни.

Юноши — скромным весельем и ранним сияют расцветом,
Девы с радостью в сердце в цветами украшенных хорах
Тешатся мирно и пляшут по мягкому цвету лужайки,
Если почтишь их, благая, в избытке дающая мать.
Радуйся, мать богов, многозвездного Неба супруга,
И благодушно за песнь отплати нам отрадную жизнью.
Я ж и тебя не забуду, и песню припомню другую.

(1899)

Микеланджело

563—565. СОНЕТЫ

1

Моя любовь не в сердце у меня,
Люблю тебя, но не земной любовью:
Не смертным чувством и не смертной кровью
Дано вкусить небесного огня.

Любовь, в душе Предвечного родясь,
Мне зоркий взор дала, тебе — блистанье,
И знай, тоска могучего желанья
Не к бренному, не к смертному влеклась.

Как с пламенем тепло неразделимо,
Так с вечностью и красота слилась.
Мне райский взор святого херувима
Блеснул в улыбке этих кротких глаз,
И вновь туда, где светит рай любимый,
Под сень ресниц тревожно страсть неслась.

Когда любовь, как тихий гений, веет,
 И двух сердец ничем не разлучить,
 Когда печаль и радость — всё делить
 Один порыв обоими владеет;

И в небеса, как ангела крыло,
 Возносит нас согласное мечтанье,
 Когда в лучах бессмертного свиданья
 Обоим так безоблачно светло;

Когда венец восторга молодого —
 В одной любви награду находить,
 Когда один желанья другого
 Пророчески спешит предупредить, —
 Какая власть, скажи, какое слово
 Тот узел чудный в силе разрешить?

Сквозь бури моря в зыбком челноке
 Доходит бег моей тревожной жизни
 К той пристани всеобщей, к той отчизне,
 Где сладок сон и счастьем и тоске.

Но страстных лет властительный кумир,
 Художника фантазия живая,
 Как гаснешь ты, бессильно упавая,
 Бескрылая, у входа в новый мир!

И грудь дрожит тревогою глухой:
 О, чем спастись от гибели двойной —
 Как вырвать дух из черной смерти тела?
 Когда б, забыв палитру и резец,
 К твоей любви душа не возлетела,
 Под сень креста зовущий нас отец!

(1900)

Если ждешь, чтоб я любила,
Пыла страстного не трать,
Чтоб голубки беспокойной,
Чтоб любви не испугать!
Так тревожна нежность сердца:
Только тронешь, без следа
Робкой птичкой исчезает
В небе розовом стыда.
Неподвижной изваянья
Встань под сумраком ветвей;
Ты увидишь — скоро с ветки
Птичка спустится смелей.
Чу! к тебе всё ближе, ближе
Вздохи свежие весны,
Легких крыльев трепетанья,
Вихри снежной белизны.
И голубка, как ручная,
На плечо к тебе вспорхнет,
Миг еще — и клювом алым
Поцелуй твой жадно пьет.

(1900)

Имя Мирры Лохвицкой в свое время было окружено ореолом шумной поэтической славы «русской Сафо». К. Д. Бальмонт называл ее художницей «вакхических видений», знающей «тайны колдовства». Однако реальный биографический облик Лохвицкой далеко не во всем совпадал с ее поэтической репутацией, а литературная слава поэтессы оказалась немногим более долгой, чем ее жизнь.

Мирра Александровна Лохвицкая родилась 19 ноября 1869 года¹ в Петербурге в семье известного адвоката, профессора права А. В. Лохвицкого, который славился как блестящий оратор, остро слов и разнообразно одаренный человек. Мать Лохвицкой увлекалась поэзией, хорошо знала русскую и западноевропейскую литературу. Склонность к поэтическому творчеству обнаружилась также у двух младших сестер, из которых одна — Надежда Александровна — стала впоследствии известной писательницей, выступавшей в печати под псевдонимом Тэффи.

Детство сестер Лохвицких прошло в большой обеспеченной семье. «Воспитывали нас по-старинному, — всех вместе на один лад, — писала Н. Тэффи в своей автобиографии. — С индивидуальностью не справлялись и ничего особенного от нас не ожидали».²

После домашней подготовки Мирра Лохвицкая поступила в Московский Александровский институт. Писать стихи начала она очень рано, с тех самых пор, как научилась держать перо в руках, и еще ребенком распевала песни собственного сочинения, но серьезно предалась этому занятию с пятнадцати лет.

Первые сочинения Мирры Лохвицкой были написаны в духе тургеневских стихотворений в прозе. Еще в старших классах она обратила на себя внимание проблесками таланта; ее первые стихотворения были напечатаны незадолго до выпуска из института в небольшой брошюре («Сила веры», «День и ночь», М., 1888).

---

¹ В автобиографической справке самой поэтессы другая дата — 1871 год. — П.Д.

² «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей», собрал Ф. Ф. Фидлер, М., 1911, с. 204.

В 1888 году Лохвицкая окончила Александровский институт и переехала из Москвы в Петербург, где после смерти отца поселилась ее мать. Четыре года спустя Лохвицкая вышла замуж за профессора архитектуры Е. Э. Жибера и некоторое время жила в Тихвине и Ярославле, а затем вместе с семьей обосновалась в Москве.

Начало регулярной литературной деятельности Миры Лохвицкой относится к 1889 году, когда в иллюстрированном журнале «Север» были напечатаны ее стихотворения.

За несколько последующих лет она становится постоянным сотрудником многочисленных журналов — «Художник», «Труд», «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Северный вестник», «Книжки „Недели“», «Русская мысль» и других. Журнал «Русское обозрение» напечатал ее поэму «У моря» (1892), после которой о Мирре Лохвицкой заговорили как о новом многообещающем таланте.

Лохвицкая печаталась в органах самых различных направлений. Позднее о ней писали как о поэтессе, которая отмежевала себе исключительно область так называемой «чистой», или «парнасской» поэзии, далекой от общественных и житейских тенденций и идеалов.¹

К середине 90-х годов Лохвицкая пользовалась уже значительной известностью, ее имя нередко упоминалось в ряду наиболее популярных молодых дарований. Критика много писала о Лохвицкой, причем одни осуждали вакхические вольности ее поэзии, а другие, напротив, ставили ей в заслугу дерзкую откровенность ее интимной лирики. Поэт Минский утверждал впоследствии: «Первоначальные стихотворения Лохвицкой отличаются жизнерадостностью, страстностью, вакхическим задором. Юная поэтесса порою казалась нескромной, ее мечты и порывы — мало целомудренными. Но здесь, мне кажется, было гораздо больше искренности, чем нескромности».² Иным законодателям литературных нравов стихи Лохвицкой казались и вовсе «безнравственными», однако, по свидетельству В. И. Немировича-Данченко, такой строгий судья, как Л. Н. Толстой, снисходительно оправдывал ее: «Молодым пьяным вином бьет. Уходитя, остынет, и потекут чистые воды».³

В 1896 году стихотворения Лохвицкой были впервые изданы отдельной книгой. За этот сборник Лохвицкая получила Пушкинскую премию. Рекомендательный отзыв по отделению языка и изящной

¹ «Исторический вестник», 1905, № 10, с. 359.

² Н. М — с к и й, Памяти М. А. Лохвицкой. — «Новое время», 1905, 31 августа.

³ В а с. И в. Н е м и р о в и ч - Д а н ч е н к о, На кладбищах (Воспоминания), Ревель, 1922, с. 135.

словесности Академии наук был написан А. А. Голенищевым-Кутузовым. Молодой В. Брюсов тогда же отнес Лохвицкую к «школе Бальмонта», он считал, что Лохвицкая, как и некоторые другие поэты (Варженевская, Курсинский, Голиков и др.), «стала писать в бальмонтском духе»: «Все они перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, ритмом, созвучиями, — и самую сущность его поэзии: погоню за оригинальными выражениями во что бы то ни стало, вместе с тем все они, как и Бальмонт, чистые романтики».¹

С Бальмонтом Лохвицкую связывали близкие отношения. Их знакомство состоялось в 1898 году. Лохвицкой Бальмонт посвятил один из лучших своих сборников «Будем как солнце» (1903).

В литературных кругах Москвы и Петербурга Лохвицкая была принята благосклонно. Поэтический талант Лохвицкой был признан такими поэтами «старой школы», как А. А. Голенищев-Кутузов, К. К. Случевский. Одним из учителей поэтессы был А. Н. Майков, который руководил ею на первых порах. Она восторженно была встречена поэтами, представителями новых течений в поэзии: Фофановым, И. Северянином, Льдовым и другими.

О Лохвицкой много говорили и писали, она появлялась на «пятницах» К. К. Случевского, часто выступала с чтением своих стихов на публичных вечерах в пользу Литературного фонда. Выступления Лохвицкой всегда проходили с шумным успехом, которому немало способствовало и ее личное обаяние. Хорошо знавший Лохвицкую И. Бунин относил свои воспоминания о ней к числу «самых приятных». Познакомились они в редакции «Русской мысли», куда принесли одновременно свои стихи. «И все в ней было прелестно — звук голоса, живость речи, блеск глаз, эта милая легкая шутливость. . .» Бунин подтверждает, что при жизни Лохвицкая «пользовалась известностью, слыла «русской Сафо» (как, впрочем, многие русские поэтессы). Воспевала она любовь, страсть, и все поэтому воображали ее себе чуть ли не вакханкой, совсем не подозревая, что она, при всей своей молодости, уже давно замужем. . . мать нескольких детей, большая домоседка, по-восточному ленива: часто даже гостей принимает лежа на софе, в капоте, и никогда не говорит с ними с поэтической томностью, а напротив, болтает очень здраво, просто, с большим остроумием, наблюдательностью и чудесной насмешливостью — все, очевидно, родовые черты, столь блестяще развившиеся у ее сестры, Н. А. Тэффи».²

¹ «Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову (К истории раннего символизма)», М., 1927, с. 78.

² И. А. Бунин, Собрание сочинений, т. 9, М., 1967, с. 289.

В 1898 году вышел в свет второй том стихотворений Лохвицкой, а в 1900-м — третий, причем два первых тома были изданы заново. Отбирая наиболее удачные стихотворения из первых двух томов для выступления в концерте, сама М. Лохвицкая назвала следующие: «Спящий лебедь», «Так низко над зреющей нивой...», «Бывают дни», «Мои собратья», «Предчувствие грозы», «Из царства пурпура и злата...», «Две красоты», «Как будто из лунных лучей сотканы...». Поэтесса считала эти стихотворения, как и десяток других из третьего тома, пьесами «мирного характера», годными «не только для юношества, но даже и для младенчества». «Я бы предпочла, — заключала Лохвицкая в письме к организатору концерта П. И. Вейнбергу, — чтобы Вы остановились на третьем томе: он выдержаннее и содержательнее первых».¹

Популярность Лохвицкой к началу века была так велика, что фельетонисты писали на ее стихи многочисленные пародии; некоторые из них перепечатывались затем уже в качестве ее подлинных стихотворений, против чего ей приходилось выступать в печати.²

Последние тома произведений Лохвицкой (четвертый и пятый) вышли соответственно в 1903 и 1904 годах. Отделы мелких стихотворений в этих книгах занимали небольшое место. В последние годы жизни Лохвицкая писала в основном стихотворные драматические произведения на средневековые и библейские темы. Критика встретила их отрицательно, хотя в кругу близких ей поэтов ее талант по-прежнему вызывал сочувственный интерес.³

---

¹ П. Д.

² Несколько таких пародий было напечатано в журнале «Звезда» (1901, №№ 41, 43, 46). За эти стихотворения во многих журналах ополчились на нее и М. Лохвицкая вынуждена была заявить свой протест против очередной мистификации («Новое время», 1901, 5 ноября).

³ В упоминавшейся уже заметке «Памяти М. А. Лохвицкой» Н. Минский писал, что ее талант «не стоял на месте, а наоборот, развивался и совершенствовался. Еще не отказавшись окончательно от прежних мотивов, столь привлекательных молодой непосредственностью и безудержностью, Лохвицкая уже готовилась вступить в область новых вдохновений. В этом смысле последний, пятый сборник представляет особый интерес» («Новое время», 1905, 31 августа). К. Д. Бальмонт откликнулся на выход пятого тома небольшой рецензией, в которой писал: «Из напечатанных Лохвицкой книг наиболее удачными являются несомненно том 2-й и том 5-й. В них более выдержано общее настроение и больше отдельных стихотворений, доставляющих художественное наслаждение... В последнем томе Лохвицкая сделала большой шаг вперед в смысле... внесенная в свое творчество элементов импрессионизма» («Весы», 1904, № 2, с. 59).

Лохвицкая умерла в Петербурге 27 августа 1905 года от туберкулеза легких и похоронена в Александро-Невской лавре. В некрологе, ей посвященном, В. Брюсов заметил: «Для будущей «Антологии русской поэзии» можно будет выбрать у Лохвицкой стихотворений 10—15 истинно безупречных». ¹

567. САФО

Темноокая, дивная, сладостно-стройная,
Вдохновений и песен бессмертных полна, --
На утесе стояла она...
Золотилася зыбь беспокойная,
На волну набегала волна.

Ветерок легкокрылый, порой налетающий,
Край одежды широкой ее колыхал...
Разбивался у ног ее вал...
И луч Феба, вдали догорающий,
Ее светом прощальным ласкал.

Небеса так приветно над нею раскинулись,
В глубине голубой безмятежно светло...
Что ж ее опечалить могло?
Отчего брови пасмурно сдвинулись
И прекрасное мрачно чело?

Истерзала ей душу измена коварная,
Ей — любимице муз и веселых харит...
Семиструнная лира молчит...
И Лесбоса звезда лучезарная
В даль туманную грустно глядит.

Всё глядит она молча, с надеждой сердечною,
С упованием в измученной страстью груди —
Не видать ли знакомой лады...
Но лишь волны грядой бесконечно
Безучастно бегут впереди...

3 декабря 1889.

---

¹ В. Брюсов, *Далекие и близкие*, М., 1912, с. 148.

568. ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Хотела б я свои мечты,
Желанья тайные и грезы
В живые обратить цветы, —
Но... слишком ярки были б розы!

Хотела б лиру я иметь
В груди, чтоб чувства, вечно юны,
Как песни, стали в ней звенеть, —
Но... порвались бы сердца струны!

Хотела б я в минутном сне
Изведать сладость наслажденья, —
Но... умереть пришлось бы мне,
Чтоб не дожидаться пробужденья!

1889

569

Да, это был лишь сон! Минутное виденье
Блеснуло мне, как светлый метеор...
Зачем же столько грез, блаженства и мученья
Зажег во мне неотразимый взор?

Как пусто, как мертво!.. И в будущем всё то же...
Часы летят... а жизнь так коротка!..
Да, это был лишь сон, но призрак мне дороже
Любви живой роскошного цветка.

Рассеялся туман, и холод пробужденья
В горячем сердце кровь оледенил.
Да, это был лишь сон... минутное виденье...
Но отчего ж забыть его нет сил?

27 января 1890

Зачем твой взгляд, и бархатный, и жгучий,
 Мою волнует кровь —
 И будит в сердце силою могучей
 Уснувшую любовь?

Встречаясь с ним, я рвусь к тебе невольно,
 Но страсть в груди давлю...
 Ты хочешь знать, как сладко мне и больно,
 Как я тебя люблю?

Закрой глаза завесою двойною
 Твоих ресниц густых —
 Ты не прочтешь под маской ледяною
 Ни дум, ни чувств моих!

1890

Если б счастье мое было вольным орлом,
 Если б гордо он в небе парил голубом, —
 Натянула б я лук свой певучей стрелой,
 И живой или мертвый, а был бы он мой!

Если б счастье мое было чудным цветком,
 Если б рос тот цветок на утесе крутом, —
 Я достала б его, не боясь ничего,
 Сорвала б и упилась дыханьем его!

Если б счастье мое было редким кольцом
 И зарыто в реке под сыпучим песком, —
 Я б русалкой за ним опустилась на дно,
 На руке у меня заблестало б оно!

Если б счастье мое было в сердце твоём, —
 День и ночь я бы жгла его тайным огнем,
 Чтобы, мне без раздела навек отдано,
 Только мной трепетало и билось оно!

20 января 1891

572. ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Сжался, сжался, добрый молодец!
Кто бы ни был ты, спаси меня!
Ох, высок зубчатый терем мой,
Крепки стены неприступные! . .

Я росла-цвела в семье родной
Дочкой милой, ненаглядною;
Полюбил меня Горыныч-Змей
Страстью лютою змеиною.

Полюбил меня, унес меня
В дальний край за море синее,
Словно пташку в клетку тесную —
Заклучил в неволю тяжкую. . .

Я уснула беззаботная
В светлой горнице девической,
Пробудилась — изумилась
И глазам своим не верила.

На спине железной чудища
Я неслась, как легкий вихрь степной,
Над горами, над оврагами,
Над пучинами бездонными.

Подо мной ширинкой пестрою
Расстилалися луга-поля,
Извивались реки быстрые
И шумел дремучий, темный бор.

Надо мною звезды частые
Робко светили, пугалися,
На меня смотрели жалостно
И давались диву-дивному.

А Горыныч-Змей летел-свистел,
Изгибая хвост чешуйчатый,
Бил по воздуху он крыльями,
Сыпал искрами огнистыми.

Он примчал меня, спустил меня
Во дворец свой заколдованный,
Обернулся статным молодцем
И взглянул мне в очи ласково. . .

Как наутро я проснулася,
Обошла покои чудные,
Много злата, много серебра
В сундуках нашла я кованных.

Убралась я золотой парчой,
В алый бархат нарядилася,
Нитью жемчуга бурмитского
Перевила косу русую. . .

Да как вспомнила про отчий дом,
Про житье-бытье привольное —
Заломила руки белые,
Залилась слезами горькими.

Ах, на что мне серьги ценные,
Бусы — камни самоцветные?
Не верну я воли девичьей,
Не узнаю сна покойного!

Не встречать уж мне весну-красну
В хороводе пеньем-пляскою,
Не ласкать мне мужа милого,
Не качать дитя любимое.

День от дня всё чахну, сохну я,
Давит грудь мою печаль-тоска. . .
Истомил меня проклятый Змей,
Сердце бедное повызнобил! . .

Чу! .. Летит он! .. слышу свист его,
Вижу очи искрометные. . .
Пропадай же, грусть постылая,
Дай душе моей натешиться! . .

Будут жечь меня уста его
Жарче зноя солнца летнего,

Распалит он сердце ласками,
Отуманит разум чарами. . .

Добрый молодец, прости-прощай!
Проходи своей дорогою:
Не хочу я воли девичьей, —
Мне мила теперь судьба моя!

22 января 1891

573. ЭЛЕГИЯ

Я умереть хочу весной,
С возвратом радостного мая,
Когда весь мир передо мной
Воскреснет вновь, благоухая.

На всё, что в жизни я люблю,
Взглянув тогда с улыбкой ясной,
Я смерть свою благословлю —
И назову ее прекрасной.

5 марта 1893

574. ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК

«Девицы, что за стук я слышу?
Милые, что я слышу?»
— «Слышен конский топот,
Раздается в поле».

«Девицы, кто же в поле едет?
Милые, кто там скачет?»
— «Мчится черный витязь,
Сам бледнее смерти».

«Девицы, отчего ж он бледен?
Милые, что так бледен?»
— «От тоски по милой,
От разлуки с нею».

«Девицы, что ж он в дверь стучится?
Милые, что стучится?!»
— «По твою ли душу,
По твою ль младую».

«Девицы, умирать так страшно!
Милые, ох, так страшно!»
— «Кто любил до гроба,
Тот сильнее смерти!»

*17 сентября 1893
Москва*

575

Из царства пурпура и злата
Случайным гостем залетев,
Блеснул последний луч заката
Среди серебряных деревьев.

И вот, под лаской запоздалой,
Как мановеньем волшебства,
Затрепетала искрой алой
Оледенелая листва.

И вострепнулся лес суровый,
Стряхнул с ветвей могильный сон —
И ожил он в одежде новой,
Багряным светом озарен.

Аккордом звуков серебристых
Несется фей лукавый зов...
Клубится рой видений чистых
Вокруг сверкающих стволов...

Но гаснет луч в борьбе бесплодной,
Еще мгновенье — и сменят
Метель и мрак зимы холодной
Природы призрачный наряд.

30 ноября 1893

576. СУМЕРКИ

С слияньем дня и мглы ночной
Бывают странные мгновенья,
Когда слетают в мир земной
Из мира тайного виденья...

Скользят в тумане темноты
Обрывки мыслей... клочья света...
И бледных образов черты,
Забывших меж нигде и где-то...

И сердце жалостью полно,
Как будто жжет его утрата
Того, что было так давно...
Что было отжито когда-то...

17 февраля 1894

577. ВИХОРЬ

Вихорь в небе поднялся,
Закружился, завился,
Взвил столбом песок и пыль,
Со степной травой ковыль.

Легкой птицей на коне,
Станом гибким наклонясь,
Мчится с ветром наравне
Молодой татарский князь.

Полн отваги жгучий взгляд,
Блещет золотом наряд,
Кровь горячая сквозит
Сквозь загар его ланит.

«Ветр! — зовет он, — улетай
От родных моих степей,
Весть неси в далекий край
Полоняночке моей.

На горе стоит крутой
Светлый терем золотой;
Там давно сидит она
У косящата окна.

Чище снега и сребра
Томный цвет ее лица,
Брови — ночь среди утра,
Взор — блаженство без конца.

Очи — моря глубина,
Грудь — зыбучая волна,
В кудрях — блеском янтаря
Заигралася заря.

Но скрывает красоту
Белоснежная фата,
Лишь алеют сквозь фату
Розы вешние — уста...

Ты шепни ей: «Помнит он,
Вновь примчится и, в полон
Захватив к себе опять,
Уж не даст тебя отнять!»

Ты шепни ей: „Не грусти!
Коль тебе былого жаль —
Я рассею по пути
Всю тоску твою, печаль!“»

Вмиг улегся вихрь кругом,
Взвевя легким ветерком
И понесся с вестью той
В светлый терем золотой...

23 апреля 1894

578

Пустой случайный разговор,
А в сердце смутная тревога, —
Так заглянул глубоко взор,
Так было высказано много...

613

Простой обмен ничтожных слов,
Руки небрежное пожатье, —
А ум безумствовать готов,
И грудь, волнуясь, ждет объятья...

Ни увлечения, ни любви
Порой не надо для забвенья, —
Настанет миг — его лови —
И будешь богом на мгновенье!

1 июля 1894

579. ДЖАМИЛЕ

«Вы так печальны, Джамиле?
Ваш взор парит в дали безбрежной...
Но что, скажите, на земле
Достойно вашей грусти нежной?...
Вы так печальны, Джамиле!»

«За мной следят... И я грустна,
А в сердце страсть и ожиданье...
Сегодня в полночь я должна
Пробраться тайно на свиданье...
Мой лик суров и взор угрюм, —
Не выдаст сердце тайных дум».

«Вы улыбнулись, Джамиле?
И жизнь, и радость в вашем взоре, —
В его глубокой, знойной мгле
Всё переменчиво, как в море...
Вы улыбнулись, Джамиле?»

«Да, я смеюсь... Но ад во мне,
И смерть, и ужас в блеске взора!
Сегодня по моей вине
Был брошен труп на дно Босфора...
И я смеюсь... Но знаю я,
Что завтра очередь моя!»

1895

580. УМЕЙ СТРАДАТЬ

Когда в тебе клеймят и женщину, и мать —
За миг, один лишь миг, украденный у счастья,
Безмолвствуя, храни покой бесстрастья, —
Умей молчать!

И если радостей короткой будет нить
И твой кумир тебя осудит скоро
На гнет тоски, и горя, и позора, —
Умей любить!

И если на тебе избрания печать,
Но суждено тебе влачить ярмо рабыни,
Неси свой крест с величием богини, —
Умей страдать!

1895

581. ГИМН АФРОДИТЕ

1

Я верю вновь: страданья мной забыты,
Минуло время слез...
О, дайте мне любимиц Афродиты —
Махровых, алых роз!

Я обовью гирляндю живою
Чело и грудь свою,
В честь златокудрой лиру я настрою
И гимн любви спою.

И может быть, ко мне добрее станет
Богиня красоты
И на меня приветливее взглянет
С лазурной высоты;

Пошлет мне мир, а с ним и упованье,
И воспою я вновь
И шепот волн, и лунное сиянье,
И розы, и любовь!

Веет прохладой ночь благовонная,
И над прозрачной водой —
Ты, златокудрая, ты, златотронная,
Яркою блещешь звездой.

Что же, Киприда, скажи, светлоокая,
Долго ль по воле твоей
Будет терзать эта мука жестокая
Страстные души людей?

Там, на Олимпе, в чертогах сияющих,
В дивном жилище богов,
Слышишь ли ты эти вздохи страдающих,
Эти молитвы без слов?

Слышишь, как трепетно неугомонное
Бьется в усталой груди?
Ты, златокудрая, ты, златотронная,
Сердце мое пощади!

1895

582

Быть грозе! Я вижу это
В трепетаньи тополей,
В тяжком зное полусвета,
В душном сумраке аллей.

В мощи силы раскаленной
Скрытых облаком лучей,
В поволоке утомленной
Дорогих твоих очей.

(1897)

583. «МЕРТВАЯ РОЗА»

Я — «мертвая роза», нимфея холодная,
Живу, колыхаясь на зыбких волнах,
Смотрюсь я, как женщина, в зеркало водное,
Как нимфа, скрываюсь в речных камышах.

Разбросив, как волосы, листья зеленые,
Блещу я во мраке жемчужной звездой;
На мне серебрятся лучи отдаленные,
Влюбленного месяца свет молодой.

Но песнь соловьиная, песня победная
Меня не обвеет небесной тоской.
Я «мертвая роза», бесстрастная, бледная,
И мил мне, и дорог мне гордый покой.

Над венчиком белым, цикады отважные,
Напрасно в ревнивый вступаете бой, —
Для вас лепестки не раскроются влажные,
Останется мертвым цветок роковой.

Летите к фиалкам, где влага росистая
Сверкает призывно алмазами слез.
Я «мертвая роза», я лилия чистая,
Я нежусь в сияньи серебряных грез.

(1897)

584

В кудрях каштановых моих
Есть много прядей золотистых —
Видений девственных и чистых
В моих мечтаньях огневых.

Слилось во мне сиянье дня
Со мраком ночи беспросветной, —
Мне мил и солнца луч приветный,
И шорох тайн манит меня.

И суждено мне до конца
Стремиться вверх, скользя над бездной,
В тумане свет провидя звездный
Из звезд сплетенного венца.

(1897)

Нивы необъятные
 Зыблются едва,
 Шепчут сердцу внятные,
 Кроткие слова.

И колосья стройные
 В мирной тишине
 Сны сулят спокойные, —
 Но не мне, не мне!

Звезды блещут дальние
 В беспредельной мгле;
 Глуше и печальнее
 Стало на земле.

И томят мгновения
 В мертвой тишине.
 Ночь дает забвение, —
 Но не мне, не мне!

(1897)

586. МОИМ СОБРАТЬЯМ

Поэты — носители света,
 Основы великого зданья.
 Уделом поэта
 И было, и будет — страданье.

Для высшей вы созданы доли
 И брошены в море лишений.
 Но ковы неволи
 Расторгнет воспрянувший гений.

Не бойтесь волненья и битвы,
 Забудьте о жалкой забаве.
 Слагая молитвы,
 Служите не призрачной славе.

И, сильные духом, не рвите
Цветов, наклонившихся к безднам.
Алмазные нити
Связуют вас с миром надзвездным.

И вечность за миг не отдайте,
Мишурному счастью не верьте.
Страдайте, страдайте!
Страданья венчает бессмертье.
(1897)

587. МЕЖДУ ЛИЛИЙ

Возлюбленный мой принадлежит мне,
а я — ему; он пасет между лилий.

«Песнь песней» 2, 16.

Лилии, лилии чистые,
Звезды саронских полей,
Чаши раскрыли душистые,
Горного снега белей.

Небу возносит хваление
Сладостный их фимиам.
Золото — их опыление,
Венчик — сияющий храм.

В ночи весенние, лунные
К тени масличных дерев
Овцы спешат белорунные,
Слышен свирели напев.

В лунные ночи, бессонные,
После дневного труда,
Друг мой в поля благовонные
К пастбищу гонит стада.

Друг мой — что облачко ясное,
Луч, возрожденный из тьмы.
Друг мой — что солнце прекрасное
В мраке дождливой зимы.

Взоры его — благосклонные,
Речи — любви торжество.
Блещут подвески червонные
Царской тиары его.

Пурпур — его одеяние,
Посох его — золотой.
Весь он — восторг и сияние,
Весь — аромат пролитой.

Друг мой! под свежими кущами
Сладок наш будет уют.
Тихо тропами цветущими
Овцы твои побредут,

Лозы сомнут виноградные,
Песни забудут твои,
Вспенят потоки прохладные,
Вод галаадских струи.

Утром жнецами и жницами
Мирный наполнится сад;
Будут следить за лисицами,
Гнать молодых лисенят.

Будут тяжелыми урнами
Светлый мутить водоем. . .
Друг мой, ночами лазурными
Как нам отрадно вдвоем!

Кроют нас чащи тенистые,
Сумрак масличных аллей.
Друг мой! Мы — лилии чистые,
Дети саронских полей.

(1897)

588. СПЯЩИЙ ЛЕБЕДЬ

Земная жизнь моя — звенящий,
Невнятный шорох камыша.
Им убаюкан лебедь спящий,
Моя тревожная душа.

Вдали мелькают торопливо
В исканьях жадных корабли.
Спокойно в заросли залива,
Где дышит грусть, как гнет земли.

Но звук, из трепета рожденный,
Скользнет в шуршаньи камыша —
И дрогнет лебедь пробужденный,
Моя бессмертная душа.

И понесется в мир свободы,
Где вторят волнам вздохи бурь,
Где в переменчивые воды
Глядится вечная лазурь.

(1897)

589

Моя душа, как лотос чистый
В томленьи водной тишины,
Вскрывает венчик серебристый
При кротком таинстве луны.

Твоя любовь, как луч туманный,
Струит немое волшебство.
И мой цветок благоуханный
Заворожен печалью странной,
Пронизан холодом его.

(1897)

590. ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Эван, эвоэ! Что смолкли хоры?
Восторгом песен теснится грудь.
Манят призывы, томят укоры,
От грез бесплодных хочу вздохнуть.

К чему терзанья, воспоминанья?
Эван, эвоэ! Спешим на пир!
Умолкнут песни, замрут стенанья
Под звон тимпанов, под рокот лир.

Пусть брызжет смело в амфоры наши
Из сжатых гроздий янтарный сок.
Эван, эвоэ! Поднимем чаши,
Наш гимн прекрасен, наш мир высок!

Гремите, бубны, звените, струны,
Сплетемте руки, — нас жизнь зовет.
Пока мы в силах, пока мы юны, —
Эван, эвоэ! Вперед, вперед!

(1898)

591. В НАШИ ДНИ

Что за нравы, что за время!
Все лениво тащут бремя,
Не мечтая об ином.
Скучно в их собраниях сонных,
В их забавах обыденных,
В их веселье напускном.

Мы, застыв в желаньях скромных,
Ищем красок полутемных,
Ненавидя мрак и свет.
Нас не манит призрак счастья,
Торжества и самовластья,
В наших снах видений нет.

Всё исчезло без возврата.
Где сиявшие когда-то
В ореоле золотом?
Те, что шли к заветной цели,
Что на пытке не бледнели,
Не стонали под кнутом?

Где не знавшие печалей,
В диком блеске вакханалий
Прожигавшие года?
Где вы, люди? Мимо, мимо!
Всё ушло невозвратно,
Всё угасло без следа.

И на радость лицемерам
Жизнь ползет в тумане сером,
Безответна и глуха.
Вера спит. Молчит наука.
И царит над нами скука,
Мать порока и греха.

(1898)

592

Я не знаю, зачем упрекают меня,
Что в созданных моих слишком много огня,
Что стремлюсь я навстречу живому лучу
И наветам унынья внимать не хочу.

Что блещу я царицей в нарядных стихах,
С диадемой на пышных моих волосах,
Что из рифм я себе ожерелье плету,
Что пою я любовь, что пою красоту.

Но бессмертья я смертью своей не куплю,
И для песен я звонкие песни люблю.
И безумью ничтожных мечтаний моих
Не изменит мой жгучий, мой женственный стих.

Между 1896 и 1898

593

Есть что-то грустное и в розовом рассвете,
И в звуках смеха, тонущих вдали.
И кроется печаль в роскошно-знойном лете,
В уборе царственном земли.

И в рокот соловья вторгаются рыдания,
Как скорбный стон надорванной струны.
Есть что-то грустное и в радости свиданья,
И в лучших снах обманчивой весны.

Между 1896 и 1898

594. ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРОЗЫ

В душу закралось чувство неясное,
Будто во сне я живу.
Что-то чудесное, что-то прекрасное
Грезится мне наяву.

Близится туча. За нею тревожно я
Взором слежу в вышине.
Сердце пленяет мечта невозможная,
Страшно и радостно мне.

Вижу я, ветра дыхание вешнее
Гнет молодую траву.
Что-то великое, что-то нездешнее
Скоро блеснет наяву.

Воздух темнеет... Но жду беззаботно я
Молнии дальней огня.
Силы небесные, силы бесплотные,
Вы оградите меня!

Между 1896 и 1898

595. ЛИОНЕЛЬ

Лионель, певец луны,
Любит призрачные сны,
Зыбь болотного огня,
Трепет листьев и — меня.

Кроют мысли торжество
Строфы легкие его,
Нежат слух, и дышит в них
Запах лилий водяных.

Лионель, мой милый брат,
Любит меркнувший закат,
Ловит бледные следы
Пролетающей звезды.

Жадно пьет его душа
Тихий шорох камыша,

Крики чаек, плеск волны,
Вздохи «вольной тишины».

Лионель, любимец мой,
Днем бесстрастный и немой,
Оживает в мгле ночной
С лунным светом и — со мной.

И когда я запою,
Он забудет грусть свою,
И прижмет к устам свирель
Мой певец, мой Лионель.

Между 1896 и 1898

596. СОПЕРНИЦЕ

Да, верю я, она прекрасна,
Но и с небесной красотой
Она пыталась бы напрасно
Затмить венец мой золотой.

Многоколонен и обширен
Стоит сияющий мой храм;
Там в благовонии кумирен
Не угасает фимиам.

Там я царица! Я владею
Толпою рифм, моих рабов;
Мой стих, как бич, висит над нею
И беспощаден, и суров.

Певучий дактиль плеском знойным
Сменяет ямб мой огневой;
За анапестом беспокойным
Я шлю хореев светлый рой.

И строфы звучною волною
Бегут послушны и легки,
Свивая избранному мною
Благоуханные венки. . .

Так проходи же! Прочь с дороги!
Рассудку слабому внемли:
Где свой алтарь воздвигли боги,
Не место призракам земли!

О, пусть зовут тебя прекрасной,
Но красота — цветок земной —
Померкнет бледной и безгласной
Пред зазвучавшею струной!

Между 1896 и 1898

597—598. П О Э Т У

1

Если прихоти случайной
И мечтам преграды нет —
Розой бледной, розой чайной
Воплоти меня, поэт!

Двух оттенков сочетанье
Звонкой рифмой славословь:
Желтый — ревности страданье,
Нежно-розовый — любовь.

Вспомни блещущие слезы,
Полуночную росу,
Бледной розы, чайной розы
Сокровенную красу.

Тонкий, сладкий и пахучий
Аромат ее живой
В дивной музыке созвучий,
В строфах пламенных воспой.

И осветит луч победный
Вдохновенья твоего
Розы чайной, розы бледной
И тоску, и торжество.

Эти рифмы — твои иль ничьи,
 Я узнала их говор певучий,
 С ними песни звенят, как ручьи,
 Перезвоном хрустальных созвучий.

Я узнала прозрачный твой стих,
 Полный образов сладко-туманных,
 Сочетаний нежданных и странных
 Арабесок твоих кружевных.

И, внимая напевам невнятным,
 Я желаньем томлюсь непонятым:
 Я б хотела быть рифмой твоей,
 Быть, как рифма, — твоей иль ничьей.

Между 1896 и 1898

599

Посмотри: блестя крылами,
 Средь лазоревых зыбей,
 Закружилася над нами
 Пара белых голубей.

Вот они, сплетая крылья,
 Без преград и без утрат,
 Полны неги и бессилья,
 В знойном воздухе парят.

Им одним доступно счастье,
 Незнакомое с борьбой.
 Это счастье — сладострастье,
 Эта пара — мы с тобой!

Между 1896 и 1898

600. МЕТЕЛЬ

Расстиляет метель
Снеговую постель,
Серебристая кружится мгла.
Я стою у окна,
Я больна, я одна,
И на сердце тоска налегла.

Сколько звуков родных,
Голосов неземных
Зимний ветер клубит в вышине.
Я внимаю — и вот
Колокольчик поет.
То не милый ли мчится ко мне?

Я бегу на крыльцо.
Ветер бьет мне в лицо,
Ветер вздох мой поймал и унес:
«Милый друг мой, скорей
Сердцем сердце согрей,
Дай отраду утраченных слез!

Не смотри, что измят
Мой венчальный наряд,
Что от мук побледнели уста,
Милый друг мой, скорей
Сердцем сердце согрей, —
И воскреснет моя красота».

Жду я. Тихо вдали.
Смолкли звуки земли.
Друг далёко, — забыл обо мне,
Только ветер не спит,
И гудит, и твердит
О свиданьи в иной стороне.

24 апреля 1898

601. В БЕЛУЮ НОЧЬ

Всё спит иль дремлет в легком полусне.
Но тусклый свет виденья гонит прочь.
Тоска растёт — и грудь сжимает мне,
И белая меня тревожит ночь.

Смотрю в окно. Унылый, жалкий вид:
Две чахлые березки и забор.
Вдали поля. Болит душа, болит,
И отдыха напрасно ищет взор.

Но не о том тоскую я теперь,
Что и вдвоем бывала я одна,
Что в мир чудес давно закрыта дверь
И жизнь моя пуста и холодна.

Мне тяжело, что близок скучный день,
Что деревцам густеть не суждено,
Что покосился ветхий мой плетень
И тусклый свет глядит в мое окно.

Июль 1898

602. УТРО НА МОРЕ

Утро спит. Молчит волна.
В водном небе тишина.
Средь опаловых полей
Очертанья кораблей
Тонким облаком видны
Из туманной белизны.

И, как сон, неясный сон,
Обнял море небосклон,
Сферы влажные стеснил,
Влагой воздух напоил.
Всё прозрачней, всё белей
Очертанья кораблей.

Вот один, как тень, встает,
С легкой зыбью к небу льнет.

Сонм пловцов так странно тих,
Лики бледные у них.
Кто они? Куда плывут?
Где воздушный их приют?

День порвал туман завес —
Дня не любит мир чудес.
Вширь раздался небосвод,
Заалела пена вод —
И виденья-корабли
Смутно канули вдали.

Сентябрь 1898
Крым

603

Я люблю тебя, как море любит солнечный восход,
Как нарцисс, к волне склоенный, — блеск и холод
сонных вод.

Я люблю тебя, как звезды любят месяц золотой,
Как поэт — свое созданье, вознесенное мечтой.

Я люблю тебя, как пламя — однодневки-мотыльки,
От любви изнемогая, изнывая от тоски.

Я люблю тебя, как любит звонкий ветер камыши,

Я люблю тебя всей волей, всеми струнами души.

Я люблю тебя, как любят неразгаданные сны:

Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны.

7 марта 1899

604. ЗАКЛИНАНИЕ

Ты лети, мой сон, лети,
Тронь шиповник по пути,
Отягчи кудрявый хмель,
Колыхни камыш и ель.
И, стряхнув цветенье трав
В чаши белые купав,
Брызни ласковой волной
На кувшинчик водяной.

Ты умчись в немую высь,
Рога месяца коснись,
Чуть дыша прохладой струй,
Звезды ясные задуй.
И, спустясь к отрадной мгле,
К успокоенной земле,
Тихим вздохом не шурши
В очарованной тиши.
Ты не прячься в зыбь полей,
Будь послушной, будь смелей
И, покинув гроздя ржи,
Очи властные смежи.
И в дурмане сладких грез,
Чище лилий, ярче роз,
Воскреси мой поцелуй,
Обольсти и околдуй!

20 июня 1899

605

В моем незнании — так много веры
В расцвет весенний грядущих дней;
Мои надежды, мои химеры
Тем ярче светят, чем мрак темней.

В моем молчании — так много муки,
Страданий гордых, незримых слез,
Ночей бессонных, веков разлуки,
Неразделенных, сожженных грез.

В моем безумьи — так много счастья,
Восторгов жадных, могучих сил,
Что сердцу страшен покой бесстрастья,
Как мертвый холод немых могил.

Но щит мой крепкий — в моем незнании —
От страха смерти и бытия.
В моем молчании — мое призванье,
Мое безумье — любовь моя.

1899

606. САЛАМАНДРЫ

Тишина. Безмолвен вечер длинный,
Но живит камин своим теплом.
За стеною вальс поет старинный,
Тихий вальс, грустящий о былом.

Предо мной на камнях раскаленных
Саламандр кружится легкий рой.
Дышит жизнь в движеньях исступленных,
Скрыта смерть их бешеной игрой.

Все они в одеждах ярко-красных
И копьём качают золотым.
Слышен хор их шепотов неясных,
Внятна песнь, беззвучная, как дым:

«Мы — саламандры, блеск огня,
Мы — дети призрачного дня.
Огонь — бессмертный наш родник,
Мы светим век, живем лишь миг.

Во тьме горит наш блеск живой,
Мы вьемся в пляске круговой,
Мы греем ночь, мы сеем свет,
Мы сеем свет, где солнца нет.

Красив и страшен наш приют,
Где травы алые цветут,
Где вихрь горячий тонко свит,
Где пламя синее висит.

Где вдруг неожиданный метеор
Взметнет сверкающий узор
И желтых искр пурпурный ход
Завьет в бесшумный хоровод.

Мы — саламандры, блеск огня,
Мы — дети призрачного дня.
Смеясь, кружась, наш легкий хор
Ведет неслышный разговор.

Мы в черных угольях дрожим,
Тепло и жизнь оставим им.
Мы — отблеск реющих комет,
Где мы — там свет, там ночи нет.

Мы на мгновенье созданы,
Чтоб вызвать гаснущие сны,
Чтоб камни мертвые согреть,
Плясать, сверкать — и умереть».

Между 1898 и 1900

607. НЕ УБИВАЙТЕ ГОЛУБЕЙ

Не убивайте голубей!
Их оперенье белоснежно;
Их воркование так нежно
Звучит во мгле земных скорбей,
Где всё — иль тускло иль мятежно.
Не убивайте голубей!

Не обрывайте васильков!
Не будьте алчны и ревнивы;
Свое зерно дадут вам нивы,
И хватит места для гробов.
Мы не единым хлебом живы, —
Не обрывайте васильков!

Не отрекайтесь красоты!
Она бессмертна без курений.
К чему ей слава песнопений,
И ваши гимны, и цветы?
Но без нее бессилен гений, —
Не отрекайтесь красоты!

1903

608

Во тьме кружится шар земной,
Залитый кровью и слезами,
Повитый смертной пеленой
И неразгаданными снами.

Мы долго шли сквозь вихрь и зной,
И загубели наши лица.
Но лег за нами мрак ночной,
Пред нами — вспыхнула денница.

Чем ближе к утру — тем ясней,
Тем дальше сумрачные дали.
О, сонмы плачущих теней
Нечеловеческой печали!

Да, в вечность ввергнется тоска
Пред солнцем правды всемогущей.
За нами средние века.
Пред нами свет зари грядущей.

1904

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник преследует цель дополнить представление о массовой поэзии 1880—1890-х годов, которой посвящены другие тома Большой серии «Библиотеки поэта». За пределами сборника оставлены поэты того же периода, уже изданные к настоящему времени отдельными сборниками в Большой серии «Библиотеки поэта» (П. Ф. Якубович, А. Н. Апухтин, С. Я. Надсон, К. К. Случевский, К. М. Фофанов, А. М. Жемчужников); не включены в сборник произведения поэтов, вошедших в специальные тома Большой серии: «Революционная поэзия (1890—1917)» (1954), «Поэты-демократы 1870—1880-х годов» (1968), «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» (1959), «И. З. Суриков и поэты-суриковцы» (1966) и др. За пределами сборника оставлены также поэты конца XIX века, имена которых были известны в свое время по одному-двум произведениям, включенным в тот или иной тематический сборник Большой серии (например, В. Мазуркевич как автор слов известного романса «Дышала ночь восторгом сладострастья...», включенного в состав сборника «Песни и романсы русских поэтов», 1965).

Составители настоящего сборника не стремились также ни повторять, ни заменять имеющиеся многочисленные стихотворные антологии, интерес к которым на рубеже XIX—XX веков был очень велик. Наиболее крупные из них: «Избранные произведения русской поэзии» В. Бонч-Бруевича (1894; изд. 3 — 1908), «Русские поэты за сто лет» А. Сальникова (1901), «Русская муза» П. Якубовича (1904; изд. 3 — 1914), «Молодая поэзия» П. Перцова (1895) и др. Во всех этих сборниках поэзия конца века представлена достаточно широко. Следует, однако, заметить, что никаких конкретных целей — ни с тематической точки зрения, ни со стороны выявления каких-либо тенденций в развитии поэзии — составители этих и подобных изданий, как правило, перед собой не ставили.¹ Столь же общий характер имеет

---

¹ Исключение представляет лишь сборник, составленный П. Перцовым и ориентированный, как видно из заглавия, на творчество поэтов начинающих. О трудностях, возникших при отборе имен и определении критериев отбора, П. Перцов подробно рассказал в своих «Литературных воспоминаниях» (М.—Л., 1933, с. 152—190).

и недавняя хрестоматия «Русские поэты XIX века» (сост. Н. М. Гайденков, изд. 3, М., 1964).

В задачу составителей данного сборника входило прежде всего дать возможно более полное представление о многообразии поэтического творчества и поэтических исканий 1880—1890-х годов. Этим и объясняется известная пестрота и «неоднородность» в подборе имен и стихотворных произведений.

Главная трудность заключалась в том, чтобы выбрать из большого количества имен те, которые дали бы возможность составить характерное представление об эпохе в ее поэтическом выражении (с учетом уже вышедших в Большой серии сборников, перечисленных выше, из числа которых на первом месте следует назвать сборник «Поэты-демократы 1870—1880-х годов»).

Для данного издания отобраны произведения двадцати одного поэта.¹ Творчество каждого из них составители стремились представить с возможной полнотой и цельностью. Для этого потребовалось не ограничиваться примерами творчества 1880—1890-х годов, но в ряде случаев привести и стихотворения, созданные в последующие десятилетия — в 1900—1910-е годы, а иногда и в 1920—1930-е годы. В результате хронологические рамки сборника несколько расширились, что позволило отчетливей выявить ведущие тенденции поэтического творчества, складывавшиеся в 1880—1890-е годы, и те результаты, к которым они в конечном итоге привели.

При отборе произведений составители старались избегать «крупных» жанров — поэм, стихотворных циклов, драматических произведений. Несколько отступлений от этого правила сделаны в тех случаях, когда требовалось с большей наглядностью продемонстрировать особенности как творческой эволюции поэта, так и его связей с эпохой. Сюда относятся: Н. М. Минский (драматический отрывок «Последняя исповедь», поэма «Гефсиманская ночь»), П. С. Соловьева (поэма «Шут»), С. А. Андреевский (поэма «Мрак»). В число произведений Д. С. Мережковского включен также отрывок из поэмы «Смерть», а в число произведений Н. М. Минского — отрывок из поэмы «Песни о родине».

В сборник включались преимущественно оригинальные произведения. Переводы помещались лишь в тех случаях, если они были характерны для творческой индивидуальности поэта или если появление их связано было с какими-либо важными событиями общественно-политической жизни (см., например, переводы Д. Л. Михаловского, С. А. Андреевского, А. М. Федорова, Д. П. Шестакова и некоторых других).

В основу расположения материала положен хронологический принцип. При установлении порядка следования авторов приняты во внимание время начала творческой деятельности, период наибольшей поэтической активности и принадлежность к тем или иным литературным течениям. Стихотворения каждого автора расположены в соот-

---

¹ Некоторые поэты, включенные в настоящий сборник, вошли в состав книги «Поэты 1880—1890-х годов», выпущенной в Малой серии «Библиотеки поэта» в 1964 г. (вступительная статья Г. А. Бялого, подготовка текста, биографические справки и примечания Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой).

ветствии с датами их написания. Немногочисленные отступления от этого принципа продиктованы спецификой творчества того или иного поэта. Так, в особые разделы выделены переводы Д. Л. Михаловского и Д. П. Шестакова, сонеты П. Д. Бутурлина.

Даты стихотворений по возможности уточнены по автографам, письмам, первым или последующим публикациям и другим источникам. Даты, указанные в собраниях сочинений, как правило, специально не оговариваются. Даты в угловых скобках означают год, не позднее которого, по тем или иным данным, написано произведение (как правило, это время его первой публикации).

Разделу стихотворений каждого поэта предшествует биографическая справка, где сообщаются основные данные о его жизни и творчестве, приводятся сведения о важнейших изданиях его стихотворений.

Были использованы архивные материалы при подготовке произведений С. А. Андреевского, К. Р., А. А. Коринфского, И. О. Лялечкиной, М. А. Лохвицкой, К. Н. Льдова, Д. С. Мережковского, П. С. Соловьевой, О. Н. Чюминой, Д. П. Шестакова. В ряде случаев архивные разыскания дали возможность не только уточнить дату написания того или иного стихотворения, но и включить в текст сборника никогда не печатавшиеся произведения (ранние стихотворные опыты Д. С. Мережковского, цикл стихотворений К. Н. Льдова, посвященных А. М. Микешиной-Баумгартен). На архивных материалах построены биографические справки об А. Н. Будищеве, А. А. Коринфском, И. О. Лялечкине, Д. М. Ратгаузе, Д. П. Шестакове. Во всех этих случаях даются лишь самые общие указания на архив (ПД, ГПБ, ЛБ и т. д.).¹

Стихотворения печатаются по тем изданиям, в которых текст впервые окончательно установился. Если в последующих изданиях стихотворение перепечатывалось без изменений, эти перепечатки специально не отмечаются. В том случае, когда произведение после первой публикации печаталось без изменений, источником текста для настоящего издания оказывается эта первая публикация и данное обстоятельство в каждом конкретном случае не оговаривается. Специально отмечаются в примечаниях лишь те случаи, когда первоначальная редакция претерпевала те или иные изменения, произведенные автором или возникшие в результате цензурного вмешательства.

Примечания строятся следующим образом: вслед за порядковым номером идет указание на первую публикацию произведения,² затем

---

¹ В биографической справке о Д. П. Шестакове использованы, кроме того, материалы его личного дела, которое хранится в Государственном архиве Татарской АССР (Казань).

² В связи с тем, что в сборник включены произведения представителей массовой поэзии, произведения которых печатались в большом количестве самых разных изданий, как периодических, так и непериодических, не всегда с абсолютной достоверностью можно утверждать, что указанная в настоящем сборнике публикация является первой. Это относится прежде всего к произведениям, приводимым по стихотворным сборникам.

следуют указания на все дальнейшие ступени изменения текста (простые перепечатки не отмечаются), последним обозначается источник, по которому произведение приводится в настоящем издании (он выделяется формулой: «Печ. по...»). Далее следуют указания на различия по сравнению с автографом (или авторским списком), данные, касающиеся творческой истории, историко-литературный комментарий, пояснения малоизвестных реалий и т. п.

Разделы, посвященные А. Н. Будищеву, П. Д. Бутурлину, К. Н. Льдову, Д. С. Мережковскому, Н. М. Минскому, Д. Л. Михаловскому, Д. М. Ратгаузу, П. С. Соловьевой, Д. П. Шестакову, подготовил Л. К. Долгополов; разделы, посвященные С. А. Андреевскому, А. А. Голенищеву-Кутузову, К. Р., А. А. Коринфскому, М. А. Лохвицкой, И. О. Ляleckину, С. А. Сафонову, А. М. Федорову, С. Г. Фругу, Д. Н. Цертелеву, Ф. А. Червинскому, подготовила Л. А. Николаева; раздел, посвященный О. Н. Чюминой, подготовил Б. Л. Бессонов.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

ВЕ — «Вестник Европы».

ВИ — «Всемирная иллюстрация».

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ЖдВ — «Журнал для всех».

ЖО — «Живописное обозрение».

КнНед — «Книжки „Недели“».

ЛБ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ЛН — «Литературное наследство».

ЛПКН — «Ежемесячные литературные приложения к „Ниве“».

МБ — «Мир божий».

Набл. — «Наблюдатель».

НВ — «Новое время».

ОЗ — «Отечественные записки».

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

ПЖ — «Петербургская жизнь».

РБ — «Русское богатство».

РВ — «Русский вестник».

РМ — «Русская мысль».

РО — «Русское обозрение».

СВ — «Северный вестник».

СМ — «Современный мир».

С. А. Андреевский

Стих. 1886 — Стихотворения, 1878—1885, СПб., 1886.

Стих. 1898 — Стихотворения, изд. 2, СПб., 1898.

А. Н. Будищев

Стих. 1901 — Стихотворения, Пб., 1901.

П. Д. Бутурлин

«Сибилла» — Сибилла и другие стихотворения, СПб., 1890.

ДС — Двадцать сонетов, Киев, 1891.

«Сонеты» — Сонеты. Посмертное издание, Киев, 1895.

СПДБ — Стихотворения графа Петра Дмитриевича Бутурлина, собранные и издавшие после его смерти графиней Я. А. Бутурлиной, Киев, 1897.

А. А. Голенищев-Кутузов

ЗиБ — Затишье и буря. 1868—1878, СПб., 1878.

Стих. 1884 — Стихотворения графа А. А. Голенищева-Кутузова, СПб., 1884.

Соч. 1894 — Сочинения графа А. А. Голенищева-Кутузова, т. 1—2, СПб., 1894.

Стих. 1901 — Стихотворения графа А. Голенищева-Кутузова, СПб., 1901.

Соч. 1904 — Сочинения графа А. Голенищева-Кутузова, т. 1—3, СПб., 1904.

А. А. Коринфский

ПС — Песни сердца. Стихотворения. 1889—1893, М., 1894.

ЧР — Черные розы. Стихотворения. 1893—1895, Пб., 1896.

ТЖ — Тени жизни. Стихотворения. 1895—1896. Пб., 1897.

К. Р.

Стих. 1886 — Стихотворения К. Р. СПб., 1886.

Стих. 1889 — Стихотворения К. Р., изд. 2, 1879—1885, СПб., 1889.

НС — Новые стихотворения К. Р. 1886—1888, СПб., 1889.

ТСС — Третий сборник стихотворений К. Р. 1889—1899, СПб., 1900.

Стих. 1911 — Стихотворения К. Р. 1900—1910, СПб., 1911.

Стих. 1913 — Стихотворения К. Р., т. 1—3, СПб., 1913.

М. А. Лохвицкая

Стих., т. 1 — Стихотворения, т. 1, М., 1896.

Стих., т. 2 — Стихотворения. 1896—1898, т. 2, М., 1898.

Стих., тт. 1—5 (с указанием года изд.) — Стихотворения, тт. 1—5, СПб., 1900—1904.

К. Н. Льдов

Стих. 1890 — Стихотворения, СПб., 1890

ЛС — Лирические стихотворения, СПб., 1897.

ОД — Отзвуки души, СПб., 1899.

Д. С. Мережковский

Стих. 1888 — Стихотворения. 1883—1887, СПб., 1888.
НС — Новые стихотворения. 1891—1895, СПб., 1896.
ПСС — Полное собрание сочинений, тт. 22, 23, 24, М., 1914.

Н. М. Минский

Стих. 1883 — Стихотворения. 1877—1882, Пб., 1883.
Стих. 1887 — Стихотворения, СПб., 1887.
Стих. 1896 — Стихотворения, СПб., 1896.
НП — Новые песни, СПб., 1901.
ПСС — Полное собрание стихотворений, тт. 1—4. СПб., 1907.

Д. Л. Михаловский

ИПиОС — Иностранные поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д. Л. Михаловского, тт. 1—2, СПб., 1896.

Д. М. Ратгауз

Стих. 1893 — Стихотворения, Киев, 1893.
«Песни сердца» — Песни сердца. Стихотворения, М., 1896.
ПЛИП — Песни любви и печали, СПб. — М., 1902.
НС — Новые стихотворения, М., 1904.
ПСС — Полное собрание стихотворений, тт. 1—3, СПб. — М., 1906.

С. А. Сафонов

Стих. 1893 — Стихотворения Сергея Сафонова (1892, 1893), изд. «Русского вестника», СПб., 1893.
Стих. 1914 — Стихотворения, СПб., 1914.

П. С. Соловьева

Стих. 1899 — Стихотворения, СПб., 1899.
«Иней» — Иней. Рисунки и стихи, СПб., 1905.
«Последние стихи» — Последние стихи, М., 1923.

А. М. Федоров

Стих. 1898 — Стихотворения, СПб., 1898.
Стих. 1903 — Стихотворения А. М. Федорова, СПб., 1903.
Стих. 1909 — Стихотворения, изд. 2, СПб., 1909.

С. Г. Фруг

Стих. 1885 — Стихотворения, СПб., 1885.
ДнП — Думы и песни. Стихотворения. 1884—1887, СПб., 1887.
Стих. 1889 — Стихотворения. 1881—1889, т. 1, изд. 2, СПб., 1889.
Стих. 1897 — Стихотворения, тт. 1—3, СПб., 1897.

Д. Н. Цертелев

- Стих. 1883 — Стихотворения кн. Д. Н. Цертелева, СПб., 1883.
Стих. 1892 — Стихотворения кн. Д. Н. Цертелева. 1883—1891, М., 1892.
Стих. 1902 — Стихотворения князя Д. Н. Цертелева. 1883—1901, СПб., 1902.

О. Н. Чюмина

- Стих. 1889 — Стихотворения. 1884—1888, СПб., 1889.
Стих. 1897 — Стихотворения. 1892—1897, СПб., 1897.
НС — Новые стихотворения. 1898—1904 (на обл.: т. III), СПб., 1905.
ОВ — Осенние вихри. Стихи, СПб., 1908.

Д. П. Шестаков

- Стих. 1900 — Стихотворения, СПб., 1900.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Д. Л. МИХАЛОВСКИЙ

1. ОЗ, 1876, № 12, с. 456. В наст. изд. приводится с исправленным опечатки во второй строке: «Светл и громок голос твой...». Непосредственным поводом к написанию этого стихотворения послужила, возможно, неудача «хождения в народ» в середине 70-х годов. П. Ф. Якубович, сожалея о том, что ему не удалось «отыскать... его в старых журналах», писал об этом стихотворении: «Оригинальные стихотворения (Михаловского. — *Ред.*) и не многочисленны, и не ярки. Впрочем, одно из них, начавшееся словами:

Протестуй, пока ты в силах,
Свеж и громок голос твой,
Протестуй, пока есть в жилах
Капля крови молодой! —

пользовалось в начале 80-х годов известностью среди молодежи» («Русская муза. Художественно-историческая хрестоматия. Составил П. Якубович», СПб., 1908, с. 326).

2. «Знакомые. Альбом М. И. Семевского», СПб., 1888, с. 140. Здесь стихотворение помещено вслед за автобиографической заметкой Михаловского, датированной 1880 г.

3. ОЗ, 1881, № 10, с. 465. Печ. по ИПиОС, т. 1, с. 186, где помещено в разделе переводов, хотя скорее всего стихотворение является вольной импровизацией, на что, в частности, указывает и подзаголовок (ср. примеч. 4). *Лонгфелло* Генри Вордсворт (1807—1882) — американский поэт-демократ. Михаловский одним из первых русских переводчиков обратился к его наследию и часто использовал темы его произведений для вольных переложений.

4. ОЗ, 1881, № 12, с. 471. Печ. по ИПиОС, т. 2, с. 161. Хотя в ИПиОС помещено в разделе переводов, стихотворение является вольной импровизацией, на что, в частности, указывает и подзаголовок (ср. примеч. 3). В стихотворении отразились политические события 1881 г.: 26—29 марта состоялся суд над народовольцами, убившими 1 марта Александра II. Вл. Соловьев, Л. Толстой обращались к Александру III с призывом о помиловании первомаковцев, однако 3 апреля они были казнены. *Манюэль Эжен* (1823—1907) — французский поэт, после 4 сентября 1870 г. — министр народного образования в правительстве Третьей республики. *Превратим же мечи на орала*. Имеется в виду библейское изречение: «... И перекуют мечи свои на орала и копыя свои на серпы» (кн. Исайи, гл. II, ст. 4).

5. РМ, 1891, № 3, с. 220. При публикации, очевидно, подверглись сокращению начальные строки, скорее всего по цензурным соображениям.

6. ИПиОС, т. 2, с. 221.

7. ИПиОС, т. 2, с. 230.

8. ИПиОС, т. 2, с. 235. Авторский список — ПД.

9. ИПиОС, т. 2, с. 240.

10. ИПиОС, т. 2, с. 259.

Переводы

Генри Лонгфелло

11. «Современник», 1866, № 4, с. 537. Печ. по ИПиОС, т. 1, с. 209. *Лонгфелло* — см. примеч. 3. Перевод Михаловского впервые ознакомил русского читателя с «Песней о Гайавате», опубликованной на языке оригинала в 1855 г. и сразу получившей мировую известность. Всего Михаловский перевел 11 глав и вступление (из 21 главы подлинника). Посылая Некрасову для «Современника» перевод «Пролога» и главы «Трубка мира», Михаловский сопроводил его объяснительными примечаниями, в которых рассказал о характере этого произведения, особенностях содержания, связи с индийским фольклором и особо подчеркнул, что осуществляет перевод «размером подлинника» (ЛН, т. 51-52, М., 1949, с. 394). Перевод Михаловского был высоко оценен Некрасовым, сейчас же приступившим к его публикации, и другими современниками. И. А. Бунин, впоследствии заново переведивший «Песнь о Гайавате», широко использовал ритмиконтонационную и стилистическую систему перевода Михаловского.

Фердинанд Дранмор

12—13. ЛН., т. 51-52, М., 1949, с. 398. Автограф — в письме к Н. А. Некрасову от 15 августа 1875 г., в котором речь идет о поэме «Вальс демонов» как «нецензурной, хотя по местам весьма поэти-

ческой» (ПД). *Фердинанд Дранмор* — псевдоним швейцарского поэта Людвиг Фертинанда фон Шмида (1823—1888), писавшего на немецком языке. Михаловскому принадлежит большое количество переводов его произведений.

И. М. МИНСКИЙ

14. ВЕ, 1878, № 2, с. 672, в составе цикла «Думы и грезы». Печ. по ПСС. т. 1, с. 123.

15. ВЕ, 1878, № 11, с. 5. По воспоминаниям А. В. Амфитеатрова, это стихотворение пользовалось большой популярностью среди молодежи (см.: «Россия», 1900, 24 апреля).

16. Стих. 1883, с. 9, в составе четырех строф. Печ. по ПСС, т. 1, с. 77. В Стих. 1883 дополнительная третья строфа:

Своим врагам прощал ты тьму обид и зол.
То ль кротость ангела или раба смиренье?
Кто ты: иль мученик, иль просто глупый вол,
Что полюбил ярмо, пэбон и презренье?
Прошли века с тех пор, как ты, отяжелев,
Заснул глубоким сном. Но кто ты: спящий лев
Или старик больной, беспомощный и хилый,
Проспавший жар души, и молодость, и силы?

17. ВЕ, 1879, № 4, с. 766. Печ. по ПСС, т. 1, с. 124. Положено на музыку А. Г. Рубинштейном, С. Волконским и др.

18. «Народная воля», 1879, 1 октября, без подписи, с подзаг.: «Отрывок из драмы» и посвящением: «Посвящается казненным». Печ. по ПСС, т. 1, с. 46. Одновременно с произведением Минского в «Народной воле» было опубликовано сообщение о казни народовольца С. Я. Виттенберга и было помещено его предсмертное письмо. Сюжет «Последней исповеди» послужил Репину темой для картины «Отказ от исповеди перед казнью» (1882). Картина эта была подарена в 1886 г. Репиным Минскому, а у него куплена затем П. М. Третьяковым для своей коллекции (см.: И. Грабарь, Репин, т. 1, М., 1937, с. 245). Впоследствии, уже перейдя на позиции «нового искусства», Минский в статье «Картины и эскизы И. Е. Репина» дал отрицательную оценку творчеству художника 1880-х годов (см.: СВ, 1897, № 2, с. 228). *Голгофа* — гора, на которой, согласно евангельской легенде, был распят Христос.

19. ВЕ, 1879, № 11, с. 272; Стих. 1887, с. 75, с посвящением С. А. Венгеру. Печ. по ПСС, т. 1, с. 1. С. А. Венгеров вспоминал впоследствии: «Стихотворения быстро создали Минскому очень большую популярность. Особенный успех выпал на долю „Белых ночей“» («Русская литература XX века, под ред. С. Венгерова», т. 1, М., 1914, с. 358). Особое внимание обратил на эту поэму И. С. Тургенев. Озна-

комившись с нею по ВЕ, он писал редактору журнала М. М. Стасюлевичу: «Нет никакого сомнения, что Минский настоящий, своеобразный талант: насколько в нем разовьется его сила, это покажет будущее. . . Я от души приветствую этот новый симпатический талант — и желаю ему всяческого преуспевания» (И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Письма, т. 12, кн. 2, Л., 1967, с. 170—171). Тургенев сделал ряд стилистических замечаний по тексту поэмы, которые, очевидно, были переданы Минскому и частично приняты им, ибо все последующие перепечатки поэмы несут на себе следы стилистической правки. *Я вырос в ужасах години безотрадной* и т. д. Очевидно, намек на жестокое подавление польского восстания, свидетелем которого Минский мог оказаться в раннем детстве. *Голгофа* — см. примеч. 18.

20. ВЕ, 1879, № 4, с. 764, в цикле «Тучки». В обзорной статье «Русского курьера» (1879, 18 декабря) стихотворение «Поэту» было приведено полностью в подтверждение мысли о том, что, «несмотря на общий грустный тон и на некоторую невыдержанность формы, стихотворения г. Минского производят очень отрадное впечатление».

21. ВЕ, 1880, № 11, с. 151, с цензурным изъятием ст. 17—20. Печ. по ПСС, т. 1, с. 37. *Праздник на чужбине* — годовщина французской буржуазной революции, отмечается ежегодно 14 июля (день взятия Бастилии). *Венчанная жена* — статуя «Торжество республики», установленная в Париже в 1840 г. в честь революции 1830 г. *Тантал* (греч. миф.) — царь Лидии, обреченный богами на вечные муки голода и жажды в подземном царстве мертвых. *И грудью ураган не ты ли задержала*. Имеется в виду нашествие орд Чингисхана в XIII в., когда Древняя Русь задержала дальнейшее продвижение завоевателей и тем спасла европейскую цивилизацию; возможно, навеяно известным высказыванием Пушкина. Влиянием Пушкина отмечены ст. 63—66 (ср. «Полтава», песнь 3, ст. 243—246).

22. РМ, 1882, № 10, с. 291, с подзаг.: «Прощание»; Стих. 1887. Печ. по ПСС, т. 1, с. 25 (главки 1—4). Главка 5 печ. по тексту РМ (во всех последующих перепечатках она подверглась цензурным искажениям); ст. 15 восстанавливается предположительно по смыслу (это чтение предложено в кн.: «История русской поэзии», т. 2, Л., 1969, с. 245). В наст. изд. печатается наиболее значительная из трех песен поэмы, представляющая собой вольное подражание М. Ю. Лермонтову (ср. «Дума», «Прощай, немытая Россия. . .» и др.). *Героев горсть* и т. д. Имеются в виду революционеры-народники.

23. Стих. 1883, с. 1, в составе пяти строф, под загл. «Посвящение» и с посвящением: «Юлии Безродной» (Ю. Яковлевой, первой жене Минского). Печ. по ПСС, т. 1, с. 141. В Стих. 1883 дополнительная вторая строфа:

И, может быть, мой друг, столь бледные цветы
Не стоило труда собрать в букет невзрачный. . .
Я был рожден певцом любви и красоты.

Увы, зачем рожден я в век больной и мрачный!
Вы, кроткие мои, вы, грустные мечты!
Сомнения-коршуны из сердца вас изгнали
И свили в нем гнездо — и сердце истерзали. . .

Я с детства слышал крики Вражды и мук и т. д. Очевидно, намека на подавление польского восстания.

24. «Пушкинский сборник (в память столетия со дня рождения поэта)», СПб., 1899, с. 34, под загл. «Искушение»; Печ. по НП, с. 1. Отрывок из поэмы (ст. 315—330) напечатан как самостоятельное стихотворение под загл. «Самоотречение» в Стих. 1896 и после этого неоднократно включался как в сборники Минского, так и в различные антологии и хрестоматии. Представленная в мае 1884 г. в цензуру, поэма «Гефсиманская ночь» была запрещена к печати Комитетом духовной цензуры на том основании, что «содержание стихотворения не согласно с евангельским сказанием о последних днях земной жизни Христа Спасителя и самое душевное его состояние во время моления в Гефсиманском саду представлено под видом искушения Иисуса Христа злым духом в таких поэтических образах, которые недостойны величия и святости божественного испукителя» (ПД). Получившая широкое распространение в списках, поэма воспринималась современниками по-разному. В. В. Вересаев, например, увидел в ней разочарование в народнических идеалах. Он писал: «Сильное впечатление производила поэма Минского «Гефсиманская ночь», запрещенная цензурой и ходившая в бесчисленных списках. . . Трясущего веру в свой подвиг Христа поддерживает ангел, который поет ему о «счастье жертвы». . . Не нужно раздумывать над тем, будет ли польза от жертвы. Высшее счастье в жертве, как таковой. . . Великое требовалось разуверение, чтобы прийти к культуре такой жертвы» («Русская литература XX века, под ред. С. Венгерова», т. 1, М., 1914, с. 141). Наоборот, обращение к совести человека, попытку пробудить ее увидел в поэме И. Е. Репин. Ознакомившись с ней, он писал Минскому: «Большое спасибо Вам за «Гефсиманскую ночь». Какая сильная вещь! Как сильна вообще литература! Какие острые жгучие стрелы подвластны ей! Какое счастье, что у нас толстая кожа, а под ней свиное сало и, не уязвленные, мы живем себе припеваючи» (ПД). Не исключено, что именно о «Гефсиманской ночи» идет речь и в письме А. Л. Вольнского Минскому (без даты), где сообщается, что «поэма. . . нравится» Н. С. Лескову, который читал ее «шесть раз» (ПД). *Гефсимания* — название селения, где Христос, согласно евангельскому преданию, провел ночь после Тайной вечери, скорбя и молясь, и где он был взят стражей. Понтий *Пилат* — римский прокуратор (наместник) провинции Иудея с 26 по 36 г.; согласно преданию, санкционировал смертный приговор Христу. *Гетера* — в Древней Греции образованная незамужняя женщина, ведущая свободный образ жизни. *Цитра* — старинный струнный щипковый музыкальный инструмент. *Масличная гора* — гора в окрестностях Иерусалима. *Иосафат* — легендарная долина в районе Иерусалима. *Седой старик* — *Хозяин пира* — папа Александр VI (Родриго-Ленцуоли Борджиа, 1442—1503), вошедший в историю своим вероломством, жестокостью и безнравственным образом жизни; он раз-

вратил и сделал любовницей свою дочь Лукрецию, отравив ее женой. *Сын его* — Чезаре Борджиа (1474—1506), помогал отцу в его злодеяниях. «*Да идет чаша эта мимо*» — перефразированные слова Христа, сказанные им в Гефсиманском саду: «*Да минет меня чаша сия*» (Еванг. от Матфея, гл. XXVI, ст. 39). *Старик бесстрашный, Как нищий, в рубище одет*. Очевидно, имеется в виду великий инквизитор Испании Томасо Торквемада (1420—1498), известный своим религиозным фанатизмом и жестокостью. *Хоругви* — церковные знамена со священными изображениями, выносившиеся в особо торжественных случаях. «*Не так, как я хочу, а так, как хочешь ты*» — слова Христа, обращенные, согласно Евангелию, к богу во время моления в Гефсиманском саду (Еванг. от Матфея, гл. XXVI, ст. 39).

25. ВЕ, 1885, № 11, с. 184, под загл. «В минуту скорби»; Стих. 1896 под загл. «Nocturno». Печ. по ПСС, т. 1, с. 234.

26. ВЕ, 1885, № 12, с. 818, без загл.; Стих. 1887. Печ. по ПСС, т. 1, с. 238.

27. ВЕ, 1886, № 4, с. 735, под загл. «Другу»; Стих. 1887. Печ. по ПСС, т. 1, с. 248.

28. Стих. 1887, с. 189. Здесь помещено в качестве заключения ко всем разделам сборника. В этом стихотворении отразились некоторые положения создаваемой Минским в это время идеалистической теории «мэонизма», изложенной им вскоре в книге «При свете совести» (СПб., 1890). Многочисленные рецензии на сборник Минского отмечали прежде всего это стихотворение, сразу же получившее широкую известность. О. Миллер писал, что оно, «по содержанию своему отвлеченное, то есть, по-видимому, не поэтическое, производит, однако, в своем роде эстетическое впечатление и особою мелодией стиха, и своими, до известной степени, осязательными очертаниями» (РМ, 1888, № 1, с. 61). Стихотворение это высоко ценил и знал наизусть Брюсов (см.: П. Перцов, Литературные воспоминания, М.—Л., 1933, с. 224). Блок отметил, что здесь Минский «перестал кутаться в буафорский плащ», благодаря чему это стихотворение «и немногие ему подобные могут быть поставлены наряду с лучшими стихами его современников...» (А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 284). Вместе с тем отмечалось, что в нем запечатлелся поворот поэтического мироощущения Минского в сторону «новых настроений», «символизма». С несколькими рецензиями на сборник 1887 г. выступил А. Волынский, отметивший, что в авторе стихотворения «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...» «трудно узнать автора «Песен о родине», «На чужом пиру» и др.» («Русские ведомости», 1887, № 301). Он говорил также о том, что здесь раскрылось «философское настроение поэта, враждебное реалистическому духу века... Жажда счастья, которых нет, вечный и несуществующий мир — вот та философски обоснованная двойственность, которая стала вдохновляющим мотивом его лучших поэтических произведений» (СВ, 1896, № 2, с. 74).

29. Набл., 1888, № 3, с. 74, с подзаг.: «С итальянского»; Стих. 1896, с подзаг.: «Из Гаргаю». Печ. по ПСС, т. 1, с. 83, с восстановле-

нием по тексту Набл. строфы 2, изъятая, очевидно, по цензурным соображениям. *Октава* — строфа из восьми строк с рифмовкой по схеме: *ababaccs*. В русской поэзии употреблялась по преимуществу в стихах пейзажных и медитативных (напр., «Осень» Пушкина, «Октава» Майкова и др.). Минский одним из первых использовал октаву в гражданской поэзии.

30. «Красный цветок. Литературный сборник в память В. М. Гаршина», СПб., 1889, с. 8; Стих. 1896. Печ. по ПСС, т. 1, с. 168. В первой публикации ст. 21—23:

Нет лучших, кем оно гордилось и блистало,
Кто страстным словом мог отчизне послужить:
Давно ль угас Надсон? Теперь тебя не стало...

Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888) — один из наиболее значительных прозаиков второй половины XIX века; его трагическая судьба привлекала к себе внимание общества: болезненно воспринимая социальные пороки, он заболел глубоким психическим расстройством и кончил самоубийством. Похороны Гаршина вызвали волну общественного сочувствия. Стихотворение Минского было прочтано им на кладбище при погребении Гаршина. О впечатлении от этого чтения вспоминал Репин в своих заметках о Гаршине (см.: И. Репин, Далекое близкое, 1961, с. 360). *Грустный вымысел, рассказанный тобою*. Имеется в виду рассказ Гаршина «Красный цветок», в котором повествуется о жизни обитателя сумасшедшего дома и его трагической попытке разрушить мировое зло. *Как тот певец больной*. Имеется в виду С. Я. Надсон (см. о нем примеч. 52, 57).

31. СВ, 1893, № 2, с. 203. Положено на музыку А. Гольденвейзером (1902). *Коран* — священная книга мусульманской религии. *Лама* — высший жрец ламаистской религии, распространенной в Тибете и других областях Центральной Азии.

32. СВ, 1895, № 10, с. 214, в цикле «Сердечные мотивы».

33. Стих. 1896, с. 1. Стихотворение имело здесь программный характер: открывало сборник и было набрано курсивом. Эпиграф — из «Божественной комедии» Данте («Чистилище», песнь 1, ст. 71); в переводе М. Лозинского: «Он восхотел свободы, столь бесценной».

34. СВ, 1896, № 12, с. 66, под загл. «Осенняя мелодия». Печ. по ПСС, т. 4, с. 193.

35. СВ, 1896, № 3, с. 262.

36—41. Печ. впервые по рукописи (ПД), за исключением эпиграммы № 2, которая опубликована в Стих. 1883, с. 38. В ПД обнаружено большое количество эпиграмм Минского, относящихся главным образом к 1880—1890-м годам. Адресат эпиграммы № 4 не обна-

ружен. Эпиграмма № 5 адресована Минским самому себе. 5. *Мэон* — термин созданной Минским идеалистической теории «мэонизма» (см. примеч. 28 и биогр. справку, с. 85), обозначающий нечто реально не существующее, но глубоко желанное, стремление к достижению которого лежит в основе всей жизнедеятельности человека. 6. *Владимира отдал и взявши Поликсену*. Имеется в виду тот факт, что активным сотрудником ВЕ был Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900), а после его смерти по случайному стечению обстоятельств сотрудничать в журнале стала его сестра Поликсена Соловьева (см. о ней биогр. справку, с. 356).

42. НП, с. 23. В основу этической концепции стихотворения легли некоторые положения книги Минского «При свете совести» (СПб., 1890): утверждение «морального» и «исторического» равноправия путей добра и зла.

43. «Ежемесячные сочинения», 1901, № 9, с. 16.

44. «Новая жизнь», 1905, № 12, 13 ноября. Печ. по ПСС, т. 1, с. 118. Стихотворение явилось следствием увлечения Минского революционными настроениями в 1905 г. Оно получило широкую известность как в кругах революционных, где к нему отнеслись сочувственно, так и в кругах, враждебных революции, где о нем отзывались скептически. В период бурных событий 1905—1906 гг. в России была выпущена почтовая открытка с полным текстом этого стихотворения, строки которого приобрели значение лозунгов. С другой стороны, Мережковский писал по этому поводу жене Минского: «...Умоляю Вас... будьте тверды, решительны и извлеките Н(иколая) М(аксимовича) как можно скорее из социаль-демократического болота! «Гимн рабочих» меня огорчил: «Из развалин, из пожарищ» — ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама» («История русской поэзии», т. 2, Л., 1969, с. 284). Менее враждебно, но тоже скептически отнесся к стихотворению В. Я. Брюсов, отметивший его формальное несовершенство; стихотворение, по мнению Брюсова, доказывает, что Минский «еще не научился писать из ряда вон плохо». По поводу ст. 5—6 Брюсов язвительно заметил: «Образ рати, ставшей цепью вокруг земного шара, хотя бы по экватору, и, по знаку, шествующей вперед, т. е. к одному из полюсов, где все должны стукнуться лбами, — высоко комичен. По счастью, пролетарии не приняли ни предложения г. Минского, ни его гимна» (В. Брюсов, *Далекие и близкие*, М., 1912, с. 53). «Безвкусными» и «трескучими» назвал стихи «Гимна рабочих» Блок, сказавший, что автор в этом стихотворении «кутается в бутафорский плащ» (А. Блок, *Собр. соч. в восьми томах*, т. 5, М.—Л., 1962, с. 281, 284). З. А. Венгерова в дневниковой записи 1920 г. передает рассказ о том, что в разрушенной часовне на могилевском вокзале, на месте, где находилась раньше икона, местным агитотделом была вставлена доска и на ней вырезаны строки первой строфы «Гимна рабочих» (ПД).

45. ПСС, т. 1, с. 163. *Митра* — головной убор высшего духовенства.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

46. Печ. впервые по писарской копии (ПД, архив Мережковского). В автобиографической заметке Мережковский сообщил: «Лет тринадцати начал писать стихи... Отец гордился ими, отдавал их переписывать и показывал знакомым» (ПСС, т. 24, с. 109—111). Из тетрадей с писарскими копиями этих ранних стихотворений сохранилась одна (не полностью), по которой в настоящем издании приводятся два стихотворения. *Смело в битву!.. Не бесцельно Там прольется наша кровь* — переложение строк из стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин»:

Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

47. Печ. впервые по писарской копии (ПД, архив Мережковского). Стихотворение, возможно, сохранилось не полностью: оно написано на последнем листе тетради, конец которой, по-видимому, утрачен (см. примеч. 46).

48. ОЗ, 1884, № 1, с. 261, без загл., с начальными строками, исключенными в последующих публикациях; Стих. 1888. Печ. по ПСС, т. 22, с. 5. В ОЗ начальные строки:

Не говори, что жизнь ничтожна и пуста,
Что только в мире грез возможно совершенство
И чистых радостей минутное блаженство,
Что счастье на земле — безумная мечта.

Вероятно, об этом стихотворении Мережковский сообщал Надсону в письме от 17 декабря 1883 г.: «Кое-что написал. Плещееву понарилось настолько, что он обещал его куда-то сунуть. Я его Вам не посылаю, потому что страшно: вдруг разругаете» (ПД). Эпиграф из Библии (кн. Исаяи, гл. LVIII, ст. 10).

49. ВЕ, 1884, № 8, с. 508, в составе десяти строф; Стих. 1888. Печ. по ПСС, т. 22, с. 8. В ВЕ после строфы 3 было:

Жить ли мне одною мыслью смелой,
Высоко, как царственный орел,
Победив коснеющее тело
И стихий гнетущий произвол,

Чтоб мой дух в стремленьи горделивом,
От всего земного отрешен,
Охватив весь мир одним порывом,
Просиял, любовью озарен?

Но объятья страшных упоений
Манят счастья жаждущую плоть,
Но соблазн греховных обольщений
Я ничем не в силах побороть!

50. РМ, 1884, № 10, с. 122. Печ. по ПСС, т. 22, с. 7. В РМ после ст. 24:

И, смирясь, эдем его цветущий
Бирюзой обнимет океан;
Встанут к небу пальмовые кущи,
И падет сплошная сеть лиан.

После ст. 28:

О, пускай лишь атом я бессильный
Божеством задуманных миров, —
Положу хоть камень свой могильный
Я в основу будущих веков. . .

51. РМ, 1884, № 5, с. 351.

52. ВЕ, 1885, № 7, с. 249. Мотивы этого стихотворения близки к поэтическим темам С. Я. Надсона (1862—1887), к которому Мережковский относился с большим уважением. Жалобы на тоску и бесцветность жизни наполняют письма Мережковского этого времени. В письме от 20 марта 1883 г. Мережковский жалуется Надсону: «Вы знаете, Семен Яковлевич, как бесцветна и уныла моя жизнь. . . Я в последнее время грущу, как никогда. . . Положительно, я делаюсь pessimистом». Причину такого угнетенного состояния он объясняет невозможностью «бороться с пороком»: «. . . не то чтобы сил не хватило; но они скованы самым, по-видимому, ничтожным на самом деле непреодолимым препятствием» — неверием в себя и свои силы (ПД). См. также примеч. 30, 57.

53. РМ, 1885, № 8, с. 84.

54. Стих. 1888, с. 265.

55. ВЕ, 1886, № 2, с. 852, с подзаг.: «Буддийское предание». Печ. по ПСС, т. 22, с. 129. Одно из наиболее популярных стихотворных произведений Мережковского, неоднократно включавшееся в различные антологии и альманахи. *Сахья-Муни* (или *Шакья-Муни*) — букв.: мудрец из рода Сахья; согласно древнеиндийским преданиям, имя Будды, верховного божества и основателя религии буддизма. *Ганг* — река в Индии, воды которой с древних времен считаются священными.

56. ВЕ, 1886, № 5, с. 352.

57. «С. Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта», СПб., 1887, с. 164, без загл. и подзаг., с редакционной пометой: «Читано на литературном вечере в память С. Я. Надсона в Петербурге, 27 февраля 1887 года». Печ. по ПСС, т. 22, с. 153. Автограф — ПД. Семен Яковлевич *Надсон* (1862—1887) умер 24-х лет и в многочисленных поминальных статьях его судьба уподоблялась судьбам других русских поэтов — Лермонтова, Кольцова. Так, в статье А. Скабичевского («Новости», 1887, № 19, 20 января) говорилось: «Если вообще талантливые писатели на Руси не отличаются долговечностью, то над поэтами тяготеет у нас какой-то особенный фатум — умирать преждевременной смертью». Знакомство Мережковского с Надсоном состоялось в 1880 г. По свидетельству

И. Щеглова, «первый дебют Мережковского в «Отечественных записках», редактируемых М. Е. Щедриным, состоялся исключительно благодаря С. Я. Надсону, принимавшему близко к сердцу малейшие проблески чужого дарования. А в то время попасть в «Отечественные записки не так-то легко было. . .» («Слово», 1907, № 52, 19 января). Надсон посвятил свое стихотворение «Муза» (1883) Мережковскому, которого считал своим «братом по страданию» (С. Я. Надсон, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1962, с. 447). См. также примеч. 30, 52.

58. СВ, 1887, № 12, с. 94. Печ. по ПСС, т. 22, с. 74. Автограф ПД, с зачеркнутыми строками, после ст. 4:

[В этот миг торжественный, безмолвный,
В темноте, как море, широка,
С мерным шумом царственные волны
Катит вдаль могучая река.]

После ст. 12:

[Сердце в грезы перестало верить,
Для него — ни бога, ни чудес,
И очами страшно мне измерить
Глубину безжизненных небес.]

59. Набл., 1887, № 8, с. 34.

60. КнНед, 1887, № 8, с. 405.

61. ВЕ, 1887, № 7, с. 183.

62. СВ, 1887, № 11, с. 212. Печ. по ПСС, т. 22, с. 21. Автограф под загл. «Родина» — ПД.

63. СВ, 1887, № 9, с. 44. Положено на музыку Н. А. Соколовым.

64—65. СВ, 1890, № 2, с. 74; № 3, с. 73, в составе драмы под загл. «Сильвио» (переименованной впоследствии в «Возвращение к природе»). Печ. по ПСС, т. 23, с. 204, 227. Оба эти стихотворения при жизни автора печатались как в составе драмы, так и в виде самостоятельного цикла. Во втором стихотворении использована широко распространенная в искусстве на рубеже веков тема шута и смерти (см., например, картину К. А. Сомова «Арлекин и смерть» — «Золотое руно», 1908, № 11-12). *Митра* — см. примеч. 45. *Тиара* — головной убор восточных царей, жрецов, а также римских пап; символ высшей власти. *Векша* — белка. *Но бессмертна лишь глупость людская* — переделка строки Ф. И. Тютчева «Бессмертная пошлость людская» из стихотворения «Чему молилась ты с любовью. . .».

66. СВ, 1888, № 4, с. 26.

67. СВ, 1889, № 5, с. 150.

68. СВ, 1890, № 12, с. 332.

69. СВ, 1891, № 3, с. 172. Печ. по ПСС, т. 23, с. 50. Последние две строфы в качестве самостоятельного стихотворения под загл. «Morituri» напечатаны также в кн.: Д. Мережковский, Собрание стихотворений, М., 1904 и перепечатаны в ПСС, т. 22. Публикуемый текст представляет собой строфы 61—68 второй песни поэмы «Смерть». «*Salutant, Caesar Imperator, te morituri!*» — переделка латинской фразы: «*Ave Caesar, morituri te salutant!*» («Слався, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» — клич римских гладиаторов при выходе на арену).

70. РМ, 1892, № 1, с. 103. Написано после возвращения Мережковского в конце 1891 г. из заграничной поездки (см.: ПСС, т. 24, с. 114).

71. СВ, 1892, № 10, с. 292. *Парки* (римск. миф.) — богини судьбы. Обычно изображались в виде трех сестер, сидящих за пряжей, которая символизировала течение человеческой жизни.

72. РМ, 1893, № 10, с. 118. *Ювенал Децим Юний* (ок. 60—140) — древнеримский поэт-сатирик. *Лега* (греч. миф.) — река забвения, протекающая в подземном царстве.

73. «Нива», 1893, № 49, с. 11.

74. «Труд», 1893, № 2, с. 347.

75. РМ, 1894, № 9, с. 204, в составе 28 строк, под загл. «Пред зарею», с эпиграфом: «Никакие мучения не могут истребить в сердцах людей потребность свободы. Лопе де Вега»; «Молодая поэзия. Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов», СПб., 1895; НС. Печ. по Собр. стих., М., 1904, с. 5. Автограф — ПД. В РМ ст. 11: «Мы, как ранние протечи»; после ст. 16:

Наши гимны, наши стоны,
Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты.

Мы — соблазн неуголенных,
Мы — посмешнице людей,
Искра в пепле оскорбленных
И потухших алтарей.

«Дети ночи» — программное стихотворение, выразившее взгляды Мережковского на эпоху и задачи своего поколения, изложенные им, в частности, в кн. «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893): «Мы должны вступить из

периода поэзии творческого, непосредственного и стихийного в период критический, сознательный и культурный. Это два мира, между которыми целая бездна. Современное поколение имело несчастье родиться между этими двумя мирами, перед этой бездной. Вот чем объясняется его слабость, болезненная тревога, жадное искание новых идеалов и какая-то роковая бесплодность всех усилий... Сколько людей погибает в этом переходе или окончательно теряет силы» (с. 74, 100). Первая редакция стихотворения, опубликованная в РМ и НС, получила известность как манифест декадентского искусства. Автор одного из библиографических обзоров отмечал: «...погоня за новизной в духе модного оригинальничания превращает г. Мережковского в печального приспешника клики декадентов, относительно которых в настоящее время среди образованных читателей не может быть разногласия» (ЛПКН, 1896, № 9, с. 210). Даже сторонники Мережковского отмечали сравнительно невысокий художественный уровень и внутреннюю противоречивость этого стихотворения. «При сознательном стремлении автора ко всему, что смело и дерзновенно, — писал А. Волюнский, — в этом стихотворении его нет тех ярких образов, которые сами по себе выражали бы душевное дерзновение и поэтический экстаз, порывающийся за черту отживающих рутинных законов» (А. Волюнский, Борьба за идеализм, СПб., 1900, с. 374). Бунин, вспоминая в 1927 г. время своего вхождения в литературу в 1890-е годы, отметил это стихотворение как показатель эпохи: «Я увидел сразу четыре литературные эпохи: с одной стороны — Григорович, Жемчужников, Толстой; с другой — редакция «Русского богатства», Златовратский; с третьей — Эртель, Чехов; а с четвертой — те, которые, по слову Мережковского, уже „преступали все законы, нарушали все черты“» (И. А. Бунин, Собр. соч., т. 9, М., 1967, с. 279).

76. ЛПКН, 1894, № 5, с. 26.

77. СВ, 1894, № 11, с. 108.

78. «Нива», 1894, № 52, с. 6.

79. СВ, 1895, № 10, с. 96. Печ. по ПСС, т. 22, с. 172. Автограф с датой: «19 августа 1895. Рошино» — ПД.

80. СВ, 1895, № 4, с. 110.

81. СВ, 1895, № 12, с. 24.

82. СВ, 1895, № 5, с. 250, с ошибочной, по-видимому, датой: «1893». Печ. по ПСС, т. 22, с. 140. *Леонардо да Винчи* (1452—1519) — итальянский ученый и художник, представлял собой образец разносторонне одаренной личности, типичной для эпохи Возрождения. В 1890-е годы Мережковский работает и над романом о Леонардо да Винчи, который печатает в 1901 г. под загл. «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (в виде второй части трилогии «Христос и Антихрист»). *Сфинкс* (греч. миф.) — чудовище с туловищем льва и головой жен-

щины, уничтожавшее всех, кто не мог ответить на его вопросы; иносказ. — загадочное существо.

83. НС, с. 51.

84. «Северные цветы на 1902 год», М., 1902, с. 105. Стихотворение это высоко ценил Блок, считая его лучшим произведением Мережковского: «Здесь как бы навеки дал Мережковский расписку в том, что он художник» (А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 366). Положено на музыку Р. Мервольфом.

85. «Мир искусства», 1901, № 5, с. 193.

86. «Северные цветы на 1902 год», М., 1902, с. 103.

Е. Н. ЛЬДОВ

87. СВ, 1888, № 6, с. 122.

88. Стих. 1890, с. 200.

89. Стих. 1890, с. 88, без последнего слова в ст. 15, замененного (очевидно, по требованию цензуры) многоточием. Печ. по «Избранные произведения русской поэзии. Составил В. Бонч-Бруевич», изд. 3, СПб., 1908, с. 186. *Кармелиты* — католический монашеский орден, основанный в эпоху крестовых походов.

90. Стих. 1890, с. 71. *Спиноза* Бенедикт (1632—1677) — философ, один из наиболее значительных представителей метафизического материализма; был изгнан из еврейской общины г. Амстердама за то, что в своей философии и жизненном поведении вышел далеко за пределы кастовых взглядов и интересов. Ф(лексер) Аким Львович (1863—1926) — литературный критик, выступал под псевдонимом «А. Волинский». В 1880-е годы А. Волинский и Л. Я. Гуревич готовили к изданию «Переписку Бенедикта де Спинозы», к которой было приложено «Жизнеописание Спинозы», составленное И. Колерусом (книга вышла в свет в конце 1890 г., хотя на титульном листе обозначен 1891 г.). Очевидно, Льдов познакомился с «Жизнеописанием», перевод которого был осуществлен А. Волинским, до появления книги в печати. Материалом для стихотворения послужил рассказ, содержащийся в «Жизнеописании». Льдов сохраняет во всем верность этому рассказу, повторяя его и в подстрочном примечании. Он только вводит от себя имя возлюбленной Спинозы — Олимпия: в жизнеописании И. Колеруса имени девушки нет вообще, в других биографиях Спинозы называется то Олимпия, то Клара-Мария. *Крез* — полупоэтический правитель Лидии (ок. 560—546 до н. э.), обладал, по преданию, несметными богатствами. *И дождь рассыпал золотой*. Имеется в виду древнегреческий миф о Данае, к которой Зевс проник в виде золотого дождя.

91. Стих. 1890, с. 193.

92. СВ, 1889, № 5, с. 102.

93. Стих. 1890, с. 95.

94. Стих. 1890, с. 197.

95. СВ, 1889, № 10, с. 88.

96. СВ, 1889, № 10, с. 88.

97. Стих. 1890, с. 161.

98. Стих. 1890, с. 163.

99. Стих. 1890, с. 173, в составе пяти строф. Печ. по ЛС, с. 41.
В первой публикации строфа 3:

Они рождаются не юны,
И не живут, а умирают,
И если есть в их сердце струны,
Они, глумясь, их обрывают! . .

Темой стихотворения послужила строфа 5 стихотворения Тютчева
«Не то, что мните вы, природа. . .»:

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат
И жизни нет в морских волнах.

100. СВ, 1892, № 10, с. 256, в составе шести строф. Печ. по ЛС,
с. 108. В СВ строфы 5—6:

И тайный голос размышленья
Звучит унылою струной:
Людей и листьев поколенья
Родятся с каждою весной.

Забудет лес свои печали,
Зеленым шумом зашумит. . .
Лишь тех, которые опали,
Увы, ничто не оживит.

101. СВ, 1893, № 7, с. 10, в цикле «Лесные голоса».

102. ЛС, с. 151.

103. СВ, 1894, № 7, с. 62.

104. ЛС, с. 35.

105. СВ, 1896, № 5, с. 132, под загл. «Небесный бой» (так в оглавлении; в тексте, очевидно, ошибочно — «Небесный огонь»). Печ. по ЛС, с. 25. Ст. 4 — перекликается со строкой «И звезда с звездою говорит» из стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на до-

рогу». Строфа 2 — переложение строфы 1 стихотворения Ф. И. Тютчева «Как океан объемлет шар земной...»:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
    . Стихия бьет о берег свой.

Каноны, псалмы — религиозные песнопения.

106. ЛС, с. 58.

107. СВ, 1896, № 1, с. 128. Написано в развитие темы стихотворения Тютчева «Последний катаклизм».

108. СВ, 1896, № 4, с. 276, в цикле «Снега». Тематически и стилистически связано с одой Г. Р. Державина «Бог».

109. СВ, 1896, № 4, с. 273, в цикле «Снега».

110. ЛС, с. 127.

111. СВ, 1897, № 10, с. 91. Список — ПД (в рукописной тетради под загл. «В царстве цветов»).

112. ЛС, с. 184.

113. ЛС, с. 16, без загл. Печ. по ОД, с. 64.

114. СВ, 1897, № 4, с. 126. В стихотворении использованы мотивы поэмы Эдгара По «Ворон», программного произведения символизма, которое появилось на русском языке в переводе Мережковского в 1890 г.

115. ЛС, с. 47. *Паладин* — странствующий рыцарь; иносказ. — носитель рыцарских доблестей.

116. ЛС, с. 121. *Ариадна* (греч. миф.) — дочь критского царя Минноса; спасла от гибели афинского героя Тезея, вручив ему нить, которая вывела его из лабиринта.

117. СВ, 1898, № 10-12, с. 160.

118. ОД, с. 3, в качестве введения ко всем разделам сборника.

119. ОД, с. 15.

120. ОД, с. 19.

121—128. *Микешина-Баумгартен* Анна Михайловна — дочь скульптора М. О. Микешина. Стихотворения, посвященные ей, создавались Льдовым на протяжении 1899—1910 гг. Всего их насчитывается свыше двадцати. Почти все они (в черновых редакциях) хранятся в

собрании А. М. Микешинной-Баумгартен (ПД). Некоторые из них были опубликованы Льдовым в виде отдельных стихотворений.

1. Печ. впервые по автографу ПД.

2. «Денница. Альманах 1900 года», СПб., 1900, с. 74. Автограф в качестве двух самостоятельных стихотворений, включающих каждое по две строфы, — ПД.

3. «Денница. Альманах 1900 года», СПб., 1900, с. 73, без последней строфы. Печ. по автографу ПД.

4. Печ. впервые по автографу ПД.

5. Печ. впервые по автографу ПД.

6. ЖО, 1902, № 13, с. 194. В собрании А. М. Микешинной-Баумгартен (ПД) отсутствует, включено в состав настоящего цикла по характеру содержания.

7. Печ. впервые по автографу ПД.

8. Печ. впервые по автографу ПД.

Д. П. ЦЕРТЕЛЕВ

129. ВЕ, 1878, № 4, с. 65.

130. РВ, 1881, № 1, с. 272. Положено на музыку М. М. Ипполитовым-Ивановым, А. А. Балабановым, Н. Е. Никифоровым.

131. РВ, 1882, № 4, с. 754. *Не сотвори себе кумира* — слова из библейской заповеди, обращенной богом к Моисею: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу и что в воде ниже земли» (кн. Исход, гл. XX, ст. 4).

132. ВЕ, 1882, № 4, с. 755. Положено на музыку Н. И. Сорокиным.

133. Стих. 1883, с. 11. Автограф с датой: «7 ноября 1882» — ПД. Положено на музыку М. М. Ипполитовым-Ивановым и А. С. Таеваем.

134. Стих. 1883, с. 13.

135. Стих. 1883, с. 55.

136. Стих. 1883, с. 69. *Нирвана* — см. примеч. 431.

137. РВ, 1886, № 6, с. 882. *Фта* — в древнеегипетской мифологии бог-творец и бог мертвых.

138. РВ, 1886, № 6, с. 883. Положено на музыку М. М. Ипполитовым-Ивановым.

139. РВ, 1886, № 11, с. 361. Печ. по Стих. 1892, с. 159.

140. РВ, 1886, № 11, с. 362. Печ. по Стих. 1892, с. 170.

141. РВ, 1886, № 12, с. 875.

142. Стих. 1892, с. 163. Автограф, где ст. 1: «Во мрак времен нам света не пролить. . .» и дата: «7 апреля 1886», — ПД.

143. РВ, 1888, № 2, с. 214. Печ. по Стих. 1892, с. 137. Вагнер Рихард (1813—1883) — немецкий композитор, умер 13 февраля 1883 г. в Венеции, похоронен в Байрейте. Стихотворение написано в 4-ю годовщину со дня смерти композитора. Тангейзер — легендарный певец-миннезингер XIII в., жил при дворе германского императора Фридриха II. Согласно одному из преданий, участвовал в состязании певцов — «Вартбургской войне». Это предание явилось литературным источником для оперы Вагнера «Тангейзер, или Состязание певцов в Вартбурге» (1843). Вольфрам (ок. 1170—1220) — рыцарь и миннезингер, автор рыцарских романов; наиболее значительный из них, «Парсифаль», повествует о жизни простодушного рыцаря, который после тяжелых испытаний становится главой рыцарского братства и хранителем таинственного сокровища в замке *Грааль*. В 1882 г. на сюжет этого романа Вагнер написал одноименную оперу-мистерию. *Эдда* — древнескандинавский сборник мифологических и героических народных сказаний (*рун*). Вагнер использовал «Эдду», а также средневековый немецкий эпос «Песнь о Нибелунгах» в качестве литературно-поэтического источника для своей оперной тетралогии «Кольцо Нибелунга» — «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов». *Валькирии* (валькирии) — в древнегерманской и скандинавской мифологии женские божества, девы-воительницы, носившиеся на поле брани и отбиравшие после сражения храбрейших среди мертвых с тем, чтобы отвести их в чертог бога Одина — Валгаллу, где павшие рыцари проводили время в поединках и пирах, а валькирии им прислуживали. *Вотан* (в сканд. миф. — Один) — по древнегерманским мифам, верховное божество, сотворившее вселенную, а также бог ветра и бурь, бог войны, мореплавания, торговли.

144. РВ, 1889, № 7, с. 199. Положено на музыку М. М. Ипполитовым-Ивановым.

145. РВ, 1889, № 7, с. 199. Печ. по Стих. 1892, с. 1.

146. «Нива», 1889, № 30, с. 754. Печ. по Стих. 1892, с. 141. В анонимной рецензии на второй сборник «Стихотворений кн. Д. Н. Цертелева» (М., 1892) это стихотворение называлось в числе тех, которые посят на себе «следы не столько подражания, сколько проникновения духом поэзии Толстого. Кн. Цертелев, очевидно, хорошо изучил произведения этого поэта и нашел в своем даровании черты, сходные с некоторыми чертами дарования А. К. Толстого. Это не мешает его стихотворениям быть нередко истинно поэтическими» (РВ, 1892, № 5, с. 348).

147. «Нива», 1889, № 30, с. 754.

148. Стих. 1892, с. 139. *Вечерние огни*. Имеются в виду последние сборники стихотворений А. А. Фета «Вечерние огни», изданные в 1883, 1885, 1888 гг. В 1891 г. вышел еще один сборник стихотворений под тем же названием. Между 1863 и 1883 г. — в течение двадцати лет — стихотворения Фета ни разу не издавались.

149. Стих. 1892, с. 67. *Будда* — см. примеч. 55. В более узком смысле — имя мифического основателя буддийского религиозного учения, явившегося якобы в VI—V вв. до н. э. в образе индийского царевича Гаутама. *Брамины* (брахманы) — в древней Индии жрецы, одна из высших привилегированных каст, руководивших жертвоприношениями. *Звучат везде священные напевы*. В культ жертвоприношений входило исполнение священных гимнов, закливание многочисленных богов и духов, музыка, пышные процессии, ритуальные пляски и т. п. *Праджapati* — один из главных богов браминов, в индийской мифологии провозглашен первосуществом. *Варуна* — в индийской мифологии один из верховных владык, блюститель вечного физического и нравственного покоя, покровитель ночи. *Чандра* — богиня ночи. *Сурия* (Сурья) — в индийской мифологии бог солнца. *Брама* (Брахма) — в индийской мифологии один из высших богов, творец мира и всего живого. *Кто миру нес учение любви*. Главное в учении Будды — достижение покоя (нирваны), проповедь любви, покорности и непротивления судьбе.

150. Стих. 1892, с. 74. В стихотворении используется сюжет песни из «Старшей Эдды», памятника древнеисландской литературы XIII в. В песне рассказывается о том, как *Тор* (в букв. переводе — гром), бог-громовержец, возвратил молот, который у него похитил и спрятал глубоко под землю король великанов *Трим* (*турсов владыка*). Турсы (др.-исландск.) — великаны. *Один* — см. примеч. 143. *И только за Фрейю согласен отдать*. Фрейя (сканд. миф.) — богиня земли и деторождения, супруга Одина, разделявшая с ним господство над небом и воздухом. Фрейя привлекала великанов как самая красивая из богинь. *Валгалла* — см. примеч. 143. *Локи* — в скандинавской мифологии олицетворение огня, разрушительной стихии. Среди богов он являлся своего рода дьяволом-искусителем.

151. Стих. 1892, с. 150.

152. Стих. 1892, с. 157.

153. ВИ, 1894, № 1337, с. 201, где ст. 1: «Песнь твоя и невнятно и глухо звучит. . .». Печ. по Стих. 1902, с. 55.

154. «Север», 1899, № 15, с. 451.

155. «Север», 1899, № 15, с. 451.

156. РВ, 1900, № 5, с. 136.

157. КнНед, 1900, № 8, с. 101.

158. Стих. 1902, с. 5.

159. Стих. 1902, с. 11.

А. А. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

160—162. «Без солнца. Альбом стихотворений А. А. Голенищева-Кутузова. Музыка М. Мусоргского», СПб., 1874. Печ. по Соч. 1904, т. 1, с. 8 (№ 160), ЗиБ, с. 23 (№ 161), с. 33 (№ 162). Стихотворения

впервые были изданы как тексты для романсов М. П. Мусоргского. В своих воспоминаниях о композиторе Голешицев-Кутузов отмечал, что сами стихи были написаны «год или два перед тем». «Мусоргский облек их в поэтическую, изящную, музыкальную форму и сам был ими очень доволен...» («Музыкальное наследство», М., 1935, с. 26). Об отношении Мусоргского к поэзии Голешицева-Кутузова см. биогр. справку, с. 230. Эти стихотворения, кроме Мусоргского, были положены на музыку многими композиторами: «В четырех стенах» — А. Н. Шефером; «Меня ты в толпе не узнала...» — Б. В. Гродским, А. В. Таскиным; «Над озером» — А. С. Аренским, М. А. Балакиревым.

163—165. ЗиБ, с. 55, 57, 60. Эти стихотворения послужили Мусоргскому текстом для его второго вокального цикла на слова Голешицева-Кутузова — «Песни и пляски смерти» (1875—1877). Замысел этого цикла у Голешицева-Кутузова и Мусоргского осуществлялся под прямым влиянием В. В. Стасова, которому принадлежала сама идея «Песен и плясок смерти». В письме от 6 марта 1875 г. В. В. Стасов писал Голешицеву-Кутузову: «Мне ужасно хотелось бы натравить Вас на продолжение «Трепака» так, чтобы 5—6 картинок составили полное сочинение «Русская пляска смерти». После пьяного мужичка я бы прямо сделал смерть бедного ребенка, à la «Мцыри», только не среди «красот природы», раздутых и подкрашенных, но натуральных, à la Диккенс в «Домби и сын» или à la что угодно; потом еще смерть женщины, и еще целый ряд личностей...») «Русская музыкальная газета», 1916, 9 октября, с. 737). Стасов возражал против того, чтобы тему «Смерть ребенка» Голешицев-Кутузов разрабатывал в форме колыбельной песни, и предлагал другой вариант: «Для ребенка — боюсь я «колыбельной песни». Опять сюжет затасканный и замаранный. Лучше, мне кажется, состряпать что другое. Я бы так сделал школу, и оттуда вдруг смерть выхватит бедную жертву среди детских веселых голосов и игр» (там же, с. 740). Существовал более широкий план этого цикла. Стасов впоследствии вспоминал, что кроме тем, разработанных в данных стихотворениях, предлагал и другие: «...смерть сурового монаха-фанатика в его келье, при дальних ударах колокола, смерть политического изгнанника, возвращающегося назад и гибнущего в волнах в виду родины, смерть молодой женщины, умирающей среди воспоминаний о любви и последнем дорогом бале, наконец, еще несколько других тем. Но Мусоргский, хотя и чрезвычайно довольный ими, не поспел их выполнить, только играл мне и другим отрывки оттуда» (В. В. Стасов, Избранные сочинения, т. 2, М., 1952, с. 210—211). В архиве поэта сохранился набросок одной из предложенных Стасовым тем: «Изгнанник». В черновых набросках Голешицева-Кутузова имеется также запись, составляющая перечень тех лиц, которых должна была захватить смерть: 1) Богач. 2) Пролетарий. 3) Большая барыня. 4) Сановник. 5) Царь. 6) Молодая девушка. 7) Мужичок. 8) Монах. 9) Ребенок. 10) Купец. 11) Поп. 12) Поэт».

166. ЗиБ, с. 136, в разделе под загл. «Буря». Входило в вокальный цикл М. П. Мусоргского «Песни и пляски смерти» (см. примеч. 163—165). По поводу этого стихотворения В. В. Стасов, делая свои замисли, писал 9 марта 1875 г. Голешицеву-Кутузову: «Нельзя ли войну сделать не нынешнюю, а древне-

русскую. . . что-нибудь вроде «Слова о полку Игореве» — представьте, какая прелесть может выйти, и тут же померкшее солнце, покрасневшая от крови река, вдали древняя деревушка славянская! . . . Вообще я бы предложил, чтобы сцены были из разных эпох. Это и разнообразнее, и богаче, и благодарнее, мне кажется» («Русская музыкальная газета», 1916, 9 октября, с. 740). Под влиянием совета Стасова Голенищев-Кутузов написал стихотворение под загл. «Полководец» со следующим началом (вместо ст. 1—4 стихотворения «Торжество смерти»):

Грохочет битва, блещут брони,
Орудья жадные ревут,
Бегут полки, несутся копья,
И реки красные текут.
Пылает полдень, люди бьются!
Склонилось солнце, бой сильней!
Закат бледнее, но дерутся
Враги всё яростней и злей. (ГПБ)

В этом варианте стихотворение и вошло в цикл Мусоргского. Музыка к нему была написана композитором в июне 1877 г., и он сообщил в письме к Голенищеву-Кутузову: «Обязуюсь доложить Вашему сиятельству, что все, кому читал, в трепетном восторге от «Полководца». Ты не можешь достаточно ясно представить себе, милый друг, паразитической особенности твоей картины, когда она передается тенором! Какая-то пригвождающая к месту, какая-то неумолимая, смертельная любовь слышится! Это, как бы сказать точнее: смерть, холодно-страстно влюбленная в смерть, наслаждается смертью. Новизна впечатления неслыханная!» (М. П. Мусоргский, Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову, М.—Л., 1939, с. 70).

167. ВЕ, 1876, № 2, с. 750. *Меж тем как вокруг тельца златого* и т. д. По библейской легенде, во время пребывания Моисея на горе Синай, когда ему были вручены богом две каменные скрижали с высеченными на них заповедями, израильтяне начали поклоняться своим прежним богам, отлили из собранного золота фигуру золотого тельца и принесли тельцу жертвоприношения. Возвратившись с вершины Синайской горы, Моисей разбил каменные скрижали и в гневе стер в прах золотого тельца. В переносном смысле: златой телец — золото, деньги, богатство.

168. «Дело», 1877, № 4, с. 47, в цикле «Зимние думы».

169. «Дело», 1877, № 4, с. 47, в цикле «Зимние думы». Положено на музыку С. М. Ляпуновым, А. А. Олениным, А. С. Танеевым, Н. Н. Черепниним.

170. «Дело», 1877, № 5, с. 138, под загл. «Весной». Печ. по ЗиБ, с. 12.

171. «Дело», 1877, № 6, с. 53. Печ. по Соч. 1904, т. 1, с. 134.

172. ЗиБ, с. 123, в разделе под загл. «Буря». Печ. по Соч. 1904, т. 1, с. 55.

173. ЗиБ, с. 129, в разделе под загл. «Буря». *Гривица* — город в Румынии. *Плевна* — город в северной части Болгарии. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. здесь шли упорные бои русской армии и болгарского народного ополчения против турецкой армии. 28 ноября 1878 г. турецкая армия капитулировала, и Плевна была навсегда освобождена от турецкого ига. В качестве сестер милосердия в Болгарию отправлялось много русских женщин.

174. ЗиБ, с. 140, в разделе под загл. «Буря». Печ. по Соч. 1904, т. 1, с. 67. Положено на музыку Э. К. Роденовым, И. В. Покровским.

175. ВЕ, 1878, № 6, с. 475.

176. ЗиБ, с. 9. Автограф — ГПБ.

177. ЗиБ, с. 13.

178. ЗиБ, с. 16. Адресат не установлен.

179. Стих. 1884, с. 13. Положено на музыку К. Тидеманом, П. И. Бларамбергом.

180. Стих. 1884, с. 33. Печ. по Соч. 1894, т. 1, с. 70. Положено на музыку Е. Д. Алениным, К. К. Варгиным, А. А. Олениным, М. И. Якобсоном.

181. Стих. 1884, с. 38. В ГПБ среди стихотворений 1875—1876 гг. Голеннищева-Кутузова имеется машинопись другого, более раннего, неопубликованного стихотворения «М. П. Мусоргскому» («Скажи мне, Мусоргский, зачем...»). Знакомство Голеннищева-Кутузова и М. П. Мусоргского (1839—1881) состоялось в 1872 г., а летом 1873 г. началось самое тесное дружеское сближение. А. А. Голеннищев-Кутузов писал впоследствии в своих «Воспоминаниях о М. П. Мусоргском»: «С первых же встреч мы оба сознали, что рано или поздно, а быть нам друзьями. Открытый, честный, нежный до женственности и деликатный до наивности характер Мусоргского доделал остальное. Месяц спустя мы уже были почти неразлучны, мы поверяли друг другу наши художественные замыслы... Словом, зажили с ним одною жизнью» («Музыкальное наследство», М., 1935, с. 15). Первые годы дружбы (1873—1876) отличались повышенно эмоциональным отношением друг к другу (в письмах Мусоргского этого времени, адресованных В. В. Стасову и самому Голеннищеву-Кутузову, постоянно встречаются восторженные оценки таланта и личности молодого поэта) и были периодом наиболее плодотворного творческого сотрудничества с Мусоргским. На слова Голеннищева-Кутузова композитор написал два вокальных цикла «Без солнца» (1874) и «Песни и пляски смерти» (1875—1877) (см. примеч. 160—166), балладу «Забытый» (1874), романс «Видение» (1877). В 1873 г. Мусоргский начал работу над исторической драмой, близкой по замыслу драматической хронике Голеннищева-Кутузова «Смута, или Василий Шуйский», за разработку которой поэт взялся в свою очередь под влиянием «Бориса Годунова» Мусоргского. Голеннищев-Кутузов принимал участие в со-

здании либретто «Сорочинской ярмарки»: им был написан финал второго действия оперы — «Рассказ о красной свитке». Позднее Голенищев-Кутузов отошел от тех идей и увлечений, которые сближали его с Мусоргским в пору их наиболее тесного общения (см. об этом биогр. справку, с. 230—231).

182. Стих. 1884, с. 56. В Брюсов в некрологической заметке о Голенищеве-Кутузове, оспаривая распространенный в современной критике взгляд на его поэзию как поэзию смерти, ссылаясь на стихотворения другого ряда, называя в этом ряду первым данное стихотворение. «„Поэт буддийского настроения“, „поэт смерти“ — так давно определили критики пафос поэзии гр. А. А. Голенищева-Кутузова, — писал В. Брюсов. — Нам кажется, это определение можно принять лишь с ограничениями. Следовало бы оставить в стороне те стихи, в которых поэт сознательно, рассудочно сам представляет себя читателям как «поэта смерти»... Подлинное мирозерцание поэта всегда вернее выражается в стихах, рефлексии чуждых, в признаниях непосредственных, даже в случайных обмолвках. И вся поэзия Голенищева-Кутузова в ее целом говорит нам, что поэт вовсе не отрицал мира, что он любил красоту земли и жизни, что его приветы смерти, в сущности, сводятся к признанию гр. Алексея Толстого:

Гляжу с любовью я на землю,
Но выше похитится душа...

Именно таково содержание прекрасного стихотворения Голенищева-Кутузова: „Прекрасен жизни бред, волшебны и богаты...“. Брюсов называл и другие стихотворения поэта, в которых с наибольшей силой выражен истинный пафос его поэзии: «Прошумели весенние воды...», «Снилось мне утро лазурное, чистое...», «Обнял землю ночи мрак волшебный...» (РМ, 1913, № 2, с. 150).

183. Стих. 1884, с. 65. Стихотворение было написано в защиту «свободы слова» после тяжелой цензурной кары, обрушившейся на умеренно-либеральную газету «Голос» в 1884 г., когда ее издание было окончательно запрещено. Двадцать лет спустя Голенищев-Кутузов вновь напечатал это стихотворение в газете «Слово» (1904, 28 марта) в связи с обсуждением нового цензурного устава в комиссии Государственного совета под председательством Д. Ф. Кобеко. Участвуя же в работе самой комиссии, он был в числе сторонников самых реакционных цензурных мер. В. Г. Короленко в статье «Поэзия и проза в комиссии Д. Ф. Кобеко» указал на это резкое расхождение поэтической декларации Голенищева-Кутузова с его фактической позицией: «...гр. Голенищев-Кутузов так и остался в арьергарде реакционного отряда, неизменно голосуя против важнейших «освободительных» предложений других членов комиссии... Вышло, таким образом, что, трубя перед воротами совещания в свой звонкий поэтический рог, наш поэт вызывал на бой одних, а сразиться ему пришлось совсем с другими» (РБ, 1905, № 3, с. 207—208).

184. «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, 9 декабря. Стихотворением заканчивалась газетная статья Голенищева-Кутузова под названием «Так жить нельзя», которой он открывал предполагавав-

щийся публицистический цикл статей «Зимние думы». Статья, являющаяся своего рода автокомментарием к данному стихотворению, раскрывает вполне благонамеренный подтекст этого внешне весьма оппозиционного стихотворения. В статье Голенищев-Кутузов излагал свои взгляды на общественно-политическую атмосферу в стране, сложившуюся после убийства Александра II народолюбцами 1 марта 1881 г. В обстановке крайней политической реакции даже монархически настроенный Голенищев-Кутузов констатировал, что «всякое внутреннее содержание жизни исчезло». Но против наступающего общественного застоя поэт выступил с позиции противника революционно-демократических идеалов 60—70-х годов: «Горячка отрицания шестидесятых и семидесятых годов после страшного кризиса 1 марта стала утихать, и сквозь редеющий туман умственной смуты все яснее выступает картина разрушений и опустошений, произведенных во внутреннем складе общества этою горячкою. Старые идеалы поруганы и забыты; новые не созданы. . . Но, может быть, пораженные безотрадною картиною, вы воскликнете, любезный читатель, что продолжаться такое состояние долго не может. . . что необходимо найти выход, что так жить нельзя». Положено на музыку П. Н. Ренчинским.

185. «Нива», 1886, № 1, с. 8. Печ. по Соч. 1904, т. 1, с. 42.

186. РВ, 1886, № 3, с. 446. Печ. по Соч. 1894, т. 1, с. 186.

187. РВ, 1886, № 3, с. 447. Печ. по Соч. 1894, т. 1, с. 135.

188. РВ, 1887, № 12, с. 222. Печ. по Соч. 1894, т. 1, с. 111. Голенищев-Кутузов считал А. А. Фета (1820—1892), наряду с А. Н. Майковым, своим учителем в поэзии и поддерживал с ним на протяжении многих лет дружеские отношения. В своих «Воспоминаниях о М. П. Мусоргском» Голенищев-Кутузов отмечал, что стихотворения, составившие цикл «Без солнца», написаны в духе фетовской поэзии: «Все пять стихотворений, помещенные в сборнике, чисто лирические, без образов, без картин, имеющие своим предметом минутные душевные настроения в фетовском роде (говоря «в фетовском роде», я, само собою разумеется, не ставлю себя на одну доску с нашим великим лириком и осмеливаюсь упомянуть его имя единственно с целью кратко и точно определить характер стихотворений) . . .» («Музыкальное наследство», М., 1935, с. 26). В течение всей своей жизни он оставался восторженным поклонником поэзии Фета. В канун 50-летнего творческого юбилея поэта Голенищев-Кутузов напечатал о нем большую статью, в которой так определял значение его поэзии: «. . . лирика является преобладающим элементом творчества г. Фета, в ней его настоящая сила. . . в этой области поэзии, за исключением, быть может, одного лишь Пушкина. . . у Фета нет достойных соперников. . . В сокровищницу русской литературы он внес драгоценный, вечный вклад» (РВ, 1888, № 4, с. 380). Положено на музыку С. М. Ляпуновым.

189. РМ, 1888, № 5, с. 200. 30 апреля 1888 г. в собрании «Литературно-драматического общества» отмечалось 50-летие литературно-

поэтической деятельности А. Н. Майкова (1821—1897). Голеннищев-Кутузов вместе с Я. П. Полонским и К. К. Случевским входил в состав подготовительного юбилейного комитета. Голеннищева-Кутузова связывали с Майковым многолетние дружеские отношения. Он относил Майкова к числу «даровитейших» людей, «каких когда-либо производила русская земля». *Отчизны благодарной Приемлешь радостный привет*. Чествование юбиляра происходило в чрезвычайно торжественной обстановке. Голеннищев-Кутузов в некрологической статье вспоминал о праздновании юбилея: «...литераторы и критики самых различных направлений соединились в дружный хор для чествования маститого поэта». *Тобой — преемником избранным Руси прославленных певцов*. Подразумевается в первую очередь Пушкин. Голеннищев-Кутузов относил Майкова к поэтам «пушкинской школы»: «...поэтическое творчество его всегда будет звучать в потомстве как могучий, стройный и весьма сложный заключительный аккорд Пушкинского периода русской поэзии» (А. А. Голеннищев-Кутузов, Аполлон Николаевич Майков (некролог). — «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, № 4, с. 46, 51, 53). *О, верно, их родные тени*. Имеется в виду прежде всего Пушкин. В другом стихотворении 1882 г., посвященном Майкову, Голеннищев-Кутузов прямо писал: «Тень Пушкина тебя усыновила».

190. РВ, 1888, № 9, с. 45. Печ. по Соч. 1894, т. 1, с. 194.

191. РВ, 1888, № 10, с. 260. Печ. по Соч. 1894, т. 1, с. 85. Положено на музыку В. Г. Врангелем.

192. РВ, 1893, № 2, с. 10. Печ. по Соч. 1894, т. 1, с. 205.

193. Соч. 1894, т. 1, с. 91.

194. Соч. 1894, т. 1, с. 215.

195. «Север», 1897, № 52, с. 1642. Ср. со стих. К. К. Случевского «Заря во всю ночь».

196. Соч. 1894, т. 2, с. 219. Автограф — ГПБ. Положено на музыку С. М. Ляпуновым.

197. Соч. 1894, т. 2, с. 224. Автограф — ГПБ.

198. Соч. 1894, т. 2, с. 254.

199. Соч. 1894, т. 2, с. 255.

200. Соч. 1894, т. 2, с. 258.

201. ЛПкН, 1903, № 4, с. 509. Положено на музыку А. С. Аренским.

202. Соч. 1904, т. 1, с. 291.

203. ВЕ, 1878, № 4, с. 698. Перевод стихотворения «Où vivre? Dans quelle ombre...» французского поэта Жана Ришпена (1849—1926), одного из известных в России иностранных поэтов с середины 1880-х годов. Н. В. Шелгунов в «Очерках русской жизни» писал: «Усталость — вот что составляет красную нить, проходящую через все произведения Андреевского... Даже в переводах г. Андреевский избирает сюжеты, почти исключительно подходящие к его тоскливому настроению» (РМ, 1889, № 12, с. 210). Положено на музыку М. Н. Кочавским.

204. «Дело», 1878, № 8, с. 197. Печ. по Стих. 1886, с. 285. Перевод стихотворения Гаммерлинга (1830—1889) «O verzweifle nicht am Glücke...». П. Ф. Якубович, отрицательно оценивший поэзию Андреевского в целом, отдал должное его переводам: «Справедливость заставляет нас, однако, сказать, что некоторые из переводов г. Андреевского недурны; так, из Гаммерлинга им переведена живописным и трогательным стихом небольшая пьеска „Счастье“» (РБ, 1898, № 1, с. 38).

205. «Дело», 1878; № 9, с. 128. Перевод стихотворения Гаммерлинга «Viel Träume» («Viel Vögel sind geflogen...»).

206. ВЕ, 1878, № 12, с. 584, в цикле под загл. «Песни». Печ. по Стих. 1886, с. 13.

207. ВЕ, 1878, № 12, с. 585, в цикле под загл. «Песни». Печ. по Стих. 1886, с. 2.

208. ВЕ, 1879, № 1, с. 61, вместе со стихотворениями «Чистый образ виденья любимого...», «Я першел рубеж весны...», под общим загл. «Из Катулла Мендеса». Печ. по Стих. 1886, с. 37.

209. «Дело», 1879, № 1, с. 212, без загл.; Стих. 1886, с. 15, под загл. «Даль прошлого». Печ. по Стих. 1898, с. 17.

210. ВЕ, 1879, № 6, с. 757. Печ. по Стих. 1886, с. 261. Перевод стихотворения «L'écho» французского поэта Франсуа Коппе (1842—1908). Н. К. Михайловский в обзоре современной поэзии воспользовался этим стихотворением (прочитав его полностью) для иллюстрации своего рассуждения о том, что «если бы наша нынешняя метромания в самом деле могла знаменовать собою возрождение «золотого века», то только в смысле сужения сферы деятельности сознания». «Некоторые наши поэты, — писал далее критик, — беспредметно виртуозностью своих стихов заставляют иногда задумываться... Вот, например, стихотворение г. Андреевского, стихотворца несомненно талантливого: «Я громко сетовал в пустыне...» Рифмы, как видите, богатейшие, даже до перехода в каламбур, вообще техническая сторона дела безукоризненна» (Дневник читателя. Заметки о поэзии и поэтах. — СВ, 1888, № 3, с. 136). Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, А. И. Юрасовским, Я. М. Любимым.

211. ВЕ, 1880, № 6, с. 709. С. А. Венгеров в биографическом очерке о С. А. Андреевском писал в связи с этой поэмой о его творческой эволюции. Ссылаясь на признание самого поэта о том, что в молодости он находился всецело под влиянием Писарева, критик утверждал, что к началу активной поэтической деятельности Андреевского «от идей энергичного гонителя «эстетике» в недавнем прошлом их не осталось ни малейшего следа». Поэму «Мрак» и несколько других стихотворений С. А. Венгеров причислил к тем именно произведениям, в которых «поэт прямо сознается, что общественные инстинкты в нем замерли:

В моей груди, больной и грешной,
О злобе дня — заботы нет.

Поэт с горечью относится к своим прежним воззрениям, в которых не видит ничего зжидущего:

Мы к снам заоблачным утратили порывы».

(С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1, СПб., 1889, с. 546). Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Я помню чудное мгновенье...». Отрывок «Тени туманные, звуки неясные...» положен на музыку И. Н. Ковалевским.

212. Печ. по автографу (ПД). Стихотворение написано после убийства Александра II. В архиве ПД (собр. Щеголева) сохранилась записка Андреевского об истории его создания. «Я понимал, — писал Андреевский, — что крамола, погубившая государя, была, по-своему, героична, исполняя какую-то необходимую историческую миссию, сущую неведомые блага в будущем... И я закончил стихи неопределенным предчувствием «равенства». ... Воцарился непреклонный Александр III. Мое стихотворение могло ходить только по карманам близких друзей, без подписи. Но вот вступает на престол Николай II... Дошло до того, что я прочитал «Петропавловскую крепость» публично в кружке Полонского, в присутствии М. О. Меньшикова, с большим успехом... Наконец на адвокатском «митинге» в театре Мосоловой, уже во времена А. Ф. Керенского, я продекламировал свои стихи. Меня заставили бисировать для помещения в газетах» (ПД). Однако стихотворение напечатано не было. *Петропавловская крепость* с конца XVIII в. стала одной из самых страшных политических тюрем царской России. Здесь находились в заключении представители всех трех поколений русских революционеров. *Грозный в памяти молвы, Гранитный вал*. В 1826 г. на валу кронверка были казнены вожди декабристов. *Там виден храм* — Петропавловский собор с многоярусной колокольней, увенчанной шпилем. Собор стал усыпальницей русских царей и членов царской фамилии. Комендантов крепости хоронили около стен собора. *Как Банко тень на пиришество Макбета*. Призрак Банко, убитого Макбетом, являлся ему во время пиришества, вызывая у него приступы безумия (Шекспир, «Макбет», сцена 4). *Егова* — одно из библейских имен бога. «*Коль славен...*» («*Коль славен наш господь...*») — первая строка вольного стихотворного переложения псалма 47, сделанного М. М. Херасковым и положенного на музыку Д. С. Бортиянским. Мелодию «*Коль славен...*» вызывали куранты Петропавловской крепости.

213. ВЕ, 1882, № 6, с. 588.

214. ВЕ, 1882, № 11, с. 149, под загл. «Поучение». Печ. по Стих. 1898, с. 78. Критик К. К. Арсеньев в статье о первом сборнике стихотворений Андреевского 1886 г., ссылаясь на эпиграф к сборнику из Э. По («Красота — единственная законная область поэзии, меланхолия есть наиболее законное из поэтических настроений»), писал, что меланхолия — преобладающий мотив поэзии Андреевского, но при этом указывал на стихотворения другого плана. «Нельзя сказать, чтобы г. Андреевский не затрагивал более глубоких сторон современного пессимизма, — писал К. Арсеньев, — чтобы он никогда не реагировал против уныния и бесплодных жалоб; у него есть попытки и того, и другого рода. . .» К числу таких стихотворений критик относит «Поучение», «Раскопки» (К. Арсеньев, Новейшие поэты. — ВЕ, 1887, № 1, с. 241).

215. ВЕ, 1882, № 11, с. 150, под загл. «Тягость». Печ. по Стих. 1898, с. 65. Положено на музыку А. А. Крейному.

216. ВЕ, 1883, № 11, с. 249.

217. ВЕ, 1883, № 11, с. 250. См. примеч. 214.

218. ВЕ, 1883, № 11, с. 251.

219. ВЕ, 1883, № 11, с. 252, под загл. «Нельзя». Печ. по Стих. 1886, с. 70.

220. «Новости», 1883, 27 сентября, под загл. «22-е августа». Печ. по Стих. 1886, с. 79. С. А. Андреевский пытался опубликовать это стихотворение в газете «Новости». А. И. Урусов сообщал ему в письме: «Все обстоит благополучно! Редактор «Новостей» выслушал твоё стихотворение с восторгом. Оно будет напечатано целиком во вторник, 22 сентября. Даже роковой стих «свободы вождь передовой» не поднял дыбом волоса редакторской главы. В случае же сомнений серьёзного свойства я разрешил ему спасительные точки. . .» (ПД). С. А. Андреевскому принадлежит большая критическая работа о творчестве Тургенева, переложение в стихах тургеневского «Довольно» (см. биограф. справку, с. 267). «Из стаи славных осталоу» — изменённая цитата из стихотворения Пушкина «Перед гробницею святой. . .» («Сей остальной из стаи славной. . .»).

221. Стих. 1886, с. 8.

222. Стих. 1886, с. 27.

223. Стих. 1886, с. 29.

224. Стих. 1886, с. 35.

225. Стих. 1886, с. 39. Л. С. Я. — лицо неустановленное. С. А. Венгеров отнес это стихотворение к числу тех, в которых поэт сознается, что «общественные инстинкты в нем замерли» (см. примеч. 211).

226. Стих. 1886, с. 40, где ст. 7—8: «И вот озноб колотит зубы,
А я без топлива и шубы». Печ. по Стих. 1898, с. 40.

227. Стих. 1886, с. 63.

228. Стих. 1886, с. 248. Перевод стихотворения «Distraction» («А топ инсу j'ai dit „ma chère“...») французского поэта Сюлли Прюдона (1839—1907).

229. ВЕ, 1886, № 11, с. 358. Печ. по Стих. 1898, с. 99.

230. РВ, 1888, № 11, с. 192.

231. ВИ, 1895, № 1378, с. 495. Положено на музыку А. С. Аренским.

С. Г. ФРУГ

232. Стих. 1885, с. 1.

233. Стих. 1885, с. 15, без эпиграфа; Стих. 1889, с эпиграфом. Печ. по Стих. 1897, т. 1, с. 13, в разделе «На библейские темы». *Прометей* (греч. миф.) — титан-богоборец, защитник людей, научивший их пользоваться огнем. В наказание за это был прикован к скале, где каждое утро орел клевал его печень. *Скрижали* — каменные плиты, на которых было выбито десять заповедей пророка Моисея (см. примеч. 167). *Второзак(оние)* — название пятой книги Моисея в Библии, представляющей повторение законов, изложенных в предшествующих книгах. Главное содержание книги составляют беседы Моисея с народом.

234. Стих. 1885, с. 36. Эпиграф из поэмы Лермонтова «Измаил-Бей».

235. Стих. 1885, с. 45.

236. Стих. 1885, с. 60.

237. Стих. 1885, с. 61. Печ. по Стих. 1897, т. 1, с. 161, в разделе «Листки из дневника».

238. Стих. 1885, с. 75, в разделе «Элегии». Печ. по Стих. 1897, т. 1, с. 14, в разделе «На библейские темы». *Иеремиада* — библейский рассказ о плаче пророка Иеремии по поводу разрушения Иерусалима египтянами и вавилонянами. Положено на музыку П. Т. Глушковым, Е. Н. Грече-Соболевской, Ю. С. Сахновским, А. А. Жилиевым.

239. ДнП, с. 3. Печ. по Стих. 1897, т. 3, с. 31, в разделе «Думы и элегии».

240. ДнП, с. 28. Печ. по Стих. 1897, т. 3, с. 141, в разделе «В поле». В ДнП после ст. 5 была дополнительная строфа:

Над беспредельными степями,
На темном куполе небес

Горят лучистыми толпами
Светила ночи. Над волнами
Туман клубится... Хмурый лес.

Вместо ст. 11—13:

И я брожу, и всею силой,
И всей бездонной глубиной
Души ловлю я шум унылый.

Певца Украйны образ милый. Имеется в виду Т. Г. Шевченко.

241. ДиП, с. 41. Положено на музыку И. Соколом.

242. ДиП, с. 123, в разделе «Песни скорби». Печ. по Стих. 1897, т. 3, с. 75, в разделе «Думы и элегии». В ДиП после последнего ст. было.

И вот идут они — с восхода и заката,
С полуденных полей, от северных снегов,
И в шумном хоре их я слышу голос брата,
Освобожденного от вековых оков...
И он идет туда!.. И он... Увы! я знаю,
Далек и, может быть, несбыточен мой сон,
Но, боже! этим сном я жизнь свою питаю,
Когда и мрак, и смерть ползут со всех сторон...
Как светлый херувим на сумрачных могилах,
Мечта заветная встает передо мной...
Не дай же ей сойти с небес моих унылых,
Не дай померкнуть ей в душе моей больной.

Fata Morgana (лат.) — мираж.

О. Н. ЧЮМИНА

243. НВ, 1887, 12 сентября. Печ. по Стих. 1889, с. 70. Дата указана в записной книжке Чюминой (ПД). *Плerezы* — траурные нашивки на платье.

244. «Север», 1889, № 8, с. 150, с эпиграфом: «For the soul is dead, that slumbers...» («Ибо та душа мертва, что дремлет...», англ.) — из стихотворения Лонгфелло «A Psalm of Life». Печ. по ОВ, с. 75. Дата указана в записной книжке Чюминой (ПД).

245. НВ, 1888, 24 июля. Печ. по Стих. 1889, с. 37. *Лонгфелло* — см. примеч. 3. Дата указана в записной книжке Чюминой (ПД). Автограф — ПД.

246. НВ, 1888, 3 июля, под загл. «В болотном царстве (современная сказка)», с датой: «1888, июнь». Печ. по Стих. 1897, с. 43, с исправлением ошибочной даты: «1889». *Козлов Павел Алексеевич* (1841—1891) — поэт и переводчик.

247. «Север», 1888, № 44, с. 1, с посвящением М. М. Ф. Автограф — с датой: «6 июля 1888» — ПД.

248. Стих. 1889, с. 12. Автограф — ПД. Положено на музыку Б. В. Погорецким, М. П. Речкуновым, П. И. Сеницей.

249. ПЖ, 1893, 29 августа, в цикле «Из старых песен».

250. «Звезда», 1895, № 33, с. 770. Положено на музыку С. Г. Рыбаковым. *Яковлева* (урожденная Рушиц) Зоя Юлиановна (1862—1908) — автор повестей и рассказов, печатавшихся в ЖО, «Ниве», «Звезде», «Севере».

251. ВЕ, 1896, № 11, с. 177. Печ. по Стих. 1897, с. 3.

252. Стих. 1897, с. 94. Печ. по ОВ, с. 80. Автографы — ПД (последняя строфа), ЛБ. Дата указана в записной книжке Чюминой (ПД).

253. ПЖ, 1897, 24 августа, в цикле «Traumbilder» («Сновидения», нем.). Печ. по Стих. 1897, с. 91.

254. РБ, 1899, № 9 (12), с. 100. Печ. по НС, с. 81. *Пифия* (др.-греч.) — жрица-предсказательница в храме Аполлона в Дельфах.

255. ПЖ, 1900, 30 июля, в цикле «Разбитые кумиры (из Карла Ванселова)». К. Ванселов (род. 1876) — немецкий поэт, автор сборника стихотворений «Märchen der Liebe» (1898).

256. ПЖ, 1900, 28 мая. Печ. по НС, с. 177. Перевод стихотворения бельгийского поэта-символиста Метерлинка «On est venu dire».

257—258. «Звезда», 1901, № 47, с. 6.

259. НС, с. 3. Автограф — ЛБ. Стихотворение было включено в сборники «Песни свободы» (СПб., 1905) и «В защиту слова» (СПб., 1905). *Прометей* — см. примеч. 233.

260. «Наша жизнь», 1905, 21 октября, подпись: «Оптимист». Переделка «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. *Трепов* Дмитрий Федорович — московский обер-полицеймейстер (1896—1905), петербургский генерал-губернатор (1905), товарищ министра внутренних дел (1906), дворцовый комендант (1906). Во время всеобщей октябрьской стачки 1905 г. издал приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». *Четырем твоим свободам*. Манифест 17 октября 1905 года провозглашал «незыблемые основы гражданской свободы: действительную неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов». *Клир* — церковнослужители в храме, здесь — хор певчих. *Факелы Нерона* — сожжение в 64 г. римским императором Нероном (37—68) христиан, ложно обвиненных в поджоге Рима.

261—263. 1. «Иллюстрированный еженедельник», 1907, № 11, с. 2, под загл. «Колокола». 2. ВЕ, 1907, № 3, с. 303, под загл. «Последний снег». 3. ОВ, с. 25, в разделе «Осенние вихри. 1906—1907 гг.». Печ. по ОВ, с. 25.

264. ВЕ, 1907, № 1, с. 118.

265. ВЕ, 1907, № 1, с. 119.

266. «Наша газета», 1909, 1 марта, в цикле «Романсы дня», подпись: «Оптимист». Автограф — ПД. Выступая в Государственной думе 25 февраля 1909 г., товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов сказал: «Жизнь русского обывателя, действительно, сложилась так, что он встречается с полицией при рождении и не может расстаться с ней даже при смерти» («Вестник полиции», 1909. № 9, с. 171).

267. Печ. по корректуре (ПД). Сокращенный перевод стихотворения английского поэта Алджернона Чарлза Суинберна (1837—1909) «A Watch in the Night».

А. Н. БУДИЦЕВ

268. «Труд», 1890, № 1-3, с. 625. В стихотворении использованы мотивы и образы стихотворения А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоём ревнивном взоре...» (1858).

269. «Труд», 1890, № 4-6, с. 624, под загл. «Ожидание». Печ. по Стих. 1901, с. 23.

270. «Труд», 1891, № 1-3, с. 490.

271. РБ, 1891, № 4, с. 52.

272. «Труд», 1891, № 7-9, с. 271.

273. КнНед, 1891, № 9, с. 95. Используются мотивы стихотворения Пушкина «Арион».

274. КнНед, 1893, № 5, с. 92.

275. «Разговоры бессловесных. Сборник рассказов», СПб., 1893, с. 19, в цикле «Сказки». «Ну, времена! Ну, нравы!» — фраза, приписываемая римскому оратору Цицерону («O tempora, o mores!»).

276. «Север», 1894, № 41, с. 2003.

277. КнНед, 1895, № 3, с. 134, в составе цикла «В степях».

278. КнНед, 1895, № 7, с. 101.

279. КнНед, 1896, № 12, с. 62. Тема нравственной победы побежденных, аллегорический смысл сюжета, характерная лексика стихотворения («пленные», «триумфатор», «кандалы» и т. п.) — все это в условиях 80—90 гг. звучало как напоминание о мужестве погибших революционеров, ср. воспоминания В. И. Дмитриевой о казни перво-мартовцев: «Сухой треск барабанов, тяжелый скрип позорных телег... Я стояла в толпе на углу Невского... Я видела их... Они про-

шли мимо нас не как побежденные, а как триумфаторы, такую внутреннюю силу, такой непоколебимой верой в правоту своего дела веяло от их спокойствия...» (В. И. Дмитриева, Так было, М.—Л., 1930, с. 203).

280. «Денница. Альманах 1900 года», СПб., 1900, с. 30, под загл. «Отшельник». Печ. по Стих. 1901, с. 5. Автограф под загл. «Отшельник» — ПД.

281. «Денница. Альманах 1900 года», СПб., 1900, с. 33.

282. Стих. 1901, с. 14.

283. Стих. 1901, с. 15.

284. Стих. 1901, с. 16.

285. Стих. 1901, с. 19. Мотив сжигания руки ради предотвращения соблазна, традиционный для житийной литературы, перекликается с подобным мотивом в повести Л. Толстого «Отец Сергей» (1890—1891). *Матерь всепетая* — богоматерь.

286. «Юбилейный сборник литературного фонда. 1859—1909», СПб., 1909, с. 204. Положено на музыку А. Обуховым. Стало популярным городским романсом под названием «Калитка». Не исключено, что мотив стихотворения навеян очерком И. С. Тургенева «Довольно», в котором имеется такое место: «Я думаю о тебе... и много других воспоминаний, других картин встает передо мною — и повсюду ты, на всех путях моей жизни встречаю я тебя. То является мне старый русский сад на скате холма, освещенный последними лучами летнего солнца. Из-за серебристых тополей выглядывает тесовая крыша господского дома с тонким завитком алого дыма над белой трубой, а в заборе калитка чуть раскрылась, словно кто потянул ее нерешительной рукою, — и я стою и жду, и гляжу на эту калитку и на песок садовой дорожки — и дивлюсь и умиляюсь, все, что я вижу, мне кажется необыкновенным и новым, все обвеяно какой-то светлой, ласковой таинственностью, — и уже чудится мне быстрый шелест шагов...» (И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Сочинения, т. 9, М.—Л., 1965, с. 114).

П. С. СОЛОВЬЕВА

287. РБ, 1895, № 10, с. 222.

288. РБ, 1896, № 6, с. 30.

289. СВ, 1897, № 6, с. 68.

290. Стих. 1899, с. 27.

291. Стих. 1899, с. 31.

292. Стих. 1899, с. 51.

293. Стих. 1899, с. 57.

294. Стих. 1899, с. 75.

295. «Денница. Альманах 1900 года», СПб., 1900, с. 111. Печ. по «Иней», с. 47. В «Деннице» ст. 1—4:

Морозная звездная ночь... За санями
Неясные тени скользят,
Дыханье коней отлетает клубами,
Полозья так глухо скрипят.

Между ст. 8—9:

Опять твои руки мне руку сжимают,
Опять замирают слова,
И бледные розы из тьмы выступают,
И рдеют в камине дрова.

296. ЖдВ, 1900, № 4, с. 451.

297. ВЕ, 1901, № 4, с. 714.

298. ВЕ, 1901, № 7, с. 157.

299. ЖдВ, 1902, № 5, с. 547.

300. ЖдВ, 1903, № 1, с. 3.

301. МБ, 1903, № 1, с. 144.

302. ЖдВ, 1903, № 3, с. 295.

303. МБ, 1904, № 1, с. 28.

304. ЖдВ, 1904, № 4, с. 195.

305. «Иней», с. 31.

306. «Иней», с. 59.

307. ЖдВ, 1905, № 1, с. 2. Это стихотворение вместе с двумя последующими было послано Соловьевой в одном письме Ф. Д. Батюшкову для публикации в МБ (см. ПД), но они, очевидно, были им отвергнуты.

308. ЖдВ, 1905, № 1, с. 2. См. примеч. 307.

309. ЖдВ, 1905, № 3, с. 137. См. примеч. 307.

310. «Иллюстрированный еженедельник», 1907, № 5, с. 67.

311. «Плакун-трава», СПб., 1909, с. 69.

312. «Юбилейный сборник литературного фонда. 1859—1909», СПб., 1909, с. 26, с отдельными заглавиями каждого из стихотворений: «Вечер» и «Утро». Печ. по сб.: «Вечер», Пб., 1914, с. 17. Авторский список — ПД, с заключительными строками первого стихотворения:

Вечереет. Острее печаль.
Чуткий лес протемнел и исчез.
Загорается звездная даль.
Ночь раскрыла кошницу чудес.

313. СМ, 1909, № 5, с. 27. *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884—1968) — поэт. *Харакири* — вид самоубийства в Японии путем вспарывания живота кинжалом.

314. ВЕ, 1911, № 4, с. 52, без даты. Авторский список с датой: «1910. Коктебель» — ПД. *Федор Сологуб* (Тетерников Федор Кузьмич, 1863—1927) — поэт-символист; с темами и настроениями его творчества это стихотворение П. Соловьевой близко соприкасается.

315. СМ, 1911, № 10, с. 224.

316. ВЕ, 1912, № 3, с. 97, без даты и посвящения. Печ. по сб.: «Вечер», Пб., 1914, с. 53. Авторский список с датой: «1911. Петербург». — ПД. Очевидно, по поводу этого стихотворения А. А. Блок, находившийся в дружеских отношениях с Соловьевой, записал в дневнике 9 января 1913 г.: «Поликсена Сергеевна была вечером у мамы, хочет посвятить мне стихотворение в новой книжке» (А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 7, М.—Л., 1963, с. 205).

317. РМ, 1913, № 3, с. 89.

318. «Южный альманах», кн. 1, Симферополь, 1922, с. 7.

319. «Последние стихи», с. 21. *Потир* (греч.) — чаша для причастия в православной церкви, ставилась обычно на возвышение.

А. М. ФЕДОРОВ

320. РМ, 1889, № 5, с. 137.

321—323. СВ, 1894, № 9, с. 194, в составе двух стихотворений: «Костер погас. Чуть-чуть дымится...» и «Заря! Восторженное пламя...» В последнем стихотворении перед ст. 1 была дополнительная строфа:

Восток в тумане алом тонет,
Край неба луч озолотил,
И ночь загадочно хоронит
Миллионы ласковых светил.

Печ. по Стих. 1898, с. 105. Стихотворение «Солнце, солнце взошло...» положено на музыку В. С. Калининковым, Н. С. Поголовским, П. Г. Чесноковым.

324. РМ, 1895, № 4, с. 228. Печ. по Стих. 1898, с. 121.

325. ВЕ, 1895, № 11, с. 305; Стих. 1898, с посвящением И. А. Бунину. Печ. по Стих. 1909, с. 111. Об отношениях А. М. Федорова и И. А. Бунина см. биогр. справку, с. 384—385.

326. ВЕ, 1896, № 9, с. 296. *Саул* — см. примеч. 389.

327. ВЕ, 1896, № 12, с. 634. Печ. по Стих. 1898, с. 83. *Центурион* — начальник в древнеримском войске. *Андромедиды* — метеорный поток, метеоры которого кажутся вылетающими из созвездия Андромеды. Поток андромедид впервые наблюдался в 1872 г.

328. ВЕ, 1896, № 12, с. 634.

329. РБ, 1897, № 12, с. 265.

330. Стих. 1898, с. 19. Ф. Батюшков в рецензии на сборник «Стихотворения А. М. Федорова» (СПб., 1903) писал в связи с этим стихотворением: «Вообще г. Федоров пользуется охотно приемом видений наяву или грез в мгновенном полусне. Он много говорит о посещающей его тоске, но... не чужд приливов жизнерадостных, бодрящих настроений». Расплывчатости и неопределенности поэтических настроений Федорова критик противопоставлял вполне сформировавшееся мирозерцание Бунина: «В большинстве его стихотворений мы имеем именно «намек», уловленные душой, в несколько смутной, непроясненной форме ощущений мимолетного характера. У г. Бунина яснее намечаются основные черты отвлеченной мысли, которая формирует мирозерцание поэта. У г. Федорова пока мы затруднились бы найти такой *Leitmotiv*» (МБ, 1903, № 10, отд. 2, с. 13—14).

331. Стих. 1898, с. 20.

332. Стих. 1898, с. 44.

333—338. ЛПкН, 1897, № 2, с. 293 — стих. «Ковыль цветет. Вся степь как бы седая...», под загл. «В башкирской степи». Печ. по Стих. 1898, с. 73. *Гурия* — по Корану, вечно юная дева поразительной красоты, служащая наградой правоверному в раю Магомета. *Зюлькарнейн* — Александр Македонский. *Биармия* — по скандинавским и русским преданиям, страна на крайнем северо-востоке европейской части, иногда отождествляется с «Пермью Великой». Некоторые историки считают, что Биармия — скандинавское название берега Белого моря. *Тамерлан* (1336—1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель.

339. ВЕ, 1898, № 8, с. 728. Печ. по Стих. 1898, с. 40. П. Ф. Якубович в «Современных миниатюрах» выделил это стихотворение как произведение гражданского звучания: «Обращаясь к своему малютке-сыну, поэт говорит: «живи во имя идеала, добра и красоты. Не забывай, что кровь народа — твоя родная кровь, что с ним у вас одна свобода, и благо, и любовь. Твой дед был раб... Он мне в наследство оставил след цепей. Мое безрадостное детство угасло без лучей». Вот симпатичная и верно прозвучавшая струна, и к ней-то

следовало всецело прилепиться г. Федорову, как сыну народа. А между тем этот звук очень редко и очень бедно повторяется в его книге» (П. Ф. Гриневич (П. Ф. Якубович), Очерки русской поэзии, изд. 2, СПб., 1911, с. 344). Положено на музыку К. Д. Агрневым-Славянским.

340. Стих. 1898, с. 59.

341. Стих. 1898, с. 87.

342. Стих. 1898, с. 108. Положено на музыку К. Д. Агрневым-Славянским.

343. Стих. 1898, с. 127.

344. Стих. 1898, с. 133.

345. Стих. 1898, с. 136.

346. Стих. 1898, с. 139.

347. ВЕ, 1898, № 8, с. 724, под загл. «Весеннее». Печ. по Стих. 1898, с. 140. И. А. Бунин, процитировав в своей рецензии целиком два стихотворения — «Я весеннею негою болен...» и «Отгремели в дымных тучах разыгравшиеся громы...», — писал: «Эти два стихотворения, конечно, мог написать тот, у кого еще очень молодая и чуткая душа. Но помимо этого, мы привели их целиком еще и потому, что они кажутся нам характерными для г. Федорова, для его манеры писать и в то же время (особенно последнее стихотворение) могут служить образчиком его прекрасных изображений природы. Природе посвящена почти половина книги г. Федорова, и много лиризма, много нежности, страстности, любви к красоте и хорошей грусти проявил он в них. Природа хорошо раскрывает его душу, и когда он говорит о ней, в его словах часто слышится какая-то славная, чисто русская отвага и беззаветность» («Южное обозрение», 1899, 15 февраля).

348. Стих. 1898, с. 141.

349. Стих. 1898, с. 194. Перевод стихотворения «Portami via» («Oh, portami lassù, lassù frai monti...») итальянской поэтессы Ады Негри (1870—1945), поэзия которой была очень популярна в России в начале XX в. Почти одновременно с А. М. Федоровым это стихотворение перевел И. А. Бунин («О, умчи меня ввысь, в беспредельный простор...»). Он писал (6 июня 1896 г.) своей корреспондентке, по просьбе которой занялся этим переводом: «От А. Негри я давно в восторге. Удивительная натура! Все самобытно, свежо, мощно, обвеяно дыханием истинной и высокой целомудренной поэзии... Не все я могу переводить из Негри, да и нет знания итальянского языка. Стихотворений 50 перевел мой приятель А. М. Федоров. Теперь я уже не хочу становиться у него на дороге. Он тоже не знает итальянского языка, но книжечка его переводов должна иметь успех... От всей души говорю Вам, что мне так хотелось бы сделать Вам приятное, что я, должно быть, спрошу, не будет ли он в претензии, если я переведу некоторые стихотворения. Попробую» («Русская литература», 1963, № 2, с. 179).

350. МБ, 1903, № 3, с. 181. В Стих. 1903 это стихотворение вместе с двумя последующими вошло в цикл «Сонеты», состоящий из десяти стихотворений. В статье «О лирике» А. Блок резко отрицательно отозвался о «Сонетах» А. М. Федорова: «...Федорову нет никаких оснований писать сонеты; лучшие строки — или рабское, или плохое подражание Бунину, и темы и мирозерцание — похожее на Бунину, но лишенное свежести и первозданности его. Когда Федоров говорит: «огонь на мачте», вспоминается бунинский сильный и короткий: «топовый огонь». Когда Федоров говорит, что башню «далеко видят корабли», рассказывает, как он облокотился о борт корабля, как кричит пароход, как стоит «на полночи надменный Сириус» — неизменно вспоминается Бунин. Даже восточные слова и областные словообразования Федоров употребляет похоже на Бунина, но хуже, чем он» (А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 158).

351. Стих. 1903, с. 2. См. примеч. 350. *Парсовы гробницы*. Парсы — племя иранского происхождения, переселившееся еще в глубокой древности в Индию. По обычаю парсов, тело умершего выставляется на съедение хищным птицам в особом сооружении (так называемой «башне молчания»), так как считается, что сожжение его или зарывание в землю оскверняет огонь и воду.

352. Стих. 1903, с. 8. См. примеч. 350.

353. Стих. 1903, с. 21. П. Ф. Якубович в статье о А. М. Федорове писал: «...стоит прочесть лишь два стихотворения из его новой книги: «Пора! уж тишина давно гнетет кошмаром» и «Степную дорогу», чтобы согласиться, что в лице г. Федорова мы имеем искреннего друга лучших чаяний и стремлений нашего общества». Вместе с тем критик считал, что поэзия Федорова носит поверхностно гражданский характер: «Возьмите хотя бы поразительное разнообразие или, правильнее говоря, безразличие тем, выбираемых им для своих песнопений. Сегодня пишет он «Степную дорогу», где совершенно в некрасовском духе и тоне воспевает горе и страдания родного народа, а завтра, глядишь, уже занят красотами Сорренто, Венеции, Босфора, орхидеями, грозой в Индийском океане...» (П. Ф. Грневич (П. Ф. Якубович), Очерки русской поэзии, изд. 2, СПб., 1911, с. 345—346).

354. Стих. 1903, с. 43. См. примеч. 353.

355. Стих. 1903, с. 83. Перевод стихотворения итальянского поэта Лоренцо Стеккети (1845—1916). А. П. Чехов в письме от 17 декабря 1902 г. к О. Л. Книппер, процитировав это стихотворение, писал: «Получил от А. М. Федорова книжку стихов: стихи все плохие (или мне так показалось), мелкие, но есть одно, которое мне очень понравилось» (А. П. Чехов, Собр. соч., т. 12, М., 1957, с. 506).

356. Стих. 1903, с. 158. В большинстве критических разборов стихотворений А. М. Федорова отмечались многочисленные литературные воздействия, им испытанные. В рецензии на «Стихи» (СПб., 1908) стихотворение «Я весной люблю одиночество...» называлось в числе других стихотворений, в которых наиболее отчетливо заметны следы

подражательности: «Бесспорно, красивая вещь, передающая настроение автора. И тем не менее перед читателем проходит легкая, едва уловимая тень поэзии Бальмонта, так же как при чтении стихотворений «Призрак, белая ночь — я тебя полюбил. . .», «На заре» и многих других — вспоминаются невольно Ал. Толстой, Надсон, Фет и Майков». Далее автор рецензии сопоставлял Федорова с Брюсовым и Буниним: «Господствующая черта поэзии Федорова — это ее необычайная простота. Современные поэты приучили нас к своеобразной изысканности. В наиболее строгих, величавых и чеканенных стихах Брюсова чувствуется поэт, прошедший много ступеней, поклонявшийся многим дарованиям. Самая простота стихотворений Бунина таит в себе что-то капризное и изысканное, что может прорваться каждую минуту наружу неожиданными блестками, иногда в грубоватом, но прелестном сравнении, иногда в элегическом порыве, находящем свое разрешение в сочетании самых возвышенных настроений и самых будничных вещей. Ничего подобного нет у Федорова. Его безыскусственность доходит до крайних, иногда досадных пределов; достаточно указать на обилие банальных рифм, стертых от долгого употребления до того, что они теряют уже почти всякий смысл. Рассудочная оценка стихотворений Федорова могла бы их погубить. И, однако, читатель, чувствуя непосредственно их прелесть, долго ищет ее источника, который мог бы объяснить ему „красоту вещей простых, но великих“» (РМ, 1908, № 2, библиографический отд., с. 17—18).

А. А. КОРИНФСКИЙ

357. ПС, с. 94.

358. Набл., 1890, № 10, с. 73, где после ст. 8 дополнительная строфа:

Я видел, как в цветах пред божьим алтарем
Явилась девушка в наряде подвенечном,
А рядом с ней, с обрюзгнувшим лицом,
Глядящий в гроб старик, — как в горе бесконечном
Созданье кроткое сказало тихо «да!»,
И мертвой белизной лицо ее покрылось,
И как она потом, бедняжка, ни крепилась —
Но слез, нежданных слез, сдержать уж не могла.

Печ. по ПС, с. 64. Автограф с датой: «1 июля 1890» — ПД.

359. «Россия», 1890, № 24, с. 7, в цикле «Арабески». Печ. по ПС, с. 60. Автограф с датой: «31 июля 1890» — ПД.

360. «Художник», 1891, № 20, с. 524, где после ст. 9:

Журча бежал родник по узкому оврагу,
С природою ведя несложный разговор,
Нашептывая ей одну и ту же сагу. . .

Печ. по ПС, с. 190. Автограф с датой: «6 октября 1890» — ПД.

361. ПС, с. 164. *Фофанов* Константин Михайлович (1862—1911) — поэт-лирик, с которым Коринфского связывали многолетние дружеские отношения. Нередко в критических статьях имена обоих поэтов упоминались рядом. Так, в «Обзоре новейшей современной поэзии» П. Ф. Якубович писал: «В иллюстрированных изданиях г. А. Коринфский играл бы роль полновластного царя современных поэтов, если бы не было у него там опасного соперника в лице г. Фофанова, слава которого установилась гораздо раньше и все еще остается непоколебимо прочной. Пишет г. Коринфский, как и г. Фофанов, довольно звучным и легким стихом, с безупречно гармонирующими рифмами, и отличается при этом изумительной плодовитостью...» (РБ, 1897, № 8, с. 151).

362. «Наше время», 1892, № 7, с. 115. Автограф с датой: «10 мая 1892» — ПД. *Засодимский* Павел Владимирович (1843—1912) — писатель-семидесятник народнического направления, автор ряда произведений о крестьянстве: «Хроника села Смурина» (1874), «Повести из жизни бедных» (1876), «Бывальщины и сказки» (1888) и др.

363. ПС, с. 135. Автограф стихотворения «Еду я, еду... Везде предо мной...» с датой: «25 мая 1892» — ПД.

364. «Наше время», 1892, № 22, с. 355, в цикле «На кладбище».

365. «Наше время», 1892, № 34, с. 548, в цикле «Венок на могилу Фета». Автограф — ПД.

366. ПС, с. 93.

367. ПС, с. 130. Положено на музыку А. В. Таскиным.

368. ПС, с. 153.

369. ПС, с. 182.

370. ПС, с. 186. *Архонт* — высшее должностное лицо в Афинах.

371. «Нива», 1894, № 9, с. 207. Печ. по ЧР, с. 89, в разделе «Бывальщины». Автограф с датой: «14 ноября 1893» — ПД. Пересказ былины «Святогор и тяга земная», принадлежащей к числу редких. О другом варианте этого сюжета см. примеч. 372 и 381.

372. ЛПкН, 1894, № 6, с. 261. Печ. по ЧР, с. 61, в разделе «Бывальщины». И. А. Бунин на выход в свет сборника Коринфского «Тени жизни» откликнулся критической рецензией, в которой с иронией писал: «Прочитавши «Песни сердца» и «Черные розы», мы заметим, что г. Коринфский воспевает главным образом русалок, Поволжье, старорусских богатырей на борзых конях или с гусями-самогудами, приход «Весны-чаровницы» (иначе солнечные заигры-

ши)...» («Новое слово», 1897, № 6, с. 57). В этой рецензии наряду с другими стихотворениями упоминались «Русалочная заводь», «Микула», «Святогор» и др. См. примеч. 381.

373. ЖО, 1894, № 19, с. 382. П. Ф. Якубович в статье о Коринфском, объясняя его популярность «в одной части публики и литературы», писал: «Во второй половине восьмидесятых годов существовало несколько модных увлечений. Едва ли не главным из таких увлечений был в известных слоях прессы и публики подъем «национального чувства»... Вот в эту-то полосу нашего «общественного сознания»... и расцвели на поле русской поэзии «черные розы» г. Аполлона Коринфского, с первых же шагов начавшего петь в народном духе, народным слогом и складом» (П. Ф. Гриневиц (П. Ф. Якубович), Очерки русской поэзии, изд. 2, СПб., 1911, с. 313). Прочитывая программное стихотворение «На чужом пиру», критик далее заключил: «Вот какие задачи ставит себе «простодушная», но обиженная в «праздничных хоробах» литературы муза г. Коринфского. Но легко, видно, захотеть, но нелегко на самом деле запеть настоящим «русским словом» и «русским складом», сделаться действительно народным поэтом, Кольцовым, Шевченком, Бернсом, Беранже...» (там же, с. 314).

374. «Труд», 1894, № 6, с. 625, в цикле «Во дни безвременья». Печ. по ЧР, с. 172, в разделе «Отголоски».

375. ВИ, 1897, № 1502, с. 459, в цикле «Поздние песни» (отрывки из дневника). Печ. по «Гимн красоте», СПб., 1899, с. 87. Автограф с датой: «10 октября 1894» — ПД.

376. ЧР, с. 265, в разделе «Картины Поволжья». В связи с этим стихотворением П. Ф. Якубович писал: «С большой охотой пишет г. Коринфский картинки природы, родного Поволжья и пр. Быть может, этот род поэзии и есть настоящее его призвание; но и тут все дело портит отсутствие простоты, как в стиле, так и в образах, — все эти «Русь русская», «зорька-заряница», сравнение котловин между горами с чашами, налитыми до краев «зеленым вином», от которого пьянеет ветер, и пр. и пр.» (П. Ф. Гриневиц (П. Ф. Якубович), Очерки русской поэзии, изд. 2, СПб., 1911, с. 316). *Шихан* — холм, бугор.

377. «Звезда», 1895, № 6, с. 141. Печ. по ТЖ, с. 69. Автограф с датой: «22 января 1895» — ПД.

378. ЖО, 1895, № 17, с. 322, в цикле «Отклики». Печ. по ЧР, с. 170, в разделе «Отголоски». Автограф с датой: «20 марта 1895» — ПД.

379. «Нива», 1895, № 20, с. 472, под загл. «„Красная весна“. Фантазия». Печ. по ЧР, с. 94. Автограф с датой: «20 апреля 1895» — ПД. *Быков Петр Васильевич* (1843—1930) — писатель и библиограф, автор многочисленных биографических очерков о выдающихся литературных деятелях. *Рамень* — ромашка. *Троица* — весенне-летний празд-

ник, пятидесятый день после Пасхи. *Семик* — четверг на русальской (семицкой), седьмой неделе после Пасхи. Этот день отмечался ритуальным гулянием девушек, которые ходили «завивать» березки — пригибать и переплетать их с травой, связывать концы веток в кольцо, в виде венка.

380. ТЖ, с. 69. «Обман, нас возвышающий» — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Герой».

381. «Нива», 1896, № 15, с. 344. Печ. по сб. «„Бывальщины“ и „Картины Поволжья“», СПб., 1899, с. 12, где народно-балладные стихотворения Коринфского были объединены в отдельный раздел «Бывальщины», в который, наряду с другими, вошли стихотворения «Русалочная заводь», «Святогор», «Красная весна», «Микула». Автограф — ПД. В критике этот сборник вызвал разноречивые мнения. В определенной части критики Коринфский оценивался как один «из немногих видных представителей поэзии, успешно разрабатывающих русские национальные темы. В своих стихах он захватывает все «бывалое». Поет он Святогора-богатыря, этого Самсона земли русской, и самую Русь... в этой стороне своей деятельности он является достойным подражателем «короля русских поэтов» К. К. Случевского и покойного гр. А. К. Толстого («Кавказ», 1899, 24 июня). Но в большинстве критических отзывов «бывальщины», напротив, оценивались как мнимо народные и подражательные произведения. «Кое-что он, конечно, сам от себя присоединяет к подражательным вещам. Но этого своего, самостоятельного, вдохновенного, так мало в массе навеянных звуков...» — писал В. Буренин («Новое время», 1899, 24 сентября). Подобным же образом «бывальщины» характеризовались и в рецензии, появившейся в газете «Россия». Они назывались «рабским подражанием» балладам и легендам А. К. Толстого («Россия», 1899, 5 июня). *Микула* — образ богатыря-крестьянина, является в былинах воплощением народной силы. *Шишак* — шлем, каска с гребнем или хвостом. *Шелепуга* — плеть, кнут, палка. *Волх Всеславьевич* — могучий богатырь. В былине рассказывается о его походе в Индийское царство, о том, как «завладел он всей Индейской богатою». Этот поход в Индийское царство сопоставляют с походом Олега в Царьград. *Ставр, Поток* — герои былин о верной и неверной женах. Однако в былинах этому сказочно-житейскому сюжету придается героический характер. *А сохи его кленовой не взяла и Вольги рать*. Микула победил князя Вольгу Святославовича и его дружину, которая не могла «сошки с земельки повыдернуги, из омешков земельку повытряхнути, бросити сошку за ракивов куст». *Сумки ратая холицовой Святогор не мог поднять*. Воин-богатырь Святогор не в силах был поднять сумочку с тягою земною, которую нес на своих плечах и бросил на дороге Микула.

382. «Север», 1896, № 33, с. 1150. Автограф без загл., с датой: «14 июня 1896» — ПД.

383. РО, 1896, № 7, с. 163, без загл., в цикле «Из Волжского альбома». Печ. по сб. «„Бывальщины“ и „Картины Поволжья“», СПб., 1899, с. 243.

384—385. ВИ, 1896, № 1437, с. 148, в цикле «Под сенью сосен». Автографы с датами: «21 июля» и «22 июля 1896» — ПД. В рецензии на сб. ТЖ эти стихотворения отмечались как «лучшие пьесы г. Коринфского... где сказывается нечто неуловимо бледное, тихое и совершенно пассивное. В них г. Коринфский вполне естествен и непосредствен. Таковые: «Под темным паместом сосны вековой...», «К пустынному приволью...» и подобные...» («Новое время», 1897, 1 января).

386. КпНед, 1896, № 11, с. 26, в цикле «На плотях (Из поволжских сказаний)», под загл. «У пристани». Печ. по ТЖ, с. 204, в цикле «На плотях (Из «Картин Поволжья»)». Автограф без загл., с датой: «4 августа 1896» — ПД.

387. «„Бывальщины“ и „Картины Поволжья“», СПб., 1899, с. 7. В тетради автографов стихотворений за 1898 г. (ПД) вклеены корректурные листки с правкой А. А. Коринфского и пометой: «Оба стихотворения были прочтены мною на художественно-литературном вечере, устроенном Л. Б. Яворской в память гр. А. К. Толстого 10 декабря. В *годину смутную озлобленной борьбы*. Подразумеваются 60-е годы, время острейшей общественно-идеологической борьбы. «*Гость случайный*», «*Двух станов не боец*» — цитаты из стихотворения А. К. Толстого «Двух станов не боец, но только гость случайный...» ((1858)). «*Любовь, широкая — как море*... «*земные берега*» — цитата из стихотворения А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...» (1858). *Змей-Тугарин* — образ злейшего врага в русских былинах. В Тугарине видят отражение исторического лица — половецкого хана Тугорхана (XI в.). *Илья Муромец*, *Поток*, *Алеша Попович*, *Добрыня Никитич* — самые популярные образы богатырей русских былин. В конце 60-х — начале 70-х годов А. К. Толстой написал ряд былин: «Змей Тугарин» (1868), «Поток богатырь» (1871), «Илья Муромец» (1871), «Алеша Попович» (1871); в некоторых из них фольклорные сюжеты тенденциозно связывались с современностью. «*За честь нашей родины я не боюсь!*»... «*Нет, шутишь! Жива наша русская Русь!*» — цитата из былин А. К. Толстого «Змей Тугарин».

К. Р.

388. Стих. 1886, с. 1. Автограф — ПД. Положено на музыку Е. Ф. Алениным, Ц. А. Кюн, С. В. Рахманиновым, С. В. Юферовым и др.

389. ВЕ, 1882, № 8, с. 421. Автограф — ПД. Во всех последующих изданиях — в разделе «Библейские песни». Я. П. Полонский в письме к К. Р. от 20 января 1887 г. особенно отметил «вполне безукоризненное и даже художественное стихотворение „Псалмопевец Давид“» (ПД). Положено на музыку М. М. Ипполитовым-Ивановым, Э. Ф. Направником и др. *Давид* — царь древнего Израиля (конец XI — середина X в. до н. э.). Ему приписывается создание духовных песнопений (псалмов). В юности был оруженосцем царя Саула. По библейскому преданию, Давид, искусный в музыке, играл царю на арфе.

когда того возмущал злой дух, «и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него» (Первая книга царств, гл. XVI, ст. 14—23).

390. Стих. 1889, с. 5. Положено на музыку Ц. А. Кюи, П. И. Чайковским.

391. ВЕ, 1882, № 9, с. 288; Стих. 1886, под загл. «В Венеции». Печ. по Стих. 1889, с. 140, в цикле «В Венеции». Автограф — ПД. Положено на музыку Г. В. Готом, Э. Ф. Направником, В. Т. Соколовым. *Палаццо дождей* — Дворец дождей, строился на протяжении столетий (IX—XIV вв.), служил резиденцией правителей Венеции. *Пьяцетта* — небольшая площадь. На границе Пьяцетты и набережной стоят две массивные колонны, вывезенные из Египта в XII в. На одной из них установлено мраморное изваяние св. Федора, на другой — бронзовый лев — эмблемы церкви и Венецианского государства.

392. Стих. 1886, с. 43. Положено на музыку К. К. Варгиным, М. В. Анцевым.

393. Стих. 1886, с. 65. Автограф — ПД. Откликаясь на получение первого сборника стихотворений, А. Н. Майков писал 20 сентября 1886 г. К. Р. в связи с этим стихотворением: «Лирка передает минутное настроение, улавливает мимолетный миг — и лирические стихотворения, прочитанные порознь и в разные времена, улечиваются в памяти, как блеснувший метеор. Собранные же вместе, они — черта за чертой — очерчивают духовный облик поэта, его симпатии и антипатии, его стремления, его идеалы жизни, его внутреннее я... В стихотворениях у Вас есть один, не раз повторяющийся мотив, который в осадке впечатлений у читателя остается господствующим... это тот, который наконец так триумфально выразился в стихах:

В борьбе непрестанной с могучею страстью
Опять побежден ненасытный недуг,
И с новою силой, и с новою властью
Воспрянет опять торжествующий дух.

Эта победа духа, эта победа долга — есть истинный, единственный христианский выход из-под жизненных бурь, это спасение, это залог многого доброго. И так как он в ряде стихотворений перевивается с другим мотивом — с любовью к России, то как же не назвать впечатление — радостным!» (ПД)

394. Стих. 1886, с. 68. Автограф — ПД. В сентябре 1886 г. К. Р. послал П. И. Чайковскому первый сборник своих стихотворений. «Быть может, — писал он, — которое-нибудь из них покажется Вам подходящим для переложения на музыку» (ПД). Чайковский ответил, что «многие из них пропикнуты теплым искренним чувством, так и просящимся под музыку» (ПД). В конце 1887 г. композитор на тексты поэта сочинил шесть романсов. Посылая их К. Р., Чайковский писал о том, в каких неблагоприятных для него условиях создавались эти романсы: «Помню, что я писал их после постановки

«Чародейки», неуспех которой глубоко огорчил меня; при том же я имел тогда перед собой большую заграничную поездку, очень пугавшую меня; одним словом, состояние духа было не такое, какое требуется для удачной работы... В результате должны были получиться не особенно удачные романсы, хотя я и очень старался, чтобы хорошо вышло... «Растворил я окно» и еще «Уж гасли в комнатах огни» суть, по-моему, лучшие из шести» (ПД). Кроме Чайковского, это стихотворение было положено на музыку Ю. И. Блейхманом, М. К. Липпольдом.

395. Стих. 1889, с. 50. Положено на музыку Е. Ф. Алениным, А. Н. Алфераки, А. Н. Корещенко.

396. Стих. 1886, с. 81. Во всех последующих изданиях — в разделе «Библейские песни». См. примеч. 389. Положено на музыку А. Н. Алфераки, М. М. Ипполитовым-Ивановым и др.

397. Стих. 1886, с. 83. Печ. по Стих. 1889, с. 51. Автограф — ПД. Положено на музыку А. Н. Алфераки, С. В. Зарембой, Ц. А. Кюн, Э. Ф. Направником и др.

398. Стих. 1886, с. 174. Автограф — ПД. См. примеч. 394. Положено на музыку П. В. Акимовым, Г. П. Злобиным, П. А. Колоколовым, П. И. Чайковским.

399. Стих. 1889, с. 213, без ст. 85—92. Печ. по Стих. 1913, т. 1, с. 366. Автограф — ПД. А. А. Фет в письме к К. Р. от 19 декабря 1886 г. свою оценку этого стихотворения сопроводил интересными рассуждениями о поэтическом мастерстве: «...у поэта нельзя отрицать права размахнуться такой специальной картинкой, как нельзя отнять права у живописца-художника бойко нарисовать пером игривый очерк в альбоме. Но все-таки этот род не может один упрочить поэтического кредита. Стихотворения на известные случаи самые трудные, и это понятно: нужна необычайная сила, чтобы из тесноты случайности вынырнуть с жемчужиной общего, вековечного. Конечно, прощание Пушкина с иностранкой случайно, но он и не бьет на эту случайность, а лишь на —

«но ты от страстного лобзанья
свои уста оторвала»,

которое составляет вековечное содержание искусства и только одной поэзии потому, что изображения этого момента для всех иных искусств недоступны. Поэзия непременно требует новизны, и ничего для нее нет убийственнее повторения, а тем более самого себя. Хотя бы меня самого, под страхом казни, уличали в таких повторениях, я, и сознавшись в них, не могу их не порицать. Под новизною я подразумеваю не новые предметы, а новое их освещение волшебным фонарем искусства. Стихотворение, подобно птице, пленяет или задушевным пением, или блестящим хвостом, часто даже не собственным, а блестящим хвостом сравнения. Во всяком случае вся его сила должна сосредотачиваться в последнем куплете, чтобы чувствовалось, что далее нельзя присовокупить ни звука.

Вот главнейшие правила, которых я стараюсь держаться при стихотворной работе, причем, главное, стараюсь не переходить трех, много четырех куплетов, уверенный, что если не удалось ударить по надлежащей струне, то надо искать другого момента вдохновенья, а не исправлять промаха новыми усилиями» (ПД). Гончаров писал, что в стихотворениях К. Р., обращенных к родине из-за границы, «влечение к родине, тоска по ней и т. п. выражаются слишком общими местами... Вообще в чувствах к богу, к родине и другим высоким предметам — нужно исторгать из души вдохновенные гимны и молитвы и «ударять по сердцам с неслыханною силой», или — сознавая бессилие, умалчивать, чтоб не впасть в бесцветную похвалу и аффектацию» (И. А. Гончаров, Литературно-критические статьи и письма, Л., 1938, с. 349). *Субалтерн* — младший обер-офицер, подчиненный ротному командиру. *Жалонер* — один из солдат, поставленный для указания расположения воинских подразделений на парадных смотрах.

400. Стих. 1886, с. 182. Печ. по Стих. 1889, с. 67. Стихотворения «Распустилась черемуха в нашем саду...», «Уж гасли в комнатах огни...» А. А. Фет отметил в письме от 27 декабря 1886 г. «как наиболее выдержанные в тоне и ближе подходящие» к «идеалу лирического стихотворения» (ПД).

401. Стих. 1886, с. 189. Автограф — ПД. Положено на музыку Б. Л. Левинзоном, А. А. Петровым.

402. Стих. 1886, с. 208. Печ. по Стих. 1889, с. 226. Это стихотворение, наряду с «Лагерными заметками», И. А. Гончаров считал «кульминационной точкой» первого сборника стихотворений К. Р. «Не знаю, какую цену Вы сами изволите придавать этим трем стихотворениям, но что касается меня, то я нахожу... что в них, таких маленьких вещах, заключено, сжато больше признаков серьезного таланта, нежели во всем, что Вами написано, переведено и переложено прежде.

Почему? Потому что эти очерки взяты из Вашей собственной личной жизни и взяты прямо, непосредственно... собственным, умным, наблюдательным и поэтическим оком взглянули Вы на Вашу жизнь, Вашу среду и всю обстановку, словом, Вы писали с натуры — и потому очерки вышли живы, верны, колоритны, словом, жизненны, полны искренности, т. е. художественной правды». Далее Гончаров отметил, что стихотворение «Умер» «напоминает некрасовские стоны и слезы о народе» (ПД). В песенники 1890-х годов стихотворение включалось с подзаг. «народная песня» (см. «Песни и романсы русских поэтов», Библиотека поэта, Б. с., М.—Л., 1965, с. 1058).

403. Стих. 1886, с. 218. Положено на музыку В. Н. Алениковым, Э. Я. Длусским, А. Н. Корещенко.

404. НС, с. 135, вместе со стихотворением «Снова дежурю я в этой палатке...», под общим загл. «В дежурной палатке». Автограф под загл. «Лагерный сонет» — ПД. Стихотворение вызвало разноречивую оценку у Фета и Гончарова. Об этом расхождении взглядов на одно и то же стихотворение у «двух ценителей и писателей, заслу-

живающих одинакового почитания и значения», К. Р. сообщал А. Н. Майкову в письме от 16 ноября 1888 г.: «... между тем, иное мое стихотворение сплошь да рядом подвергается порицанию Гончарова за бессодержательность и отсутствие зрелой мысли и похвале Фета за художественность» (ПД). Отношение Фета к этому стихотворению было настолько восторженным, что он решил прочитать его Л. Н. Толстому. «Только буду читать: «мчатся тенью проворной и шаткою», так как «скользя тенью шаткою» излишним накоплением слов нарушает плавное течение стиха...» В следующем письме Фет сообщал К. Р. о визите к Л. Н. Толстому: «... зная его враждебное отношение к стихам, я все-таки принес ему Ваш «Лагерный сонет», и, прижав, как ужа вилами, к стене, заставил понять, что это жизненно, правдиво и изящно... Толстой остановился было недоверчиво на слове «шаткою», но я пояснил ему, что облака, представляя ряды то с более широкими, то с более узкими массама, при движении кидают тени, шаткие, на что он сказал: „А! да!“ (ПД). Гончаров, напротив, расценил стихотворения, вошедшие в цикл «В дежурной палатке», как совершенно прозаические: «Можно и должно пожелать более сознания и крепости, зрелости и в выборе сюжета и в отделке стиха. Много является дум, чувств и образов, которые просятся в душу поэта и в стих, но нельзя же допускать всех «званных», а только «избранных», чтоб не плодить стихов без творчества, к чему так склонна ранняя молодость» (И. А. Гончаров, Литературно-критические статьи и письма, Л., 1938, с. 346).

405. НС, с. 13. Автограф с эпиграфом «Le bon, le bon vieux temps» («Доброе, доброе старое время», франц.) — ПД. В автографе после строфы 4 две дополнительные строфы:

Крылатый балкон под тенистым навесом
 С видом далеких полей,
 Озеро с редким березовым лесом,
 Быстрый и шумный ручей.

Бедные избы, зеленые нивы,
 Хмелем увитый забор,
 Кладбище, церковь, плакучие ивы,
 Сельский широкий простор.

На полях чья-то помета: «Ужасно подробное исчисление: его ведь можно продолжить до бесконечности. Надо выбрать несколько самых метких черт». В письме к Фету от 19 декабря 1886 г. К. Р. сообщал: «... я позволяю себе посвятить вам стихотворение, написанное уже после напечатания моего сборника; оно навеяно вашим знаменитым стихотворением: «Шепот, робкое дыханье». Я постарался в нем избежать глаголов, подражая вам» (ПД). Это стихотворение послужило А. А. Фету поводом для интересных высказываний о сущности лирической поэзии. Отметив «некоторую долготу» стихотворения, Фет писал: «Выбирая даже самый благодарный материал, необходимо строго, художественным чутьем прозреть ту цельную и красивую фигуру, которую желательно воспроизвести; при этом излишний материал, как бы красиво извилист он ни был, должен быть немилосердно отрезаем. Тут поневоле вспомнишь слова Платона, обращен-

ные к царственному ученику Дионисию, что «для царей нет особенной, более легкой математики»... поэтическое ремесло находится в том же безотносительном положении... Едва ли я ошибусь, сказавши, что свободное искусство, невзирая на прекрасный и, по-видимому, благодарный материал, требует от возникающего произведения собственного *raison d'être*... Странствие, счастье, гнев, ужас и т. д., словом сказать, все мотивы дороги поэту, как мотивы к произведению стройных и одноцентренных выпуклостей, а о том, что кто-то страдал неведомо чем, а другой при лунном свете его любил, может быть гораздо толковее разъяснено прозой, и рождается вопрос: зачем же тут стихи и рифмы? ...Лирическое стихотворение подобно розовому шипку: чем туже свернуто, тем больше носит в себе красоты и аромата» (ПД).

406. НС, с. 15. Автограф — ПД. Об этом стихотворении Фет в письме к К. Р. от 3 апреля 1888 г. писал: «О приложенном Вами стихотворении скажу свое мнение, которому желал бы найти поддержку со стороны других ценителей. Тургенев говорил мне: «ваше дело верно ударить по намеченной струне, и душа наша сейчас запоеет ей в унисон. Излишние подробности только смутят впечатление». Согласно этому наставлению скажу, что удар первого куплета и верен и красив. Я бы только слово «исчезли», наводящее на неверное представление (ибо если они исчезли с дерева, то целы у его корня), заменил словом «умчались». Два следующих куплета, лежащих всецело в первом, я бы совершенно выбросил и продолжал бы стихами четвертого куплета, который бы кончил так:

«Хоть на миг было мной позабыто
Среди этих незлобивых дней»,

так как ни о каких полях до сих пор не было речи, и потому нельзя относить к ним местоимение «этих». А затем все как есть до конца надо оставить в настоящем виде» (ПД). К. Р. исключил из окончательного текста две строфы:

В тишине безмятежной природы
Отдохнул я усталым умом,
То отрадное время свободы
Мне чарующим кажется сном.

И как был этот сон лучезарен
После долгих волнений и смут.
Я глубоко судьбе благодарен
За те несколько светлых минут.

Стихи, вызвавшие замечания Фета, были автором исключены.

407. НС, с. 110. Автограф — ПД. Об отношениях с А. А. Фетом см. биогр. справку, с. 457.

408. РВ, 1889, № 3, с. 92. Автограф — ПД. Фет в письме к К. Р. от 8 октября 1887 г., отметив в этом стихотворении «сжатость и гармонию стихов и чувства», предлагал в последнем стихе вместо «лишь

только» поставить «только что» (ПД). Положено на музыку Е. Ф. Алеевым, Д. Волковым, Е. Н. Грече-Соболевской, Я. Израэлем, А. А. Копыловым, Л. В. Николаевым, М. Н. Офросимовым и др.

409. РВ, 1889, № 3, с. 93. Автограф — ПД. Положено на музыку А. Н. Алфераки, В. В. Варгиным, Р. М. Глиэром, Вас. С. Калининковым, А. А. Копыловым и др.

410. НС, с. 159, в разделе «Из полковой жизни». Гончаров в письме к К. Р. от 3 октября 1888 г. подверг это стихотворение подробному разбору: «Ваше высочество справедливо заметили о стихотворении «Уволен», что в нем со стороны техники заметен шаг вперед. . . Что касается до замечания о том, что в солдате «образа нет», то оно, пожалуй, имеет долю правды: лицо не взято с природы, не создано фантазией, а описано, сочинено. Но в этом произведении дело не в образе и характере солдата, а в его драматическом положении, в горьком одиночестве после смерти жены и сына. Все это не разработано и потому бледно и не затрагивает читателя за живое. Психический анализ его горя при разлуке с женой и сыном и потом после смерти их — отсутствует, автор не встал в положение всех этих лиц, не уловил потрясающих движений души, не заглянул глубоко в их сердце — и не передал той внутренней драмы, какая разыгралась в них и разбила жизнь этого бедняка» (И. А. Гончаров, Литературно-критические статьи и письма, Л., 1938, с. 347—348).

411. ТСС, с. 21, в разделе «Ночи». Автограф — ПД. В связи с этим стихотворением Я. П. Полонский писал К. Р.: «. . у всякого поэтического или вообще художественного произведения реальная подкладка необходима. Так, в молитвенном экстазе, в религиозном созерцании непостижимого муза Ваша имела бы полное право сказать: «Позабыт мир земной!» или «Ночью ль такой помышлять о земном. . .». Эти слова ее имели бы реальную нравственную почву — религиозный экстаз, — но в Ваших ночах нет этой почвы. . . Для Вас полновластная ночь тайной неги полна, — Вы упоены сладостно и с нежной тоской ей внимаете — Вы хотите вдоволь насладиться сладостной песней соловья — и в то же время восклицаете: ночью ль такой помышлять о земном. Это психологически не совсем верно выражено, и Ваша муза в своей идеализации переходит за грань естественного, земного чувства» (ПД).

412. ТСС, с. 3, без посвящения, в разделе «У берегов». Печ. по Стих. 1913, т. 1, с. 10. Автограф — ПД. По поводу этого стихотворения Фет писал К. Р. 12 октября 1889 г.: «. . в стихотворении «У озера» я выкинул бы два стиха, начиная: «И пробегут часы! . .» до слов: «печалью и борьбой», которые, по-моему, дидактически расхолаживают впечатление, полученное читателем, который если не понял всего уже сказанного в первых пяти строках, должен читать календари, а не стихотворения» (ПД). По совету Фета К. Р. из текста исключил две строки:

И пробегут часы. . . Забудешь мир земной
С его тревогами, печалью и борьбой.

413. ТСС, с. 43, в разделе «Солдатские сонеты». Автограф — ПД. Я. П. Полонский в письме от 24 января 1891 г. подробно изложил свои впечатления о «Солдатских сонетах»: «В стихотворных сонетах Вы спускаетесь на землю, но и тут идеализм... заслоняет действительность. Дай бог, чтобы солдат, обученный в роте, покидая полк, не искал себе места в швейцары, лакен или дворники. Дай бог, чтобы он, вернувшись в деревню, без пренебрежения отнесся к прежнему земледельческому труду и по-прежнему сеял овес, рожь и пшеницу. Дай бог, чтобы он остался трезвым... а вы посылаете его сеять семена любви и правды. Да на святой Руси и священников немного таких, которые бы сеяли семена любви и правды (речь идет о стих. «Новобранцу». — *Ред.*). Не ясно ли, что солдат вами идеализирован, и как бы ни были прекрасны стихи ваши, наша скептическая публика не поверит им. Она поверит, что вы солдата проводите грустным взглядом, и что он не поймет Вашей грусти, но его святой простоте откажется верить. Наш народный рассказ: «Яшка — красная рубашка» — да и поговорка русская: «мужик хоть и сер, да ум его волк не съел» — явно намекает, что как наш мужик, так и солдат далеко не чужд смекалки или практической житейской хитрости. Я так люблю Ваши стихи и так охотно читаю их, что вовсе бы не хотел, чтобы Ваши читатели, прочитавши их, сказали, вздыхая: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете...»... Я... хочу от Вас настоящего художества и такого глубокого проникновения в жизнь, которое дается только людям особенно чутким и впечатлительным...» (ПД)

414. ТСС, с. 6, вместе со стихотворением «Здесь не видно цветов, темный лес поредел...», под общим загл. «У Балтийского моря», в разделе «У берегов». Автограф — ПД. К. Р., посылая Фету это стихотворение, посетовал на то, что ему не удалось «сжать настолько мысль, здесь выраженную, чтобы она улеглась в 3-х строфах и чтобы в предпоследней не было необходимости» (ПД). Фет согласился с ним: «Всякие, хотя бы наилучшие рассуждения не уживаются в лирических строфах и торчат из них, как шило из мешка. К счастью, третий этот куплет совершенно в стихотворении лишний... Равным образом я бы предложил по поводу двух изъяснцев во втором куплете: пенясь вместо пёнясь и отражая, неверное по отношению к бурным валам, — изменить этот куплет приблизительно так:

А сегодня косматой грядою валы,
В шумной пене дробясь у прибрежной скалы,
Бурно рвутся на приступ могучий,
Обгоняя свинцовые тучи.

Весьма естественно стихотворение может закончиться стихами:

Но улягутся волны, и завтра опять
Будут берег любовно и нежно ласкать,
Просветлеют небесные дали,
Как теспившие сердце печали». (ПД).

Из окончательного текста строфа 3 не была исключена. Положено на музыку Е. В. Павловой.

415. Стих. 1911, с. 21, в разделе «Времена года».

416—417. ТСС, с. 4, под загл. «Иматра», в разделе «У берегов» — стихотворение «Ревет и клокочет стремнина седая...». Печ. по Стих. 1913, т. 1, с. 11, где вместе со стихотворением «Над пенистой, бурной гучиной...» под общим загл. «На Иматре». Автографы — ПД. Фет в письме К. Р. от 20 мая 1890 г. писал, что «был увлечен стремительным волнением амфибрахий. Только во избежание и без того частых и, я сказал бы в последнем куплете „Весь ужаса полный...“» (ПД).

П. Д. БУТУРЛИН

Сонеты

418. Набл., 1885, № 10, с. 56. *Шевченко Т. Г.* (1814—1861) похоронен на высоком берегу Днепра близ г. Канева.

419. ЖО, 1887, № 13, с. 194, под загл. «Сонет». Печ. по «Космополис», 1897, № 3, с. 73, где оно помещено как неизвестное в числе других четырех сонетов с редакционным примечанием, в котором сообщалось, что все публикуемые произведения Бутурлина получены от его вдовы (ошибочно считавшей их все неопубликованными и предоставившей в распоряжение редакции рукописи).

420. Набл., 1890, № 8, с. 237. В стихотворении использован распространенный в европейском искусстве преимущественно XIX века мотив «Totentanz» («Пляска смерти»), восходящий, возможно, к рисункам Г. Гольбейна «Образы смерти», сыгравшим важную роль в развитии сатирической линии искусства Возрождения. Непосредственно тема и образы стихотворения Бутурлина восходят к источникам более близким: «Балу» А. Одоевского и «Камаринской» К. К. Случевского. Впоследствии эта тема широко разработана Блоком в цикле «Пляски смерти» (1912—1914).

421. ДС, с. 11.

422. ДС, с. 6. *Царёвич Алексей Петрович* (1690—1718) — сын Петра I от первого брака. Был противником реформ, проводившихся его отцом, и группировал вокруг себя реакционную часть боярства, противодействовавшую нововведениям. Вынужден был скрыться в Италию, чтобы избежать наказания. Боярин П. А. *Толстой* (1645—1729), прибегнув к хитрости, доставил царевича в Россию, где тот был казнен. *Капнист П. И.* — гимназический товарищ Бутурлина.

423. РО, 1893, № 11, с. 42, без загл.; «Сонеты». Печ. по СПДБ, с. 70.

424. Набл., 1893, № 1, с. 162, под загл. «Сонет». Печ. по СПДБ, с. 31. Подражание сонету Бодлера «Непокорный».

425. РО, 1894, № 3, с. 520. *Перун* — верховное божество в языческих верованиях древних славян, бог дождя, грома и молний. *Лель* (слав. миф.) — бог любви.

426. «Сонеты», с. 38. *Аполлон* (греч. миф.) — бог света и покровитель искусств, здесь иносказательно обозначает искусство вообще или стремление к прекрасному. *Лета* (греч. миф.) — см. примеч. 72. *Геликон* (греч. миф.) — гора в Греции, на которой обитали музы.

427. РО, 1895, № 7, с. 32. *Андре Шенье* (1762—1794) — французский поэт, участник буржуазной революции. Находился в лагере умеренных, выступал против революционной диктатуры. Обвиненный в заговоре в пользу монархии, был казнен якобинцами. *Пинд* — горный хребет в Греции; согласно преданию, одно из владений бога Аполлона. *Тайгет* — горный хребет в Греции. *Кифара* — древнегреческий струнный музыкальный инструмент, род лиры. *Музагет* (греч. миф.) — бог Аполлон, предводитель муз. *Парки* — см. примеч. 71. *Рапсод* — странствующий певец в Древней Греции.

428. «Сонеты», с. 44.

429. «Сонеты», с. 45. *Родина сонета* — Италия.

Разные стихотворения

430. Набл., 1887, № 7, с. 332. Стихотворение Бутурлина — переложение библейского сюжета. *Суламита* (Суламифь) — согласно Библии (см. «Песнь песней»), возлюбленная царя Соломона. *Сарон* — плодородная долина в Палестине. *Сидон* — один из главных городов Финикии. *Чермные пучины* — Красное море. *Ниневия* — столица древней Ассирии. *Вертоград* — сад. *Ливан* — горный массив на побережье Средиземного моря.

431. Набл., 1888, № 4, с. 301. *Баядера* — индийская танцовщица и певица. *Эверест* — горная вершина в Гималайских горах, самая высокая точка земного шара. *Дельхи* (Дели) — столица Индии. *Лотос* — водное растение, цветы которого считаются священными. *Нирвана* — буддийское учение о блаженстве, в переносном смысле — состояние совершенного покоя, усыпления, смерти.

432. «Сибилла», с. 44.

433. «Сибилла», с. 45. *Рондо* — стихотворная форма, возникшая во французской поэзии в XIV в. Стихотворение Бутурлина является вариантом распространенных в начале XX в. стилизаций под классическое рондо.

434. «Сибилла», с. 82. *Элада* — Греция. *Парос* — остров в Эгейском море, славится залежами мрамора высокого качества.

435. «Сибилла», с. 85.

436. «Сибилла», с. 89.

437. «Сибилла», с. 99.

438. «Сибилла», с. 102.

439—441. «Сибилла», с. 105. Этот цикл был отмечен критикой как один из наиболее удачных у Бутурлина. П. П. Перцов в своих воспоминаниях противопоставляет удачные на его взгляд стихи этого цикла неудачным попыткам Бутурлина создать в русской поэзии сонетную форму: «Несмотря на весь свой сонетный фанатизм, он ничего не добился — сонетная форма, свойственная пластическим романским языкам, осталась и после Бутурлина довольно чуждой тоническому русскому языку. К тому же и сам Бутурлин имел дарование музыкального, фетовского, а вовсе не пластического, майковского склада, — как убедительно показывает его шедевр, превосходная «Мальтийская песня»...» Далее Перцов полностью приводит стихотворение «Ночи у моря мятежного...» и заключает: «Такое стихотворение в 1895 году по своей фактуре было совершенно исключительным» (П. Перцов, Литературные воспоминания, М.—Л., 1933, с. 164—165). *Мальта* — остров в Средиземном море.

442. «Сибилла», с. 120.

443. «Сибилла», с. 128.

444. «Сибилла», с. 129. *В. Ю. фон Дрентельн* — гвардейский офицер и поэт, печатавший в 1880-х годах стихи под псевдонимом «В. Юрьев», приятель Бутурлина. *Пегас* — в греческой мифологии крылатый конь, символ поэтического вдохновения. *Золя Эмиль* (1840—1902) — французский романист, глава натуралистической школы, в эстетике которой значительную роль играли детальные описания. *Икар* (греч. миф.) — юноша, попытавшийся вместе с отцом своим Дедалом перелететь море на крыльях, прикрепленных к телу воском, однако под солнцем воск растаял и герои погибли.

445. РО, 1891, № 6, с. 535.

446. СПДБ, с. 221.

447. СПДБ, с. 252.

С. А. САФОНОВ

448. «Север», 1891, № 3, с. 329, под загл. «Nocturno»; Стих. 1893, под загл. «Темнее ночь...». Печ. по Стих. 1914, с. 30.

449. «Север», 1891, № 9, с. 514.

450. «Север», 1891, № 16, с. 977. Печ. по Стих. 1893, с. 59.

451. «Север», 1891, № 19, с. 1135, под загл. «На заре». Печ. по Стих. 1893, с. 36.

452. РВ, 1892, № 7, с. 39. Печ. по Стих. 1893, с. 27.
453. «Север», 1892, № 44, с. 2275.
454. РВ, 1892, № 12, с. 32. Печ. по Стих. 1893, с. 29.
455. РВ, 1893, № 12, с. 7.
456. Стих. 1893, с. 34, с посвящением К. А. Колобкову. Печ. по Стих. 1914, с. 41.
457. РВ, 1894, № 2, с. 18.
458. ЛПКН, 1894, № 9, с. 81. Положено на музыку И. А. Бородиным.
459. РВ, 1895, № 2, с. 68.
460. ЛПКН, 1895, № 8, с. 707, под загл. «Это было давно...» и с посвящением «Памяти Шопена». Печ. по Стих. 1914, с. 122. Положено на музыку А. Брезинским, И. И. Черновым, Е. Юнкельном и др.
461. Стих. 1914, с. 96.
462. Стих. 1914, с. 23.
463. Стих. 1914, с. 60.
464. Стих. 1914, с. 63.
465. Стих. 1914, с. 66.
466. Стих. 1914, с. 72.

Ф. А. ЧЕРВИНСКИЙ

467. «Труд», 1889, № 10, с. 398.
468. ВИ, 1889, № 1030, с. 463.
469. «Труд», 1890, № 4, с. 392.
- 470—471. «Труд», 1890, № 11, с. 470, стих. «Словно сказочная фея...». Печ. по «Стихи», СПб., 1892, с. 157.
472. РМ, 1890, № 6, с. 158.
473. СВ, 1890, № 7, с. 112. Печ. по «Стихи», СПб., 1892, с. 142.
474. СВ, 1891, № 1, с. 142.
475. ВИ, 1892, № 1199, с. 47.

476. РМ, 1892, № 2, с. 117. «Забывшие слова» — заглавие последнего, начатого перед самой смертью и оставшегося незавершенным произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. По свидетельству Н. К. Михайловского, Щедрин как-то сказал ему перед смертью: «Были, знаете, слова — ну, совесть, отечество, человечество, другие там еще... А теперь потрудитесь-ка их поискать!.. Надо же напомнить!» («М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», М., 1957, с. 313). См. вступ. статью, с. 15.

477. «Труд», 1893, № 1, с. 60. Навеяно стихотворением «Souvenir» французского писателя и поэта Альфреда Мюссе (1810—1857).

478. «Труд», 1893, № 3, с. 604. Перевод стихотворения «Good Night» английского поэта Шелли Перси Биши (1792—1822).

479. ЛПКН, 1893, № 10, с. 292. Итальянские картинки Червинского «В Вероне», «В Помпее» П. П. Перцов поместил в сб. «Молодая поэзия» (СПб., 1895). Впоследствии в своих воспоминаниях он писал: «Разбирая в своем письме сборник, Брюсов упрекнул меня за отсутствие итальянских стихотворений Мережковского, добавляя в скобках: «Ведь они же лучше, чем у Червинского!» Я, однако же, и посейчас предпочитаю провинциальную непосредственность Червинского обдуманным и перекультуренным итальянским пьесам Мережковского» (П. Перцов, Литературные воспоминания, М.—Л., 1933, с. 170).

480. «Север», 1894, № 4, с. 183. См. примеч. 479.

481. «Нива», 1894, № 44, с. 1040, под загл. «Из „Элегических мотивов“ Червинского». Положено на музыку В. А. Чечотта.

482. ЖО, 1897, № 24, с. 399.

483. ЖО, 1897, № 43, с. 762.

Д. М. РАТГАУЗ

484. Стих. 1893, с. 15. Положено на музыку П. И. Чайковским. Строка «И тебе ничего, ничего не сказал» восходит к строке Фета «Ничего, ничего не ответила ты» из стихотворения «Солнца луч промеж лип был и жгуч, и высок...» (см. об этом: В. Брюсов, Далекие и близкие, М., 1912, с. 186).

485. Стих. 1893, с. 72, без загл. Печ. по ПСС, т. 2, с. 65. Положено на музыку П. И. Чайковским, Ю. И. Блейхманом, М. К. Липпольдом.

486. Стих. 1893, с. 36. Положено на музыку П. И. Чайковским.

487. Стих. 1893, с. 28. Положено на музыку П. И. Чайковским.

488. Стих. 1893, с. 46, в составе 5 строф (с повторением строфы 1 в конце стихотворения). Печ. по ПСС, т. 1, с. 155. В Стих. 1893 строфа 2:

Куда-то сердце все стремится,
Любви полно,
И с чем-то светлым жаждет слиться
Навек оно.

489. Стих. 1893, с. 20, под загл. «Одиночество»; «Песни сердца», с. 55, без загл., с эпиграфом: «О, одиночество! о, нищета! — Альфред де Мюссе»; РМ, 1899, № 10, с. 160, без загл. и эпиграфа. Печ. по ПСС, т. 1, с. 123.

490. Стих. 1893, с. 84, без загл. Печ. по ПСС, т. 2, с. 14. В первой публикации иная заключительная строфа:

Только сердце сердцу внятно
Шепчет в тишине:
О, как я теперь спокойно,
Счастливо вполне!

Положено на музыку Р. М. Глиэром.

491. «Песни сердца», с. 21, под загл. «Мелодия». Печ. по ПСС, т. 1, с. 51. Положено на музыку Р. М. Глиэром, М. К. Липпольдом и др.

492. «Песни сердца», с. 43, под загл. «Память». Печ. по ПСС, т. 1, с. 50.

493. «Песни сердца», с. 76, с иной первой (и последней) строкой: «Серая вечность играет минутными снами», и без загл. Печ. по ПСС, т. 1, с. 60.

494. «Песни сердца», с. 9, без загл. Печ. по ПСС, т. 1, с. 167.

495. Набл., 1897, № 7, с. 163, под загл. «В хаосе». Печ. по ПСС, т. 1, с. 2.

496. Набл., 1898, № 9, с. 316, под загл. «В полусне». Печ. по ПСС, т. 2, с. 28. Положено на музыку М. К. Липпольдом.

497. Набл., 1899, № 4, с. 351, под загл. «Мечта». Печ. по ПСС, т. 1, с. 171. Положено на музыку П. И. Чайковским (1893), Ю. И. Блейхманом и др.

498. ПЛИП, с. 60. Печ. по ПСС, т. 1, с. 94.

499. ПЛИП, с. 75.

500. ПЛИП, с. 80.

501. «Театр и искусство», 1902, № 12, с. 258, без загл. Печ. по ПСС, т. 1, с. 3.

502. НС, с. 29. Положено на музыку А. П. Коптяевым, А. Н. Корещенко.

503. НС, с. 39, под загл. «Вся наша жизнь». Печ. по ПСС, т. 2, с. 3.

504. ПСС, т. 1, с. 47. Написано под влиянием стихотворения Фофанова «Звезды ясные, звезды прекрасные. . .». Положено на музыку М. М. Ипполитовым-Ивановым, А. Типяковым.

505. ПСС, т. 2, с. 88.

506. ПСС, т. 1, с. 84. Положено на музыку Ю. И. Блейхманом.

507. ПСС, т. 2, с. 101.

508. ПСС, т. 3, с. 46.

509. ВЕ, 1907, № 11, с. 295, под загл. «При свете звезд». Печ. по сб. Раггауза «Мои песни», М., 1917, с. 87.

510. «Нива», 1912, № 8, с. 156.

511. «Мои песни», М., 1917, с. 103. Было издано в 1917 г. в Киеве отдельной брошюрой с музыкой композитора В. А. Березовского и под заглавием «Гимн освобожденной России».

И. О. ЛЯЛЕЧКИН

512. ЖО, 1891, № 6, с. 98.

513. «Труд», 1891, № 4, с. 365.

514. «Труд», 1891, № 10, с. 385.

515. ЖО, 1891, № 22, с. 362.

516. ЖО, 1891, № 25, с. 410.

517. «Труд», 1891, № 15, с. 287.

518. «Труд», 1891, № 20, с. 136.

519. Книд., 1892, № 5, с. 120, с подписью: «И. Л — ин».

520. ЖО, 1892, № 25, с. 402.

521. «Север», 1893, № 33, с. 1779. По воспоминаниям П. П. Перцова, который включил это стихотворение в сб. «Молодая поэзия» (СПб., 1895), оно «казалось едва ли не на первом месте во внимании критики и публики, став каким-то символом «бесполезного» (и отменяемого) искусства — в его противоположности «полезному» (и приветствуемому). И Михайловский, и Скабичевский цитируют эту пьесу. Теперь эта фарфоровая пастораль не лишена своеобразной прелести, как обломок милых наивных времен. . .» (П. Перцов, Литературные воспоминания, М.—Л., 1933, с. 174—175). А. Скабичевский, выделив

это стихотворение Лялечкина, дал резкий приговор сборнику в целом: «Если бы я был составителем этого сборника, то эпиграфом к нему я избрал бы следующее начало стихотворения г. Лялечкина «Незабудки, васильки...». Я напечатал бы эти стихи на заглавном листе сборника именно потому, что они исчерпывают все содержание его. В какую бы вы ни заглянули страницу его, везде вы только и видите: «незабудки, васильки, васильки и незабудки». Мало ли что волнует и печалит людей, от чего они ликут или рыдают!.. ничего не существует для наших молодых поэтов, кроме созерцаний того, как «золотится в поле рожь, соловей рыдает где-то», и ничего не волнует их, не заставляет их рыдать, как лишь томительные своим однообразием любовные вождения „нет и нет моей малютки“» («Новости», 1895, 13 апреля). Поэт В. Шуф, представленный в сб. «Молодая поэзия», в своей рецензии на него иронически процитировал строчки из стихотворения: «Я принадлежал когда-то к цеху молодых поэтов, но мне, попросту сказать, наскучило петь про «васильки, незабудки, незабудки, васильки». Затем, я совершенно охладил к «малютке дорогой». После такого отступничества я не имел уже права считать себя молодым поэтом» («Петербургский листок», 1895, 14 апреля).

522—523. Набл., 1894, № 5, с. 318, 319. В письме к И. А. Бунину от 30 апреля 1894 г. Лялечкин писал: «Я только начинаю печататься в толстом журнале, и начинаю неудачно — с «Наблюдателя» и неудачными стихами «Из Шопенгауэра». Прочтите...» (Государственный литературный музей им. И. С. Тургенева в Орле, рукописный отдел).

524. ПЖ, 1894, 1 мая.

525—526. ПЖ, 1894, 17 июля.

527. ПЖ, 1894, 11 сентября.

528. ПЖ, 1894, 18 сентября.

529. ПЖ, 1894, 9 октября. Вольный перевод стихотворения Поля Верлена «Colloque sentimental» («Чувствительная беседа»). Переведено также И. Анненским.

530. ПЖ, 1895, 12 марта. В одном из писем к П. Перцову по поводу издания сб. «Молодая поэзия» Брюсов писал: «... читали ли Вы посмертные стихотворения Лялечкина в Петербургской жизни:

И Ваши символические глазки,
И Ваших уст застенчивый коралл.

Или:

То было тело нервного ребенка
От кончика ботинки до волос!

Клянусь, что это очаровательно! О стихотворении «Прочь бездушная действительность» я уже не говорю» (Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову, М., 1927, с. 15).

531. ПЖ, 1895, 12 марта. См. примеч. 530.

532. ПЖ, 1895, 12 марта. Перевод стихотворений «La matin gaiit ingénu...» и «Ton coeur est d'or pur, tout est vrai...» французского поэта *Катулла Мендеса* (1841—1909). См. примеч. 530.

533. ПЖ, 1895, 26 марта. См. примеч. 530.

534. ПЖ, 1895, 2 апреля.

Д. П. ШЕСТАКОВ

535. Стих. 1900, с. 1. Дата установлена предположительно по письму А. А. Фета к Шестакову от 2 января 1892 г., в котором Фет пишет: «Из вновь присланных стихотворений наиболее нравится мне обращенное ко мне». — Собр. П. Д. Шестакова (Москва). В одном из предыдущих писем (6 декабря 1891 г.), благосклонно отозвавшись о присланных ему Шестаковым стихах, Фет назвал одно из них «весьма красивым» (там же). Возможно, что ответом на эти слова явилась строка «Твой ласковый зов долетел до меня...». Включив стихотворение «А. А. Фету» в сборник 1900 г., Шестаков придал ему программный характер: оно открывало сборник и было набрано курсивом. Экземпляр сборника автор послал Вл. Соловьеву, с которым Фет находился, как известно, в дружеских отношениях. 16 января 1900 г. Вл. Соловьев ответил Шестакову: «Я очень тронут Вашим напоминанием о Фете. Веяние его почудилось мне и в Ваших стихах, которые проглотил с отрадою». За этими словами следовал рукописный текст ставшего впоследствии известным стихотворения «Les revenants» («Ду́хи»), обращенного к Шестакову, с иной, нежели окончательная, редакцией начальной строфы:

Глосом неслышимым ваша книжка милая
Мне его напомнила, и спасибо вам!
Сладко уноситься мне памятью унылою
К смертию завешенным юным берегам.

И обращение, и стихотворение были написаны Вл. Соловьевым на экземпляре отдельного издания рассказа А. К. Толстого «Упырь» (СПб., 1900), вышедшего с его предисловием.

536. Набл., 1893, № 2, с. 230. О взаимоотношениях А. А. Фета (1820—1892) и Шестакова см. его биогр. справку, с. 584, а также примеч. 535.

537. Набл., 1893, № 6, с. 245, в цикле из двух стихотворений под общим загл. «В саду». Печ. по Стих. 1900, с. 9. Авторский список 1898 г. под загл. «Фен» — собр. П. Д. Шестакова (Москва).

538. Набл., 1895, № 11, с. 378, под загл. «Воспоминание». Печ. по Стих. 1900, с. 23. Положено на музыку А. Чернявским (1905).

539. «Молодая поэзия. Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов. Составили П. и В. Перцовы», СПб., 1895, с. 207. Положено на музыку Л. Л. Лисовским (1898).

540. РО, 1896, № 9, с. 286. Автограф — в собр. П. Д. Шестакова (Москва), в тетради, датированной 1898 г., вместе с №№ 541—545.

541. «Литературный сборник», изд. «Волжского вестника», Казань, 1898, с. 174. Автограф — в собр. П. Д. Шестакова (Москва). См. примеч. 540.

542. Стих. 1900, с. 5. Автограф — в собр. П. Д. Шестакова (Москва). См. примеч. 540.

543. Стих. 1900, с. 13. Автограф — в собр. П. Д. Шестакова (Москва). См. примеч. 540. *Вакханка* (греч. миф.) — участница празднеств в честь бога плодородия и виноделия Вакха. *Наяда* (греч. миф.) — нимфа, обитательница текучих вод. *Тирс* (греч. миф.) — палка, увитая виноградными листьями, жезл бога Вакха и его спутников. *Эван, эвое* (греч.) — клич, которым сопровождалась празднества в честь Вакха; Эвое — прозвище этого бога.

544. Стих. 1900, с. 22. Автограф — в собр. П. Д. Шестакова (Москва). См. примеч. 540.

545. Стих. 1900, с. 29. Автограф — в собр. П. Д. Шестакова (Москва). См. примеч. 540.

546. Стих. 1900, с. 10.

547. Стих. 1900, с. 20.

548. Стих. 1900, с. 24.

549. Стих. 1900, с. 25.

550. Стих. 1900, с. 26.

551. Стих. 1900, с. 27.

552. Стих. 1900, с. 32.

553. Стих. 1900, с. 34.

554. Стих. 1900, с. 35. *Мюнье* — очевидно, Константин Мёнье (1831—1905), бельгийский живописец и скульптор, обращавшийся в своих работах к жизни простых людей (рабочих, рыбаков и др.).

555. Стих. 1900, с. 43. *Минерва* (римск. миф.) — богиня мудрости, отождествлялась с Афиной (греч. миф.), любимицей верховного бога Зевса.

556. Стих. 1900, с. 45. Стихотворение изображает сцену из быта первых христиан. *Сион* — гора в Иерусалиме, место паломничества христиан, здесь иносказательно — божественная тайна.

557. Стих. 1900, с. 47. «Декамэрон» — произведение писателя итальянского Возрождения Дж. Боккаччо (1313—1375), состоит из ряда новелл, объединенных в сборник; прославляет жизнь и ее наслаждения, утверждает независимость человеческой личности и свободу ее различных проявлений. *В темных угрозах чумы*. Действие «Декамэрона» начинается с описания чумы, охватившей Флоренцию, где группа людей укрылась в загородной вилле и стала заполнять досуг рассказами, составившими содержание сборника.

558. Стих. 1900, с. 49.

559—561. «Дальний Восток», 1970, № 7, с. 142. Стихотворение Г. печ. впервые по автографу (собр. П. Д. Шестакова, Москва).

Переводы

Из «Гомеровских гимнов»

562. «Ученые записки Императорского Казанского университета», 1899, кн. 4, с. 18. *Гейя* (греч. миф.) — олицетворение Земли, символ всего, что на ней находится.

Микеланджело

563—565. Стих. 1900, с. 67. *Микеланджело* Буонарроти (1475—1564) — итальянский скульптор, архитектор и поэт эпохи Возрождения. Шестаков одним из первых попытался передать особенности стиля сонетов Микеланджело на русском языке.

Теофиль Готье

566. Стих. 1900, с. 96. Данное стихотворение является одним из первых переводов на русский язык произведений *Теофиля Готье* (1811—1872) — французского поэта, представителя романтического искусства.

М. А. ЛОХВИЦКАЯ

567. Стих., т. 1, с. 177, в разделе «Под небом Эллады». *Сафо* (Сапфо) (конец VII — первая половина VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса. Особенно много переводов из Сафо на русский язык появилось в конце XIX — начале XX в. *На утесе стояла она*. В древности был создан миф о неразделенной любви Сафо к прекрасному юноше Фаону, из-за которого она покончила жизнь самоубийством, бросившись с Левкадийской скалы в Ионийское море. *Феб* (греч. миф.) — бог солнца. *Хариты* (греч. миф.) — богини, покровительницы поэзии, музыки, танцев. С именем харит древние

греки связывали все прекрасное и радостное в человеческой жизни. *Лесбос* — остров у западного берега Малой Азии. Сафо была уроженкой лесбийского города Эреса.

568. «Художник», 1892, № 5, с. 291. Печ. по Стих., т. 1, с. 7. Положено на музыку Ю. И. Блейхманом, В. А. Зирингом, Л. Л. Лисовским.

569. «Север», 1891, № 32, с. 1913, где ст. 1: «Так это был лишь сон!.. Отрадное виденье...»; Стих., т. 1. Печ. по Стих., т. 1, СПб., 1900, с. 26. Положено на музыку Р. М. Глиэром, К. Тидельманом.

570. «Север», 1892, № 15, с. 763.

571. «Север», 1891, № 3, с. 183. Положено на музыку Р. М. Глиэром, М. А. Мазуркевичем, А. В. Таскиным и др.

572. «Север», 1892, № 30, с. 1501. Печ. по Стих., т. 1, с. 140, в цикле «Русские мотивы». А. А. Коринфский в очерке о Лохвицкой, напечатанном после присуждения ей Пушкинской премии, писал об этом цикле: «„Русские мотивы“... М. А. Лохвицкой говорят о ее способности проникаться настроениями народа. Но в этих пьесах — при всей их красоте — не слышно внутреннего голоса народности. Они более близки к первоисточнику с внешней, технической, так сказать, стороны... Лучшие из этих пьес „Змей Горыныч“ и „Вихорь“» (А. А. Коринфский, Юные побеги русской поэзии (М. А. Лохвицкая). — «Север», 1897, № 44, с. 1405).

573. Стих., т. 1, с. 76. Автограф без загл. — ПД.

574. «Труд», 1894, № 24, с. 599. Входило в цикл «Русские мотивы» (Стих., т. 1).

575. «Север», 1894, № 1, с. 32. Автограф — ПД.

576. ВИ, 1894, № 1336, с. 190. Печ. по Стих., т. 1, с. 95.

577. «Труд», 1894, № 24, с. 368. Входило в цикл «Русские мотивы» (Стих., т. 1). См. примеч. 572.

578. ВИ, 1894, № 1350, с. 495, где ст. 1: «Случайный легкий разговор». Печ. по Стих., т. 1, с. 106. Положено на музыку В. Ф. Семеновым, П. Г. Чесноковым, М. И. Яковсоном.

579. Стих., т. 1, с. 118. Автограф без загл. — ПД. На петербургской сцене в 1893 г. была поставлена опера Ж. Бизе «Джамиле». По-видимому, эта опера послужила источником для стихотворения. Имя Джамиле было взято К. Д. Бальмонтом для стихотворения «Чары месяца» (см.: К. Д. Бальмонт, Стихотворения, «Библиотека поэта» (Б. с.), М.—Л., 1969, с. 622).

580. Стих., т. 1, с. 131. Автограф — ПД. Положено на музыку Р. М. Глиэром.

581. Стих., т. 1, с. 172, в разделе «Под небом Эллады». Печ. по Стих., т. 1, СПб., 1900, с. 178. *Афродита* (греч. миф.) — богиня любви и красоты, по одному из мифов, возникшая из морской пены и впервые вступившая на землю на о. Кипре, где особенно был развит ее культ. Отсюда другое ее имя: *Киприда*.

582. «Север», 1898, № 5, с. 139, под загл. «Перед грозой». Печ. по Стих., т. 2, с. 11. В записной книжке М. Лохвицкой (ПД) есть помета о том, что это стихотворение предназначалось в «Север» на 1897 г. Положено на музыку С. М. Ляпуновым.

583. «Север», 1897, № 16, с. 482.

584. ЛПКН, 1897, № 4, с. 847. В Стих., т. 2. помещено в качестве посвящения к тому. Автограф — ПД.

585. «Север», 1897, № 22, с. 673.

586. «Север», 1897, № 34, с. 1059. Печ. по Стих., т. 2, с. 20. Автограф — ПД.

587. СВ, 1897, № 10, с. 48. Автограф — ПД. «*Песнь песней*», *Саронские поля* — см. примеч. 430. *Тиара* — см. примеч. 64—65. *Галаадские воды*. Галаад — название гористой страны за Иорданом.

588. ЖО, 1897, № 44, с. 778. Автограф без загл. — ПД.

589. СВ, 1897, № 11, с. 92.

590. «Север», 1898, № 2, с. 36. В автографе (ПД) два варианта строфы 1:

Эван, эвоэ! начнем же пляски,
Желаньем смутным томится грудь.
Мне блещут взоры, мне снятся ласки,
От грез бесплодных хочу вздохнуть.

И:

Эван, эвоэ! Что медлят хоры?
Восторгом звуков насыться, грудь.
Пусть дремлют грезы, молчат укоры,
От мук бесплодных хочу вздохнуть.

Эван, эвоэ — см. примеч. 543.

591. «Север», 1898, № 44, с. 1379. Автограф — ПД. Входило в раздел «Новые песни» (Стих., т. 3).

592. Стих., т. 2, с. 14. Автограф под загл. «Мое зеркало» — ПД, где после ст. 6 следовала строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Но поймите, я женщина, я молода,
Я красивой и юной не буду всегда,
Пусть же пыл этих глаз, этих губ и ланит,
Отражая, навеки мой стих сохранит.

593. Стих., т. 2, с. 19. Автограф — ПД. Положено на музыку Е. Н. Грече-Соболевской, Н. Р. Романовой, М. И. Якобсоном.

594. Стих., т. 2, с. 37, в разделе «Зимние песни».

595. Стих., т. 2, с. 43. Автограф — ПД, под загл. «Мой Лионель», с зачеркнутой последней строфой:

[И когда я пропою
Песнь вечернюю мою,
Поднесет к устам свирель
Мой певец, мой Лионель.]

Под *Лионелем* имеется в виду К. Д. Бальмонт (он иногда подписывал свои стихотворения этим именем). К Бальмонту обращены и некоторые другие стихотворения («Если прихоти случайной...», «Эти рифмы — твои иль ничьи...», «Моя душа, как лотос чистый...» и др.). Положено на музыку С. Н. Василенко.

596. Стих., т. 2, с. 51. Автограф без загл. — ПД. *Кумирня* — языческая молельня.

597—598. Стих., т. 2, с. 53, 54. См. примеч. 595.

599. Стих., т. 2, с. 44. Положено на музыку Е. Н. Грече-Соболевской.

600. Сб. «Памяти Беллинского», М., 1899, с. 202. Входило в раздел «Под небом родины» (Стих., т. 3). Автограф — ПД. 3 апреля 1898 г. Лохвицкая сообщала П. А. Ефремову — секретарю Литературного фонда: «Правление Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова предложило мне участвовать в сборнике, издаваемом в память Беллинского. Уведомляю Вас, что я с удовольствием принимаю это приглашение и буду иметь честь прислать Вам в самом непродолжительном времени одно из моих стихотворений» (ПД). 24 апреля 1898 г. Лохвицкая отправила ему стихотворение «Метель» со следующим сопроводительным письмом: «Посылаю Вам в этом письме обещанное стихотворение для сборника памяти Беллинского. Если оно почему-нибудь покажется Вам неподходящим, будьте добры, уведомите меня об этом, и я пришлю другое» (ПД).

601. Стих., т. 3, 1900, с. 13, в разделе «Новые песни».

602. Стих., т. 3, 1900, с. 10, в разделе «Новые песни». В рецензии на третий том стихотворений Лохвицкой А. А. Голенищев-Кутузов писал: «... в сборнике еще встречаются такие перлы лирической поэзии, как стихотворение «Утро на море», «Желтый ирис», «Метель», «Утренний сон» и, наконец, «Я люблю тебя...», в которых с прежней яркостью сверкают лучи истинного вдохновения» (А. А. Голенищев-Кутузов, М. А. Лохвицкая (Жибер). Стихотворения, т. 3, Пб., 1900. — В сб. Отд. русского языка и словесности, 1905, т. XXVIII, № 1 (15-е присуждение премий им. А. С. Пушкина), с. 16.

603. «Север», 1899, № 10, с. 291. Входило в раздел «В лучах восточных грез» (Стих., т. 3). Автограф — ПД. Положено на музыку А. В. Таскиным.

604. «Север», 1899, № 25, с. 769. Печ. по Стих., т. 3, 1900, с. 50, в разделе «Под небом родины». Автограф — ПД. Положено на музыку С. Н. Василенко.

605. Стих., т. 3, 1900, с. 3, в разделе «Новые песни». Автограф — ПД.

606. Стих., т. 3, 1900, с. 3, в разделе «Легенды и фантазии». Автограф — ПД. В письме к М. А. Лохвицкой от 6 марта 1898 г. А. А. Голенищев-Кутузов отмечал: «Судя по некоторым из последних Ваших стихотворений, мне почему-то кажется, что Вас начинает привлекать таинственный мир средневековой фантазии... Станный, страшный, но неотразимо всеобразный мир, в котором воплощается одна из самых глубоких и неизведанных страниц человеческого духа. Мир этот был ведом и древним — в их религиозных таинствах; он же воскресает и теперь... в виде новых, малопонятных сект и учений. Не знаю почему, но мне кажется, что в нем Вы можете почерпнуть богатый материал для новых вдохновений и созданий, которые прославят Ваше имя. Впрочем, истинному дарованию нечего указывать дорогу — оно само безошибочно ее найдет» (ПД). *Саламандры* — в средневековых поверьях и магии — духи, олицетворяющие стихию огня и якобы живущие в огне.

607. Стих., т. 4, 1903, с. 71. В автографе ПД — без загл., после строфы 2 следовала дополнительная строфа:

Не обрывайте майских роз:
Их краски пурпуром богаты,
Они увянут без возврата,
Ни красоты, ни аромата
Вам не вернуть, как детских лет.
Любите их тепло и свято.

608. Стих., т. 5, 1904, с. 3, в разделе «Песни возрождения». Положено на музыку В. Е. Бюцевым, Ю. С. Сахновским.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- 1—3. *Между с. 224 и 225.*
Д. Л. Михаловский. Фотография (ПД).
Д. С. Мережковский. Фотография (ПД).
Н. М. Минский. Фотография (ПД).
- 4—6. *На обороте.*
К. Н. Льдов. Фотография (ПД).
А. А. Голенищев-Кутузов. Фотография (ПД).
Д. Н. Цертелев. Фотография (ПД).
- 7—9. *Между с. 256 и 257.*
С. А. Андреевский. Фотография (ПД).
О. Н. Чюмина. Фотография (ПД).
С. Г. Фруг. Фотография (ПД).
- 10—12. *На обороте.*
А. Н. Будищев. Фотография (ПД).
А. М. Федоров. Фотография (ПД).
П. С. Соловьева. Фотография («Русские поэты за сто лет»,
СПб., 1901).
- 13—15. *Между с. 416 и 417.*
А. А. Коринфский. Фотография (ПД).
К. Р. Фотография (ПД).
П. Д. Бутурлин. Фотография («Русские поэты за сто лет»,
СПб., 1901).
- 16—17. *На обороте.*
С. А. Сафонов. Фотография (ПД).
Д. М. Ратгауз. Фотография (ПД).
- 18—19. *Между с. 448 и 449.*
М. А. Лохвицкая. Фотография (ПД).
Д. П. Шестаков. Фотография (Собр. П. Д. Шестакова, Мо-
сква).
- 20—21. *На обороте.*
Ф. А. Червинский. Фотография («Русские поэты за сто лет»,
СПб., 1901).
И. О. Лялечкин. Фотография («Петербургская жизнь», 1894,
26 марта).

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты 1880—1890-х годов. *Вступительная статья Г. А. Бялого* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Д. Л. МИХАЛОВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	67
1. «Протестуй, пока ты в силах...»	69
2. «Что ты волнуешься, мятешься...»	70
3. Кубок жизни. <i>Вариация на мотив из Лонгфелло</i>	71
4. Мечты и действительность. <i>На мотив из Э. Манюэля</i>	72
5. «Со знаменем любви и мира...»	73
6. Когда ты хочешь трезвым взглядом...	74
7. Думы и грезы	75
8. После битвы	76
9. На берегу моря	76
10. Кошмар	77

Переводы

Генри Лонгфелло

11. Песня о Гайавате. Пролог	78
--	----

Фердинанд Дранмор

12—13. {Из поэмы «Вальс демонов»}	
(1) «Я не могу на колени...»	82
(2) «В мрачном пространстве собора...»	82

И. М. МИНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	84
14. Наше горе	88
15. Пред зарюю	89
16. В деревне	89
17. Серенада	90
18. Последняя исповедь	91
19. Белые ночи	97
20. Поэту	106
21. На чужом пиру	107
22. (Из поэмы «Песни о родине»). Песнь первая	112
23. «Есть гимны звучные, — я в детстве им внимал...»	115
24. Гелсманская почь	116
25. Ноктюрн («Полночь бьет... Заснуть пора...»)	125
26. Дума	126
27. «Не утешай меня в моей святой печали...»	127
28. «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...»	127
29. Октавы («Окончена борьба. Пустая спит арена...»)	128
30. Над могилой В. Гаршина	130
31. На корабле	131
32. Волна	131
33. Посвящение («Я цепи старые свергаю...»)	132
34. Осенняя песня	133
35. Вечерняя песня	133
36—41. Эпиграммы	
1. «Переводимы все — прозаик и поэт...»	134
2. Один из многих	134
3. Честному поэту	134
4. П — у	135
5. «Сперва блуждал во тьме он...»	135
6. «Вестнику Европы»	135
42. Два пути	135
43. Молитва («Прости мне, боже, вздох усталости...»)	136
44. Гимн рабочих	137
45. «Насытил я свой жаждный взор...»	137

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	139
46. «Мы бойцы великой рати!...»	142
47. «Знаю сам, что я зол...»	143
48. Поэту	145
49. На распутье	145
50. Кораллы	146
51. Усни	147
52. Поэту наших дней	148
53. «С тобой, моя печаль, мы старые друзья...»	149
54. Испытание (<i>Отрывок</i>)	149

55. Сакья-Муни	150
56. «С потухшим факелом мой гений отлетает...»	152
57. Смерть Надсона	152
58. «Кроткий вечер тихо угасает...»	154
59. «Как летней засухой сожженная земля...»	154
60. «В этот вечер горячий, немой и томительный...»	155
61. «Покою, забвенья!.. Успуть, позабыть...»	155
62. «Над немым пространством чернозема...»	155
63. Дон Кихот	156
64—65. Две песни шута	
1. «Если б капля водяная...»	158
2. «То не в поле головки сбивает дитя...»	159
66. «Летние, душевные ночи...»	160
67. «Дома и призраки людей...»	160
68. Одиночество	161
69. (Лирическое заключение из поэмы «Смерть»)	161
70. Возвращение	164
71. Парки	165
72. Ювенал о Древнем Риме	166
73. Изгнанники	167
74. В лесу	167
75. Дети ночи	168
76. Краткая песня	168
77. Голубое небо	169
78. Поэт	169
79. Темный ангел	170
80. Зимний вечер	170
81. Пустая чаша	171
82. Леонардо да Винчи	171
83. Март	172
84. Веселые думы	173
85. Двойная бездна	173
86. Молитва о крыльях	174

К. Н. ЛЬДОВ

<i>Биографическая справка</i>	175
87. «Город полуночной грезой объят...»	178
88. «Как пламя дальнего кадила...»	178
89. Кармелитка. <i>Средневековая легенда</i>	179
90. Спиноза. <i>Легенда</i>	180
91. «Бледнеют полночные тепы...»	183
92. «Не знаю почему — недвижная природа...»	184
93. Отшельник. <i>Набросок</i>	184
94. «Когда, прикинув к изголовью...»	185
95. «Смеркается. Тихо. Ни песен, ни шума...»	186
96. «Всё движется стройно: плывут облака...»	186
97. «Я не могу смотреть с улыбкою презренья...»	187
98. «Я верю в тайны сновидений...»	187
99. «Как слепо люди ненавидят...»	188

100.	«В осенний вечер дышит лес...»	189
101.	«В глуши сырой и ароматной...»	189
102.	«Скрывай сердечное волнение...»	190
103.	Всадник	190
104.	«Опять волнует вдохновение...»	191
105.	«Бывают дни, когда священную тревогу...»	192
106.	Идол	192
107.	Последний день	193
108.	«Чей разум, звезды, вас возвысил...»	194
109.	«Небо смеется... Полуденным блеском...»	194
110.	«Кто поймет, кто разгадает...»	195
111.	Астра	195
112.	«Позабыла душа о минувшем своем...»	196
113.	Слепцы	196
114.	«Ночь. Не сплю, томит забота...»	197
115.	Паладин	198
116.	«Твоей красой любуюсь жадно...»	198
117.	«Потускнели огни...»	199
118.	«Я на старинный лад пою...»	200
119.	«И мне безумие дано...»	200
120.	«Мятежный хмель разлит в природе...»	201
121—128.	(Из цикла, посвященного А. М. Микешинной - Баумгартен)	
1.	«Вчера всю ночь стучался в стекла...»	202
2.	«Ночь умерла. В тумане спнем...»	202
3.	«Отбросив земные одежды...»	203
4.	«Вот они — крутые верхние ступени...»	203
5.	«Убийца предстал пред судом...»	204
6.	«Думал я: бесплодно годы протекли...»	205
7.	Сумерки	205
8.	Мгла	207

Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВ

<i>Биографическая справка</i>	208	
129.	«Скользил наш челн, шуршал высокий очерет...»	212
130.	«Мы долго шли рядом одною дорогой...»	212
131.	«Не сотвори себе кумира...»	213
132.	«Ты скользишь над водами, играя...»	213
133.	«Море широкое, даль бесконечная...»	214
134.	«Я жду тебя — тебя не зная...»	214
135.	«Не думай тайну вечную творенья...»	214
136.	«Когда б я мог порвать оковы тела...»	215
137.	Фта	215
138.	«Туча промчалась и землю дождем напоила...»	216
139.	«Мне снился сон: кругом кипит сражение...»	216
140.	«Гаснет закат. Мой челнок над уснувшей рекою...»	217
141.	«За нею ты гоняешься напрасно...»	217
142.	«В грядущее нам света не пролить...»	218
143.	Памяти Вагнера	218

144.	«Мне снился сон: лучами золотыми...»	219
145.	«Зачем пытаться воскресить...»	219
146.	«Да, пламя жгучее в груди не угасает...»	220
147.	«Смеркается. Знакомыми полями...»	220
148.	А. А. Фету («Пусть лучшие давно промчались лета...»)	220
149.	Жертвоприношение Будды	220
150.	Молот	222
151.	«Всё, что лучами надежды манило...»	225
152.	«Опять зима, и птицы улетели...»	225
153.	«Твоя песня невнятно и тихо звучит...»	226
154.	«Всё, что является, снова вдали исчезает...»	226
155.	«Ищет ум наш пределов вселенной напрасно...»	226
156.	«Ты хочешь умчаться за тесные грани...»	226
157.	«Не сетуй, что светлая порвана нить...»	227
158.	«За пределами мира земного...»	227
159.	«Я хотел бы, отдавшись теченью...»	228

А. А. ГОЛЕНИЦЕВ-БУТУЗОВ

<i>Биографическая справка</i>	229	
160.	В четырех стенах	232
161.	Над озером	232
162.	«Меня ты в толпе не узнала...»	233
163—165.	Смерть	
	1. Колыбельная	233
	2. Трепак	234
	3. Серенада	236
166.	Торжество смерти	237
167.	«Меж тем как вокруг тельца золотого...»	238
168.	«Порой, среди толпы ликующей и праздной...»	239
169.	«Бушует буря, ночь темная...»	240
170.	«На шумном празднике весны...»	240
171.	Сын гаера	241
172.	Мольба	242
173.	Родная	242
174.	Плакальщица	243
175.	«Мне говорят: забудь тревоги дня...»	243
176.	«Расскажи мне, ветер вольный...»	244
177.	«Пока тебе душа моя...»	245
178.	К Н...у («Не пеняй на меня, мой взыскательный друг...»)	245
179.	«Прошумели весенние воды...»	246
180.	«Снилось мне утро лазурное, чистое...»	247
181.	М. П. Мусоргскому («Дорогой невзначай мы встретились с тобой...»)	247
182.	«Прекрасен жизни бред, волшебны и богаты...»	248
183.	«Для битвы честной и суровой...»	249
184.	«Так жить нельзя! В разумности притворной...»	250
185.	«Обнял землю ночи мрак волшебный...»	250
186.	Родному лесу	251
187.	Костер	252
188.	А. А. Фету («Словно голос листвы, словно лепет ручья...»)	252

189. А. Н. Майкову («Как солнце горные хребты...»)	253
190. «Когда, святилище души...»	254
191. «Не смолкай, говори... В ласке речи твоей...»	254
192. «Мне легче дышится на горных высотах...»	255
193. «Звездистый сумрак, тишина...»	255
194. «О муза, не зови и взором не ласкай!...»	256
195. Заря во всю ночь	256
196. Ночь	257
197. В Гурзуфе	257
198. «День кончен, ночь идет, — страшусь я этой ночи!...»	258
199. «Не в ласке девственной лазури...»	259
200. «В моей душе уж вечереет...»	259
201. В садах Италии	260
202. «В сонме поздних теней ты желанной звездой...»	260

С. А. АНДРЕЕВСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	262
203. Вопль	267
204. Счастье	268
205. «Много птичек скрылось...»	269
206. «Не повторяй, что радости превратны...»	269
207. «Я вспомнил детские года...»	270
208. «В начале жизненной дороги...»	270
209. «Неуловимая минутная отрада...»	271
210. Эхо (<i>Из Ф. Конне</i>)	271
211. Мрак	272
212. Петропавловская крепость	280
213. Пигмей	281
214. «Оглянись: эти ровные дни...»	283
215. «Грустно! Поизкли усталые руки...»	284
216. Dolorosa	284
217. Раскопки	284
218. Май	285
219. «Нельзя в душе уврачевать...»	286
220. Кончина Тургенева	286
221. «От милых строк, начертанных небрежно...»	288
222. «Я ревнив к этой зелени нежной...»	288
223. «Еду в сумерки: змняя тишь...»	288
224. На крыше конного вагона	289
225. Мадригал («Склоняюсь пред тобой, как робкий богомолец...»)	290
226. Мимо возрастов	290
227. Укор	291
228. «Сказал бы ей... по неволе...»	291
229. Отрывок («Чудесный вечер.. Мы уселись группой...»)	292
230. «Не отрывай пленительной руки...»	295
231. «Когда поэт скорбит в напевах заунывных...»	295

<i>Биографическая справка</i>	293
232. Призыв	299
233. Прометею	302
234. Дума («Вы вновь звучите мне, забытые мотивы...»)	303
235. «Горячих слез бушующее море...»	304
236. Сонет (<i>Надпись на портрете</i>) («Перед тобою храм с закры- тыми дверями...»)	304
237. На родине («Я вновь пришел к тебе, родная сторона...»)	305
238. <i>Иеремиада, I, 20, 22</i> («Уноси мою душу в ту синюю даль...»)	306
239. В капище	307
240. В Украине	308
241. Вестники весны	309
242. <i>Fata Morgana</i>	310

О. П. ЧЮМИНА

<i>Биографическая справка</i>	312
243. Бесправная	314
244. Молитва («Тучи темные нависли...»)	316
245. «Пусть, в битве житейской...»	317
246. У болота	318
247. «Чрез реки быстроводные, чрез сине моря...»	320
248. «Неясные думы томят...»	321
249. «Говорят, что порой, совлекая бесстрашно покровы...»	321
250. Бессонной ночью	322
251. На страже	323
252. «Когда посеяно зерно...»	324
253. Водоворот	325
254. Искра	326
255. «Как голоса иного мира...»	327
256. «Кто-то мне сказал...»	327
257—258. Из зимних снов	
1. «За окнами — снежно и бурно...»	328
2. «Таинственный час откровений...»	328
259. «Свободное слово, бессмертное слово...»	329
260. Колыбельная песня («Спи, младенец, год за годом...»)	329
261—263. Пробуждение весны	
1. «Тревожны вешние закаты!...»	330
2. «Как лепестки акаций белые...»	331
3. «Прилетели сюда из цветущей земли...»	332
264. В тумане	332
265. Бурную ночь	333
266. Прежде всего	333
267. Ночная стража. 1850. (<i>Из А. Ч. Суинберна. Пер(евод)</i> <i>с английского</i>)	334

А. П. БУДНИЦЕВ

<i>Биографическая справка</i>	337
268. «Росой горит слеза в моем унылом взоре...»	339
269. «В тихий сад, где к цветущим сиреням...»	339
270. Весна	340
271. На родине («Бледно-синий, сияющий купол небес...»)	341
272. «Словно в саване, дремлют туманом одетые пашни...»	341
273. Буря	342
274. После битвы	343
275. Стрекоза и одуванчик	344
276. Затишье («Заснули тихие поля...»)	346
277. «Темнеет; закат в позолоте...»	347
278. Кошмар	347
279. Триумфатор	349
280. Ночью	350
281. «Ты как тень замерла на пороге...»	352
282. «Тихо я садом иду; дремлют над речкой ракиты...»	352
283. «Роща дремлет серебряным гротом...»	353
284. «Недвижно облака повисли над землей...»	353
285. Монах	354
286. «Только вечер затеплится синий...»	355

П. С. СОЛОВЬЕВА

<i>Биографическая справка</i>	356
287. «Победил он могучих врагов...»	358
288. «Нет движенья в горах, всё замолкло и спит...»	359
289. Белая почь («Земля не спит, напрасно ожидая...»)	360
290. «В этих бледных снегах мне не видно пути...»	360
291. «Мы шли с тобой вдвоем... Какою душной тьмою...»	360
292. «Я ждал тебя с тревогой и сомнением...»	361
293. «Спит чудовище в сердце моем...»	361
294. «Свершился Страшный суд, и, взорами сверкая...»	362
295. Зимнею дорогой	362
296. «Там далёко, в синем море...»	363
297. Тайна смерти	363
298. Петербург	364
299. «Что-то страшно чернеет в углу...»	364
300. Дождь	365
301. Белая сирень	365
302. «Мы живем и мертвеем...»	366
303. Домá	366
304. «Ветер коснулся кустов обнаженных...»	367
305. Неизбежное	367
306. «Еще вчера весь день под окнами в канале...»	368
307. К ночи	368
308. «Помнишь, мы над тихою рекою...»	369
309. «Спит река в бреду своих туманов...»	370
310. Люди	370
311. В осеннем саду	371
312. В дороге	371

313. Майское утро	372
314. Пыль веков	373
315. Мертвая пляска	374
316. Серый волк	374
317. Полет	376
318. Шут	376
319. Ранняя обедня	382

А. М. ФЕДОРОВ

<i>Биографическая справка</i>	383
320. Элегия	387
321—323. На воле	
1. «Костер погас. Чуть-чуть дымится...»	387
2. «Заря! Восторженное пламя...»	388
3. «Солнце, солнце взошло!...»	388
324. «Где ты, молодость, с бурями шумными...»	389
325. Осенний вечер	389
326. Поэзия	390
327. Умиряющее лето	391
328. Снег падает	392
329. Под шум дождя	393
330. «Всё какие-то сны наяву...»	394
331. Грусть	394
332. Тени	395
333—338. В башкирской степи	
1. «Ковыль цветет. Вся степь как бы седая...»	395
2. «Какая даль! Какой простор!...»	396
3. Рассвет	397
4. Полдень	397
5. Вечер	398
6. Ночь	399
339. Моему сыну	399
340. «Опять я вижу берег дикий...»	400
341. «И осень уж давно, а дни еще румяны...»	401
342. Сумерки («Еще на небе ночь огней не зажигает...»)	402
343. «Нет, не просите у певца...»	402
344. Привет	403
345. Страх	403
346. «Запутался я в потемках, затерялся...»	404
347. «Отгремели в дымных тучах разыгравшиеся громы...»	405
348. Сердце поэта	405
349. О, умчи меня вдаль!	407
350. Пустыня	407
351. Башня безмолвия	408
352. Сирнус	408
353. Степная дорога	409
354. «Пора! Уж тишина давно гнетет кошмаром...»	412
355. «Шарманка за окном на улице поет...»	413
356. «Я весною люблю одиночество...»	413

А. А. КОРНИФСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	414
357. «Если в мгновенье тоски роковой...»	420
358. Я видел	421
359. «Безотчетные порывы...»	422
360. Из осенних набросков	423
361. В тумане	424
362. В вагоне	425
363. В полях	426
364. «Венок цветущих иммортелей...»	427
365. «Свободною душой далек от всех вопросов...»	428
366. «В стенах неволи городской...»	428
367. Никогда!	429
368. Круговорот	429
369. «Бледное, чахлое утро туманное...»	430
370. Влюбленные фавны (<i>Из классического мира</i>)	431
371. Святогор	432
372. Русалочья заводь (<i>Из волжских преданий</i>)	434
373. На чужом пиру	435
374. Во дни безвременья	437
375. «Поздно! Цветы облетают...»	438
376. Гигантские чаши	438
377. Карнавал. Южные картинки	439
378. «Роковые вопросы страстей...»	440
379. Красная весна	441
380. «Ты прав, мой друг: мы все чудес ждем в эти дни...»	445
381. Микла. <i>Песня о старом богатыре</i>	446
382. Ответ	449
383. Жигули	450
384. «Под темным наметом сосны вековой...»	450
385. «К пустынному приволью...»	451
386. Расчет	451
387. Памяти графа Алексея Константиновича Толстого	452

К. Р.

<i>Биографическая справка</i>	455
388. «Задремали волны...»	459
389. Псалмопевец Давид	459
390. Серенада («О дитя! Под окошком твоим...»)	460
391. «Помнишь, порою ночью...»	461
392. Затишье («Голубые покоились волны...»)	462
393. «Умолкли рыдания бури кипучей...»	463
394. «Уж гасли в комнатах огни...»	463
395. «Давно забытая под слоем пыли...»	464
396. Царь Саул	464
397. «Повеяло черемухой...»	465
398. «Растворил я окно, — стало грустно невмочь...»	465
399. Письмо из-за границы	466

400. «Распустилась черемуха в нашем саду...»	469
401. «Вчера мы ландышей нарвали...»	470
402. Умер	470
403. «Мне снилось, что солнце восходило...»	473
404. «Гаснет день. Я сижу под палаткою...»	474
405. «Садик запущенный, садик заглохший...»	474
406. «Пронеслись мимолетные грезы!...»	475
407. А. А. Фету («Отважно пройдена дорога...»)	476
408. «Озеро светлое, озеро чистое...»	476
409. Колокола	477
410. Уволен	477
411. «Ни звезд, ни луны. Небеса в облаках...»	481
412. У озера	482
413. Пред увольнением	482
414. «Не вчера ли, о море, вечерней порой...»	483
415. Зимой	483
416—417. На И м а т р е	
1. «Ревет и клокочет стремнина седая...»	484
2. «Над пенистой, бурной пучиной...»	485

И. Д. ВУТУРЛИН

<i>Биографическая справка</i>	486
-------------------------------	-----

Сонеты

418. Могила Шевченко	488
419. Тайна	488
420. Пляска смерти	489
421. Отзвуки	489
422. Царевич Алексей Петрович в Неаполе	490
423. Серый сонет	491
424. Сатана	492
425. Мать Сыра Земля	492
426. К ..... («Не верь, не верь толпе! Не умер Аполлон...»)	493
427. Андрей Шенья	493
428. Чехарда	494
429. «Родился я, мой друг, на родине сонета...»	494

Разные стихотворения

430. Суламита (<i>Подражание «Песне песней»</i>)	495
431. Байдера	496
432. После разговора	497
433. Рондо («Весною, в снытии радужных снов...»)	497
434. Элегия («Средь мечтаний сокровенных, мимолетным при- виденьем...»)	498
435. «Весь мир, как смертью, сном объят...»	499
436. Между днем и ночью	500
437. К ... («Нет, жить еще ты не устала!...»)	500
438. Уныние	501

439—441. Мальтийские песни	
1. «Ночи у моря мятежного...»	501
2. «Море, море голубое...»	502
3. «У моря поэтов, у моря богов...»	502
442. Сумерки на Украине	502
443. Пред зарю	503
444. Солдатик	504
445. Безлунная ночь	509
446. «В лучах луны планеты поблдедели...»	510
447. «Сердце, о бедное сердце усталое...»	510

С. А. САФОНОВ

<i>Биографическая справка</i>	512
448. Ночь («Темнее ночь — и думы всё темнее...»)	515
449. «Быть может, грусть моя когда-нибудь пройдет...»	516
450. «Молчи, душа, молчи!.. О чем твоя тревога?..»	516
451. «Мир объемлет трепет страсти...»	517
452. «Ночь потоком голубого света...»	517
453. Поэту наших дней	518
454. «Как вы мертвы, образы и звуки!..»	518
455. «Есть много прелести в дыханьи ранних гроз...»	519
456. «Смотри кругом: печален наш рассвет...»	519
457. Из «Венецианского альбома». («Сегодня тих, но сумрачен залив...»)	520
458. «Мы встретились с тобой... Ты много говорила...»	521
459. Вдохновение	521
460. «Это было давно... Я не помню, когда это было...»	522
461. «Я помню: вечный Рим, разгульный и мятежный...»	522
462. Посвящение	523
463. «Скажи мне, отчего теперь, когда кругом...»	524
464. На мотив Чайковского («Усни!.. Пускай в душе томленье и печали...»)	524
465. «Еще земля была засыпана снегами...»	525
466. «Всю ночь осенний дождь шумел и бушевал...»	525

Ф. А. ЧЕРВИНСКИЙ

<i>Биографическая справка</i>	527
467. «В дни битв, сомнений и печали...»	529
468. Поэту	530
469. На взморье	531
470—471. Из старой тетради	
1. «Словно сказочная фея...»	531
2. «Нас ревнует небо: мы сойтись хотели...»	532
472. «Тяжелый, душный зной...»	532
473. Белая ночь («Белая ночь, словно призрак, плывет над пустынной столицей...»)	532
474. Две доли	533
475. «Не надо мне ни встреч неожиданных...»	534

476. Листки из дневника	534
477. Тени минувшего. <i>На мотив А. Мюссе</i>	535
478. Спокойной ночи! <i>Из Шелли</i>	536
479. В Вероне. (<i>Из путевых эскизов</i>)	536
480. В Помпее. (<i>Из путевых эскизов</i>)	537
481. «Не знаю отчего — вы странно близки мне...»	538
482. «Смолкла тревога дневная. Назойливый говор затих...»	539
483. «Над городом немым пустынный диск луны...»	539

Д. М. РАТГАУЗ

<i>Биографическая справка</i>	541
484. «Мы сидели с тобой у заснувшей реки...»	544
485. В эту лунную ночь	545
486. «Закатилось солнце, заиграли краски...»	545
487. «Снова, как прежде, один...»	546
488. «Душе мечтательной и нежной...»	546
489. «Светит ли солнце на небе ликующем...»	547
490. День погас	547
491. «Ночь серебристая. Сад засыпающий...»	548
492. О минувшем забудь	548
493. Вечность	549
494. Приближение ночи	549
495. «Все мы — несчастные, все мы — заблудшие...»	550
496. «Легким ветром колышется штора...»	550
497. Сон души	550
498. «Мы одни. День печальный погас...»	551
499. Луна	552
500. Умчался день	552
501. Мне жаль всего	552
502. Мы откроем окна	553
503. Вся жизнь земная	554
504. Призраки счастья	554
505. «Эти грустные песни я где-то слышал...»	555
506. «Обмани мою душу усталую...»	555
507. Одиночество	556
508. «Опустив свой взор, смущенная...»	556
509. В звездную ночь	557
510. «В жажде паживы, в безумной погоне за славой...»	557
511. Гимн	558

И. О. ЛЯЛЕЧКИН

<i>Биографическая справка</i>	559
512. «Мятежным вихрем суеты...»	564
513. Рассвет	565
514. Свидание	565
515. Летом	566
516. «Мне не жаль, что ночь минула скоро...»	567
517. «Не вчера ли в тени, меж зеленых ветвей...»	568

518. Серенада («Пойдем со мной в тенистый сад...»)	568
519. Весна	569
520. Канун Купала (<i>Фантазия</i>)	569
521. Ожидание	572
522—523. Из Шопенгауэра	
1. К Канту	573
2. К Сикстинской мадонне	573
524. Весенний карнавал	574
525—526. Летние досуги	
1. «Вот опять мы одни...»	575
2. «Говорят, что порой полуночной...»	576
527. Северная мелодия	577
528. Осенний путь	578
529. Октябрь	578
530. Символическое	579
531. В альбом N—ой (<i>Сонет</i>)	580
532. Из Катулла Мендеса	581
533. Allegro («Прекрасна ты, — о, как прекрасна!...»)	581
534. Сонет («Покинем вертепы докучной тревоги...»)	582

Д. П. ШЕСТАКОВ

<i>Биографическая справка</i>	583
535. А. А. Фету («Твой ласковый зов долетел до меня...»)	586
536. На могилу Фета («Здесь лаврами венчанная могила...»)	586
537. «Я сойду в мой сад пораньше...»	586
538. «У моря, у тихого моря...»	587
539. «Челнока моего никому не догнать!...»	587
540. «Деревья чуть обвеяны листвою...»	588
541. «Если безмолвным и светлым волненьем...»	588
542. «Нас кони ждут... Отдайся их порывам!...»	589
543. Вакханка	589
544. «Осень в сердце твоём, и в саду у тебя...»	590
545. Романс («О, как далёко и как враждебно...»)	590
546. «Я уходил, тревожный и печальный...»	590
547. «Ты знаешь ли, как сладко одинокому...»	591
548. «Непогодную ночью осеннюю...»	592
549. «В золоте осеннем грустная аллея...»	592
550. «Голая береза шелестит о стекла...»	592
551. «Нет, не могила страшна...»	593
552. Измена	594
553. Петух	594
554. Фрейбург. <i>Картина Мюнне</i>	595
555. Статуя Минервы	595
556. Сион	595
557. Надпись на «Декамероне»	596
558. Собаки	596
559—561. Владивостокские ямбы	
1. «Не говори: уж всё воспето...»	596
2. «Порой взамен беспечной неги...»	597
3. «Какая тишина и нежность...»	597

Переводы

Из «Гомеровских гимнов»

562. К Гее, всеобщей матери	597
---------------------------------------	-----

Микеланджело

563—565. Сонеты	
1. «Моя любовь не в сердце у меня...»	598
2. «Когда любовь, как тихий гений, вест...»	599
3. «Сквозь бури моря в зыбком челноке...»	599

Теофиль Готье

566. «Если ждешь, чтоб я любила...»	600
---	-----

М. А. ЛОХВИЦКАЯ

Биографическая справка	601
----------------------------------	-----

567. Сафо	605
568. Песнь любви	606
569. «Да, это был лишь сон! Минутное виденье...»	606
570. «Зачем твой взгляд, и бархатный, и жгучий...»	607
571. «Если б счастье мое было вольным орлом...»	607
572. Змей Горыныч	608
573. Элегия («Я умереть хочу весной...»)	610
574. Черный всадник	610
575. «Из царства пурпура и злата...»	611
576. Сумерки («С слинянем дня и мглы ночной...»)	612
577. Вихорь	612
578. «Пустой случайный разговор...»	613
579. Джамиле	614
580. Умей страдать	615
581. Гимн Афродите	615
582. «Быть грозе! Я вижу это...»	616
583. «Мертвая роза»	616
584. «В кудрях каштановых моих...»	617
585. «Нивы необъятные...»	618
586. Моим братьям	618
587. Между лилий	619
588. Спящий лебедь	620
589. «Моя душа, как лотос чистый...»	621
590. Вакхическая песня	621
591. В наши дни	622
592. «Я не знаю, зачем упрекают меня...»	623
593. «Есть что-то грустное и в розовом рассвете...»	623
594. Предчувствие грозы	624
595. Лионель	624
596. Сопернице	625

597—598. Поэту	
1. «Если прихоти случайной...»	626
2. «Эти рифмы — твой иль ничьи...»	627
599. «Посмотри: блестя крылами...»	627
600. Метель	628
601. В белую ночь	629
602. Утро на море	629
603. «Я люблю тебя, как море любит солнечный восход...»	630
604. Заклипанье	630
605. «В моем незнапьи — так много веры...»	631
606. Саламандры	632
607. Не убивайте голубей	633
608. «Во тьме кружится шар земной...»	633
Примечания	635
К иллюстрациям	708

ПОЭТЫ 1880—1890-х ГОДОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1972,
728 стр. План выпуска 1972 г., № 319

Редактор *Д. М. Климова*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 24/VIII 1972 г. Подписано
в печать 21/XI 1972 г. М 58087. Бумага
84×108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 22³/₄+4 вкл. (38,64).
Уч.-изд. л. 35,74. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1146. Цена 1 р. 51 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ле-
нинградская типография № 5 Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговле.
Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

«Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Б о л ь ш а я с е р и я
Второе издание

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ
Избранные произведения

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА
(2 тома)

Л. А. МЕЙ
Избранные произведения

МУКИМИ. ФУРКАТ

М а л а я с е р и я
Третье издание

ПОЭТЫ ТУРКМЕНИИ

«Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А»

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Б о л ь ш а я с е р и я

Второе издание

ПОЭТЫ 1820—1830-х ГОДОВ

(2 тома)

И. ДЖАНСУГУРОВ, С. СЕЙФУЛЛИН

Стихотворения и поэмы

ЯНКА КУПАЛА

Избранное

В. В. КАПНИСТ

Избранные произведения

М а л а я с е р и я

Третье издание

ПОЭТЫ ТАДЖИКИСТАНА

ПОЭТЫ ЛАТВИИ
